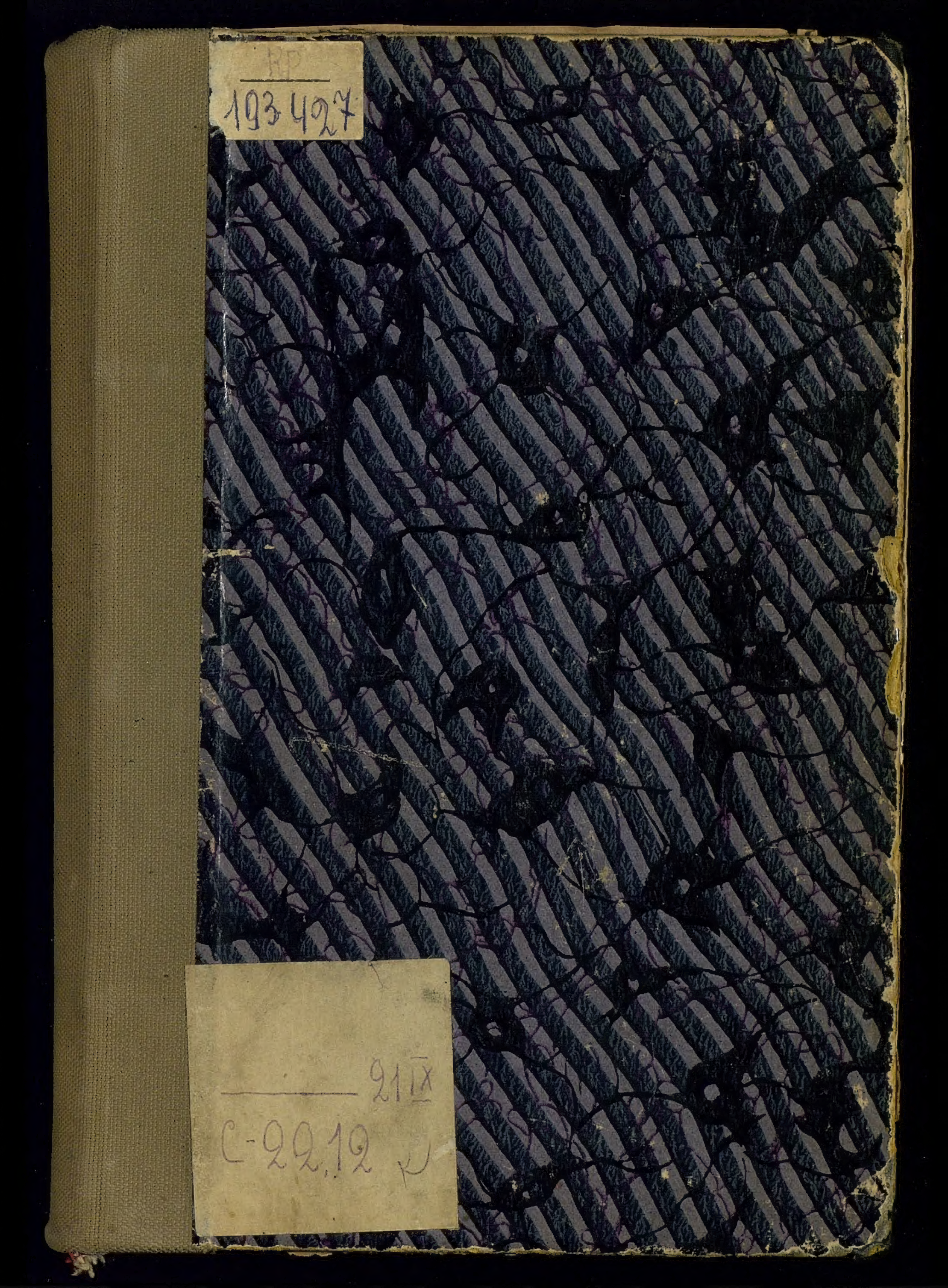
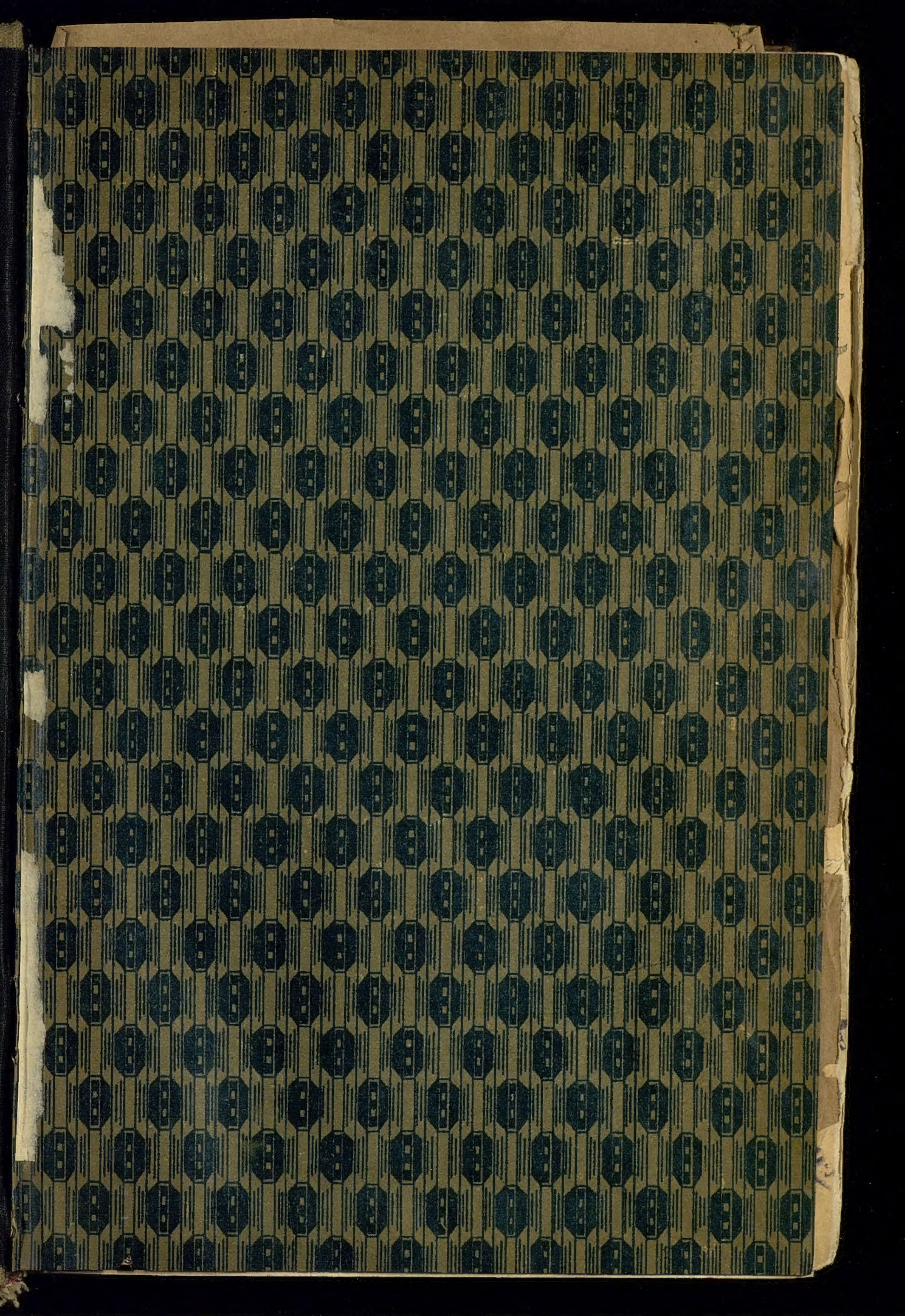
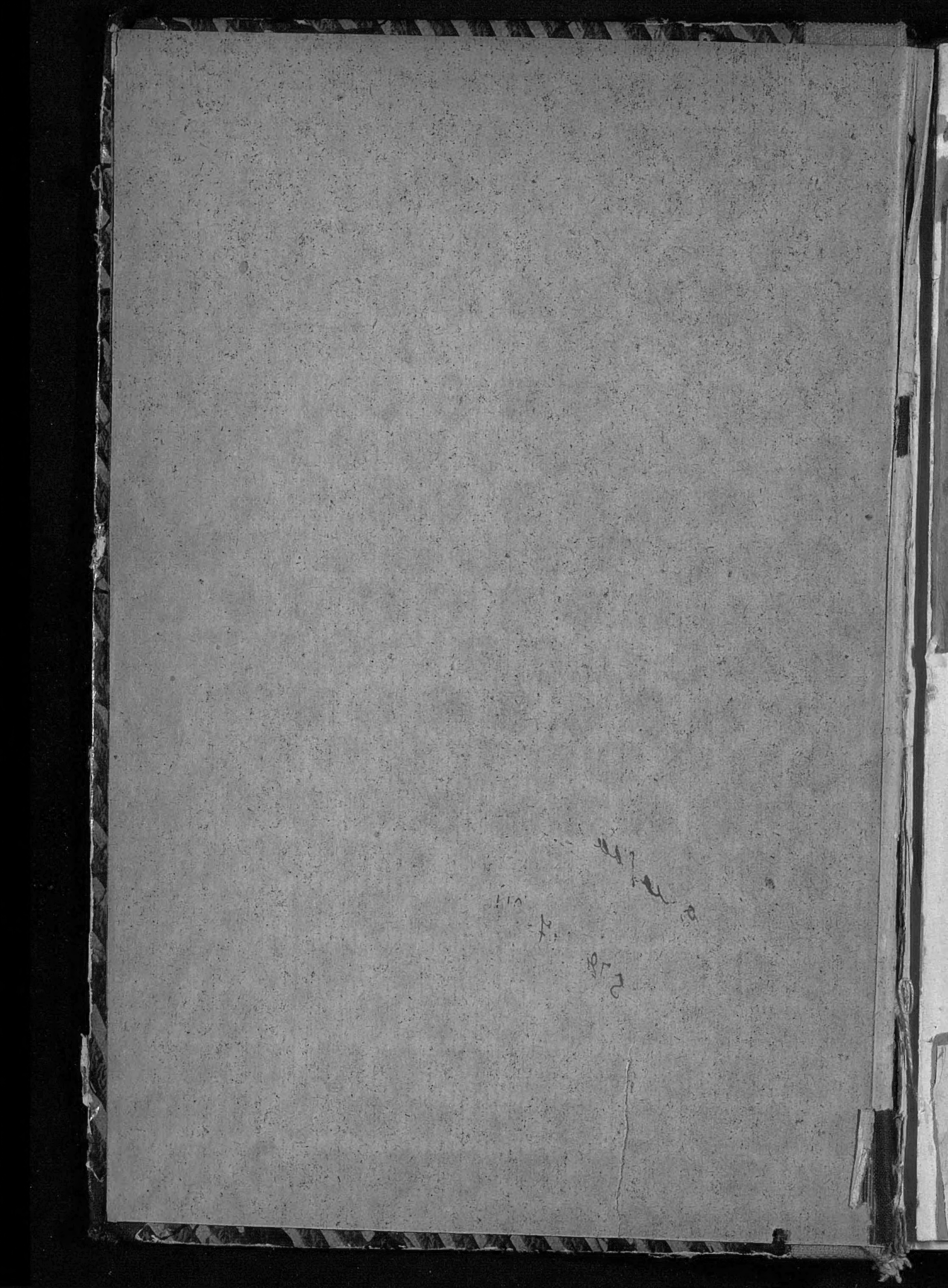








СБОРНИКЪ
СВѢДѢНІЙ
О
КАВКАЗСКИХЪ ГОРЦАХЪ.

ИЗДАНІЕ
КАВКАЗСКАГО ГОРСКАГО УПРАВЛЕНІЯ.

ВЫПУСКЪ IX.

ТИФЛИСЪ.

—

1876.

1 Белмошико

6/III - 27г. НШ

СБОРНИКЪ
СВѢДѢНІЙ О КАВКАЗСКИХЪ ГОРЦАХЪ.

ИЗДАНІЕ
Кавказскаго Горскаго Управленія.

Выпускъ IX.

ТИФЛИСЪ. 1876.

Загл.
серия 0
Анал. 0



СБОРНИКЪ

СВѢДѢНІЙ О КАВКАЗСКИХЪ ГОРЦАХЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

съ соизволенія

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА

Главнокомандующаго Кавказскою Арміею

ПРИ

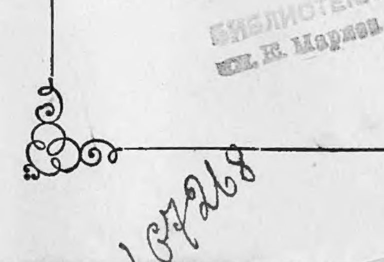
КАВКАЗСКОМЪ ГОРСКОМЪ УПРАВЛЕНІИ.

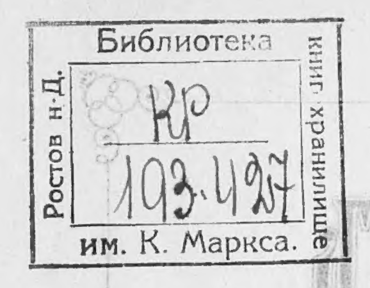
ВЫПУСКЪ IX.

ТИФЛИСЪ.

—

1876.







Въ Типографіи Главнаго Управленія Намѣстника Кавказскаго.

Содержаніе.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И МАТЕРІАЛЫ.

ИНГУШИ.

(ихъ жизнь и обычаи).

I.

Если кому случалось жить на сѣверномъ Кавказѣ, въ Терской области, тотъ, вѣроятно, слышалъ, что близь г. Владикавказа, въ верхней части бассейна р. Сунжи, обитаетъ небольшое племя подъ именемъ *ингушъ* *); они-же извѣстны и подъ именемъ *назрановцевъ*.

Нерѣдко, даже проѣхавши одинъ только разъ по территоріи, занимаемой ингушами, приходится долго помнить ихъ: отчаянно-вороватая натура ихъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, даетъ себя знать, и этимъ-то ингуши особенно и составили о себѣ печальную извѣстность. Самое слово «ингушъ», въ средѣ окрестныхъ жителей, приняло значеніе нарицательнаго имени, выражающаго собою всю сумму отрицательныхъ нравственныхъ качествъ человѣка.

Прежде-чѣмъ прослѣдить, до возможной степени, условія и причины развитія въ ингушахъ, богато-одаренныхъ природою, отрицательныхъ качествъ и изобразить современный характеръ проявленія этихъ отрицательныхъ качествъ и бытовую жизнь ингушъ, нелишнимъ будетъ обратиться къ ихъ прошлому, насколько это извѣстно изъ тѣхъ оффиціальныхъ и историческихъ данныхъ, которыя оказалось возможнымъ собрать подъ рукою.

*) Находящаяся на юго-востокѣ отъ г. Владикавказа и вблизи за нею Тарская долина извѣстна между ингушами подъ именемъ «Ангуштъ». Такъ-какъ, по своему географическому положенію, Тарская долина, или *ангуштъ*, служила единственнымъ удобнымъ плоскостнымъ мѣстомъ для переселенцевъ изъ горъ, то несомнѣнно, что эти переселенцы, предки настоящихъ ингушъ, получили названіе отъ имени сказанной долины.

Ингуши или, какъ они себя называютъ, *галга*, есть потомки выселившихся изъ горъ джераховцевъ, кистинцевъ, галгаевцевъ и другихъ жителей сосѣднихъ съ ними горскихъ обществъ. Многія изъ ингушскихъ фамилій и до настоящаго времени имѣютъ свои башни въ горахъ и весьма близкія родственныя связи съ горцами.

Еще въ первой половинѣ прошлаго столѣтія ингуши подъ этимъ именемъ уже были извѣстны русскимъ; ихъ также называли *кистами* или *киштинцами*.

Въ 1769 году, ингуши, какъ народъ *трудолюбивый и покойный*, желая избавиться отъ аксайскихъ кумыковъ и кабардинцевъ, въ зависимости отъ которыхъ они находились тогда, вошли съ просьбою о принятіи ихъ въ подданство Россіи. Въ томъже году они были приняты въ подданство Россіи и выдали отъ себя аманатовъ. Для обезпеченія-же ихъ отъ обидъ и притѣсненій со стороны кумыкъ и кабардинцевъ, бывшій тогда кизлярскій комендантъ опредѣлилъ къ нимъ одного кизлярскаго служилаго дворянина и 10 человѣкъ казаковъ, подъ видомъ обращенія ихъ въ христіанство, такъ-какъ въ то время ингуши были еще язычниками *).

Кромѣ того, еще въ 1744 году, россійское правительство обратило вниманіе на ингушъ съ цѣлью возстановленія между ними падшаго христіанства, а въ 1747 году послѣдовало распоряженіе принимать ихъ въ подданство Россіи **).

Когда именно началось переселеніе ингушъ изъ горъ на плоскость, опредѣлить достовѣрно не возможно, но, судя по тому, что ингуши подъ этимъ именемъ уже были извѣстны русскимъ въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, нужно предположить, что переселеніе это совершилось еще задолго до нашего знакомства съ ними. Во второй половинѣ того-же столѣтія ингуши уже несомнѣнно обитали на плоскости, такъ-какъ въ 1784 году, при ингушской деревнѣ *Зауръ*, была основана крѣпость Владикавказъ ***).

Что побудило горцевъ предпринять выселеніе на плоскость, рѣшительно невозможно опредѣлить, по отсутствію сколько нибудь достовѣрныхъ свѣдѣній, не только письменныхъ, но даже и

*) См. Матер. для Нов. Исторіи Кавказа съ 1722 по 1803 г. П. Буткова. С.-Пб. 1869 г. ч. I, стр. 300.

**) Тамъ-же, стр. 515.

***) Тамъ-же, ч. II, стр. 165.

устныхъ; однако-же несомнѣнно, что главною причиною выселенія части ингушъ на плоскость было, какъ численное размноженіе ихъ, такъ, вѣроятно, и недостатокъ земли, пастбищъ и другихъ угодій въ горахъ для поддержанія хозяйства. Вообще мѣстность, занимаемая джераховцами, кистинцами, галгаевцами и другими горскими обществами, откуда выселились ингуши, представляетъ весьма скудныя средства не только для веденія какого-бы то ни было хозяйства, но нерѣдко и для самой жизни: вся территорія, занимаемая этими обществами, находясь у подошвы сѣверной стороны главнаго хребта Кавказскихъ горъ, представляетъ изъ себя рядъ загроможденныхъ камнями ущелій и скалистыхъ гребней, съ отсутствіемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже признаковъ растительности.

Высказанное сейчасъ предположеніе о причинѣ переселенія ингушъ изъ горъ получитъ еще большую степень достовѣрности, если мы примемъ въ соображеніе современное экономическое положеніе горцевъ, очерченное мною въ статьѣ «Экономическій и домашній бытъ жителей Горскаго участка Ингушевскаго округа», въ III выпускѣ «Сборника свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ», — положенія, развившагося при болѣе благопріятныхъ политическихъ условіяхъ жизни горцевъ, нежели условія прошлой ихъ жизни.

Выселившіяся изъ горъ ингуши занимали сначала верховья рр. Сунжи и Камбилеевки (Тарскую долину), а также и правый берегъ р. Терека, при выходѣ этой рѣки изъ горъ на плоскость. По мѣрѣ увеличенія числа выселявшихся изъ горъ, ингуши постепенно спускались ниже по Сунжѣ и Камбилеевкѣ и, наконецъ, при заселеніи въ 1860 г. Тарской долины (ст. Тарская) и верховья р. Сунжи (ст. Сунженская и поселокъ Ахки-юртовскій) казаками, ингуши окончательно были скучены на настоящемъ мѣстѣ ихъ жительства.

Какъ племя немногочисленное и условіями жизни въ горахъ пріученное къ тяжелому труду, путемъ котораго только и представлялась возможность къ существованію, а слѣдовательно и не воинственное,—ингуши, при выселеніи на плоскость, весьма естественно должны были подпасть подъ власть наиболѣе сильныхъ племенъ, хозяйничавшихъ на той мѣстности, куда они выселялись. Такимъ образомъ, за право пользованія удобствами плоскостной жизни, ингуши обязаны были платить дань то кабардинцамъ, то кумыкамъ и даже шамхалу тарковскому. Слабость и невозможность силою отражать притязанія охотниковъ до дани ставили

ингушъ нерѣдко въ необходимость платить дань многимъ хозяевамъ за разъ. — Это положеніе, какъ сказано выше, подтверждается просьбою ингушъ въ 1769 году о принятіи ихъ въ подданство Россіи и такимъ образомъ объ избавленіи ихъ изъ-подъ зависимости кумыкамъ и кабардинцамъ.

Хотя ингуши въ томъ-же 1769 году и были приняты въ подданство Россіи, но, тѣмъ не менѣе, фактическая зависимость ихъ отъ кабардинцевъ все-таки продолжала тяготѣть надъ ними и ингуши по-прежнему платили дань кабардинцамъ, въ годъ по одному барану со двора, а у кого не было барановъ, то желѣзомъ на одну косу.

Наконецъ, въ 1773 году, ингуши, сильно притѣсняемые и раззоряемые кабардинцами, отказались повиноваться ихъ требованіямъ и обратились къ бывшему тогда корпусному командиру генералу де-Медему съ просьбою о защитѣ и покровительствѣ, утверждая, что хотя они временно и платили дань кабардинцамъ, но подвластными имъ себя не считали, а тѣмъ менѣе послѣ вступленія своего въ подданство Россіи. Кабардинцы-же, въ свою очередь, доказывали, что ингуши древніе ихъ подданные и данники. Когда пререканіе это дошло до свѣдѣнія высшаго правительства, то россійскій дворъ, въ томъ-же 1773 году, предписалъ генералу де-Медему, «чтобы не отклонять ингушъ отъ кабардинцевъ, дабы не раздражать ихъ болѣе, такъ-какъ ингуши сами сознались, что были ихъ данники» *). Такого рода подчиненность ингушъ кабардинцамъ продолжалась до 1779 года, когда кабардинцы возстали противъ россійскаго правительства.

При усмиреніи Кабарды и при приводѣ ихъ 9 декабря того-же года вновь къ вѣрноподданнической присягѣ, между прочимъ, было поставлено и слѣдующее условіе:

«Осетинцамъ поколѣній дугорскаго, каражавскаго, куртатскаго, олагирскаго, тагаурскаго; также ингушамъ и всѣмъ прочимъ состоящимъ въ россійскомъ подданствѣ, пріемлющимъ св. крещеніе и переселяющимся въ Моздокъ и въ другія мѣста линіи, не только въ томъ не препятствовать, но отнюдь ихъ ни коимъ образомъ не притѣснять, ибо кабардинцы всѣ притязанія на нихъ имѣли по одному праву сильнѣйшихъ. Въ случаѣ какихъ-либо обидъ отъ нихъ кабардинцамъ, приносить жалобу россійскимъ начальствамъ, а самимъ не управляться» **).

---

*) Тамъ-же, ч. I, стр. 303, примѣч. 1-е.

**) Тамъ-же, ч. I, стр. 60.

Хотя этимъ постановленіемъ ингуши какъ будто и избавлялись отъ необходимости платить кабардинцамъ дань, то, на самомъ дѣлѣ, они все-таки нѣтъ-нѣтъ да и подвергались притязаніямъ то однихъ, то другихъ своихъ сосѣдей, бывшихъ властителей ихъ. Такъ, въ январѣ 1784 года, шамхалъ тарковскій Мурзалій прислалъ прошеніе на Высочайшее имя о принятіи его въ подданство Россіи, при чемъ просилъ оставить въ подчиненіи его ингушскій народъ на прежнемъ основаніи, утверждая, что на этомъ народѣ остались еще его подати *).

Малочисленность ингушскаго племени, съ одной стороны и съ другой — невозможность русскимъ войскамъ, занятымъ въ то время болѣе серьезными дѣлами на всемъ протяженіи Кавказа, во-время являться на помощь къ ингушамъ для огражденія ихъ матеріальнаго благосостоянія, еще долго фактически оставляли ихъ на произволъ сильныхъ и притязательныхъ сосѣдей. Такъ, въ постановленіи о сословіяхъ въ Кабардѣ, составленномъ кабардинцами въ началѣ нынѣшняго столѣтія, 25-й пунктъ гласитъ:

«Кабардинскіе князья имѣютъ въ подданствѣ разныхъ сословій горцевъ, а именно: карабулаковъ, назрановцевъ, ингушъ, осетинъ и абазинцевъ, кои платятъ дань, по нижеслѣдующему порядку: ингуши, назраны и карабулаки ежегодно платятъ по очереди кабардинскимъ князьямъ по рублю серебромъ съ дома и тотъ князь, который получитъ тѣ деньги, долженъ весь годъ отъ обиды ихъ защищать и даетъ для того человѣка, который состоитъ на всемъ довольствіи отъ нихъ съ лошадью; притомъ ему даютъ нѣсколько платья за охраненіе» **).

Когда именно ингуши перестали окончательно платить дань своимъ сосѣдямъ—кабардинцамъ и другимъ, нѣтъ достовѣрныхъ свѣдѣній; но, по заявленію старожилъ, время это настало въ первой половинѣ настоящаго столѣтія. Это заявленіе старожиловъ, впрочемъ, подтверждается и тѣмъ договоромъ, который былъ заключенъ бывшимъ комендантомъ крѣпости Владикавказской, генералъ-маіоромъ Дельпоцо, съ представителями тогдашнихъ ингушскихъ фамилій, 22 августа 1810 года.

Договоръ этотъ, опредѣляя отношенія и обязательства ингушъ къ нашему правительству, представляетъ весьма интерес-

---

*) Тамъ-же, ч. II, стр. 134.

**) «Исторія Адыхейскаго народа Шора-Бекмурзинъ-Ногмова, стр. 160. Кавк. календ. на 1862 годъ.

ный историческій документъ, который, въ видахъ сохраненія его считаю нелишнимъ привести здѣсь цѣликомъ *).

«По взаимному и обоюдному Его Императорскаго Величества Всероссійскаго Государя Императора генералъ-маіора крѣпости Владикавказской коменданта Дельпоцо и всего ингушевскаго народа согласенію, мы, нижепоименованные шесть фамилій ингушевскаго вольнаго и никому неподвластнаго народа, лучшіе и почетнѣйшіе люди, съ каждой фамиліи по десяти человѣкъ,—съ доброй нашей воли и общаго согласія между собою, условились и согласились Его Императорскому Величеству Всероссійскому Государю Императору вступить вѣчно на вѣрность подданства и обладаніе наше на условіяхъ и обязательствахъ слѣдующихъ:

1.

Отъ нынѣ впредь на вѣчныя времена, мы, ингушевскій вольный и ни отъ кого независимый народъ, считающійся въ родахъ шести фамилій: Торгемова, Цецме-Бохова, Агіева, Картугова, Яулурьева и Хамхоева и потомство наше Его Императорскому Величеству Всероссійскому Государю Императору Александру Павловичу и его Наслѣднику, кто назначенъ будетъ, вступаемъ добровольно въ совершенное вѣрно-подданническое состояніе, а притомъ обязуемся:

2.

Всѣхъ враговъ Россійскому престолу Его Императорскаго Величества, почитая за таковыхъ здѣшнихъ окружающихъ насъ магометанскаго закона народовъ, мы должны считать равнымъ образомъ своими врагами и безъ вѣдома и позволенія здѣшняго начальства россійскаго миръ заключать со оными отнюдь мы не должны; въ противномъ случаѣ, если мы сами собою съ оными миръ заключимъ, тогда должны мы сами почитаться врагами Россіи, и за то подвергаемъ себя справедливому наказанію отъ россійскаго начальства.

3.

Во всякое время, когда россійскому начальству востребуется надобность противъ здѣшнихъ народовъ съ россійскимъ войскомъ дѣйствовать непріятельскою рукою, тогда обязаны мы давать оному отъ себя изъ общества нашего тысячу человѣкъ во-

*) Документъ этотъ, не представляющій сомнѣнія, какъ по внѣшнему своему виду, такъ и по подлинной подписи генерала Дельпоцо, обязательно сообщенъ мнѣ въ подлинникѣ подполковникомъ Сергѣемъ Федоровичемъ Базоркинымъ, однимъ изъ почетнѣйшихъ представителей ингушскаго народа.

оруженнаго помощнаго войска, съ такимъ условіемъ: чтобы оное до окончанія дѣйствія было довольствовано провіантомъ на основаніи россійскаго солдата, взятая-же отъ общаго непріятеля нашего нами всякаго рода добыча представлена было-бы въ нашу пользу неотъемлемо.

4.

Всѣ тѣ народы здѣшняго края, которые съ Россіею въ дружбѣ, согласіи и подданствѣ оной находятся, мы должны признать за нашихъ друзей и пріятелей, и отнюдь съ оными не имѣть никакихъ враждебныхъ поступковъ, исключая частныя нѣкоторыя малозначащія ссоры, о коихъ удовольствія должны искать не сами собою, но черезъ здѣшняго россійскаго начальника. Въ противномъ-же случаѣ, кто будетъ управляться самъ собою, тотъ долженъ быть наказанъ по россійскимъ законамъ.

5.

Если чеченцы, карабулаки и прочіе непріязненные Россіи народы, гдѣ ни есть будутъ прокрадываться воровскими партіями съ намѣреніемъ учинить на россійскіе обозы и команды, проходящіе по грузинской дорогѣ, нападенія и сдѣлаютъ грабежи и разбои и мы о томъ получимъ свѣдѣнія, тогда должны мы тотчасъ давать знать находящемуся у насъ россійскому начальнику и ближайшему посту. А буде при нападеніи оными на русскихъ услышаны пушечные выстрѣлы, тогда, равнымъ образомъ, дать знать находящемуся у насъ начальнику. Сами обязаны тотчасъ скакать къ тому мѣсту на встрѣчу сихъ разбойниковъ и, старанія не щадя, своей крови и жизни, поражать оныхъ, отнимать отбитую ими у русскихъ добычу и доставлять оную къ ближайшему отъ того мѣста россійскому начальнику.

6.

Ежели случится, что кто ни есть изъ нашихъ, съ тѣми разбойниками согласясь для содѣланія злаго ихъ намѣренія вообще, пропуститъ умышленно черезъ нашу землю и потомъ по слѣдствію откроется правда, тогда виновниковъ сего проступка обязаны мы выдать начальнику россійскому въ крѣпости Влакикавказской безпрекословно.

7.

Ежели изъ нашего общества кто ни есть осмѣлится убить россійскаго солдата, купца или другого какого званія россійскаго вѣрноподданнаго, тогда обязаны мы виновниковъ всемѣрно стараться отыскать, поймать и отдать въ руки россійскаго началь-

ства въ крѣпость Владикавказскую. Ежели оные въ скоромъ времени куда-либо уйдутъ, тогда отдать все ихъ семейство и имущество.

8.

Если кто ни есть изъ нашего общества всякаго званія россійскихъ людей ограбитъ и ранитъ, или не ограбитъ, а ранитъ, съ оными поступить на томъ-же основаніи, какъ и за убитаго.

9.

Если кто изъ нашего общества будетъ передерживать у себя чеченцевъ и прочихъ непріязненныхъ Россіи народовъ людей, умышляющихъ противъ Россіи зло, а самъ на то будетъ съ ними согласенъ и отъ того сдѣлается вредъ, потомъ будетъ открыто, тогда того передержателя и соучастника въ злоумышленіи отдать въ руки россійскаго начальства, а если онъ убѣжитъ —все его семейство и имущество.

10.

Отъ нынѣ впредь навсегда, мы и потомство наше обязуемся: кабардинцамъ, чеченцамъ и прочимъ здѣшнимъ магометанскаго закона народамъ податей отнюдь никакихъ не платить (какъ было до сего), а ежели противъ сего преступимъ и будемъ давать подати онымъ, тогда россійское начальство имѣетъ съ нами поступить яко съ врагами своими.

11.

Со времени заключенія нами сего обязательства и на вѣчныя времена, мы и потомство наше обязуемся: къ проповѣдыванію и введенію у насъ магометанскаго закона эфендіевъ, мулловъ и прочихъ особъ духовныхъ магометанскихъ отнюдь не принимать, не допускать и мечетей не строить, а ежели противъ сего преступимъ, тогда россійское начальство имѣетъ поступить съ нами яко съ врагами своими.

12.

Всѣхъ родовъ здѣшнихъ окружающихъ насъ народовъ людей, пріѣзжающихъ къ намъ съ подмущеніемъ, чтобы мы отъ подданства и вѣрности россійскому государю отступили, сдѣлались съ ними союзниками и притомъ Россіи врагами, или съ приглашеніемъ противъ русскихъ на воровство и разбои, таковыхъ мы обязаны тотчасъ переловить и доставить въ руки россійскаго начальства; а ежели сего не исполнится и причинится вредъ Россіи, тогда должны мы всемѣрно стараться отыскать соучастниковъ нашихъ въ семъ злоумышленіи и выдать оныхъ въ руки россій-

скаго начальства; ежели-же и сего не исполнимъ, тогда подвергаемъ себя всѣ безъ изъятія наказанію—яко измѣнники и нарушители общаго спокойствія.

13.

Съ теперешняго нашего жительства, находящагося при урочищѣ, именуемомъ Насранъ, безъ позволенія россійскаго начальства, мы отнюдь не должны никуда переходить и переселяться, не только всѣ, но даже и малымъ количествомъ семействъ, а если противъ сего явимъ себя ослушниками и преступниками, то подвергаемся за то строжайшему наказанію.

14.

Если-бы случилось, что мы по легкомыслію своему всѣ вообще нарушили сдѣланную нами въ вѣрноподданнической обязанности Государю Императору клятву и сдѣлались черезъ то измѣнниками и бунтовщиками, тогда начальство россійское имѣетъ справедливость поступить съ нами точно такъ, какъ съ своими непріятелями.

15.

Для защищенія нашего отъ внѣшнихъ враговъ нашихъ, по милости главнаго начальства здѣшняго, мы принимаемъ въ селеніе свое часть россійскаго войска, какая намъ будетъ поставлена, на которую провіантъ возить изъ крѣпости Владикавказской, дрова доставлять въ ихъ жилища, больныхъ солдатъ отвозить въ крѣпость Владикавказскую, мы обязуемся сами собою, на своихъ подводахъ, безъ платы.

16.

Коль скоро будетъ поставлено къ намъ россійское войско для защищенія нашего отъ внѣшнихъ нашихъ непріятелей съ тѣмъ, чтобы оное осталось у насъ навсегда, то вмѣстѣ съ тѣмъ тогда-же должны мы сами для построенія жилищъ оному войску доставить потребный на оное строевой лѣсъ и прочія надобности на собственныхъ нашихъ подводахъ безъ всякой за то платы.

17.

Россійскому войску, у насъ находящемуся, отнюдь не долженъ никто изъ насъ причинять никакихъ обидъ, притѣсненій и озлобленій, равно и оное намъ такимъ-же образомъ; въ противномъ-же случаѣ какъ той, такъ и другой стороны виновные должны быть наказаны смотря по винѣ безъ поноровки.

18.

Если-бы случилось противъ чаянія, что командѣ сего войска

изъявляли мы какую непріятность общую, похожую на заговоръ нашего возмущенія, и причинится чрезъ то вредъ, тогда со всѣми нами поступить яко съ непріятелями Россіи.

19.

Чтобы сохранить намъ всю силу сего акта и соблюсти вѣрность Его Императорскому Величеству, Всемилостивѣйшему Государю нашему Россійскому Императору, Наслѣднику Его Императорскаго Величества, кто назначенъ будетъ, интересамъ пользѣ Его Императорскаго Величества принадлежащимъ, къ общему спокойствію и благополучію нашему поставленнымъ, мы, нижепоименованные лучшіе и почетнѣйшіе люди, съ каждой фамиліи по 10 человѣкъ, по обычаю нашему, по особому присяжному листу, предъ всемогущимъ Богомъ небеснымъ и почитаемымъ нами за святость кумиромъ находящимся въ горахъ, именуемымъ Гальердъ, утверждаемся клятвою; и наконецъ

20.

Въ залогъ твердѣйшей нашей вѣрности къ россійскому престолу, мы отдаемъ еще изъ оныхъ нашихъ шести фамилій, по выбору россійскаго начальства, въ крѣпости Владикавказской находящагося, лучшихъ и почетнѣйшихъ и сильнѣйшихъ семействъ шесть человѣкъ аманатовъ, на казенное содержаніе, которыхъ перемѣнять через каждые четыре мѣсяца, а при случаѣ болѣзни оныхъ и прежде. Сей обязательный актъ заключили мы съ россійскимъ генералъ-маіоромъ Дельпоцо и приложили перстныя свои печати въ крѣпости Владикавказской. Августа 22-го дня 1810 года.

На подлинномъ приложены перстныя печати представителей фамиліи Торгемова: Хобре, Цогалъ, Карцалъ, Махомедъ, Тамыръ, Али, Ахпотъ, Бузуржа, Мурзабекъ и Кажыра.

Фамиліи Цецме-Бохова: Сакалъ, Тебо, Оздемиръ, Чочь, Добре, Мена, Эльмурза, Зоуръ, Кайвыръ и Коте.

Фамиліи Агіева: Чимурза, Хауца, Дозъ, Кайтуко, Жебаръ, Чора, Урцханъ, Багецъ, Хуса и Ареби.

Фамиліи Картугова: Аты, Шомакъ, Петрушка, Наурузъ, Кулбышъ, Умаръ, Тачь, Хуса, Епецъ и Педи.

Фамиліи Ялурьева: Обета, Долтуко, Нагай, Дозъ, Туханкъ, Кой, Темботъ, Абатъ, Сраль и Музуръ.

Фамиліи Хамхоева: Умахай, Ахтозъ, Али, Мусалъ, Чора, Койсынъ, Дулакъ, Моростъ, Бока и Орцханъ».

II.

Покончивъ съ необходимостью, при подданствѣ Россіи, быть вассалами кабардинскихъ князей, ингуши, съ установленіемъ въ сосѣдней Чечнѣ власти Шамиля, нерѣдко подвергались опасности подчиниться нравственному вліянію этого имама и служить орудіемъ его честолюбивыхъ замысловъ. Искренняя-ли прежняя преданность ингушъ къ русскому правительству или ихъ слишкомъ близкое сосѣдство съ русскими крѣпостями, всю губительную силу которыхъ имъ пришлось-бы испытывать прежде другихъ на себѣ, не приводили попытокъ Шамиля къ желанному успѣху.

За все столѣтнее подданство Россіи, ингуши только одинъ разъ, и то при участіи чеченцевъ—атагинцевъ, открыто и всею силою возстали-было противъ нашего правительства, въ 1782 г.; но по прибытіи къ нимъ отряда, состоявшаго изъ одного баталіона пѣхоты, одного эскадрона драгунъ и сотни казаковъ, безъ сопротивленія покорились, дали присягу и въ заложники восемь человѣкъ *).

Еще съ этого отдаленнаго времени появились попытки, и даже принималось за правило, для упроченія нашей власти на Кавказѣ, ссорить между собою кавказскія племена, «дабы они, ослабляя свои силы, оставляли больше насъ въ покоѣ». Въ виду достиженія этой цѣли, различными способами ингуши и чеченцы были поссорены между собою и въ іюнѣ 1783 году сразились, имѣя съ каждой стороны до 1000 человѣкъ; результатомъ битвы этой было пораженіе ингушъ и отбитіе у нихъ до двухъ тысячъ штукъ баранты **).

Насколько необходимо было прибѣгать къ такого рода политикѣ между кавказскими горцами и отдавать интересы одного племени на жертву другимъ, мы не беремся разбирать, но всю пагубность этого рода дѣйствій между полудикими людьми, всю непригодность системы подкуповъ вліятельныхъ туземцевъ и разныхъ проходимцевъ, нерѣдко практиковавшуюся во время кавказской войны, приходится уразумѣть лишь въ настоящее время. Только теперь ясно сознается, какими ненадежными проводниками цивилизаціи были эти средства и какую ненадежную почву

---

*) Мат. для нов. ист. Кавказа П. Буткова, ч. II, 110 и 111.

**) Тамъ-же, стр. 111.

подготовили онѣ для замѣны меча такими гуманными учрежденіями, какъ созданныя «Судебными Уставами» 20 ноября 1864 года, при попыткахъ ввести самоуправленіе и другія нововведенія, знаменующія собою извѣстную степень развитія народа, къ которому примѣняются эти нововведенія.

Конечно, если-бы мы, подобно американцамъ, стремились лишь къ той цѣли, чтобы стереть съ лица Кавказа туземныя племена, то о пригодности для этой цѣли вышеприведенныхъ средствъ и говорить нечего: онѣ были избираемы удачно; но если, при покореніи Кавказа, имѣлось въ виду сдѣлать обитателей его равноправными членами государства, какъ это теперь и есть на самомъ дѣлѣ, — то намъ остается пожалѣть о прошлыхъ ошибкахъ.

Все это говорится, само-собою разумѣется, не съ цѣлью бросить упрекъ бывшимъ дѣятелямъ на Кавказѣ, которые, собственно говоря, тутъ ни въ чемъ и не повинны, ибо самая война, какъ явленіе ненормальное, не только допускаетъ, но и требуетъ отступленія отъ установившихся, внѣ этого явленія, понятій о нравственныхъ и международныхъ отношеніяхъ, мотивируясь извѣстнымъ правиломъ: inter arma silent leges; — но констатируемъ вышеприведенные факты лишь для того, чтобы оправдывая себя, не взвалить отвѣтственности на однихъ туземцевъ за тѣ ихъ нѣкоторыя моральныя черты, которыя такъ непріятно поражаютъ насъ теперь.

Не станемъ говорить, какихъ трудовъ и усилій стоитъ измѣнить укоренившіяся десятками, а можетъ-быть и сотнями лѣтъ, понятія ингушъ, предоставляя самимъ читателямъ вывести объ этомъ заключеніе изъ послѣдующаго изложенія нравственныхъ качествъ этого народа и бытовой ихъ жизни, выработавшейся подъ давленіемъ упомянутыхъ условій военнаго времени.

Всѣ старанія о томъ, чтобы ослаблять ссорами кавказскихъ туземцевъ, принося извѣстную долю выгодъ, въ то-же время причиняли и вредъ, ибо такое, напримѣръ, слабое племя, какъ ингушское, не имѣя возможности стать открыто въ враждебныя отношенія съ сильнѣйшими сосѣдями безъ посторонней поддержки, должно было лицемѣрить, чтобы не попасть между двухъ огней. Ингуши, и вслѣдствіе географическаго положенія занимаемой ими территоріи, болѣе нежели другіе кавказскіе туземцы, были поставлены въ необходимость придерживаться правила «и нашимъ и вашимъ». Соприкасаясь съ одной сто-

роны съ довольно-сильнымъ русскимъ центромъ—Владикавказомъ и съ другой — имѣя не менѣе сильныхъ въ былое время сосѣдей кабардинцевъ и чеченцевъ, ингуши должны были, примѣняясь къ обстоятельствамъ, угождать тому, кто представлялъ въ данное время болѣе гарантій для ихъ существованія. Только со времени прочнаго заселенія Сунженской линіи, ингуши, какъ люди съ довольно-сильно развитой въ нихъ практической смѣткой, поняли, что всѣ шансы на сторонѣ русскихъ и окончательно примкнули къ намъ. Собственно говоря, ингуши и до настоящаго времени не могутъ похвалиться искреннею преданностью намъ, такъ-какъ и по сю пору они въ отдѣльныхъ единицахъ не переваривають господства русскихъ—гяуровъ, но о прошломъ ихъ союзѣ съ русскими мы говоримъ въ смыслѣ цѣлаго племени.

Шамиль, господствуя въ Чечнѣ и хорошо сознавая, какую сильную и выгодную въ стратегическомъ отношеніи представляетъ мѣстность, занимаемая ингушами и замыкающая доступъ отъ Владикавказа на долину р. Сунжи за Назраномъ,—трижды порывался привлечь на свою сторону ингушъ и всякій разъ терпѣлъ неудачи. Особенно чувствительное пораженіе было нанесено ему, и почти исключительно силами однихъ ингушъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1840 года. Ни сорока-тысячная армія Шамиля, съ которою онъ, по увѣренію ингушъ, подступилъ къ Назрану, ни прокламаціи, ни различныя обѣщанія земныхъ и райскихъ благъ, не сломили ингушъ. За блистательное отраженіе скопищъ Шамиля и за вѣрность ингуши удостоились получить знамя и нѣкоторыя привиллегіи, которыми и пользовались до 1858 года *).

Историческая вражда и наконецъ понесенное Шамилемъ и его чеченскою арміею въ 1840 году пораженіе, естественно возбудили между ингушами и чеченцами сильное неудовольствіе и навсегда положили предѣлъ всякимъ попыткамъ къ сближенію этихъ народовъ. Въ силу этихъ обстоятельствъ, и послѣдующія попытки Шамиля въ 1846 году, при вторженіи въ Кабарду, и въ 1858 г., при возстаніи нѣкоторой части ингушъ, не послужили на пользу ему. Въ 1858 г., не смотря на существовавшіе безпорядки между ингушскимъ народомъ и неудовольствіе противу мѣстныхъ властей, ингуши не поддались льстивымъ обѣщаніямъ Шамиля, не приняли

---

*) Главныя привиллегіи, данныя ингушамъ, заключались въ томъ, что они были избавлены отъ несенія подводной повинности и за ними было утверждено право владѣнія землею на всей территоріи, занимаемой ими въ 1840 году.

его помощи, съ которою онъ поспѣшилъ къ нимъ, и такимъ образомъ ему, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, и въ послѣдній разъ не удалось сближеніе съ ингушами.

III.

Если въ цѣломъ своемъ племенномъ составѣ ингуши считались преданными нашему правительству, то этого никакъ нельзя было сказать въ отношеніи отдѣльныхъ единицъ. Въ этихъ отдѣльныхъ случаяхъ ингуши были самыми отчаянными врагами нашими и тѣмъ болѣе злыми врагами, что, дѣйствуя въ-одиночку и тайно и имѣя по сосѣдству непокорную Чечню, имѣли возможность всѣ совершаемыя ими злодѣянія сваливать на непокорныхъ и такимъ образомъ лишали нашу власть средствъ къ преслѣдованію и наказанію виновныхъ.

Жилища ингушъ, въ видѣ хуторовъ, разбросанныя до 1858 года чуть не въ-одиночку по всему занимаемому ими пространству и обыкновенно у лѣсныхъ опушекъ и въ другихъ глухихъ мѣстахъ, представляли надежныя убѣжища разнымъ хищническимъ партіямъ и абрекамъ, совершавшимъ всевозможныя возмутительныя преступленія на мѣстности между Назраномъ и Владикавказомъ. До чего трудно и опасно было сообщеніе между этими двумя пунктами еще въ относительно-недавнее время, можно судить по тому, что до 1859 года, т. е. до времени окончательнаго покоренія Чечни, сообщеніе это производилось не иначе какъ съ оказіей, для сопровожденія которой назначались пѣхота и казаки. Ѣзда въ-одиночку не допускалась, а когда это необходимо было, то для сопровожденія проѣзжающаго назначался отдѣльный конвой изъ казаковъ. Еще до-сихъ-поръ такъ называемая воровская балка, находящаяся въ 7 верстахъ отъ Назрана и представляющая старое ложе р. Камбилеевки, сохранила за собою, по воспоминанію, репутацію очень не безопаснаго пункта на дорогѣ къ Владикавказу. И дѣйствительно, извилистая балка эта, по положенію своему, представляла очень удобное скрытное мѣсто для жаждавшихъ добычи.

Не говоря уже объ опасностяхъ прошлаго, но и настоящее для проѣзжающаго по ингушской территоріи нерадостно и за-

ставляетъ нерѣдко учащать біеніе сердца проѣзжаго, особенно если кому приходится проѣзжать ночью, на что впрочемъ рѣшаются немногіе изъ людей, знающихъ ингушскую сторонку. Не смотря на всѣ предохранительныя мѣры, какъ учрежденіе по дорогѣ постовъ и ночныхъ разъѣздовъ, — чего уже давно не существуетъ во многихъ мѣстахъ Кавказа,—случаи убійствъ, разбоевъ и грабежей здѣсь довольно часты, и при этомъ нужно замѣтить, что иногда случаются убійства безъ всякой корыстной цѣли—pour passer le temps, какъ говорятъ французы,—для одного лишь удовольствія подстрѣлить русскаго; въ этихъ случаяхъ почти всегда преступники остаются необнаруженными, по отсутствію какихъ-бы то ни было слѣдовъ ихъ.

Если таково настоящее, то можемъ-же себѣ вообразить, что было прежде, въ лучшія времена для ингушъ. До чего небезопасны были сосѣдство ингушъ и ихъ непомѣрная дерзость для русскихъ населеній, можно судить по тому количеству разнородныхъ преступленій, которыя совершались, такъ сказать, подъ самыми стѣнами Владикавказа, крѣпостной валъ котораго зіялъ жерлами грозныхъ пушекъ. Теперь трудно, конечно, собрать точную цифру этихъ преступленій; но достаточно сказать, что владикавказскихъ старожиловъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и пишущій эти строки, ни сколько въ былое время не изумляли эти случаи, — дотого нерѣдки и можно сказать повседневны бывали они.

Не ограничиваясь убійствами и разбоями, совершавшимися на дорогахъ и въ поляхъ, ингуши, очень часто, среди бѣлаго дня и въ виду жителей Владикавказа, похищали дѣтей, неосторожно выходившихъ за крѣпостной валъ. Удальство и отчаянность ингушъ наконецъ доходили до того, что они совершали свои преступныя дѣянія даже въ самомъ Владикавказѣ и исчезали совершенно безнаказанно. Такъ, десятка два съ небольшимъ лѣтъ тому назадъ, во Владикавказѣ было два интересныхъ случая, въ которыхъ своею удалью фигурировали ингуши: въ одномъ случаѣ съ базара, находившагося въ срединѣ форштата, былъ увезенъ въ плѣнъ мальчикъ, а въ другой разъ на улицѣ, также въ присутствіи жителей, было совершено убійство, и въ обоихъ случаяхъ ингуши безнаказанно и лихо исчезали съ форштата, не смотря даже на то, что имъ приходилось скакать мимо множества часовыхъ.

Правда, что для обузданія слишкомъ бушевавшей натуры ингушъ принимались мѣры въ видѣ высылки вредныхъ людей

изъ края, наложенія на селенія денежныхъ взысканій и даже нерѣдко прибѣгали къ посредству висѣлицы; но всѣ эти мѣры только казались хорошими, ибо ссыльные очень часто, убѣгая съ мѣста ссылки, возвращались на родину и, еще болѣе озлобленные, кидались на все и не щадили ничего, что называлось русскимъ; денежныя взысканія также не приводили къ желанной цѣли, такъ-какъ все заплаченное селеніями возвращалось имъ по обычаю самими виновными, совершившими преступленіе, за которое было наложено взысканіе, если эти виновные были извѣстны,—а они бывали извѣстны въ большинствѣ случаевъ; въ противномъ-же разѣ сами поплатившіеся изыскивали средства возмѣстить свои потери и, конечно, это возмѣщеніе шло на счетъ русскихъ. Висѣлица еще менѣе представляла гарантіи для порядка и спокойствія: вмѣсто одного повѣшеннаго разбойника, мы, въ лицѣ оставшихся его родственниковъ, по обыкновенію многочисленныхъ и разжигаемыхъ жаждою мести, пріобрѣтали цѣлый легіонъ ихъ. Говоримъ безъ преувеличенія, что за каждаго повѣшеннаго и вообще убитаго нами мы платились жизнью десятка людей.

На ряду съ такими ненадежными средствами къ обузданію ингушъ, намъ приходилось, для достиженія какой-нибудь цѣли, прибѣгать къ разнымъ хитростямъ, уловкамъ и обѣщаніямъ. Такъ, нерѣдко давалось прощеніе и денежное поощреніе одному изъ участниковъ какого-нибудь преступленія за обнаруженіе или выдачу начальству своихъ товарищей. Само-собою разумѣется, что охотниковъ поживиться русской щедростью являлось даже больше, чѣмъ требовалось. Пользовались этимъ способомъ наживы, конечно, преимущественно люди сомнительной честности и потому нерѣдко платились деньги за ложныя свѣдѣнія или мнимыя услуги; такой порядокъ вещей создалъ между ингушами особенный видъ промышленныхъ людей — доказчиковъ и лазутчиковъ, или, какъ сами ингуши называли послѣднихъ, «лазурчиковъ». Эти «лазурчики», помимо ловкаго извлеченія изъ кармановъ начальствующихъ привлекательныхъ полуимперіаловъ, умѣли такъ хорошо поставить себя, что у бывшихъ высшихъ властей они считались наиболѣе довѣренными, близкими людьми. Какъ люди приближенные къ начальству и въ высшей степени корыстолюбивые и безнравственные, они много дѣлали зла какъ своимъ, такъ и намъ.

При всей своей умственной малоразвитости, ингуши очень

хорошо понимали такую систему дѣйствій по отношенію къ нимъ, и ясно сознавая, что мы главнымъ образомъ приближаемъ къ себѣ людей, пользующихся въ ихъ средѣ общимъ презрѣніемъ,—естественно не могли симпатизировать и довѣрять намъ.

Недовольные или обиженные, а также и всѣ, совершившіе какое-либо преступленіе и боявшіеся за это возмездія, спѣшили бѣжать къ непокорнымъ и составляли тотъ видъ нашихъ непріятелей, которые были извѣстны подъ именемъ абрековъ. Эти абреки, составляя изъ себя въ былое военное время нѣчто въ родѣ политической партіи недовольныхъ русскимъ правительствомъ, послѣ окончанія войны на Кавказѣ превратились въ простыхъ разбойниковъ. Еще и въ настоящее время между ингушами существуютъ абреки; но теперь это уже люди исключительно совершившіе какое-нибудь преступленіе и бѣжавшіе, чтобы избавиться отъ заслуженнаго наказанія. Обыкновенно, этихъ людей поймать невозможно, хотя они едва-ли не живутъ у себя дома, охраняемые бдительными родственниками; но ихъ нерѣдко истребляетъ само время и различныя случайности; такъ, довольно часто ингуши-абреки оказываются убитыми при совершеніи какого-нибудь новаго преступленія. Когда-же случай не приходитъ на помощь, а между-тѣмъ партія абрековъ уже начинаетъ слишкомъ сильно давать себя знать, то, по старой памяти, открываются съ ними дипломатическіе переговоры, и абреки, подъ условіемъ смягченія наказанія за совершенныя ими преступленія, а иногда и полнаго прощенія, добровольно отдаются въ руки властей.

По поводу изложенныхъ выше причинъ нерасположенія къ намъ ингушъ могутъ замѣтить, что главнымъ основаніемъ къ этому нерасположенію служили и служатъ также религіозныя причины, которыя отдаляютъ отъ насъ чеченцевъ, кумыкъ и другихъ мусульманъ-фанатиковъ изъ числа обитателей Кавказа. Смѣю увѣрить, что, по отношенію къ ингушамъ, религія, по-крайней-мѣрѣ въ прошломъ, не играла никакой роли на пути сближенія нашего съ этимъ народомъ. Можно сказать, что только теперь, послѣ покоренія Чечни, ингуши начинаютъ становиться истыми мусульманами, имѣя въ каждомъ селеніи муллъ чеченцевъ, учениковъ Дагестана, которые съ особеннымъ рвеніемъ набросились наставлять ингушъ на путь мусульманства. До этого-же ингуши, какъ кровные враги съ Шамилемъ, главнымъ руководителемъ исламизма въ восточной части Кавказа, были очень плохими мусульманами, въ чемъ мы можемъ убѣдиться какъ изъ прошлыхъ,

3

такъ и изъ современныхъ ихъ взглядовъ на религію, о чемъ и скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

IV.

Отсутствіе возможности строго преслѣдовать своевольства и преступныя стремленія ингушъ и отсутствіе почти всякихъ средствъ къ нравственному воспитанію ихъ, конечно, какъ нельзя болѣе способствовали развитію въ нихъ преступныхъ и кровожадныхъ инстинктовъ.

За исключеніемъ двухъ-трехъ мальчиковъ изъ наиболѣе почетныхъ фамилій ингушъ, которыхъ посылали въ кадетскіе корпуса, гдѣ давалось имъ образованіе лишь для виду, съ выпускомъ ихъ въ офицеры нерѣдко изъ 3-го и даже 2-го класса, — главнымъ нравственно-образовательнымъ заведеніемъ былъ устроенный во Владикавказѣ домъ, подъ названіемъ «Аманатъ». Аманатъ этотъ былъ ничто иное, какъ гауптвахта, тѣсное и грязное помѣщеніе, куда заключали малолѣтнихъ ингушъ — заложниковъ. Половина этого зданія вмѣщала въ себѣ заправскихъ арестантовъ. Живые и энергичные по природѣ, ингуши изъ такого жалкаго способа воспитанія и сближенія съ нами выносили качества совершенно противоположныя тѣмъ, какія быть можетъ ожидались отъ нихъ.

Достигались-ли нами какіе-либо благіе результаты отъ взятія изъ ингушевскихъ фамилій мальчиковъ — заложниковъ, не знаемъ, но что эти заложники, разлученные надолго съ роднымъ очагомъ и лишенные свободы, голодные, оборванные и нравственно-развращенные, становились по выходѣ изъ аманата нашими злѣйшими врагами—это можно сказать съ достовѣрностью. Нѣкоторое знакомство даже съ русскимъ языкомъ — и то обращалось ингушами во вредъ намъ: это знаніе предоставляло имъ еще болѣе обширное поприще для ихъ преступной дѣятельности, ибо, владѣя русскимъ языкомъ, они вторгались въ такія сферы, гдѣ незнакомымъ съ нимъ врагамъ нашимъ не представлялось возможности вредить намъ.

Помимо воспитательныхъ способовъ, шедшихъ какъ разъ

не къ той цѣли, къ которой, по-видимому, должно было-бы стремиться, ненависть и враждебность слишкомъ рѣзко проявлялись и искусственно поддерживались даже между подраставшимъ поколѣніемъ ингушъ и русскихъ.

Мнѣ очень хорошо помнится, какъ десятка два-три лѣтъ тому назадъ, ради потѣхи бывшихъ во Владикавказѣ вліятельныхъ лицъ, устраивались кулачныя побоища между дѣтьми жившихъ по сосѣдству съ Владикавказомъ ингушъ и русскаго населенія и съ какимъ ожесточеніемъ происходили эти дѣтскія свалки, имѣвшія иногда и кровавыя послѣдствія. Наиболѣе храбрые и отличившіеся въ этихъ свалкахъ удостаиваемы были наградъ оловянными крестами, конфектами и орѣхами.

Даже теперь, проѣзжая по ингушскимъ селеніямъ, зачастую можно наткнуться на кучку едва поднявшихся отъ земли мальчугановъ и дѣвочекъ, которые, посылая проѣзжему русскому въ слѣдъ плевки, сопровождаютъ это самою отборною русскою бранью. Естественно, что такое направленіе съ дѣтства, поддерживаемое потомъ всевозможными способами и въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, не могло ингушамъ дать скоро залоговъ дружелюбнаго отношенія къ намъ—русскимъ.

Къ исчисленнымъ причинамъ, неблагопріятно вліявшимъ на ингушъ, въ заключеніе прибавимъ еще нѣсколько словъ о томъ вліяніи, какое оказывало на нихъ окружающее ихъ казачье населеніе.

Заселеніе Сунженской и Ассинской линій, какъ извѣстно, производилось путемъ вызова охотниковъ заселять новыя станицы на передовой линіи, съ назначеніемъ денежнаго пособія отъ казны на первоначальное обзаведеніе и съ дарованіемъ нѣкоторыхъ льготъ. На этотъ кличъ шли жители изъ старыхъ надтеречныхъ станицъ, крестьяне внутреннихъ губерній, малороссы, донскіе и другіе казаки, словомъ преимущественно тѣ, которымъ нечего было терять на родинѣ. Эти люди, лозунгомъ которыхъ было слово «не плошай», дали намъ превосходныхъ бойцовъ, составившихъ славу сунженскихъ казаковъ, оказавшихъ громадную услугу въ дѣлѣ покоренія Чечни; но—съ другой стороны—отсутствіе въ нихъ многихъ нравственныхъ качествъ не могло благопріятно влiять на ингушъ.

Всѣ исчисленныя условія, въ совокупности взятыя, создали тотъ типъ людей, которые извѣстны намъ подъ именемъ ингушъ; какъ оффиціальную характеристику ихъ, считаю не лишнимъ при-

вести здѣсь высказанное о нихъ мнѣніе въ 1864 году, т. е. вскорѣ послѣ окончанія войны на восточномъ Кавказѣ, въ донесеніи бывшаго начальника Ингушскаго округа къ начальнику Терской области. Въ этомъ донесеніи, между прочимъ, о нравственномъ и умственномъ развитіи ингушъ было выражено слѣдующее:

«Въ Россіи общее мнѣніе о горцахъ довольно лестное: ихъ привыкли воображать какими-то рыцарями. Но чѣмъ больше знакомишься съ ними, чѣмъ чаще приходишь съ ними въ столкновеніе, тѣмъ рѣзче выясняется ошибочность такого мнѣнія. Въ дѣйствительности туземцы скорѣе дикіе звѣри, нежели рыцари. Грязные душой и тѣломъ, чуждые благородства, незнакомые съ великодушіемъ, корыстолюбивые и вѣроломные, они въ высшей степени исполнены себялюбія и самосохраненія. Самая ихъ пресловутая храбрость есть кровожадность или разсвирѣпѣлость дикаго звѣря. Напасть на безоружнаго, убить слабаго, зарѣзать соннаго—дѣло не только обыкновенное, но и обычное. Гостепріимство, первобытная добродѣтель всѣхъ народовъ, установило обычаи, которые придаютъ горцамъ нѣкоторыя стороны благородства; но и гостепріимство горцевъ ниже того, какъ привыкли воображать его: безъ расчета туземецъ не испечетъ гостю чурека, не зарѣжетъ барана. Было не мало примѣровъ, что гости обкрадывали хозяина и хозяинъ — гостей. Вообще они лживы, изворотливы, коварны и хищны. Искаженіе нравственности туземцевъ, нужно полагать, произошло въ кровавыхъ переворотахъ отъ начала ихъ переселенія въ горы и лѣса; поддержано новыми нашествіями, всевозможными лишеніями и дикою грозною природою. Хотя они прожили вѣкъ религіозный (минувшая война), но это поэтическое настроеніе не очистило ихъ душу. Умственное развитіе далеко опередило нравственное. Они очень искусные дипломаты, какъ между собою, такъ и съ русскимъ правительствомъ, чрезвычайно тонки, остроумны и дальновидны въ своихъ дѣйствіяхъ. Эти качества развиты въ нихъ прошлыми насиліями и войной, а нынѣ способствуетъ имъ врожденная ихъ недовѣрчивость и подозрительность. Но не смотря на ихъ здоровыя и дальновидныя соображенія, они весьма ограничены въ самыхъ простыхъ понятіяхъ объ общественномъ, семейномъ и житейскомъ бытѣ, а еще болѣе въ отношеніи души и сердца. Ихъ необузданность во многихъ случаяхъ равняется дѣтской. Самый ничтожный предлогъ, какая-нибудь ссора двухъ лицъ за барана, абаза, возъ сѣна и т. п., подымаетъ цѣлыя партіи, готовыя взяться за оружіе и перестрѣ-

ливаться до-тѣхъ-поръ, пока не разгонятъ ихъ силою. Пуговица, гвоздь, обрѣзокъ сукна, ремень, веревка, составляютъ желанія одного и возбуждаютъ зависть другого»...

V.

Ингуши, судя по сходству нарѣчія ихъ съ чеченскимъ языкомъ, несомнѣнно одного племени съ чеченцами. Это предположеніе находитъ себѣ подтвержденіе и въ нѣкоторыхъ общихъ обычаяхъ, которыхъ придерживаются чеченцы и ингуши, и въ ихъ близкомъ сосѣдствѣ по мѣсту первоначальнаго ихъ жительства.

Религія ингушъ въ настоящее время мухаммеданская. Упроченіе этой религіи началось главнымъ образомъ, какъ упомянуто выше, со времени покоренія Чечни и Дагестана, т. е. когда муллы изъ этихъ мѣстностей Кавказа получили свободный доступъ во всѣ части края. До этого-же времени религія ингушъ представляла что-то смѣшанное: на ряду съ намазомъ, праздновался день воскресенія и соблюдались языческіе обряды.

Судя по сохранившимся въ Галгаевскихъ горахъ, обитателями которыхъ были ингуши, памятникамъ христіанства: церкви на р. Ассѣ, часовень въ различныхъ мѣстахъ горъ и изображенія крестовъ, высѣченныхъ изъ камня, нужно заключить, что еще въ недавнее относительно время и приблизительно около XVII—XVIII столѣтій ингуши исповѣдывали христіанскую религію.

Если принять въ соображеніе, что населеніе ингушъ примыкало къ правому берегу р. Терека, т. е. къ нынѣшней военно-грузинской дорогѣ, которая издавна существовала для сообщенія Кавказа съ Закавказьемъ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что распространеніе христіанства шло и поддерживалось изъ сосѣдней Грузіи. Не менѣе достовѣрно и то, что Грузія, обезсиленная въ прошломъ столѣтіи внѣшними и внутренними войнами и безпорядками, утратила свое вліяніе на горцевъ, которые, какъ весьма неразвитые люди, не могли собственными силами поддерживать христіанскихъ вѣрованій и перешли къ болѣе простой и доступной религіозной формѣ—язычеству.

Какъ уже сказано выше, еще въ 1744 году наше правительство обратило вниманіе на ингушъ, съ цѣлью возстановленія меж-

ду ними падшаго христіанства. Съ этою цѣлью, не имѣя возможности непосредственно поддерживать распространеніе между осетинами и ингушами христіанства, правительство наше поощряло къ этому грузинскихъ духовныхъ лицъ, занимавшихся обращеніемъ въ христіанство ингушъ и осетинъ. Въ этомъ дѣлѣ поощренія принялъ участіе и Святѣйшій Сѵнодъ «по воспріятой надеждѣ къ ихъ (ингушъ и осетинъ) обращенію, въ разсужденіи всегда оказыванной ими къ тому склонности, и въ разсужденіи еще и того, что по оставшимся въ ихъ жилищахъ слѣдамъ старыхъ церковныхъ строеній, предки ихъ были христіане, почему подлинно многіе изъ нихъ и крестятся съ великою охотою и желаніемъ» *).

Для большаго привлеченія охотниковъ къ принятію христіанства изъ числа прибывавшихъ въ Кизляръ, гдѣ было устроено такъ называемое осетинское подворье, принявшимъ христіанство и желавшимъ возвратиться въ свои жилища выдавалось въ награжденіе: знатнымъ по 20 рублей, а прочимъ кормовыя деньги; кромѣ того лица эти принимались въ подданство Россіи, а находившимся въ Осетіи духовнымъ лицамъ производилось жалованье, причемъ для раздачи въ Осетіи холста и проч. отпускалось 500 руб.

Въ 1752 году, для болѣе успѣшнаго обращенія осетинцевъ и ингушевцевъ въ христіанство, была учреждена осетинская коммиссія, начальникомъ которой былъ назначенъ грузинскій архимандритъ Пахомій, который съ причетниками въ томъ-же году и прибылъ въ Осетію изъ С.-Петербурга.

Для поощренія новообращенныхъ и въ видахъ изъявленія имъ Высочайшей милости, въ 1756 году повелѣно было: «присылаемымъ отъ нихъ въ Кизляръ и Астрахань для дѣлъ ихъ давать изъ казны кормовыя деньги: старшинамъ по 10, а рядовымъ каждому по 3 копѣйки на день; а которые будутъ пріѣзжать для продажи скота и прочаго купечества, и тѣхъ отъ обыкновенныхъ пошлинъ увольнять, а вмѣсто ихъ брать пошлины съ россійскихъ купцовъ, купившихъ у нихъ товары»; отъ нихъ-же въ замѣну того требовалось возвращать россійскихъ плѣнныхъ, когда они къ нимъ попадутся. По указу въ 1758 году повелѣно было не взимать пошлины «съ вещей для употребленія къ церковному строенію и для расхода при церквахъ съѣстныхъ и прочихъ припасовъ» **).

---

*) Матер. для Новой Исторіи Кавказа П. Буткова, ч. I, стр. 266.

**) Тамъ-же, стр. 267.

Словомъ сказать, наше правительство употребляло всѣ доступныя по тому времени средства, чтобы поддержать христіанство между ингушами и осетинами; но противодѣйствіе въ этомъ со стороны кабардинцевъ и невѣжество грузинскихъ духовныхъ лицъ не привели этого дѣла къ успѣшному результату. Вотъ, какъ было обрисовано тогдашнее положеніе дѣлъ по введенію на Кавказѣ христіанства:

«Устройство осетинской коммиссіи по обращенію осетинцевъ и ингушевцевъ въ христіанство, бывъ въ рукахъ грузинскихъ духовныхъ, мало приносило пользы.

«Хотя съ немалаго времени подъ распоряженіемъ Святѣйшаго Сѵнода происходитъ проповѣдь христіанскаго закона въ осетинскомъ и ингушскомъ народахъ, но сіе худой успѣхъ имѣло отъ грузинскихъ духовныхъ. Почти всѣ бывшіе въ кизлярской сторонѣ начальники единогласно предъявляли, что не имѣютъ въ томъ ни малѣйшей пользы и прочности, по причинѣ грубаго и дикаго сихъ людей состоянія, и неспособности ихъ понимать христіанскія истины и приступать къ онымъ со внутреннимъ удостовѣреніемъ. Они крестились по большей части изъ корыстолюбія, для опредѣленнаго на такой случай снабденія и оставались потомъ въ прежнемъ своемъ нечестіи и своевольствѣ, какъ не подручные къ здѣшнему за ними всегда смотрѣнію. Временные-же къ нимъ здѣшнихъ священниковъ пріѣзды, иногда съ опасностію соединенные, не могутъ къ тому достаточны быть, чтобы утвердить ихъ въ общемъ благоустройствѣ; а всѣ другія мѣры означали-бы уже къ нашей сторонѣ непосредственное присвоеніе; но тѣмъ кабардинскіе владѣльцы, кои ихъ своими подчиненными называютъ, были-бы напрасно огорчены, и можетъ-быть еще и больше наконецъ изобрѣли-бы затруднительность въ теченіи проповѣди, и произвели-бы нужду совсѣмъ отъ оныхъ людей отступиться, не стоя они въ настоящемъ своемъ состояніи употребленія великихъ усилій.

«Такимъ образомъ, видимъ изъ сего, что нѣтъ лучшаго способа по обстоятельствамъ осетинцевъ и ингушцевъ и прочихъ горцевъ, учинить ихъ прямыми христіанами и къ здѣшней сторонѣ приверженными, какъ просвѣщеніемъ изъ нихъ молодыхъ людей» *).

Въ этихъ видахъ, 27 сентября 1764 года была учреждена

*) Тамъ-же, ч. I, стр. 268 и 269.

въ Моздокѣ школа, гдѣ новокрещеннымъ дѣтямъ преподавались христіанскій законъ и россійская грамота. Но и эта мѣра ни къ чему не привела, создавъ лишь для родителей обучавшихся особенный видъ наживы: родители пріѣзжали въ Моздокъ и обирали у дѣтей даваемое имъ содержаніе и оставляли ихъ въ крайней бѣдности, безъ рубахъ, безъ обуви.

Въ 1771 году самъ Святѣйшій Сѵнодъ усмотрѣлъ по дѣламъ, «сколь въ худомъ поведеніи до нынѣ находилось обращеніе нововѣрцевъ въ христіанскую вѣру въ осетинскомъ народѣ; а сіе самое произошло ни отъ чего иначе, какъ отъ худого самихъ проповѣдниковъ поведенія, а именно: проповѣдники оные, оставляя близкіе къ городамъ здѣшней Имперіи мѣста безъ проповѣди, отъѣзжаютъ въ отдаленныя и дикія, проповѣдуютъ на русскомъ или грузинскомъ языкѣ тѣмъ, которые ихъ не знаютъ; крещенныхъ оставляютъ безъ всякаго наставленія, возвращаясь-же потомъ къ нимъ, дѣлаютъ подъ разными видами привязки, и чрезъ то сыскиваютъ случай себя обогащать насильствомъ; дѣлаютъ всякія притѣсненія, не стараясь при томъ ни мало привесть ихъ въ познаніе вѣры и закона; а слѣдовательно тѣ иновѣрные вмѣсто чистаго вѣры и закона понятія единственно только изнуряются, а отъ проповѣдниковъ происходятъ соблазны» *).

Для устраненія этихъ недостатковъ, осетинская коммисія, по отношенію къ проповѣдникамъ, была подчинена свѣтской власти—кизлярскому коменданту, безъ вѣдома котораго проповѣдники невправѣ были отправлять своихъ обязанностей. Кромѣ того, въ осетинскую коммисію были назначены и русскія духовныя лица и начальникомъ опредѣленъ протопопъ Аѳанасій Лебедевъ. Этому послѣднему изъ Святѣйшаго Сѵнода было дано тайное наставленіе, какимъ образомъ поступать въ обращеніи осетинъ и ингушъ въ греко-россійскую вѣру **).

Однако-же всѣ эти и позднѣйшія старанія правительства къ обращенію собственно ингушъ въ христіанство остались безъ успѣха. Неудачна также была и попытка двухъ католическихъ патеровъ, проникшихъ къ ингушамъ въ 1765 году; впрочемъ, эти незванные проповѣдники сочли за лучшее убраться по добру

---

*) Тамъ-же, ч. I, стр. 306 и 271.

**) Желающіе ознакомиться съ этимъ интереснымъ документомъ могутъ найти его въ прилож. подъ лит. Р. въ I части Матер. для Нов. Ист. Кавк. П. Буткова.

по здорову, такъ-какъ коллегія иностранныхъ дѣлъ предписала захватить ихъ и впредь подобныхъ патеровъ не допускать къ проповѣди въ этомъ народѣ.

Такимъ образомъ, при неуспѣхѣ нашей духовной миссіи, въ началѣ настоящаго столѣтія, какъ это видно изъ вышеприведеннаго документа—договора между ингушами и владикавказскимъ комендантомъ отъ 22 августа 1810 года, — ингуши снова впали въ язычество и поклонялись кумирамъ.

Между ингушами встрѣчаются еще старики, которые помнятъ обращеніе ихъ въ христіанъ и которые сами крестились. Побужденіемъ къ обращенію въ христіанство, какъ разсказываютъ они, служило главнымъ образомъ желаніе получить 50 коп., рубаху и крестикъ (крестики раздавались мѣдные, но ингуши сначала полагали, что они золотые), которыми снабжали каждаго ново-обращеннаго. Одинъ изъ стариковъ разсказывалъ мнѣ, что онъ, подобно другимъ, нѣсколько разъ крестился, чтобы получить деньги, рубаху и крестикъ.

Само-собою разумѣется, что такой взглядъ обращаемыхъ въ христіанство, неумѣлость и злоупотребленія духовныхъ лицъ, руководившихъ этимъ обращеніемъ, и, наконецъ, совершенно чуждый ингушамъ русскій языкъ, которымъ проповѣдывалось слово Божіе,—не могли упрочить между ними христіанства.

Гораздо податливѣе ингуши оказались къ принятію религіозныхъ началъ магометанства. Религіозное движеніе, возбужденное Шамилемъ и его предшественниками и имѣвшее многочисленныхъ агентовъ въ Чечнѣ, не могло пройти безслѣдно и для ингушъ, жившихъ въ сосѣдствѣ съ чеченцами и говорящихъ съ ними однимъ языкомъ.

Если Шамилю и чеченцамъ не удалось, при неоднократныхъ попыткахъ, сдѣлать изъ ингушъ сторонниковъ ихъ политическихъ воззрѣній, враждебныхъ для Россіи, зато магометанство успѣло пустить глубокіе корни въ средѣ плоскостныхъ ингушъ.

Не смотря на хлопотливую заботливость чеченскихъ муллъ о полномъ водвореніи магометанства, ингуши еще продолжаютъ почитать воскресный день почти наравнѣ съ пятницею и признаютъ за праздникъ Свѣтло-Христово Воскресенье, хотя уже ничѣмъ не чествуютъ этого праздника. Главнымъ-же праздникомъ ингушъ бываетъ все-таки общій магометанскій праздникъ *байрамъ*, по-ингушски — *мархъ*. Этотъ праздникъ, въ бѣдной какими-бы то ни было явленіями жизни ингушъ, бываетъ все-таки

выдающимся изъ ряда обыкновенныхъ событіемъ. Ингушъ напрягаетъ всѣ свои силы, все свое умѣнье пользоваться длинною и темною ночью, чтобы приготовить къ празднику барана, теленка или быка, бузы, араки, или пива, такъ-какъ, по понятію ингушъ, праздникъ только и воплощается въ обиліи пищи и питья.

Съ наступленіемъ праздника особеннаго оживленія въ аулахъ не проявляется: нѣтъ ни плясокъ, ни пѣсенъ. Толпы пожилыхъ людей переходятъ съ одного двора на другой и, расположившись на срединѣ двора, предаются истребленію предложеннаго хозяиномъ дома угощенія. Женщины въ это время отправляются на кладбище и подымаютъ тамъ неистовый вой и плачъ по умершимъ своимъ родственникамъ; особенно неистово начинаютъ орать женщины, если въ это время мимо кладбища, гдѣ онѣ расположились, проходитъ или проѣзжаетъ кто-нибудь изъ мужчинъ. Затѣмъ идутъ сплетни и опять вытье. Въ этихъ однообразныхъ препровожденіяхъ времени и проходятъ всѣ три дня праздника.

Нѣсколько живѣе и разнообразнѣе проводитъ праздникъ молодежь. Кто имѣетъ лошадь, тотъ заранѣе приготовляетъ ее къ скачкѣ, и въ дни праздника молодежь выѣзжаетъ за селеніе и тамъ производится джигитовка и скачка; но все это имѣетъ въ настоящее время какой-то вялый характеръ, такъ-какъ самая душа оживленія—стрѣльба—запрещена ингушамъ, а это для нихъ все равно что балъ безъ музыки.

Нѣсколько больше оживленія пробуждается, когда кто-нибудь жертвуетъ призъ для скачки. Призы эти у ингушъ теперь обыкновенно состоятъ изъ подобія бурки, рубахи, башлыка, папахи, треноги, плети и тому подобныхъ вещей, сдѣланныхъ изъ грецкихъ орѣховъ, яблоковъ и конфектъ, нанизанныхъ на сѣть изъ нитокъ, изображающую какую-либо изъ названныхъ вещей. Призы эти дѣлаются и жертвуются въ память умершихъ родственниками ихъ. Самая большая вещь, какъ, напримѣръ, бурка, назначается на первый призъ и такъ далѣе. Желающіе скакать на призъ уѣзжаютъ верстъ за 10—15 и оттуда начинаютъ скачку. Въ недавнее-же прошлое время на подобнаго рода призы ингуши жертвовали лошадей, полное платье и оружіе; но обычай этотъ, какъ довольно разорительный, вывелся и призы воплотились въ форму игрушекъ.

На такого рода скачкахъ, обыкновенно, присутствуютъ всѣ мужчины селенія отъ мала до велика. Для присужденія приза избирается нѣсколько человѣкъ почетныхъ стариковъ, въ качествѣ

судей. Бѣда, если заразъ придутъ двѣ лошади. Въ этихъ случаяхъ цѣликомъ проявляется своевольная и необузданная натура ингуша: и родственники, и фамильные братья, и пріятели хозяевъ лошадей стараются всѣми силами доказать, которая изъ лошадей была на вершокъ впереди. Никакіе уговоры и просьбы со стороны выбранныхъ судей, никакія увѣщанія хозяевъ лошадей и согласіе ихъ отдать спорный вопросъ на разрѣшеніе судей непомогаютъ и не могутъ остановить расходившейся толпы: все это кричитъ, бранится, машетъ руками и выходитъ изъ себя, пока нѣсколько человѣкъ конныхъ не ворвутся въ толпу и не разгонятъ ее силою. Дѣло доходитъ нерѣдко и до драки, а когда ингуши носили оружіе, то доходило и до кровавыхъ послѣдствій.

Первый призъ, обыкновенно съ торжествомъ, въ сопровожденіи конныхъ всадниковъ, отвозится въ подарокъ самому наипочетнѣйшему человѣку или къ начальнику.

Кромѣ скачки, ингуши, на праздникъ байрама, устраиваютъ еще для испытанія ловкости и силы молодежи слѣдующее состязаніе: кто-нибудь, на память-же объ умершемъ родственникѣ, жертвуетъ большого барана; для этого барана вырываютъ въ землѣ яму, въ которой онъ можетъ-быть поставленъ только стоя и спиною въ уровень съ поверхностью земли. Сверху накрываютъ барана доскою или плетнемъ, съ отверстіемъ для головы которая такимъ образомъ одна и находится на поверхности; затѣмъ на всѣ четыре угла доски или плетня накладываютъ по, одному тяжелому камню. Послѣ этого, желающіе воспользоваться бараномъ, начинаютъ скачку, съ тѣмъ, чтобы на всемъ скаку лошади выхватить барана изъ ямы за рога. Весьма немногимъ и рѣдко удается съ успѣхомъ воспроизвести этотъ маневръ; въ большинствѣ же случаевъ попытки состязающихся не приводятъ къ желанной цѣли и они принуждены бываютъ сознаться въ своемъ безсиліи къ совершенію этого по истинѣ тяжелаго подвига. Наконецъ, когда всѣ усилія для извлеченія барана изъ ямы истощены и присутствующіе, а равно и жертвователь, убѣдились въ невозможности выполненія этой задачи мѣстными геркулесами, то баранъ обращается въ призъ за простую скачку. Выскакавшій первымъ всадникъ получаетъ злополучнаго барана. Всѣ родственники и знакомые взявшаго этотъ призъ отправляются къ нему въ домъ, и тамъ, общими силами, сокрушаютъ призоваго барана, поминая тѣмъ того умершаго, на имя котораго былъ назначенъ этотъ баранъ.

Помимо этого, одинъ разъ въ годъ совершающагося религіознаго торжества, ингуши развлекаются праздничнымъ манеромъ только на свадьбахъ.

Празднованіе мусульманскаго дня отдохновенія—пятницы не строго соблюдается ингушами, особенно въ рабочую пору. *Намазъ* (ежедневныя молитвы) также не въ большомъ ходу и совершаютъ эти намазы аккуратно лишь люди пожилые.

По пятничнымъ днямъ, свободные отъ работъ ингуши собираются въ сельскія мечети и послѣ молитвы остаются тамъ для обсужденія своихъ общественныхъ дѣлъ и нуждъ, а чаще—просто поболтать отъ скуки.

Между ингушами можно встрѣтить двухъ-трехъ человѣкъ, исповѣдующихъ православную вѣру; но и эти люди, по весьма понятной причинѣ, не особенно стараются о томъ, чтобы знали о ихъ религіи, которую они приняли подъ вліяніемъ какихъ-либо особенныхъ, исключительныхъ обстоятельствъ.

VI.

Условія прошлой жизни ингушъ и ихъ вѣковое зависимое положеніе отъ болѣе сильныхъ сосѣдей, развивая въ нихъ дурныя стороны характера, въ тоже время вліяли и на расширеніе ихъ умственнаго кругозора. Въ настоящее время ингуши, изъ среды окружающихъ ихъ кавказскихъ племенъ, представляютъ изъ себя элементъ, наиболѣе податливый и чуткій къ воспріятію прогрессивныхъ и цивилизующихъ началъ.

Въ то время, когда наиболѣе сильныя и богатыя матеріально племена, населяющія Терскую область, упорствуютъ въ своемъ закоснѣломъ невѣжествѣ и строго слѣдуютъ своимъ исконнымъ обычаямъ, запрещающимъ заимствоваться чѣмъ-либо отъ ненавистныхъ гяуровъ,—ингуши даютъ изъ себя совершенно обратное явленіе. Народъ этотъ, находясь втеченіи многихъ лѣтъ въ постоянномъ и близкомъ общеніи съ русскими и главнымъ образомъ въ сосѣдствѣ съ самымъ интеллигентнымъ пунктомъ области—г. Владикавказомъ, усвоилъ себѣ потребности, отрадныя для будущаго.

Ингуши, какъ люди практическіе, бойкіе и смѣтливые, всѣ-

ми доступными для нихъ средствами, стремятся завоевать себѣ и образованіе, и мѣсто въ торговлѣ и промышленности, хотя послѣднее, надо сознаться, при ихъ полнѣйшей неумѣлости, весьма плохо дается имъ.

Нельзя сдѣлать ингушу большаго удовольствія и одолженія, какъ согласиться взять къ себѣ въ домъ, даже для прислуги, сына, брата или родственника его. Отъ подобнаго рода просьбъ не отобьешся, и гдѣ только представляется возможность приткнуть между русскими людьми маленькаго ингуша, тамъ этой возможности не упускаютъ ихъ родственники; поэтому-то всюду, начиная отъ передней и кончая аудиторіею университета, можно встрѣтить ингуша. И все это творитъ жажда знанія русскаго языка и грамоты.

На стремленіе ингушъ къ образованію было обращено вниманіе еще въ началѣ 60-хъ годовъ, а въ 1868 году, въ центрѣ ингушевскаго населенія — въ укр. Назрановскомъ — учреждена двухъ-классная горская начальная школа. Постройка зданія школы и при ней помѣщенія для смотрителя и одного учителя, при небольшой субсидіи отъ правительства въ 3000 руб., произведена средствами ингушъ. Школа эта, содержимая на счетъ правительства, существуетъ пока только для однихъ приходящихъ и этимъ представляетъ величайшій тормазъ на пути стремленія ингушъ къ образованію, такъ-какъ только дѣти изъ ближайшихъ 3—4-хъ селеній могутъ пользоваться ею. Несмотря на это неудобство, школа буквально набита дѣтьми и претендентовъ на обученіе въ ней всегда болѣе, нежели можетъ вмѣстить въ себѣ зданіе школы. Большинству посѣщающихъ школу дѣтей необходимо ежедневно приходить въ Назранъ изъ селеній, отстоящихъ отъ этого мѣста на 2—4 версты, и мальчуганы, насколько возможно замѣтить, преодолѣваютъ это затрудненіе. Къ развитію жажды познаній въ ингушахъ и ихъ охотному посѣщенію школы не мало способствуютъ, какъ весьма раціональные пріемы въ обученіи, такъ и гуманное обращеніе преподавателей, не запугивающіе маленькихъ дикарей.

Со дня открытія назрановской школы, въ ней ежегодно обучалось дѣтей ингушъ:

	Число дѣтей.
Въ 1868 году..........	74.
— 1869 —	63.
— 1870 —	62.

Въ	1871 году.........	45.
—	1872 —	55.
—	1873 —	55.
—	1874 —	71.

Наиболѣе лучшіе ученики этой школы поступаютъ на вакансіи во Владикавказское реальное училище и другія учебныя заведенія.

Мнѣ могутъ замѣтить, что учрежденіе школы для какихъ-нибудь 70 мальчиковъ еще недостаточно даетъ данныхъ для того, чтобы обольщаться какими-нибудь утѣшительными надеждами и предвидѣть хорошіе результаты въ будущемъ. Не спорю, можетъ-быть, какъ это уже случалось нерѣдко, обстоятельства подавятъ въ ингушахъ проблески стремленія къ образованію; но тѣмъ не менѣе повторяю, что развитіе назрановской школы въ настоящее время представляетъ знаменательный фактъ, особенно если мы примемъ на видъ слѣдующія относительныя соображенія.

Назрановскою школою, какъ я уже сказалъ выше, пользуются дѣти ингушъ лишь изъ ближайшихъ селеній: Бурсука, Гамурзіева, Альты и Насыръ-корта, заключающихъ въ себѣ мужского населенія 2904 души. Если принять за среднюю ежегодную цифру учащихся въ назрановской школѣ изъ этихъ селеній въ 50 человѣкъ дѣтей, то увидимъ, что одинъ учащійся приходится на 58 человѣкъ. Положимъ, что этотъ выводъ, какъ частный, не можетъ быть примѣняемъ къ общему числу всего мужского населенія ингушъ, состоящаго въ 14 селеніяхъ изъ 11,023 душъ; но, принявши за среднее число 100 человѣкъ учащихся изъ всего этого населенія, мы все-таки получимъ весьма почтенный процентъ: одинъ учащійся на 110 человѣкъ *). Такимъ процентнымъ содержаніемъ едва-ли многія мѣстности въ Россіи могутъ похвалиться.

Кромѣ того, замѣтнымъ и нелишеннымъ значенія учрежденіе назрановской школы можно еще считать и потому, что, напримѣръ, въ Кабардѣ, въ нальчикской горской школѣ, полагается на туземцевъ всего 35 вакансій, при населеніи Кабарды до 30 тысячъ душъ мужского пола, причемъ число учащихся въ школѣ почти никогда не достигаетъ до положенной штатомъ

*) Точная цифра учащихся неизвѣстна, но опредѣленіе этой цифры въ 100 приблизительно вѣрно, такъ-какъ, кромѣ назрановской школы, около 20 дѣтей обучаются во владикавказскомъ реальномъ училищѣ, нѣсколько человѣкъ въ ставропольской гимназіи и много въ другихъ учебныхъ высшихъ и низшихъ заведеніяхъ, за исключеніемъ дѣтей, обучающихся у частныхъ лицъ.

цифры; для обученія въ этой школѣ, еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, приходилось вербовать дѣтей кабардинцевъ почти силою и охотно шли на обученіе только дѣти бывшихъ кабардинскихъ холоповъ; въ Чечнѣ (вмѣстѣ съ Веденскимъ и Аргунскимъ округами), при мужскомъ населеніи около 60 тысячъ душъ, тоже существуетъ для дѣтей чеченцевъ 25 вакансій въ грозненской начальной школѣ; наконецъ у кумыковъ, этихъ богатѣйшихъ и промышленныхъ людей сѣвернаго Кавказа, насчитывающихъ въ средѣ своей 37 тысячъ душъ мужского пола, и до-сихъ-поръ еще не имѣется ни одной школы для обученія русской грамотѣ. Все это, кажется, даетъ основаніе желать назрановской школѣ большаго развитія и надѣяться на благопріятные результаты въ будущемъ; но для достиженія этого необходимо слѣдовало-бы назрановскую школу подчинить какому-нибудь одному вѣдомству: или мѣстной администраціи или учебному начальству, такъ-какъ подчиненіе школы заразъ этимъ двумъ вѣдомствамъ, что существуетъ теперь, иногда вредитъ дѣлу образованія.

Извѣстно, что такого рода учрежденія, какъ школы, главнымъ образомъ создаются естественной потребностію въ нихъ. Что назрановская школа создалась именно подъ условіемъ потребности въ ней, лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что ингуши въ настоящее время для уравновѣшенія правъ всѣхъ ингушъ относительно возможности обученія дѣтей въ этой школѣ, сильно хлопочатъ объ устройствѣ при ней пансіона и, сколько мнѣ извѣстно, вопросъ этотъ стоитъ на очереди.

Вообще стремленіе ингушъ къ образованію до того сильно, что между ними, не смотря на ихъ убогое экономическое положеніе, очень распространено желаніе завести женскія школы, а въ одномъ изъ селеній — Сурхохи — даже и заведено все необходимое для школы: зданіе, различныя принадлежности и учебныя пособія; но остановка за пріисканіемъ учителя. Какъ извѣстно, мы вообще страдаемъ этимъ недостаткомъ, а для ингушъ отысканіе учителя представляетъ еще больше затрудненій, такъ-какъ не много охотниковъ находится посвятить себя жизни въ глухомъ селеніи.

Существуетъ предположеніе совмѣстить должность учителя въ лицѣ сельскаго писаря; но, по нашему мнѣнію и принявъ во вниманіе тѣ нравственныя качества, коими въ большинствѣ обладаютъ сельскіе писаря, по преимуществу казаки,—это значитъ въ зародышѣ погубить стремленія ингушъ къ развитію. И въ самомъ

дѣлѣ, какіе задатки можетъ дать дѣтямъ такой сельскій писарь, который всѣми законными и незаконными путями стремится лишь къ одной цѣли: обезпечить себѣ возможность имѣть ежедневно полкварты водки?... Растлѣвающее вліяніе такого рода учителей и въ настоящее время уже дало свои плоды: нѣсколько молодыхъ людей ингушъ, едва выучившихся кое-какъ русской грамотѣ, подъ вліяніемъ писарей, изощрялись въ писаніи подложныхъ билетовъ и удостовѣреній на краденый скотъ, за что нѣкоторые уже и привлечены съ своими учителями къ законной отвѣтственности. Эти болѣзненныя явленія указываютъ на необходимость какъ возможно внимательнѣе и осторожнѣе отнестись къ стремленію ингушъ учиться. Нѣтъ ничего легче, какъ оступиться въ этомъ дѣлѣ и, вмѣсто пользы, сбить ингушъ съ пути добрыхъ ихъ начинаній.

Хотя въ ингушахъ и проявляется склонность къ промышленности и торговлѣ, но эта склонность пока выражается въ самыхъ простыхъ и несложныхъ операціяхъ, какъ подряды на поставку дровъ, сѣна, кукурузы и тому подобныхъ предметовъ. Нѣкоторые изъ ингушъ накинулись было на подряды при постройкѣ Ростово-Владикавказской желѣзной дороги, но, съ одной стороны, совершенная новизна для нихъ этого дѣла и неумѣлость, а съ другой — разныя прижимки строителей дороги, — не принесли ингушамъ выгодъ и глубоко разочаровали ихъ надежды на хорошіе заработки.

Главнымъ торговымъ пунктомъ для ингушъ служитъ г. Владикавказъ; туда ингушъ сбываетъ всѣ свои скудные остатки отъ неменѣе скудныхъ произведеній той земли, которую онъ обрабатываетъ. — Ингушъ по преимуществу земледѣлецъ; но весьма плохая по своему составу и въ незначительномъ количествѣ земля ихъ оказывается удобною только для посѣва кукурузы, да и эта послѣдняя, по качеству своему, не выдерживаетъ сравненія съ кукурузою, произрастающею въ Чечнѣ, и на рынкѣ не можетъ конкурировать съ нею.

Ингуши производятъ опыты посѣва озимой пшеницы; но неудача нѣсколькихъ неурожайныхъ лѣтъ сряду, плохое по качеству зерно и незначительный сборъ, едва покрывающій расходы, отбиваютъ у нихъ дальнѣйшую охоту къ посѣву этого рода хлѣба. Нѣкоторыя селенія, по удобству почвы, начинаютъ разводить

картофель. Такимъ образомъ, при скудости почвы, обработываемой ингушами, единственными продуктами для продажи можно назвать только сѣно да кукурузу. Если мы къ этому прибавимъ десятокъ птицъ въ видѣ куръ, гусей, индѣекъ и утокъ, сотню яицъ, да фунтовъ десять коровьяго масла, которые втеченіи года продаетъ на базарѣ жена ингуша, то этимъ мы исчерпаемъ весь реестръ предметовъ, которыми торгуютъ ингуши.

Пріятное и утѣшительное зрѣлище являетъ стремленіе ингушъ къ садоводству и огородничеству. Уже и теперь въ лѣтнее время ингушскія селенія представляютъ почти сплошную массу зелени и въ этомъ отношеніи составляютъ пріятный контрастъ съ селеніями другихъ туземцевъ.

Жилища ингушъ также начинаютъ измѣнять свою внѣшность: вмѣсто жалкихъ турлучныхъ лачугъ, называемыхъ саклями, въ селеніяхъ уже не въ диковинку можно увидѣть рубленные изъ дерева или сложенные изъ саманнаго кирпича дома, съ черепичными крышами, окнами и дверьми на русскій манеръ.

Изъ числа горскихъ племенъ, населяющихъ Терскую область, только одни осетины въ дѣлѣ образованія и цивилизаціи являются наиболѣе сильными соперниками ингушъ.

VII.

Ингуши въ настоящее время обитаютъ на сѣверъ отъ г. Владикавказа, по рр. Камбилеевкѣ, Сунжѣ, Назрановкѣ и Ачалуку. Всего ингушскихъ селеній на плоскости 14, извѣстныхъ подъ слѣдующими названіями: Базоркинское, Сурхохи, Экажево, Насыръ-Кортъ, Гамурзіево, Альты, Бурсуковское, Иліево, Яндирское, Кантышево, Далаково, Верхній Ачалукъ, Средній Ачалукъ и Нижній Ачалукъ. Ингушское населеніе входитъ въ составъ Владикавказскаго округа и первыя 10 селеній состоятъ въ 4-мъ, а послѣднія четыре въ 5-мъ участкѣ этого округа.

До 1858 года ингуши жили хуторами, по нѣскольку дворовъ одной какой-нибудь фамиліи; но, какъ упомянуто было выше, въ виду того, что эти хутора представляли удобное, надежное и ускользавшее отъ надзора убѣжище для разныхъ хищни-

ческихъ партій и абрековъ, то признано было полезнымъ сгруппировать ихъ въ большія селенія. Ингуши сначала было отказались исполнить это распоряженіе начальства и часть ихъ оказала явное сопротивленіе съ оружіемъ въ рукахъ, такъ что необходимо было прибѣгнуть къ военной силѣ. Послѣ произведеннаго погрома и довольно строгаго наказанія зачинщиковъ и участниковъ возстанія, изъ коихъ четверо были повѣшены, а многіе наказаны шпицрутенами и сосланы въ Сибирь, — ингуши заняли назначенныя имъ мѣста и образовали существующія въ настоящее время селенія. Кромѣ того, послѣдствіемъ этого возстанія было отобраніе пожалованнаго имъ въ 1840 году знамени и лишеніе дарованныхъ привиллегій *).

Все населеніе ингушъ сгруппировано на весьма небольшомъ пространствѣ, вблизи укр. Назрановскаго.

По статистическимъ свѣдѣніямъ за 1873 годъ, населеніе ингушъ состоитъ изъ 11,023 душъ мужского и 10,587 душъ женскаго пола.

При довольно скудномъ земельномъ надѣлѣ, достигающемъ всего до $17^1/_2$ десятинъ на дымъ удобной, неудобной и занятой лѣсомъ земли, ингуши принуждены испытывать весьма большія неудобства отъ недостатка земли, тѣмъ болѣе, что въ числѣ надѣла очень большое количество неудобной земли, почти негодной подъ выгонъ. Вся земля, имѣющаяся въ распоряженіи ингушъ, находится въ такъ называемыхъ Сунженскихъ горахъ и состоитъ изъ возвышенностей и балокъ. По низовьямъ балокъ ингуши сѣютъ хлѣба, а вершины служатъ покосными мѣстами; части-же горъ, обращенныя на югъ, пропадаютъ безплодно, ибо тамъ ничто не можетъ произрастать и самая трава на этихъ мѣстахъ появляется лишь въ началѣ весны, а въ маѣ мѣсяцѣ эти склоны представляютъ глазамъ обожженный солнцемъ и совершенно голый видъ. Отсутствіе достаточнаго количества земли, а равно и неблагопріятныя климатическія условія—безпрерывные дожди втеченіи лѣта или засуха — окончательно лишаютъ ингушъ возможности вести сколько нибудь порядочно свое земельное хозяйство— единственный пока источникъ ихъ существованія.

Незначительный надѣлъ и скудость земли не даютъ ингушамъ также возможности заниматься скотоводствомъ. Если-же

*) Въ 1863 году, по ходатайству Е. И. В. Великаго Князя Намѣстника Кавказскаго, знамя ингушамъ вновь возвращено, но уже безъ привиллегій.

нѣкоторые изъ наиболѣе зажиточныхъ людей имѣютъ стада барановъ, то для содержанія ихъ арендуютъ землю у сосѣднихъ казачьихъ станицъ или у мѣстныхъ землевладѣльцевъ; рогатый-же скотъ ингуши имѣютъ единственно только для домашнихъ потребностей.

Для большей наглядности и въ подтвержденіе высказаннаго мною, представлю картину экономическаго благосостоянія ингушъ, скопированную мною съ статистическихъ таблицъ за 1873 годъ.

Все благосостояніе ингушъ заключалось въ слѣдующемъ:

лошадей	3572	штуки.
разнаго рогатаго скота . .	16439	—
барановъ	58447	—

разнаго рода хлѣба было собрано въ томъ-же году:

кукурузы	48278	четв.
пшеницы	12017	—
проса	917	—
ячменя	196	—
Кромѣ того собрано картофеля около	1000	—

Вотъ все незатѣйливое хозяйство ингушъ, которое должно удовлетворять жизненнымъ потребностямъ 21,610 душъ обоего пола.

Если мы разверстаемъ вышеприведенныя цифры, такъ сказать, по душамъ, то получимъ еще болѣе плачевный результатъ. Оказывается, что одна лошадь приходится на 6 человѣкъ, рогатаго скота менѣе цѣлой штуки на одного человѣка и только около 3-хъ барановъ на одну душу. Хлѣба на долю ингушъ также выпадаетъ не особенно много: около $2^1/_2$ четвертей кукурузы и нѣсколько болѣе получетверти пшеницы на душу. О просѣ, ячменѣ и картофелѣ, по незначительности сбора, не стоитъ и говорить.

Такимъ образомъ, изъ всѣхъ туземцевъ Терской области, едва-ли кто менѣе надѣленъ землею и вообще удобствами жизни, чѣмъ ингуши, а между тѣмъ жизненная обстановка ингушъ требуетъ расходовъ болѣе, пожалуй, нежели это необходимо другимъ, такъ-какъ у ингушъ существуютъ статьи расхода, совсѣмъ незнакомыя другимъ туземцамъ. Такъ, напримѣръ, кромѣ заботы о поддержаніи своего существованія и ежегоднаго внесенія 3-хъ рублевой государственной подати, ингушу еще необходимо добыть средства, чтобы нести тягчайшую изъ всѣхъ—натуральную подводную повинность, содержать сельское правленіе (съ писаремъ),

что обходится въ годъ каждому селенію не менѣе 200 руб., панимать полевыхъ сторожей, съ платою по 50 коп. со двора, платить сельскому муллѣ по рублю со двора и наконецъ содержать сельскую стражу, такъ называемыхъ аульныхъ конноразъѣздныхъ, число которыхъ, при усиленіи количества преступленій въ селеніяхъ, доходитъ иногда до 180 человѣкъ, а постоянная цифра составляетъ не менѣе 100 человѣкъ, съ платою каждому разъѣздному по 100 руб. въ годъ; одинъ этотъ послѣдній расходъ доходитъ въ 14 селеніяхъ отъ 10 до 18 тысячъ рублей.—Гдѣ-же взять столько денегъ?—Обработка земли, какъ мы видѣли выше, даетъ лишь на столько, чтобы не умереть съ голоду, при самыхъ скромныхъ требованіяхъ ингуша въ отношеніи пищи. Понятно поэтому, что ингуши, при малѣйшей возможности, стремятся заработывать себѣ пропитаніе на сторонѣ или прибѣгать къ неблаговиднымъ способамъ для пополненія своего ежегоднаго дефицита.

Когда ко всему этому близко присмотришься и взвѣсишь всѣ стороны тяжелаго не существованія, а прозябанія такихъ полудикихъ людей, какъ ингуши, то, право, не подымается рука бросить въ нихъ комомъ грязи. При всей стѣсненности ингушъ обстоятельствами, нужно еще удивляться той энергіи и стремленію къ лучшему, какія проявляютъ они на своемъ житейскомъ поприщѣ.

Я убѣжденъ, путемъ личнаго опыта, что никто изъ обитателей Кавказа или, по-крайней-мѣрѣ, изъ числа жителей Терской области такъ дорого не искупаетъ своей дурной репутаціи, какъ ингуши, хотя, по совѣсти говоря, всѣ чеченцы, кумыки, кабардинцы и другіе горцы едва-ли стоятъ въ нравственномъ отношеніи выше ингушъ и причиняютъ намъ менѣе хлопотъ, нежели они. Все несчастье ингушъ заключается въ томъ, что они, такъ сказать, сидятъ передъ самыми глазами начальства и всякая малѣйшая продѣлка ихъ становится извѣстною почти непосредственно послѣ того, какъ совершена она. Украдена, напримѣръ, изъ сосѣдней станицы пара быковъ,—подымается суматоха: шлются строгія предписанія, мечется изъ угла въ уголъ ингушскій приставъ, увеличивается сельская стража, которой платитъ селеніе, взыскивается съ ближайшаго ингушскаго селенія стоимость украденныхъ быковъ — и все это потому, что о кражѣ быковъ получено свѣдѣніе въ тотъ-же день. Въ тоже время гдѣ-нибудь вда-

ли совершаются кража, разбой, убійство, угонютъ цѣлыя стада скота и т. д. — и это не вызываетъ никакой особенной суетни. Правда, явленіе непріятное и всѣ старанія прилагаются, чтобы обнаружить виновныхъ, но ближайшія къ мѣсту происшествія селенія не подвергаются ни взысканіямъ убытковъ, причиненныхъ преступленіемъ, ни учрежденію или усиленію особой сельской стражи и тому подобнымъ неожиданнымъ распоряженіямъ.

Конечно, никто не возметъ смѣлости отрицать совершенія ингушами иногда возмутительныхъ и гнусныхъ преступленій, но позволимъ спросить: гдѣ-же тѣ аркадскія страны, которыя не знаютъ преступленій?

Помимо тяжелой отвѣтственности, которая бываетъ слѣдствіемъ совершенія ингушами преступленій, во многихъ случаяхъ ингушъ оплачиваетъ штрафомъ свою старую дурную репутацію. Такъ — надѣлъ оружіе, которое, за исключеніемъ ингушъ, всѣмъ туземцамъ позволено носить, — плати, сдѣлалъ выстрѣлъ на свадьбѣ или на луну *)—плати, уѣхалъ безъ билета—плати, купилъ лошадь безъ удостовѣренія — плати, не объявилъ о пріѣхавшемъ гостѣ — плати или отправляйся въ яму (сельская гауптвахта).

Неудивительно поэтому, что экономическое положеніе ингушъ представляется далеко неутѣшительнымъ, а затѣмъ и житейская обстановка ихъ до крайности ограниченна. Поговорка «по одежкѣ протягивай ножки» какъ нельзя болѣе извѣстна ингушамъ.

Жилища ингушъ некрасны ни углами, ни пирогами. Обыкновенно, ингушская сакля — это темное и тѣсное, продолговатое и узкое помѣщеніе, въ которомъ иногда бываетъ семья изъ 8 душъ, съ прибавкой въ зимнее время новорожденнаго телка. При каждой саклѣ имѣется маленькое отдѣленіе, нѣчто въ родѣ кладовой, въ $1^1/_2$ аршина ширины, гдѣ помѣщаются кадки съ хлѣбомъ и другой незатѣйливый скарбъ ингуша. Полки въ саклѣ не поражаютъ пышными тюфяками, подушками и шелковыми одѣялами,

---

*) Ингуши народъ очень суевѣрный и потому всякое небесное явленіе производитъ на нихъ безотчетный страхъ. Особенно непріятно дѣйствуютъ на нихъ солнечныя и лунныя затмѣнія. Въ этихъ случаяхъ, послѣ произнесенія въ слухъ молитвъ, ингуши начинаютъ стрѣлять вверхъ, полагая, что затмѣнія производитъ нечистая сила, которую можно испугать и разогнать выстрѣлами.

наложенными до потолка, какъ, напримѣръ, въ сакляхъ кабардинцевъ, громадными мѣдными тазами и кувшинами, симметрично развѣшенными на стѣнахъ, и глазъ вошедшаго останавливается на двухъ-трехъ загрязненныхъ до невѣроятности тюфякахъ, да столькихъ-же одѣялахъ и подушкахъ, едва хватающихъ для обихода семьи; близь дверей виситъ *намазлыкъ*—бычачья или оленья шкура, на которой ингушъ совершаетъ намазъ, а около камина стоятъ небольшой кумганъ и тазикъ, и этимъ исчерпывается весь инвентарь домашнихъ принадлежностей ингушской сакли.

Дворъ ингуша тоже не изобилуетъ надворными постройками и хотя обнесенъ плетнемъ, но безъ воротъ. Хотя ингуши и не сторонники чистоплотности вообще, но чистота въ саклѣ и вокругъ нея очень поражаетъ зрителя: полъ и стѣны въ саклѣ тщательно обмазаны, а дворъ подметенъ.

При жалкой обстановкѣ въ саклѣ, и одежда ингушъ не представляетъ роскоши: мужчина обыкновенно носитъ ситцевую рубаху и бешметъ, нанковые штаны, черкеску изъ грубаго самодѣльнаго сукна, кожаныя или суконныя ноговицы и чевяки и овчинную папаху, а женщина одѣта въ ситцевые рубаху и бешметъ, по преимуществу яркихъ цвѣтовъ, ситцевые или бумажные красные штаны, кожаные чевяки, съ бумажнымъ платкомъ на головѣ; зимою мужчины и женщины прибавляютъ къ своему костюму нагольный овчинный полушубокъ, но носить полушубокъ дѣвушкамъ не въ обычаѣ — стыдно. Дѣти одѣваются какъ и большіе, но лѣтъ до 3 — 5, особенно въ лѣтнюю пору, они предпочтительно находятся въ костюмѣ прародителей, что удобно для дѣтей и неубыточно для родителей. Сверхъ описаннаго костюма, ингуши, въ ненастную погоду, вмѣсто бурокъ, надѣваютъ на себя кусокъ сѣраго сукна, въ родѣ шали или пледа; по преимуществу этотъ пледъ—нарядъ пастуховъ. Одинъ разъ надѣтое платье ингуши не снимаютъ до-тѣхъ-поръ, пока оно не свалится съ плечъ. Поэтому, кромѣ питанія миріадъ насѣкомыхъ, ингуши весьма часто и особенно въ дѣтствѣ подвергаются накожнымъ болѣзнямъ. Вообще отсутствіе гигіеническихъ условій весьма вредно вліяетъ на здоровье ингушъ; особенно одолѣваетъ ингушъ лихорадка. Вслѣдствіе такихъ болѣзненныхъ явленій, ингуши не могутъ пользоваться здоровьемъ и красивымъ типомъ; женщины также некрасивы, особенно послѣ 20-ти-лѣтняго возраста, когда онѣ совершенно старѣютъ на видъ.

При описанной ингушской обстановкѣ, и пища ихъ весьма

скудна, какъ по качеству, такъ и въ количественномъ отношеніи. Ежедневная и постоянная пища ингушъ состоитъ изъ кукурузнаго чурека въ видѣ прѣсной запеченной лепешки и перекипяченной сыворотки, оставшейся послѣ сбитаго масла; это повседневное меню ингушскаго стола весьма рѣдко разнообразится яичницею или поджареннымъ на маслѣ творогомъ. Даже зажиточныя семьи ингушъ невсегда питаются болѣе разнообразной пищей и чурекъ изъ пшеницы появляется лишь какъ лакомство. Шашлыкъ, курицу, индѣйку и варенаго барана приготовляютъ только когда въ домѣ есть гость; большинство-же ингушъ лишены даже этого, хотя и убыточнаго случая поѣсть хорошо, такъ-какъ гости есть достояніе болѣе зажиточныхъ людей, а не того, у кого всюду пусто. Богатые люди заготовляютъ себѣ на зиму копченое мясо. Эта благодать выпадаетъ иногда на долю и бѣдныхъ, но случается такое счастливое время только тогда, если у ближайшихъ родственниковъ заболѣваетъ скотъ и его прирѣжутъ, или когда удается урвать что-нибудь отъ зарѣзанной краденой скотины. Ингуши не брезгаютъ и завѣдомо дохлой скотиной и только для очистки своей собственной совѣсти перерѣжутъ ей горло.

Не смотря на жалкую обстановку, ингуши, какъ и вообще всѣ горцы, гостепріимны. Для пріема гостей, мало-мальски зажиточный человѣкъ имѣетъ особое помѣщеніе—кунацкую. Рѣдкій ингушъ, имѣя возможность, не угоститъ пріѣзжаго къ нему. Если-же заѣдетъ къ ингушу какое-нибудь почетное лицо или начальство, то о желаніи ингуша угостить такихъ посѣтителей и говорить нечего: онъ выбьется изъ силъ, а добудетъ барана, чтобы подать его гостю. Въ этомъ случаѣ съ приведенной выше оффиціальной характеристикой о гостепріимствѣ ингушъ нельзя вполнѣ согласиться, такъ-какъ расчетъ угостить какого-нибудь необходимаго и полезнаго человѣка составляетъ стремленіе не однихъ ингушъ, а и болѣе цивилизованныхъ людей; у послѣднихъ расчетъ извлечь пользу изъ гостепріимства, пожалуй, еще болѣе развитъ, нежели у ингушъ. Между-тѣмъ ингуши, кромѣ желанія извлечь пользу изъ гостепріимства, руководятся еще и другимъ побужденіемъ, можетъ-быть на нашъ взглядъ и дѣтскимъ,—это удовлетворить своему желанію выдаться изъ общей среды хоть чѣмъ-нибудь и похвастаться тѣмъ, что вотъ, дескать, какіе люди заѣзжаютъ въ нашу кунацкую — не чета вамъ! По моему — это главное руководящее побужденіе въ ингушскомъ

гостепріимствѣ. Иначе впрочемъ и объяснить нельзя того радушія, съ которымъ ингушъ весьма охотно принимаетъ и угощаетъ, безъ всякой платы, какого-нибудь заѣзжаго и незнакомаго человѣка. Чѣмъ больше къ ингушу заѣзжаетъ гостей, тѣмъ почетнѣе становится онъ и тѣмъ больше гордится этимъ почетомъ.

Для обыкновеннаго, ежедневнаго потребленія, пища у ингушъ приготовляется вечеромъ, а днемъ они ѣдятъ чурекъ, сыръ и вообще сухую пищу.

VIII.

При скудныхъ средствахъ для жизни, и самая жизнь ингушъ представляется крайне однообразною и монотонною. Единственнымъ общественнымъ развлеченіемъ для ингушъ служатъ пятничныя собранія въ мечети.

Послѣ окончанія молитвы въ мечети, вся бывшая тамъ публика разбивается на кружки и усаживается близъ мечети. Если нѣтъ какого-нибудь экстраординарнаго случая, въ родѣ назначенія новаго начальства или какого-нибудь крупнаго событія въ селеніи или по сосѣдству, разговоры вертятся на воспоминаніяхъ о прошломъ, на сплетняхъ, до которыхъ ингуши большіе охотники, и вообще на разныхъ мелочныхъ предметахъ. Нѣсколько болѣе оживленными ингуши становятся, когда предстоитъ обсужденіе какихъ-либо общественныхъ вопросовъ; но и это оживленіе проявляется не ради интереса самаго дѣла, а въ виду лишь представляющейся возможности наговориться и накричаться вдоволь.

Вообще ингуши весьма плохо сознаютъ всю важность и значеніе своихъ общественныхъ интересовъ, а потому къ этой сторонѣ дѣла относятся совершенно хладнокровно. Ингушъ только чутокъ тогда, когда вопросъ касается слишкомъ близко и непосредственно его кармана; въ остальныхъ-же случаяхъ рѣшеніе вопроса предоставляется старикамъ или руководящимъ въ селеніи личностямъ, а зачастую, по старой памяти, и просто начальству, разсуждая, что этому послѣднему гораздо лучше извѣстно, что нужно имъ. Впрочемъ, между ингушами и общества въ томъ смыслѣ, какъ мы его понимаемъ, еще не сложилось и не существуетъ. Всѣ жители ингушскихъ селеній дробятся на отдѣль-

ныя группы по числу фамилій и сообща преслѣдуютъ только свои, такъ сказать, фамильные интересы. Вся сила, такимъ образомъ, заключается въ количественномъ преобладаніи одной фамиліи передъ другой и это количественное преобладаніе какой-нибудь фамиліи въ селеніи становится наиболѣе вліятельнымъ и сильнымъ. Это обстоятельство, со стороны слабѣйшихъ фамилій, вызываетъ разныя тайныя интриги и коалицію противъ сильныхъ; но, въ концѣ концовъ, являются все-таки результаты, благопріятные для болѣе многочисленной фамиліи, ибо открыто никто не рискуетъ вступать съ нею въ препирательство.

Фамилія у ингушъ, въ смыслѣ отдѣльнаго рода, хотя и не даетъ какихъ-либо особенныхъ личныхъ преимуществъ, но играетъ въ средѣ ихъ значительную роль, особенно когда фамилія многочисленна. Всякій, менѣе сильный, не рискуетъ становиться въ непріязненныя отношенія съ такими фамиліями и потому-то всякій членъ такой фамиліи наиболѣе гарантированъ, какъ въ отношеніи покушеній на свою собственность, такъ и личность. Украсть что-нибудь у члена сильной фамиліи, убить или ранить его—значитъ нажить себѣ неминуемую гибель или, по меньшей мѣрѣ, непріятность и безпокойство на очень продолжительное время, такъ-какъ потерпѣвшіе всегда стремятся отомстить обидчику всѣми своими совокупными силами. Такое вліяніе сильныхъ фамилій создало между ингушами особый типъ родства—фамильное братство. Фамильные братья не связаны узами кровнаго родства, но, соединившись нѣкогда для защиты своихъ общихъ интересовъ, они продлили этотъ союзъ до настоящаго времени. Слабые по количеству члены примыкали къ сильнымъ и, увеличивая собою численность послѣднихъ, пользовались покровительствомъ ихъ.

Хотя фамильное братство ингушъ, при настоящемъ ихъ положеніи; утратило первоначальный смыслъ свой—совокупную защиту общихъ интересовъ отъ враговъ своихъ; но, тѣмъ не менѣе, это братство продолжаетъ пользоваться еще большимъ уваженіемъ между ингушами и все-таки составляетъ, при извѣстной степени ихъ дикихъ воззрѣній, силу, сдерживающую иногда порывистую натуру ихъ. Нѣтъ, нѣтъ, а иногда смотришь и подумаетъ ингушъ он е удобствахъ возбужденія непріязненныхъ отношеній съ сильною фамиліею.

Такимъ образомъ все ингушское племя дѣлится на нѣсколько фамилій, представляющихъ изъ себя нѣчто въ родѣ клановъ шотландскихъ горцевъ. Въ настоящее время изъ всѣхъ ин-

гушскихъ фамилій наиболѣе сильною почитается фамилія Мальсаговыхъ, какъ по количеству членовъ ея, такъ и потому, что эта фамилія насчитываетъ въ средѣ своей много чиновныхъ людей, выслужившихся у правительства.

Хотя ингуши народъ вполнѣ равноправный между собою и не имѣющій никакихъ сословныхъ подраздѣленій, но тѣмъ не менѣе къ заслуженнымъ лицамъ изъ среды своей они относятся съ бо́льшимъ почтеніемъ, нежели къ обыкновенному смертному. Достаточно быть ингушу на самой послѣдней ступени служебной іерархіи—приставскимъ милиціонеромъ, напримѣръ, а и тутъ ему уже, какъ близкому человѣку начальства, оказывается почетъ: при угощеніи, его посадятъ за болѣе почетный столикъ, т. е. съ людьми не заурядными въ селеніи, дадутъ лучшую постель при ночлегѣ и т. д. Не слѣдуетъ однако-же думать, что весь этотъ почетъ оказывается только изъ одного уваженія къ извѣстному лицу,—далеко нѣтъ. Все это производится съ извѣстнымъ расчетомъ и только именно потому, что ублажаемое лицо стоитъ близко къ начальству, а слѣдовательно и имѣетъ возможность сказать послѣднему хорошее словцо на случай надобности.

При всей своей податливой натурѣ къ заискиванію у всякаго «власть имущаго», ингуши весьма цѣнятъ свое свободное и равноправное происхожденіе. Привожу анекдотъ, лучше всего характеризующій ихъ горделивую кичливость своимъ свободнымъ происхожденіемъ.

Къ одному ингушу заѣхалъ переночевать путникъ, оказавшійся жителемъ какого-то ханства въ Дагестанѣ. Послѣ обычныхъ пріемовъ гостепріимства, хозяинъ дома вступилъ въ разговоры съ гостемъ и, услышавъ часто повторяемое слово «бекъ», спросилъ его о значеніи этого слова. Гость объяснилъ, что слово это означаетъ у нихъ большого господина и въ свою очередь полюбопытствовалъ узнать, есть-ли у ингушъ беки. Послѣ отрицательнаго отвѣта и послѣдовавшаго затѣмъ удивленія гостя, послѣдній воскликнулъ:

— Ну кто-же вы такіе и какъ можете жить, когда не имѣете бека?

— Мы?... а есть у васъ еще старше бековъ?

— Какъ-же, есть.

— Кто?

— У, большой есть человѣкъ—ханъ!

— Ну, а выше хана есть еще?

— Есть, но далеко только.... самый большой человѣкъ — падишахъ!

— Хорошо. А еще старше падишаха есть?

— Старше? Да кто-же можетъ быть старше падишаха!?... одинъ только аллахъ и пророкъ его Мухаммедъ!

— Ну, вотъ падишахъ намъ равный человѣкъ. У насъ, какъ и у него, кромѣ Бога, никого нѣтъ старше.

При отсутствіи общественной жизни, весь интересъ ингушъ сводится на жизнь частную и семейную. Только событія, совершающіяся въ этомъ тѣсномъ кругу, близко касаются ингуша, радуютъ или волнуютъ его, смотря по свойству событія.

Наиболѣе выдающимися событіями въ жизни ингушъ можно назвать только два явленія: свадьба да смерть. Въ первомъ случаѣ, ингушъ, но не солидный и пожилой, веселится, пьетъ, танцуетъ и поетъ; во-второмъ—неособенно огорчается, если смерть близкаго послѣдовала естественнымъ путемъ, и становится дикимъ звѣремъ, когда этотъ близкій палъ отъ руки врага. Ко всѣмъ остальнымъ, болѣе мелкимъ явленіямъ въ жизни, ингуши относятся спокойно, если это явленіе при томъ не касается еще и матеріальной ихъ стороны.

Казалось-бы, что при живой и энергичной натурѣ ингушъ, когда онъ предается веселью, долженъ-бы предаваться этому веселью съ увлеченіемъ; но на самомъ дѣлѣ мы видимъ не то: танцуетъ-ли ингушъ, поетъ-ли онъ, а все видно, что это онъ дѣлаетъ лишь потому, что на свадьбѣ необходимо плясать и пѣть. Всякое его движеніе, дѣлаемое нехотя и лѣниво, такъ и говоритъ, что веселье—не сфера ингушъ. Точно также и огорчается ингушъ и дико озлобляется не потому, что ему жаль было потерять близкаго человѣка, такъ-какъ родственныя чувства весьма мало развиты въ ингушахъ, а озлобляться они способны при самыхъ пустыхъ причинахъ, — при спорѣ, напримѣръ, о томъ, кто дальше плюнетъ или броситъ камнемъ; — но возмущается ингушъ лишь потому, что смѣли нанести его фамиліи безчестье, оскорбили его самолюбіе. Вѣдь онъ не женщина, чтобы молча снести безчестье! Если ингушъ не вскипятится, то его могутъ обозвать женщиной, а болѣе оскорбительнаго эпитета для ингуша не существуетъ.

IX.

Ингуши обыкновенно вступаютъ въ бракъ послѣ 20-ти лѣтняго возраста; дѣвушки также выходятъ замужъ около этого возраста и не моложе 14 лѣтъ. На развицу въ лѣтахъ между женихомъ и невѣстою не обращается никакого вниманія и весьма часто молодой человѣкъ женится на старшей его лѣтами женщинѣ, а иногда и на старухѣ. Это явленіе вытекаетъ прямо изъ того, что въ большинствѣ случаевъ ингуши, вступая въ бракъ, имѣютъ въ виду не наслажденье семейною жизнью, а лишь практическую потребность имѣть здоровую, работящую и опытную женщину, на рукахъ которой лежитъ обыкновенно вся хозяйственная часть. Жена ингуша и въ домѣ хозяйка и въ полѣ работница: дома она обшиваетъ семью, готовитъ пищу, носитъ воду, ухаживаетъ за скотомъ и птицею; въ полѣ-же помогаетъ мужу пахать, сѣять, жать и косить.

Въ то время, когда ингушъ, окончивъ свои полевыя работы, предается азіатской лѣни, развалясь гдѣ-нибудь на солнечномъ припекѣ и отъ бездѣлья строгая ножичкомъ палку — любимое занятіе ингушъ во время кейфа,— жена его продолжаетъ безустанно трудиться, чтобы держать въ порядкѣ хозяйство и извлекать изъ него какую-нибудь матеріальную пользу.

Не смотря на такое, повидимому, главенство женщины въ ингушской семьѣ, она все-таки не пользуется заслуженнымъ уваженіемъ со стороны мужчинъ и въ глазахъ послѣднихъ представляется не болѣе, какъ вещью, рабочею скотиною. Впрочемъ, это не должно казаться страннымъ, такъ-какъ ингушъ еще недавно покупалъ себѣ жену за довольно дорогую цѣну — 18 коровъ (калымъ) и по этой старой памяти продолжаетъ смотрѣть на жену, какъ на вещь, и третируетъ ее, какъ скотину. Вслѣдствіе такой обстановки, ингушская женщина является въ полномъ смыслѣ рабою. Помимо того, что женщина не имѣетъ никакого права голоса въ семьѣ, она и во внѣшнихъ своихъ отношеніяхъ обязана оказывать мужчинѣ чисто рабское почтеніе. Если, напримѣръ, женщина сидитъ и въ это время проходитъ или проѣзжаетъ мимо мужчина, то женщина обязана встать на ноги и, въ силу азіатскаго этикета, повернуться къ нему задомъ, наклонивъ голову нѣсколько къ землѣ и закрывши лицо платкомъ, т. е. изобразить изъ себя фигуру смиренія.

Лѣтъ 15 тому назадъ ингушская женщина находилась еще

въ большемъ униженіи и зависимости отъ мужчинъ; она рѣшительно не имѣла собственной воли и отецъ, мужъ или братъ были полновластными господами ея. Родственники дѣвушки, часто просватавъ ее еще въ колыбели, выдавали потомъ замужъ, не только не спрашивая ея согласія, но даже и не думая объ этомъ. И по смерти мужа женщина не пріобрѣтала права на свободное распоряженіе своею судьбою: она обязана была выйти замужъ за брата умершаго мужа или за ближайшаго его родственника, если заявлялось на то требованіе этихъ лицъ; въ противномъ-же случаѣ она снова поступала въ полное распоряженіе своихъ родныхъ. И какъ вдова, не взятая въ замужество кѣмъ-либо изъ родственниковъ умершаго мужа, она не имѣла права выйти замужъ, по своему исключительному выбору.

Этотъ варварскій обычай, еще въ началѣ 60-хъ годовъ, обратилъ на себя вниманіе начальства, и по инииціативѣ послѣдняго, въ 1863 году, съ согласія ингушъ, первымъ и непремѣннымъ условіемъ брака постановлено было допустить свободную волю и непринужденное согласіе не одного лишь мужчины, но и женщины, выходящей въ замужество. Съ этого-же времени и калымъ, какъ покупная плата за женщинъ, уничтоженъ и въ замѣнъ этого калыма мужчина, сватая дѣвушку или вдову, обязанъ заплатить родственникамъ невѣсты: 1) 25 рублей въ задатокъ, коими невѣста можетъ располагать по своему усмотрѣнію,—употребить на изготовленіе своего приданаго или отдать часть ихъ и даже всѣ деньги родственникамъ своимъ за воспитаніе и присмотръ за нею, и 2) 80 руб., въ обезпеченіе на случай своей смерти или развода съ женою.

Обезпеченіе — 80 руб., по желанію невѣсты, вносится или до брака, или остается какъ неизмѣнный долгъ, который она можетъ требовать отъ мужа во всякое время и, по выходѣ въ замужество, располагать этою собственностью по своему усмотрѣнію. Истраченныя такимъ образомъ изъ обезпеченія деньги, жена, по смерти мужа, такъ и въ случаѣ развода съ нимъ, не имѣетъ права требовать.

Засватанной дѣвушкѣ или вдовѣ дается свобода отказаться отъ своего жениха; въ этомъ случаѣ, задатокъ 25 руб. и обезпеченіе 80 руб., если оно было отдано, возвращаются жениху. Когда-же «накяхъ»—религіозный обрядъ—совершенъ муллою, а равнымъ образомъ невѣста уже вышла замужъ,—она на разводъ, безъ

согласія мужа, права не имѣетъ; мужу-же дозволяется разводъ во всякое время, не спрашивая согласія жены.

По смерти мужа или развода съ нимъ, женщинѣ дается полная свобода выйти замужъ за кого пожелаетъ и вообще распорядиться своею судьбою по личному усмотрѣнію.

При свободной и незамкнутой жизни ингушскихъ женщинъ, мужчины и женщины имѣютъ полную возможность знакомиться между собою, и потому, въ большинствѣ случаевъ, вопросъ о бракѣ рѣшается по предварительному обоюдному соглашенію мужчины и женщины. Когда такимъ образомъ соглашеніе состоялось, то женихъ о желаніи своемъ вступить въ бракъ съ извѣстной вдовой или дѣвушкой долженъ объявить старшинѣ селенія, сельскому муллѣ и родителямъ или родственникамъ невѣсты. Затѣмъ женихъ приглашаетъ двухъ почетныхъ свидѣтелей и муллу, съ которыми идетъ въ домъ невѣсты и тамъ, въ присутствіи означенныхъ свидѣтелей, мулла спрашиваетъ невѣсту о ея согласіи вступить въ бракъ «съ такимъ-то». Если спрашиваемая изъявитъ требуемое согласіе, то сватъ или одинъ изъ родственниковъ жениха тамъ-же, въ присутствіи муллы и невѣсты, объявляетъ, что онъ за жениха уплачиваетъ полный калымъ; тогда-же вручается невѣстѣ и установленная, задаточная часть калыма, 25 рублей. Послѣ всего этого мулла произноситъ «аминь». Съ этого момента бракъ признается законно совершеннымъ и тутъ-же дѣлается условіе о томъ, когда невѣста или, вѣрнѣе, уже жена должна быть взята въ домъ мужа.

Казалось-бы, что при такомъ довольно опредѣленномъ и публичномъ способѣ сватовства никакимъ злоупотребленіямъ со стороны родственниковъ невѣсты, желающихъ во что бы-то ни стало выдать ее замужъ, не можетъ быть мѣста, а между тѣмъ нерѣдко при такихъ обстоятельствахъ совершается ингушами подлогъ въ невѣстахъ. При такомъ щекотливомъ предложеніи, какъ замужество, дѣвушка, по обычаю, не можетъ быть прямо на лицо, а находится во время означенной процедуры въ особой комнатѣ и вопросы ей предлагаются черезъ двери или окно. Поэтому, если сватаемая дѣвушка не хочетъ выйти за предлагаемаго жениха, а родственники ея этого желаютъ, то въ комнату запираютъ какое-нибудь подставное лицо, которое и отвѣчаетъ согласіемъ на вопросъ муллы. Потомъ дѣвушку-невѣсту уговариваютъ выйти замужъ и не дѣлать скандала обнаруженіемъ подлога. Въ большинствѣ случаевъ дѣвушка всегда покоряется ожидающей

ея участи, чтобы избавиться отъ всевозможныхъ гоненій и со стороны мужа, и со стороны своихъ родственниковъ; но встрѣчаются и такія дѣвушки, которыя не поддаются на описанную уловку и прямо заявляютъ, кому слѣдуетъ, о подлогѣ.

По совершеніи означеннаго обряда—«накяха», какъ сказано выше, дѣвушка уже не имѣетъ права отказаться отъ жениха; равнымъ образомъ и никто другой не вправѣ отбить ее отъ этого жениха. Но если, вслѣдствіе упорнаго нежеланія дѣвушки или женщины сочетаться бракомъ, женихъ будетъ поставленъ въ необходимость отказаться отъ невѣсты и дать ей свободу, то она лишается права выйти замужъ за другого ранѣе шести мѣсяцевъ послѣ этого отказа. Въ случаѣ-же нарушенія этого правила и выхода въ замужество ранѣе установленнаго срока, родители или родственники такой женщины подвергаются взысканію въ пользу перваго жениха: полной платы калыма въ 105 р. и всѣхъ убытковъ, понесенныхъ этимъ женихомъ при сватовствѣ, а женившійся на такой женщинѣ обязанъ уплатить ему 300 руб. и подвергается штрафу въ 50 руб., какъ за отбитіе невѣсты.

За нарушеніе означенныхъ правилъ, относительно размѣра платы калыма, съ жениха, съ родственниковъ невѣсты и старшины аула, допустившаго нарушеніе этихъ правилъ, взыскивается штрафъ—по 50 руб. съ каждаго виновнаго. Если невѣста отдается въ замужество въ другое общество, гдѣ означеннаго постановленія о бракѣ не существуетъ, и родственники невѣсты возьмутъ съ жениха болѣе опредѣленной платы, виновные подвергаются штрафу въ 100 руб., а старшина—50 руб.

Когда процедура считается конченною, невѣстѣ изготовлено надлежащее приданое и женихъ успѣлъ запастись достаточнымъ количествомъ угощенія для предстоящаго праздества, то отправляется поѣздъ за невѣстою, состоящій изъ молодыхъ людей—родственниковъ и пріятелей жениха. Въ сопровожденіи этихъ молодыхъ людей и дѣвушекъ — подругъ невѣсты, эта послѣдняя въ арбѣ, по обыкновенію запряженной парою воловъ, перевозится въ домъ жениха. Невѣста всегда бываетъ закрыта шалью отъ любопытныхъ взоровъ и помѣщается въ арбѣ въ срединѣ своихъ подругъ; молодые люди слѣдуютъ тутъ-же верхами. При этомъ свадебномъ поѣздѣ непремѣнно состоитъ музыкантъ — зурначъ, который во всю дорогу, подъ акомпаниментъ барабана, извлекаетъ изъ своего нехитраго инструмента—какого-то первообраза кларнета—убійственно однообразные и пискливые звуки, напоми-

нающіе крикъ кошки, которой сжимаютъ хвостъ. Какъ въ этомъ поѣздѣ, такъ и вообще въ свадебномъ пиршествѣ, женихъ участія не принимаетъ и все это время гдѣ-нибудь скрывается у родственниковъ, или въ домѣ друга.

Въ былое время, когда ингушъ носилъ оружіе и могъ стрѣлять, не опасаясь денежнаго взысканія, свадебные поѣзды представляли болѣе оживленный видъ, нежели теперь: тутъ ингушъ могъ щегольнуть и своимъ лихимъ конемъ, оружіемъ, и своею удалью. Джигитовка и стрѣльба продолжались во все время дороги свадебнаго поѣзда, развлекая прекрасный полъ.

По доставленіи невѣсты въ домъ жениха открывается веселье, продолжающееся три дня, а у болѣе зажиточныхъ и дольше. Во все это время идетъ угощеніе, которое главнымъ образомъ состоитъ изъ араки. Почтенные люди сидятъ кружкомъ и угощаясь болтаютъ о разныхъ разностяхъ, а молодежь въ это время пляшетъ и поетъ. Танецъ ингушъ напоминаетъ лезгинку и обыкновенно этотъ танецъ исполняется двумя особами: мужчиною и дѣвушкою. Присутствующіе составляютъ кругъ и въ тактъ зурнѣ хлопаютъ въ ладоши и въ болѣе оживленныхъ па танца гикаютъ. Когда одна пара окончитъ танецъ, то въ кружокъ выходитъ слѣдующій молодой человѣкъ, который слегка начинаетъ приплясывать, ожидая выхода въ кругъ дѣвушки. Эти послѣднія, прежде чѣмъ которая-либо изъ нихъ выйдетъ въ кругъ, начинаютъ ломаться. Если уже прекрасный полъ заставляетъ вышедшаго въ кругъ мужчину слишкомъ долго ожидать себя, то кто-нибудь изъ присутствующихъ насильно выталкиваетъ къ нему первую попавшуюся дѣвушку; иногда такого рода приглашеніе сопровождается ударомъ плети. На свадьбѣ присутствуютъ и замужнія женщины, но участія въ танцахъ не принимаютъ — это не въ обычаѣ ингушъ.

Одинъ разъ навсегда сложившихся пѣсенъ у ингушъ нѣтъ или по-крайней-мѣрѣ ихъ никто не знаетъ; но поются ими обыкновенно импровизированныя пѣсни. Содержаніе этихъ пѣсенъ всегда одинаково: ими воспѣваются добродѣтели, удальство и храбрость какого-нибудь джигита. Тема импровизаціи поется какою-нибудь дѣвушкою соло, а въ концѣ фразы начинаетъ пѣть и хоръ, но одними лишь звуками, безъ словъ.

На третій день свадебнаго празднества, лицо, у котораго гостилъ женихъ въ это время, посылаетъ отъ себя на свадьбу барана и въ ту-же ночь ведетъ жениха домой къ невѣстѣ. За

оказанное гостепріимство женихъ даритъ этому лицу какую-нибудь вещь: черкеску, башлыкъ или ноговицы.

Послѣ этого кратковременнаго свадебнаго празднества, въ которомъ сама невѣста и участія не принимаетъ, а сидитъ въ саклѣ за занавѣскою и подъ бѣлымъ покрываломъ, начинается страдная эпопея жизни ингушской женщины.

X.

Многоженство у ингушъ, какъ вообще у магометанъ, допускается; но этимъ правомъ имѣть нѣсколько женъ пользуются весьма немногіе, какъ вслѣдствіе неимѣнія средствъ заплатить калымъ за нѣсколько женъ, такъ и для сохраненія въ домѣ спокойствія, которое неизбѣжно нарушается и влечетъ массу непріятностей для мужа, когда онъ имѣетъ неосторожность завестись двумя даже женами. Неудобство имѣть двухъ женъ вошло у ингушъ даже въ поговорку: ши сэсыкъ ёл чунъ коо джа̀ле дэзыцъ, т. е. у кого есть двѣ жены — тому собаки не нужно. Эта поговорка употребляется въ смыслѣ постоянной грызни и брани двухъ женъ между собою и съ мужемъ.

Такъ-какъ въ большинствѣ случаевъ браки между ингушами совершаются не вслѣдствіе сердечнаго влеченія, а изъ одной необходимости имѣть въ домѣ лишнюю рабочую силу, то поэтому чувство уваженія и привязанности между супругами весьма незначительно развиты, да и не могутъ получить бо̀льшаго развитія, пока ингуши будутъ продолжать относиться къ своимъ женамъ чисто по-скотски. Даже такое звѣно, какъ дѣти, невсегда тѣсно связуетъ супруговъ и самая привязанность ихъ къ дѣтямъ есть чисто животное чувство, а сердце въ этой привязанности почти совсѣмъ не принимаетъ участія. Родители и особенно отецъ относятся къ дѣтямъ совершенно равнодушно; да и самый обычай порицаетъ въ ингушахъ проявленіе родительскаго чувства: ингушъ нетолько считаетъ неприличнымъ взять на руки или приласкать своего ребенка, но даже, въ присутствіи другихъ, назвать его по имени. Точно также считается непозволительнымъ называть свою жену по имени или вообще говорить о ней или о дѣтяхъ что-нибудь. Естественно, что равнодушіе со стороны

родителей влечетъ за собою тоже чувство со стороны дѣтей. Мы всегда ужасаемся, когда намъ приходится слышать о разныхъ случаяхъ отцеубійства или наоборотъ, но между ингушами совершеніе такого преступленія бываетъ довольно частымъ явленіемъ: раздраженный ингушъ не соображаетъ того, кто противникъ его, и равно убиваетъ какъ посторонняго, такъ и кровнаго родного своего.

Въ то время, когда ингушская женщина, до установленія за нею права свободнаго выбора мужа, была лишена всякихъ человѣческихъ правъ и не смотря ни на слезы, ни на мольбы, ни на сопротивленіе, ее, какъ барана, продавали за калымъ, получаемый родными, и сваливали на арбу, чтобы отвезти въ домъ жениха, — она и физически обрекалась на страданія: мужъ билъ, истязалъ, морилъ голодомъ и холодомъ свою непокорную рабу-жену. Не смотря на совершеніе такихъ жестокостей, обычай стоялъ на сторонѣ мужа и не принималъ страданій женщины за достаточный поводъ къ разводу; во всякомъ случаѣ жена могла развестись съ тираномъ-мужемъ лишь по согласію послѣдняго. Само-собою разумѣется, что озлобленный мужъ не легко и охотно выпускалъ изъ рукъ свою несчастную жертву.

При такомъ положеніи порабощенной женщины, единственнымъ протестомъ противъ насилія ея человѣческой воли, принужденія родственниковъ и дурного обращенія мужа былъ побѣгъ отъ послѣдняго; но родственники бѣжавшей женщины, сколько по отсутствію родственныхъ чувствъ, столько-же и вслѣдствіе требованія неумолимаго обычая, опять возвращали несчастную мужу, какъ уже проданную вещь. Она снова бѣжала, но снова возвращалась, чтобы терпѣть еще большія гоненія и страданія, и такимъ образомъ дѣло тянулось до-тѣхъ-поръ, пока мужъ, наскучивъ частыми побѣгами жены, являлся съ жалобою въ горскій судъ. Судъ этотъ, не имѣя права дать разводъ женщинѣ, безъ согласія деспота-мужа, рѣшалъ дѣло слѣдующимъ обычнымъ образомъ: отъ родственниковъ женщины и отъ жалующагося мужа судъ бралъ поручителей изъ честныхъ и почетныхъ людей въ томъ, что жена въ назначенный срокъ будетъ возвращена мужу и останется у него въ домѣ, а мужъ будетъ доставлять женѣ все необходимое въ жизни и хорошо обращаться съ нею. Иногда подобное рѣшеніе, подъ бдительнымъ надзоромъ хорошихъ и умныхъ поручителей, достигало цѣли: жена оставалась въ домѣ мужа и семейное спокойствіе возстановлялось; но въ большинствѣ

случаевъ, бѣгство жены возобновлялось, не смотря ни на какихъ поручителей.

Наконецъ мужъ, потерявъ свое упрямое терпѣніе, вынужденъ бывалъ и печальнымъ положеніемъ дѣла, и увѣщаніями судей и родственниковъ дать женѣ разводъ. Когда разводъ совершался такимъ путемъ, то мужу возвращался уплаченный имъ за жену калымъ и мужъ оставлялъ у себя въ домѣ все принесенное женою имущество.

Въ виду такого отчаяннаго положенія женщины, при измѣненіи обычаевъ о бракѣ въ 1863 году, постановлено также, что варварское обращеніе мужа съ женою: побои, обжоги, пораненіе, пытка голодомъ и холодомъ и вообще насилія и истязанія должны служить причиною развода жены съ мужемъ, безъ согласія на то послѣдняго. Въ этихъ случаяхъ жена, требующая развода, обязана заявить о томъ горскому словесному суду; судъ, убѣдившись путемъ дознанія въ истинѣ и справедливости жалобы, назначаетъ одного посредника—человѣка извѣстнаго своимъ хорошимъ поведеніемъ и добросовѣстностью, для наблюденія за поведеніемъ и отношеніями мужа и жены. Если послѣ этого вновь поступитъ жалоба жены и посредникъ заявитъ суду о дѣйствительности жестокаго обращенія съ нею мужа и вообще о дурномъ содержаніи ея, то судъ, давъ посреднику присягу съ двумя присяжниками для подтвержденія данныхъ имъ показаній, дѣлаетъ разводъ и жена получаетъ полную свободу. При такомъ разводѣ жена получаетъ отъ мужа слѣдуемое ей и недоданное обезпеченіе въ 80 руб. и все принадлежащее ей имущество, при чемъ можетъ выйти замужъ во всякое время.

Если-же жена, безъ всякихъ видимыхъ причинъ, послѣ неоднократныхъ побѣговъ отъ мужа и возвращенія къ нему, вновь уйдетъ отъ своего мужа, то она обязана возвратить мужу полученный ею калымъ и оставить мужу все принесенное ею въ домъ его имущество, а родственники жены, сверхъ того, подвергаются взысканію въ пользу обиженнаго мужа двойного калыма, т. е. 210 руб. Кромѣ того, разведенная такимъ образомъ жена лишается права втеченіи шести мѣсяцевъ выйти замужъ за другого, а если кто-нибудь женится на ней до истеченія этого срока, то онъ подвергается взысканію въ пользу перваго мужа двойного калыма—210 руб., за безчестіе 300 руб. и сверхъ того подвергается штрафу въ 50 руб.

Мужъ, какъ мы видѣли выше, во всякое время, по своему

желанію, имѣетъ неограниченное право дать разводъ своей женѣ, хотя-бы послѣдняя и не была согласна на это. Въ настоящее время, мужъ, прогнавши по своему желанію жену, не имѣетъ права требовать возвращенія калыма, а напротивъ, обязанъ доплатить недоданную сумму обезпеченія въ 80 руб. Въ прежнее-же время, т. е. до 1863 года, весь калымъ, всѣ издержки по свадьбѣ и даже всѣ мельчайшіе подарки, сдѣланные при сватовствѣ, возвращались мужу сполна, за исключеніемъ расходовъ, сдѣланныхъ родственниками жены на ея приданое и свадьбу. Расчетъ при разводѣ не забывалъ даже тѣхъ мелочныхъ расходовъ на поминки, которые туземный похоронный обрядъ налагаетъ на породнившіяся бракомъ фамиліи.

По прежнему обычаю, женщина, получившая разводъ, до-тѣхъ-поръ не могла выйти замужъ, пока весь калымъ, уплаченный ея мужемъ, не былъ возвращенъ ему сполна. Женщина, получившая разводъ, за которой оставался какой-либо долгъ по первому браку, вышедшая замужъ за другого, считалась отбитой женой, что возбуждало кровную вражду и месть со стороны перваго мужа.

Молодая женщина, получившая разводъ, весьма часто обречена было вести безбрачную жизнь, или потому, что родственники ея не имѣли средствъ возвратить какой-нибудь ничтожной доли калыма мужу ея, или чаще потому, что самъ мужъ уклонялся отъ принятія калыма единственно съ тою цѣлью, чтобы разведенная жена была «ни ему, ни другому». Злой нравъ ингуша въ этихъ случаяхъ можно было переломить только насильственными мѣрами. Такъ, родственники женщины, получившей разводъ, доставляли обыкновенно калымъ въ участковое управленіе, депутаты оцѣнивали и возвращали его мужу; но упрямство нѣкоторыхъ ингушъ доходило до того, что они бросали на произволъ судьбы врученный имъ въ счетъ калыма скотъ, который нерѣдко пропадалъ безъ вѣсти. При скрывательствѣ-же и неявкѣ мужа за полученіемъ калыма, женщинѣ выдавалось отъ участковаго пристава свидѣтельство на свободное вступленіе въ бракъ, съ обязательствомъ ея родственниковъ возвратить калымъ прежнему мужу, по его требованію.

Если родственники разведенной съ мужемъ жены были не въ состояніи въ опредѣленное время возвратить калымъ ея мужу, они выдавали корову съ телкомъ, которая, при окончательномъ расчетѣ, въ плату калыма не шла, но считалась фактическимъ

выраженіемъ согласія мужа на разводъ. Если мужъ, давшій женѣ разводъ, отказывался впослѣдствіи отъ исполненія своего обѣщанія, корова съ телкомъ служила обычной уликой и доказательствомъ въ судѣ, что женщинѣ дѣйствительно данъ разводъ.

Въ томъ случаѣ, когда мужъ фактически докажетъ, что онъ даетъ женѣ разводъ вслѣдствіе развратнаго ея поведенія, жена обязана возвратить ему весь или часть полученнаго ею калыма.

При разводѣ мужа съ женою, прижитыя въ супружествѣ дѣти, сыновья и дочери, остаются въ домѣ отца, на его попеченіи; мать не имѣетъ никакого права требовать ихъ отъ мужа къ себѣ или въ домъ своихъ родственниковъ.

Чисто скотскія отношенія между собою супруговъ и отсутствіе сердечнаго влеченія другъ къ другу побуждаютъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, прибѣгать къ удовлетворенію чувственныхъ потребностей своей пылкой и страстной натуры на сторонѣ, внѣ брачнаго сожительства. Поэтому развратъ и разныя эротическія похожденія въ ингушскихъ селеніяхъ развиты до послѣдней степени, хотя всѣ безобразія проституціи прикрываются самой строгой тайной, которую стерегутъ убійство и кровная месть свирѣпаго ингуша. Тѣмъ не менѣе нравственная распущенность ингушъ до такой степени сильна, что, напримѣръ, оставаясь наединѣ съ женщиною или встрѣтившись съ нею въ полѣ или въ лѣсу, ингушъ всѣ свои разговоры сводитъ на то, чтобы склонить женщину удовлетворить его чувственнымъ побужденіямъ и употребляетъ все свое умѣнье льстить и обѣщать, чтобы только достигнуть своей цѣли, и въ концѣ концовъ почти всегда достигаетъ этой цѣли, такъ-какъ ингушская женщина, легковѣрная, безстыдная и сладострастная, безъ особенной борьбы отдается соблазнительнымъ обѣщаніямъ развратной молодежи.

Нетолько замужняя женщина, но и почти всякая дѣвушка у ингушъ доступна для сладострастныхъ увлеченій.

Обнаруженіе прелюбодѣянія и особенно на мѣстѣ преступленія, за весьма рѣдкими исключеніями, влечетъ за собою убійство любовника; въ прежнее время за это преступленіе обрѣзывали женщинѣ носъ.

Въ то время, когда за обольщеніе женщины обычай предоставлялъ право мужу, брату или отцу ея мстить обольстителю и преслѣдовать самою женщину, мужчина свободно могъ сколько-угодно нарушать супружескую вѣрность и не подвергаться за это никакому взысканію.

Женщина и въ настоящее время не имѣетъ права на разводъ за измѣну мужа, но за нарушеніе ею супружеской вѣрности мужъ можетъ дать ей разводъ, съ тѣми обычными послѣдствіями, которыя влечетъ за собою разводъ съ развратною женою. Кромѣ того наперстникъ невѣрной супруги обязанъ уплатить оскорбленному мужу три *барча* *), а также три барча платятъ и родственники провинившейся жены, что составляетъ 48 коровъ, изъ коихъ половина должна быть тельныхъ и половина яловыхъ.

Для доказательства невѣрности жены для горскаго словеснаго суда достаточно заявленія о томъ одного мужа. Тайну о своей любовной связи женщина выдаетъ лишь подъ вліяніемъ дикихъ угрозъ мужа, изъ боязни пытки и насильственной смерти, но раскаяніе, стыдъ и совѣсть не играютъ въ этомъ признаніи никакой роли.

XI.

Страстная натура ингушъ, не удовлетворяясь добровольнымъ соглашеніемъ женщинъ на любовныя удовольствія, зачастую вызываетъ ихъ на совершеніе насильственныхъ дѣйствій противъ женщинъ; поэтому похищеніе и изнасилованіе женщинъ было и есть явленіемъ очень обыкновеннымъ въ средѣ ингушъ.

Также въ большомъ ходу и похищеніе дѣвушекъ—невѣстъ, какъ по согласію, такъ и безъ согласія ихъ. Руководящимъ побужденіемъ у ингушъ къ похищенію дѣвицъ можно назвать два желанія: первое — во что бы-то ни стало добыть себѣ женщину, которая нравится ему и добровольно не соглашается удовлетворить его страстнымъ требованіямъ и другое — великодушно завладѣть дѣвушкой, когда ее насильно желаютъ выдать замужъ за немилаго ей человѣка. Въ первомъ случаѣ ингушъ прибѣгаетъ къ насилію и для этого выискиваетъ удобное время запопасть гдѣнибудь наединѣ предметъ своей страсти и увлечь его къ себѣ,

*) *Барчъ* — это плата за безчестье, оскорбленіе, такъ называемая почетная плата. Первый барчъ составляетъ десять коровъ, второй — восемь и третій—шесть, всего три барча составляютъ 24 коровы, изъ коихъ половина тельныхъ и половина яловыхъ.

а въ другомъ—сама дѣвушка добровольно отдается въ руки его, чтобы этимъ путемъ избавиться отъ предстоящаго ей брака по неволѣ. Ни одинъ ингушъ, считающій себя мужчиною въ героическомъ смыслѣ, не откажется, когда представляется возможность, похитить насильственно или добровольнымъ путемъ привлекающую его женщину, несмотря на то, что похищеніе женщинъ у ингушъ сопряжено съ величайшими опасностями, не только для жизни самого похитителя, но и родственниковъ его, которымъ, если самому похитителю удалось благополучно ускользнуть, родственники увезенной женщины немедленно начинаютъ мстить, и кромѣ того влечетъ за собою при обычномъ разборѣ дѣла довольно значительныя по средствамъ ингушъ матеріальныя потери.

Зная эти тяжкія послѣдствія увоза женщинъ, ингушъ въ этихъ случаяхъ прежде всего старается завести похищенную имъ въ домъ къ какому-нибудь сильному своимъ вліяніемъ и почетомъ человѣку и только подъ покровительствомъ такого человѣка можетъ на первое время считать свою жизнь внѣ опасности. Если такой счастливый исходъ удастся получить похитителю, то лицо, къ которому онъ прибѣгнулъ подъ покровительство, принимаетъ всѣ мѣры къ тому, чтобы примирить похитителя съ обиженными родственниками похищенной женщины и этимъ положить предѣлъ стремленію послѣднихъ кровавымъ путемъ отомстить похитителю. Затѣмъ уже дѣло поступаетъ, если не состоялось окончательнаго домашняго примиренія между сторонами, для обычнаго разбора въ горскій словесный судъ, а въ настоящее время, по желанію потерпѣвшей стороны, можетъ быть разсматриваемо и во Владикавказскомъ окружномъ судѣ.

При разборѣ дѣлъ о похищеніи женщинъ въ горскомъ словесномъ судѣ, обычай налагаетъ слѣдующія взысканія:

За похищеніе дѣвицы, по согласію ея, но безъ вѣдома родителей или родственниковъ ея, виновный подвергается денежному взысканію въ 50 руб. въ пользу родственниковъ похищенной и 50-ти рублевому штрафу.

Если похищеніе произошло по наущенію или съ согласія родителей или родственниковъ, но безъ желанія на то самой похищенной, хотя-бы она впослѣдствіи и согласилась остаться женою увезшаго ее, то родители или родственники, а также похититель подвергаются взысканію денежнаго штрафа, первые въ размѣрѣ 50, а послѣдній—100 рублей.

Если похищеніе произошло безъ согласія похищенной и безъ

вѣдома родителей или родственниковъ и притомъ дѣвушка не была обезчещена, то послѣдняя немедленно возвращается въ домъ свой, а виновный подвергается взысканію въ пользу родственниковъ похищенной полнаго калыма—105 руб. и штрафа въ 150 р.

За похищеніе просватанной уже невѣсты полагается взысканіе какъ за отбитіе невѣсты, т. е. родственники похищенной невѣсты платятъ обиженному жениху полный калымъ 105 руб. и всѣ убытки, невѣста возвращаетъ полученную часть калыма, а похититель обязанъ заплатить потерпѣвшему двойной калымъ—210 руб., за безчестье 300 руб., и подвергается наложенію штрафа въ 50 руб.

За похищеніе или отбитіе чужой жены полагается тоже взысканіе, какъ за прелюбодѣяніе съ чужой женой.

При обычномъ разборѣ дѣла, главный виновный почти никогда не отрицаетъ своей виновности, такъ-какъ самый фактъ похищенія достаточно изобличаетъ вину его, но онъ весьма рѣдко выдаетъ своихъ товарищей — соучастниковъ, безъ содѣйствія которыхъ не обходится ни одно похищеніе. Указаніе самой похищенной на участниковъ ея похитителя принимается обычаемъ безъ всякихъ другихъ доказательствъ; но этого рода заявленіе очень рѣдко можно слышать на судѣ отъ потерпѣвшей: увезенная женщина, подъ давленіемъ смущенія и страха, испытаннаго ею при похищеніи, обыкновенно невсегда можетъ замѣтить сподвижниковъ своего похитителя, а если иногда замѣчаетъ ихъ, то не обнаруживаетъ изъ боязни навлечь вражду ихъ на своихъ родственниковъ.

Если-же сами родственники увезенной дѣвушки или женщины указываютъ на соучастниковъ главнаго виновнаго, но положительныхъ и ясныхъ уликъ не представляютъ, то судъ каждому обличаемому въ пособничествѣ назначаетъ присягу съ двумя присяжниками изъ сосѣдей, людей благонадежныхъ, въ томъ, что они не участвовали въ похищеніи и не знаютъ участниковъ этого дѣла. Такая-же присяга назначается и главному обвиняемому: онъ долженъ заявить подъ присягою, что указанные соучастники не содѣйствовали совершенному имъ похищенію и что самое похищеніе сдѣлано имъ однимъ, безъ помощи другихъ.

Изнасилованіе дѣвушки или женщины обыкновенно и чаще всего разрѣшается убійствомъ, но послѣднее преступленіе по обычаю не искупалось первымъ: каждое изъ нихъ было самостоятельное и отвѣтственное.

До 1872 года дѣла о изнасилованіи и растлѣніи между туземцами вѣдались по обычаямъ горскими словесными судами; но въ настоящее время дѣла этого рода изъяты изъ вѣдомства горскихъ судовъ и подсудны общимъ судебнымъ учрежденіямъ и наказаніе опредѣляется по общимъ-же законамъ.

При разборѣ дѣлъ по изнасилованіямъ въ горскомъ судѣ у ингушъ существовали слѣдующіе обычаи:

За изнасилованіе дѣвушки, вслѣдствіе чего она невольно должна была заявить желаніе сдѣлаться женою насилователя, послѣдній, кромѣ уплаты дѣвушкѣ обычнаго калыма — 105 руб., подвергался взысканію въ пользу родителей или родственниковъ изнасилованной дѣвушки двойного калыма — 210 руб. и штрафу 50 руб.

Если-же изнасилованная дѣвушка и послѣ такого безчестья не соглашалась сдѣлаться женою обвиняемаго и если она при томъ была похищена насилователемъ, то она немедленно возвращалась въ домъ родителей или родственниковъ ея, а обвиняемый подвергался взысканію въ пользу обиженной дѣвушки двойного калыма, въ пользу родителей или родственниковъ ея 105 руб. и подвергался ссылкѣ на срокъ административнымъ порядкомъ.

За изнасилованіе замужней женщины виновный обязанъ былъ заплатить мужу потерпѣвшей три барча, т. е. 24 коровы. Изнасилованная жена, по желанію мужа, или остается при мужѣ, что случается весьма рѣдко, или, обыкновенно, отправляется къ своимъ родственникамъ, т. е. получаетъ отъ мужа разводъ.

За изнасилованіе просватанной дѣвушки или вдовы, кромѣ платы какъ за изнасилованіе дѣвушки, которая послѣ этого не соглашается быть женою насилователя, послѣдній обязанъ былъ еще заплатить жениху изнасилованной хорошую лошадь, стоимостью не менѣе 30 руб., и на угощеніе большого барана и четыре котла араки. Женихъ изнасилованной невѣсты имѣетъ право отказаться отъ нея и получить обратно внесенный имъ калымъ или часть его.

Кромѣ означенной отвѣтственности, виновный въ изнасилованіи обязанъ былъ замѣнить всю порванную при этомъ одежду дѣвушки или женщины новою.

Покушеніе на изнасилованіе женщины или дѣвушки влекло ту-же отвѣтственность, какъ и за совершенное изнасилованіе.



Чаще всего виновный въ изнасилованіи дѣвушки или вдовы, для избѣжанія кровной вражды со стороны оскорбленныхъ род-

ственниковъ ея и когда дѣло не доходитъ до суда, женится на изнасилованной, но подобный бракъ не обязателенъ.

Горскій словесный судъ, при разборѣ дѣлъ по изнасилованію, признавалъ фактъ совершившимся и не требовалъ въ подтвержденіе доказательствъ, если объ этомъ заявлялъ мужъ, братъ или отецъ, принявъ такимъ образомъ на себя позоръ обнаруженія передъ обществомъ сдѣланнаго ему безчестья, или когда это заявляла суду сама потерпѣвшая. Это единственная въ обычаѣ ингушъ жалоба, предъявленіе которой служило въ тоже время и самымъ доказательствомъ, не требовавшимъ присяжныхъ удостовѣреній. Судъ приступалъ къ разслѣдованію только такихъ обстоятельствъ дѣла, которыя могли иногда стать въ разрѣзъ физической возможности совершенія преступленія. Въ этихъ случаяхъ обвиняемому назначалась очистительная присяга съ пятью присяжными, въ числѣ коихъ должны были находиться двое родственниковъ обвиняемаго.

Трудно доискаться истинной причины, почему ингушскій обычай въ дѣлѣ изнасилованія женщинъ принималъ бездоказательное заявленіе о томъ самой потерпѣвшей, мужа или близкихъ родственниковъ ея; но вѣроятнымъ истолкованіемъ этого обычая, дававшаго такое широкое право потерпѣвшему, какъ изрѣченіе обвинительнаго приговора, нужно принять весьма щекотливое отношеніе ингушъ ко всѣмъ случаямъ, гдѣ обнаруживается безчестящія ихъ обстоятельства, какимъ естественно нужно признать и оскорбленіе чести имъ близкихъ женщинъ.

Всякое позорное обстоятельство, которое становится достояніемъ гласности и толпы, вызываетъ въ средѣ ингушъ безконечныя насмѣшки и остроты, доходящія иной разъ до того, что предмету этихъ насмѣшекъ нельзя никуда показаться, а иногда, при ссорѣ, и серьезно упрекаютъ неповиннаго человѣка этимъ безчестьемъ; такого рода насмѣшки и упреки, всегда стремящіеся къ тому, чтобы унизить достоинство мужчины, такъ высоко чтимое ими, составляютъ самую ѣдкую обиду для самолюбія ингуша, обиду большую, нежели та, которая послужила основаніемъ къ ней. Поэтому ингушъ скорѣе подавитъ въ себѣ выступающее наружу проявленіе оскорбленнаго чувства, если онъ не имѣетъ возможности немедленно отомстить убійствомъ оскорбителю, и прибѣгнетъ къ средствамъ тайной мести, нежели сдѣлаетъ свое безчестье предметомъ шутокъ и насмѣшекъ. Ингушъ признаетъ достойнымъ и почтеннымъ дѣломъ самоуправную расправу съ

своимъ врагомъ, а жалобу считаетъ слабостью и отсутствіемъ достаточной храбрости, чтобы лично раздѣлаться съ нимъ. Зная эту щекотливую сторону ингушъ, составители приведеннаго обычая могли полагаться, что къ посредству этого обычая прибѣгнутъ только въ дѣйствительно крайнемъ случаѣ и даромъ не станутъ злоупотреблять имъ.

Если ингушъ успѣваетъ скрыть отъ огласки какое-либо позорное обстоятельство, то далеко нельзя сказать, чтобы на этомъ и успокоивался онъ. Всѣ помыслы его послѣ этого обращаются къ тому, чтобы достойнымъ образомъ отомстить человѣку, ставшему причиною его безчестья. И правда, нѣтъ средства, передъ которымъ, въ этомъ случаѣ, могъ остановиться ингушъ: злая месть настигаетъ ненавистнаго человѣка въ то время, когда онъ менѣе всего могъ ожидать ея. Для достиженія этой коварной цѣли ингушъ иногда тѣсно сближается съ своею жертвою, заключаетъ присяжное братство и затѣмъ, при удобномъ случаѣ, поражаетъ своего врага. Неудивительно поэтому, что между ингушами, какъ увидимъ ниже, весьма часто случаются неизвѣстно кѣмъ совершаемыя убійства, безъ всякой видимой причины, но, безошибочно можно сказать, что эта причина — всегда затаенная жажда мести за оскорбленное самолюбіе.

XII.

Смерть и похороны у ингушъ, какъ замѣтилъ я выше, составляютъ одно изъ событій, выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ.

Человѣкъ, покончившій съ своею земною юдолью, даетъ возможность своимъ родственникамъ, сосѣдямъ и постороннимъ лишній разъ развлечься въ своей бѣдной разнообразіями жизни и всласть удовлетворить всегда готовому въ такихъ случаяхъ апетиту.

Какъ только въ селеніи стало извѣстно о кончинѣ какого-нибудь человѣка, всѣ родственники и односельцы, мужчины и женщины, стремятся во дворъ покойнаго, чтобы отдать послѣднюю честь усопшему и совершить заупокойную молитву—*дуа*.

Вѣсть о смерти быстро облетаетъ сосѣднія селенія, изъ ко-

торыхъ всѣ близкіе и дальніе родственники, друзья и пріятели также спѣшатъ въ домъ умершаго.

Всякій родственникъ и другъ умершаго, по обычаю, долженъ сдѣлать приношеніе семьѣ покойнаго, смотря по состоянію каждаго. Кто можетъ, тотъ жертвуетъ быка, корову, телка, барана, вообще что-нибудь изъ съѣстныхъ припасовъ, или-же деньгами, но не менѣе какъ на сумму одного рубля. Женщины-родственницы приносятъ или привозятъ кусокъ ситцу, кумачу или другой матеріи, стоимостью также не менѣе одного рубля. Когда эти женщины ѣдутъ изъ другого селенія, то куски этихъ матерій привязываютъ на палки, которыя втыкаютъ въ арбу, такъ-что всегда издали, по этимъ импровизированнымъ флагамъ, можно узнать путешествующихъ на похороны женщинъ; мужчины въ этихъ поѣздахъ не участвуютъ, а отправляются отдѣльно.

Всѣ означенныя приношенія родственниковъ и близкихъ друзей умершаго имѣютъ большое практическое значеніе, такъ-какъ идутъ на угощеніе посѣтителей, безъ чего ни одинъ самый зажиточный ингушъ не въ состояніи былъ-бы, не раззорившись до послѣдней степени, соблюсти похоронный обычай, требующій, въ видѣ поминокъ по умершему, предлагать угощеніе каждому посѣтителю, которые въ подобныхъ случаяхъ собираются не десятками, а сотнями. Только при этой посторонней помощи ингуши могутъ задавать похоронный пиръ въ истинно-гомеровскихъ размѣрахъ. Несоблюденіе этого обычая считается за отказъ поддерживать на будущее время родственныя или пріятельскія отношенія.

Умершаго или умершую естественною смертью ингуши придаютъ погребенію, если успѣютъ приготовить могилу, въ тотъ-же день и никакъ не позже другого дня. Собственно погребеніе не сопровождается у ингушъ никакими особенными церемоніями; обыкновенно, завернувъ покойнаго или покойную въ бѣлый саванъ—кусокъ бязи, везутъ его на арбѣ въ послѣднее жилище—могилу, и тамъ, по мусульманскому обряду, кладутъ на правый бокъ, головою на западъ и лицомъ на югъ. Послѣ погребенія мулла читаетъ молитву, а люди состоятельные нанимаютъ одного муллу читать молитвы на могилѣ покойнаго, а другого—въ домѣ его, втеченіи трехъ сутокъ. Втеченіи-же этихъ трехъ сутокъ продолжается и посѣщеніе родственниками и знакомыми дома умершаго и угощеніе посѣтителей; посѣщенія и поминки продолжаются и дольше, если умершій былъ человѣкъ почетный и богатый.

Всякій незнакомый человѣкъ, проѣзжающій мимо двора, гдѣ есть умершій, обязанъ по обычаю войти во дворъ и совершить молитву, или-же, по-крайней-мѣрѣ, слѣзть съ лошади и пройти пѣшкомъ мимо такого двора.

Въ погребальной процессіи, т. е. въ шествіи на кладбище, женщины совсѣмъ не принимаютъ участія, и втеченіи трехъ дней, оставаясь въ домѣ умершаго или умершей, выражаютъ свою скорбь плачемъ, причитаніями о всѣхъ добродѣтеляхъ усопшаго, и близкія родственницы умершаго предаютъ истязанію лицо и грудь свои, нанося удары, царапая себя и вырывая волосы на головѣ.

Угощеніе посѣтителей въ первые три дня послѣ смерти служитъ первыми поминками по умершемъ. Богатые люди, спустя нѣкоторое время послѣ смерти родственника, рѣжутъ еще быка, корову или барановъ и мясо въ сыромъ видѣ раздаютъ своимъ односельцамъ.

Затѣмъ слѣдующія поминки, и только уже по однимъ умершимъ мужчинамъ, производятся въ праздникъ байрама. Кромѣ пожертвованія различныхъ вещей изъ орѣховъ, яблокъ и конфектъ на призы для скачки, родственники умершихъ рѣжутъ скотъ и приготовляютъ араку, чѣмъ и угощаютъ посѣщающихъ ихъ на праздникъ гостей. Женщины-же, какъ мы видѣли уже выше, въ праздникъ байрама отправляются на кладбище, куда наиболѣе состоятельныя изъ нихъ несутъ съ собою отвареннаго барана. Когда всѣ скорбящія по умершему и всѣ голодныя, алкающія пищи собрались на кладбищѣ, то принесшія барановъ считаютъ находящихся на лицо женщинъ и дѣтей и по этому числу дѣлятъ на порціи принесенныхъ ими барановъ. Этотъ родъ милостыни порождаетъ въ бѣдныхъ людяхъ стремленіе къ пріобрѣтенію наибольшаго количества порцій баранины и для этого они обыкновенно забираютъ на кладбище всѣхъ женщинъ и дѣтей своей семьи, чтобы на долю каждаго досталось по порціи. Такого рода поминки богатые люди совершаютъ по своимъ умершимъ родственникамъ — мужчинамъ подъ рядъ втеченіи трехъ праздниковъ байрама и затѣмъ уже совѣсть живущаго ингуша по отношенію къ умершему спокойна.

Кромѣ, такъ сказать, матеріальнаго поминовенія умершихъ, у ингушъ въ большомъ употребленіи увѣковѣчивать память о нихъ постановкою на могилѣ умершаго или гдѣ-нибудь на видномъ мѣстѣ и чаще всего надъ дорогою каменныхъ памятниковъ. Въ прежнее время памятники эти представляли изъ себя куски плотнаго

камня въ $1^1/_2$ — 2 аршина длиною и до $^3/_4$ аршина въ ширину, съ закругленнымъ верхомъ, или круглый обрубокъ дерева, съ грибо-образною верхушкою, или-же сложенную изъ камня вокругъ могилы четырехъ-угольную стѣну, вышиною отъ одного до трехъ аршинъ; въ настоящее время развилось у ингушъ стремленіе создавать памятники болѣе изящной формы. Такъ, эти новѣйшіе памятники дѣлаются изъ плоскаго цѣльнаго камня той-же высоты и ширины, какъ прежніе, но на наружной сторонѣ теперешнихъ памятниковъ высѣкается и раскрашивается самымъ причудливымъ маneромъ фигура человѣка или вѣрнѣе черкеска отъ плечъ до колѣнъ съ газырями, на которыхъ изображены всѣ регаліи—кресты и медали, какіе имѣлъ умершій, и неизбѣжно часы съ цѣпочкою; тамъ-же вокругъ изображены и раскрашены ружье, пистолетъ, кинжалъ, шашка, натруска, отвертка, поясъ и наконецъ кумганъ съ тазомъ. Все это завершается убійственно-безграмотною русскою надписью, гласящею о томъ, какому достойному мужу воздвигнутъ «сей памятникъ». Если человѣкъ, которому поставленъ такой памятникъ, былъ убитъ, и оружіемъ при томъ, то съ боку у памятника водружается высокій шестъ, съ кускомъ матеріи на верху, въ видѣ значка.

Помимо этого монументальнаго способа увѣковѣчиванія памяти умершаго, существуетъ у ингушъ и еще одинъ: близкіе родственники умершаго, желая обезсмертить память о немъ, приглашаютъ дальнихъ родственниковъ и, зарѣзавъ для угощенія барана, съ помощью ихъ расчищаютъ какой-нибудь источникъ воды и, устроивъ вокругъ деревянный срубъ, называютъ источникъ по имени умершаго.

Нужно сказать, что всѣ эти памятники достигаютъ у ингушъ своего назначенія и очень крѣпко засѣдаютъ въ памяти живущихъ. Исторія происхожденія памятника передается изъ поколѣнія въ поколѣніе и тѣмъ болѣе запоминается, что всѣ памятники служатъ ингушамъ географическимъ пособіемъ для опредѣленія всѣхъ пунктовъ ихъ территоріи. Если, напримѣръ, ингушъ желаетъ назвать какую-либо мѣстность, то онъ для этого непремѣнно укажетъ находящійся вблизи памятникъ, мѣсто убійства кого-нибудь или вообще какую-нибудь подобную этому примѣту, указывающую на происшедшее тамъ событіе.

Всѣхъ подробностей ингушскихъ похоронъ и поминокъ я не исчисляю здѣсь, такъ-какъ всѣ мелкія обрядности въ этихъ

случаяхъ у плоскостныхъ и горскихъ ингушъ почти одинаковы и были уже описаны г. Ахріевымъ *).

Хотя и не особенно важнымъ, но все-таки выдающимся событіемъ, кромѣ праздника байрама, свадьбы и похоронъ, въ семьѣ ингуша бываетъ появленіе на свѣтъ ребенка мужского пола. Ради такого событія, ингушъ охотно рѣжетъ барана и угощаетъ своихъ родственниковъ и знакомыхъ, пришедшихъ поздравить его; эти послѣдніе, на радостяхъ, въ честь появленія на свѣтъ мальчика, и въ свою очередь также дарятъ счастливому отцу, кто можетъ, барана, быка, корову, которыхъ тогда-же обрекаютъ на закланіе для угощенія, а другіе покупаютъ при этомъ араку. Женщины приносятъ роженицѣ въ даръ какую-нибудь изготовленную пищу, куръ, яйца, масло и т. д. Когда молодежь развеселится, насытивъ желудки, то приглашается музыкантъ и устраивается пляска. Ничего подобнаго не происходитъ, когда имѣетъ несчастье появиться на свѣтъ ребенокъ — дѣвочка. Самъ отецъ имѣетъ видъ сконфуженнаго человѣка, всякій встрѣчный избѣгаетъ ему напомнить о совершившемся событіи у него въ семьѣ и только женщины, родственницы и сосѣдки, придутъ провѣдать роженицу — и тѣмъ оканчивается все вниманіе по отношенію къ дѣвочкѣ — новорожденной.

У ингушъ нѣтъ одинъ разъ навсегда установленныхъ именъ для нарѣченія новорожденныхъ. Чаще всего въ этихъ случаяхъ даются магометанскія имена, но иногда ингушъ любитъ назвать своего ребенка какимъ-нибудь предметомъ, какъ, напримѣръ: Борцъ (волкъ), Гамышъ (буйволъ), Цоголъ (лисица), Алхазыръ (птица), Ночь (дубъ), Вочь (колотушка), Топчи (пистолетъ) и т. д. Затѣмъ ингуши охотно даютъ имена въ честь какихъ-нибудь уважаемыхъ людей, не исключая даже русскихъ; такъ, весьма много у ингушъ встрѣчается именъ: Воронцовъ, Слѣпцовъ, Козловъ, Кемвертъ (Кемпфортъ), Баронъ, Генералъ, Полковникъ, Человѣкъ; наконецъ употребляютъ и русскія имена: Иванъ, Ванька, Вася, Машка, Саша, Настя, Люба и т. д.

Хотя у каждаго ингуша есть общая родовая фамилія, но обыкновенно они не называются по фамиліи и эту послѣднюю замѣняетъ кличка по отцу, по матери, по дѣду, по дядѣ и т. д.,

*) См. «Сборникъ свѣд. о кавказск. горцахъ», вып. III.

такъ-что ингушъ можетъ называться заразъ нѣсколькими прозваніями по отчеству, что, для незнакомыхъ съ этимъ фокусомъ, весьма затрудняетъ отысканіе какого-нибудь необходимаго ингуша.

XIII.

Покончивъ съ изложеніемъ прошлой, экономической и бытовой, жизни ингушъ, постараюсь ввести читателя въ сферу уголовныхъ и вообще судебныхъ дѣлъ ихъ и ознакомить съ тѣми юридическими пріемами, которые выработала ингушская уголовная практика, какъ въ области уголовнаго, такъ и скуднаго ихъ гражданскаго права.

Считаю это необходимымъ сдѣлать тѣмъ болѣе, что обычаи—адаты—ингушъ отживаютъ свое время и имъ суждено не въ далекомъ будущемъ окончательно исчезнуть изъ практики, оставивъ лишь воспоминаніе о себѣ. Уже въ настоящее время кругъ дѣйствія этихъ обычаевъ значительно съуженъ и вѣдѣнію ихъ подлежатъ весьма немногія дѣла. По Высочайшему указу 30 декабря 1869 года о преобразованіи судебной части въ Кубанской и Терской областяхъ и согласно временныхъ правилъ для горскихъ словесныхъ судовъ, утвержденныхъ Намѣстникомъ Кавказскимъ 18 декабря 1870 года, вѣдѣнію этихъ судовъ, производящихъ разбирательство дѣлъ по обычаю, подлежатъ слѣдующія уголовныя дѣла:

1) Нанесеніе ранъ, увѣчья и смерти въ ссорѣ или дракѣ, начавшейся безъ всякаго намѣренія совершить убійство или причинить увѣчье и рану;

2) случайное, безъ намѣренія и безъ неосторожности, нанесеніе смерти, увѣчья, ранъ или иного поврежденія здоровью;

3) нарушеніе предѣловъ необходимой личной обороны;

4) кража со взломомъ, а также кражи при оружіи, если цѣна похищеннаго не превышаетъ трехъ сотъ рублей и если кража совершена въ первый или во-второй разъ;

5) похищеніе, растлѣніе и изнасилованіе женщинъ *), и

6) дѣла по предупрежденію и прекращенію, на основаніи

---

*) Растлѣніе и изнасилованіе женщинъ, какъ было упомянуто выше, въ 1872 году изъяты изъ вѣдѣнія горскихъ судовъ.

мѣстныхъ обычаевъ, вражды и кровомщенія, могущихъ возникнуть вслѣдствіе необнаруженія виновныхъ въ убійствѣ.

При отнесеніи этихъ дѣлъ къ вѣдѣнію горскихъ словесныхъ судовъ, главнымъ образомъ были приняты, какъ это видно изъ пояснительной записки къ проекту временныхъ правилъ для этихъ судовъ въ Терской области, слѣдующія соображенія:

1) Относительно дѣлъ по предупрежденію и прекращенію, на основаніи мѣстныхъ обычаевъ, вражды и кровомщенія, могущихъ возникнуть вслѣдствіе необнаруженія виновныхъ въ убійствѣ:

«Въ случаѣ тайнаго убійства горца, родственники его, даже при полномъ отсутствіи уликъ, обвиняющихъ кого-бы то ни было въ совершеніи этого преступленія, указываютъ предполагаемаго ими убійцу, основываясь на молвѣ или на словахъ всегда скрываемаго ими доказчика или доказчицы, и требуютъ, чтобы обвиняемый очистилъ себя представленіемъ опредѣленнаго числа лицъ, которые, подъ присягою, публично, въ судѣ, удостовѣрили-бы, что обвиняемый невиненъ въ приписываемомъ ему преступленіи. Въ удовлетвореніи такого требованія окружной судъ откажетъ. А между-тѣмъ по народному обычаю только такимъ способомъ обвиняемый горецъ можетъ очистить себя отъ возведеннаго на него обвиненія. Такой способъ оправданія безусловно необходимъ для полнаго примиренія родственниковъ убитаго съ обвиняемымъ. Только послѣ представленія такого доказательства первые свободны отъ обязанности мстить послѣднему, не рискуя навлечь на себя упрекъ своихъ односельцевъ въ трусости, въ недостаткѣ чести и упасть въ ихъ мнѣніи. Судебный приговоръ, оправдывающій обвиняемаго не на основаніи присяжнаго удостовѣренія постороннихъ лицъ въ невинности его, а по недостатку уликъ къ его обвиненію, горецъ сочтетъ отказомъ въ правосудіи, вызывающимъ на личную расправу въ формѣ мести; подвергающійся ей сочтетъ себя обязаннымъ отплатить тѣмъ-же — а въ результатѣ окажется цѣлый рядъ преступныхъ дѣйствій».

2) По дѣламъ случайнаго, безъ намѣренія и безъ неосторожности, нанесенія смерти, увѣчья, ранъ или иного поврежденія здоровью:

«Случайное, безъ намѣренія и безъ неосторожности, нанесеніе смерти, увѣчья, ранъ или иного поврежденія здоровью не наказывается по нашимъ законамъ; самое церковное покаяніе, въ случаѣ нанесенія смерти, можетъ быть наложено на невольнаго убійцу не иначе, какъ по собственному его желанію (Улож. ст.

1470, 1495). Справедливость такого правила непонятна горцу. Тяжесть вины горецъ измѣряетъ не степенью злой воли или умысла лица имъ обвиняемаго, но количествомъ причиненнаго матеріальнаго убытка. Онъ ищетъ не личной уголовной отвѣтственности обвиняемаго, а возможно-щедраго матеріальнаго вознагражденія своихъ убытковъ. Хотя по нашимъ законамъ, всякій причинившій кому-либо вредъ или убытки, даже и не преступнымъ дѣйствіемъ, обязанъ вознаградить оные (Улож. ст. 59, т. X ч. I, ст. 684); но допускаемое нашими законами вознагражденіе дѣйствительныхъ убытковъ не удовлетворитъ горца. Освобожденіе виновнаго въ невольномъ убійствѣ или пораненіи отъ взысканія обычныхъ, вѣками освященныхъ платежей разнаго рода, горецъ сочтетъ отказомъ въ правосудіи, а слѣдовательно вполнѣ достаточнымъ поводомъ къ самосуду, къ личной расправѣ въ формѣ мести».

3) По нарушенію предѣловъ необходимой личной обороны:

«Нарушеніе предѣловъ необходимой личной обороны, т. е. нанесеніе нападавшему ранъ, увѣчья или смерти, послѣ отвращенія грозившей отъ него опасности, наказуется по нашимъ законамъ болѣе или менѣе строго, смотря по мѣрѣ нанесенія вреда, по роду побужденій, коимъ слѣдовалъ нанесшій вредъ, и по другимъ обстоятельствамъ, сопровождавшимъ это нарушеніе (Улож. ст. 101, 1467 и 1493). Подобнаго рода проступки наказывались въ Терской области по мѣстнымъ условіямъ этого края. Мало того, тѣ жители, которые встрѣчали съ оружіемъ въ рукахъ всегда вооруженнаго вора, грабителя, разбойника и, не довольствуясь обращеніемъ въ бѣгство нападавшаго, преслѣдовали его, были поощряемы къ подобнымъ дѣйствіямъ и даже награждаемы за совершеніе оныхъ. Увѣренность, что, отправляясь на кражу, грабежъ, разбой, преступникъ рискуетъ своею жизнью, служила уздою для хищническихъ наклонностей горскаго населенія. При такихъ условіяхъ, въ случаѣ необходимой обороны, не могло быть и рѣчи о томъ, послѣ-ли отвращенія грозившей опасности или до того нанесены нападавшему раны, увѣчья и даже смерть. Съ изъятіемъ этого рода дѣлъ изъ вѣдѣнія горскаго суда и съ передачею ихъ въ судъ, образованный по уставамъ 20 ноября 1864 года, станутъ наказываться такія дѣйствія, за которыя наканунѣ награждали. При настоящемъ положеніи края и невозбраняемомъ еще правительствомъ вооруженномъ состояніи всего гор-

скаго населенія области, такой рѣзкій переходъ можетъ оказаться вреднымъ для общественнаго спокойствія».

4) По дѣламъ о растлѣніи и изнасилованіи женщинъ:

«Съ подчиненіемъ окружному суду дѣлъ о растлѣніи становится необходимымъ освидѣтельствованіе растлѣнной посредствомъ врача. На такое освидѣтельствованіе, въ высшей степени безчестное въ глазахъ горцевъ, она не рѣшится и къ тому не допустятъ родственники ея. Поэтому, съ отнесеніемъ этого рода дѣлъ къ вѣдомству окружного суда, становится невозможнымъ преслѣдованіе виновнаго въ растлѣніи. Желая избѣгнуть освидѣтельствованія, растлѣнная предпочтетъ отказаться отъ судебнаго преслѣдованія, а родственники ея станутъ искать удовлетворенія инымъ путемъ, путемъ самовольной расправы» *).

5) Относительно кражъ со взломомъ и при оружіи и

6) нанесенія ранъ, увѣчья и даже смерти въ ссорѣ и дракѣ, начавшейся безъ намѣренія нанести смерть, увѣчье или раны:

«Кража со взломомъ и кража при оружіи хотя-бы вещи, стоющей нѣсколькихъ копѣекъ, наказывается по нашимъ законамъ (Улож. ст. 1647, 1653, уст. о наказ. налаг. мировыми судьями 169) несравненно строже, чѣмъ простая кража предметовъ, стоющихъ сотни рублей и составляющихъ все имущество горца. Значеніе взлома и оружія, какъ обстоятельствъ, увеличивающихъ въ такой степени вину подсудимаго, для горца непонятно. Способъ постройки жилищъ горцевъ (преимущественно плетневыхъ) дѣлаетъ взломъ весьма не затруднительнымъ и совершеніе его, не требуя усилій, не вполнѣ доказываетъ въ совершившемъ высокую степень злой воли. Оружіе, въ особенности кинжалъ, составляетъ необходимую принадлежность костюма горскаго. Идучи на кражу, онъ надѣваетъ кинжалъ по тому-же побужденію, по которому надѣваетъ черкеску, папаху: онъ одѣвается, находя неудобнымъ идти на кражу не одѣтымъ. Кражъ безъ оружія у горцевъ не бываетъ. Кражи со взломомъ и кражи при оружіи, равно какъ и нанесеніе ранъ, увѣчья и даже смерти въ ссорѣ или

*) Съ изъятіемъ этихъ дѣлъ изъ вѣдѣнія горскаго словеснаго суда, взглядъ ингушъ на освидѣтельствованіе женщинъ нисколько не измѣнился и лучшимъ доказательствомъ тому можетъ служить то обстоятельство, что со времени подчиненія дѣлъ о растлѣніи окружному суду, ни одной жалобы на совершеніе этого преступленія не поступало, хотя было нѣсколько дѣлъ въ производствѣ объ убійствѣ и пораненіяхъ, причиною которыхъ было обезчещеніе женщинъ такого рода.

въ дракѣ, случайно начавшейся, встрѣчаются весьма часто въ средѣ горскаго населенія и составляютъ болѣе $^3/_4$ всѣхъ преступныхъ дѣйствій этого населенія. При свойственной горцамъ пылкости характера и наклонности прибѣгать къ оружію при всякомъ случаѣ, дозволеніе носить оружіе невольно вовлекаетъ горца въ это преступленіе. Драки съ оружіемъ въ рукахъ составляютъ обыденное явленіе въ жизни горцевъ; поэтому и сложился у нихъ обычай, весьма точно, до мелочей, опредѣляющій отвѣтственность, какъ за нанесеніе смертельныхъ ранъ, такъ и за лишеніе и поврежденіе каждаго члена въ цѣломъ или части его. По обычаю, виновный отвѣтствуетъ главнымъ образомъ имуществомъ своимъ. Удовлетвореніе потерпѣвшаго имущественнымъ вознагражденіемъ стоитъ всегда на первомъ планѣ; личная-же уголовная отвѣтственность, которой подвергается сверхъ того виновный, имѣетъ въ глазахъ горца второстепенное значеніе. Опредѣляемое-же нашими законами взысканіе, подвергая виновнаго личной, по преимуществу уголовной, отвѣтственности, не имѣетъ въ виду примирить его, цѣною матеріальныхъ пожертвованій, съ потерпѣвшимъ и потому не удовлетворитъ послѣдняго».

Хотя всѣ эти дѣла и подлежатъ вѣдѣнію горскихъ словесныхъ судовъ, но не безусловно, и лицу потерпѣвшему отъ преступленія предоставлено право, до назначенія дѣла къ разбору въ горскомъ судѣ, просить, чтобы дѣло его было разсмотрѣно въ окружномъ судѣ. Этимъ правомъ ингуши пользуются весьма часто и, какъ кажется, вслѣдствіе того, что, во-первыхъ, всѣ существовавшіе у нихъ обычаи значительно урѣзаны въ размѣрѣ денежныхъ вознагражденій, — напримѣръ, всѣ вторыя платы, за безчестье и на угощеніе, въ послѣднее время почти не назначаются, — а во-вторыхъ, горскій судъ налагаетъ тѣ-же наказанія, какъ и окружной судъ.

Ингуши, какъ народъ смышленый, изъ новаго и смѣшаннаго порядка судопроизводства по этимъ дѣламъ, хорошо уразумѣли, что горскій судъ, утративъ значеніе суда по обычаю,—по личному составу своему, не даетъ гарантій къ правильному рѣшенію ихъ дѣлъ по закону и потому, естественно, они стремятся переносить свои дѣла въ окружной судъ. При этомъ послѣдній судъ выгоденъ для ингушъ еще и потому, что при разборѣ дѣла принимаетъ въ основаніе не голый фактъ совершившагося преступленія, а и причины, вызвавшія это преступленіе, смягчающія и увеличивающія вину обстоятельства.

Съ глубокимъ убѣжденіемъ, основаннымъ на опытѣ, могу смѣло увѣрять, что ингуши съ чрезвычайнымъ уваженіемъ и довѣріемъ относятся, какъ къ окружному, такъ и къ мировому суду, гдѣ они весьма часто ведутъ свои дѣла; установленію такого отношенія къ *русскому* суду способствуетъ главнымъ образомъ прочно установившееся между ингушами убѣжденіе, что этотъ судъ дѣйствуетъ вполнѣ безпристрастно. Какъ-бы ни былъ ингушъ увѣренъ въ честности своихъ выборныхъ судей, какъ-бы онъ ни уважалъ этихъ людей, но въ недовѣрчивой душѣ его всегда найдется мѣсто для сомнѣнія, такъ-какъ въ рѣдкихъ случаяхъ эти судьи не являются родственниками, фамильными или присяжными братьями, свойственниками или пріятелями одной или даже обѣихъ тяжущихся сторонъ. Безъ всякихъ другихъ поводовъ, этого слишкомъ достаточно, чтобы заподозрить дѣйствія своихъ судей.

Вслѣдствіе всего этого въ ингушахъ весьма замѣтно проявляется стремленіе поскорѣе кончить съ переходнымъ состояніемъ своей судебной части и подчиниться дѣйствію общаго закона.

Невыгода горскаго словеснаго суда для ингушъ заключается еще и въ томъ, что подсудимый, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, долженъ подвергаться заразъ двумъ взысканіямъ: обычай налагаетъ денежное, а общій законъ, который обязателенъ для горскаго суда независимо отъ обычая, личное наказаніе. Привожу самый простой примѣръ такой двойственной отвѣтственности: ингушъ похищаетъ дѣвушку, при самыхъ наименьшихъ отягчающихъ обстоятельствахъ, т. е. съ согласія самой похищенной, не причинивъ этимъ никакихъ матеріальныхъ потерь для потерпѣвшей стороны, и при поступленіи этого дѣла въ горскій судъ подвергается денежному взысканію въ пользу родственниковъ похищенной 50 руб., 50-ти-же рублевому штрафу—по обычаю и затѣмъ приговаривается къ тюремному заключенію отъ 4-хъ до 8 мѣсяцевъ—по общему закону, тогда-какъ при разборѣ этого дѣла въ окружномъ судѣ обвиняемый подвергся-бы только послѣднему наказанію, т. е. заключенію въ тюрьму.

Такого рода дѣлъ въ горской судебной практикѣ встрѣчается очень много и горскій судъ не вправѣ игнорировать обычай или общій законъ, такъ-какъ § 52 означенныхъ временныхъ правилъ ясно указываетъ, что, при рѣшеніи дѣлъ уголовныхъ, судъ (горскій) опредѣляетъ по совѣсти—степень виновности обвиняе-

маго, по обычаю — количество вознагражденія (замѣтьте — не убытковъ), слѣдующаго потерпѣвшему отъ преступленія, и по закону—слѣдующее виновному наказаніе.

Такимъ порядкомъ, учрежденіе горскаго суда, кажущееся на первый взглядъ уступкою малоразвитому и невѣжественному народу, является не снисхожденіемъ, а напротивъ, болѣе строгимъ преслѣдователемъ всякаго преступленія.

Кромѣ упомянутыхъ выше 6-ти видовъ уголовныхъ преступленій, къ вѣдомству горскаго словеснаго суда отнесены всѣ уголовные проступки, означенные въ Уст. о наказ., налагаемыхъ мировыми судьями, всѣ гражданскіе иски, отнесенные по 29 ст. уст. гражд. судопроизв. къ вѣдомству мирового судьи, за исключеніемъ исковъ, подвѣдомыхъ аульнымъ судамъ, на основаніи положенія объ этихъ судахъ, и, наконецъ, иски, превышающіе власть мирового судьи и отнесенные уставомъ гражд. судопроизв. 20 ноября 1864 года къ вѣдомству окружного суда, на сумму не свыше двухъ тысячъ рублей: 1) по долговымъ обязательствамъ, по обязательствамъ, обезпеченнымъ залогомъ недвижимаго имущества, и о правѣ собственности на недвижимыя имущества, когда иски не основаны на формальномъ актѣ, и 2) о наслѣдствѣ, о раздѣлѣ наслѣдства и спорахъ наслѣдниковъ, какъ между собою, такъ и противъ дѣйствительности духовныхъ завѣщаній, составленныхъ по горскимъ обычаямъ.

Эти послѣдняго рода иски, превышающіе власть мирового судьи, отнесены къ вѣдѣнію горскаго словеснаго суда, въ виду слѣдующихъ соображеній: 1) что долговыя обязательства, даже обезпеченныя залогомъ недвижимаго имущества, совершаются у горцевъ или письменно, на дому, съ приложеніемъ, вмѣсто подписи, *мухура* (печати) или чернильнаго знака пальца лица, дающаго обязательство, или словесно, въ присутствіи свидѣтелей; а такого рода обязательства, въ случаѣ отрицанія ихъ должникомъ, были-бы признаваемы окружнымъ судомъ недѣйствительными и отказъ во взысканіи по нимъ могъ имѣть послѣдствіемъ банкротства и упадокъ частнаго кредита, вызвавъ ропотъ и неудовольствія; 2) что у горцевъ, за исключеніемъ немногихъ, владѣющихъ болѣе или менѣе значительными участками земли, поземельная собственность состоитъ изъ небольшого клочка земли, на которую у нихъ, большею частью, не имѣется никакихъ документовъ и потому веденіе этихъ дѣлъ въ окружномъ судѣ было-бы

почти невозможнымъ и неизбѣжныя на веденіе иска издержки могли-бы превышать сумму иска; 3) что дѣла о наслѣдствѣ вообще рѣшаются у магометанъ на основаніи шаріатскихъ постановленій и этотъ порядокъ отчасти допускается и нашимъ законодательствомъ, такъ-какъ ст. 1338 т. X ч. I допускаетъ раздѣлъ имущества, оставшагося послѣ магометанъ, производить по ихъ закону.

Подсудность исчисленныхъ дѣлъ, какъ уголовныхъ, такъ и гражданскихъ, предоставлена горскому суду лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда тяжущіяся стороны принадлежатъ къ горскому населенію; но коль скоро въ дѣлѣ замѣшаны лица, не принадлежащія къ этому населенію, или нарушены права этихъ лицъ, то дѣла въ этихъ случаяхъ изъемлются изъ вѣдѣнія горскаго суда.

XIV.

Вся житейская обстановка ингушъ, по преимуществу нерадостная и жалкая, ихъ прошлое, развивавшее лишь кровавые инстинкты, и вообще жизнь, не имѣвшая большого значенія въ глазахъ ихъ, заставляла не особенно дорожить этимъ высшимъ даромъ природы. Поэтому убійства и пораненія между ингушами даже теперь, когда имъ воспрещается ношеніе оружія, случаются весьма часто, а въ прежнее и недавнее время это явленіе было положительно повседневнымъ.

Ингуши, какъ люди страстнаго и горячаго темперамента, до такой степени раздражительны, самолюбивы и мстительны, что не только какая-нибудь крупная обида, какъ убійство или пораненіе родственника, отбитіе жены или невѣсты, но и самая мелочная насмѣшка, названіе какимъ-нибудь смѣшнымъ именемъ или предметомъ, отказъ дать табаку на папироску и всякій пустой споръ весьма легко вызываютъ ингуша на убійство или пораненіе обидчика или противника. Если ингушу, въ пылу раздраженія, не удалось сдѣлать вреда противнику, то онъ затаитъ злобу и непремѣнно отомститъ рано или поздно: подкрадется къ саклѣ обидчика и выстрѣлитъ къ нему въ окно, подожжетъ сарай, хлѣбъ или сѣно, подрѣжетъ у скота жилы, обрѣжетъ у лошади хвостъ

или украдетъ лошадь, быка, корову. Противу дѣйствительныхъ, кровныхъ враговъ, ингушъ становится еще ожесточеннѣе и тутъ уже прибѣгаетъ ко всевозможнымъ уловкамъ и хитростямъ, чтобы заманить куда-нибудь своего врага, подкараулить его и самымъ коварнымъ и безопаснымъ для себя способомъ убить его; для этого онъ готовъ прибѣгнуть къ подкупу и даже, какъ видѣли мы выше, сдѣлаться на время другомъ и присяжнымъ братомъ. Ингушъ, чуждый благородства и незнакомый съ великодушіемъ, не считаетъ за безчестье и низость напасть на безоружнаго, убить слабаго и даже зарѣзать соннаго.

При всей своей злопамятности и жаждѣ къ мести, въ ингушахъ тѣмъ не менѣе замѣтно просвѣчиваетъ жалкая, низкая и подлая трусливость. Насколько гордъ и храбръ, повидимому, ингушъ, когда ему удается убить или ранить своего врага, безъ опасности для самого себя, настолько-же унизителенъ, малодушенъ и гадокъ, когда онъ попадетъ въ свои собственныя сѣти и помѣняется съ врагомъ ролями. Малѣйшая царапина, сдѣланная врагомъ, или только выраженіе попытки къ этому со стороны послѣдняго, заставляетъ попавшаго въ просакъ снимать шапку, низко кланяться и молить врага о пощадѣ или, при малѣйшей возможности, убѣгать отъ него самымъ позорнымъ образомъ. И совершивъ даже удачно задуманное преступленіе, онъ торопится скорѣе укрыться подъ покровительство какого-нибудь вліятельнаго человѣка или спѣшитъ явиться съ повинною къ начальству и проситъ послѣднее засадить его подъ арестъ. Чаще-же, совершивъ преступленіе въ засадѣ, коварнымъ образомъ и наединѣ, ингушъ, несмотря ни на какія доказательства и улики, съ самымъ поразительнымъ и непонятнымъ упрямствомъ отрицаетъ свою виновность. Наглость, лживость, изворотливость и желаніе во что бы-то ни стало выгородить себя отъ отвѣтственности, доводитъ ингуша до того иногда, что онъ, пойманый при совершеніи преступленія, съ оружіемъ въ рукахъ, какъ ни въ чемъ не бывало отрицаетъ и совершенный имъ фактъ преступленія и даже то, что у него было въ рукахъ то оружіе, которое отобрано отъ него.

Собственное сознаніе ингушъ въ совершеніи какого-либо преступленія бываетъ феноменально рѣдкимъ явленіемъ, да и въ этихъ рѣдкихъ случаяхъ онъ напрягаетъ все свое умѣнье лгать, чтобы изобразить дѣло въ самомъ невѣроятномъ видѣ и сдѣлать изъ себя не обвиняемаго, а потерпѣвшаго человѣка.

Не смотря на хвастовство ингушъ своею пресловутою храбростью, на прославленіе этой храбрости и ингушскихъ доблестей въ пѣсняхъ ихъ дѣвушекъ, ни одинъ изъ нихъ не станетъ открытою грудью передъ опасностью, никогда не нападетъ на другого при одинаковыхъ шансахъ опасности, ограничиваясь въ этомъ случаѣ лишь тѣмъ, что, важно подбоченившись, проѣдетъ мимо врага, и если неизбѣжно долженъ столкнуться съ нимъ, то всегда торопится предупредить противника выстрѣломъ или ударомъ кинжала, — словомъ, ингуши, какъ и вообще горцы, далеко не такіе отважные рыцари и герои, какими ихъ изображали нѣкогда романисты.

Частые случаи убійствъ и пораненій у ингушъ выработали въ этомъ отношеніи довольно точные и подробные обычаи и очень обширную квалификацію этого рода преступленій, особенно въ дѣлахъ пораненія.

Всѣ дѣла ингушъ раздѣляются по обычаю: *на кровныя*, къ которымъ относятся убійство, нанесеніе ранъ, изнасилованіе, нарушеніе женой супружеской вѣрности и увозъ жены и невѣсты, *исковыя*, къ разряду которыхъ принадлежатъ дѣла по разнымъ обязательствамъ и займамъ, кража и другіе виды тайнаго и открытаго похищенія или порчи и истребленія чужой собственности, и *брачныя*, т. е. о заключеніи и расторженіи брака, о личныхъ и имущественныхъ правахъ, изъ брака вытекающихъ, о законности рожденія и о наслѣдствѣ.

Дѣла первыхъ двухъ рубрикъ рѣшаются общимъ присутствіемъ горскаго словеснаго суда по адату, а послѣднія, т. е. дѣла брачныя—по шаріату и изъ нихъ бракоразводныя рѣшаются единолично кадіемъ, на основаніи шаріатскихъ постановленій.

Всѣ обычаи ингушъ направлены на матеріальное вознагражденіе потерпѣвшихъ и, за исключеніемъ дѣлъ кровныхъ, т. е. по убійствамъ, на обвиняемаго не возлагаютъ никакихъ личныхъ карательныхъ взысканій. Только въ дѣлахъ по убійствамъ, какъ увидимъ сейчасъ, обычай даетъ право роднымъ убитаго лишить жизни обвиняемаго. Въ настоящее время безнаказанное примѣненіе этого обычая не допускается и виновный въ этомъ подвергается наказанію по общимъ законамъ, какъ за предумышленное убійство.

За убійство полная кровная плата полагается въ 130 коровъ за мужчину и 120 за женщину; но, по ингушскому обычаю, убійство не искупается этою платою: она служитъ только какъ maximum нормы при опредѣленіи вознагражденія за нанесеніе

ранъ. Съ-тѣхъ-поръ какъ виновные въ убійствѣ стали и лично за это отвѣтственны, эта плата назначается горскимъ судомъ. За всякое-же убійство, какъ нечаянное, такъ и намѣренное, убійца въ ингушскомъ обществѣ обязанъ заплатить двѣнадцать похоронныхъ коровъ — *хѐламъ* *) и затѣмъ преслѣдуется кровною местью, распространяемою на его родныхъ братьевъ, дядей и племянниковъ съ мужской линіи.

Если убійца, по совершеніи преступленія, преслѣдуемый родственниками убитаго, спасется у кого-либо въ саклѣ,—гостепріимство, подъ страхомъ потери общественнаго уваженія и непримиримой вражды спасающагося и его родственниковъ, налагаетъ на хозяина сакли священную и непремѣнную обязанность оказать убійцѣ, какъ гостю, ищущему покровительства, защиту и благополучно доставить виновнаго къ его родственникамъ. За оказаніе такого гостепріимства обычай налагаетъ на покровителя, принявшаго подъ свою защиту гостя—убійцу, уплатить родственникамъ убитаго двѣнадцать «покровительствующихъ» коровъ—*меяри калхарваккаръ*, т. е. врага спасшихъ — немедленно или представить надежныхъ поручителей въ томъ, что эта плата будетъ внесена въ назначенный срокъ. Тогда только родственники убитаго, осаждающіе гостепріимную саклю и требующіе отъ хозяина ея выдачи скрывшагося кровника, расходятся по домамъ.

Обычай покровительства спасающимся кровникамъ до такой степени былъ высоко чтимъ ингушами, что перѣдко бывали примѣры, что хозяинъ, принявшій убійцу, жертвовалъ своею собственною жизнью для защиты принятаго имъ человѣка.

Преслѣдованіе кровника и спасеніе его въ какой-нибудь саклѣ представляетъ очень своеобразное и характерное зрѣлище, отличающееся общимъ говоромъ, безтолковымъ шумомъ, дикими и грозными криками мужчинъ, воплями женщинъ и дѣтей, отчаянною бранью, угрозами и частыми выстрѣлами въ саклю, гдѣ укрылся преслѣдуемый. Самое дѣятельное и едва-ли не большее участіе въ защитѣ спасшагося кровника принимаютъ женщины и особенно родственницы осаждаемаго, если онѣ успѣютъ къ нему на помощь. Вооружившись палками, кольями и длинными хворостинами, женщины занимаютъ позиціи у дверей и оконъ сакли, гдѣ скрылся преслѣдуемый, и съ ожесточенными,

---

*) Похоронныя коровы полагаются по обычаю всѣ тельныя, каждая въ цѣнѣ отъ 12 до 13 руб.

оглушительными криками и воплями смѣло отражаютъ натиски осаждающихъ, награждая ихъ при этомъ куда ни попало ударами палокъ и самою отборною, циничеcкою бранью. Въ этихъ случаяхъ женщины неприкосновенны и вполнѣ гарантированы отъ такого-же нападенія на нихъ со стороны мужчинъ, такъ-какъ по обычаю считается большимъ стыдомъ для мужчинъ ударить чѣмъ-нибудь женщину и въ особенности какимъ-нибудь оружіемъ.

12-ть покровительствующихъ коровъ убійца, въ свою очередь, обязанъ возвратить принявшему его подъ свою защиту.

Если въ убійствѣ участвовало нѣсколько человѣкъ, то похоронная плата въ 12 коровъ разлагается по ровнымъ частямъ на всѣхъ виновныхъ и каждый изъ нихъ считается кровникомъ по годичной очереди, назначаемой жребіемъ. Отомщеніе, сдѣланное одному изъ кровниковъ, участвовавшихъ въ одномъ убійствѣ, освобождаетъ всѣхъ остальныхъ отъ дальнѣйшаго кровнаго преслѣдованія. Если кто-либо изъ участниковъ такого общаго преступленія, подъ какимъ-нибудь предлогомъ, не признаетъ себя виновнымъ въ убійствѣ, то обычай предоставляетъ право остальнымъ виновнымъ или отвести отъ отвѣтственности этого отказывающагося отъ участія въ убійствѣ своего товарища, или уличить его въ этомъ присягой съ 18-ю присяжными.

Убійца—кровникъ, или кто-либо изъ его родныхъ братьевъ, дядей и племянниковъ, которые также считаются кровниками, можетъ подвергнуться убійству во всякій моментъ, но съ тѣмъ только условіемъ, что если это отомщеніе воспослѣдуетъ раньше года со дня совершеннаго убійства, то 12 похоронныхъ коровъ возвращаются родственникамъ отомщеннаго кровника. Изъ этого видно, что ингушскій обычай предоставлялъ кровнику купить право на годъ жизни за двѣнадцать коровъ; покупка эта была обязательна, а неустойка съ противной стороны возвращала только взысканную плату.

Похоронная плата, т. е. 12 похоронныхъ коровъ, за убійство кровника не взыскивается.

За подводъ словомъ или дѣломъ къ убійству, съ виновнаго въ этомъ взыскивается плата въ двѣнадцать «подводныхъ» коровъ — *мотъ барна*, т. е. указывающихъ; но кровникомъ этотъ пособникъ убійства не считается.

Если кто-либо убитъ въ своемъ собственномъ домѣ или у себя во дворѣ, то на виновнаго, кромѣ похоронной платы, обы-

чай налагаетъ еще плату въ двѣнадцать коровъ за безчестье двора—*коу даккара*.

Если убійца, во время совершенія имъ кровавого преступленія, раненъ своею жертвою или впослѣдствіи будетъ раненъ родственниками убитаго, то за эти раны никакой платы кровнику не полагается; но если, въ отомщеніе этому кровнику, будетъ убитъ кто-либо изъ родственниковъ его, тогда убійца, т. е. кровникъ, освобождается отъ кровной мести и по обычаю долженъ получить плату за раны, нанесенныя ему при упомянутыхъ обстоятельствахъ.

Этотъ послѣдній обычай, направляя месть на самого убійцу, имѣетъ въ виду предохранить его неповинныхъ родственниковъ отъ мести, которая, не смотря на свое кипучее изступленіе и дикіе порывы, не мало сдерживается этимъ обычаемъ, влекущимъ за собою матеріальныя потери. Съ послѣднимъ обстоятельствомъ неразрывно связанъ еще и тотъ обычай, который, при разборѣ кровныхъ дѣлъ, оставляетъ безъ взысканія всѣ долги и денежныя обязательства по отношенію къ убійцѣ впредь до воспослѣдованія отмщенія за кровь. Такимъ образомъ обычай, предоставляя право мести, въ тоже время и обуздывалъ это право матеріальными лишеніями, неизбѣжно слѣдовавшими за отомщеніемъ не прямо кровнику.

Если совершившій убійство сниметъ съ убитаго оружіе, или унесетъ его платье, или-же скроетъ тѣло убитаго имъ, лишивъ его своевременныхъ похоронъ, и вообще если убійца какимъ-нибудь образомъ обезчеститъ трупъ убитаго имъ человѣка, то, кромѣ двѣнадцати похоронныхъ коровъ, виновный платитъ еще двѣнадцать коровъ за оскорбленіе тѣла—*цеэтта даккара*.

Итакъ, нерѣдко случается, что убійца, кромѣ неизбѣжной опасности быть убитымъ своими кровниками, подвергается довольно высокой приплатѣ: двѣнадцать похоронныхъ коровъ, двѣнадцать за оказанное ему покровительство, столько-же за безчестіе двора и двѣнадцать коровъ за обезчещеніе тѣла, всего сорокъ восемь коровъ. Хотя кровная вражда должна прекращаться убійствомъ за убійство, но на самомъ дѣлѣ, большею частью, убійство влечетъ за собою цѣлый рядъ особыхъ убійствъ съ обѣихъ сторонъ. Даже отомщеніе за кровь рѣдко дѣлается открытой силой. Сдѣлавши убійство, ингушъ принимаетъ всевозможныя мѣры скрыть его, чтобы избѣгнуть мести или чтобы за кровь своего родственника загубить двухъ, трехъ и сколько возможно болѣе

человѣкъ. Кромѣ того, раздраженный кровникъ не разбираетъ степени родства между членами враждебной и ненавистной ему фамиліи; онъ нерѣдко убиваетъ самаго дальняго родственника убійцы, кто только попадется подъ его мстительную руку. Случается даже, что родственники убитаго, ослѣпленные неистовою враждою къ своимъ кровникамъ и отуманенные пролитою кровью, убиваютъ совершенно невиннаго человѣка, ошибочно признавъ его за родственника убійцы. Такимъ образомъ кровная месть подводитъ подъ удары самыхъ дальнихъ родственниковъ убійцы и даже людей постороннихъ; изъ вражды двухъ семействъ возникаетъ уже вражда двухъ фамилій. Часто родственники убитаго, отомстивъ за смерть, въ свою очередь преслѣдуются родственниками отомщеннаго, на томъ основаніи, что одинъ убитый былъ лучше другого: храбрѣй, почетнѣй, что жизнь перваго дороже жизни второго и т. д. въ подобномъ родѣ. Съ обѣихъ сторонъ падаетъ нѣсколько жертвъ; кровная вражда переходитъ въ цѣлыя поколѣнія.

До 1862 года у ингушъ существовалъ еще слѣдующій оригинальный обычай, налагавшій отвѣтственность въ случаѣ убійства или какого-нибудь поврежденія здоровью на совершенно неповинныхъ въ томъ лицъ:

Если чья-либо баранта или скотъ паслись на горахъ и отъ этого случайно свалился внизъ камень и убилъ кого-нибудь проходившаго или бывшаго внизу человѣка, то хозяинъ баранты или скота обязанъ былъ вознаградить за это родственниковъ убитаго. Точно такъ-же опредѣлялось взысканіе съ хозяина лошади, которая убила человѣка, съ хозяина оружія, если его оружіемъ былъ убитъ кто-нибудь. Въ этихъ послѣднихъ двухъ случаяхъ взысканіе налагалось не смотря и на то обстоятельство, съ согласія или безъ согласія владѣльца были взяты лошадь и оружіе. Если, напримѣръ, кто-либо, захвативъ тайно чье-нибудь оружіе или выпросивъ его на время, совершилъ имъ убійство или пораненіе, или-же нанесъ имъ умышленно или случайно себѣ поврежденіе, то хозяинъ оружія подвергался отвѣтственности; равнымъ образомъ, если безъ вѣдома кого слѣдуетъ была взята лошадь и взявшій ее упалъ съ нея и убился или ударила его лошадь, то отвѣчалъ также хозяинъ послѣдней.

Въ этихъ случаяхъ обычай полагалъ взысканіе съ неповиннаго хозяина оружія или лошади за убійство половинную кровную плату; но въ сущности плата эта никогда не вносилась, такъ

какъ родственники убитаго или получившій поврежденіе удовлетворялись какимъ-нибудь подаркомъ, въ видѣ лошади, быка, коровы, барановъ или денегъ и сдѣланнымъ имъ угощеніемъ. Такой обвиняемый кровникомъ не считался.

Кровомщеніе имѣло мѣсто даже и тогда, когда убійство совершалось во время бывшихъ военныхъ дѣйствій и было извѣстно, чья пуля поразила противника. Эта месть была обычна не только у ингушъ между собою, но даже по отношенію ихъ къ карабулакамъ и вообще чеченцамъ и обратно. Въ случаѣ преслѣдованія абрека и убійства его состоявшими на службѣ ингушами, всѣ преслѣдовавшіе также считались кровниками и старшій изъ нихъ — главнымъ кровникомъ, если не было извѣстно, кѣмъ именно убитъ абрекъ.

Въ настоящее время за убійство кого-либо, если дѣло поступаетъ въ горскій словесный судъ, полагается плата въ 12 коровъ и 300 руб.

Кромѣ мести за убійство, которая должна была класть предѣлъ кровной враждѣ, у ингушъ бывали случаи, хотя и очень рѣдкіе, что родственники убитаго прощали и мирились съ своимъ кровникомъ. Вымолить это прощеніе у ингушъ есть два способа. Первый способъ заключается въ томъ, что кровникъ, отростивъ волосы на головѣ и бороду, безъ оружія, въ изорванномъ платьѣ, съ блѣднымъ и похудалымъ лицомъ и вообще съ внѣшнимъ видомъ, соотвѣтствующимъ предстоящему трагическому моменту, отправляется на могилу убитаго имъ человѣка и даетъ знать родственникамъ его о томъ, что онъ, кровникъ, полный отчаянія, съ повинной головой, съ разбитымъ сердцемъ и жгучими слезами на глазахъ, лежитъ на дорогой имъ могилѣ, вымаливая у аллаха прощеніе тяжелымъ грѣхамъ своимъ и отдавая себя, безоружнаго и жалкаго человѣка, въ полное ихъ распоряженіе.

По обычаю, стыдно отказать такой смиренной и униженной просьбѣ, тѣмъ болѣе, что въ этихъ случаяхъ толпа людей, а въ числѣ ихъ и почетные старики, собравшись во дворъ хозяина, у котораго кровникъ вымаливаетъ прощеніе, общимъ говоромъ убѣждаютъ склониться на просьбу кающагося и, при упорствѣ перваго, прямо объявляютъ ему, что всѣ пришедшіе не оставятъ его двора до-тѣхъ-поръ пока онъ не даруетъ смиренному и униженному кровнику прощенія. Послѣдняя угроза между прочими увѣщаніями представляетъ самое лучшее и дѣйствительное средство къ дости-

нію цѣли, ибо матеріальные расчеты пересиливаютъ упрямство и злобу, представляя въ перспективѣ необходимость питать голодную толпу, если она приведетъ въ исполненіе угрозу остаться на дворѣ. Чаще всего кровный врагъ, провѣдавъ о замыслахъ своего кровника, скрывается изъ своего дома на нѣсколько дней, въ надеждѣ наскучить просящему кровнику своимъ долгимъ отсутствіемъ, и тогда принимаются всѣ мѣры для его розысканія. Самое большое сопротивленіе къ примиренію въ этихъ случаяхъ оказываютъ женщины, родственницы убитаго, которыя дѣйствуютъ и мольбою и бранью на своихъ мужей, братьевъ и другихъ родственниковъ, чтобы только не допустить ихъ простить кровника. Бывали случаи, что упрямство превозмогало всѣ просьбы и матеріальные расчеты и кровникъ долженъ былъ удалиться съ могилы убитаго имъ, не прощенный. Этакій исходъ дѣла возбуждалъ между кровниками еще болѣе дикую и звѣрскую вражду. Если-же примиреніе состоялось, то прощенный кровникъ дѣлалъ большое угощеніе простившему и вообще родственникамъ убитаго; часто это примиреніе заключалось присяжнымъ братствомъ *).

Другой способъ къ примиренію — молочное родство: кровникъ, дотронувшись губами до обнаженной груди матери убитаго имъ, становится молочнымъ братомъ покойника и его братьевъ и, слѣдовательно, какъ родственникъ, не подлежитъ уже преслѣдованію за пролитую имъ кровь. Достигнуть примиренія этимъ способомъ бываетъ чрезвычайно затруднительно, такъ-какъ при этомъ требуется величайшая тайна и осторожность, ибо дотронуться до груди матери убитаго возможно только при случайныхъ и благопріятныхъ для кровника обстоятельствахъ и всегда насильно. Само собою разумѣется, что для совершенія такого дѣйствія требуется посторонняя помощь и содѣйствіе.

Оба описанные способа примиренія кровниковъ между ингушами практикуются весьма рѣдко, такъ-какъ, по понятію ихъ,

---

*) Заключеніе присяжнаго братства состоитъ изъ слѣдующаго обряда: въ стаканъ, чашку или вообще какую-нибудь посуду для питья, наливается какой-либо напитокъ: буза, пиво или арака, а за неимѣніемъ этого даже и молоко; однимъ изъ принимающихъ братство кладется въ посуду серебряная монета и затѣмъ посуда передается тому, кто не положилъ денегъ; отпивъ немного изъ этой посуды, послѣдній передаетъ ее первому, и такъ посуда переходитъ нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки, пока не кончится напитокъ. Затѣмъ положенную въ посуду монету беретъ себѣ тотъ, кто не клалъ ея,—и братство заключено.

оба эти способа не соотвѣтствуютъ характеру и достоинству мужчины, унижая его.

У ингушъ нѣтъ обычая для разбора дѣлъ объ убійствѣ сына или дочери отцомъ или матерью и обратно, мужа женой и обратно, если у послѣднихъ есть сынъ. Если-же у убитой жены нѣтъ сына, то родственники ея могутъ требовать наказанія убійцы по кровному обычаю. Въ вышеозначенныхъ дѣлахъ не существуетъ карающаго обычая на томъ основаніи, что отвѣтственность за совершонное преступленіе остается въ кругу семейства, а естественно, никто не можетъ быть врагомъ самому себѣ.

Стремленіе ингушъ всѣми возможными средствами выгородить себя отъ отвѣтственности, скрытность и лживость ихъ часто представляютъ для суда неодолимыя препятствія при разборѣ ихъ кровныхъ дѣлъ. Въ виду этого, всѣ обстоятельства, наводящія сомнѣніе и допускающія лишь возможность совершенія подозрѣваемымъ лицомъ даннаго преступленія, не принимаются горскимъ судомъ въ дѣлахъ кровныхъ, отъ коихъ такъ-сказать зависитъ жизнь и смерть обвиняемаго; въ такихъ дѣлахъ требуются ясныя и несомнѣнныя доказательства. Кровныя дѣла ингушъ, по большей части, замаскированныя туземною изворотливостью и баснословнымъ вымысломъ, представляютъ при разборѣ по обычаю тѣмъ болѣе непреодолимую трудность, что присяга, какъ обвиняющій юридическій фактъ, весьма рѣдко допускается въ подобнаго рода дѣлахъ и считается исключеніемъ изъ общаго обычнаго права. Подобныя исключенія ингушскій обычай терпитъ лишь въ такихъ только случаяхъ, когда, напримѣръ, есть доказательства, что убитый наканунѣ или въ день смерти былъ въ гостяхъ у обвиняемаго, или встрѣтился съ нимъ на дорогѣ, или ѣхалъ вмѣстѣ изъ какого-нибудь аула и между ними или ихъ родственниками существовала до того за что-нибудь вражда, и тому подобныя сильно обвиняющія обстоятельства. Въ такихъ только случаяхъ горскій судъ, сообразивъ всѣ обстоятельства дѣла, предоставляетъ заподозрѣнному въ убійствѣ извѣстный срокъ для розыска дѣйствительнаго убійцы. Если въ этотъ, опредѣленный судомъ, срокъ подозрѣваемый въ убійствѣ не найдетъ другихъ виновныхъ, кровная отвѣтственность, со всѣми ея послѣдствіями, налагается на него; въ противномъ случаѣ, т. е. когда подозрѣваемый укажетъ на виновныхъ, ему назначается присяга, съ 18-ю присяжниками изъ его-же фамиліи, заслуживающими довѣрія въ обществѣ и хорошими хозяевами, слѣдующаго содержанія: «такого-то

убили такіе-то». Указаннымъ подъ присягою виновнымъ, въ свою очередь, предоставляется право, если могутъ и пожелаютъ, съ 18-ю-же присяжниками, подъ присягой указать на обвинителя своего или на кого-либо другого, какъ на соучастника сдѣланнаго ими преступленія. Цѣль этой присяги — открыть всѣхъ участвовавшихъ и возложить на нихъ кровную плату по ровнымъ частямъ.

Весьма частымъ явленіемъ у ингушъ бываетъ покушеніе на жизнь, выражающееся тѣмъ, что неизвѣстный врагъ, подкравшись въ глубокую полночь къ саклѣ своего недруга, стрѣляетъ въ окно по направленію къ тому мѣсту, гдѣ предполагаетъ спящимъ человѣка, на жизнь котораго покушается. Въ большинствѣ случаевъ эти покушенія не достигаютъ цѣли и потому мѣстный обычай для этого вида преступленія не выработалъ опредѣленныхъ и точныхъ правилъ; но въ тѣхъ случаяхъ, когда виновный былъ пойманъ или уличенъ въ содѣянномъ имъ покушеніи, обычай налагалъ на него плату, равняющуюся 12 коровамъ.

Въ настоящее время эти дѣла, какъ указывающія на заранѣе обдуманный умыселъ совершить преступленіе, составляютъ предметъ разбора окружного суда.

XV.

Чаще всего между ингушами бываютъ пораненія, особенно замѣтнымъ было это явленіе прежде, когда ингуши имѣли постоянно при себѣ оружіе. Всякій пустячный споръ, всякая мелкая обида, какъ видѣли мы выше, заставляла ингуша браться за оружіе. Слишкомъ частая практика такого рода дѣлъ дала возможность мѣстному обычаю до послѣднихъ мелочей опредѣлить, какъ степень поврежденій, такъ и размѣръ вознагражденія за эти поврежденія.

Дѣла о нанесеніи ранъ не принимаются горскимъ словеснымъ судомъ къ разбору, пока раны, какъ выражаются ингуши, *мокрыя*, или, другими словами—покуда раны не заживлены и ясно не обнаружены всѣ послѣдствія и степень вліянія ихъ на здоровье потерпѣвшаго.

Какая бы ни была рана, время судебнаго разбирательства

обыкновенно полагается черезъ годъ. Прежде всего виновный обязанъ доставить раненому мѣрку пшеницы, или, взамѣнъ ея, одинъ рубль и барана, большого или малаго, смотря по ранѣ, т. е., если рана сильная — большого барана, а если рана незначительная — малаго барана, и посылаетъ доктора—мѣстнаго знахаря, которому немедленно дается два рубля серебромъ, а по излѣченіи раненаго, сообразно труду, который сопровождалъ практику доктора, опредѣляется ему съ каждой назначенной въ плату за раны коровы по одному большому барану или по одному рублю; если-же паціентъ его умретъ, то никакой платы, кромѣ двухъ рублей, данныхъ въ началѣ, онъ не получаетъ. Назначеніе обычаемъ первоначальной присылки пшеницы и барана идетъ на пищу раненому.

Если виновный въ нанесеніи ранъ не доставитъ раненому упомянутаго обычнаго взноса и не дастъ задаточной платы доктору за предстоящіе труды его, то горскій судъ, при разбирательствѣ дѣла, включаетъ всѣ издержки по лѣченію больного въ число платы за нанесеніе ранъ.

При разборѣ дѣлъ о ранахъ по обычаю въ горскомъ судѣ, судъ этотъ не входитъ въ разсмотрѣніе обстоятельствъ, сопровождавшихъ пораненіе, и не принимаетъ на видъ смягчающихъ или увеличивающихъ вину обстоятельствъ, а только свидѣтельствуетъ рану и затѣмъ спрашиваетъ потерпѣвшаго о томъ: кто его ранилъ? Если тотъ, на кого укажетъ потерпѣвшій, сознается, то судъ опредѣляетъ соотвѣтствующую ранѣ плату, а въ противномъ случаѣ, при несознаніи обвиняемаго, допрашиваются свидѣтели и дается присяга раненому съ двумя присяжниками въ подтвержденіе заявленнаго противъ извѣстнаго лица обвиненія. При назначеніи обычной платы за раны, если таковыхъ было нанесено нѣсколько одному потерпѣвшему, судъ принимаетъ не каждую рану отдѣльно и не совокупную степень вреда этихъ ранъ, а лишь одну рану, которая докторомъ и судьями будетъ признана важнѣйшею.

При обсужденіи свойства ранъ и опредѣленія за нихъ обычной платы, туземное право распредѣляетъ всѣ эти раны по слѣдующимъ частямъ человѣческаго тѣла: 1) верхняя часть головы, прикрытая папахой, 2) лицо, уши и шея (части открытыя), 3) часть тѣла, такъ называемое туловище, 4) руки съ подраздѣленіями и 5) ноги съ подраздѣленіями. Сообразно этимъ частямъ человѣческаго тѣла назначается и плата, въ слѣдующихъ размѣрахъ.

1. *Въ головныхъ ранахъ:*

а) За рану въ голову, съ легкимъ разсѣченіемъ кожи, безъ обнаруженія кости, обычай полагаетъ только мировое угощеніе: барана и котелъ араки *).

б) За рану съ царапиной на черепѣ, требующей очистки ножемъ, или, какъ говорятъ ингуши, за рану, требующую взяться за ножъ хотя-бы для самой легкой очистки кости, полагается въ плату три коровы (тельныя) и на угощеніе малый баранъ и четыре котла араки.

в) Рана съ раздробленіемъ черепа до второй, по выраженію ингушъ, мягкой кости—гãнжель тахкъ, т. е. до твердой мозговой оболочки, оцѣнивается въ пять коровъ (тельныхъ) и назначается для угощенія большой баранъ и шесть или четыре котла араки.

г) За рану съ раздробленіемъ черепа и разсѣченіемъ обѣихъ мозговыхъ оболочекъ до паутинной оболочки, или, какъ говорятъ ингуши, до мозга, но его еще не видно, обычай назначаетъ восемь коровъ (тельныхъ) и на угощеніе большого барана, барашка и шесть котловъ араки или только одного большого барана и тоже количество араки.

д) За раздробленіе черепа съ разсѣченіемъ всѣхъ трехъ оболочекъ или, по выраженію туземцевъ, когда сразу обнаружится мозгъ, полагается плата въ десять коровъ (тельныхъ) и одного быка съ кускомъ бумажной матеріи, цѣною въ 3 руб., что называется по-ингушски *уст-дѐри*, или всего двѣнадцать коровъ и на угощеніе опредѣляется два барана: одинъ большой и одинъ малый и шесть котловъ араки.

е) За такія-же раны, нанесенныя женщинамъ, полагается та-же плата, но съ тѣмъ, чтобы качество коровъ и другой платы было лучшаго достоинства и сверхъ того прибавляется къ этой платѣ еще какая-нибудь женская одежда: бешметъ, рубаха или головной платокъ. Если-же при нанесеніи удара или раны въ голову женщинѣ и при осмотрѣ поврежденія или при излѣченіи раны встрѣтилась необходимость сбрить часть волосъ на головѣ, то за это, сверхъ означенной платы, виновный долженъ дать потерпѣвшей еще одну корову.

2. *Въ лицевыхъ ранахъ:*

а) За раны, нанесенныя въ открытую часть тѣла, которая,

*) Размѣръ котла араки полагается въ одно ведро.

какъ говорятъ ингуши, на виду и скрыть на ней раны не возможно, т. е. въ лицо,—кромѣ вознагражденія за рану, означеннаго ниже, прибавляется еще плата за оскорбленіе чести — *барчъ*; но этотъ барчъ взыскивается въ пользу потерпѣваго только въ тѣхъ случаяхъ, когда плата за самую рану достигаетъ 20 коровъ; при платѣ-же ниже 20 коровъ—барча не полагается. Плата за раны, превышающая 20 коровъ, которыя въ этомъ послѣднемъ количествѣ полагаются всѣ тельныя, опредѣляется на половину тельными и яловыми, т. е. если, напримѣръ, назначено всего 30 коровъ, то половина должна быть тельныхъ, а половина яловыхъ.

б) За лишеніе глаза, за отсѣченіе носа и уха и за нанесеніе раны въ щеку, когда послѣдствіемъ этой послѣдней раны является искривленіе частей лица или никогда не заживающая рана, назначается половина человѣческой крови, какъ выражается мѣстный, ингушскій обычай, т. е. 60 коровъ *) и на честь 10 коровъ, всего 70 коровъ; на угощеніе полагается два большихъ барана вечеромъ, одинъ большой баранъ утромъ и 10 котловъ араки.

в) Оцѣнка простыхъ и легкихъ ранъ, нанесенныхъ въ лицо, зависитъ отъ свойства ихъ: есть плата въ 50, 40, 30 и менѣе коровъ; при всѣхъ этихъ ранахъ назначается плата на честь и соотвѣтствующее платѣ угощеніе.

г) Рана въ шею, съ поврежденіемъ горла и послѣдствіями охриплости или потери голоса, оцѣнивается въ 70 коровъ, съ соотвѣтствующимъ этому количеству коровъ угощеніемъ.

3) *Въ ранахъ отъ шеи до паховъ*:

а) За отсѣченіе руки отъ плеча или отъ локтя и за отсѣченіе кисти полагается 70 коровъ и барчъ и на угощеніе вечеромъ два большихъ барана, утромъ одинъ баранъ и 10 или 8 котловъ араки.

б) За рану въ плечо или около плеча, съ лишеніемъ движенія руки, назначается въ плату всего 70 коровъ съ барчемъ и угощеніе изъ двухъ барановъ вечеромъ, одного барана утромъ и 8 котловъ араки.

в) Рана въ локоть или вблизи локтя, съ лишеніемъ движенія

*) Половина кровной платы составляетъ собственно 63 коровъ, но при расчетѣ половины обычай принимаетъ только 60 коровъ.

руки отъ локтевого сочлененія оцѣнивается въ 46 коровъ, изъ коихъ шесть составляютъ барчъ; угощеніе: два барана и 6 котловъ араки.

г) За рану въ руку, съ лишеніемъ движенія кисти или пальцевъ, опредѣляется 30 коровъ, барчъ въ четыре коровы и на угощеніе два барана, большой и малый, и 6 или 4 котла араки.

д) Рана въ большой палецъ стоитъ пять коровъ и угощеніе одинъ большой баранъ и четыре котла араки; указательный—четыре коровы и угощеніе одинъ баранъ и два котла араки; средній — три коровы, безъимянный — двѣ и мизинецъ—одна корова; за отсѣченіе каждаго изъ послѣднихъ пальцевъ полагается на угощеніе одинъ малый баранъ и одинъ котелъ араки. Плата за повреждение пальцевъ соразмѣряется со степенью увѣчья и способностью пальцевъ къ дѣйствію.

е) Большой и указательный пальцы называются у ингушъ хозяйственными; за отсѣченіе ихъ полагается 15 коровъ и барчъ четыре коровы, изъ коихъ десять тельныхъ и девять яловыхъ; угощеніе: большой и малый баранъ и шесть котловъ араки. За отсѣченіе-же каждаго изъ этихъ пальцевъ отдѣльно полагается пять коровъ и двѣ коровы въ барчъ.

ж) За отсѣченіе вмѣстѣ трехъ пальцевъ (не хозяйственныхъ) 15 коровъ и въ барчъ четыре коровы, изъ коихъ десять тельныхъ и девять яловыхъ; угощеніе: большой и малый баранъ и восемь котловъ араки. За отсѣченіе-же отдѣльно средняго пальца четыре коровы, за безъимянный—три коровы, за мизинный—двѣ коровы и за каждый барчъ по одной коровѣ; изъ числа коровъ, назначенныхъ въ счетъ платы, должны быть три тельныхъ и двѣ яловыхъ за средній палецъ, три тельныхъ и одна яловая за безъимянный и всѣ три коровы тельныя за мизинецъ.

з) За отсѣченіе двухъ пальцевъ, изъ коихъ одинъ мизинный, полагается шесть коровъ и угощеніе: большой баранъ и четыре котла араки.

и) За рану въ бокъ, съ разсѣченіемъ реберъ и, по выраженію туземцевъ, «если выходитъ духъ», полагается десять коровъ (тельныхъ) и уст-дéрп, всего двѣнадцать коровъ: на угощеніе одинъ баранъ и шесть котловъ араки.

і) За рану въ бокъ по ребрамъ, безъ поврежденія ихъ, опредѣляется пять коровъ и на угощеніе одинъ баранъ и четыре котла араки.

к) За такую-же рану, съ поврежденіемъ реберъ, но если

не выходитъ духъ, назначается восемь коровъ, изъ коихъ половина тельныхъ, а половина яловыхъ; угощеніе: одинъ баранъ и пять котловъ араки.

л) За рану въ грудь или бокъ пулей, прошедшей подъ кожей и не повредившей кости, если разстояніе отъ мѣста входа пули до выхода ея не больше какъ на ладонь или 9 вершковъ, полагается пять коровъ, изъ коихъ три тельныхъ и двѣ яловыхъ; угощеніе: большой баранъ и четыре котла араки.

Если разстояніе входа и выхода больше, то, соразмѣрно этому разстоянію, цѣна не превышаетъ восьми коровъ, на половину тельныхъ и яловыхъ.

м) Если пуля прошла во внутрь — взыскивается десять коровъ тельныхъ и уст-дери, что составляетъ двѣнадцать коровъ; угощеніе: большой и малый баранъ и шесть котловъ араки. Если рана такого рода, что приходится развязывать очкуръ при лѣченіи раны, то къ платѣ прибавляется еще три барана или 6 рублей серебромъ.

4. *Въ ранахъ отъ пояса до ступней:*

а) За отсѣченіе ноги отъ таза или отъ колѣна и за отсѣченіе вообще ступни платится 70 коровъ и въ барчъ хорошая лошадь; угощеніе: вечеромъ два большихъ барана и утромъ одинъ баранъ и 10 или 8 котловъ араки.

б) За рану въ тазъ или около таза, съ лишеніемъ движенія ноги, взыскивается также 70 коровъ, но безъ барча, съ помянутымъ въ пунктѣ а) угощеніемъ.

в) Рана въ колѣно или около колѣна, съ лишеніемъ движенія ноги отъ колѣна или съ послѣдствіямъ хромоты, стоитъ 40 коровъ и барчъ шесть коровъ; угощеніе: два барана и шесть котловъ араки.

г) За рану въ ногу, съ лишеніемъ движенія ступни или пальцевъ, полагается 30 коровъ и четыре коровы на барчъ; угощеніе: большой и малый бараны и 6 или 4 котла араки.

д) Пальцы на ногѣ за поврежденія оплачиваются какъ и на рукахъ.

Во всѣхъ лицевыхъ ранахъ и въ тѣхъ, гдѣ въ числѣ платы назначается уст-дери (вообще стоющій 15 руб.), полагаются всѣ тельныя коровы; во всѣхъ-же другихъ случаяхъ число опредѣленныхъ въ плату коровъ дѣлится по-поламъ: одна половина

тельныхъ, а другая—яловыхъ; въ нечетныхъ числахъ превышающая единица прикладывается къ половинѣ тельныхъ коровъ. Цѣна тельной коровы за раны опредѣляется въ 8 руб. и яловой въ 4 руб. 50 коп.

Какъ мы видѣли выше, всякая плата у ингушъ опредѣляется коровами, но не нужно думать, что эта плата и въ самомъ дѣлѣ производится однѣми коровами: лошади, быки, бараны, оружіе и платье также идутъ въ счетъ платы, по оцѣнкѣ выборныхъ депутатовъ, а корова является здѣсь какъ выраженіе извѣстной денежной единицы, какъ предметъ отвлеченный.

Оцѣнка скота и прочихъ предметовъ, предназначаемыхъ въ плату, какъ я сказалъ сейчасъ, производится депутатами и, во избѣжаніе нескончаемыхъ споровъ, безъ участія тяжущихся сторонъ. Послѣ этого оцѣненные скотъ и вещи вручаются по принадлежности, но съ непремѣннымъ условіемъ, что если въ опредѣленный депутатами срокъ часть принятаго оружія или скота окажется съ пороками, плательщикъ обязанъ обратно принять забракованную вещь и замѣнить ее новою, по оцѣнкѣ тѣхъ-же депутатовъ.

Обычная, добавочная плата, извѣстная подъ названіемъ устдéри, играла нѣкогда заискивающую роль и врученіе ея надлежащему лицу совершалось при нѣкоторой торжественной обстановкѣ.

Когда виновный отправлялся къ раненому съ поклономъ и несъ къ нему опредѣленную плату,—впереди толпы, обыкновенно сопровождавшей въ такихъ случаяхъ отвѣтчика, гнали быка, рога коего были обвиты кускомъ бѣлой бумажной матеріи, на подобіе чалмы; этотъ-то быкъ съ чалмою и назывался уст-дéри. Устъ значитъ по-ингушски быкъ, дéри—кусокъ бумажной матеріи. Описаннымъ порядкомъ вся толпа, предшествуемая быкомъ съ чалмою, направлялась во дворъ раненаго и каждый изъ участвовавшихъ въ толпѣ стариковъ, болѣе или менѣе почетныхъ, считалъ своею обязанностью просить раненаго сбавить нѣкоторую часть назначенной съ виновнаго платы, ради его бѣдности. Человѣку, къ которому обращаются съ такою просьбою, стыдно отказать уважаемымъ гостямъ и онъ уменьшаетъ размѣръ слѣдуемой ему платы. Послѣ этого уже слѣдуетъ угощеніе.

При платѣ уст-дéри и въ настоящее время сохранился тотъ-же обычный порядокъ, т. е. виновный отправляется въ домъ раненаго съ такою-же толпою, изъ числа которой старики упра-

шиваютъ сбавки платы; но церемоніалъ съ быкомъ, увѣнчаннымъ бѣлой чалмой, теперь уже не примѣняется и эта обрядность исчезла изъ народнаго употребленія, самая-же плата и названіе тѣ-же, какъ и прежде.

Въ прежнія времена, когда ингуши имѣли очень рѣдкія сношенія съ русскими, когда мануфактурныя издѣлія считались у нихъ большою рѣдкостью и диковинкою и когда у нихъ вся одежда, какъ верхняя, такъ и исподняя, была суконная,—этотъ обычай имѣлъ нѣкоторое значеніе, назначая, какъ рѣдкость, въ числѣ платы кусокъ бумажной матеріи, кромѣ обычной платы. Кусокъ этой матеріи долженъ былъ равняться стоимости трехъ кусковъ сукна, а каждый кусокъ этого сукна, полагая на одну черкеску, въ 25 локтей, цѣнился въ старину въ одного барана, стоившаго прежде не дороже одного серебрянаго рубля; такимъ образомъ, кусокъ бумажной матеріи (де́ри), назначенный въ плату, опредѣлялся стоимостью въ три рубля.

Теперь плата уст-де́ри равняется двумъ коровамъ, или 15 рублямъ, и внесеніе этой платы непремѣнно быкомъ и кускомъ матеріи не обязательно.

Угощеніе между ингушами играетъ весьма важную роль и имѣетъ двоякую цѣль: изгладить въ потерпѣвшемъ дурное впечатлѣніе обиды, примирить тяжущихся хлѣбомъ-солью и располагающею къ душевнымъ изліяніямъ аракою и выпросить у обиженнаго прощеніе какой-либо части платы, наложенной судомъ на отвѣтчика. Для болѣе успѣшнаго достиженія этой послѣдней цѣли, въ дѣлахъ крупныхъ и важныхъ, гдѣ опредѣляется плата довольно значительная, обычай назначаетъ угощеніе вечеромъ и утромъ; назначеніе этого двойного угощенія имѣетъ въ виду главнымъ образомъ дать возможность обвиненному дважды попросить сбавки съ опредѣленной судомъ платы. Съ этой просьбой къ потерпѣвшему обыкновенно адресуются присутствующіе на угощеніи почетные гости, которые, прилично закусивъ и выпивъ, начинаютъ упрашивать виновника банкета пощадить отвѣтчика, ради его бѣдности и глупости — обычное выраженіе ингушъ въ этихъ случаяхъ. Просьбы гостей, при такихъ обстоятельствахъ, всегда достигаютъ своей цѣли и потерпѣвшій значительно сокращаетъ назначенную ему съ виновнаго плату. Такимъ образомъ назначаемая обычаемъ плата почти никогда не вносится въ полномъ размѣрѣ.

Къ этакому способу примиренія ингуши прибѣгаютъ даже

въ такихъ случаяхъ, когда дѣло поступаетъ въ окружной судъ; но здѣсь уже руководящимъ началомъ бываетъ желаніе положить предѣлъ враждѣ, такъ-какъ это однимъ наказаніемъ по общему закону не достигается; иногда впрочемъ и тутъ угощеніе служитъ выраженіемъ просьбы сложить часть наложеннаго окружнымъ судомъ денежнаго взысканія, которое, въ видѣ пожизненныхъ пенсій и издержекъ на лѣченіе, иной разъ бываетъ не менѣе обычной платы.

Кромѣ отвѣтственности за нанесеніе исчисленныхъ выше ранъ, у ингушъ существуетъ еще обычай, налагающій на виновнаго плату за нанесеніе удара по головѣ палкою, камнемъ и тому подобнымъ предметомъ, безъ видимаго поврежденія наружныхъ покрововъ. Эти ушибы, а равно и простыя наружныя раны въ голову, иногда сопровождаются у ингушъ весьма оригинальнымъ способомъ лѣченія и опредѣленія степени важности ихъ. Если ингушъ, легко раненый или ушибленный кѣмъ-нибудь, начинаетъ страдать головною болью,—весьма часто совершенно отъ другой причины, — онъ объявляетъ объ этомъ своимъ родственникамъ, съ изъявленіемъ желанія и просьбою освидѣтельствовать его черепъ по обычаю.

Никакой періодъ времени отъ нанесенія ушиба или раны до появленія головной боли не вправѣ ограничить осуществленіе подобнаго дикаго требованія, которое вызывается не столько мрачнымъ воображеніемъ о смерти и вообще боязнью потерять жизнь, сколько мыслью умереть не отомщеннымъ, если причиною болѣзни головы есть дѣйствительно нанесенный ушибъ. Это чувство самолюбія, а также самосохраненіе и естественное влеченіе продлить свое здоровое состояніе, заставляютъ ингушъ рѣшаться на такую операцію, которая можетъ привести въ содроганіе даже присутствующаго при совершеніи ея цивилизованнаго человѣка.

Для совершенія осмотра черепа, въ назначенный день приглашаются: нанесшій ударъ, родственники его, родственники больного и туземный докторъ. Послѣдній, въ присутствіи всѣхъ этихъ лицъ, простымъ и нѣсколько искривленнымъ ножомъ, разрѣзываетъ крестообразно покровы черепа на томъ мѣстѣ, куда нанесенъ ударъ, а если не видно слѣдовъ ушиба на поверхности, то мѣсто, которое укажетъ больной, подвергающійся этой операціи. Доморощенный хирургъ тѣмъ-же ножомъ, если замѣтитъ на черепѣ темныя пятна, признаки гніенія кости, оскобляетъ ее и по-

томъ зашиваетъ надрѣзанную кожу. Тѣ-же пріемы туземной хирургіи употребительны и въ томъ случаѣ, когда отъ ушиба образовалась на черепѣ трещина и омертвѣніе раздвинувшихся сочлененій панцыря. При этомъ докторъ, вырѣзавъ ножомъ изгнившія части, свидѣтельствуетъ состояніе твердой мозговой оболочки, или —по выраженію ингушъ — второй мягкой кости.

Подобный способъ выскабливанія черепной кости и отдѣленія гніющихъ частей ея употребляется туземными докторами и вообще при излѣченіи головныхъ ранъ. Не смотря на всю трудность такихъ операцій, ингуши выносятъ ихъ стоически и нужно удивляться ихъ чисто кошачьей живучести. Мнѣ лично не разъ приходилось видѣть у ингушъ такія раны, которыя, казалось, не представляли никакого сомнѣнія въ смертельномъ исходѣ ихъ и гдѣ наши медики обрекали раненаго на вѣрную смерть,—и не разъ, къ удивленію моему, я встрѣчалъ потомъ этихъ людей выздоровѣвшими.

Если при описанномъ освидѣтельствованіи черепа оказались, по засвидѣтельствованію доктора, производившаго операцію, какія-либо поврежденія, то, по заявленію объ этомъ горскому суду, послѣдній опредѣлялъ размѣръ платы, сообразно съ тѣмъ разрядомъ головныхъ ранъ, къ которому судомъ было отнесено найденное у жалобщика поврежденіе. Если-же по взрѣзаніи головныхъ покрововъ на мѣстѣ, указанномъ подвергшимся операціи, не оказывалось никакихъ поврежденій, то оперируемый вполнѣ удовлетворялся этимъ осмотромъ и уже не претендовалъ на того, кто нанесъ ему нѣкогда ударъ.

Въ настоящее время подобнаго рода операціи, стремящіяся къ тому, чтобы опредѣлить степень поврежденія отъ ушиба, произведеннаго въ давнопрошедшее время, безусловно воспрещены; но въ видѣ излѣченія ранъ и видимыхъ, несомнѣнныхъ ушибовъ, эти операціи еще допускаются, но не иначе какъ съ вѣдома и разрѣшенія окружного врача. Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ, опредѣляемую туземнымъ врачомъ степень поврежденія черепа горскій судъ принимаетъ за основаніе къ опредѣленію платы за рану. Независимо отъ этого, степень нанесеннаго раною или ушибомъ поврежденія теперь обязательно удостовѣряется окружнымъ врачомъ, хотя-бы дѣло объ этомъ подлежало вѣдѣнію горскаго словеснаго суда.

XVI.

Наиболѣе частымъ и выдающимся явленіемъ въ преступной жизни ингушъ бываетъ похищеніе чужой собственности во всевозможныхъ видахъ, начиная отъ разбоя и кончая самой мелкой кражей. Этотъ порокъ, присущій едва-ли не каждому ингушу, особенно молодымъ людямъ, какъ эпидемическая болѣзнь, какъ пагубная страсть со всѣми печальными ея послѣдствіями, составляетъ не малый тормазъ въ числѣ другихъ недостатковъ къ развитію болѣе благопріятной экономической жизни ингушъ и служитъ главною побудительною причиною къ тѣмъ налогамъ, которыми обременены они, какъ предохранительною мѣрою къ обузданію въ нихъ этой страсти къ воровству. Выше мы видѣли, что ингуши тратятъ довольно крупную сумму, доходящую до 18 тысячъ рублей, на содержаніе сельскихъ конноразъѣздныхъ, обязанность которыхъ почти исключительно состоитъ въ томъ, чтобы охранять селеніе какъ отъ совершенія кражи въ немъ, такъ и отъ того, чтобы въ селеніе не приводился краденый скотъ. Въ обоихъ этихъ случаяхъ конноразъѣздные, если не откроютъ виновныхъ, обязаны заплатить хозяевамъ стоимость украденнаго; но эта отвѣтственность чисто фиктивная, ибо, въ дѣлахъ по воровству ингушъ между собою, виновные, за рѣдкими исключеніями, не бываютъ обнаруживаемы самимъ потерпѣвшимъ, а доведеніе слѣдовъ до селенія такой хаотическій способъ, что очень рѣдко достигаетъ цѣли, и въ большинствѣ случаевъ хозяева украденнаго скота, слѣды котораго будто-бы доведены до селенія, не получаютъ вознагражденія; наконецъ, въ болѣе крупныхъ случаяхъ, доведеніе слѣдовъ оплачивается цѣлымъ селеніемъ.

Въ виду всего сейчасъ высказаннаго, содержаніе конноразъѣздныхъ въ ингушскихъ селеніяхъ, принося весьма сомнительную выгоду, нисколько не вліяетъ на сокращеніе числа случаевъ кражи, такъ-какъ эти случаи почти ежедневно повторяются и если послѣ принятія означенной охранительной мѣры не увеличились, то уже навѣрно не уменьшились въ числѣ. Бывало, наконецъ, нѣсколько случаевъ, гдѣ въ совершеніи воровства являлись дѣйствующими лицами сами охранители, пользуясь для того своимъ исключительнымъ положеніемъ. И дѣйствительно, конноразъѣздный, желая пользоваться чужою собственностью, весьма легко можетъ сдѣлать это и застигнутый хозяиномъ на дворѣ или на улицѣ еще легче можетъ объяснить свое присутствіе тамъ исполненіемъ служебныхъ

обязанностей: «дѣлаю обходъ»—вотъ и отвѣтъ. Даже пойманный съ поличнымъ, конноразъѣздный также легко вывертывается изъ бѣды, заявивъ лишь, что онъ, дѣлая обходъ, отбилъ у вора украденный предметъ; словомъ, въ такихъ случаяхъ сельскіе охранители, такъ сказать, не уловимы и этимъ, по моему, можно объяснить частые случаи кражъ при кажущемся бдительномъ надзорѣ въ селеніяхъ.

Воровство, нераздѣльное въ дикомъ и воинственномъ народѣ съ хищничествомъ, при условіяхъ прошлой жизни ингушъ, составляло доблесть, которая прославлялась въ импровизированныхъ пѣсняхъ дѣвушекъ, въ легендахъ и сказкахъ; но, къ утѣшенію, всѣ эти преданія замѣтно начинаютъ исчезать въ народной памяти, при постепенномъ экономическомъ и нравственномъ развитіи и новыхъ требованіяхъ жизни ингушъ. Теперь стремленіе ингушъ къ воровству воплотилось въ болѣе реальную форму и преимущественно составляетъ желаніе извлечь изъ украденнаго предмета матеріальную выгоду; но порой и въ настоящее время проявляется у нихъ старый взглядъ на воровство, какъ молодечество и удаль, и это выражается даже въ самыхъ лучшихъ сторонахъ туземнаго быта — въ гостепріимствѣ: ингушъ, чтобы почтить своего гостя, доставить ему наибольшія удовольствіе и радость, ведетъ его на воровство, которымъ угощаетъ дорогого гостя какъ лакомымъ десертомъ послѣ горячаго и вкуснаго шашлыка, принимаетъ и скрываетъ воровскія вещи и даже иногда жертвуетъ собой для гостя—вора, принимая на себя всю отвѣтственность за преступленіе. Можно безошибочно сказать, что главные воры - проводники — это воры - хозяева изъ тѣхъ туземцевъ, въ землѣ коихъ случается хищническое происшествіе; затѣмъ краденые предметы, посредствомъ пріѣзжихъ гостей, скрываются передачею въ другія отдаленныя мѣстности.

Совершаемыя ингушами кражи можно подраздѣлить на три разряда, изъ коихъ въ первомъ является главнымъ руководящимъ понужденіемъ молодечество и удальство; этого рода кражи совершаются обыкновенно молодыми людьми изъ хорошихъ и зажиточныхъ фамилій; во второмъ—месть и въ третьемъ—желаніе просто воспользоваться легчайшимъ путемъ чужою собственностью. Немногіе изъ ингушъ занимаются кражею и принятіемъ краденыхъ предметовъ, какъ ремесломъ, и, ловко обработывая такія дѣла, умѣютъ хорошо наживаться и впослѣдствіи благоденству-

ютъ, если хватаетъ энергіи во время прекратить такую дѣятельность.

Въ дѣлѣ умѣнья красть и скрывать слѣды ингуши дошли, по истинѣ, до высшихъ предѣловъ виртуозности и едва-ли кто изъ другихъ горцевъ Кавказа въ состояніи соперничать въ этомъ съ ними. Не говоря уже объ изворотливости, къ которой обыкновенно прибѣгаетъ пойманный воръ-ингушъ, онъ и въ дѣлѣ кражи прибѣгаетъ иногда къ такимъ способамъ, которые изумляютъ своею геніальностью, если можно такъ выразиться по отношенію къ кражѣ. Кромѣ множества пріемовъ, къ которымъ прибѣгаютъ ингуши, чтобы измѣнить внѣшнія примѣты украденнаго скота, мнѣ извѣстенъ одинъ чисто анекдотическій случай скрытія слѣдовъ воровства.

Ингуши, какъ извѣстно, большіе враги свѣтлыхъ ночей и вообще такихъ временъ года, когда на землѣ могутъ остаться слѣды совершоннаго преступленія, какъ, напримѣръ, зимою, при снѣгѣ. Въ такое-то неблагопріятное время года одинъ воришка долженъ былъ очень долго оставаться въ бездѣйствіи, которое окончательно становилось ему не въ моготу, а снѣгъ между-тѣмъ лежалъ и не давалъ ему ходу. Какъ нерѣдко случается, что въ критическія минуты человѣкъ способенъ создавать выходы изъ затруднительнаго положенія, такъ и скучающаго ингуша въ долгую зимнюю ночь вдругъ осѣнила счастливая мысль. На слѣдующее-же утро онъ отправился въ г. Владикавказъ и купилъ тамъ на базарѣ двѣ пары старенькихъ сапогъ. Запасшись этими сапогами, ингушъ въ слѣдующую ночь отправился въ сосѣднюю станицу и укралъ тамъ корову, а для того, чтобы замаскировать слѣды, надѣлъ ей на ноги сапоги, и не просто, а задомъ напередъ, такъ-что, казалось, слѣды шли не отъ станицы, а по направленію къ ней. Какъ ни хитро распорядился ингушъ съ своею добычею, но онъ упустилъ изъ виду одно, что сосѣди-казаки не менѣе хитрые пройдохи, чѣмъ онъ, и продѣлка его была немедленно обнаружена.

Весьма рѣдко случается, чтобы ингушъ сознался въ совершеніи имъ кражи и вообще какого-бы то ни было преступленія, хотя-бы его поймали на самомъ мѣстѣ преступленія. Въ такихъ обстоятельствахъ ингушъ изобрѣтаетъ какую-нибудь невѣроятную, чуть не фантастическую исторію, чтобы объяснить случайностью нахожденіе свое на мѣстѣ преступленія или чтобы опровергнуть представляющіяся противъ него улики. Такое запирательство ин-

гушъ является преимущественно въ дѣлахъ, которыя подлежатъ вѣдѣнію окружного суда, такъ-какъ ингуши убѣждены, вопреки многимъ уже примѣрамъ, что русскій не обвиняетъ безъ собственнаго сознанія, и это убѣжденіе всѣми силами стараются поддерживать въ нихъ разные ингушскіе ходатаи и адвокаты, ловко и беззастѣнчиво эксплоатирующіе невѣжество своихъ кліентовъ. При разборѣ-же дѣлъ по обычаю такое запирательство встрѣчается рѣже.

При разборѣ дѣлъ въ горскомъ словесномъ судѣ, для обличенія кого-либо въ воровствѣ, ингушскій обычай требуетъ или свидѣтельскихъ показаній неприкосновенныхъ къ дѣлу людей, подъ присягой, или показаній благонадежнаго доказчика, или обнаруженія какой-либо вещи изъ числа украденныхъ, или-же сознанія самого виновнаго или одного изъ соучастниковъ его. Вообще обычай требуетъ уликъ, не оставляющихъ сомнѣнія въ виновности подозрѣваемаго. Во всѣхъ-же случаяхъ, гдѣ не имѣется явныхъ уликъ, истецъ можетъ требовать отъ подозрѣваемаго очистительной присяги съ пятью присяжниками.

До 1866 года, въ дѣлахъ о кражахъ, горскимъ словеснымъ судомъ принимались тайные доказчики, и заявленіе ихъ, данное въ присутствіи двухъ депутатовъ суда и пристава, считалось достаточнымъ доказательствомъ виновности лицъ, на которыхъ указалъ доказчикъ; но съ этого времени было постановлено принимать свидѣтельство только явныхъ доказчиковъ.

Если кто-либо указываетъ вора при свидѣтеляхъ, а потомъ отказывается отъ своего заявленія, обычай назначаетъ присягу этимъ свидѣтелямъ, отъ подозрѣнія которыхъ и зависитъ рѣшеніе дѣла.

При опредѣленіи вознагражденія за похищенные вещи и предметы, обычай, до 1875 года, налагалъ на виновнаго: уплату стоимости украденныхъ предметовъ, по оцѣнкѣ потерпѣвшаго съ двумя присяжниками, вторую плату, равную стоимости предмета, за исключеніемъ 5 или 6 рублей, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, нижеуказанныхъ, плату за безчестье сакли, двора, хутора и т. д. Теперь горскій судъ налагаетъ на виновнаго лишь уплату стоимости украденнаго предмета и дѣйствительныхъ убытковъ, понесенныхъ вслѣдствіе кражи, и опредѣляетъ наказаніе виновному по общимъ законамъ. Собственно по ингушскому обычаю, какъ увидимъ ниже, виновный подвергался лишь матеріальному взысканію и потому похищеніе чужой собственности,

въ какомъ-бы видѣ оно ни представлялось, было чисто граждан скимъ, а не уголовнымъ дѣломъ; до учрежденія горскихъ словесныхъ судовъ въ настоящемъ ихъ видѣ, обычай этотъ практиковался во всей своей силѣ, когда истцомъ и отвѣтчикомъ были ингуши. Только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ воровство являлось ремесломъ или повторялось нѣсколько разъ однимъ и тѣмъ-же лицомъ, виновные, кромѣ обычнаго вознагражденія потерпѣвшихъ, подвергались еще и другому наказанію—административной ссылкѣ на болѣе или менѣе продолжительный срокъ или заключенію въ тюрьмѣ.

Ингушскій обычай не дѣлалъ никакого различія между простой кражей, разбоемъ и грабежомъ и, принимая всѣ эти виды похищенія чужой собственности за обыкновенное воровство, различалъ только мѣсто совершенія кражи, сообразно съ этимъ опредѣляя вознагражденіе. Такъ, похищеніе чужой собственности дѣлилось на три разряда: воровство изъ стада, изъ сакли и двора и съ хутора и поля. Привожу существовавшіе обычаи по этимъ видамъ воровства:

1) *По воровству изъ стада.* Для охраненія сельскихъ общественныхъ стадъ, выгоняемыхъ на пастьбу, жители селенія нанимаютъ, смотря по величинѣ стада, извѣстное число пастуховъ (maximum — 3 человѣка), которые за охраненіе стада въ продолженіе лѣтняго и зимняго времени получаютъ за каждую лошадь въ конномъ табунѣ, пасущемся день и ночь, по 80 коп, и въ общемъ табунѣ — по 40 коп., за быка 10 коп. и за корову 20 коп. Прежде за пропавшій скотъ пастухъ не отвѣчалъ и только хозяинъ пропавшаго имѣлъ право требовать отъ него очистительной присяги въ томъ, что онъ, пастухъ, не скрылъ умышленно той скотины, которую показалъ пропавшею, не продалъ ея и вообще не присвоилъ себѣ и не передалъ другимъ; но въ настоящее время пастухи отвѣтствуютъ за пропавшій въ полѣ скотъ, на слѣдующихъ основаніяхъ: если пропала одна или двѣ штуки скота—половинную стоимость пропавшаго, а если въ одинъ разъ или одинъ день пропали три или болѣе штукъ—полную стоимость, по оцѣнкѣ хозяевъ пропавшаго скота; за пропажу лошади изъ коннаго табуна полагается 30 руб. за мерена и жеребца и 20 руб. за кобылу. При этомъ хозяева пропавшаго скота также имѣютъ право дать пастухамъ вышеприведенную очистительную присягу.

За открытое нападеніе на стадо или на табунъ, если напа-

дающіе, по выраженію ингушъ, «подвинутъ стадо съ мѣста», сверхъ стоимости отбитаго скота и второй платы за каждую голову, виновные обязаны были заплатить по обычаю въ честь хозяина стада 10 коровъ и уст-дéри, т. е. всего 12 коровъ, а пастухамъ—приличнаго коня. Но если пастухъ былъ ограбленъ и ему сдѣлано какое-либо насиліе: связаны руки, нанесены побои или держали арестованнымъ, виновные, сверхъ означеннаго, платили обиженному такимъ образомъ пастуху еще 10 коровъ и устдéри. Правило это относилось и ко всякому ограбленному человѣку, коего хищники держали подъ арестомъ, связаннымъ или вообще лишеннымъ свободы.

За простое ограбленіе, кромѣ полнаго удовлетворенія за ограбленныя вещи, какъ и въ предъидущемъ случаѣ, виновный платилъ въ честь обиженнаго приличнаго коня.

За ограбленіе при преслѣдованіи человѣка, виновнаго въ какомъ-либо проступкѣ, плата за оскорбленіе чести не полагалась.

За выстрѣлы въ стадѣ, дворѣ или саклѣ съ цѣлью сопротивленія хозяину, встрѣтившему вора, виновный платилъ уст-дéри или 15 руб.

2) *По воровству изъ сакли и двора.* За кражу вещей изъ сакли, кромѣ обычнаго удовлетворенія, виновный платилъ за безчестье сакли. Такъ-какъ въ прежнее время у ингушъ сакля была постоянно открыта, и зимою и лѣтомъ, готовая во всякій моментъ пріютить прибывшаго гостя, то обычай признавалъ саклю мѣстомъ неприкосновеннымъ, и потому, опредѣляя плату за безчестье сакли, установилъ нѣкоторыя тонкости при взысканіи этой платы, смотря по тому, изъ какой части сакли выкрадены вещи. При этомъ берется въ соображеніе середина сакли, гдѣ обыкновенно укрѣпляется столбъ, на которомъ развѣшивается оружіе. За кражу изъ отдѣленія сакли, начиная отъ столба къ дверямъ или, какъ говорятъ ингуши, *ниже столба*, обычай полагалъ плату въ честь оскорбленнаго хозяина сакли 4 коровы: двѣ тельныхъ и двѣ яловыхъ; за кражу-же вещей, находившихся отъ столба къ окну, т. е. *выше столба*, виновный платилъ въ честь 8 коровъ и уст-дéри, т. е. 10 коровъ; такая-же плата за безчестье назначалась и за снятіе оружія со столба.

За кражу изъ двора, кромѣ обычной платы за похищенное, полагалась еще плата и за безчестье двора, уст-дéри, т. е. 15 р.

3) *По воровству съ хутора и поля.* За воровство вещей съ хутора, а также скота во время полевыхъ работъ и вообще

какихъ-либо вещей отъ плуга или отъ другихъ земледѣльческихъ орудій, за исключеніемъ обычной платы за каждую вещь и за каждую штуку скота, съ виновнаго взыскивалось за безчестіе хутора или плуга уст-де́ри, или 15 руб.

Такимъ образомъ, кромѣ удовлетворенія потерпѣвшаго за похищенные предметы, ингушскій обычай дѣлалъ взысканіе еще и за безчестіе стада въ вышеуказанныхъ случаяхъ, сакли, двора, хутора и плуга.

Во всѣхъ описанныхъ случаяхъ похищенія, обычай полагалъ слѣдующую плату за похищаемые предметы:

За похищеніе лошади полагалось взысканіе стоимости ея и вторая плата 10-ю рублями менѣе этой стоимости.

За быка—стоимость его въ 20 руб. и вторая плата 15 руб., всего 35 руб.

За корову—стоимость ея 15 руб. и вторая плата 12 руб., всего 27 руб.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ, кромѣ означенной платы, виновный, если онъ былъ одинъ, обязывался сдѣлать угощеніе изъ одного большого барана и 4 котловъ араки; если-же воровъ было нѣсколько человѣкъ, то каждый изъ нихъ долженъ былъ дать на угощеніе одного годовалаго барана (*иенто*) и два котла араки.

За каждый улей, украденный съ пчельника, полагалась въ плату тельная корова и на угощеніе большой баранъ и 4 котла араки. При участіи-же въ этой кражѣ нѣсколькихъ человѣкъ, угощеніе раздѣляется между ними, какъ и въ предъидущемъ случаѣ.

За кражу большого барана первая плата 3 руб. и вторая 2 руб., за малаго барана (иенто) первая плата 2 руб. и вторая 1 руб.; за козу таже плата, какъ и за малаго барана.

За кражу гуся, индюка, утки и курицы первая плата 1 р. и вторая—50 коп., т. е. 1 руб. 50 коп. за каждую штуку.

За увозъ сѣна взыскивается стоимость его, опредѣляемая хозяиномъ присягою съ двумя присяжниками, и прежде полагались на угощеніе съ виновнаго одинъ баранъ и два котла араки.

За похищеніе съ поля немолоченнаго хлѣба уплачивается стоимость его; за воровство-же этого хлѣба со двора взыскивалась съ виновнаго двойная цѣна хлѣба и виновный обязанъ былъ сдѣлать угощеніе изъ большого барана и 4-хъ котловъ араки.

Изъ вышеприведеннаго видно, что двойная плата, за исключеніемъ кражи хлѣба со двора, полагалась обычаемъ только за воровство предметовъ одушевленныхъ.

Въ случаѣ падающаго на кого-либо подозрѣнія въ кражѣ, потерпѣвшій имѣетъ право съ аульными стариками сдѣлать обыскъ въ саклѣ подозрѣваемаго. Если послѣдній воспротивится этому обыску, то онъ по обычаю признается виновнымъ въ кражѣ.

При открытіи обыскомъ какой-либо вещи, признанной за свою потерпѣвшимъ, обычай назначаетъ этому послѣднему присягу съ двумя присяжниками въ томъ, что признанная имъ вещь дѣйствительно его собственная и была у него украдена. Въ случаѣ непринятія этой присяги, потерпѣвшій обязанъ уплатить хозяину обысканной сакли шесть коровъ. Назначеніе этой присяги непремѣнно истцу не обязательно, и горскій судъ, смотря по обстоятельствамъ дѣла или даже и вслѣдствіе подкупа, назначалъ иногда присягу заподозрѣнному съ 5-ю присяжниками, въ томъ, что признанная истцомъ вещь принадлежитъ ему, отвѣтчику, и не украдена имъ.

При опознаніи похищенныхъ скота и вещей у ингушъ существуетъ слѣдующій обычай: человѣкъ, опознавшій своего быка или лошадь, обязанъ представить двухъ свидѣтелей, людей благонадежныхъ, лично знавшихъ опознанный скотъ. Этотъ скотъ возвращается опознавшему, если онъ съ двумя упомянутыми свидѣтелями приметъ въ судѣ присягу въ томъ, что опознанный скотъ дѣйствительно принадлежитъ ему, какъ доморощенный или купленный у кого-либо. Подобная присяга съ двумя честными свидѣтелями выручаетъ и всякую другую похищенную вещь, опознанную кѣмъ-либо у другого.

Если съ опознаннымъ быкомъ, лошадью и вообще какою-либо вещью, въ одно и тоже время и изъ одного и того-же мѣста похищено еще нѣсколько штукъ скота или другія какія вещи, то потерпѣвшій, для полученія съ того, у кого опознана вещь, полнаго удовлетворенія за все похищенное, обязанъ подтвердить фактъ похищенія и количество похищеннаго подъ присягою, съ двумя присяжниками. Если съ уворованнымъ и опознаннымъ скотомъ пропалъ еще скотъ и у другого хозяина, этотъ послѣдній также съ двумя присяжниками можетъ доказывать въ судѣ, что скотъ его похищенъ въ одно и тоже время и изъ одного того-же мѣста съ опознаннымъ скотомъ; въ случаѣ подтвержденія этого присягою, отвѣтчикъ обязанъ удовлетворить и этого претендателя за похищенное у него. Отвѣтчику въ свою очередь предоставляется право искать возмѣщенія своихъ убытковъ съ того, отъ кого онъ получилъ опознанный предметъ.

Кто украдетъ скотъ или лошадей и для скрытія слѣдовъ проведетъ таковыхъ мимо или черезъ горскіе аулы, виновные въ этомъ, если они будутъ впослѣдствіи обнаружены, подвергаются взысканію въ пользу тѣхъ ауловъ, мимо и черезъ которые были проведены слѣды, по 25 руб. съ каждаго виновнаго. Деньги эти поступаютъ на вспомоществованіе бѣднымъ и на удовлетвореніе разныхъ общественныхъ нуждъ.

Кромѣ похищенія чужой собственности, у ингушъ сильно развито еще и истребленіе различными способами этой собственности.

Злой нравъ ингуша, желающаго омомстить своему врагу, какъ видѣли мы уже выше, не останавливается ни передъ какими средствами. Къ числу этихъ средствъ, помимо поджога хлѣба, сѣна и жилыхъ строеній врага, обрѣзанія хвоста у лошади его, выстрѣловъ въ саклю, лжесвидѣтельства и т. д., нужно отнести и еще одно, которое поражаетъ своимъ варварствомъ и возбуждаетъ въ человѣкѣ, имѣющемъ сердце, чувство ужаса, омерзенія и отвращенія къ такому бездушному существу — мстителю. Чтобы отомстить своему врагу, ингушъ очень часто прокрадывается ночью въ конюшню или сарай послѣдняго, гдѣ находится скотъ, и тамъ подрѣзываетъ этому скоту и лошадямъ жилы на ногахъ. Несчастныя животныя, истекая кровью, оканчиваютъ свое существованіе въ страшныхъ мукахъ, если хозяинъ во-время не обнаружитъ злодѣянія и не прирѣжетъ этихъ искалѣченныхъ животныхъ. Такой живодерскій и варварскій способъ мести употребителенъ только у ингушъ.

За истребленіе и поврежденіе чужого имущества обычай полагалъ:

За поджогъ хлѣба, сѣна и прочаго имущества — взысканіе съ виновнаго стоимости истребленнаго огнемъ и кромѣ того 10 коровъ и уст-дѐри, т. е. 12 коровъ всего.

За подрѣзаніе жилъ у скота—двойную обычную плату какъ за кражу и кромѣ того 10 коровъ и уст-дѐри.

За подрѣзку хвоста у лошади, виновный, получая эту лошадь себѣ, платилъ полную стоимость ея по присягѣ хозяина и за безчестье 8 коровъ и уст-дѐри, т. е. всего 10 коровъ.

Въ настоящее время во всѣхъ этихъ случаяхъ взыскивается лишь стоимость истребленныхъ или поврежденныхъ предме-

товъ, по оцѣнкѣ хозяина, и когда виновные въ этомъ остаются необнаруженными, эта плата взыскивается съ цѣлаго селенія, гдѣ случилось истребленіе или поврежденіе имущества.

XVII.

Прошлая жизнь ингушъ, воинственная и полная опасностей, частыя переселенія ихъ съ одного мѣста на другое, отсутствіе какихъ-либо производствъ и промышленности, умственная неразвитость и различныя другія болѣе мелкія причины не давали возможности развить между ингушами понятій о гражданственности и установить какія-либо правила о ихъ чисто правовыхъ, гражданскихъ отношеніяхъ между собою. Все право ингуша сводилось на исправность его оружія, умѣнье владѣть имъ и физическую силу. Если человѣкъ былъ силенъ — такъ это и представляло самую надежную и лучшую гарантію отъ покушеній на его личную и имущественную безопасность. Наконецъ, жизнь особнякомъ, внѣ общественныхъ интересовъ и совершенное равнодушіе къ этимъ общимъ интересамъ, не вызывали и необходимости въ установленіи у ингушъ какихъ-либо общихъ правовыхъ порядковъ.

Отсутствіе необходимыхъ элементовъ для развитія гражданской жизни ингушъ лучше всего выразилось въ скудости мѣстныхъ обычаевъ по исковымъ дѣламъ. Весь не хитрый кодексъ по гражданскимъ отношеніямъ между собою исчерпывается у ингушъ лишь тремя случаями: займомъ, обязательствомъ по совмѣстному содержанію барановъ и дѣлами по наслѣдству. Въ этихъ только случаяхъ и возбуждаются гражданскіе иски въ горскомъ словесномъ судѣ.

Корыстолюбивая и хищническая натура ингушъ вполнѣ ясно выражается въ ихъ взаимныхъ денежныхъ сдѣлкахъ. Ингушскіе заимодавцы взыскиваютъ съ своихъ должниковъ по 50 коп. съ 10 рублей въ мѣсяцъ, что составляетъ въ годъ со 100—60%; но этотъ обычный процентный грабежъ—домашнее дѣло ингушъ, по возможности преслѣдуемое мѣстнымъ начальствомъ, какъ дѣло безнравственное и весьма вредное для общества. При поступленіи долговыхъ дѣлъ въ горскій словесный судъ, послѣдній, при опре-

дѣленіи размѣра процентовъ на занятый капиталъ, назначаетъ 10 коп. съ 10 руб. въ мѣсяцъ, или со 100—10% годовыхъ.

Хищническіе проценты нѣсколько лѣтъ тому назадъ суще ствовали у ингушъ не только на деньги, но и на барановъ. Долгъ, состоявшій изъ двухъ или трехъ барановъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, считая проценты на проценты, т. е. приплодъ съ приплода, выросталъ до порядочнаго стада и понятно потому, что расплата съ кредиторомъ представляла безвыходное затрудненіе для бѣднаго должника. Горскій судъ, разбирая подобнаго рода дѣла, само-собою разумѣется не принималъ въ уваженіе требованій заимодавца и присуждалъ должника къ возвращенію лишь всего количества взятыхъ въ долгъ барановъ.

Кромѣ дачи барановъ въ долгъ на обыкновенныхъ условіяхъ, у ингушъ существуетъ еще обычай давать въ долгъ барановъ и на слѣдующихъ условіяхъ: имѣющій много барановъ отдаетъ часть ихъ — 10, 20, 50, 100 штукъ, смотря по уговору— другому, на полное его попеченіе. По истеченіи трехлѣтняго срока, взявшій эту часть барановъ обязанъ возвратить заимодавцу полностью эту часть, по выбору послѣдняго, половину трех-лѣтняго приплода, половину кожъ съ издохшихъ за это время барановъ и половину остриженной шерсти со всѣхъ барановъ. Взявшій барановъ на этихъ условіяхъ не имѣетъ права до истеченія трех-лѣтняго срока продавать или какимъ-либо другимъ образомъ отчуждать этихъ барановъ. Въ случаѣ падежа барановъ, взявшій ихъ обязанъ возвратить заимодавцу лишь то количество, которое было дано имъ. Отдача барановъ въ долгъ на такихъ условіяхъ имѣетъ въ виду помочь хорошимъ знакомымъ и родственникамъ кредитора; эта отдача барановъ совершается въ присутствіи посторонних свидѣтелей и за поручительствомъ благонадежныхъ лицъ.

Дѣла по наслѣдству у горцевъ ингушскаго племени до послѣдняго времени рѣшались по адату—мѣстному обычаю; но въ настоящее время, при разборѣ этихъ дѣлъ, горскій словесный судъ началъ примѣнять шаріатскія постановленія.

Наша юридическая пословица: «сестра при братѣ не вотчинница» безпощадно осуществляется у ингушъ въ дѣлахъ по наслѣдству. Такъ-какъ женщина, по вышеприведеннымъ взглядамъ ингушъ, есть существо безъ личности, слѣдовательно лишена правъ общественныхъ и семейныхъ и самостоятельности нравственной и матеріальной, — все имущество умер-

шаго, безъ малѣйшаго выдѣла въ пользу дочерей его, переходитъ къ сыновьямъ и дѣлится между ними поровну. Въ случаѣ-же смерти сына, часть, слѣдуемая послѣднему, дробится также на равныя части по числу его сыновей (внуковъ умершаго по мужской линіи) и т. д. Дочери-же умершихъ остаются на попеченіи своихъ братьевъ или, за смертью послѣднихъ,—въ домѣ своихъ племянниковъ, которые, по мѣрѣ средствъ своихъ, обязаны кормить и одѣвать ихъ. Взамѣнъ этого женщины находятся въ полной зависимости отъ такихъ опекуновъ и исполняютъ въ домѣ ихъ всѣ работы.

Попечительная обязанность братьевъ въ отношеніи сестеръ, особенно въ прежнее время, менѣе была основана на родственныхъ связяхъ, чѣмъ на обычаѣ полученія за женщину калыма, который безраздѣльно поступалъ въ пользованіе отца выдаваемой замужъ и слѣдовательно входилъ въ составъ наслѣдства, переходящаго къ сыновьямъ; по смерти-же отца калымъ за сестру обращался въ пользу того изъ братьевъ (обыкновенно по старшинству), который содержалъ ее въ своемъ домѣ. Въ этихъ случаяхъ, женщина, какъ дорогой нѣкогда товаръ, приносила въ хозяйство ингуша порядочный процентъ и, какъ товаръ живой, нуждающійся въ пищѣ и одеждѣ, внимательно поддерживался для дальнѣйшаго оборота.

Есть у ингушъ единственный обычай, который нѣсколько намекаетъ на опредѣленную и весьма незначительную долю наслѣдства, переходящаго отъ отца въ семейство дочери, когда у нея есть сыновья, но не лично ей, слѣдовательно—обычай условный. Этотъ обычай заключается въ томъ, что дядя обязанъ племяннику своему—сыну сестры, но не брата,—достигшему 16 или 17 лѣтняго возраста, сдѣлать барчъ, т. е. почетную плату, состоящую въ подаркѣ хорошей лошади, стоющей не менѣе 30 р. Подарокъ этотъ обязателенъ до такой степени, что взрослый и нетерпѣливый племянникъ, долго не получающій подарка, можетъ отнять у своего дяди означенный барчъ силой, обманомъ и воровствомъ.

Если умершій не оставилъ сыновей, но у него есть въ живыхъ отецъ, дядя и т. п. родственники по прямой восходящей линіи и притомъ въ мужскомъ колѣнѣ, то имущество умершаго наслѣдуютъ эти родственники; при отсутствіи-же этихъ родственниковъ, наслѣдство умершаго переходитъ къ роднымъ братьямъ, на изложенныхъ выше основаніяхъ въ отношеніи раздѣла и съ

тѣмъ-же обязательствомъ по отношенію къ дочерямъ умершаго. За неимѣніемъ родныхъ братьевъ и ихъ наслѣдниковъ, имѣніе переходитъ къ двоюроднымъ братьямъ по мужской-же линіи и т. д. Вообще нужно замѣтить, что родство по женской линіи, въ отношеніи правъ на наслѣдство, не имѣетъ у ингушъ никакого значенія, если у умершаго есть хоть самые дальніе родственники по мужской линіи.

Само-собою разумѣется, что ингушскій обычай, въ правахъ наслѣдованія имущества, устраняетъ жену и вообще родство по этой линіи, вслѣдствіе того, что бракъ ингушъ не имѣетъ характера прочнаго союза и легко расторжимъ по волѣ супруга; наконецъ многоженство и повторяемость брака до безконечнаго числа разъ не даютъ возможности сдѣлать жену наслѣдницею или вѣрнѣе—массу женъ наслѣдницами; но почему отъ самой малѣйшей доли наслѣдованія своему отцу устраняются дочери—непонятно и такую аномалію въ правахъ наслѣдства у ингушъ нужно объяснить лишь тѣмъ рабскимъ, безличнымъ и жалкимъ положеніемъ женщины, какое выпало на долю ей въ ингушскомъ обществѣ и существуетъ до настоящаго времени.

Хотя съ 1863 года калымъ, какъ покупная плата за женщину, уничтоженъ у ингушъ, но обычай призрѣнія братьями своихъ сестеръ-сиротъ сохранилъ свою силу. Дѣвушка-же, въ знакъ благодарности за попеченіе о ней, какъ упомянуто выше, имѣетъ право подарить своему брату выдаваемый женихомъ задатокъ 25 рублей и даже обезпеченіе свое — 80 руб. Въ настоящее время, съ введеніемъ въ дѣла ингушъ о раздѣлѣ наслѣдства шаріатскихъ постановленій, дочери также становятся участницами этого раздѣла.

Такъ-какъ ингушская женщина ни въ какомъ случаѣ не наслѣдовала имущества своихъ родныхъ, слѣдовательно не могла имѣть какое-либо имущество, за исключеніемъ скуднаго приданаго, которымъ снабдили ее при выходѣ замужъ, и, наконецъ, по положенію своему въ обществѣ, всегда зависимому отъ кого-нибудь, не могла самостоятельно пріобрѣтать какую-либо собственность, — то и мѣстный обычай совсѣмъ не предусматриваетъ случаевъ наслѣдованія имущества, оставшагося послѣ умершей женщины.

До измѣненія въ 1863 году устарѣлыхъ обычаевъ у горцевъ ингушскаго племени, сыновья имѣли полное право требовать, при жизни отца, раздѣла пріобрѣтеннаго имъ имущества и

даже выгнать его изъ собственнаго дома, давши ему лишь одного быка, а матери—корову; но въ настоящее время это варварское право уже не имѣетъ силы и выдѣлъ сыновей, при жизни отца, зависитъ отъ доброй воли послѣдняго.

XVIII.

При разсмотрѣніи всѣхъ изложенныхъ выше ингушскихъ обычаевъ и способовъ разбирательства ихъ кровныхъ тяжебныхъ дѣлъ, мы видимъ, что главною доказательною силою въ туземной юриспруденціи является присяга; но, къ сожалѣнію, этотъ способъ доказательства въ ингушскомъ судопроизводствѣ составляетъ лишь юридическую фикцію и не заслуживаетъ большой вѣры и уваженія.

При отсутствіи у ингушъ чувства религіозности, неразрывно связаннаго съ нравственнымъ развитіемъ народа, и понятія о честности и справедливости, можно безъ большой ошибки сказать, что, за весьма рѣдкими исключеніями, присяга у ингушъ находится въ полнѣйшемъ разладѣ съ чувствомъ правды и справедливости и зависитъ отъ большаго или меньшаго интереса въ дѣлѣ и отъ тѣхъ отношеній, въ коихъ находится присягающій съ тяжущимися сторонами. Подобнаго убѣжденія не чужды и сами ингуши и до такой степени сознательно легокъ ихъ взглядъ на присягу, что у нихъ даже сложилась шуточная поговорка: «Слава Всевышнему, который создалъ темную ночь и присягу». Идущій въ судъ мечтаетъ о присягѣ, какъ о простомъ средствѣ, путемъ котораго возможно выиграть дѣло или избавиться отъ грозящей отвѣтственности. Если ингушу удалось получить назначеніе присяги, то онъ, выходя изъ суда, говоритъ: «я выигралъ дѣло—присяга назначена мнѣ». Такой взглядъ ингушъ на присягу вызываетъ необходимость чрезвычайно строго и внимательно относиться къ этому почти единственному и весьма эластичному въ ингушскомъ судопроизводствѣ способу доказательства и улики.

При назначеніи присяги требуется величайшая осторожность, не только въ выборѣ присяжниковъ, отъ личныхъ качествъ которыхъ зависитъ справедливость или несправедливость въ рѣшеніи дѣла, но и въ назначеніи самыхъ словъ присяги, т. е. въ

въ формулированіи той присяжной фразы, которую принимающій присягу долженъ произнести у корана, съ приложеніемъ двухъ пальцевъ правой руки.

Всякой оплошностью, которая впослѣдствіи даетъ возможность двусмысленно толковать принятую присягу, ингуши пользуются съ жадностью. Поэтому, та стереотипная формула присяги, какая употребительна въ нашемъ судопроизводствѣ, совершенно не пригодна для ингушъ. Для того чтобы получить отъ ингушъ категорическій отвѣтъ изъ-подъ присяги, необходимо при приводѣ къ ней поименовать всѣ вообще вопросы, на которые онъ долженъ отвѣчать.

Ингуши разсказываютъ не мало анекдотовъ, характеризующихъ тѣ случаи, гдѣ была допущена оплошность въ формулированіи присяги. Для примѣра, привожу одинъ изъ нихъ: какой-то ингушъ, объѣзжая свое покосное поле, засталъ на немъ вора, наклавшаго на арбу копну сѣна и готоваго уже уѣхать домой. Отпустивъ виновнаго, хозяинъ потребовалъ его потомъ въ судъ. Такъ-какъ при разслѣдованіи этого дѣла въ судѣ обвиняемый не сознался въ кражѣ, то судъ назначилъ ему очистительную присягу въ томъ, что онъ не кралъ для себя означеннаго сѣна и не клалъ его на свою арбу. Присяга была принята и обвиняемый освобожденъ отъ отвѣтственности. Одинъ изъ товарищей отвѣтчика, хорошо знавшій о дѣлѣ, сталъ укорять принявшаго ложную присягу; но этотъ послѣдній доказывалъ, что онъ ложной присяги не принималъ, такъ-какъ онъ похитилъ сѣно не для себя, а для дяди своего, и свалилъ это сѣно не на свою арбу, а на арбу дяди.

Во всѣхъ почти дѣлахъ, гдѣ ингушскій обычай назначаетъ присягу, эта послѣдняя выполняется, кромѣ истца или отвѣтчика, коему таковая назначена, еще и присяжниками, по выбору суда или самого лица, которому назначена присяга. Такимъ образомъ присяжники бываютъ или поименованные или непоименованные.

Въ дѣлахъ большой важности и гдѣ есть причины къ подозрѣнію, обвиняемому назначаются присяжники по выбору суда, т. е. поименованные; въ эти присяжники выбираются судомъ люди, пользующіеся въ обществѣ особенно хорошей репутаціей, люди нравственные и зажиточные хозяева; но присяжники и не поименованные, т. е. предоставленные выбору того лица, который долженъ принять присягу, должны быть люди не бездомные,

имѣть сакли и какое-нибудь хозяйство, пару быковъ, корову или нѣсколько овецъ. Обыковенно, присяжники назначаются изъ того аульнаго квартала, гдѣ живетъ тяжущійся, коему опредѣлена присяга.

Въ присягахъ не фамильныхъ, т. е. гдѣ родственники присягающаго не принимаются въ присяжники, обычай не допускаетъ двухъ лицъ изъ одной сакли или двора.

Если совершившій преступленіе пигушъ перешолъ въ другое селеніе, или даже въ другое общество, присяжники назначаются ему по мѣсту прежняго жительства, гдѣ онъ совершилъ преступленіе, служащее темою судебнаго разбирательства. Если между тяжущимся, которому назначена присяга, и кѣмъ-либо изъ поименованныхъ присяжниковъ существуетъ вражда или родство, то противной сторонѣ предоставляется право заявить объ этомъ суду и просить поименовать новыхъ присяжниковъ.

Число присяжниковъ бываетъ различное, смотря по сущности дѣла и по количеству иска. Опредѣлить какія-либо общія правила о количествѣ присяжниковъ, назначаемыхъ при рѣшеніи извѣстнаго рода дѣлъ, не представляется возможности, такъ-какъ это зависитъ отъ содержанія самаго дѣла, нравственныхъ качествъ участвующихъ въ дѣлѣ сторонъ, различныхъ побочныхъ обстоятельствъ, связанныхъ съ тяжбою, и вытекающихъ изъ дѣла разныхъ соображеній. Смотря по всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, можетъ быть назначено 30-ть присяжниковъ, что, впрочемъ, случается весьма рѣдко; обыкновенно самое большее число —24 присяжника; въ дѣлахъ мелкихъ можетъ быть назначенъ одинъ присяжникъ. Присяга съ 9-ю присяжниками и съ числомъ выше 9-ти называется фамильною, такъ-какъ для исполненія подобныхъ присягъ назначаются обыкновенно родственники присягающаго; но случаются таковыя присяги и смѣшанныя, т. е. допускается часть родственниковъ и часть людей постороннихъ и поименованныхъ. Фамильная присяга назначается только въ дѣлахъ важныхъ и въ виду того, что въ такихъ дѣлахъ обыкновенно трудно найти большое число постороннихъ присяжниковъ, вполнѣ удовлетворяющихъ этой цѣли.

Обязанность присяжниковъ заключается въ томъ, что они должны, вмѣстѣ съ тяжущимся, которому назначена судомъ опредѣленная присяга, принять эту присягу по той формулѣ, которая назначена судомъ. Обыкновенно, передъ выполненіемъ этой присяги, присяжники требуютъ предварительной присяги отъ то-

го лица, которому она назначена, и только послѣ этого даютъ ее въ судѣ.

Для принятія присяги назначается судомъ срокъ и только одинъ разъ. Исключеніе изъ этого правила допускается только въ тѣхъ случаяхъ, когда истецъ, отвѣтчикъ и кто-либо изъ присяжниковъ не явится вслѣдствіе тяжкой болѣзни или по причинѣ смерти или свадьбы кого-либо изъ ближайшихъ родственниковъ своихъ. По представленіи объ одной изъ этихъ причинъ неявки удостовѣренія старшины селенія или пристава, судъ можетъ назначить другой срокъ для присяги. День, въ который не состоялась опредѣленная присяга, называется ингушами «не признаннымъ»— ха яцыръ.

Та изъ тяжущихся сторонъ, которой назначена судомъ присяга, при невыполненіи этой присяги въ назначенный срокъ, безъ вышеприведенныхъ уважительныхъ причинъ, проигрываетъ дѣло.

Въ случаѣ неявки въ судъ къ назначенному сроку той изъ тяжущихся сторонъ, которая должна присутствовать при дачѣ присяги противною стороною, судъ даетъ назначенную присягу, не стѣсняясь этимъ отсутствіемъ.

Весьма часто случается, что послѣ назначенія судомъ которой-либо изъ тяжущихся сторонъ присяги, противная сторона употребляетъ всѣ средства, чтобы отклонить кого-либо изъ присяжниковъ отъ принятія этой присяги. Чаще всего въ этихъ случаяхъ на присяжниковъ дѣйствуютъ подкупомъ, и такой подкупленный присяжникъ, передъ наступленіемъ срока принятія присяги, обыкновенно внезапно куда-нибудь скрывается—и дѣло проиграно. Обычай не только не преслѣдуетъ этого рода злоупотребленій, но какъ будто даже узаконяетъ такой порядокъ тѣмъ, что не признаетъ подкупъ присяжниковъ дѣломъ предосудительнымъ и уважительною причиною къ невыполненію присяги. Поэтому, та сторона, которая должна присягнуть, всѣми способами угождаетъ назначеннымъ присяжникамъ, поитъ, кормитъ и доставляетъ ихъ въ судъ на свой счетъ. Всѣ эти угождающіе пріемы имѣютъ въ виду предохранить присяжниковъ отъ подкупа противной стороны; передъ наступленіемъ-же срока для принятія присяги, присяжники оберегаются даже особеннымъ строгимъ карауломъ, чтобы этимъ путемъ пресѣчь имъ возможность въ дорогую минуту скрыться. Иногда покупка присяжниковъ является настоящимъ аукціономъ:

кто больше дастъ, на сторонѣ того и присяжникъ. Нерѣдко присяжники отказываются отъ принятія присяги и въ самомъ судѣ.

На ряду съ такими безнравственными понятіями о значеніи присяги, подрывающими всякое уваженіе не только къ выразителю обычнаго права—суду, но даже и къ самому обычаю, у ингушъ, до 1866 года, существовала одна обычная особенность, противорѣчившая, повидимому, ихъ неуважительному и вульгарному взгляду на присягу. Нѣкоторые изъ ингушъ, въ присутствіи духовныхъ лицъ, приносили на коранѣ присягу въ томъ, что они, никогда въ жизни, ни для кого, не только для постороннихъ, но даже для родныхъ, ни по какимъ дѣламъ, къ корану подходить не будутъ, т. е. не станутъ принимать присяги. Принявшій подобную присягу получалъ отъ кадія или отъ муллы разрѣшительный билетъ на арабскомъ языкѣ. Лицъ, обладавшихъ такимъ билетомъ, горскій судъ не назначалъ въ присяжники. Но такъ-какъ иногда появлялись такого рода билеты подложные или фальшивые, т. е. выданные муллами безъ вышеуказанной присяги, то обычай, въ сомнительныхъ и подозрительныхъ случаяхъ, не освобождалъ обладателей подобныхъ билетовъ отъ присяги до-тѣхъ-поръ, пока они въ судѣ не подтверждали на коранѣ, что при полученіи разрѣшительныхъ билетовъ они дѣйствительно приняли означенную присягу въ присутствіи тѣхъ муллъ, кои выдали имъ билеты.

На первый взглядъ кажется, что подобное желаніе отстранить себя отъ присяги вытекаетъ у ингушъ изъ уваженія и благоговѣйнаго страха къ ней и въ этомъ нужно искать повода къ происхожденію разрѣшительныхъ билетовъ; но при болѣе глубокомъ и внимательномъ разсмотрѣніи этого существовавшаго обычая оказывается, что и тутъ ингушъ дѣйствовалъ лишь исключительно для удовлетворенія своихъ эгоистическихъ побужденій. Вся суть заключается въ томъ, что въ дѣлахъ между родственниками обычай употребляетъ всѣ средства къ тому, чтобы отстранить присягу родственниковъ противъ родственниковъ, такъ-какъ присяга обыкновенно разводитъ близкихъ людей и окончательно поселяетъ между ними вражду. Собственно говоря, не самая присяга разводитъ родственниковъ, но то обвиненіе, которое влечетъ за собою присяжное показаніе, какъ судебное, обычное доказательство. Присяга, по той-же самой причинѣ, возбуждаетъ вражду не только въ средѣ родственниковъ, но и между людьми совершенно посторонними; только горскій судъ не стѣс-

няется назначать присягу въ этомъ послѣднемъ случаѣ. Не только одна присяга, но и всякая улика или личное свидѣтельство поселяетъ вражду между людьми такого закала, какъ ингуши. При отсутствіи въ ингушскомъ судопроизводствѣ системы уликъ и невозможности заставить очевидцевъ какого-нибудь событія свидѣтельствовать объ этомъ въ судѣ по той причинѣ, что каждый изъ такихъ очевидцевъ боится правдивымъ своимъ показаніемъ заслужить постыдный эпитетъ «доказчика» и нажить себѣ враговъ въ лицѣ обвиненныхъ такимъ показаніемъ,—остается только одна присяга, которая по-неволѣ уже служитъ единственнымъ обличительнымъ фактомъ въ горскомъ правѣ. Естественно, что при малѣйшей возможности каждый стремится избавиться даже и отъ такого способа свидѣтельства, которое, какъ мы видѣли выше, хотя и не составляетъ личнаго заявленія присягающаго, а лишь является подтвержденіемъ завѣренія самого лица, коему назначена присяга, но тѣмъ не менѣе влечетъ за собою ненависть и вражду съ обвиненной стороны, — и вотъ въ этомъ-то стремленіи заключалась цѣль разрѣшительныхъ билетовъ, гарантировавшихъ обладателей ихъ отъ неудовольствія людей, противъ которыхъ они, не имѣя билетовъ, по необходимости должны были присягать, т. е. обвинять ихъ.

При разборѣ дѣлъ въ горскомъ судѣ, ингушскіе обычаи подраздѣляютъ присягу на два вида: обвинительную и оправдывающую—очистительную. Первый видъ присяги назначается судомъ только въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, гдѣ является личный свидѣтель событія (доказчикъ или сознавшійся участникъ) или гдѣ самъ истецъ, по характеру тяжебнаго дѣла,—напримѣръ, хозяинъ, опознавшій украденную у него вещь,—дѣлается личнымъ свидѣтелемъ; во всѣхъ-же другихъ случаяхъ преобладаетъ оправдательная, т. е. очистительная присяга.

Хотя ремесло доказчика не пользуется популярностью въ средѣ ингушъ, влечетъ нерѣдко за собою кровавую расплату и клеймится общественнымъ презрѣніемъ, выражающимся тѣмъ, что всякій избѣгаетъ близкихъ связей съ такимъ человѣкомъ, которому даже и послѣ смерти не оказывается обычнаго почтенія: не только никто не заглянетъ въ домъ къ нему совершить заупокойную молитву, но часто случается, что не кому вырыть для него могилу,—тѣмъ не менѣе, не смотря на всѣ такія грозныя послѣдствія, доказчики въ ингушскихъ дѣлахъ играютъ весьма видную и существенную роль.

Въ настоящее время всякій доказчикъ долженъ публично явиться передъ судомъ; но до 1866 года между ингушами существовали секретные доказчики, ибо, за весьма рѣдкими исключеніями, находились такіе смѣлые люди, которые становились-бы открыто передъ цѣлымъ обществомъ, не боясь общественной ненависти, вражды и кровной мести цѣлой фамиліи того, на кого они доказывали. До упомянутаго времени секретное доказательство и судебное рѣшеніе на основаніи этого доказательства были обязательны какъ для суда, такъ и для тяжущихся сторонъ. Въ такихъ случаяхъ было принято соблюдать слѣдующій порядокъ: когда къ старшинѣ, приставу или другому начальнику являлся доказчикъ, то приглашался одинъ или два человѣка, обыкновенно изъ числа депутатовъ народнаго суда, въ присутствіи которыхъ доказчикъ долженъ былъ подробно и обстоятельно разсказать извѣстное ему, какъ личному свидѣтелю или участнику, дѣло. Здѣсь главнымъ условіемъ ставилось, чтобы доказчикъ былъ порядочный человѣкъ и зажиточный хозяинъ—это обстоятельство должно было гарантировать справедливость показаній доказчика. Кромѣ того, доказчикъ не долженъ былъ имѣть никакой вражды съ тѣмъ, на кого онъ доказывалъ, и особенно дружбы и родства съ тѣми, въ пользу которыхъ онъ являлся свидѣтельствовать. Затѣмъ доказчикъ приводился еще къ присягѣ въ томъ, что всѣ его показанія совершенно справедливы и что къ открытію виновныхъ не побуждали его ни ненависть, ни вражда къ обвиняемому имъ или къ кому-либо изъ его родственниковъ, равно какъ —ни дружба, ни родство, ни другія какія-либо близкія связи съ истцомъ. Всѣ изложенныя доказчикомъ обстоятельства дѣла присутствовавшіе при этомъ депутаты переносили въ судъ и мнѣніе ихъ раздѣлялось согласіемъ остальныхъ членовъ горскаго суда; имя-же доказчика оставалось въ тайнѣ.

Доказчикъ, за оказываемую имъ услугу, получаетъ плату, количество которой опредѣляется по уговору съ истцомъ. При опредѣленіи платы за воровство, судъ обязываетъ виновнаго уплатить доказчику деньги, сколько истецъ покажетъ подъ присягою, и независимо отъ того—уплачены-ли уже доказчику деньги или только обѣщаны ему таковыя.

Нерѣдко къ истцу или начальству является доказчикомъ, какъ и въ прежнее время, одинъ изъ участниковъ воровства или какого-либо другого преступленія, съ условіемъ смягчить ему наказаніе или совсѣмъ избавить отъ него и не взыскивать той час-

ти платы, которая, по опредѣленію суда, будетъ наложена на него самого. Случается, что доказчикъ выдаетъ своихъ товарищей, закадычныхъ двузей и вѣрныхъ спутниковъ темной ночи, соучастниковъ прежнихъ воровства и грабежей, изъ одного лишь неудовольствія за то, что они миновали и не пригласили его на какой-нибудь преступный подвигъ, доставившій имъ хорошую добычу. И много другихъ побужденій, много другихъ чувствованій вызываютъ ингуша на измѣну и вѣроломство; но какого-бы характера ни были эти побужденія, главное изъ нихъ составляетъ все-таки—интересъ. И какъ-бы онъ ни былъ предосудителенъ и гадокъ—ингушъ пользуется имъ и ради интереса способенъ пожертвовать всѣмъ дорогимъ и близкимъ ему.

Хотя теперь секретные доказчики и не имѣютъ того значенія, какъ прежде, но тѣмъ не менѣе они являются довольно часто и за довольно скромную плату иногда даютъ полезныя и вѣрныя свѣдѣнія. Вообще, по характеру своему ингуши представляютъ изъ себя хорошихъ сыщиковъ....

Не смотря на всѣ исчисленные недостатки ингушъ, проявляющіеся почти въ каждомъ ихъ поступкѣ, во всѣхъ сторонахъ ихъ бытовой жизни, все-таки въ заключеніе можно сказать, что этому небольшому племени, при его природныхъ качествахъ, легкости, съ которою отрѣшаются ингуши отъ устарѣвшихъ, нелѣпыхъ и не соотвѣтствующихъ настоящему складу ихъ жизни обычаевъ, и ихъ стремленіи къ расширенію умственнаго кругозора, — предстоитъ въ скоромъ будущемъ болѣе завидная доля, нежели та, которая ожидаетъ нѣкоторыхъ закоснѣлыхъ въ невѣжествѣ и мусульманскомъ фанатизмѣ ихъ соседей, упорно отталкивающихъ отъ себя даже всякій намекъ на цивилизацію.

Н. Грабовскій.

26 декабря 1874 года.



ПРИСОЕДИНЕНІЕ КЪ РОССІИ КАБАРДЫ И БОРЬБА ЕЯ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ.

(ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ) *).

I.

Древнія историческія свѣдѣнія о черкесахъ.— Походы русскихъ князей къ черкесамъ.—Перерывъ сношеній съ XI по XVI вѣкъ.— Посольство черкесскихъ князей къ царю Іоанну Васильевичу Грозному.—Просьба о принятіи въ подданство Россіи.—Бракъ царя Іоанна Васильевича Грознаго съ дочерью кабардинскаго князя Темрюка Идарова. — Участіе кабардинцевъ въ войнахъ Россіи. — Зависимость Кабарды отъ Крымскаго хана. — Участіе кабардинцевъ въ походахъ Петра Великаго.—Раздѣленіе Кабарды на двѣ враждебныя партіи.—Покореніе Кабарды Крымскимъ ханомъ.—Договоръ Россіи съ Турціею о признаніи кабардинцевъ независимыми. —Цѣль признанія этой независимости.

Кабардинцы, входящіе въ составъ одного изъ племенъ Кавказа, извѣстнаго подъ общимъ названіемъ *черкесъ* (адихе), были извѣстны русскимъ еще въ довольно отдаленныя времена. И въ исторіи россійскаго государства, и въ преданіяхъ кабардинцевъ сохранились нѣкоторыя свѣдѣнія, указывающія на существованіе нѣкогда сношеній между этими двумя обитавшими по сосѣдству народами.

*) Матеріалами для составленія настоящей статьи служили: „Исторія Адыхейскаго народа", составл. Шора-Бекмурзинъ-Ногмовымъ, Кавк. Календ. на 1862 г.; „Матеріалы для Новой Исторіи Кавказа съ 1722 по 1803 годъ" П. Г. Буткова, С.-Петерб. 1869 года; Сочин. Броневскаго, М. 1823 года. „Исторія Государства Россійскаго" Карамзина и свѣдѣнія, извлеченныя изъ архива Пятигорскаго округа (бывшаго Кабардинскаго округа).

По преданіямъ черкесъ, одно изъ его племенъ, по имени *Кабарда*, оставило въ VI вѣкѣ гиджры прежнее мѣсто жительства на р. Кубани и потянулось на сѣверъ къ р. Дону, откуда оно однако вскорѣ перешло въ Крымъ.

По морской картѣ Средиземнаго и Чернаго морей, составленной въ 1497 г. Фредуціемъ Анконскимъ, выставлено красными буквами названіе кабардинскаго народа нѣсколько на западъ отъ того мѣста, гдѣ нынѣ находится Таганрогъ, и прежнія мѣста жительства кабардинцевъ, покинувшихъ въ VII столѣтіи снова Крымъ и занявшихъ островъ, образуемый обоими рукавами Кубани, при самомъ ея устьѣ, и нынѣ еще называемый татарами *Кизылъ-ташъ*, т. е. красный камень. Но и здѣсь пребываніе ихъ продолжалось недолго и они вскорѣ передвинулись, подъ начальствомъ *Инала*, родоначальника всѣхъ кабардинскихъ князей, далѣе на востокъ и разселились вдоль по Кубани въ нынѣшней Кабардѣ, гдѣ подчинили себѣ черкесскія племена.

По преданіямъ, сохранившимся у осетинъ, черкесы до прихода изъ Крыма кабардинскихъ князей, назывались *казахами*,— имя, которое они удержали за собою и въ устахъ мингрельцевъ, и теперь еще называющихъ ихъ *казахъ-мепе*, т. е. царями казаховъ. Съ этимъ согласуется и свидѣтельство Константина Багрянороднаго, который называетъ землю черкесъ, прилегающую къ Черному морю, *Сихіею*, а выше лежащую страну *Казахіею*, которая граничитъ съ землею *алановъ* или осетинъ.

Во время Георгія Интеріано (George Interiano), писавшаго около 1502 года, черкесы занимали весь восточный берегъ Азовскаго моря, отъ Дона до Босфора Киммерійскаго, откуда они были вытѣснены русскими и татарами.

Шейхъ-Эддинъ Дамасскій говоритъ о христіанскомъ народѣ *Эзкешъ*, жившемъ на сѣверѣ Чернаго моря, въ сосѣдствѣ съ аланами и русскими. По мнѣнію д'Оссона, это можетъ быть *Зекхи*, или *Зихи*,—названія, подъ которыми греки и итальянцы, по свидѣтельству Интеріано, разумѣли черкесовъ *).

Въ одномъ изъ кабардинскихъ преданій, разсказанныхъ Шора-Ногмовымъ, и именно въ преданіи о «Сватовствѣ Лавристана», встрѣчается слово *русь*. Преданіе это Ногмовъ относитъ ко временамъ, когда Рюрикъ еще не водворился въ Новгородѣ; но такъ-какъ Ногмовъ ничѣмъ этого предположенія не подкрѣпляетъ и

*) См. Ист. Адых. народа, Ш. Ногмова, стр. 19, пр. 5.

слово «русь» могло быть извѣстнымъ лишь въ томъ случаѣ, когда подъ этимъ именемъ существовалъ народъ, то, нѣтъ сомнѣнія, что преданіе о «Сватовствѣ Лавристана» относится къ болѣе позднему времени, нежели приходъ Рюрика съ братьями въ Новгородъ, Изборскъ и на Бѣлоозеро.



Весьма легко можетъ быть, что черкесы находились въ сношеніяхъ съ сосѣдними славянскими племенами и до IX вѣка, но свѣдѣній объ этомъ не имѣется. По историческимъ-же даннымъ, русскіе и черкесы стали извѣстны другъ другу въ 967 году, во время похода великаго князя Святослава за Кубань, до подошвы Кавказскихъ горъ, при чемъ были побѣждены имъ яссы и касоги *).

Въ 1022 году совершилъ походъ къ касогамъ (черкесамъ) тмутараканскій князь Мстиславъ Владиміровичъ. Какъ въ исторіи нашего государства, такъ и въ преданіи, сохранившемся у кабардинцевъ, упоминается объ этомъ походѣ, окончившемся единоборствомъ князя Мстислава съ черкесскимъ великаномъ и силачомъ *Редедею*, котораго побѣдилъ князь Мстиславъ, забралъ семейство побѣжденнаго и обложилъ касоговъ данью. Изложеніе этого событія, какъ по историческимъ даннымъ, такъ и по кабардинскому преданію, совершенно сходно, что и дѣлаетъ вполнѣ достовѣрнымъ изложенный фактъ, если только при этомъ авторъ «Исторіи Адыхейскаго народа«, записывая преданіе о единоборствѣ Редеди, не излагалъ это преданіе по историческимъ свѣдѣніямъ **).

Кабардинскія преданія удостовѣряютъ, что спустя нѣсколько лѣтъ послѣ пораженія Редеди княземъ Мстиславомъ, адыхейскій народъ предпринялъ походъ на Тмутараканское княжество, съ цѣлью отмщенія за смерть Редеди, и, послѣ многихъ кровопролитныхъ сраженій, овладѣлъ этимъ княжествомъ, раззорилъ его и съ богатой добычей и множествомъ плѣнныхъ возвратился въ отечество. Такимъ образомъ кабардинцы приписываютъ себѣ уничтоженіе Тмутараканскаго княжества. Такъ-какъ исторія Россіи не указываетъ на судьбу этого княжества, исчезающаго со страницъ исторіи съ 1094 года, то и не представляется возможности провѣрить справедливость кабардинскаго преданія относительно этого факта. Ш. Ногмовъ, въ подтвержденіе справедливости это-

*) Ист. Госуд. Росс. Карамзина, т. I, гл. VII, стр. 104—105.

**) Тамъ-же, т. II, гл. II, стр. 11, и Ист. Адых. народа стр. 79.

го преданія, приводитъ сохранившіяся у адыхейскихъ племенъ поговорки: «тамтаракай ухуньме» и «тамтаракай ухъ», т. е. «да будетъ тебѣ участь Тамтаракая» и «будь ты тамтаракаемъ». Послѣднее выраженіе употребляется въ смыслѣ брани.

Несогласія и раздоры между кабардинскими князьями, потомками князя Инала, междоусобныя войны удѣльныхъ князей Руси и, наконецъ, нашествіе на Кавказъ, а затѣмъ и на Россію монголовъ и татаръ, подъ предводительствомъ Чингисъ-хана (въ 1224 г.), разъѣдинили на цѣлыя столѣтія русскихъ съ черкесами. Ни исторія нашего государства, ни сказанія кабардинскія ничего не упоминаютъ объ отношеніяхъ между собою этихъ народовъ до половины XVI столѣтія. Надо полагать, что нѣкогда близкіе сосѣди забыли на время о существованіи другъ друга.

Частые набѣги на Кабарду кочевыхъ калмыковъ и татаръ, вторженія дагестанцевъ и опасное сосѣдство грознаго для Кабарды Крымскаго ханства заставили кабардинцевъ вспомнить бывшихъ своихъ сосѣдей — русскихъ и искать у нихъ защиты: съ этою цѣлью, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1552 года, прибыли въ Москву къ царю Іоанну Васильевичу Грозному черкесскіе князья и обратились съ просьбою, «чтобы Гусударь вступился въ нихъ, а ихъ съ землями взялъ къ себѣ въ холопи, и отъ крымскаго оборонилъ» *).

Послѣ этого посольства черкесскіе князья нерѣдко посѣщали Москву, а дѣти кабардинскаго князя Темрюка Идарова—сынъ Султанъ и дочь Маріанъ—даже воспитывались въ столицѣ, принявъ христіанство. Бракъ царя Іоанна Васильевича Грознаго съ дочерью названнаго князя Темрюка Идарова — Маріанъ (во святомъ крещеніи Марія), совершенный 21 августа 1561 года, еще болѣе способствовалъ заключенію дружественныхъ отношеній между русскими и черкесами—кабардинцами. Послѣдніе нерѣдко участвовали въ качествѣ союзниковъ русскихъ въ тогдашнихъ войнахъ съ крымскими татарами.

Въ 1567 году, по ходатайству кабардинскаго князя Темрюка, для защиты черкесъ, былъ заложенъ русскими городъ и крѣпость Терки, на Тюменскомъ городищѣ, близъ устья р. Терека.

Въ 1569 году, во время неудачнаго похода къ Астрахани Касима, кафскаго паши, совершившаго походъ по приказанію

---

*) Ист. Гос. Росс. Карамзина, т. VIII, гл. V, стр. 139—140 и прим. 416 и 417.

турецкаго султана Селима II, черкесы способствовали довершенію пораженія полчищъ Касима-паши, бѣжавшаго отъ князя Петра Серебрянаго *).

Въ царствованіе Θеодора Іоанновича къ титулу русскихъ государей былъ присоединенъ титулъ «Государя земли Кабардинской».

Не смотря на установившія такимъ образомъ дружественныя отношенія между кабардинцами и русскими, отношенія эти были чисто фиктивнаго свойства; общей и прочной связи не существовало между этими народами: ни языкъ, ни религія, ни народные интересы не имѣли между собою ничего общаго. Къ тому-же и слишкомъ отдаленное мѣсто обитанія кабардинцевъ отъ тогдашнихъ центра и границъ Россіи не могло связать, въ силу естественныхъ причинъ, общихъ интересовъ какими-нибудь прочными узами. О торговой и промышленной связи не могло быть и рѣчи.

Нерѣдко мнимые пріятели наши — кабардинцы и вредили намъ, вторгаясь въ ближайшія къ нимъ наши провинціи для грабежей и разбоевъ. Для огражденія отъ хищническихъ набѣговъ черкесскихъ и прочихъ сосѣдственныхъ съ Россіею князей, въ послѣдней половинѣ XVI столѣтія, въ царствованіе Θеодора Іоанновича, необходимо было прибѣгнуть къ укрѣпленію Астрахани.

Въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтій, во время внутреннихъ неурядицъ въ Россіи, сношенія русскихъ съ кабардинцами снова прерываются.

Кабардинцы, лишенные такимъ образомъ и послѣдней, нравственной поддержки со стороны Россіи, должны были склониться на сторону крымскаго хана, подчинились ему и обязались платить ему дань. Нѣсколько разъ кабардинцы пытались, и имъ удавалось, свергать съ себя крымское иго, но освободиться окончательно отъ него не могли до начала XVIII столѣтія, и хотя въ 1672 году въ кр. Теркахъ были кабардинскіе аманаты и вообще кабардинцы заявляли себя подданными Россіи, но фактически оставались въ зависимости отъ крымскихъ хановъ.

Хотя во время борьбы кабардинцевъ съ крымцами на Кавказѣ уже и существовали русскія поселенія: городокъ Терки и Сунженскій острогъ, заложенный въ царствованіе Іоанна Васильевича и оконченный въ 1652 году, но, само-собою разумѣется,

---

*) Тамъ-же т. IX, гл. II, стр. 74—78.

ла серьезная опасность, то послѣдніе послали за помощью къ кабардинцамъ; на третій день осады кабардинцы явились къ осажденнымъ и предводительствовавшій ими владѣлецъ Баматъ послалъ немедленно сказать Дундукъ-Омбо, своему шурину, что русскія войска идутъ на Сулакъ, а не противъ крымцевъ или калмыковъ, и что если они будутъ продолжать свое нападеніе на русскихъ, то онъ, Баматъ, станетъ на защиту этихъ послѣднихъ. Заявленіе Бамата подѣйствовало на крымцевъ и калмыковъ и они отступили отъ осажденныхъ ими русскихъ войскъ.

Нужно замѣтить, что въ описанный періодъ времени, когда Россія не имѣла еще достаточной силы, чтобы поддержать на Кавказѣ свое владычество, кабардинцы стояли на сторонѣ послѣдней совершенно добровольно и оказывали помощь русскимъ изъ простого чувства дружелюбія, не требуя за это никакого возмездія и даже не пользуясь въ свою очередь, въ трудныхъ обстоятельствахъ, какъ увидимъ сейчасъ, помощью со стороны русскихъ войскъ.

Въ 1733-же году, во время похода въ Персію Фети-Гирея-Султана, предводительствуемые имъ турки и татары напали на баксанцевъ и опустошили ихъ жилища; но русскіе не въ состояніи были подать имъ помощь, такъ-какъ Фети-Гирей, слѣдуя въ Персію черезъ Кавказъ, грозилъ нашимъ войскамъ, находившимся тогда здѣсь.

Въ томъ-же 1733 году, когда, по повелѣнію Порты, слѣдовалъ въ Дагестанъ и Персію самъ крымскій ханъ Капланъ-Гирей съ 80 тысячнымъ войскомъ, кабардинцы баксанской партіи, устрашенные этою грозною силою и желая отвратить отъ себя новыя бѣдствія и раззоренія, а также не предвидя возможности воспользоваться и на этотъ разъ помощью со стороны русскихъ войскъ, вынуждены были заявить хану свою покорность, причемъ обѣщали прислать къ нему въ Дербентъ 200 человѣкъ воиновъ, при одномъ владѣльцѣ. Командовавшій тогда на Кавказѣ генералъ Левашевъ не препятствовалъ кабардинцамъ въ примиреніи съ крымскимъ ханомъ, желая, чтобы кабардинцы хотя этимъ путемъ обезпечили себѣ безопасность; но наблюдалъ все-таки за тѣмъ, чтобы кабардинцы не вступили въ совершенное подданство крымскому хану и воспретилъ имъ исполнять свое обѣщаніе относительно высылки къ хану въ Дербентъ 200 человѣкъ, обнадеживая кабардинцевъ монаршею милостью и обѣщая, въ случаѣ

эта небольшая горсть русскихъ не могла протянуть кабардинцамъ руку помощи и у этихъ русскихъ піонеровъ на Кавказѣ едва-едва доставало силъ на самооборону отъ окружавшихъ ихъ хищническихъ племенъ кавказскихъ обитателей.

Наконецъ, въ царствованіе императора Петра I, въ началѣ XVIII столѣтія, между Россіею и Кабардою стали возстановляться болѣе близкія и частыя сношенія, особенно прочно установившіяся со времени пребыванія императора на Кавказѣ. Во время похода этого государя къ Дербенту, кабардинцы выразили преданность свою Россіи тѣмъ, что два владѣльца изъ нихъ, одинъ изъ Большой Кабарды, князь Эльмурза Черкасскій (младшій братъ князя Александра Бековича, рода Жанбулатова, фамиліи Бекмурзиной), и Малой Кабарды, Тоусултанова рода, Асланбекъ Кеметовъ, добровольно явились къ государю Петру I съ своими людьми и принимали участіе въ означенномъ походѣ.

Въ 1728 году, въ Большой Кабардѣ, между владѣльцами ея, возникли несогласія. Одинъ изъ владѣльцевъ — Росланбекъ Кайтукинъ поссорился съ владѣльцами родовъ Атажукина и Мисостова. Вслѣдствіе этого кабардинцы раздѣлились на двѣ партіи. Сторонники Кайтукина (рода Жанбулатова) составили *кашкатавскую* партію, названную такъ по имени горы Кашкатау (близъ р. Черека); вмѣстѣ съ тѣмъ эта партія открыто заявила себя враждебною Россіи. Другая-же партія — *баксанская*, состоявшая изъ родовъ Атажукина и Мисостова, подъ предводительствомъ владѣльца Бамата или Магомета Кургокина, осталась вѣрною Россіи. Въ виду этихъ несогласій, кашкатавская партія, желая имѣть перевѣсъ надъ баксанскою, передалась крымскому хану; въ 1731 и 1732 годахъ кашкатавцы приводили въ Кабарду крымцевъ, но баксанцы нѣсколько разъ успѣшно отражали враговъ.

Кабардинцы, принадлежавшіе къ баксанской партіи, не ограничивали преданности своей къ Россіи лишь веденіемъ борьбы съ враждебною для послѣдней партіею, но по временамъ оказывали русскимъ свою фактическую поддержку. Такъ, въ августѣ 1733 года, когда въ крѣпость Св. Креста слѣдовалъ съ Дона отрядъ русскихъ войскъ, подъ командою атамана Краснощекова, и крымцы, въ союзѣ съ предводителемъ калмыковъ—Дундукъ-Омбо, провѣдавъ объ этомъ движеніи, атаковали отрядъ русскихъ войскъ, то этотъ отрядъ принужденъ былъ засѣсть на дорогѣ и отражать многочисленнаго непріятеля; но такъ-какъ силы непріятеля значительно превосходили числомъ русскихъ, которымъ грози-

надобности, по требованію ихъ, выслать имъ въ подкрѣпленіе 300 человѣкъ гребенскихъ казаковъ.

Въ неопредѣленномъ положеніи и зависимости отъ крымскаго хана кабардинцы находились до 1736 года, т. е. до начала войны между Россіею и Турціею. Въ эту войну кабардинцы стали на сторону Россіи и вмѣстѣ съ донскими и терскими казаками, при содѣйствіи 40-тысячнаго отряда кочевыхъ калмыковъ, подъ начальствомъ главнаго управителя калмыковъ Дундукъ-Омбо, дѣйствовали противъ кубанскихъ татаръ, подданныхъ Турціи. Кромѣ того, часть кабардинцевъ изъ баксанской партіи и изъ Малой Кабарды, съ владѣльцами своими Баматомъ Мисостовымъ и Кельчукою, изъ фамиліи Тоусултановской, участвовали въ осадѣ и взятіи г. Азова въ іюнѣ мѣсяцѣ того-же 1736 года. Главное-же подспорье во время этой войны кабардинцы оказывали тѣмъ, что они оберегали весь кизлярскій край и сообщеніе между Кизляромъ и Астраханью отъ набѣговъ кубанцевъ.

По окончаніи этой войны съ Турціею и при заключеніи въ Бѣлградѣ мирнаго договора 18 сентября 1739 года, въ 6 пунктѣ этого договора было сказано:

«Артикулъ 6. Объ обѣихъ Кабардахъ, т. е. Большой и Малой, Кабардинскомъ народѣ, съ обѣихъ сторонъ соглашеность, чтобы быть тѣмъ Кабардамъ вольнымъ, и не быть подъ владѣніемъ ни одного, ни другого Имперія, но токмо за баріеру между обѣими Имперіями служить имѣютъ; и что и отъ другой стороны блистательной Порты туркамъ и татарамъ во оныя не вступаться, и оныхъ не обезпокоивать, такожде и отъ Всероссійской Имперіи оныя въ покоѣ оставлены будутъ. Но что однако-же по древнему обыкновенію браны будутъ во Всероссійскую Имперію отъ тѣхъ кабардинцевъ, для спокойнаго ихъ пребыванія, аманаты; и Оттоманской Портѣ такожъ позволяется, для такой-же причины, брать отъ нихъ такихъ-же аманатовъ; а ежели помянутые кабардинцы причину жалобы подадутъ одной или другой Державѣ, каждой позволяется наказать» *).

Такимъ образомъ, означеннымъ договоромъ Большая и Малая Кабарда были признаны независимыми.

Утвержденіемъ независимости кабардинцевъ предполагалось устранить тѣ затрудненія, которыя создавались до послѣдней войны заявленіями крымскаго хана о томъ, что кабардинцы подданные турецкаго государства.

*) См. Полн. Собр. Зак. Росс. Имп. т. X, стр. 899 и 901, № 7900.

Хотя названнымъ договоромъ, повидимому, и была порвана связь между русскими и кабардинцами и первые лишились вліянія на дѣла послѣднихъ, но, тѣмъ не менѣе, отношенія между ними, какъ близкихъ сосѣдей, продолжали существовать и даже не возбранялось желавшимъ принять христіанство кабардинцамъ селиться въ Кизлярѣ. Не смотря на это, Россія все-таки, по-крайней-мѣрѣ на первое время, строго держалась заключеннаго условія, и когда въ слѣдующемъ 1740 году кабардинцамъ грозилъ кубанскій сераскиръ, наше правительство не признало возможнымъ защищать ихъ и рѣшило, что если-бы кабардинцы обратились съ просьбою о войскѣ для помощи имъ, «то уклоняться молчаніемъ и разными причинами».

Черезъ нѣсколько лѣтъ обстоятельства измѣнились и русское правительство, въ виду принятаго персидскимъ шахомъ Надыромъ угрожающаго войною положенія и намѣренія его проникнуть въ Кабарду, напасть на Кизляръ и вторгнуться въ россійскія границы, стало склонять кабардинскихъ владѣльцевъ пребывать въ дружескихъ отношеніяхъ съ русскими. Для того чтобы удержать кабардинцевъ въ вѣрности и не допустить ихъ до сообщеній съ шахомъ Надыромъ, были приняты всѣ возможныя предупредительныя мѣры и для наблюденія за кабардинцами былъ посланъ къ нимъ полковникъ Кнутовъ съ командою изъ лучшихъ казаковъ. Кромѣ того русское начальство старалось наиболѣе ласкать ближайшихъ кабардинскихъ сосѣдей—владѣльцевъ Малой Кабарды и, наконецъ, въ 1742 году, для политическихъ сношеній съ горцами и кабардинцами и для склоненія ихъ оставаться вѣрными Россіи, былъ командированъ правительствомъ отъ артиллеріи генералъ-лейтенантъ, царевичъ Грузинскій Бакаръ Вахтангіевичъ, который состоялъ въ родствѣ съ кабардинскими владѣльцами.

Пропаганда между кабардинцами въ пользу Россіи была настолько успѣшна, что въ томъ-же 1742 году кабардинскіе владѣльцы, въ знакъ уваженія своего къ Россіи, послали присутствовать при коронованіи императрицы Елисаветы Петровны депутата, владѣльца изъ Мисостова рода, Магомата Сидакова.

II.

Внутренніе раздоры въ Кабардѣ. — Стремленіе Россіи снова подчинить себѣ Кабарду.—Война съ Турціею и затруднительное положеніе кабардинцевъ. — Часть кабардинцевъ изъявляетъ желаніе вступить въ подданство Россіи. — Начало борьбы кабардинцевъ за независимость. — Первыя военныя дѣйствія въ этой борьбѣ. — Кабардинцы изъявляютъ покорность Россіи. — Назначеніе въ Кабарду пристава. — Высочайшая грамота кабардинцамъ. — Дѣйствія русскаго правительства вообще по отношенію къ кабардинцамъ.

Между-тѣмъ-какъ наше правительство хлопотало о сближеніи съ кабардинцами, въ Большой Кабардѣ, въ 1746 году, снова начались внутренніе раздоры и несогласія, возбужденныя владѣльцемъ кашкатовской партіи Росланбекомъ, который, вслѣдствіе этого, оставилъ Кашкатау, переселился въ горы, на р. Чегемъ, и занялъ земли, бывшія во владѣніи баксанской партіи; при этомъ Росланбекъ принялъ къ себѣ родственныхъ кабардинцамъ закубанскихъ черкесъ—*беслинеевцевъ*.

Смуты, возбужденныя Росланбекомъ и продолжавшіяся въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, имѣли послѣдствіемъ изгнаніе изъ Кабарды владѣльцевъ Касая и Магомета Атажукиныхъ изъ баксанской партіи и Батоко Бекмурзина—изъ кашкатавской. Атажукины, какъ члены партіи, преданной Россіи, были приняты подъ покровительство въ Кизляръ.

Всѣ эти внутренніе безпорядки весьма вредно вліяли на отношенія кабардинцевъ къ Россіи и клонились частью къ тому, чтобы прервать всякую связь съ этимъ государствомъ. Въ 1749 году кабардинцы открыто вознамѣрились было предаться крымскому хану; но такъ-какъ это противорѣчило интересамъ Россіи и присоединеніе кабардинцевъ къ крымскому ханству могло имѣть для Россіи весьма невыгодныя послѣдствія, особенно въ виду того, что въ то время Турція замышляла начать войну, — тогдашнее начальство на Кавказѣ всѣми мѣрами старалось отклонить кабардинцевъ отъ принятаго ими рѣшенія и требовало, чтобы они, въ силу Бѣлградскаго трактата, оставались независимыми, воздержались-бы отъ нанесенія вреда заключившимъ трактатъ имперіямъ, отпустили отторгнувшихся отъ Крыма беслинеевцевъ

и чтобы, наконецъ, кашкатавцы оставили Чегемъ и возвратились на свое прежнее мѣстожительство—къ Кашкатау.

Чтобы болѣе склонить кабардинцевъ къ исполненію этого требованія, имъ были возвращены бѣжавшіе отъ нихъ въ Кизлялъ персидскіе плѣнники.

Всѣ эти мѣры на время успокоили кабардинцевъ. Но въ 1751 году несогласія и раздоры снова возникли между ними. Русское правительство не въ состояніи было положить предѣлъ этимъ несогласіямъ, но все-таки приняло мѣры, чтобы эти несогласія и раздоры не приняли слишкомъ обширныхъ размѣровъ, и съ этою цѣлью воспретило кумыкскимъ владѣльцамъ вмѣшиваться, подъ какимъ-бы то ни было видомъ, въ междоусобныя распри кабардинцевъ. При этомъ наше правительство старалось, чтобы побѣда въ этой борьбѣ осталась на сторонѣ болѣе преданной намъ баксанской партіи. Для этого были командированы въ Кабарду маіоры Барковскій и Татаровъ, снабженные тайнымъ порученіемъ вручить одну тысячу рублей старшему въ баксанской партіи владѣльцу Атажукина рода Бамату Кургокину, а если укажетъ надобность—выдать такую-же сумму и другому владѣльцу той-же партіи, изъ Мисостова рода, Касаю Атажукину.

Барковскій и Татаровъ, послѣ нѣкоторыхъ усилій, въ 1753 году, успѣли привести къ исполненію главную часть порученій: обѣ враждебныя партіи согласились занять прежнія мѣста ихъ жительства и такимъ образомъ кабардинцы Жамбулатова рода вновь поселились при урочищѣ Кашкатау и при рр. Шелухѣ и Нальчикѣ, а роды Атажукина и Мисостова расположились по рр. Малкѣ, Баксану и Чегему.

Такому успѣшному исходу междоусобной вражды кабардинцевъ содѣйствовало не мало приближеніе къ ихъ землямъ русскихъ войскъ и, главнымъ образомъ, то обстоятельство, что русское правительство въ то время успѣло въ ихъ пользу доказать Турціи, что притязанія ея на обитавшихъ въ верховьяхъ р. Кубани абазинцевъ — алтыкизековъ несправедливы, ибо абазинцы издревле были подвластными кабардинскихъ владѣльцевъ и что только, вслѣдствіе географическаго мѣстоположенія, находившагося въ сосѣдствѣ съ турецкими владѣніями, они, абазинцы, были по временамъ въ зависимости отъ кубанскихъ сераскировъ.

Къ довершенію водворенія въ Кабардѣ полнаго спокойствія оставалось только, чтобы кашкатавцы возвратили бѣжавшихъ къ нимъ изъ подданства крымскаго хана бесленеевцевъ;

но кашкатавцы не хотѣли этого исполнить и соглашались скорѣе выполнить другое требованіе крымскаго хана Селимъ-Гирея, заключавшееся въ томъ, чтобы принудить владѣльца ихъ-же партіи Хамурзу Росланбекова отдать хану жену свою, племянницу прежняго хана Арсланъ-Гирея. Хамурза однако-же не согласился на такое пожертвованіе и рѣшился присоединиться къ партіи баксанскихъ владѣльцевъ.

Ханъ крымскій постоянно жаловался Портѣ на предосудительное поведеніе кабардинцевъ, а въ 1754 году выражалъ даже намѣреніе употребить противъ нихъ оружіе. Порта однако-же воспретила хану такой образъ дѣйствій, а россійское правительство рѣшило, въ случаѣ движенія крымскихъ войскъ къ Кабардѣ, выслать изъ Кизляра часть своего войска для защиты кабардинцевъ. Приведенію въ исполненіе этого рѣшенія не представилось случая, такъ-какъ самый поводъ неудовольствія между крымскимъ ханомъ и Кабардою вскорѣ устранился: бесленеевцы, по собственной ихъ иниціативѣ, возвратились за Кубань, на прежнія мѣста своего жительства.

Еще во время внутреннихъ несогласій, владѣльцы Большой Кабарды, не ограничиваясь враждебными дѣйствіями между собою, старались тѣснить различными способами соплеменныхъ обитателей Малой Кабарды, пользуясь относительными слабостью и малочисленностью представителей ея. Хотя изстари обѣ Кабарды въ отношеніяхъ между собою были совершенно равноправны и пользовались одинаковыми обычными установленіями относительно личной и имущественной самостоятельности, но владѣльцы Большой Кабарды, убѣжденные въ своемъ численномъ превосходствѣ, очевидно стремились къ тому, чтобы господствовать надъ Малою Кабардою и стали предъявлять къ владѣльцамъ ея различнаго рода притязанія, а затѣмъ вскорѣ перешли и къ насиліямъ: отнимали отъ малокабардинцевъ цѣлыя селенія подвластныхъ имъ обитателей, возбуждали послѣднихъ къ неповиновенію своимъ владѣльцамъ и вообще грозили этимъ владѣльцамъ лишеніемъ права господствовать надъ своими подвластными. Всѣ эти дѣйствія владѣльцевъ Большой Кабарды и невозможность противопоставить самоуправству ихъ физическую силу, довели нѣкоторыхъ изъ владѣльцевъ Малой Кабарды до мысли оставить свои жилища и переселиться въ сосѣдство къ брагуновцамъ (на правый берегъ р. Терека, напротивъ нынѣшнихъ станицъ Червленской и Щедринской). Еще въ 1751 году малокабардинскіе вла-

дѣльцы: Кургоко Кончокинъ, Гирей Маметовъ и Исламъ Хановъ обращались къ русскому правительству съ просьбою о переселеніи и тогда-же получили разрѣшеніе занять выбранное ими мѣсто въ сосѣдствѣ съ Брагунами; но по неизвѣстной причинѣ переселеніе это не состоялось. И послѣ этого малокабардинцы не разъ обращались съ жалобою къ русскимъ на притѣсненія со стороны владѣльцевъ изъ Большой Кабарды, но однако-же желаемаго переселенія не предпринимали, а другихъ средствъ вполнѣ обезпечить безопасность малокабардинцевъ отъ посягательствъ упомянутыхъ владѣльцевъ не представлялось, такъ-какъ Россія не считала себя вправѣ открыто и силою вмѣшаться во внутреннія дѣла кабардинцевъ.

Едва только всѣ описанныя выше затрудненія съ крымскимъ ханомъ были приведены къ концу, какъ кабардинцы вновь успѣли впутаться въ неожиданныя хлопоты. Поводомъ къ этому послужила самая лучшая черта ихъ житейской обстановки—гостепріимство. Дѣло состояло въ томъ, что подъ сѣнь кабардинскаго гостепріимства укрылись бѣглецы: кубанскій сераскиръ Крымъ-Гирей и два сына низверженнаго крымскаго хана Арсланъ-Гирея. Несмотря на требованія русскаго правительства объ удаленіи изъ Кабарды этихъ бѣглецовъ, а крымскаго хана—о выдачѣ ихъ ему,—кабардинцы, подъ предлогомъ обычая гостепріимства, рѣшительно отказались исполнить эти требованія и бѣглецы оставались въ Кабардѣ до 1762 года, за исключеніемъ Крымъ-Гирея, который въ 1758 году былъ возведенъ въ достоинство хана, на мѣсто Селимъ-хана.

Несмотря на то, что кабардинцы отказались исполнить изложенное требованіе Россіи, дружественныя отношенія продолжали существовать, и въ 1758 году нѣкоторые изъ кабардинскихъ владѣльцевъ принимали даже участіе въ походѣ кизлярскаго коменданта генералъ-маіора Фрауэндорфа для усмиренія возставшихъ чеченцевъ.

Втеченіи описаннаго времени вражда партій въ Кабардѣ, хотя и не явно, но все-таки продолжала существовать, а въ 1760 году враждебныя дѣйствія снова открылись. Баксанская партія вознамѣрилась совсѣмъ изгнать кашкатавцевъ изъ занимаемыхъ ими жилищъ и отняла у нихъ нѣсколько селеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ, баксанская партія, измѣнивъ давнишней дружбѣ съ Россіею, передалась подъ покровительство крымскаго хана, согласившись помогать ему въ усмиреніи закубанскихъ черкесъ—темиргоевцевъ.

Когда россійское правительство извѣстилось о такомъ образѣ дѣйствій кабардинцевъ, то вновь командировало въ Кабарду маіора Татарова, поручивъ ему установить спокойствіе между баксанцами и кашкатавцами, отвратить баксанскую партію отъ преданности крымскому хану и воздержать владѣльца этой партіи Бамата Атажукина отъ вмѣшательства въ дѣла хана съ темиргоевцами. Татаровъ успѣлъ выполнить возложенное на него порученіе и водворить снова согласіе между враждующими партіями.

Вслѣдъ затѣмъ, 23 декабря 1760 года, для установленія болѣе прочной связи между русскими и кавказскими горцами, разрѣшено было пропускать къ кабардинцамъ и другимъ кавказскимъ народамъ: кумыкамъ, брагунамъ и осетинцамъ, «какъ къ подданнымъ россійскимъ», ввозъ различныхъ мануфактурныхъ товаровъ, съ платою установленныхъ пошлинъ.

Въ 1762 году кабардинцамъ позволено было отправить къ высочайшему двору владѣльцевъ «для отданія всеподданнѣйшаго поклона» Государю Петру III, для чего и явились тогда въ Петербургъ отъ Большой Кабарды старѣйшій въ баксанской партіи, Атажукина рода, владѣлецъ Баматъ Кургокинъ и отъ Малой Кабарды, Тоусултанова рода, владѣлецъ Кургоко Кайтокинъ.

Изъ всѣхъ изложенныхъ событій въ Кабардѣ и дѣйствій русскаго правительства по отношенію къ кабардинцамъ видно, что хотя по бѣлградскому трактату въ 1739 году Россія и признала Кабарду независимою, но тѣмъ не менѣе стремилась всѣми доступными средствами поддержать свой авторитетъ въ средѣ кабардинцевъ и при случаѣ возстановить свои права надъ ними, утраченныя въ силу вышеприведеннаго бѣлградскаго договора.

Россія, задавшись одинъ разъ цѣлью прочно утвердить свое господство на Кавказѣ, не могла дѣйствовать иначе, не во вредъ своимъ интересамъ, и потому существованіе Кабарды, какъ независимой страны въ нашемъ сосѣдствѣ, имѣвшей вліяніе на подвластныхъ ей ближайшихъ народовъ—осетинъ (тагаурцевъ), ингушъ и карабулаковъ, считавшихся въ тоже время и подданными Россіи,—не мыслимо было. Такимъ образомъ всѣ стремленія русской политики на Кавказѣ, по отношенію къ Кабардѣ, какъ самой сильнѣйшей и богатѣйшей тогда народности на Кавказѣ, должны были сосредоточиться на уничтоженіи бѣлградскаго трактата. Пока случай этотъ представился, Россія, какъ мы видѣли, не упускала возможности вліять на дѣла кабардинцевъ, по-

степенно пріучала ихъ къ мысли о вступленіи въ подданство Россіи и всѣми мѣрами подготовляла ихъ къ этому.

Съ этою цѣлью было обращено особенное вниманіе на бывшихъ въ Кизлярѣ аманатовъ, которыхъ стали обучать русскому языку и грамотѣ. По отношенію къ этимъ аманатамъ, въ 1763 году, было вмѣнено подлежащему начальству въ обязанность «стараться искуснымъ образомъ отводить ихъ отъ варварскихъ нравовъ, вселять въ нихъ людкость и лучшее обхожденіе, доводя ихъ до того, чтобы они часто обращались съ россіянами, и дабы они россійскаго языка и грамотѣ обучались, и призывать ихъ въ торжественные дни къ столу» *).

Съ этимъ временемъ совпадаютъ стремленія русскаго правительства распространить между кавказскими горцами христіанство; но стремленія эти, несмотря на казавшіяся дружескія отношенія къ Россіи кабардинцевъ, парализовались весьма энергично послѣдними. Въ 1761 году кабардинцы всѣми средствами старались препятствовать духовнымъ лицамъ совершать крещеніе надъ осетинами и ингушами, нападали на послѣднихъ, раззоряли ихъ и даже препятствовали имъ отправляться въ Моздокъ.

Наше тогдашнее правительство весьма хорошо сознавало, что способъ поддерживанія своего вліянія вообще на Кавказѣ путемъ дипломатическихъ сношеній не совсѣмъ дѣйствителенъ. Дикая и хищническая натура кабардинцевъ, воспитанная вѣками въ правилахъ боевой жизни, не признавала деликатныхъ способовъ обращенія, и потому кабардинцы, считая эту деликатность за безсиліе, всюду старались протоводѣйствовать политикѣ русскихъ по отношенію къ кавказскимъ горцамъ, на которыхъ, по положенію своему, имѣли весьма значительное вліяніе. Чтобы положить предѣлъ этому противодѣйствію кабардинцевъ, Россія уже давно искала случая прочно утвердиться на границѣ съ Кабардою. Хорошій случай къ этому представился въ то время, когда между обитателями Большой и Малой Кабарды возникли враждебныя отношенія. Послѣ долгихъ колебаній, затѣвавшій уже давно переселеніе владѣлецъ Малой Кабарды Кургоко Кончокинъ, принявъ крещеніе, съ 40 дворами своихъ подвластныхъ, выселился изъ Малой Кабарды на лѣвый берегъ р. Терека и въ 1759 году основалъ поселеніе въ урочищѣ Моздокъ. Въ 1763 г., при этомъ поселеніи было возведено укрѣпленіе.

*) См. Мат. для Нов. Ист. Кавк., П. Буткова, ч. I, стр. 268.

Въ то-же самое время вообще было предпринято намѣреніе учреждать поселенія вверхъ по теченію р. Терека, отъ Гребенской станицы Червленской до Моздока.

Возведеніе при Моздокскомъ поселеніи укрѣпленія не обошлось безъ затрудненій и это обстоятельство сильно повліяло на установленіе непріязненныхъ отношеній къ Россіи со стороны кабардинцевъ. Дѣло заключалось въ томъ, что кабардинцы, увидя построеніе укрѣпленія въ Моздокѣ, заявили, что земля, на которой воздвигалось укрѣпленіе, принадлежитъ имъ и потому Россія не вправѣ распоряжаться этою землею; но наше правительство доказывало, что, въ силу бѣлградскаго договора, урочище Моздокъ осталось внѣ предѣловъ кабардинскихъ земель.

Главною причиною неудовольствія кабардинцевъ по поводу возведенія въ Моздокѣ поселенія и укрѣпленія было то, что этимъ предоставлялась легкая возможность подвластнымъ и рабамъ кабардинскихъ владѣльцевъ освобождаться изъ-подъ зависимости, такъ-какъ вышедшіе изъ Кабарды люди, по принятіи крещенія, становились свободными и занимали, такъ-сказать на глазахъ своихъ владѣльцевъ, весьма выгодное положеніе, пользуясь значительными льготами и привиллегіями, дарованными въ началѣ населенія Моздока всѣмъ выселявшимся туда людямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ кабардинскихъ владѣльцевъ тревожила еще и мысль, что Россія, утверждаясь на границѣ съ ними, посягаетъ на независимость ихъ. Въ виду всего этого кабардинцы въ 1764 году отправили къ императорскому двору депутацію, состоявшую изъ владѣльца Кайтуко Кайсынова и знатнѣйшаго изъ узденей—Шабазъ-Гирея Кудинетова.

Упомянутые депутаты, прибывъ въ Петербургъ, заявили просьбу объ уничтоженіи поселенія и укрѣпленія въ Моздокѣ, доказывая, что урочище это принадлежитъ имъ, кабардинцамъ, и что они тамъ постоянно пользовались лѣсомъ и пастбищными угодьями. Кромѣ того депутаты ходатайствовали и о томъ, чтобы наше правительство платило кабардинцамъ за убѣгающихъ отъ нихъ въ Россію плѣнныхъ — христіанъ и чтобы уходящіе отъ нихъ владѣльцы и уздени, принимающіе крещеніе и поселяющіеся въ предѣлахъ Россіи, отказывались отъ правъ на остающееся въ Кабардѣ имѣніе.

Въ удовлетвореніи заявленной кабардинскими депутатами просьбы было отказано; при чемъ, по отношенію къ заявленію ихъ о принадлежности имъ урочища Моздока, было объявлено,

что хотя они и пользовались угодьями этого урочища, какъ и въ другихъ мѣстахъ, находящихся въ границахъ россійскихъ владѣній, но этимъ вовсе не доказывается право ихъ на эти земли, тѣмъ болѣе, что ими пользовались они, кабардинцы, лишь съ разрѣшенія правительства, и что такимъ образомъ поселеніе Моздока, находясь внѣ предѣловъ Кабарды, ничѣмъ не можетъ стѣснять ихъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, подобный отказъ произвелъ на кабардинцевъ непріятное впечатлѣніе, и чтобы смягчить нѣсколько послѣдствія этого отказа, депутату Кайтуко Кайсынову выдано было 3 тысячи рублей для врученія всѣмъ кабардинскимъ владѣльцамъ, подъ предлогомъ вознагражденія ихъ за участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ чеченцевъ въ 1758 году. Наше правительство надѣялось, что это выраженіе монаршей милости успокоитъ кабардинцевъ и изгладитъ дурное впечатлѣніе отказа въ исполненіи ихъ просьбы. Кромѣ того въ 1765 году постановлено было, чтобы кабардинцы и кумыки, какъ при продажѣ собственныхъ произведеній и скота, такъ и при покупкѣ товаровъ въ Кизлярѣ, пошлинъ не платили.

Всѣ эти милости не достигли до осуществленія предположенной цѣли: отказъ уничтожить Моздокъ до того раздражилъ кабардинцевъ, что они отказались принять присланныя имъ деньги и рѣшили прервать съ Россіею всякую связь. Этому послѣднему намѣренію способствовали вмѣшательство Турціи въ дѣло возведенія укрѣпленій въ Моздокѣ и подстрекательство крымскаго хана. Послѣдній, какъ равно и Порта, старались препятствовать возведенію укрѣпленій въ Моздокѣ и съ этою цѣлью возбуждена была съ Россіею дипломатическая переписка. Хотя вслѣдствіе этого и были пріостановлены нѣкоторыя работы по укрѣпленію Моздока, но тѣмъ не менѣе существованіе Моздока было вполнѣ упрочено.

Крымскій ханъ особенно усердно хлопоталъ о разъединеніи кабардинцевъ съ русскими, хорошо сознавая всю выгоду имѣть на своей сторонѣ такихъ вліятельныхъ и сильныхъ обитателей Кавказа, какъ кабардинцы. Стремленія крымскаго хана находили весьма сильную поддержку въ томъ, что около того времени магометанство въ средѣ кабардинцевъ начало усиливаться и, вслѣдствіе этого, естественно, всѣ симпатіи ихъ склонялись болѣе на сторону единовѣрцевъ—крымцевъ и турокъ.

Кабардинцы, поддерживаемые крымскимъ ханомъ и желая

во что бы-то ни стало вынудить у Россіи рѣшеніе уничтожить Моздокъ, еще въ 1764 году, соединившись съ закубанцами, стали производить набѣги въ предѣлы русскихъ владѣній на Кавказѣ.

Наше правительство, чтобы не раздражать кабардинцевъ еще болѣе, воздерживалось отъ всякихъ насильственныхъ мѣропріятій противъ непріязненныхъ дѣйствій ихъ; но въ тоже время продолжало расширять укрѣпленія Моздока и въ 1765 году построило тамъ первую церковь. Кабардинцы пришли въ окончательную ярость. По внушенію ихъ и Крымскаго хана, кубанскіе татары, чтобы отомстить русскимъ, напали въ іюнѣ того-же 1765 года на Кизляръ; но, послѣ $1^1/_2$ мѣсячной осады, потерпѣвши неудачу при штурмѣ, оставили Кизляръ. Чтобы избавиться отъ повторенія такихъ нападеній, кизлярскій край былъ усиленъ калмыками, донскими и волгскими казаками. Кромѣ того Войску донскому было поручено наблюдать за сборищами и движеніями кабардинцевъ.

Усиленіе военныхъ средствъ на Кавказѣ и твердое намѣреніе не уничтожать Моздока убѣдили кабардинцевъ въ безполезности борьбы изъ-за этого уголка. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ безплодныхъ усилій, кабардинцы, чтобы удалиться отъ границъ россійскихъ владѣній и быть подальше отъ ненавистнаго имъ Моздока, покинули въ 1767 году свои жилища и предприняли переселеніе въ верховья р. Кумы, въ сосѣдство съ закубанцами, съ которыми и вступили въ открытый союзъ. Въ то-же время и часть Малой Кабарды, принадлежавшая владѣльцамъ Тоусултановской фамиліи, также удалилась съ плоскости въ горы. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такого перемѣщенія жилищъ было то, что данники Кабарды—осетины и ингуши,—покровительствуемые русскими, отказались подчиняться требованіямъ кабардинскихъ владѣльцевъ и въ свою очередь стали производить набѣги на кабардинскія селенія, опустошая и раззоряя ихъ.

Въ 1767 году, кабардинцы, при содѣйствіи закубанцевъ, имѣли намѣреніе напасть на Моздокъ и, такъ-сказать, силою сокрушить его; но возникшая въ томъ году между Россіею и Турціею война воспрепятствовала осуществленію этого плана и вообще измѣнила характеръ отношеній кабардинцевъ къ Россіи.

Какъ ни враждебно были настроены кабардинцы противъ Россіи, но война ея съ Турціею заставила призадуматься и поставила ихъ въ затруднительное положеніе: кабардинцамъ предстояло разрѣшить не легкій вопросъ о томъ, къ какой изъ воюю-

щихъ сторонъ имъ слѣдовало примкнуть?... Признавая неоспоримо всю силу русскаго оружія и всѣ неизбѣжно дурныя послѣдствія, какія можетъ повлечь за собою побѣда русскихъ надъ турками и, наконецъ, зная по прошлому опыту, какую грозную силу на сторонѣ русскихъ составляютъ кочевые калмыки, которыхъ Россія могла напустить на Кабарду, въ случаѣ непріязненныхъ дѣйствій со стороны послѣднихъ,—многіе изъ кабардинскихъ владѣльцевъ, въ декабрѣ 1768 года, черезъ посредство кизлярскаго коменданта и намѣстника калмыкскаго ханства, просили русское правительство о принятіи ихъ подъ свое покровительство, обѣщая возвратиться на старыя мѣста своего жительства къ р. Баксану и принять участіе въ войнѣ съ турками. Нѣкоторые-же изъ владѣльцевъ не хотѣли согласиться на такое сближеніе съ русскими, искали возможности передаться на сторону Турціи и въ этихъ видахъ отдавали себя подъ покровительство Крымскаго хана. Впрочемъ, задушевное желаніе кабардинцевъ было остаться независимыми.

Въ инструкціяхъ, данныхъ генералъ-маіору де-Медему, назначенному командовать войсками противъ непріятеля со стороны Кубани, между-прочимъ было указано на необходимость принять мѣры и средства къ тому, чтобы кабардинцы, при какихъ-бы условіяхъ ни былъ заключенъ миръ съ Турціею, остались на сторонѣ русскихъ, подданными нашего государства. Для этой цѣли, какъ равно и для того, чтобы оградить кизлярскій край отъ набѣговъ кабардинцевъ, генералъ-маіоръ де-Медемъ, съ корпусомъ ввѣренныхъ ему войскъ, въ маѣ 1769 года, вступилъ въ Кабарду и, соединившись съ калмыками, назначенными для дѣйствій на Кубани, расположился близъ горы Бештау.

Увидѣвъ приближеніе значительнаго войска, тѣ изъ кабардинскихъ владѣльцевъ, которые еще и прежде склонялись на сторону русскихъ, воспользовались приходомъ послѣднихъ и тогда-же признали себя, съ подвластнымъ имъ народомъ, подданными россійскаго государства, дали присягу въ вѣрности государынѣ императрицѣ и представили аманатовъ. Не сочувствовавшая-же соединенію съ Россіею часть кабардинцевъ удалилась въ горы, расчитывая отсидѣться тамъ, пока русскія войска будутъ находиться въ предѣлахъ Кабарды. Генералъ де-Медемъ старался сначала миролюбивымъ путемъ убѣдить этихъ непокорныхъ кабардинцевъ послѣдовать примѣру своихъ соотечественниковъ и присоединиться къ Россіи; но засѣвшіе въ горныхъ ущельяхъ упорствовали и

потому 29 мая былъ посланъ въ верховья Кубани отрядъ изъ 700 казаковъ и 2000 калмыковъ, а 6 іюня противъ упорствующихъ кабардинцевъ были высланы еще одинъ гусарскій эскадронъ, 800 казаковъ и 3000 калмыковъ, при двухъ орудіяхъ.

Столкновеніе между русскими войсками и кабардинцами произошло на р. Эшкаконѣ. Не смотря на отчаянную защиту кабардинцевъ и удобство занятыхъ ими позицій въ горныхъ ущельяхъ, они потерпѣли полнѣйшее пораженіе и избѣгли истребленія лишь благодаря наступившей ночи. На другой день кабардинцы избавились отъ угрожавшей имъ гибели принесеніемъ покорности и изъявленіемъ согласія исполнить тѣ обязательства, которыя взяты на себя уже признавшими себя подданными Россіи кабардинцами.

Это, такъ-сказать, первое непосредственное и открытое непріязненное столкновеніе въ прошломъ столѣтіи между русскими войсками и кабардинцами имѣло своимъ послѣдствіемъ потерю до 50 убитыми и 300 плѣнными со стороны кабардинцевъ. Плѣнные, вслѣдствіе заявленной кабардинцами покорности, были освобождены тогда-же и кромѣ того возвращены побѣжденнымъ захваченные у нихъ нашими войсками до 25 тысячъ штукъ барановъ.

Слѣдствіемъ этой побѣды русскихъ войскъ было то, что всѣ кабардинцы изъ Большой Кабарды, ушедшіе въ верховья р. Кумы, снова возвратились на прежнія мѣста своего жительства по р. Баксану. По примѣру Большой Кабарды, и малокабардинцы, послѣ незначительнаго упорства со стороны фамиліи Анзоровыхъ, признали себя подданными Россіи, приняли въ томъ присягу и выдали заложниковъ.

Какъ интересный документъ, заключающій въ себѣ описаніе упомянутыхъ событій, можно привести здѣсь извлеченіе изъ прибавленія къ «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ», отъ 11 августа 1768 года за № 64.

«. . . Бештовыя горы состоятъ во владѣніи кабардинскихъ Черкесъ, которые по заключенному въ 1739 году съ Портою Оттоманскою мирному трактату признаны были народомъ вольнымъ и ни отъ кого независимымъ, въ разрѣшеніе распри издавна происходившей между обоими дворами о ихъ принадлежности».

«Едва только настоящая война открылась многіе изъ кабардинскихъ владѣльцевъ не оставили засвидѣтельствовать о своемъ къ ея императорскому величеству усердіи и просить, чтобы приняты были со всѣмъ народомъ въ высочайшее ея императорска-

го величества покровительство; напротивъ того, многіежъ искали отдаться и въ турецкую сторону; но приближеніемъ къ ихъ кабардинскимъ въ Бештовыхъ горахъ жилищамъ генералъ-маіора де-Медема съ регулярнымъ войскомъ, а намѣстника ханства калмыцкаго Убаши съ калмыками, сихъ послѣднихъ владѣльцевъ замыслы совершенно уничтожились, ибо прочіе почти со всѣмъ народомъ признали себя тотчасъ подданными ея императорскаго величества, учинили въ вѣрности присягу, дали аманатовъ и переселились ближе къ здѣшнимъ пограничнымъ мѣстамъ на р. Баксанъ, на которой они прежде жительствовали; а противные, хотя и надѣялись отсидѣться въ ущельѣ, но несмотря на крѣпость мѣста, принуждены были и они наконецъ поддаться и по примѣру прочихъ поступить».

«Генералъ-маіоръ де-Медемъ, употребляя предварительно легкіе способы, чтобы сихъ продерзостныхъ людей образумить; но не предуспѣвъ въ томъ, отрядилъ 6 іюня для произведенія надъ ними поиска одинъ гусарскій эскадронъ, восемь сотъ казаковъ, и три тысячи калмыкъ, при двухъ орудіяхъ, подъ предводительствомъ грузинскаго гусарскаго полку премьеръ-маіора князя Ратіева. Кабардинцы оборонялись съ отчаяніемъ, имѣя при томъ и мѣста выгодность; со всѣмъ тѣмъ въ такое приведены были утѣсненіе, что наступившая только ночь совершенно истребить ихъ въ тотъ день воспрепятствовала; а на другой день отвратили они угрожающую имъ погибель принесеніемъ покорности».

«По случаю сего сраженія заслужили похвалу отъ командира помянутый маіоръ князь Ратіевъ и казацкаго Волжскаго войска походный атаманъ Иванъ Савельевъ, первый, за учиненныя имъ при атакѣ хорошія распоряженія, а другой, за отличную свою храбрость».

«Кабардинцевъ побито до пятидесяти, а въ полонъ взято было человѣкъ съ триста, въ томъ числѣ двое владѣльцевъ; но всѣ сіи плѣнники однакожъ немедленно освобождены, коль скоро упорность товарищей ихъ преодолѣна. Изъ войска-жъ противъ ихъ употребленнаго убитыхъ только одинъ казакъ и восемь человѣкъ калмыкъ, а ранено четыре гусара, два казака и калмыкъ шесть человѣкъ».

«Упражняясь генералъ-маіоръ де-Медемъ въ употребленіи нужныхъ мѣръ къ утвержденію на всегда кабардинцевъ въ вѣрности, и такъ, прежде нежели далѣе походъ свой отъ Бештовыхъ горъ продолжать могъ, получилъ прошеніе отъ абазин-

цевъ, называемыхъ Алтыкесекъ, или шестиродные, живущихъ въ горахъ, при вершинахъ рѣки Кубани, о принятіи и ихъ въ подданство-жь ея императорскаго величества, къ чему они, какъ издревле подъ властію кабардинскихъ владѣльцевъ находящіеся, подвиглись по собственному ихъ предъявленію обстоятельствомъ съ кабардинцами происшедшимъ. Прошеніе абазинцевъ исполнено: они въ подданство ея императорскаго величества приняты и дѣйствительно въ томъ присягу учинили. Потомъ, слѣдуя генералъ-маіоръ къ рѣкѣ Кубани, встрѣтилъ отправленныхъ къ нему и отъ другого горскаго народа, называемаго башилбайскаго и живущаго въ сосѣдствѣ съ абазинцами, съ подобнымъ абазинскому представленіемъ, который равномѣрно обнадежилъ онъ высочайшимъ ея императорскаго величества покровительствомъ; а 21 іюня достигнувъ и до рѣки Кубани, нашелъ оную въ великомъ наводненіи отъ разстаявшаго съ горъ снѣга, и въ чрезвычайно быстромъ теченіи. . .».

Такой благопріятный исходъ событій въ Кабардѣ былъ особенно важенъ для русскихъ въ томъ отношеніи, что, обезпечивъ спокойствіе въ Кабардѣ, давалъ возможность генералу де-Медему обратить всѣ свои силы на дѣйствія противъ враждебныхъ кубанцевъ.

Въ то-же время кабардинцы обратились съ просьбою къ генералу де-Медему о назначеніи къ нимъ правителя — офицера. Наше правительство не замедлило воспользоваться этою просьбою, и желая утвердить на будущее время постоянное пребываніе въ Кабардѣ русскаго офицера, вліяніе котораго могло-бы исподволь упрочить дружественныя отношенія къ намъ кабардинцевъ и подготовить ихъ къ болѣе искренней преданности и покорности Россіи, — назначило приставомъ къ нимъ состоявшаго при коллегіи иностранныхъ дѣлъ секундъ-маіора Дмитрія Таганова, пользовавшагося у кабардинцевъ уваженіемъ, такъ-какъ онъ былъ внукомъ нѣкогда вліятельнаго Мусы-Мурзы Султанъ-аульскаго. Для того, чтобы приставъ имѣлъ возможность прилично содержать себя и угощать «кабардинцевъ, какъ нахальныхъ и запросливыхъ», назначено было ему жалованье и на раздачу подарковъ по 1570 р. $11^1/_2$ коп. въ годъ.

Когда такимъ образомъ было водворено спокойствіе въ Кабардѣ и она приведена въ полную покорность, кабардинскіе владѣльцы, въ томъ-же 1769 году, отправили къ высочайшему двору двухъ человѣкъ изъ среды своей: Джанхота Сидакова изъ

баксанской партіи и Кургоко Татарханова — изъ кашкатавской, поручивъ этимъ депутатамъ засвидѣтельствовать передъ императрицею чувства вѣрноподданнической преданности своей и изъяснить свои нужды. Объ этихъ нуждахъ Сидаковъ и Татархановъ въ 1770 году представили россійскому министерству просьбу отъ имени всѣхъ кабардинскихъ владѣльцевъ. Ходатайство кабардинцевъ прежде всего заключало въ себѣ неизбѣжную просьбу о томъ, чтобы русское правительство уничтожило Моздокъ; затѣмъ просили возвратить бѣжавшихъ туда отъ нихъ холоповъ и не препятствовать въ свободномъ владѣніи принадлежавшею имъ землею.

Пока депутація, представившая это прошеніе, проживала въ С.-Петербургѣ, гдѣ изыскивали средства удовлетворить просьбу кабардинцевъ и успокоить ихъ, кабардинскіе владѣльцы изъ баксанской партіи, въ началѣ 1771 года, снова начали производить смуты, увеличившіяся въ іюнѣ мѣсяцѣ до того, что генералъ де-Медемъ нашелся вынужденнымъ усилить войсками корпусъ свой и вообще принять воинскія предосторожности къ охраненію нашихъ границъ со стороны Кабарды. Оставалась намъ преданною только кашкатавская партія, но она была значительно слабѣе баксанской и потому не могла даже обезпечить достаточно безопасность опредѣленнаго къ кабардинцамъ пристава Таганова, которому угрожали возставшіе баксанцы. Въ виду такого положенія, генералъ де-Медемъ приказалъ Таганову выѣхать изъ Кабарды въ Моздокъ.

Въ то-же самое время, депутатъ отъ кашкатавской партіи, владѣлецъ Кургоко Татархановъ, поданнымъ въ Петербургѣ тайно отъ своего товарища представленіемъ, предсказывалъ о недоброжелательствѣ и невѣрности старшихъ владѣльцевъ: баксанской партіи, изъ рода Атажукина, Мисоста Баматова и изъ рода Мисостова—Касая Атажукина, а также и изъ кашкатавской партіи владѣльца Хамурзы Арсланбекова. При этомъ Татархановъ утверждалъ, что враждебное настроеніе этихъ владѣльцевъ едва-ли исчезнетъ даже и въ томъ случаѣ, если россійское правительство вполнѣ удовлетворитъ заявленную черезъ нихъ, депутатовъ, просьбу, что всѣ эти владѣльцы подкуплены турецкимъ правительствомъ, находятся въ тѣсномъ союзѣ со всѣми враждебными намъ кубанскими народами, что ими давно отправленъ къ Портѣ владѣлецъ Темрюкъ, родной братъ Мисоста Баматова, съ обязательствомъ, что они никогда не предадутся на сторону Россіи

и что пока эти владѣльцы не будутъ удалены изъ Кабарды, кабардинцы будутъ постоянно возмущаемы ими. Въ виду такого положенія, Татархановъ совѣтывалъ взять въ заложники сына Мисоста Баматова съ двумя узденями изъ наиболѣе знатнѣйшихъ фамилій или-же, по-крайней-мѣрѣ, задержать въ Астрахани депутата Джанхота Сидакова и находившихся при немъ сторонниковъ баксанской партіи.

Въ Петербургѣ не дали вѣры заявленію Кургоко Татарханова, заподозривъ, что онъ, совѣтуя удаленіе изъ Кабарды указанныхъ имъ владѣльцевъ, преслѣдуетъ какія-нибудь свои личныя цѣли. Затѣмъ, принимая въ соображеніе, что кабардинцы, привыкшіе къ свободѣ, еще болѣе будутъ встревожены и возбуждены насильственнымъ удаленіемъ изъ Кабарды почетнѣйшихъ владѣльцевъ, примутъ это за стремленіе окончательно поработить ихъ, могутъ рискнуть на всевозможныя отчаянныя предпріятія, чтобы отстоять свою независимость и, наконецъ, считая непристойнымъ для Россіи задерживать въ Астрахани депутата Джанхота Сидакова, выпустивъ его предварительно изъ Петербурга, и тѣмъ запугать кабардинцевъ и заставить ихъ воздерживаться отъ пріѣздовъ въ Россію, — министерство рѣшило, чтобы, пока есть возможность возстановить между кабардинцами спокойствіе мирными средствами, не прибѣгать ни къ какимъ насильственнымъ мѣрамъ противъ нихъ.

Такимъ образомъ, бывшіе въ Петербургѣ депутаты, а также находившіеся тамъ аманаты отъ кабардинцевъ, отправлены на родину въ 1771 году и имъ вручена Высочайшая грамота на имя всего кабардинскаго народа, слѣдующаго содержанія:

«Божіею милостію мы, Екатерина Вторая, императрица и самодержица всероссійская, и прочая, и прочая, и прочая.

«Подданнымъ нашимъ кабардинскимъ владѣльцамъ, узденямъ и всему народу наша императорская милость.

«Извѣстно быть долженствуетъ всѣмъ, общество кабардинское составляющимъ, коль изъ древнихъ лѣтъ началось покровительство оному отъ нашей всероссійской имперіи, и что безъ того давно разсѣяться и погибнуть, или въ тѣсное рабство предаться надлежало-бъ ихъ народу. Усердіе и вѣрность кабардинскихъ владѣльцевъ, какія они къ высокимъ нашимъ предкамъ при многихъ случаяхъ оказали, не только пріобрѣли имъ благоволеніе всероссійскихъ великихъ государей до насъ царствовавшихъ, но и безопасными навсегда учинили отъ властолюбивыхъ поку-

шеній хановъ крымскихъ, на свободное обращеніе кабардинскаго народа многократно стремившихся. Самый избытокъ сего народа въ способахъ удобной жизни есть слѣдствіе здѣшняго-же къ нему снисхожденія и милости; ибо, единственно невозбраннымъ распространеніемъ паствы своей по всему пространству степей, пришелъ въ настоящее изобильное состояніе; а при такихъ обстоятельствахъ и оставалось ожидать, что кабардинцы какъ отъ нашего императорскаго престола много благодѣянія видѣвшіе, продолженіемъ-же времени удостовѣрившіеся и о собственной своей пользѣ въ сохраненіи непремѣнной преданности, а сверхъ того и самою благодарности должностію убѣждаемые, и впредь всегда къ нашей сторонѣ благонамѣренными пребудутъ; но напослѣдокъ, а особливо предъ начатіемъ между нашею имперіею съ Портою оттоманскою войны, вопреки всякаго чаянія, оказались они развращенными, подъ предлогами самыми маловажными.

«Нѣтъ здѣсь нужды входить въ точныя изъясненія, какіе ихъ поступки справедливое наше неудовольствіе причиняли. Безъ сумнѣнія каждый изъ нихъ, въ томъ участный, собственною своею совѣстію изобличается, а къ тому довольно будетъ сказать, что всѣ вы, кабардинскіе владѣльцы, изъ которыхъ нѣкоторые столько были надежны, какъ-бы самые россіяне, учинились подозрительными: прежде наблюдаемая съ вашей стороны пристойность въ представленіяхъ прошеній, въ перепискѣ по разнымъ дѣламъ съ пограничными нашими начальниками, обратилась въ грубость, наглость и безмѣстныя угрозы; многіе-же изъ кабардинцевъ, не только простыхъ и узденей, но нѣкоторые и изъ владѣльцевъ дѣйствительно сообщились съ разбойниками, изъ закубанскихъ народовъ столпившимися, и принялись съ ними за одно ремесло, то есть, начали производить при нашихъ пограничныхъ мѣстахъ воровство и подбѣги.

«Мы, великая государыня, наше императорское величество, хотя потому довольныя причины имѣли всю тягость нашего гнѣва дать возчувствовать кабардинскому народу, но какъ и во время мятежности его однако-же было видно, что нѣкоторые только изъ владѣльцевъ всѣмъ народомъ колеблютъ единственно для того, чтобы въ ономъ передъ прочими усилиться и получить власть, какая-бы была выше предѣловъ, древнимъ обыкновеніемъ утвержденныхъ; а другіе владѣльцы ложными внушеніями обольстить себя допустили, и остались, безъ всякаго свойственнаго имъ дѣйствія и сопротивленія, въ слѣпомъ у оныхъ послушаніи, то мы

и въ семъ еще случаѣ послѣдовали еще больше природному нашему великодушію и милосердію, нежели правиламъ правосудія, повелѣвъ по необходимости учинить на кабардинцовъ военное наступленіе, но не инако, а съ тѣмъ, чтобы всѣ, которые изъ нихъ образумятся, тотчасъ пощаду получили.

«И такъ, коль было сожалительно, когда кабардинцы находились въ смущеніи и развратѣ, ибо при томъ общество ихъ рушилось-бы неминуемо, толь напротивъ того къ особливой нашей благоугодности касалось, когда мы увѣдомились, что кабардинцы, въ томъ числѣ и тѣ самые, которые прочихъ соблазнили, увидя обращенное на нихъ оружіе наше, вышли изъ заблужденія, принесли повинную, признали себя нашими подданными и учинили присягу въ вѣрности, а тѣмъ всѣмъ и предупредили конечное свое несчастіе.

«Послѣ исполненія сихъ мѣръ, безъ коихъ кабардинцы не могли освободиться отъ омраченія, содержавшаго ихъ въ крайнемъ неустройствѣ, мы, великая государыня, наше императорское величество, не имѣя болѣе теперь препятствующихъ причинъ къ распространенію на кабардинское общество монаршихъ нашихъ милостей и благодѣяній, не оставили всемилостивѣйше разсмотрѣть въ подробности и прошеній вашихъ кабардинскихъ владѣльцовъ, представленныхъ чрезъ присланныхъ отъ васъ въ знакъ вашей покорности и подданства къ императорскому нашему двору двухъ вашихъ родственниковъ, владѣльцовъ кабардинскихъ, Коргоку Татарханова и Джанхота Сидякова, о уничтоженіи заведеннаго на рѣкѣ Терекѣ, въ урочищѣ Моздокѣ, селенія; о возвращеніи узденей и природныхъ холопей въ наши границы выходящихъ; о заплатѣ за христіанскихъ невольниковъ, и чтобъ впредь, если кто изъ кабардинскихъ владѣльцовъ выйдетъ для житія въ Кизляръ, или въ другое пограничное мѣсто, то-бы такой, къ остающимся по немъ въ Кабардѣ узденямъ и прочимъ людямъ, также и къ имѣнію, никакого притязанія не чинилъ и не вступался.

«Высочайшее наше императорское повелѣніе по онымъ вашихъ кабардинскихъ владѣльцовъ прошеніямъ объявляется вамъ и всему вашему обществу слѣдующее:

«Заведенное въ моздокскомъ урочищѣ селеніе мы, великая государыня, наше императорское величество, никогда уничтожить не согласимся, для того, что оное положеніе свое имѣетъ не на вашей кабардинской землѣ, почему оное народъ вашъ въ хозяй-

ствѣ его и промыслахъ отнюдь и не стѣсняетъ. Если ни одна сосѣдняя держава не имѣетъ права препятствовать въ тѣхъ распоряженіяхъ, кои по нашимъ повелѣніямъ при границахъ предпріемлются для лучшей оной безопасности и по другимъ полезнымъ намѣреніямъ, могутъ-ли одни кабардинцы присвоивать въ томъ себѣ преимущество, для всѣхъ прочихъ народовъ исключительное? Самое время по заведеніи въ Моздокѣ селенія прошедшее есть доказательствомъ наилучшимъ, что оное началось и содержится не для наложенія оковъ на свойственную кабардинцамъ вольность, какъ тщетно въ семъ народѣ воображалось, но единственно на тотъ конецъ, чтобъ лежавшая впустѣ земля въ нѣкоторую для пограничныхъ жителей обращена была пользу. Нынѣ-же, когда кабардинцы признали себя нашими подданными и сами желать долженствуютъ, дабы въ сосѣдствѣ ихъ укрѣпленное жилище находилось для защищенія въ опасныхъ случаяхъ и толь удобнѣйшаго полученія и разныхъ съ здѣшней стороны потребныхъ вещей и товаровъ.

«Что касается до кабардинскихъ уроженцевъ въ наши пограничныя мѣста впредь выходить имѣющихъ, съ предъявленіемъ желанія къ принятію христіанскаго закона, и каковые всѣ по нынѣ безъ разбора принимаемы были и назадъ не возвращались, потому, что въ цѣломъ свѣтѣ и во всѣхъ законахъ обыкновенно не отвергать того требующихъ; да и въ послѣднемъ между нашею имперіею и Портою оттоманскою трактатѣ точное въ семъ дѣлѣ условіе находилось, изъ котораго и кабардинскіе выходцы исключены быть не могли, по бывшей кабардинскаго народа, на основаніи того-же трактата, отъ обѣихъ сторонъ независимости: то при настоящемъ онаго совсѣмъ противномъ противъ прежняго состояніи, мы, великая государыня, желая благоденствія его, какъ народа съ нашею имперіею соединеннаго и намъ принадлежащаго, во всемъ возможномъ споспѣшествовать, хотя и соизволяемъ, чтобъ и впредь владѣльцы и уздени свободность имѣли для принятія христіанскаго закона, или кромѣ того и для житія, въ пограничныя наши мѣста выходить, и тамъ оставаться, будучи и въ отечествѣ своемъ, первые, никому не подчинены, слѣдовательно не долженствуя тамъ никому и отчетомъ въ такихъ своихъ поступкахъ, которые собственно до нихъ касаются, кромѣ нарушающихъ всего общества покой и вредъ оному наносящихъ, а другіе, находясь въ услугахъ у владѣльцовъ, но собственныя однако деревни имѣютъ, по сему такожде люди не подлаго состоя-

нія, и владѣльцамъ больше по собственной своей волѣ, а не по принужденію присвояются, не платя имъ никакихъ податей, и получая еще отъ нихъ награжденіе за свою придержность; но чтобъ совсѣмъ тѣмъ отлученіемъ изъ Кабарды владѣльцовъ и узденей, что безъ сумнѣнія рѣдкожъ и случиться можетъ по натуральной всякому человѣку любви къ своему отечеству, и малѣйшаго предосужденія и убытка кабардинскому обществу не причинялись, мы снисходимъ напротивъ того на прошеніе ваше, кабардинскихъ владѣльцовъ, въ томъ, чтобъ владѣльцы родственники ваши выходящіе въ границы наши, равножъ и уздени, все что до того въ Кабардѣ ни будутъ имѣть оставляли въ пользу вашего общества, и никакого на то притязанія не производили, ниже пограничные наши начальники имъ способствовали, развѣ по доброму согласію и безъ всякаго посредства сами когда что у старшихъ кабардинскихъ владѣльцовъ, обществомъ управляющихъ, испросятъ.

«Рабы-же кабардинскіе какъ принадлежатъ господамъ своимъ безъ всякаго изъятія, составляя ихъ доходъ своею работою и податью, по состоянію-же своему и способовъ не имѣютъ къ познанію христіанскаго закона; для того мы, великая государыня, входя въ хозяйство кабардинскаго народа состоящее въ скотоводствѣ и хлѣбопашествѣ, тѣмъ благоуспѣшнѣе отправляемое, чѣмъ больше кто изъ нихъ работниковъ имѣетъ, узаконяемъ, чтобъ всѣ природные кабардинскіе холопья, впредь выбѣгать могущіе, назадъ возвращаемы были, въ предупрежденіе умаленія нужныхъ для работы людей, въ такомъ обществѣ, коего благополучіе теперь намъ пріятно.

«Наконецъ пріемлемъ мы, великая государыня, во всемилостивѣйшее уваженіе и употребляемое съ кабардинской стороны иждивеніе на покупку грузинскихъ невольниковъ, и что оное побѣгомъ ихъ въ наши границы тщетно пропадаетъ. Но поколику они природные христіане, не можетъ быть по пристойности и справедливости отказано имъ и впредь въ убѣжищѣ при границахъ нашей имперіи, какъ христіанской. А чтобъ не оставить въ сей и кабардинцовъ существенной-же для нихъ нуждѣ безъ монаршаго нашего призрѣнія, мы къ нимъ столь милостивы быть хотимъ, что по данному нынѣ-же въ надлежащія мѣста нашему императорскому повелѣнію, имѣетъ быть за грузинцовъ и другихъ не подданныхъ намъ христіанъ, изъ кабардинскихъ жилищъ выбѣгающихъ, хозяевамъ ихъ кабардинцамъ за каждую душу безъ

разбора пола и возраста, дабы всѣ споры при разныхъ положеніяхъ быть могущіе предупреждены были, изъ казны нашей по пятидесяти рублей производено, число такое денегъ, которое потерю наилучшаго невольника совершенно замѣнить можетъ.

«Изліяніе толь совокупно многихъ нашихъ милостей и щедротъ на кабардинское общество, коль скоро оное нѣкоторымъ только образомъ видится стало быть того достойнымъ, не имѣвъ еще въ самомъ дѣлѣ и случаю никакихъ намъ, великой государынѣ, услугъ оказать послѣ принесенія своей покорности, больше нежели достаточно безъ сумнѣнія быть имѣетъ васъ, кабардинскихъ владѣльцовъ, и всѣхъ тамошнихъ жителей, какого-бы они состоянія ни были, возбудить къ должной благодарности; заставить все лицемѣрство, какое къ сожалѣнію при случаяхъ по нынѣ со стороны многихъ изъ васъ примѣтно было, оставить и утвердиться на всегда въ непремѣнной вѣрности, и не вдаваясь болѣе ни въ какія искушенія, которыя всегда къ собственному-же вашему вреду оканчиваться могутъ. Почему мы совершенно надѣемся, что всѣ кабардинцы, какъ вы, владѣльцы, такъ и прочіе, поступками своими впредь ни малѣйшихъ причинъ къ неудовольствію подавать не будете, но спокойно обращаться имѣете; соглашеніе не только съ противомышленными разбойниками и злодѣями, но и съ порядочнымъ непріятелемъ будетъ казаться для васъ дѣломъ непристойнымъ и несовмѣстнымъ съ должностью подданства и преступленіемъ безчестнымъ и измѣнническимъ. А вслѣдствіе того, всѣ противныя на наши границы предпріятія по крайней вашей возможности отвращать потщитесь, не допуская никому чрезъ ваши мѣста проходить, а между-тѣмъ о всякихъ сборищахъ заблаговременно сообщая и пограничнымъ нашимъ начальникамъ; сверхъ того не только бѣглецовъ изъ нашихъ подданныхъ къ себѣ принимать и укрывать, какъ и тому многіежъ досадные примѣры были, не будете, но ежелижъ когда отъ нашихъ пограничныхъ жителей съ кѣмъ-бы то ни случилось произойдутъ на кого изъ кабардинцовъ жалобы, оныя не пустыми увертками затруднять и неоконченными оставлять, но прямымъ и безпристрастнымъ разбирательствомъ рѣшить имѣете. Впрочемъ и аманаты содержаны будутъ по древнему обыкновенію въ нашей сторонѣ отъ такихъ изъ васъ, владѣльцовъ, которыхъ дѣти дѣйствительными аманатами почтены быть могли бъ *); а по

*) Подъ этимъ опредѣленіемъ подразумѣвалось, чтобы аманаты были изъ сильной или многочисленной фамиліи, дѣти отъ законныхъ женъ и чтобы

дѣламъ вашимъ съ нашими пограничными начальниками переписываться будете съ пристойностію, единожды навсегда принявъ за неоспоримую правду, что по состоянію кабардинскаго общества ничего для него запальчивостію и нескладными угрозами сдѣлано быть не можетъ. А чтобъ всѣ наши начальники, до которыхъ кабардинскія дѣла касаться будутъ, принимали ваши представленія съ уваженіемъ и во всемъ томъ, въ чемъ будетъ справедливость, оказывали удовольствіе, о томъ нынѣ и вновь императорскими нашими указами подтверждено.

«Между-тѣмъ мы, великая государыня, наше императорское величество, въ ожиданіи видѣть съ сего времени кабардинскій народъ по толикихъ оказанныхъ благодѣяніяхъ вѣрнымъ и усерднымъ къ намъ и къ нашей имперіи, препоручаемъ вамъ, кабардинскимъ владѣльцамъ, въ надзираніе и какъ призрѣніе возможное, такъ и дѣйствительное защищеніе, и кубанскихъ мурзъ Ислама Мусина и прочихъ, кои въ 1769 году, во время производимыхъ чрезъ генералъ-маіора Медема на Кубани поисковъ, пришли въ наше подданство, повелѣвая ихъ почитать за совокупленныхъ навсегда къ вашему обществу, для чего и могутъ они поселены быть на кабардинскихъ мѣстахъ, когда удобныя къ тому находятся.

«По объявленіи-же такимъ образомъ обществу вашему, кабардинскому, высочайшей нашей воли по представленнымъ отъ онаго къ нашему императорскому престолу прошеніямъ, а равнымъ образомъ и о томъ, на какомъ основаніи мы сей народъ въ нашемъ подданствѣ содержать соизволяемъ, мы здѣсь-же заблаговременно всѣмъ кабардинцамъ и каждому изъ нихъ знать даемъ, что если не будутъ они тронуты и всѣми, такъ сказать, истощенными на нихъ нашими милостями, кои прямое ихъ благополучіе составить могутъ, окаменѣлость ихъ всякое удивленіе превзойдетъ; а тогда уже мы безъ принужденія природному нашему человѣколюбію рѣшиться можемъ не только дѣйствительно въ продерзостяхъ оказывающихся строго наказывать, но и всѣхъ кабардинцевъ безъ изъятія за попущеніе въ томъ безпокойнымъ, какихъ для того отнюдь и терпѣть не должно въ ихъ обществѣ, единственно по нашему милосердію, а не по собственнымъ своимъ способамъ въ нерушимости оставшемся, и которое монаршаго нашего призрѣнія удостоились не по нуждѣ времени или обстоя-

отцы этихъ аманатовъ были сильны и вліятельны въ своихъ родахъ. (П. Бутковъ, ч. I, стр. 321, примѣч. 1-е).

тельствъ, но по свойственной намъ къ благодѣяніямъ склонности, и въ разсужденіи бывшихъ напредь сего къ нашей имперіи отъ кабардинскаго народа услугъ, кои однако-же впредь его не защитятъ, ниже напрасно многоуважаемое кабардинцами содѣйствіе подобныхъ горскихъ народовъ, если когда мѣра нашего гнѣва исполнится и воспослѣдуетъ повелѣніе дѣйствовать противъ нихъ со всею строгостію; но къ чему мы никогда подвигнуты быть не желаемъ, а паче причины имѣть къ умноженію высочайшаго нашего благоволенія.

«Сія наша императорская грамота имѣющая служить основаніемъ и залогомъ всего будущаго благоденствія кабардинскаго народа отправлена съ владѣльцами кабардинскими ко двору нашему присыланными, которые представлены были предъ наше императорское величество и отпущены съ награжденіемъ. Дана въ С.-Петербургѣ 17 августа 1771 года».

Кромѣ этой грамоты и генералъ-маіоръ де-Медемъ получилъ отъ 17 августа 1771 года высочайшее повелѣніе исполнить между прочимъ слѣдующее:

«1-е. Произвесть прямо требованіе вообще ко всѣмъ владѣльцамъ, чтобы Мисостъ въ знакъ совершеннаго раскаянія своего и удостовѣренія въ будущей вѣрности далъ сына своего въ аманаты; въ случаѣ упорства его, подвигнуть прочихъ, чтобы они его къ тому и принудили, а когда не предуспѣютъ, то какъ противника монаршей воли и возмутителя своего отечества отдали въ наши руки, или хотя отъ себя выгнали приговоромъ общаго собранія. Но въ семъ обстоятельствѣ наблюсти предосторожность, чтобъ начавъ, а не совершивъ, не навлечь большаго предосужденія безвременнымъ раздраженіемъ Мисоста и прочихъ съ нимъ злоумышленныхъ владѣльцевъ. Ежелижъ-бы они злонамѣренными оказались и по полученіи теперешняго удовольствія, и злоумышленіе большей части кабардинцовъ не могло быть предудержано упорствомъ доброжелательныхъ владѣльцовъ, а развратность ихъ дошла до степени нестерпимости, то и строгія мѣры приняты имѣютъ не только къ наказанію главныхъ мятежниковъ, но и къ приведенію ихъ въ совершенное несостояніе быть больше границамъ нашимъ вредными и самимъ собою и чрезъ соблазны прочимъ тамошнимъ околичнымъ народамъ».

«2-е. Нужно необходимо, дабы въ Кабардѣ всегда двѣ равносильныя партіи находились, и чтобъ кабардинцы привыкли имѣть

у себя пристава россійскаго, къ чему всѣ способы изыскивать должно, употребляя въ необходимости и деньги для отвлеченія отъ противныхъ поступковъ и ихъ обезсиленія, по-крайней-мѣрѣ на время войны съ Портою, дабы при настоящемъ недосугѣ быть отъ нихъ въ безопасности».

«3-е. Хотя послѣ грубаго отъ владѣльцовъ кабардинскихъ поступка оказаннаго непринятіемъ въ 1764 году 3 т. рублей и не должны ожидать, чтобъ при настоящемъ случаѣ награждены были, но ежели имъ нынѣ монаршая щедрота послужитъ способомъ къ подтвержденію ихъ въ благонамѣреніи и вѣрности, въ такомъ случаѣ можно будетъ, прощая имъ, какъ дикимъ людямъ и невѣждамъ, пренебреженіе однажды при смутномъ ихъ обстоятельствѣ случившееся, отдать всѣмъ владѣльцамъ вообще оныя 3 т. рублей въ знакъ возвращеннаго уже имъ высочайшаго благоволенія, съ такимъ объявленіемъ, чтобъ они сами по себѣ ихъ раздѣлили и прислали къ двору пристойное благодареніе» *).

III.

Усиленіе враждебныхъ отношеній кабардинцевъ къ Россіи. — Союзъ ихъ съ турками, крымцами и закубанцами. — Присяга кабардинцевъ о вступленіи въ подданство Турціи. — Вторженіе союзниковъ въ предѣлы россійскихъ владѣній на Кавказѣ. — Кучукъ-кайнарджинскій миръ и признаніе кабардинцевъ подданными Россіи.—Притязанія крымскаго хана на подданство ему кабардинцевъ. — Постройка крѣпостей и начало водворенія казачьихъ станицъ на границѣ съ Кабардою.—Возмущеніе кабардинцевъ и отреченіе ихъ отъ подданства Россіи. — Попытки кабардинцевъ уничтожить возведенныя русскими укрѣпленія. — Неудачи въ этомъ предпріятіи и неоднократныя пораженія. — Изъявленія кабардинцами покорности.

Казалось-бы, что оказанное кабардинцамъ вниманіе, выразившееся въ присылкѣ имъ высочайшей грамоты, чего ни прежде, ни послѣ не дѣлалось по отношенію къ другимъ кавказскимъ

*) Тамъ-же, стр. 323 и 324.

племенамъ, и удовлетвореніе наиболѣе важныхъ просьбъ ихъ, — заставитъ успокоиться ихъ и положитъ наконецъ предѣлъ безконечнымъ мятежнымъ выходкамъ; но, на самомъ дѣлѣ, ни того, ни другого не случилось: генералъ де-Медемъ ничего не могъ исполнить по отношенію къ удержанію въ покорности владѣльца Мисоста Баматова и къ установленію въ Кабардѣ двухъ равносильныхъ партій.

Насколько неуспокоительно подѣйствовала на кабардинцевъ и непривѣтливо была принята ими высочайшая грамота, видно изъ донесенія генерала де-Медема отъ 29 апрѣля 1772 года, въ которомъ изъяснено, что по случаю несогласій между кабардинцами, вновь возникшихъ при полученіи и слушаніи пожалованной имъ грамоты, старшій родомъ изъ владѣльцевъ кабардинскихъ Касай Атажукинъ, присутствовавшій на народномъ собраніи, между прочимъ сказалъ слѣдующее: «Если-де такимъ образомъ быть въ покровительствѣ Россіи, какъ калмыки находились, которыхъ начали раззорять и отъ того они принуждены были отстать отъ Россіи и бѣжать, то де и имъ, кабардинцамъ, тоже воспослѣдуетъ и они принуждены будутъ уйти въ горы» *).

Тѣмъ не менѣе Россія продолжала стремиться къ упроченію своей власти надъ Кабардою, и 7 ноября 1772 года, въ силу заключеннаго въ Карасу трактата съ крымцами, кабардинцы были признаны подданными Россійскаго государства.

Въ-теченіи 1772 и 1773 годовъ въ обѣихъ Кабардахъ продолжались смятенія и поддерживались враждебныя чувства къ Россіи, причемъ владѣльцы Малой Кабарды сильно препятствовали сообщенію осетинъ съ Моздокомъ и стремленію ихъ принять христіанство; но правительство наше должно было смотрѣть на продѣлки кабардинцевъ снисходительно, не имѣя тогда времени заняться серьезно Кабардою, такъ-какъ все вниманіе Россіи было сосредоточено на турецкихъ и крымскихъ дѣлахъ.

Наше правительство не только не преслѣдовало эти своевольства кабардинцевъ, но, напротивъ, старалось всѣми средствами угождать имъ. Такъ, въ 1773 году, когда ингуши, притѣсняемые и раззоряемые кабардинцами, отложились отъ нихъ и прислали къ генералу де-Медему просить защиты и покровительства Россіи противъ кабардинцевъ, то правительство предписало де-Ме-

---

*) Тамъ-же, стр. 493.

дему, чтобы «не отклонять ингушъ отъ кабардинцевъ, дабы не раздражать этихъ послѣднихъ еще болѣе».

Несмотря на всевозможныя уступки и снисхожденія, кабардинцы продолжали питать къ русскимъ враждебныя чувства, и подстрекаемые Турціею, которая снабжала ихъ деньгами, усиливали ненависть свою. Все свое нерасположеніе къ русскимъ кабардинцы объясняли отказомъ въ просьбѣ объ уничтоженіи Моздока.

Надѣясь на успѣхи Турціи въ военныхъ дѣйствіяхъ, кабардинцы, черезъ посредство своихъ владѣльцевъ Мисоста Баматова и Хамурзу Арсланбекова, въ 1774 году, заключили союзъ съ назначеннымъ Турціею крымскимъ ханомъ, Давлетъ-Гиреемъ, закубанскими черкесами и турками, для совмѣстныхъ враждебныхъ дѣйствій противъ Россіи.

Выбранное кабардинцами время для открытія непріязненныхъ дѣйствій какъ нельзя болѣе было выбрано удачно, ибо тогда-же, слѣдуя примѣру кабардинцевъ, возстали противъ Россіи чеченцы и кумыки, угрожавшіе окрестностямъ Кизляра.

Опасность для русскихъ на Кавказѣ въ то время до того увеличилась, что генералъ де-Медемъ призналъ необходимымъ воспретить кизлярскимъ и моздокскимъ жителямъ имѣть какія-либо сношенія съ обитавшими за Терекомъ горцами. Де-Медемъ вознамѣрился-было выдать кабардинцамъ предназначенные имъ 3 тысячи рублей, чтобы умилостивить ихъ; но средство это оказалось въ данномъ случаѣ недѣйствительнымъ: кабардинцы, по возвращеніи въ Кабарду владѣльцевъ Мисоста Баматова и Хамурзы Арсланбекова, ѣздившихъ заключать вышеупомянутый союзъ, готовились уже сдѣлать нападеніе на Моздокъ, но предпріятіе это не удалось, такъ-какъ замыселъ ихъ однимъ армяниномъ былъ сообщенъ генералу де-Медему, который своевременно принялъ мѣры къ предотвращенію этого нападенія.

Непріязненныя отношенія кабардинцевъ къ русскимъ поддерживались главнымъ образомъ турками и крымцами различными обѣщаніями и сообщеніемъ ложныхъ слуховъ о томъ, что русскія войска разбиты за Дунаемъ. Съ этою цѣлью въ началѣ 1774 года были присланы въ Кабарду турецкіе шпіоны, снабженные деньгами и письмами. Генералъ де-Медемъ, узнавъ объ этомъ, командировалъ въ Кабарду 100 человѣкъ казаковъ и 24 драгуна, подъ начальствомъ маіора Криднера, которому было поручено захватить шпіоновъ. Въ аулахъ владѣльца Атажуко Хамурзина маіоръ Криднеръ захватилъ четырехъ шпіоновъ—крымцевъ, ко-

торыхъ, вмѣстѣ съ самимъ Хамурзинымъ, несмотря на преслѣдованіе кабардинцами небольшого русскаго отряда, благополучно доставилъ въ Моздокъ.

Несмотря на сильно возбужденное состояніе кабардинцевъ противъ Россіи, въ средѣ ихъ все-таки еще оставались люди, преданные русскимъ. Изъ числа этихъ немногихъ, владѣльцы Джанхотъ Татархановъ и Давлетъ-Гирей Касаевъ, въ виду тревожнаго положенія въ Кабардѣ, въ томъ-же 1774 году обратились къ генералу де-Медему съ просьбою о присылкѣ къ нимъ русскихъ войскъ, для защиты вѣрныхъ Россіи кабардинцевъ отъ вторженія крымцевъ. Вслѣдствіе этой просьбы былъ посланъ въ Кабарду отрядъ изъ 1356 человѣкъ, подъ командою маіора-же Криднера; но достигнуть своего назначенія отряду этому не удалось: дойдя до редута Бештамахъ, маіоръ Криднеръ нашелъ тамъ Давлетъ-Гирея Касаева, который объявилъ, что всѣ владѣльцы и черный народъ какъ Большой, такъ и Малой Кабарды окончательно передались на сторону Турціи и дали присягу въ вѣрности ей. Вслѣдствіе такого оборота дѣлъ, отрядъ маіора Криднера долженъ былъ возвратиться въ Моздокъ.

Вскорѣ послѣ этого, крымскій ханъ Давлетъ-Гирей, приглашенный кабардинцами, съ войсками своими, состоявшими изъ турокъ, крымцевъ, черкесъ и 500 человѣкъ некрасовцевъ, сталъ приближаться къ Моздоку.

Генералъ де-Медемъ встрѣтилъ непріятеля въ 25 верстахъ выше Моздока, въ урочищѣ Бештамахъ (гдѣ нынѣ станица Екатериноградская), и 3 іюня 1774 года далъ ему сраженіе. Хотя побѣда и осталась на сторонѣ русскихъ, но тѣмъ не менѣе разсѣянный непріятель вскорѣ снова собрался, раздѣлившись на двѣ партіи; одна изъ нихъ возвратилась въ Кабарду, а другая устремилась на вновь устроенныя станицы Моздокскаго казачьяго полка. Разоривъ по пути до основанія четыре станицы и истребивъ всѣ жизненные припасы жителей этихъ станицъ, едва только начавшихъ, по переселеніи съ Волги, устраивать свое хозяйство,—непріятель напалъ на главную станицу Моздокскаго полка — Науръ, укрѣпленную земляным валомъ и вмѣщавшую въ себѣ весь собравшійся туда послѣ непріятельскаго погрома Моздокскій полкъ съ семьями. 11 іюня непріятель сдѣлалъ приступъ на станицу, но, геройски отражаемый втеченіи 12 часовъ, принужденъ былъ отступить и возвратиться къ Кубани *).

*) Геройская защита Наура обращаетъ на себя особенное вниманіе

Тѣмъ временемъ генерелъ де-Медемъ, послѣ сраженія у Бештамаха, направился въ предѣлы Кабарды, преслѣдуя часть непріятеля, отступившаго туда подъ предводительствомъ крымскаго хана. 29 августа де-Медемъ настигнулъ непріятеля въ Баксанскомъ ущельѣ на р. Гунделенѣ и, послѣ происшедшаго при этомъ боя, принудилъ его совсѣмъ оставить Кабарду. Окончательной неудачѣ предпріятій вызванныхъ кабардинцами союзниковъ способствовало еще и то, что въ то время война съ Турціею была окончена и на помощь де-Медему направлена была часть войскъ изъ кубанскаго корпуса, дѣйствовавшаго за рр. Кубанью и Лабою.

При заключеніи 10 іюля 1774 года мирнаго трактата съ Турціею, было опредѣлено, что разрѣшеніе вопроса о присоединеніи Кабарды—Большой и Малой—къ Россійской имперіи должно быть произведено по согласію съ крымскимъ ханомъ. Такъ-какъ присоединеніе Кабарды къ Россіи уже состоялось по договору съ крымскимъ ханомъ въ 1772 г., то въ пополненіи означеннаго постановленія Кучукъ-кайнарджинскаго договора не встрѣтилось необходимости.

Послѣ заключенія Кучукъ-кайнарджинскаго мира, къ генералу де-Медему, при рескриптѣ отъ 5 сентября 1774 года, были сообщены для объявленія кабардинцамъ копіи съ тѣхъ пунктовъ мирнаго договора, которые касались Кабарды. Копіи эти, во избѣжаніе недоразумѣній отъ неясности изложенія, написаны были на русскомъ и турецкомъ языкахъ, чтобы такимъ образомъ кабардинцы могли прочитать и сравнить текстъ договорныхъ пунктовъ на обоихъ языкахъ. Присылкою имъ копій съ подлежащихъ пунктовъ трактата предполагалось предотвратить всѣ враждебныя внушенія, которыя могли быть слѣдствіемъ превратнаго толкованія этихъ пунктовъ, указать имъ, кабардинцамъ, что послѣ этого договора надежды на помощь со стороны Крыма не должны обольщать ихъ, что всѣ враждебныя ихъ дѣйствія къ намъ не могутъ быть оправдываемы желаніемъ оказать услугу Крыму или Турціи и что за всѣ такія враждебныя дѣйствія они, какъ

тѣмъ, что при отраженіи непріятеля принимали дѣятельное участіе женщины-казачки, которыя, какъ видно изъ рапорта генералъ-маіора де-Медема отъ 20 іюня 1774 года, поражали штурмующаго непріятеля „сѣнокосными косами“, обливали его горячею водою, кушаньемъ, растопленными: смолою, масломъ и т. п. (Мат. для Нов. Ист. Кавк., П. Буткова, стр. 333 и 496).

подданные Россійской имперіи, будутъ отвѣтственны непосредственно передъ правительствомъ этой имперіи.

Присланные пункты договора были прочтены въ собраніи всѣхъ кабардинскихъ владѣльцевъ, изъ которыхъ нѣкоторые впрочемъ не явились на собраніе. Владѣльцы Малой Кабарды выразили удовольствіе по поводу окончательнаго присоединенія ихъ къ Россіи и только одинъ изъ владѣльцевъ Большой Кабарды, Хамурза Арсланбековъ, заявилъ, что онъ не можетъ признать себя русскимъ подданнымъ, пока не получитъ изъ Крыма подтвержденія совершившагося и объявленнаго ему факта присоединенія Кабарды къ Россіи.

Для того чтобы кабардинскіе владѣльцы, по невѣжеству и легкомыслію своему, не истолковали ложно совершившагося присоединенія ихъ къ Россіи и не заподозрили въ этомъ намѣреній со стороны нашего правительства, будто-бы клонящихся къ тому, чтобы лишить ихъ разныхъ вольностей и отмстить за всѣ ихъ враждебныя дѣйствія,—имъ, императорскимъ именемъ и повелѣніемъ, было объявлено, что, несмотря на то что они присоединены къ Россіи безусловно путемъ такого международнаго акта какъ договоръ, имъ даруются прежнія ихъ вольности, самостоятельное общественное управленіе, на основаніи ихъ древнихъ обычаевъ, и прощеніе за всѣ проступки, въ той надеждѣ, что они будущимъ своимъ поведеніемъ загладятъ эти проступки и останутся вѣрными россійскому престолу, согласно принятой ими вѣрноподданнической присяги въ 1769 году.

Вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ де-Медемъ получилъ повелѣніе, что пока кабардинцы, какъ варвары и послѣдователи магометанскаго закона, будутъ находиться въ возбужденномъ состояніи противъ насъ, стараться поступать съ ними во всѣхъ случаяхъ со всевозможною умѣренностью, снисхожденіемъ и справедливостью и такимъ образомъ пріобрѣсти ихъ расположеніе и привести къ сознанію необходимости добровольно и искренно признать власть Россіи надъ собою. Тѣмъ не менѣе, однако-же, было предписано имѣть противъ кабардинцевъ воинскую предосторожность, не допускать ихъ производить злодѣйства въ нашихъ границахъ и строго преслѣдовать за ихъ злодѣянія, не давая имъ, путемъ этихъ мѣръ, возможности оставаться безнаказанными и относиться къ намъ съ высокомѣріемъ.

Такимъ образомъ наше правительство, забывъ всѣ прошлыя недружелюбныя дѣйствія кабардинцевъ, всѣми доступными

ему средствами старалось обезпечить связь съ Кабардою гуманными и миролюбивыми путями, не насилуя ихъ свободы, религіозныхъ вѣрованій, общественнаго строя и не касаясь ихъ обычной и бытовой сторонъ жизни, — словомъ, наше правительство старалось расположить и привязать къ себѣ кабардинцевъ ласкою и кроткимъ обращеніемъ и далеко было отъ всякихъ мѣръ строгости. Къ сожалѣнію, всѣ эти гуманныя стремленія правительства не привели къ желанной цѣли: кабардинцы, какъ народъ мало развитый въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, не въ состояніи были понять значеніе такого обращенія и, какъ люди, признававшіе авторитетъ лишь за физическою силою, считали наше правительство безсильнымъ употребить болѣе крутыя и энергическія средства для подчиненія ихъ себѣ.

Естественно, что при такомъ взглядѣ на отношенія свои къ Россіи, кабардинцы всѣ симпатіи свои устремляли на сторону Турціи и Крыма. Тѣмъ не менѣе однако-же, всѣ задушевныя стремленія ихъ клонились къ тому, чтобы сохранить свою независимость.

Вслѣдствіе явнаго расположенія и тяготѣнія кабардинцевъ къ Крыму и по проискамъ ихъ, крымскій ханъ Давлетъ-Гирей, въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1776 года, прислалъ въ Кабарду и къ генералу де-Медему особаго нарочнаго съ объявленіемъ о принадлежности кабардинцевъ къ Крыму, въ силу послѣдняго мирнаго договора съ Портою, и съ требованіемъ объ освобожденіи кабардинскихъ аманатовъ. Генералъ де-Медемъ, по прибытіи къ нему изъ Большой Кабарды упомянутаго нарочнаго, объявилъ ему, что кабардинцы состоятъ въ подданствѣ Россіи и потому выданные ими аманаты не могутъ быть отпущены, безъ особаго на то высочайшаго повелѣнія. Вмѣстѣ съ тѣмъ нарочный этотъ былъ высланъ въ Азовъ, такъ-какъ пребываніе его въ Кабардѣ могло усилить тамъ волненія и безпорядки.

По повелѣнію императрицы, отъ имени генерала де-Медема, было адресовано ко всѣмъ кабардинскимъ владѣльцамъ объявленіе, заключавшее въ себѣ опроверженіе заявленія и требованія крымскаго хана. Въ этомъ объявленіи, между-прочимъ, было выражено, что кабардинцы издревле и особенно со времени царствованія Іоанна Васильевича признавали себя, безъ всякаго принужденія, подданными Россіи, что издавна-же введено въ обыкновеніе имѣть отъ нихъ въ Россіи аманатовъ и что хотя по бѣлград-

скому мирному трактату, заключенному съ Турціею въ 1739 г., русское правительство согласилось считать кабардинцевъ независимымъ народомъ, но однако и тогда удержало за собою древнее право имѣть у себя отъ нихъ, кабардинцевъ, аманатовъ. Указывалось также и на то, что послѣдняя война (1768 — 1774 г.) разрушила бѣлградскій трактатъ и кабардинцы вновь присягнули на подданство Россіи, что было признано и договоромъ съ крымскимъ ханомъ въ 1772 году; если-же въ Кучукъ-кайнарджинскомъ трактатѣ и сказано, что присоединеніе Кабарды къ Россіи предоставляется на волю крымскаго хана, то въ виду только того это упомянуто, что соглашеніе по этому предмету уже состоялось съ крымскимъ ханомъ еще ранѣе, до заключенія мира съ Турціею. Наконецъ было указано кабардинцамъ, что заявившій вышеизложенное требованіе крымскій ханъ Давлетъ-Гирей, какъ завладѣвшій ханствомъ насильственно, не вправѣ былъ предъявлять Россіи какія-либо притязанія относительно кабардинцевъ. Въ заключеніе совѣтывалось кабардинцамъ воздержаться отъ преступныхъ сношеній съ крымскимъ ханомъ и его сторонниками и пребывать вѣрными россійскому престолу.

Объявленіе это, для наивозможно-большаго распространенія между кабардинцами, было послано къ нимъ чрезъ пристава въ числѣ многихъ экземпляровъ. Однако-же, обращеніе это къ кабардинцамъ не произвело на нихъ желаемаго дѣйствія и они не придавали ему никакого значенія до тѣхъ-поръ, пока въ Крыму не возобновились военныя дѣйствія. Побѣды, одержанныя русскими войсками въ Крыму, нагнали страхъ на кабардинцевъ и заставили ихъ нѣсколько притихнуть.

Въ то-же время, въ апрѣлѣ 1777 года, генералъ де-Медемъ, вслѣдствіе полученнаго имъ указа, отъ 29 октября 1776 года, отправилъ отрядъ войскъ къ границамъ Кабарды, на р. Малку, для наблюденія за кабардинцами. Увидѣвъ приближеніе русскихъ войскъ, враждебные намъ кабардинскіе владѣльцы обратились съ просьбою къ кубанскому сераскиру о присылкѣ къ нимъ для защиты турецкихъ войскъ. Сераскиръ исполнилъ-было просьбу кабардинцевъ, но генералъ де-Медемъ обратился къ сераскиру съ строгимъ требованіемъ, чтобы выдвинутыя въ Кабарду турецкія войска были немедленно удалены; вслѣдствіе этого требованія, вступившія въ Кабарду войска тогда-же удалились.

Кабардинцы, съ отступленіемъ турецкаго отряда, потеряли послѣднюю надежду отстоять свою независимость и принуждены бы-

ли изъявить покорность Россіи; но оставшіеся намъ преданными кабардинскіе владѣльцы, въ награду за свою вѣрность, просили оставить за Кабардою дарованныя имъ прежде права и сохранить ихъ обычаи. Генералъ де-Медемъ согласился ходатайствовать объ удовлетвореніи этой просьбы, каковую и представилъ на высочайшее благоусмотрѣніе.

Послѣ этого всѣ владѣльцы какъ Большой, такъ и Малой Кабарды признали надъ собою власть Россіи и приняли присягу на вѣрноподданство, по примѣру присяги, данной ими въ 1769 году. Осебенно охотно признала надъ собою власть Россіи Малая Кабарда, продолжавшая претерпѣвать не мало обидъ и притѣсненій отъ владѣльцевъ Большой Кабарды. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ всѣхъ владѣльческихъ родовъ Большой Кабарды были взяты аманаты и въ числѣ ихъ — сынъ владѣльца Мисоста Баматова, отчаяннаго и злѣйшаго противника присоединенія Кабарды къ Россіи. Изъ Малой Кабарды аманаты не были взяты.

Изъявленіе кабардинцами покорности само по себѣ не представляло еще достаточной гарантіи для водворенія спокойствія въ краѣ, такъ-какъ кабардинцы и прежде неоднократно нарушали свои обязательства по отношенію къ Россіи, слѣдовательно и на этотъ разъ, при малѣйшей къ тому возможности, могли снова стать въ враждебныя отношенія къ намъ. Это было тѣмъ более легко исполнить, что Турція продолжала тайно подстрекать кабардинцевъ и поддерживать въ нихъ непріязненныя чувства къ русскимъ. Поэтому наше правительство, давно уже сознавшее, какъ мы видѣли выше, шаткость своего такъ-сказать моральнаго вліянія на Кабарду, должно было рѣшиться сдѣлать еще одинъ шагъ, чтобы завоевать возможность болѣе прочно утвердить свою власть въ Кабардѣ; этотъ шагъ долженъ былъ привести къ тому, чтобы, согласно принятой уже системы, водворить на границѣ Кабарды русскія укрѣпленія и осѣдлыя русскія-же поселенія. И вотъ, съ этой цѣлью, а равно и для обезпеченія сношеній между Моздокомъ и Дономъ, на протяженіи более 500 верстъ, еще въ началѣ 1776 года рѣшено занять эту линію укрѣпленіями. Въ 1777 году было приступлено къ исполненію этого рѣшенія и втеченіи года начаты работы по возведенію крѣпостей: Екатериноградской — на р. Малкѣ, Павловской—на р. Курѣ, Марьинской—на р. Золкѣ, Георгіевской — на р. Подкумкѣ и Александровской—на р. Томузловкѣ.

Кромѣ этихъ укрѣпленій, въ 1780 г., между другими укрѣп-

леніями на Кавказѣ, была построена на границѣ съ Кабардою еще крѣпость Константиногорская, на р. Подкумкѣ (вблизи нынѣшняго г. Пятигорска). Крѣпость эта, по положенію своему, представляла весьма важный стратегическій пунктъ, заграждавшій кабардинцамъ легчайшій доступъ въ сношеніяхъ съ кубанскимъ краемъ и возможность хищническимъ партіямъ скрываться въ группѣ такъ-называемыхъ *Бештовыхъ горъ* *).

Для занятія возведенныхъ по границѣ съ Кабардою укрѣпленій былъ переселенъ на Кавказъ остатокъ Волгскаго казачьяго войска. Эти казаки основали при укрѣпленіяхъ станицы, составившія Волгскій казачій полкъ. Это первое начало осѣдлому водворенію русскихъ на границѣ съ Большою Кабардою было положено въ 1779 году.

Какъ и слѣдовало ожидать, постройка крѣпостей не произвела на кабардинцевъ умиротворяющаго дѣйствія и вызвала цѣлый рядъ мятежей и возстаній, продолжавшихся втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ и положившихъ основаніе непримиримой и отчаянной ненависти кабардинцевъ къ намъ, русскимъ, ненависти, слѣды которой не изгладились вполнѣ еще и до настоящаго времени.

Когда было приступлено къ постройкѣ первой крѣпости — Екатериноградской, кабардинцы не предъявили никакого спора и неудовольствія по этому случаю, а напротивъ, казались довольными; но когда, вслѣдъ затѣмъ, они увидѣли, что Россія не намѣрена ограничиться постройкою этой одной крѣпости и закладываетъ цѣлую линію крѣпостей по границѣ съ Кабардою,—они взволновались: осенью 1777 года, подстрекаемые закубанцами и пользуясь неспокойствіемъ въ Крыму, они рѣшились препятствовать продолженію постройки крѣпостей силою оружія, несмотря на то, что въ Кизлярѣ содержались ихъ заложники, и явно отреклись отъ подданства и принадлежности россійскому императорскому престолу.

При этомъ отпаденіи кабардинцевъ отъ Россіи, особенно замѣчательно было заявленіе ихъ о томъ, что они никогда россійскими подданными не были и если со времени царствованія Іоанна Васильевича имѣли сношенія съ этимъ государствомъ, то не какъ подданные и покорные царю, а лишь какъ конаки **).

---

*) Названіе этой группы горъ происходитъ отъ имени горы *Бештау*. По-татарски бешь—значитъ пять, тау—гора.

**) Въ настоящее время слово *конакъ* или *кунакъ* употребляется на

Возмущеніе по поводу постройки крѣпостей было произведено лишь кабардинскими владѣльцами; черный-же кабардинскій народъ, какъ видно изъ донесенія генералъ-маіора Якоби, отъ 19 декабря 1777 года, заявилъ просьбу о принятіи его подъ покровительство Россіи и избавленіи такимъ путемъ отъ угнетеній владѣльцевъ; но несмотря на возмущеніе владѣльцевъ и вообще враждебное ихъ настроеніе противъ русскихъ, на эту просьбу не воспослѣдовало высочайшей воли. Отказъ этотъ былъ мотивированъ тѣмъ, что кабардинскимъ владѣльцамъ уже одинъ разъ навсегда императорскимъ именемъ было объявлено, что вступленіе ихъ въ подданство Россіи не повлечетъ за собою лишенія ихъ древнихъ правъ и вольностей и вмѣшательства въ дѣла ихъ съ народомъ, касающіяся внутренняго ихъ столкновенія и хозяйства. Тѣмъ не менѣе кабардинскому простому народу данъ былъ совѣтъ противопоставить насилію и своевольству владѣльцевъ численный свой перевѣсъ, единомысліе и совокупность дѣйствій; при чемъ народъ былъ обнадеженъ, что, въ случаѣ столкновенія съ владѣльцами, — эти послѣдніе не получатъ со стороны Россіи поддержки или вообще заступничества.

Для предупрежденія враждебныхъ дѣйствій со стороны кабардинцевъ были приняты по линіи укрѣпленій военныя мѣры предосторожности.

Въ январѣ 1778 года кабардинцы собрались въ числѣ до 4 тысячъ человѣкъ и вознамѣрились сдѣлать нападеніе на Павловскую крѣпость; но, узнавъ въ то-же время о приближеніи къ нимъ русскихъ войскъ, оставили это намѣреніе и разсѣялись по домамъ. Тѣмъ не менѣе мѣры предостроржности не были ослабляемы. Между-прочимъ было запрещено продавать кабардинцамъ въ Моздокѣ и Кизлярѣ всѣ предметы, которые могли-бы служить имъ для вооруженія.

Своевременное принятіе всѣхъ этихъ мѣръ оказалось не лишнимъ, ибо въ декабрѣ того-же 1778 года кабардинцы снова

Кавказѣ въ смыслѣ знакомаго, пріятеля; это слово вошло въ употребленіе даже между русскимъ населеніемъ. Въ прежнее, боевое время кунаками назывались сильные и вліятельные люди или цѣлыя племена, подъ покровительство и защиту которыхъ отдавались наиболѣе слабые. Такимъ образомъ и кабардинцы, заявивъ о томъ, что они никогда не были подданными Россіи, высказывали лишь, что, сдѣлавшись кунаками Россіи, они только расчитывали пріобрѣсти сильное покровительство, ничѣмъ сами не жертвуя за то, по смыслу значенія куначества.

собрались произвести нападенія на вновь воздвигнутыя крѣпости, но опять-таки были удержаны нашими войсками и приведены однѣми угрозами въ такое положеніе, что должны были возобновить присягу на вѣрность Россіи, причемъ старшіе владѣльцы изъ наиболѣе знатнѣйшихъ фамилій клятвенно поручились другъ за друга въ точномъ исполненіи этой присяги.

Такъ-какъ подобнаго рода результаты достигались лишь вслѣдствіе преобладанія на сторонѣ русскихъ физической силы, побороть которую кабардинцы не въ состояніи были, то и естественно, что всѣ ихъ изъявленія о вѣрности и преданности были не болѣе, какъ ничего незначащія слова. Въ глубинѣ-же души своей кабардинскіе владѣльцы продолжали питать къ русскимъ непримиримую ненависть и въ тайнѣ лелѣяли надежду рано или поздно восторжествовать надъ ними и жестоко отмстить имъ.

Какъ мы видѣли выше, простой кабардинскій народъ не сочувствовалъ стремленію владѣльцевъ и принималъ весьма слабое участіе въ предпріятіяхъ ихъ. Поэтому кабардинскіе владѣльцы вошли въ тайныя сношенія съ закубанскими жителями и другими сосѣдними горцами, съ которыми и заключили союзъ для совокупныхъ непріятельскихъ дѣйствій противъ русскихъ войскъ.

Планъ этотъ былъ приведенъ въ исполненіе весною 1779 г. Кабардинцы изъ Большой и Малой Кабарды, соединившись съ закубанскими черкесами—бесленеевцами и темиргоевцами, переправились черезъ р. Малку, расположились на р. Золкѣ, въ 7 верстахъ отъ крѣпости Марьинской, и грозно потребовали, чтобы всѣ крѣпости, за исключеніемъ Екатериноградской, были немедленно срыты на глазахъ ихъ. Такъ-какъ, само-собою разумѣется, это требованіе не было выполнено, кабардинцы прежде всего распорядились пресѣчь сообщеніе между Марьинскою и Екатериноградскою крѣпостями и разослали сильныя партіи ко всѣмъ крѣпостямъ на границѣ ихъ земель. Всѣ эти набѣги были произведены довольно удачно и имѣли послѣдствіемъ 85 человѣкъ убитыхъ со стороны русскихъ; при этомъ на долю непріятеля досталось до 5 тысячъ штукъ рогатаго скота. Не смотря однакоже на этотъ успѣхъ, кабардинцамъ не удалось овладѣть ни одною изъ крѣпостей, не взирая на то даже, что въ крѣпости Андреевской подкупленный ими одинъ армянинъ сдѣлалъ пожаръ въ то время, когда они приближались къ крѣпости.

Въ основаніи такихъ смѣлыхъ наступательныхъ дѣйствій кабардинцевъ была надежда на помощь со стороны Турціи, ко-

торая тогда видимо готовилась къ войнѣ съ Россіею за крымскія дѣла, а также распространенныя въ Кабардѣ ложныя извѣстія о томъ, что будто-бы въ Крыму русскія войска потерпѣли окончательное пораженіе, вслѣдствіе чего должны были оставить всѣ укрѣпленія, возведенныя по р. Кубани генераломъ Суворовымъ. Кромѣ того, успѣху кабардинцевъ содѣйствовало и то обстоятельство, что генералъ Якоби, стоявшій съ отрядомъ у крѣпости Павловской, имѣлъ при себѣ войска не болѣе 2-хъ тысячъ человѣкъ и потому, безъ видимой опасности, не могъ раздѣлить этого войска на мелкіе отряды для преслѣдованія непріятельскихъ партій. Чтобы хотя какимъ-нибудь путемъ удержать кабардинцевъ отъ нападеній на русскихъ, генералъ Якоби предписалъ всѣхъ находившихся въ Кизлярѣ кабардинцевъ засадить въ острогъ и употреблять на тяжкія работы, а взрослыхъ аманатовъ заковать въ кандалы, «чтобы чувствовали продерзость своихъ отцовъ»; вскорѣ потомъ эти заложники были отправлены въ г. Астрахань.

Всѣ эти строгости однако-же плохо вліяли на кабардинцевъ, которые продолжали свои враждебныя дѣйствія еще съ большимъ ожесточеніемъ.

Въ то время, когда закубанскіе черкесы, въ числѣ 1500 человѣкъ, осаждали Ставропольскую крѣпость, кабардинская партія въ такомъ-же числѣ подступила къ Алексѣевскому редуту, а чеченцы у Калиновской станицы Моздокскаго казачьяго полка напали на транспортъ и разграбили его, взявъ нѣсколько человѣкъ въ плѣнъ, — и главныя силы кабардинцевъ, состоявшія изъ 6 тысячъ человѣкъ, рѣшились также напасть на русскихъ. 5 іюня, кабардинцы, раздѣлившись на три партіи, совершили это нападеніе: одна партія напала на калмыковъ, гребенскихъ и семейныхъ казаковъ, шедшихъ на подкрѣпленіе къ генералу Якоби, другая—на лагерь Якоби и третья — на Павловскую крѣпость; но всюду кабардинцы были отражены, потерявъ убитыми 120 человѣкъ.

Чрезъ три дня послѣ этого пораженія, кабардинцы опять сдѣлали попытку напасть на генерала Якоби, но, снова потерпѣвъ неудачу, направились къ Марьинской крѣпости, отстоявшей отъ Павловской въ 12 верстахъ и охранявшейся гарнизономъ изъ 224 человѣкъ, подъ командою капитана Баса. Кабардинцы расположились около этой крѣпости и, получивъ тогда-же сильное подкрѣпленіе отъ прибывшихъ къ нимъ закубанскихъ черкесъ, чеченцевъ и другихъ горскихъ народовъ, въ ночь на 9-е іюня приступили къ устройству траншей, которыя шли ко рву Марьин-

ской крѣпости съ двухъ сторонъ. Во все это время непріятель, засѣвши въ траншеяхъ, производилъ по крѣпости сильную пальбу, подвергаясь самъ дѣйствію выстрѣловъ изъ крѣпости. Въ такомъ осадномъ положеніи Марьинская крѣпость оставалась почти двое сутокъ.

10 іюня генералъ Якоби выступилъ изъ Павловской крѣпости на помощь гарнизону Марьинской. Изъ имѣвшейся въ отрядѣ пѣхоты генералъ Якоби построилъ три каре и, соединивъ интервалы конницею, двинулся въ такомъ порядкѣ по дорогѣ къ крѣпости Марьинской. Кабардинцы, увидѣвъ приближеніе этого отряда, заложили въ траншеяхъ 500 человѣкъ, а всѣ остальныя силы поставили въ боевой порядокъ на возвышенности, окружающей Марьинскую крѣпость со стороны къ Павловской. Непріятельская линія заняла пространство болѣе четырехъ верстъ и была растянута такимъ образомъ нарочно, съ цѣлью показать русскимъ свои многочисленныя силы. Этотъ маневръ однако-же не испугалъ и не остановилъ движенія генерала Якоби. Молча и твердо войска его подвигались впередъ. Когда генералъ Якоби съ своимъ отрядомъ сталъ приближаться къ подошвѣ тѣхъ высотъ, которыя были заняты непріятелемъ, то послѣдній началъ собираться въ три кучи, очевидно имѣя намѣреніе напасть разомъ на всѣ три каре. Отгадавъ это намѣреніе и не ожидая приведенія его въ исполненіе, генералъ Якоби съ своимъ отрядомъ самъ двинулся въ атаку на непріятеля, приказавъ открыть пальбу изъ орудій и ружей лишь въ то время, когда непріятель будетъ находиться не далѣе полружейнаго выстрѣла.

Непріятель, взбѣшенный смѣлымъ движеніемъ русскихъ, цѣлою массою бросился заразъ на всѣ три каре и особенно устремилъ свой натискъ на среднее, гдѣ находился самъ генералъ Якоби. Несмотря на то, что непріятель былъ встрѣченъ сильнымъ пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ, онъ не измѣнилъ своего намѣренія, отчаянно бросался почти подъ самый фронтъ, но терпѣлъ неудачу. Потомъ всѣми силами непріятель бросился на правый флангъ и завязалъ сильную свалку съ казаками. Часть кабардинцевъ, не замѣтивъ расположенія каре, устремилась-было на задніе фланги, расчитывая дѣйствовать съ тылу, но, встрѣченная дружнымъ огнемъ, и тутъ должна была отступить и дѣйствовать въ разсыпную, но уже на такомъ разстояніи, когда ихъ выстрѣлы не причиняли вреда русскимъ; только одиночные наѣздники изрѣдка подскакивали къ фронту. Оправившись нѣсколь-

ко, кабардинцы снова собрались въ одну кучу и сдѣлали новый натискъ на лѣвый флангъ; но, вѣроятно, кабардинцамъ не суждено было выйти побѣдителями, ибо и на этотъ разъ они потерпѣли неудачу и, будучи опрокинуты, обратились въ бѣгство, преслѣдуемые пушечными выстрѣлами. Непріятелями окончательно овладѣлъ паническій страхъ и всякій изъ нихъ стремился искать спасенія въ бѣгствѣ.

Въ то время, когда кабардинцы усиливались разбить отрядъ генерала Якоби и потерпѣли пораженіе, начальствовавшій въ Марьинской крѣпости капитанъ Басъ сдѣлалъ вылазку съ своимъ гарнизономъ и выбилъ изъ траншей залегшихъ тамъ черкесовъ, изъ коихъ 97 человѣкъ остались на мѣстѣ убитыми.

Описанный бой продолжался втеченіи шести часовъ. Скопище нападавшаго непріятеля простиралось до 15 тысячъ человѣкъ. Кабардинцы потеряли въ этомъ бою убитыми 50 человѣкъ владѣльцевъ и узденей и 500 человѣкъ другихъ званій и народностей. Потеря съ нашей стороны ограничилась 8-ю убитыми и 44 человѣками раненыхъ.

Какъ оказалось по осмотрѣ непріятельской позиціи, кабардинцы намѣрены были вести правильную осаду крѣпости, и особенно замѣчательнымъ было то, что ими работа траншей производилась лишь кинжалами, да небольшими деревянными лопатками. Этими нехитрыми инструментами непріятель успѣлъ довольно искусно совершить, менѣе чѣмъ въ сутки, половину траншейныхъ работъ. Въ то-же время кабардинцы занимались изготовленіемъ изъ деревянныхъ брусьевъ щитовъ, вѣроятно для наступленія на крѣпость и прикрытія осадныхъ работъ. Одинъ изъ такихъ щитовъ (мантлетъ) уже былъ готовъ и поставленъ довольно умѣло на шесть колесъ.

Послѣ этого неудачнаго предпріятія кабардинцевъ, втеченіи мѣсяца спокойствіе въ краѣ ничѣмъ не было нарушаемо. Кабардинскіе владѣльцы раскаялись и просили прощенія, обязуясь уплатить русскимъ вдвойнѣ всѣ убытки, причиненные ихъ возстаніемъ; но при этомъ умоляли лишь о томъ, чтобы крѣпости Павловская, Марьинская и Георгіевская были уничтожены. Кабардинцы утверждали, что занятіемъ подъ эти крѣпости земель, они стѣснены въ пастьбѣ своихъ многочисленныхъ стадъ, которыя безъ этихъ земель они принуждены держать въ тѣснотѣ, въ жилищахъ своихъ. Какъ и прежде, кабардинцамъ въ этой просьбѣ было отказано.

Въ виду повторенія отказа, кабардинцы рѣшились еще одинъ разъ попытать силою уничтожить ненавистныя имъ крѣпости. 17 іюля, партія кабардинцевъ, состоявшая изъ 5 тысячъ человѣкъ, приблизилась къ Георгіевской крѣпости, выжегши по пути на корню весь хлѣбъ и заготовленное русскими сѣно. Противъ этой партіи были высланы казаки, которые и принудили кабардинцевъ отступить. Тѣмъ не менѣе кабардинцы, раздѣлившись на небольшія партіи, старались пресѣчь сообщеніе между крѣпостями, убивали людей, опустошали поля и сѣнокосы.

Въ концѣ августа мѣсяца, кабардинцы, въ числѣ 3-хъ тысячъ человѣкъ, въ 10 верстахъ отъ крѣпости Георгіевской, напали на горскій егерскій баталіонъ, сопровождавшій провіантскій транспортъ, шедшій изъ Царицына на Кавказскую линію, но были отражены съ потерею до 600 человѣкъ убитыми. Потерпѣвшіе неудачу кабардинцы, чтобы хотя чѣмъ-нибудь насолить русскимъ, зажгли въ полѣ, вокругъ транспорта, траву.

27 сентября партія кабардинцевъ въ тысячу человѣкъ довольно удачно напала на команду солдатъ изъ 80 человѣкъ, прикрывавшую перевозку сѣна. При этомъ нападеніи кабардинцы убили одного офицера и 41 человѣка нижнихъ чиновъ, отбивъ одну пушку со всѣми къ ней принадлежностями.

Однако-же кабардинцамъ не суждено было слишкомъ долго наслаждаться плодами этой послѣдней удачи. За день передъ счастливымъ событіемъ для кабардинцевъ, къ генералу Якоби прибылъ въ подкрѣпленіе генералъ-маіоръ Фабриціанъ съ отрядомъ свѣжихъ войскъ. Воспользовавшись прибытіемъ этого подкрѣпленія, генералъ Якоби рѣшился немедленно дѣйствовать противъ кабардинцевъ наступательно и наказать ихъ за всѣ совершенныя ими злодѣянія. Главныя силы кабардинцевъ были расположены въ то время лагеремъ на одномъ изъ острововъ р. Малки, въ 10 верстахъ отъ Павловской крѣпости — мѣстопребыванія русскихъ войскъ.

29 сентября генералъ Фабриціанъ выступилъ изъ лагеря съ двумя егерскими баталіонами, двумя ротами полевого моздокскаго баталіона, одною тысячью казаковъ и одною тысячью калмыковъ. Построивъ изъ пѣхоты три каре и сомкнувъ ихъ въ интервалахъ казаками и калмыками, генералъ Фабриціанъ двинулся въ такомъ порядкѣ къ р. Малкѣ, черезъ которую и переправился въ 3-хъ верстахъ ниже кабардинской стоянки. Послѣ этого генералъ отправилъ бывшихъ въ его отрядѣ казаковъ и

калмыковъ для захвата кабардинскихъ табуновъ, а самъ съ тремя пѣхотными каре зашелъ въ тылъ кабардинцамъ. Въ то-же самое время прибылъ къ Малкѣ и генералъ Якоби съ двумя баталіонами Томскаго и однимъ баталіономъ Кабардинскаго пѣхотныхъ полковъ, 10-ю эскадронами Владимірскаго драгунскаго полка, Моздокскимъ казачьимъ полкомъ и другими казаками. Составивъ изъ пѣхоты также три каре и расположивъ кавалерію на флангахъ, генералъ Якоби занялъ позицію противъ передняго фаса лагеря кабардинцевъ. Такимъ образомъ кабардинцы оказались окруженными со всѣхъ сторонъ. Замѣтивъ это, бывшіе съ кабардинцами закубанскіе черкесы покусились-было спастись бѣгствомъ и съ этою цѣлью успѣли уже пробраться на лѣвый берегъ Малки, верстахъ въ 3-хъ выше праваго фланга отряда генерала Якоби; но движеніе это во время было замѣчено и для преслѣдованія бѣгущаго непріятеля былъ посланъ Моздокскій казачій полкъ, который, преградивъ путь бѣгущимъ, принудилъ ихъ, съ большою потерею, возвратиться въ лагерь къ кабардинцамъ. Затѣмъ отрядъ генерала Фабриціана произвелъ атаку на позицію, занятую кабардинцами.

Втеченіи 5 часовъ кабардинцы упорно и стойко выдерживали убійственный огонь наступавшихъ на нихъ русскихъ войскъ и въ концѣ битвы дошли до такого ожесточенія и самозабвенія, что никто изъ нихъ не захотѣлъ сдаться генералу Фабриціану, который, въ виду этого упорства, вынужденъ былъ вступить съ кабардинцами въ рукопашный бой и истребить почти всѣхъ, кто былъ въ ихъ лагерѣ. Этимъ только и окончилось сраженіе.

На атакованной генераломъ Фабриціаномъ позиціи находились только владѣльцы и уздени, а лагерь главныхъ силъ кабардинцевъ былъ расположенъ въ 6 верстахъ выше по рѣкѣ. Всѣ эти силы, узнавъ о пораженіи владѣльцевъ и узденей, сочли за лучшее во-время бѣжать. На долю русскихъ войскъ достался весь кабардинскій лагерь съ багажемъ; тамъ-же была взята и отбитая кабардинцами нѣсколько дней тому назадъ пушка, со всѣми ея принадлежностями. Со стороны русскихъ въ этомъ бою было убито 16 человѣкъ и ранено 3 человѣка. Кабардинцы-же потеряли убитыми до 300 человѣкъ молодыхъ владѣльцевъ и узденей.

Послѣ этого нанесеннаго кабардинцамъ пораженія, генералъ Якоби расположился съ своимъ отрядомъ на р. Малкѣ.

Кабардинцы, обезкураженные частыми неудачами и особенно послѣднимъ пораженіемъ, принуждены были затаить свою зло-

бу и вновь изъявить свое раскаяніе. Черезъ присланныхъ депутатовъ они вымаливали себѣ прощеніе; но генералъ Якоби, зная по опыту коварство кабардинцевъ, не вѣрилъ въ искренность выражаемыхъ ими смиренія и раскаянія и предвидѣлъ, что они изъявленіемъ притворнаго раскаянія желаютъ только обезпечить себѣ спокойствіе на предстоявшую зиму, т. е. на то время, когда для нихъ веденіе войны вообще не представляетъ удобствъ. Поэтому, не желая поддаться на хитрую уловку кабардинцевъ и дать имъ время оправиться и отдохнуть, а также имѣя въ виду довершить успѣхъ своего похода наиболѣе существеннымъ и прочнымъ образомъ, генералъ Якоби 28 ноября съ отрядомъ войскъ вступилъ въ предѣлы Большой Кабарды. Это движеніе русскаго отряда до такой степени устрашило кабардинцевъ, что они, какъ равно и жители Малой Кабарды, чистосердечно стали умолять о пощадѣ, клялись въ вѣрности, покорности и неизмѣнномъ подданствѣ россійско-императорскому престолу и обязывались сдѣлать удовлетвореніе за всѣ произведенные ими захваты, не требуя никакого вознагражденія за понесенные ими потери и убытки.

Просьба кабардинцевъ была уважена и 9 декабря они были приведены къ присягѣ, которая содержала въ себѣ исчисленіе всѣхъ данныхъ ими клятвъ, измѣнъ и монаршихъ прощеній; при этомъ кабардинцы клятвенно обязывались: признавать себя за подданныхъ рабовъ россійско-императорскаго престола, оружіемъ покоренныхъ, быть вѣрными императорскому престолу, исполнять всѣ повелѣнія, извѣщать русское начальство о всѣхъ злоумышленіяхъ, сопротивляться, гдѣ-бы то ни было, врагамъ Россіи, не противиться исполненію требованій поставленнаго къ нимъ начальства и соблюдать спокойствіе въ Кабардѣ. Въ случаѣ нарушенія кѣмъ-либо этого клятвеннаго обѣщанія, кабардинцы обязывались избѣгать съ такими людьми всякихъ сношеній, извѣщать о нихъ начальство, не почитать ихъ за своихъ собратьевъ и объявлять вольными всѣхъ подвластныхъ имъ людей. Кромѣ этой общей присяги, кабардинскій черный народъ обязался взаимнымъ поручительствомъ въ томъ, что если владѣльцы ихъ уйдутъ въ другое мѣсто, не слѣдовать за ними, не повиноваться имъ, отречься отъ зависимости и предаться на волю и защиту русскаго правительства.

Независимо отъ вышеприведенной присяги, владѣльцы, уздени и весь народъ Большой и Малой Кабарды дали письменное обязательство, также утвержденное клятвою на коранѣ и печа-

тями старшихъ владѣльцевъ, заключавшее въ себѣ, кромѣ данныхъ подъ присягою обѣщаній, еще слѣдующія условія:

«За всѣ похищенія, произведенныя черкесами въ 1779 году, не полагая въ замѣну взятаго у нихъ въ наказаніе на продовольствіе русскихъ войскъ, доставить: денегъ 10 т. рублей; лошадей 2150; рогатаго скота 4759 головъ и овецъ 4539, въ уравненіе утратъ россійскихъ поселянъ».

«Возвратить бѣглецовъ и плѣнныхъ россійскихъ, захваченныхъ въ минувшее замѣшательство и прежде, всѣхъ безъ изъятія, какіе только есть въ Кабардахъ».

«При всякомъ похищеніи, кто-бы оное ни учинилъ въ россійскихъ границахъ, изъ кабардинцовъ и другихъ народовъ, если слѣдъ падетъ на кабардинскія земли, или будетъ на кого изъ кабардинцовъ несомнительное подозрѣніе, платить и очищать свои дачи и себя».

«Чертою границы кабардинской къ Россіи поставляется: отъ Большой Кабарды рѣка Малка, а отъ Малой Кабарды—Терекъ. На лѣвыхъ берегахъ сихъ рѣкъ кабардинцы не должны ни земледѣлія производить, ни скота содержать, потому, что если они прежде сими мѣстами пользовались, то единственно по позволенію россійскаго начальства, коковаго снисхожденія кабардинцы поведеніемъ своимъ теперь сдѣлались недостойны».

«Въѣздъ въ линію, по причинѣ дерзновеній кабардинскихъ, не иначе имъ позволяется, какъ по билетамъ россійскаго правительства при кабардинцахъ, за ручательствомъ старшаго владѣльца Джанхота Татарханова даннымъ. Входъ-же въ крѣпости совсѣмъ имъ запрещается; а когда начальникъ крѣпости и согласится ихъ впустить, то не инако, какъ чтобы владѣлецъ имѣлъ при себѣ только двухъ вооруженныхъ узденей, уздень одного вооруженнаго холопа, а простой безоруженъ».

«Съ кубанцами вообще и съ поколѣніями тамо обитающими порознь не должны входить ни въ совѣщанія, ни въ защищеніе ихъ; да и не пускаться въ воровскіе промыслы ни къ нимъ, ни къ другимъ народамъ, довольствуясь собственностію. Малой Кабардѣ все то исполнять въ отношеніи чеченцевъ».

«Черному народу позволяется отходить отъ владѣльцовъ и переселяться внутрь линіи, въ случаѣ если будутъ утѣсняемы излишними поборами и другимъ образомъ, или принуждаемы къ противнымъ Россіи предпріятіямъ и дѣйствіямъ. Дается также оному народу увѣренность, что кто изъ нихъ пожелаетъ принять хри-

стіанскій законъ, приняты будутъ, и владѣльцы не должны въ томъ имъ препятствовать» *).

«Осетинцамъ поколѣній дугорскаго, каражавскаго, куртатскаго, олагирскаго, тагаурскаго, также ингушамъ и всѣмъ прочимъ состоящимъ въ россійскомъ подданствѣ, преемлющимъ святое крещеніе и переселяющимся въ Моздокъ и въ другія мѣста линіи, не только въ томъ не препятствовать, но отнюдь ихъ никоимъ образомъ не притѣснять, ибо кабардинцы всѣ притязанія на нихъ имѣли по одному праву сильнѣйшихъ. Въ случаѣ какихъ-либо обидъ отъ нихъ кабардинцамъ, приносить жалобу россійскимъ начальствамъ, а самимъ не управляться».

«Во всѣхъ взаимныхъ между-собою домашнихъ обидахъ должны искать правосудія у старшаго владѣльца Джанхота Татарханова и у россійскаго при Кабардахъ пристава, а самимъ не управляться; особливо избѣгать кровомщенія, которое противно Богу и преданіямъ Магомета. Кто-же россійскими людьми будетъ обиженъ, искать удовлетворенія чрезъ пристава» **).

Помимо этихъ общихъ для всѣхъ кабардинцевъ условій, владѣльцы и уздени Малой Кабарды обязаны были ни въ какихъ случаяхъ не оказывать помощи Большой Кабардѣ, даже если-бы было сдѣлано нападеніе на нее какими-либо иноплеменными народами; въ этихъ случаяхъ защиту кабардинцевъ принимала Россія на себя.

Наконецъ, въ виду того, что простой народъ Малой Кабарды заявилъ жалобу на различныя притѣсненія и обиды со стороны владѣльцевъ, эти послѣдніе, въ присутствіи избранныхъ отъ чернаго народа старшковъ, сдѣлали постановленіе, утвержденное присягою и печатями, слѣдующаго содержанія:

«Владѣльцамъ и узденямъ подвластный имъ черный народъ не притѣснять, излишней подати не требовать, а содержать точно на основаніи обычаевъ отъ предковъ и отцовъ ихъ; паче-же

---

*) По поводу этого пункта въ ордерѣ князя Потемкина отъ 20 декабря 1782 года было выражено: „Нужно и впредь давать пристанище бѣдному народу отъ притѣсненія князьковъ своихъ убѣгающему. Такимъ образомъ, не только чернь будетъ имѣть способъ избавиться отъ порабощенія, но и владѣльцы, лишась подданныхъ, не въ состояніи уже будутъ производить каковыхъ-либо безпокойствъ; и сіе послужитъ надежнымъ способомъ къ обезпеченію границъ нашихъ. Дачу земли подъ поселеніе производить имъ по примѣру губерніи Новороссійской, не воспрещается впрочемъ и самимъ владѣльцамъ переселяться за линію".

*) Мат. для Нов. Исторіи Кавказа, П. Буткова, ч. II, стр. 59 и 60.

всего, ихъ самихъ холоповъ, женъ и дѣтей ихъ и имѣющихся при нихъ обоего пола холоповъ-же, не только куда въ чужія руки отдавать, продавать и дарить, но и къ себѣ въ домъ не брать; а что предъ симъ за 2 года у нихъ отнято, нынѣ возвратить, и за принесенную имъ справедливую жалобу отнюдь упрековъ и мщенія не чинить. Если-же кто вопреки всего вышеписаннаго поступитъ, то долженъ лишиться своихъ холоповъ вѣчно» *).

Предъявленіемъ кабардинцамъ къ исполненію всѣхъ упомянутыхъ условій имѣлось въ виду пресѣчь враждебную связь ихъ съ сосѣдними народами, укротить склонность ихъ къ хищничеству, что влагалось въ нихъ тогдашнимъ воспитаніемъ и считалось національною добродѣтелью, отнять доходы, получаемые ими отъ покоренныхъ въ прежнія времена иноплеменныхъ народовъ, отмѣнить существовавшій у нихъ обычай расправляться каждому самосудомъ въ уголовныхъ дѣлахъ и, наконецъ, привлечь на нашу сторону черный народъ, принявъ его подъ свое покровительство.

IV.

Стремленіе кабардинцевъ къ переселенію.—Продолженіе укрѣпленій на границахъ Кабарды.—Учрежденіе кабардинской милиціи.—Война съ Турціею въ 1787 году и участіе въ ней кабардинцевъ.—Попытки Турціи склонить кабардинцевъ на свою сторону.—Походъ Баталъ-паши въ Кабарду.—Хищническіе набѣги кабардинцевъ.—Введеніе новыхъ порядковъ въ Кабардѣ и утвержденіе родовыхъ и расправныхъ судовъ.—Обращеніе кабардинцевъ къ покровительству Турціи.—Возстаніе въ Кабардѣ.

Наученные прошлымъ горькимъ опытомъ, кабардинцы наконецъ должны были признать свое безсиліе и подчиниться исполненію взятыхъ ими на себя обязательствъ.

Втеченіи 1780 и 1881 годовъ кабардинцы представляли замѣчательный примѣръ кротости и покорности, ни малѣйшимъ зна-

*) Тамъ-же, стр. 61.

комъ неудовольствія не препятствовали постройкѣ въ предѣлахъ ихъ владѣній крѣпости Константиногорской, возвращали бѣглецовъ и плѣнныхъ русскихъ, давали удовлетвореніе за все похищенное, взыскивая съ каждаго укрывателя кражи или краденаго штрафъ въ восемь разъ противъ стоимости похищеннаго; словомъ, всѣ принятыя кабардинцами обязательства выполнялись ими съ пунктуальною точностью и вообще они держали себя весьма похвально и съ примѣрнымъ достоинствомъ.

Само-собою разумѣется, что главными причинами такого примѣрнаго поведенія кабардинцевъ были крайняя необходимость и безъисходное ихъ положеніе, вызванныя пораженіями, которыя понесли они въ 1779 году. Поэтому на прочность и продолжительность такого поведенія расчитывать нельзя было: злоба и ненависть къ русскимъ пустили слишкомъ глубокіе корни и тѣмъ болѣе были опасны, что лелѣялись втайнѣ, до проявленія ихъ при удобномъ случаѣ. Конечно, случай этотъ, при безсиліи кабардинцевъ и въ виду еще свѣжихъ воспоминаній о пораженіи, могъ представиться не скоро; но враждебные инстинкты не могли заглушаться сознаніемъ безсилія.

Тягостное положеніе кабардинцевъ вызвало въ то время у нихъ стремленіе къ переселенію. Нѣкоторые изъ нихъ возъимѣли намѣреніе переселиться въ Грузію, а 500 семействъ задумали пробраться въ ахалцихскій пашалыкъ. Все это замышлялось съ вѣдома грузинскаго царя Ираклія, который для встрѣчи и принятія кабардинцевъ выслалъ въ Дарьялъ военную команду, на обязанность которой было возложено огражденіе переселенцевъ отъ нападенія осетинъ, обитавшихъ въ Терскомъ ущельи. Замыслы эти своевременно были обнаружены русскимъ правительствомъ и кабардинцамъ воспрещено предпринятое переселеніе.

Съ наступленіемъ 1783 года владѣльцы и уздени Большой и Малой Кабарды, черезъ выбранныхъ депутатовъ, въ числѣ трехъ отъ владѣльцевъ и трехъ отъ узденей, обратились съ просьбою къ князю Потемкину, бывшему тогда уполномоченнымъ по азіатскимъ дѣламъ, о возстановленіи правъ ихъ на древнихъ данниковъ, о позволеніи имъ держать скотъ свой на пастьбѣ въ предѣлахъ занятой русскими линіи, не принимать бѣжавшихъ отъ нихъ холоповъ и возвратить тѣхъ изъ нихъ, которые до того уже бѣжали изъ Кабарды. На просьбу эту князь Потемкинъ, 31 іюля того-же года, отвѣчалъ письмомъ къ «высокостепеннымъ и

знаменитымъ владѣльцамъ народа кабардинскаго и благороднымъ узденямъ» слѣдующее:

«Что требованіе податей съ прежнихъ данниковъ ихъ, въ горахъ пребывающихъ, имъ не воспрещается, за исключеніемъ однако изъ того народовъ, пользующихся покровительствомъ россійской имперіи».

«Что паства табуновъ внутрь линіи имъ позволяется; и предписано генералъ-поручику Потемкину назначить для того мѣста, никому не отведенныя».

«Что ежели поборы, коими отягощены подданные ихъ, приведены будутъ въ умѣренность, сообразную съ возможностію, то чрезъ сіе самое удержатся они въ надлежащей отъ владѣльцовъ зависимости, и на линію не пойдутъ, особливо ежели сдѣлано будетъ установленіе ко взаимному между народомъ и владѣльцами пресѣченію несогласій».

«Что въ отношеніи къ захватамъ, у нихъ чинимымъ въ возмездіе (баранта) за ихъ хищенія, предписано наблюдать, дабы отнюдь взысканіемъ оныхъ кабардинцы излишне отягощены не были».

«Что перемѣна чрезъ два или три года присылаемыхъ отъ нихъ аманатовъ позволяется» *).

Въ просьбѣ-же кабардинцевъ о возвращеніи имъ бѣжавшихъ отъ нихъ холоповъ было отказано. Напротивъ, князь Потемкинъ сдѣлалъ подтвержденіе о томъ, чтобы на нашихъ границахъ безпрепятственно были принимаемы люди, убѣгающіе отъ притѣсненій своихъ владѣльцевъ. Этимъ дозволеніемъ, помимо того, чтобы доставить угнетаемымъ подвластнымъ кабардинскихъ владѣльцевъ возможность избавиться отъ рабства и притѣсненій, имѣлось въ виду главнымъ образомъ обезсилить самихъ владѣльцевъ.

Какъ ни тягостно и печально было положеніе кабардинцевъ въ то время, но они переносили его безропотно, питая надежду на лучшее будущее, которое, по ихъ мнѣнію, могло устроиться при содѣйствіи Турціи и Крыма. Однако-же надеждамъ этимъ не суждено было осуществиться: ближайшая и послѣдняя опора кабардинцевъ—Крымъ въ то время былъ присоединенъ къ Россіи. Послѣ извѣстія объ этомъ событіи кабардинцы окончательно упали духомъ и, не видя исхода своему положенію, рѣшились на

*) Тамъ-же, стр. 108.

переселеніе подальше отъ занятой русскими линіи. Правительство наше не препятствовало этому переселенію и не придавало ему никакого особеннаго значенія въ той надеждѣ, что весь черный народъ отстанетъ отъ владѣльцевъ. Однако-же переселеніе это, вслѣдствіе противодѣйствія вліятельнѣйшаго изъ кабардинскихъ владѣльцевъ Мисоста Баматова, не состоялось и кабардинцы остались на своихъ прежнихъ мѣстахъ жительства.

Втеченіи 1784 и 1785 годовъ спокойствіе въ Кабардѣ ничѣмъ не нарушалось и никакихъ выдающихся событій въ періодъ этого времени не случилось.

1 апрѣля 1785 года жители Большой Кабарды избрали старшимъ владѣльцемъ надъ собою—*валіемъ*—Мисоста Баматова, о которомъ уже не разъ упоминалось выше *). Всѣ заботы кабардинцевъ въ это время сосредоточивались, главнѣйшимъ образомъ, на обсужденіи и составленіи различныхъ правилъ для установленія внутреннихъ распорядковъ въ странѣ и улучшенія быта крестьянъ и подвластныхъ кабардинскимъ владѣльцамъ лицъ.

Тѣмъ временемъ русское правительство, желая если не совсѣмъ пресѣчь, то, по-меньшей-мѣрѣ, затруднить сообщеніе кабардинцевъ съ закубанцами и вообще достигнуть возможности положить предѣлъ необузданному своевольству кабардинцевъ, рѣшило возвести укрѣпленіе въ верховьяхъ Кубани, у такъ называемаго «каменнаго моста», т. е. на главномъ пути сообщенія Кабарды съ Закубанью. Тогда-же было предположено перенести крѣпость Константиногорскую на самый берегъ Кубани и возвести ее напротивъ жилищъ абазинцевъ.

Затѣмъ, пользуясь спокойствіемъ въ Кабардѣ и желая приручить кабардинцевъ, а также занять какимъ-нибудь дѣломъ скучающую молодежь, привыкшую къ подвижной и походной жизни, князь Потемкинъ предположилъ учредить изъ нихъ и изъ числа другихъ кавказскихъ горцевъ милицію; но, прежде чѣмъ привести въ исполненіе это предположеніе, князь Потемкинъ сообщилъ о немъ кабардинскимъ владѣльцамъ, предлагая имъ дать свое мнѣніе по этому предмету. Кабардинцы на это предложеніе отвѣтили

*) Валій — собственно значитъ владѣтель; валій-же въ Кабардѣ — это бывшій верховный правитель народа. Въ Большой Кабардѣ около 1807 года, временно, было два валія: одинъ въ Мисостовой и Атажукиной, другой— въ Бекмурзиной и Кайтукиной фамиліяхъ. Валіи избирались народомъ изъ княжескихъ владѣльческихъ фамилій и преимущество въ выборѣ давалось старшему по лѣтамъ владѣльцу.

просьбою не устанавливать между ними новой формы воинской повинности, а нарядъ отъ нихъ войскъ оставить на прежнемъ основаніи, т. е. позволить выставлять, въ случаѣ надобности, трехъ владѣльцевъ, по одному изъ каждаго рода, предоставивъ право этимъ владѣльцамъ самимъ набирать потребное число людей изъ другихъ сословій. Вмѣстѣ съ тѣмъ кабардинцы изъявили согласіе охранять собственными силами всѣ броды въ верховьяхъ р. Кубани и отвѣтствовать за появленіе въ этихъ мѣстахъ враждебныхъ Россіи людей и вообще злодѣевъ.

Не смотря на этотъ отвѣтъ, очевидно указывавшій на то, что кабардинцы желаютъ отвильнуть и не служить въ предполагаемой милиціи, князь Потемкинъ, 24 декабря 1786 года, прислалъ кабардинцамъ отъ имени своего грамоту, слѣдующаго содержанія:

«Вѣрнымъ ея императорскаго величества подданнымъ князьямъ, узденямъ и всему кабардинскому народу.

«Высочайшее матернее ея императорскаго величества о васъ попеченіе всегда состояло въ томъ, чтобы поставить васъ въ благополучнѣйшее состояніе, доставить всѣ возможныя выгоды, какъ вѣрнымъ своимъ подданнымъ. Депутаты ваши въ бытность свою здѣсь довольно могли насмотрѣться, коликихъ благъ отъ милосердой ея десницы ожидать можно *). Хотя случаи несчастные, а можетъ-быть и совѣты пагубные вовлекали васъ неоднократно нарушать вѣрность подданническую, но принеся чистосердечное покаяніе передъ ея императорскимъ величествомъ, всемилостивѣйше прощены вы во всемъ. Теперь настало время доказать вамъ свою вѣрность точнымъ исполненіемъ высочайшаго о васъ распоряженія, къ вашему благу клонящагося, и состоящаго въ слѣдующемъ:

1-е. Обѣ Кабарды должны составлять общество военное, по примѣру прочихъ легкихъ войскъ. Князьямъ и узденямъ отворяется путь къ степенямъ по службѣ ихъ. Подданные ихъ, бѣжавшіе отъ нихъ, возвращаются къ своимъ помѣщикамъ, съ обязательствомъ добраго содержанія; и если настоящее мѣстопребываніе обѣихъ Кабардъ для нихъ тѣсно и невыгодно, то могутъ они требовать лучшихъ, пространныхъ и привольныхъ мѣстъ, какія только есть праздныхъ въ имперіи россійской.

---

*) Депутаты, о которыхъ упоминается здѣсь, были представлены императрицѣ въ Херсонѣ.

2-е. Въ семъ поселенномъ войскѣ дѣйствительно служащіе имѣютъ получать всегда жалованье, рядовые по одному рублю на мѣсяцъ и па двѣ рубашки холста въ годъ. Число оныхъ полагается въ Большой Кабардѣ въ шести сотняхъ, при нихъ князей 12, узденей 24; жалованья первымъ по 120 рублей, а узденямъ по 50 каждому. Кто-же будетъ въ чинѣ армейскомъ, тому и жалованье по чину».

«Въ Малой Кабардѣ три сотни, по примѣру первыхъ.

«Должность ихъ охранять дистанцію свою отъ воровъ, дабы тѣмъ дорогу содержать въ безопасности; на ихъ-же попеченіи недопущеніе закубанцовъ къ набѣгамъ. Ежели потребуются они на войну въ той сторонѣ, тогда должны давать войска, сколько могутъ, получая жалованье рядовые по рублю въ мѣсяцъ и провіантъ, а князья по вышеписанному. Въ случаѣ войны европейской отряжаютъ только охотниковъ 200 изъ лучшихъ наѣздниковъ отъ обѣихъ Кабардъ съ жалованьемъ по состоянію.

«Нѣтъ сомнѣнія, что народъ кабардинскій, видя таковый о себѣ промыслъ, не преминетъ употребить всемѣрнаго старанія учинить себя достойнымъ высочайшаго благоволенія, и оправдать мое о немъ ходатайство». *).

Получивъ эту грамоту, кабардинскіе владѣльцы, въ маѣ 1787 года, собрали народъ, въ присутствіи котораго грамота и была прочтена. Выслушавъ эту грамоту, кабардинцы немедленно дали присягу исполнить изложенное въ ней требованіе. Послѣ того они приступили къ выбору людей въ милицію и въ-теченіи мая и іюня мѣсяцевъ окончили этотъ выборъ. Затѣмъ оставалось согласиться лишь о томъ, гдѣ именно должна быть опредѣлена на службу составленная изъ кабардинцевъ милиція. Этой милиціи, составленной собственно изъ жителей Большой Кабарды, предлагалось занять для охраненія линію на протяженіи 180 верстъ отъ вершины р. Еи до Кубани у Невиннаго мыса, въ 130 верстахъ отъ Кабарды; кабардинцы-же желали и просили разрѣшенія занять линію вблизи своихъ поселеній на протяженіи около 100 верстъ. Милиціею отъ Малой Кабарды предполагалось охранять пограничную съ чеченцами линію на протяженіи 80 верстъ, отъ р. Камбилеевки до урочища Сто Деревъ, на р. Терекѣ.

Въ то время, когда кабардинская милиція была собрана на р. Малкѣ въ ожиданіи распоряженія объ окончательномъ распре-

*) Мат. для Нов. Ист. Кавк., П. Буткова, ч. II, стр. 172 и 173.

дѣленія по линіямъ частей этой милиціи, въ сентябрѣ мѣсяцѣ того-же 1787 года между Россіею и Турціею возгорѣлась война. Это обстоятельство разстроило всѣ планы относительно кабардинской милиціи. Тѣмъ не менѣе, вступившій тогда въ командованіе Кавказскою линіею генералъ-аншефъ Текелли далъ кабардинцамъ приказаніе оставаться собранной милиціи на мѣстѣ сбора и охранять линію по своимъ границамъ, а 300 человѣкъ доброконныхъ, съ провіантомъ, выслать къ нему къ 12 октября, для участвованія въ экспедиціи противъ закубанцевъ. Однако-же эта часть милиціи не успѣла присоединиться къ отряду въ назначенный срокъ и потому кабардинцы не могли принять участія въ походѣ за Кубань.

Послѣ этого кабардинцы обратились къ генералу Текелли съ просьбою разрѣшить имъ самимъ сдѣлать походъ на закубанцевъ, что и было позволено имъ.

Такое добровольное предложеніе кабардинцевъ принять участіе въ веденіи войны съ Турціею со стороны Кавказа могло на первый разъ показаться дѣломъ сердечнаго побужденія помочь Россіи; но это далеко не было такимъ чистымъ побужденіемъ. Съ окончательнымъ присоединеніемъ Кабарды къ Россіи и съ включеніемъ Закубанскаго края въ предѣлы Турецкой имперіи, кабардинцы лишились права на взиманіе податей съ мелкихъ закубанскихъ племенъ, отошедшихъ въ подданство Турціи. Теперь кабардинцы воспользовались войною Россіи съ Турціею и, выпросивъ позволеніе открыть противъ непріятеля самостоятельныя военныя дѣйствія, преслѣдовали исключительно свои личные интересы. Такимъ образомъ главная цѣль задуманнаго кабардинцами похода заключалась въ томъ, чтобы воспользоваться возможностью возстановить свое древнее право на кубанскихъ данниковъ и поставить ихъ вновь въ зависимость отъ Кабарды.

29 октября 1787 года, 5 тысячъ кабардинцевъ, при 46 владѣльцахъ, подъ командою управлявшаго Кабардою бригадира Горича, направились за Кубань и тамъ напали на абазинцевъ и башильбаевцевъ, которыхъ и переселили поближе къ Кабардѣ, въ верховья р. Кумы, взяли въ залогъ вѣрности аманатовъ и отобрали всѣхъ бывшихъ у нихъ русскихъ плѣнныхъ. Послѣ этого кабардинцы письменно обязали родственныхъ имъ черкесовъ — бесленеевцевъ быть вѣрными Россіи, взяли и отъ нихъ также аманатовъ и освободили бывшихъ плѣнныхъ русскихъ. За-

тѣмъ кабардинцы напали на кипчакскихъ татаръ и также привели ихъ въ покорность Россіи.

Въ то-же самое время другая часть кабардинцевъ и преимущественно изъ жителей Малой Кабарды, подъ командою генералъ-маіора Горича 2-го, дѣйствовала противъ чеченцевъ, сильно безпокоившихъ тогда наши предѣлы.

Эти дѣйствія кабардинцевъ въ пользу Россіи обратили на себя вниманіе князя Потемкина, который 27 января 1788 года свидѣтельствовалъ передъ императрицею въ томъ, что кабардинцы походомъ своимъ за Кубань и дѣйствіями противъ враждебныхъ горцевъ, сдѣлались дойстойными высочайшаго благоволенія. При этомъ князь Потемкинъ представлялъ незавидное положеніе кабардинцевъ, вслѣдствіе отобранія отъ нихъ земель, и ходатайствовалъ о возвращеніи имъ нѣкоторой части этихъ земель, въ видѣ награды за услуги, оказанныя ими Россіи. Князь Потемкинъ желалъ такимъ образомъ воспользоваться удобнымъ случаемъ, не роняя достоинства Россіи, исполнить неоднократную просьбу кабардинцевъ о возвращеніи имъ земли. Тогда-же была потребована карта отошедшихъ отъ Кабарды къ Россіи земель, а кабардинцамъ 28 февраля 1788 года было объявлено монаршее благоволеніе за покореніе закубанскихъ народовъ и за возвращеніе отъ нихъ русскихъ плѣнныхъ.

Вся благодарность кабардинцамъ за эти дѣйствія ограничилась только однимъ изъявленіемъ высочайшаго благоволенія; но возвращеніе земли не состоялось, такъ-какъ послѣдующія событія въ Кабардѣ заставили правительство отложить задуманное въ этомъ смыслѣ предположеніе. Дѣйствительно, несмотря на содѣйствіе, которое оказывали кабардинцы Россіи, они въ то-же время мелкими партіями совершали въ предѣлахъ нашихъ границъ различныя воровскія и хищническія продѣлки, вызвавшія справедливую жалобу на нихъ ихъ ближайшаго начальника, генерала Текелли.

Размѣръ и слишкомъ частое повтореніе злодѣйствъ, а равно и ненадежность поведенія кабардинцевъ возросли до того, что генералъ Текелли, отправляясь съ войсками въ томъ-же 1788 году къ сторонѣ Анапы, для отвлеченія турецкихъ силъ отъ Тавриды, долженъ былъ обязать кабардинцевъ новою присягою на вѣрность Россіи.

Какъ видѣли мы выше, повтореніе вѣрноподданническихъ присягъ и подтвержденіе различныхъ обязательствъ производи-

лись такъ часто, что естественно должны были утратить въ глазахъ кабардинцевъ всякое практическое значеніе и въ концѣ концовъ привели къ тому, что на присягу и обязательства кабардинцы стали смотрѣть какъ на исполненіе ничего незначащей, хотя быть-можетъ пріятной русскимъ, формальности. Исходя отъ этой точки своихъ воззрѣній, кабардинцы нисколько не затруднились и на этотъ разъ нарушить данное ими генералу Текелли обѣщаніе вести себя добропорядочно и воздерживаться отъ совершенія злодѣйствъ.

Въ отсутствіе генерала Текелли кабардинцы усилили свои грабежи въ предѣлахъ занятой русскими линіи, увеличивъ такимъ образомъ реестръ случаевъ, подлежавшихъ удовлетворенію съ ихъ стороны. Реестръ этотъ впослѣдствіи былъ предъявленъ кабардинцамъ и хотя въ мартѣ 1789 года они общимъ совѣтомъ рѣшили удовлетворить претензіи русскихъ, сдѣлавъ, по обычаю, взысканіе съ виновныхъ, но исполненію этого рѣшенія воспротивились владѣльцы Жамбулатовской фамиліи, поддерживаемые старѣйшими узденями, старавшіеся тогда возбудить въ Кабардѣ мятежи въ пользу Турціи и вообще имѣвшіе намѣреніе отдѣлиться отъ Кабарды.

Для понужденія кабардинцевъ къ выполненію обязательства, относительно доставленія вознагражденія за грабежи и воровства, были введены въ Кабарду два баталіона егерей, съ пушками. Появленіе русскихъ войскъ отрезвило кабардинцевъ и они до истеченія іюня мѣсяца окончили удовлетвореніе всѣхъ претензій.

Вообще, съ начала войны съ турками въ Кабардѣ постоянно находились турецкіе эмиссары, старавшіеся подкупомъ и увѣщаніями склонить кабардинцевъ открыть военныя дѣйствія противъ Россіи. Русскому начальству было извѣстно о пребываніи этихъ эмиссаровъ въ Кабардѣ и оно неоднократно требовало выдачи ихъ; но кабардинцы, опираясь на свой обычай гостепріимства, воспрещавшій выдачу гостей своихъ, не исполняли этихъ требованій.

Въ іюнѣ 1790 года прибылъ въ Кабарду турецкій чиновникъ съ письмомъ отъ сераскира Баталъ-паши, начальствовавшаго въ Суджукѣ и Анапѣ; чиновникъ этотъ имѣлъ порученіе склонить кабардинцевъ и другихъ кавказскихъ горцевъ возстать противъ Россіи. Кабардинскіе владѣльцы, принявъ присланные имъ пашою подарки, клятвенно обѣщались исполнить просьбу Ба-

талъ-паши, если послѣдній явится къ нимъ съ отрядомъ хотя-бы только изъ 2-хъ тысячъ человѣкъ, но непремѣнно съ пушками.

Всѣ эти неблаговидныя по отношенію къ русскимъ дѣйствія со стороны кабардинцевъ заставили принять особенныя мѣры предосторожности противъ нихъ; съ этою цѣлью на р. Малкѣ былъ расположенъ отрядъ войска. Кромѣ того русскіе успѣли возбудить неудовольствіе къ владѣльцамъ ихъ подвластныхъ, въ числѣ до одной тысячи дворовъ, которые, вмѣстѣ съ узденями, составляли лучшее войско у кабардинцевъ; эти подвластные приняли присягу отдѣлиться отъ своихъ владѣльцевъ и поселиться на р. Малкѣ, вблизи русскихъ кордоновъ.

Въ томъ-же 1790 году сераскиръ Баталъ-паша съ громадными силами дѣйствительно предпринялъ походъ въ Кабарду. 28 сентября Баталъ-паша переправился чрезъ р. Кубань, противъ бывшаго Воровсколѣсскаго редута. Находившійся тогда ближе всѣхъ къ непріятелю генералъ-маіоръ Германъ, съ незначительнымъ въ сравненіи съ турецкими силами отрядомъ, пошелъ на встрѣчу туркамъ и 30 числа, встрѣтивъ турецкую армію на р. Тохтамышѣ, далъ ей сраженіе. Какъ извѣстно, турки въ этомъ сраженіи потерпѣли окончательное пораженіе, оставивъ въ рукахъ побѣдителей всю свою артиллерію, состоявшую изъ 30 орудій; при этомъ русскими былъ взятъ въ плѣнъ и главнокомандовавшій турецкими войсками сераскиръ Баталъ-паша.

Вѣсть о пораженіи и обращеніи въ бѣгство турецкихъ войскъ, шедшихъ на помощь Кабардѣ, нанесла неожиданный и сильный ударъ кабардинскимъ владѣльцамъ, заставивъ ихъ присмирѣть. Неудача турокъ окончательно разрушила надежду кабардинцевъ свергнуть съ себя господство Россіи, но далеко не убила враждебныхъ чувствъ къ послѣдней: кабардинцы, какъ увидимъ ниже, перемѣнили только систему дѣйствій и вмѣсто стремленія къ коллективному возстанію, стали досаждать постоянно русскимъ мелкими набѣгами, разбоями, грабежами и убійствами.

Не смотря на свое пораженіе, турки не оставляли въ покоѣ кабардинцевъ и всѣми средствами старались поддержать въ нихъ ненависть къ русскимъ и склонить къ возстанію противъ послѣднихъ. Однако-же кабардинцы не рисковали открыто возстать, а вскорѣ и совсѣмъ вынуждены были покинуть скрытыя надежды освободиться отъ Россіи; такому исходу враждебнаго настроенія кабардинцевъ способствовали и послѣдующія неудачи турокъ

и затѣмъ заключенный ими съ Россіею 29 декабря 1791 года миръ.

Послѣдняя война Россіи съ Турціею не прошла безслѣдно для внутренняго строя Кабарды. Во время этой войны кабардинскіе владѣльцы раздѣлились на двѣ партіи, изъ коихъ значительнѣйшая склонялась на сторону Турціи и вела свои дѣла въ интересахъ послѣдней. Представители и сторонники этой партіи естественно питали нерасположеніе къ тѣмъ владѣльцамъ, которые оставались вѣрными Россіи и служили ей. Такъ-какъ эта послѣдняя партія, состоявшая изъ владѣльцевъ Мисостовской фамиліи, была незначительна, то остальныя, враждебныя ей фамиліи старались мстить ей всѣми средствами за сочувствіе къ русскимъ. Владѣльцы Жамбулатовской и Атажукинской фамилій открыто нападали на мисостовскую партію, угоняли у сторонниковъ ея скотъ, грабили ихъ и, наконецъ, довели до того, что мисостовцы должны были уйти на р. Малку, подъ защиту русскихъ укрѣпленій.

Внутренніе раздоры и междоусобная вражда, подстрекательство турокъ и нерасположеніе къ русскимъ сильно распаляли страсти кабардинской свободолюбивой и хищной молодежи. Эти отчаянные джигиты, увѣковѣчившіе память о себѣ въ кабардинскихъ пѣсняхъ и сказаніяхъ, врывались небольшими партіями въ русскіе предѣлы и тамъ давали полную свободу своимъ хищническимъ побужденіямъ. Убійства, грабежи и воровства производились тѣмъ съ большею смѣлостью, что въ то время почти никто не подвергался личной отвѣтственности, если, разумѣется, не попадался подъ пулю или въ руки русскихъ на мѣстѣ совершенія злодѣянія. Хотя наше правительство при всякомъ случаѣ и требовало выдачи преступниковъ, но кабардинцы упорно отказывались исполнять эти требованія, опираясь на то, что обычай ихъ не позволяетъ выдавать своихъ собратовъ. Обыкновенно, кабардинцы за всѣ совершаемыя ими преступленія предлагали матеріальное вознагражденіе. Только одинъ изъ кабардинскихъ владѣльцевъ — Адильгирей Атажукинъ однажды въ то время отдалъ начальству своего узденя, уличеннаго въ убійствѣ русскаго курьера; это былъ первый случай исполненія требованія о выдачѣ преступниковъ.

Послѣ окончанія войны съ Турціею, наше правительство немедленно приступило къ устройству на занятой Кавказской линіи дополнительныхъ укрѣпленій. Въ числѣ этихъ укрѣпленій, для разъединенія Кабарды съ Закубанью, въ урочищѣ Песчанобрад-

скомъ, на р. Кумѣ, былъ сооруженъ штерншанецъ, названный Кумскимъ, а нѣсколько ниже, на р. Кубани, у двухъ мелкихъ бродовъ, былъ устроенъ большой редутъ, названный Воровсколѣсскимъ. Кромѣ того была исправлена Константиногорская крѣпость. Помимо возведенія этихъ укрѣпленій, для болѣе прочнаго обезпеченія занятой линіи, генералъ Гудовичъ проектировалъ заселеніе этой линіи казаками, на что и послѣдовало высочайшее повелѣніе 28 февраля 1792 года. Эту передовую линію предполагалось заселить шестью полками Донского казачьяго войска, находившимися тогда на Кавказѣ. Водвореніе станицъ однако-же не состоялось тогда, такъ-какъ донскіе казаки, предназначенные къ поселенію въ этихъ станицахъ, послѣ объявленія высочайшей воли, оказали явное неповиновеніе, бѣжали на Донъ и произвели тамъ бунтъ. Такимъ образомъ не состоялось и предположенное заселеніе пространства между рр. Малкою и Кубанью, на сѣверо-западной границѣ Кабарды.

Не смотря на явное и открытое нерасположеніе большей части кабардинцевъ къ Россіи и ихъ ни чѣмъ не маскируемое стремленіе при каждомъ удобномъ случаѣ вредить русскимъ, наше правительство относилось къ нимъ чрезвычайно снисходительно и мягко. Такъ, въ инструкціи, данной начальствовавшему на Кавказѣ генералу Гудовичу 28 февраля 1792 года, относительно обращенія съ кавказскими горцами и особенно съ кабардинцами, императрица Екатерина II повелѣвала между прочимъ, что «не единою силою оружія предлежитъ побѣждать народы въ неприступныхъ горахъ живущіе, и имѣющіе въ оныхъ надежныя отъ войскъ нашихъ убѣжище; но паче правосудіемъ и справедливостію нужно пріобрѣсть ихъ къ себѣ довѣренность; кротостію смягчать, выигрывать сердца, и пріучать ихъ больше обращаться съ Русскими (что особенно сказано о кабардинцахъ), для того и нужно: 1-е. Всячески ласкать и привлекать къ себѣ лучшихъ людей народа сего; тѣхъ-же, кои болѣе оказываютъ преданности къ имперіи россійской, не оставлено будетъ жаловать чинами, деньгами или иными отличностями; наипаче-же изліется монаршая щедрота и милость на пріемлющихъ добровольно вѣру христіанскую. 2-е. Твердо наблюдать, чтобъ ни отъ войскъ нашихъ, ниже отъ казаковъ, на линіи обрѣтающихся, не было чинено ни малѣйшее притѣсненіе и обиды горцамъ, пріѣзжающимъ въ крѣпости наши, наистрожайше подтверждая, чтобъ начальники военные не допускали подчиненныхъ своихъ ни на какія своевольства противъ

горскихъ народовъ, отогнаніемъ табуновъ, хищеніемъ и тому подобнымъ образомъ, подвергая подъ судъ и жесточайшее наказаніе всякаго, кто станетъ поступать сему противно, яко преступника, который поведеніемъ своимъ даетъ поводъ къ нарушенію спокойствія подданныхъ нашихъ, и тѣхъ, коимъ увѣренность и тишина отъ насъ дарованы, ибо нѣтъ сомнѣнія, что таковое съ нашей стороны нарушеніе навлекло-бы отъ сихъ дикихъ народовъ воровство и грабежи изъ мщенія».

«Впрочемъ, предлежитъ вамъ вообще долгъ и стараніе привлекать къ намъ всѣ народы кавказскіе, приводить ихъ въ нѣкоторый родъ зависимости отъ престола нашего, обращать къ пользамъ имперіи и ихъ собственнымъ и распространять убѣжденіемъ благоустройство и законы наши, кои мы имъ дать готовы, къ ихъ собственному спокойствію, тишинѣ и благоденствію» *).

Всѣ расточаемыя передъ кабардинцами мѣры гуманности не приводили къ желаннымъ цѣлямъ и они не унимались отъ своихъ хищническихъ набѣговъ на русскія поселенія. Съ особеннымъ ожесточеніемъ кабардинцы набрасывались на своихъ сосѣдей, осетинъ и ингушъ, стремившихся тогда къ обращенію въ христіанство. Не разъ эти обижаемыя кабардинцами племена обращались съ жалобами къ русскому правительству, прося покровительства и заступничества, и не разъ кавказское начальство внушало кабардинцамъ о неблаговидности ихъ поступковъ противъ своихъ сосѣдей; но все это было гласомъ вопіющаго въ пустынѣ: кабардинцы не обращали вниманія на заявленія начальства, продолжали грабить и всячески обижать осетинъ и ингушъ, а послѣдніе не оставляли своихъ жалобъ. Наконецъ, когда жалобы эти дошли до свѣдѣнія высшаго правительства, послѣднее предписало генералу Гудовичу оказывать особенное покровительство кавказскимъ народамъ, пріемлющимъ христіанство, и охранять ихъ отъ притѣсненій кабардинцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалось строжайше воспретить кабардинцамъ нападать на сосѣдей, подданныхъ Россіи, удерживать ихъ отъ этого всѣми средствами и объявить, что за всякое самовольное нападеніе на сосѣдей—осетинъ и ингушъ—они будутъ подвергаемы строгой отвѣтственности, какъ за нападенія на коренныхъ русскихъ обитателей.

---

*) Тамъ-же, стр. 260 и 261.

Генералъ Гудовичъ, убѣдившись на опытѣ, что всѣ эти повелѣнія и даже угрозы не производятъ на кабардинцевъ умиротворяющаго дѣйствія, и весьма основательно полагая, что до тѣхъ поръ, пока кабардинцы будутъ предоставлены сами себѣ въ отношеніи внутренняго ихъ управленія, безъ надзора и контроля со стороны правительства, нельзя ожидать отъ нихъ ни пользы для Россіи, ни ослабленія свирѣпыхъ нравовъ ихъ,—еще въ 1791 году представилъ на усмотрѣніе правительства проектъ объ учрежденіи въ Кабардѣ новаго правленія и родовыхъ судовъ. Необходимость учрежденія судовъ особенно вызывалась тѣмъ, что вся судебная часть начала переходить въ руки муллъ, первыхъ злѣйшихъ и опаснѣйшихъ враговъ Россіи, стремившихся всѣми силами мусульманскаго фанатизма ослабить упроченіе русской власти въ Кабардѣ.

Хотя правительство одобрило представленный проектъ и согласилось утвердить новые порядки въ Кабардѣ, но введеніе этихъ порядковъ обусловило непремѣннымъ желаніемъ и согласіемъ кабардинцевъ добровольно принять таковые, воспретивъ всякія насильственныя и принудительныя дѣйствія къ водворенію проектированныхъ учрежденій.

Путемъ убѣжденія генералъ Гудовичъ согласилъ кабардинцевъ принять учрежденіе у нихъ родовыхъ судовъ и расправъ, которые и были введены въ 1793 г. Суды эти, за исключеніемъ верхняго пограничнаго суда, учрежденнаго въ г. Моздокѣ, состояли изъ самихъ-же кабардинцевъ, по выбору, безъ участія русскихъ чиновниковъ, и дѣйствовали на основаніи обычаевъ.

На первое время кабардинцы были очень довольны введеніемъ у нихъ означенныхъ судовъ, тѣмъ болѣе, что судьямъ было опредѣлено содержаніе, которое производилось отъ казны, было прекращено требованіе заложниковъ и прощены всѣ накопившіяся на кабардинцахъ недоимки по претензіямъ русскихъ. Но вскорѣ кабардинцы почувствовали и неудобства учрежденія у нихъ этихъ, по-видимому, безобидныхъ судовъ. Дѣло въ томъ, что съ учрежденіемъ родовыхъ судовъ и расправъ было воспрещено кабардинцамъ: отлучаться за границы Россіи безъ дозволенія главнаго воинскаго начальника въ краѣ, мстить самовольно убійцамъ, укрывать преступниковъ подъ видомъ обычая гостепріимства, собираться молодымъ людямъ на кошахъ (нѣчто въ родѣ хуторовъ) для промысловъ удальства и, наконецъ, созывать общественныя

собранія, безъ особаго на то повелѣнія и распоряженія родовыхъ судовъ и расправъ.

Эти ограниченія вольностей весьма не понравились кабардинцамъ. Не обнаруживая-же однако явнаго своего неудовольствія къ новымъ порядкамъ, кабардинцы, въ томъ-же 1793 г., черезъ особаго посланнаго къ анапскому пашѣ владѣльца Большой Кабарды Шумахо Наурузова и отправившихся подъ видомъ путешественниковъ въ Мекку другихъ своихъ людей, довели о своемъ положеніи до свѣдѣнія турецкаго правительства, прося его защиты и покровительства.

Турецкое правительство далеко не прочь было имѣть Кабарду подъ своимъ покровительствомъ, но, лишенное возможности открыто принять участіе въ дѣлахъ кабардинцевъ, рѣшилось дѣйствовать въ этомъ смыслѣ тайными путями. Въ томъ-же 1793 г. былъ привезенъ черезъ горы изъ Сухума въ Большую Кабарду фирманъ султана Селима, адресованный къ кабардинскимъ и дагестанскимъ владѣльцамъ, эффендіямъ, гаджіямъ и всѣмъ обитающимъ отъ Чернаго моря до Дербента магометанскимъ народамъ. Султанъ писалъ, что по заключеніи мира съ Россіею имъ отправленъ ко двору послѣдней посланникъ, съ требованіемъ отказаться отъ владычества надъ Крымомъ и Кабардою, что если Россія не согласится на это, то весною 1794 года онъ вновь объявитъ ей войну, къ чему готовились-бы и они, кабардинцы, вмѣстѣ съ другими горцами, что французы и короли другихъ державъ желаютъ воевать противъ Россіи и ожидаютъ, чтобы онъ, султанъ, началъ только войну и что, наконецъ, войска его обучаются «военной экзерциціи на-подобіе русскихъ».

Это султанское посланіе, какъ и слѣдовало ожидать, произвело на кабардинцевъ, находившихся и безъ того въ возбужденномъ состояніи, дѣйствіе горючаго вещества, брошеннаго въ огонь. Хотя всѣмъ замысламъ Турціи и не суждено было осуществиться, но подстрекательства ея имѣли самое пагубное вліяніе на кабардинцевъ, которые съ этого времени почти ежегодно проявляли наклонность къ мятежамъ и возстаніямъ. Первымъ послѣдствіемъ присылки въ Кабарду султанскаго фирмана было то, что въ февралѣ мѣсяцѣ 1794 года въ Большой Кабардѣ вспыхнуло возстаніе, сопровождавшееся различными безпорядками и неповиновеніемъ къ родовымъ судамъ и расправамъ. Возмущеніе это однако въ самомъ началѣ было подавлено введеннымъ тогда въ предѣлы Кабарды отрядомъ русскихъ войскъ; въ наказаніе

кабардинцамъ этотъ отрядъ оставался у нихъ втеченіи 9-ти мѣсяцевъ.

Смирившіеся поневолѣ кабардинцы оставались покойными лишь до отступленія гостившаго у нихъ отряда русскихъ войскъ. Когда-же отрядъ этотъ выступилъ, кабардинцы, въ 1795 году, опять возстали и вновь оказали неповиновеніе судамъ и расправамъ, причемъ значительная часть кабардинскаго народа, съ владѣльцами своими, удалилась въ горы. Вслѣдствіе этого въ Кабарду снова былъ введенъ отрядъ войскъ, успѣвшій втеченіи пяти мѣсяцевъ возстановить нарушенное спокойствіе.

Самое дѣятельное участіе въ возмущеніи кабардинцевъ противъ русскаго правительства принимали владѣльцы Большой Кабарды: подполковникъ Исмаилъ Атажукинъ, братъ его Адильгирей Атажукинъ и подполковникъ Атажуко Хамурзинъ. Всѣ эти главные руководители возстанія, по высочайшему повелѣнію, были удалены изъ края въ г. Екатеринославъ, для содержанія тамъ подъ присмотромъ. Тогда-же между владѣльцами, узденями и народомъ было заключено письменное условіе, въ силу котораго знатнѣйшіе изъ узденей клятвенно обязались не допускать владѣльцевъ притѣснять черный народъ, доставлять послѣднему возможность получать вознагражденіе по справедливымъ и утвержденнымъ обычною присягою претензіямъ на владѣльцевъ своихъ и впредь до удовлетворенія претензій принимать народъ подъ свою защиту. При этомъ всѣ сословія Кабарды установили правиломъ, чтобы, въ случаѣ ухода владѣльца съ постояннаго мѣста своего жительства въ горы, всѣ подвластные его получали полную свободу и поступали подъ непосредственное управленіе русскаго начальства. Установленіемъ всѣхъ этихъ правилъ имѣлось въ виду привлечь симпатіи простого народа на нашу сторону и этимъ путемъ обезсилить враждебныя попытки владѣльцевъ вообще вредить русскимъ.

Все это, однако-же, какъ и прежде, ни къ чему не привело: спокойствіе въ Кабардѣ длилось и на этотъ разъ весьма не долго. Лѣтомъ слѣдующаго 1796 года кабардинцы (Большой Кабарды), воспользовавшись ослабленіемъ занятой на ихъ границѣ линіи, по случаю отправленія отсюда части войскъ въ Персію, собрались въ количествѣ двухъ тысячъ человѣкъ и приблизились къ Константиногорской крѣпости, намѣреваясь напасть на жившихъ тамъ абазинцевъ, бывшихъ своихъ подвластныхъ, и выселившихся подъ защиту крѣпости кабардинцевъ, преданныхъ

Россіи. Партія кабардинцевъ атаковала роту егерей, прикрывавшихъ селенія при крѣпости, но не имѣла успѣха: нападавшіе, при помощи подоспѣвшаго изъ крѣпости подкрѣпленія, были отражены и принуждены удалиться, потерявъ убитыми болѣе 60 человѣкъ.

Такимъ образомъ періодически и почти ежегодно кабардинцы старались не оставлять въ покоѣ русскихъ. Это правило, по-видимому, вошло въ привычку кабардинцевъ, такъ-какъ и въ послѣдующихъ затѣмъ годахъ они еще очень долго продолжали слѣдовать этой системѣ дѣйствій, державшей русскихъ въ постоянной тревогѣ.

Въ 1797 году кабардинцы медлили принять подданническую присягу при возшествіи на престолъ императора Павла I и выполнили эту присягу лишь въ то время, когда для принужденія ихъ къ этому былъ посланъ къ нимъ баталіонъ пѣхоты.

Такъ-какъ кабардинцы, втеченіи пяти лѣтъ со времени введенія у нихъ родовыхъ судовъ и расправъ, видимо уклонялись отъ исполненія своего обязательства вознаграждать потерпѣвшихъ русскихъ отъ набѣговъ и грабежей ихъ, то въ 1798 году, по распоряженію командовавшаго войсками на Кавказской линіи генералъ-лейтенанта графа Морхова, въ Кабарду былъ введенъ Уральскій казачій полкъ, которому поручено было взыскать съ кабардинцевъ всѣ недоимки. Кромѣ матеріальнаго вознагражденія за всѣ убытки, кабардинцамъ было предложено требованіе, чтобы они выдали и всѣхъ взятыхъ ими въ плѣнъ русскихъ людей. Этого послѣдняго требованія кабардинцы не могли исполнить, ибо, по принятому обыкновенію, не держали у себя плѣнныхъ—русскихъ, боясь, чтобы послѣдніе, освободясь какъ-нибудь, не выдали своихъ похитителей, и въ виду этого сбывали ихъ продажею или мѣною въ глубь горъ и къ сосѣднимъ народамъ. Поэтому, за непредставленіемъ кабардинцами требуемыхъ плѣнныхъ, у нихъ было взято 34 человѣка рабовъ, изъ коихъ, по высочайшему повелѣнію, одна половина была отдана въ рабство помѣщикамъ, взамѣнъ похищенныхъ у нихъ людей, а другая — опредѣлена въ военную службу, во внутренніе сибирскіе гарнизоны, съ зачетомъ за рекрутъ отъ тѣхъ казенныхъ селеній, кои потерпѣли отъ кабардинцевъ потерю своихъ людей.

Кабардинцы не особенно чутко отозвались и на только что примѣненную къ нимъ крутую мѣру. Едва сгладилось свѣжее впечатлѣніе о произведенной у нихъ строгой экзекуціи, какъ въ

1799 году Большая Кабарда снова заволновалась. Возбудилъ это волненіе сосланный въ 1795 году въ г. Екатеринославъ и бѣжавшій оттуда владѣлецъ Адильгирей Атажукинъ, который, возвратясь въ отечество, сталъ возбуждать умы кабардинцевъ, проповѣдуя мысль о возстановленіи упроченной независимости Кабарды и сверженіи господства русскихъ. Какъ-разъ въ то время, по истеченіи второго трехлѣтія отъ установленія родовыхъ судовъ и расправъ, необходимо было приступить къ выбору новыхъ судей. Адильгирей Атажукинъ воспользовался этимъ случаемъ и сталъ убѣждать своихъ земляковъ противиться новому выбору судей и требовать уничтоженія этихъ судовъ и возстановленія магометанскаго духовнаго суда—по шаріату.

Волненіе это стало принимать такіе размѣры, что начальство нашло необходимымъ послать въ Кабарду отрядъ войскъ. Увѣщеванія, обращенныя къ кабардинцамъ и подкрѣпляемыя такимъ сильнымъ аргументомъ, какъ три баталіона пѣхоты, заставили разойтись собравшихся на р. Баксанѣ въ большомъ числѣ кабардинцевъ. Въ виду такого исхода дѣла, Адильгирей Атажукинъ долженъ былъ удалиться за Кубань, сопровождаемый пятью муллами, рьяными пособниками его въ распространеніи мятежа. По удаленіи Атажукина, кабардинцы вѣрность свою Россіи подтвердили вновь присягою, выбрали новыхъ судей и удовлетворили всѣ претензіи, какія накопились на нихъ послѣ 1798 года.

Бѣжавшій за Кубань Адильгирей Атажукинъ старался перевести за Кубань 200 семействъ подвластныхъ ему кабардинцевъ, а также подговаривалъ къ переселенію и обитавшихъ у Константиногорской крѣпости абазинцевъ, но русское начальство, предупрежденное во-время о проискахъ Атажукина, не допустило осуществленія этого переселенія.

Чтобы хотя на комъ-нибудь выместить свои неудачи съ русскими, кабардинцы обратились снова на своихъ сосѣдей—дигорскихъ осетинъ, которымъ и начали производить разнаго рода притѣсненія, выгнали отъ нихъ одного русскаго іеромонаха, проповѣдывавшаго христіанское ученіе, и вообще творили тамъ всевозможныя безчинства. Русское начальство хотѣло-было послать на защиту осетинъ военную силу, но намѣреніе это было оставлено, такъ-какъ 28 мая 1800 года послѣдовало высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы стараться какъ можно меньше вмѣшиваться во внутреннія дѣла горцевъ между собою, пока эти распри не будутъ вредить интересамъ русскаго населенія.

Покончивъ подробный обзоръ событій въ Кабардѣ въ прошломъ вѣкѣ, мы перейдемъ теперь къ краткому изложенію тѣхъ моментовъ въ жизни кабардинцевъ въ настоящемъ столѣтіи, которые имѣли значеніе въ исторіи упроченія русской власти въ Кабардѣ и вообще въ борьбѣ кавказскихъ народовъ съ Россіею.

V.

Попытка введенія въ Кабардѣ гражданскаго управленія.—Основаніе въ Кабардѣ шотландской колоніи. — Возобновленіе враждебныхъ дѣйствій кабардинцевъ. — Усмиреніе Кабарды. — Кабардинская депутація, посланная ко двору, и Высочайшая грамота 20 января 1812 года.—Прибытіе генерала Ермолова въ Кабарду. — Устройство новыхъ укрѣпленій въ Кабардѣ.—Прокламаціи генерала Ермолова.

Въ началѣ нынѣшнаго столѣтія все вниманіе русскаго правительства на Кавказѣ было поглощено событіями въ Грузіи, присоединенной тогда окончательно къ Россіи. Поэтому дѣятельность правительства собственно на Кавказѣ и въ частности по отношенію къ Кабардѣ ограничивались лишь такими мѣропріятіями, которыя клонились къ поддержанію того порядка, который былъ уже введенъ здѣсь.

Тогда-же въ первый разъ правительство остановилось на мысли создать на Кавказѣ гражданское управленіе и съ этою цѣлью, въ маѣ мѣсяцѣ 1802 года, коллегія иностранныхъ дѣлъ признала необходимымъ изъять кабардинцевъ, какъ и нѣкоторыхъ другихъ кавказскихъ обитателей (трухменцевъ, ногайцевъ, абазинцевъ и другихъ кочевыхъ народовъ), изъ вѣдѣнія и управленія начальника Кавказской линіи и подчинить ихъ назначенному тогда главнымъ приставомъ коллежскому совѣтнику Макарову, который, согласно полученной имъ инструкціи, являлся самостоятельнымъ правителемъ и состоялъ въ непосредственномъ подчи-

неніи коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Всѣ отношенія этого главнаго пристава къ начальнику Кавказской линіи ограничивались тѣмъ, что первый могъ обращаться за содѣйствіемъ къ послѣднему въ тѣхъ случаяхъ, когда обстоятельства указывали на необходимость примѣненія въ краѣ военныхъ мѣръ.

Кабардинцы, не понимая значенія перемѣны у нихъ правленія, отнеслись къ этой перемѣнѣ совершенно равнодушно; но эта первая попытка ввести на Кавказѣ гражданское управленіе была встрѣчена тогдашнимъ начальникомъ Кавказской линіи, генералъ-лейтенантомъ Кноррингомъ, не совсѣмъ дружелюбно. Генералъ Кноррингъ, по поводу этого нововведенія, доносилъ, что онъ принялъ къ надлежащему своему свѣдѣнію и руководству правила, изложенныя въ сообщенной ему при предписаніи коллегіи иностранныхъ дѣлъ отъ 28 мая 1802 года инструкціи, данной коллежскому совѣтнику Макарову, но что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ считаетъ долгомъ представить по этому предмету и свое мнѣніе. Генералъ Кноррингъ выставлялъ на видъ благіе результаты, полученные отъ существовавшаго до того управленія кавказскими народами, а въ особенности пользу и преимущества учрежденныхъ при императрицѣ Екатеринѣ II въ Кабардѣ родовыхъ судовъ и расправъ, съ верхнимъ пограничнымъ судомъ въ Моздокѣ, подъ прямымъ вѣдѣніемъ начальника Кавказской линіи, и полагалъ, что новое управленіе, при значительно большихъ издержкахъ, повлечетъ за собою замедленіе въ дѣлахъ и «затрудненіе въ соображеніи мѣстныхъ обстоятельствъ, обычаевъ и умоначертаній этихъ народовъ».

Суды, однако-же, въ Кабардѣ, какъ предполагалъ генералъ Кноррингъ, не были упразднены, да и вообще гражданское управленіе въ Кабардѣ фактически не привилось, такъ-какъ въ то время всѣ отношенія кабардинцевъ, какъ подданныхъ русскому правительству, проявлялись лишь въ дѣлахъ судебныхъ, а суды по прежнему оставались въ вѣдѣніи военной власти. Затѣмъ, почти постоянныя волненія въ Кабардѣ требовали вмѣшательства военной силы, а при такомъ положеніи въ краѣ гражданская власть по-неволѣ должна была бездѣйствовать и, наконецъ, существованіе ея по отношенію къ Кабардѣ какъ-то само-собою стушевалось съ самаго начала учрежденія этой власти. Такимъ образомъ, не существуетъ ни одного указанія, которое доказывало-бы, что власть главнаго пристава распространялась на Кабарду de facto

и чтобы она принимала какое-либо участіе въ событіяхъ, происходившихъ въ то время въ Кабардѣ.

Въ томъ-же 1802 году, съ разрѣшенія правительства, въ Большой Кабардѣ, около Константиногорской крѣпости, у подошвы одной изъ Бештовыхъ горъ, шотландцы Бронтонъ и Патерсонъ основали колонію изъ горскихъ выходцевъ и невольниковъ. Цѣлью учрежденія этой колоніи было просвѣтить дикихъ горцевъ свѣтомъ христіанскаго ученія; но цѣль эта, къ сожалѣнію, достигнута не была и кабардинцы не только не сдѣлались христіанами по религіи, но, напротивъ, еще сильнѣе укрѣпились въ магометанствѣ.

Втеченіи первыхъ лѣтъ настоящаго столѣтія кабардинцы хотя и не заявляли открыто своего враждебнаго настроенія противъ русскихъ, но тѣмъ не менѣе не переставали хищнически дѣйствовать противъ нихъ, за что и подвергались взысканіямъ; для этого, по принятому тогда обыкновенію, вводились по временамъ въ Кабарду войска, которыя и производили *баранту*, т. е. забирали скотъ и другіе предметы для возмѣщенія за причиненные кабардинцами вредъ и убытки.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1802 года кабардинцы должны были приступить къ выбору новыхъ судей на слѣдующее трехлѣтіе. Какъ и прежде, требованіе произвести выборы судей послужило сигналомъ къ возбужденію волненія въ Кабардѣ, причемъ кабардинцы рѣшительно и наотрѣзъ отказались выбрать судей. На этотъ разъ кабардинцы довольно упорно стояли на своемъ нежеланіи выполнить требованіе начальства, которое при томъ-же и съ своей стороны, въ виду различныхъ обстоятельствъ и, главнымъ образомъ, по случаю открывшейся въ Грузіи и затѣмъ перешедшей на Кавказъ въ 1803 году чумы, не особенно настаивало на исполненіи этого требованія. Волненіе въ Кабардѣ, не стѣсняемое по примѣру прежнихъ лѣтъ принятіемъ со стороны русскаго правительства строгихъ мѣръ къ подавленію его, еще болѣе усилилось, когда въ 1803 году было приступлено къ постройкѣ укрѣпленія при такъ-называемыхъ кислыхъ источникахъ (нынѣшній Кисловодскъ). Возведеніемъ этого укрѣпленія прекращалась для кабардинцевъ всякая возможность не только на плоскости, но и по предгоріямъ сообщаться съ Кубанью.

Главнымъ распространителемъ волненія въ Кабардѣ въ этотъ разъ былъ сынъ извѣстнаго въ прошломъ вѣкѣ владѣльца Мисоста Баматова—полковникъ Росланбекъ Мисостовъ.

Натянутыя отношенія кабардинцевъ къ русскимъ длились до апрѣля 1804 года, когда главнокомандующій на Кавказѣ генералъ-лейтенантъ князь Цпціановъ обратился къ нимъ съ строгою прокламаціею, требуя немедленнаго выбора судей въ родовые суды, предписавъ вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ-лейтенанту Глазенапу строго наказать кабардинцевъ, если они не исполнятъ этого требованія къ 28 числу апрѣля. Получивъ прокламацію главнокомандующаго, кабардинцы, какъ выражено въ сохранившихся по этому предмету документахъ, «остервенились» и возстали открытою силою. Въ виду такого оборота дѣла, генералъ Глазенапъ вступилъ съ войсками въ Кабарду и, послѣ нѣсколькихъ жестокихъ сраженій, принудилъ кабардинцевъ изъявить покорность и выбрать судей.

Этотъ урокъ, однако-же, не образумилъ кабардинцевъ, которые, подстрекаемые Росланбекомъ Мисостовымъ, продолжали свои разбои и набѣги на русскія селенія. Затѣмъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ того-же 1804 года, громадныя скопища кабардинцевъ напали на русскій отрядъ, посланный для содѣйствія осетинамъ — дигорцамъ, изъявившимъ тогда согласіе переселиться на линію. Русскій отрядъ, въ виду значительныхъ силъ непріятеля, принужденъ былъ отступить назадъ. Въ то-же самое время кабардинцы начали угрожать сообщенію между крѣпостью Константиногорскою и укр. Кисловодскимъ.

Чтобы наказать кабардинцевъ за всѣ эти враждебныя проявленія, генералъ Глазенапъ снова вступилъ съ сильнымъ отрядомъ въ Кабарду; но привести свое намѣреніе въ исполненіе не успѣлъ, такъ-какъ въ то-же время большая часть кабардинскихъ владѣльцевъ, подъ предводительствомъ Росланбека Мисостова, собравъ громадныя толпы кубанцевъ, вторглась внутрь линіи и вывела оттуда за Кубань всѣхъ абазинцевъ, съ ихъ имуществомъ. Кромѣ того, ворвавшійся на линію непріятель окружилъ всѣ военные посты отъ Прочнаго Окопа до Константиногорска, прекративъ такимъ образомъ всякое сообщеніе по линіи.

Обязавъ словесно не примкнувшихъ еще къ непріятелю кабардинцевъ воздержаться отъ враждебныхъ дѣйствій противъ русскихъ и согласившись наконецъ исполнить давнишнюю просьбу кабардинцевъ объ упраздненіи родовыхъ судовъ и расправъ, — генералъ Глазенапъ поспѣшно возвратился съ войсками въ г. Георгіевскъ и командировалъ оттуда, подъ начальствомъ генералъ-маіора Лихачева, 6 ротъ на р. Кубань, въ уроч. Бѣлой Мечети,

для наблюденія за кабардинцами. Хотя генералъ Лихачевъ и настигъ абазинцевъ и ногайцевъ, уходившихъ за Кубань, принудилъ ихъ возвратиться на прежнія мѣста ихъ жительства, и затѣмъ совершилъ экспедицію за Кубань, но результаты этой экспедиціи были вообще неудачны. Эта неудача пріободрила кабардинцевъ и они, въ сообществѣ съ закубанцами, усилили свои враждебныя дѣйствія противъ русскихъ.

Вообще здѣсь нужно замѣтить, что 1804 годъ былъ едва-ли не самымъ тяжелымъ годомъ въ борьбѣ Россіи съ Кавказомъ, чему главною причиною было отсутствіе достаточнаго количества войскъ, необходимыхъ для того, чтобы держать въ страхѣ побѣжденныхъ туземцевъ. Недостаточность-же на Кавказѣ войскъ происходила отъ того, что главныя военныя силы русскихъ были сосредоточены тогда за Кавказомъ для веденія войны съ Персіею и подавленія частыхъ возстаній въ Грузіи; на Кавказѣ-же оставалась лишь горсть русскихъ войскъ. Пользуясь такою временною слабостью Россіи, противъ нея возстали почти всѣ находившіяся въ подданствѣ ея кавказскія племена. При этомъ, съ одной стороны, постоянныя нападенія на наши границы закубанцевъ, кабардинцевъ, чеченцевъ и осетинъ, а съ другой—возвратившаяся въ томъ году на Кавказъ чума,—еще болѣе обезсиливали наши войска, представляя такимъ образомъ широкій просторъ необузданнымъ, дикимъ и не знающимъ мѣры въ жестокостяхъ горцамъ совершать свои кровавыя безчинства надъ русскими.

Во всѣхъ этихъ враждебныхъ дѣйствіяхъ особенно дерзкими и назойливыми были кабардинцы, которые, буквально, ни минуты не давали покоя русскимъ, обитавшимъ тогда въ самомъ ближайшемъ сосѣдствѣ съ ними. Ничѣмъ не стѣсняемыя злодѣйства кабардинцевъ наконецъ вывели изъ терпѣнія русскія власти, и генералъ-маіоръ Мейеръ, не смотря на всю скудость военныхъ средствъ, въ августѣ 1804 года, долженъ былъ предпринять экспедицію въ Кабарду и наказалъ кабардинцевъ тѣмъ, что отбилъ у нихъ часть стадъ и сжегъ ихъ пасѣки. Кабардинцы, впрочемъ, недолго оставались въ долгу за это нашествіе и въ слѣдующемъ-же сентябрѣ мѣсяцѣ, въ числѣ 6 тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ Росланбека Мисостова, направились къ Георгіевской крѣпости, но были отражены генераломъ Мейеромъ.

Нѣсколько удачныхъ военныхъ дѣйствій противъ русскихъ и сознаніе, что послѣдніе не въ силахъ принять энергическихъ

мѣръ къ подавленію возстанія, до такой степени самообольщенія довели кабардинцевъ, что они втеченіи многихъ слѣдующихъ лѣтъ не прекращали своихъ враждебныхъ дѣйствій, постоянно надѣясь силою своего оружія достигнуть давно желаннаго возстановленія своей независимости.

Нѣтъ возможности перечислить всѣхъ совершенныхъ тогда кабардинцами злодѣйствъ и насилій. Въ этихъ злодѣяніяхъ вполнѣ сказалась дикая, коварная и свирѣпая натура кабардинцевъ, на время лишь подавленная силою обстоятельствъ. Тутъ данъ былъ широкій просторъ проявленію ненависти къ русскимъ, накоплявшейся и таившейся втеченіи около полувѣка. Кромѣ постоянныхъ набѣговъ на русскія станицы и поселенія, сопровождавшихся обыкновенно убійствами, разбоями и грабежами, кабардинцы не пренебрегали и единичною возможностью творить зло русскимъ. Такъ, ни одинъ благородный владѣлецъ или узденъ не считали для себя постыднымъ, встрѣтивъ случайно безоружнаго и беззащитнаго русскаго, убить его, ради одного удовольствія истребить одного лишняго *гяура*.

Для наказанія кабардинцевъ за безпорядки, въ мартѣ мѣсяцѣ 1805 года, генералъ Глазенапъ вступилъ въ Кабарду съ отрядомъ войскъ. Встрѣтивъ съ противной стороны кабардинцевъ, генералъ Глазенапъ принужденъ былъ жестоко поступить съ ними: конечнымъ результатомъ этой экспедиціи было сожженіе 80-ти непокорныхъ ауловъ. Получивъ такое страшное возмездіе за всѣ свои злодѣянія, кабардинцы пріутихли-было на время, но въ слѣдующемъ 1806 году произвели снова возстаніе и отказались отъ подданства Россіи.

Съ каждымъ годомъ кабардинцы усиливали свои враждебныя дѣйствія и, наконецъ, 7 декабря 1809 года разграбили и раззорили до основанія станицу Приближную на р. Малкѣ, а въ іюлѣ мѣсяцѣ 1810 года цѣлыми скопищами, при содѣйствіи чеченцевъ, принялись страшно опустошать пограничную линію. Всѣ эти дѣйствія кабардинцевъ вынудили генерала Булгакова совершить походъ въ Кабарду. Рядъ пораженій, понесенныхъ кабардинцами и сопровождавшихся отнятіемъ скота и оружія, заставилъ ихъ снова признать надъ собою власть Россіи.

1810 годомъ завершилась въ Кабардѣ эпоха открытыхъ возстаній противъ русскаго правительства, но нельзя сказать, чтобы причиненное генераломъ Булгаковымъ пораженіе кабардинцамъ было послѣднимъ актомъ въ дѣлѣ умиротворенія этого края. По-

слѣ этого кабардинцы хотя и не выказывали сплошного неповиновенія властямъ, но тайно и, если можно выразиться, разбойнически продолжали досаждать русскимъ. О возстановленіи дружескихъ отношеній нечего было и думать.

Не смотря однако-же на явно враждебное настроеніе противъ русскихъ, кабардинцы, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ предстояла возможность извлечь для себя выгоду изъ своего подчиненнаго положенія русскимъ, непрочь были пользоваться этимъ обстоятельствомъ и увѣрять тогда русскихъ въ искренней преданности имъ. Нерѣдко, для достиженія какой-либо личной цѣли, кабардинцы приносили въ жертву по-видимому дорогія для нихъ національныя и даже родственныя связи. Главнымъ образомъ кабардинцевъ можно было привлекать деньгами и русское золото дѣйствительно сильно смущало корыстолюбивую натуру ихъ. Какъ-бы ненависть ни была сильна къ гяуру, но прельщающій глаза блескъ золота пересиливалъ эту ненависть и заставлялъ кабардинца быть готовымъ къ услугамъ русскимъ. Впрочемъ, къ чести кабардинцевъ нужно замѣтить, что они вообще не отличались тою повальною страстію къ предательству изъ-за денегъ, которую проявляли другія горскія племена во время кавказской войны.

Въ 1811 году кабардинцы, стѣсненные принятыми со стороны русскихъ различными воинскими предосторожностями, послали къ императорскому двору депутацію съ изъявленіемъ вѣрноподданнической покорности своей и съ просьбою о подтвержденіи дарованныхъ имъ императрицею Екатериною II правъ и преимуществъ, о возвращеніи имъ свободныхъ въ предѣлахъ нашей линіи земель и о дарованіи имъ нѣкоторыхъ льготъ относительно пользованія солью.

20 января 1812 года кабардинскимъ депутатамъ, при возвращеніи ихъ изъ С.-Петербурга на родину, была вручена высочайшая грамота, слѣдующаго содержанія:

«Подданнымъ нашимъ, кабардинскимъ владѣльцамъ, узденямъ, казыямъ, эффендіямъ и всему народу Наша Императорская милость. Всеподданнѣйшее прошеніе ваше о подтвержденіи вамъ прежнихъ правъ и преимуществъ, и другія бумаги, присланныя съ прибывшими къ Императорскому двору Нашему отъ общества вашего владѣльцами: Хаджіемъ, Бейзарука Хамурзинымъ, Кучукъ Бекомъ Касаевымъ, Шалохъ Ахлавовымъ, и съ узденями Темрюкомъ Казанчѣевымъ, Гетаешъ Куденятовымъ и Мисостомъ Анцоровымъ, Мы, Великій Государь, Наше Императорское Величе-

ство, удостоили Всемилостивѣйшаго вниманія, и принявъ оное прошеніе съ Монаршею благоугодностію, подтверждаемъ тѣ права, какъ оні Высочайшею Грамотою Ея Величества, любезной Бабки Нашей, въ Бозѣ почивающей Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны, отъ 17 августа 1771 года кабардинскому народу дарованы; усмотря изъ онаго прошенія также, что вы въ вѣрности къ Намъ и Имперіи Нашей пребываете непоколебимыми, восхотѣли Мы по милосердію Нашему изъявить вамъ на дѣлѣ Монаршее Наше объ васъ попеченіе, и для того, узнавъ, что народъ кабардинскій нуждается въ первыхъ жизненныхъ припасахъ, позволили Мы отпускать вамъ хлѣбъ съ мѣновыхъ торговъ, учрежденныхъ по разнымъ мѣстамъ, что уже и въ дѣйствіе производится, и о снабженіи васъ всегда солью, повелѣли сдѣлать надлежащія распоряженія. О земляхъ-же, по сю сторону рѣки Малки лежащихъ, буде которыя состоятъ пустопорожними и не принадлежатъ никому, предписали Мы нынѣ главному на Кавказской линіи начальнику войти въ надлежащее разсмотрѣніе, и Намъ представить, имѣется-ли возможность васъ въ томъ удовлетворить безъ стѣсненія другихъ нашихъ подданныхъ, о чемъ и получите вы въ свое время отъ онаго начальника разрѣшеніе.

«Впрочемъ позволяется вамъ невозбранно ѣздить для торга въ Кизляръ и Астрахань, продавать тамъ избытки земли вашей, и покупать потребныя народу вашему матеріи, сукна и другія издѣлія, съ наблюденіемъ правилъ, изданныхъ для таможенъ и карантиновъ, учрежденныхъ для общаго блага и къ безопасности всѣхъ нашихъ подданныхъ.

«Напротиву сего надѣемся Мы, что вы и весь кабардинскій народъ, возчувствовавъ толикія Наши Императорскія милости, не только сдѣлаетесь сами и впредь достойными оныхъ, но что вы, яко вѣрные намъ подданные, потщитесь отвращать и другихъ сосѣдственныхъ вамъ народовъ отъ набѣговъ на предѣлы Наши, не допуская никого изъ нихъ проходить мѣстами, вами занимаемыми, но увѣдомляя о томъ заблаговременно пограничныхъ Нашихъ начальниковъ; чѣмъ вы на дѣлѣ докажете вѣрноподданническое къ Намъ усердіе и повиновеніе.

«Въ доказательство вящаго Всемилостивѣйшаго благоволенія, въ какомъ Мы, Великій Государь, Наше Императорское Величество, всегда желаемъ содержать васъ любезновѣрныхъ владѣльцовъ, узденей, казыевъ, эффендіевъ и всѣхъ подвластныхъ вамъ людей, Нашихъ вѣрноподданныхъ, соизволяемъ Мы отнынѣ

впредь имѣть при Высочайшей особѣ Нашей, изъ почетнѣйшихъ владѣльческихъ и узденскихъ фамилій вашихъ, въ видѣ особой гвардіи Нашей, по 100 человѣкъ конныхъ, вооруженныхъ по обыкновенію вашему, для коихъ составленъ будетъ особый штатъ, съ назначеніемъ достаточной суммы на содержаніе, позволяя вамъ при томъ смѣнять ихъ, по волѣ вашей, чрезъ каждые три года или 5 лѣтъ другими такими-же, которые будутъ состоять подъ собственнымъ Высочайшимъ начальствомъ Нашимъ, на равнѣ съ другими лейбъ-гвардіи Нашей полками. Во исполненіе сего имѣете вы означенное число вооруженныхъ людей, избравъ нынѣ-же къ намъ отправить, снесясь предварительно о томъ съ Нашимъ на линіи главнокомандующимъ, которому отъ Насъ надлежащее о семъ повелѣніе по военному министерству дано будетъ. Мы надѣемся, что сіи храбрые воины, одушевляемы будучи примѣрами предковъ своихъ и руководствуясь вашими наставленіями, потщатся оправдывать при лицѣ Нашемъ то хорошее мнѣніе, которое мы о мужествѣ ихъ, вѣрности и преданности къ особѣ Нашей имѣемъ, и тѣмъ сдѣлаются достойными Монаршаго Нашего къ нимъ благоволенія и милости.

«Сія Наша Императорская Грамота, имѣющая быть всегда основаніемъ и залогомъ незыблемаго благоденствія вашего и всего кабардинскаго народа, отправлена къ вамъ съ вышесказанными владѣльцами и узденями, которые всѣ представлены Намъ были, и отпущены съ награжденіемъ отъ щедротъ Нашихъ. Дана въ Престольномъ Нашемъ Градѣ Св. Петра, съ приложеніемъ большой Государственной печати Нашей» *).

Не смотря на чрезвычайно привѣтливый пріемъ въ Петербургѣ кабардинскихъ депутатовъ, награжденіе ихъ щедрыми подарками и всѣ монаршія милости, выраженныя въ грамотѣ, въ которой притомъ ни однимъ намекомъ не упоминалось о прошлыхъ предосудительныхъ и враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ Россіи, кабардинцы, по-видимому, не остались довольны результатомъ своего посольства въ Петербургъ и по-прежнему продолжали враждовать съ русскими. Расчитывать, впрочемъ, на иной исходъ и ожидать отъ посылки въ Петербургъ депутаціи другихъ послѣдствій и невозможно было, ибо самые депутаты далеко не представляли изъ себя выразителей общихъ желаній населенія Кабарды, а были посланы лишь незначительною частью владѣль-

*) См. Полн. Собр. Зак. Росс. Имп., т. XXXII, стр. 16, № 24,959.

цевъ и узденей, которые имѣли личный интересъ заискивать у русскаго правительства. Поэтому, весьма естественно и понятно, что большинство кабардинцевъ нисколько не сочувствовало желанію нѣкоторыхъ изъ нихъ сблизиться съ русскими и совершенно равнодушно отнеслось къ высочайшей грамотѣ, по всей вѣроятности даже и не понимая всего значенія этого дорогого для нихъ акта.

Какъ мало значенія придавали кабардинцы высочайшей грамотѣ, можно заключить уже потому, что они, втеченіи многихъ послѣдующихъ лѣтъ, подъ видомъ различныхъ причинъ, ни какъ не хотѣли посылать въ Петербургъ 100 человѣкъ выборныхъ молодыхъ людей, изъ которыхъ предполагалось учредить гвардію при особѣ Императора. Судя по существовавшимъ тогда отношеніямъ между русскими и кабардинцами, можно съ увѣренностью сказать, что въ основаніи нежеланія послѣднихъ посылать въ Петербургъ молодыхъ людей было главнымъ образомъ опасеніе, что русское правительство, подъ благовиднымъ предлогомъ, намѣрено держать выборныхъ людей изъ лучшихъ фамилій въ качествѣ заложниковъ.

Всѣ дѣйствія кабардинцевъ ясно указывали на нерасположеніе ихъ къ русскимъ, и послѣ 1810 года они только, по необходимости, измѣнили систему своихъ враждебныхъ дѣйствій и, вмѣсто поголовныхъ возстаній и нападеній большими партіями, стали причинять зло по-одиночкѣ: воровство, грабежи, разбои и убійства въ сосѣднихъ съ кабардинцами русскихъ селеніяхъ и станицахъ продолжали быть повседневными явленіями. Всѣ эти злодѣянія производились, преимущественно, владѣльцами и узденями. Если случалось, что нѣкоторые изъ кабардинцевъ, совершившихъ преступленія, бывали обнаруживаемы, то они, предупреждаемые о томъ своевременно, успѣвали скрываться отъ наказанія къ сосѣднимъ закубанцамъ. Такимъ образомъ составлялись цѣлыя разбойничьи шайки бѣглецовъ, которые еще съ большимъ ожесточеніемъ и ненавистью преслѣдовали и истребляли все, что имѣло видъ или носило названіе русскаго.

Для обузданія кабардинскаго своеволія и наказанія ихъ за злодѣйства, по существовавшей тогда системѣ, были вводимы по временамъ въ Кабарду войска для экзекуцій. Всѣ эти посѣщенія русскихъ войскъ, по обыкновенію, стоили кабардинцамъ не дешево, но, къ сожалѣнію, уроки подобнаго рода весьма скоро забывались ими и они снова, съ присущимъ имъ легкомысліемъ,

начинали производить безпорядки, навлекавшіе на нихъ новыя бѣдствія. Такимъ образомъ кабардинцы въ 1818 году подверглись довольно строгому взысканію, послѣдствіемъ котораго было разореніе до основанія аула Трамова, находившагося близъ Константиногорской крѣпости, и отнятіе множества скота для удовлетворенія претензій русскихъ, потерпѣвшихъ отъ хищничества кабардинцевъ.

Въ такомъ неутѣшительномъ видѣ засталъ дѣла въ Кабардѣ назначенный тогда главнокомандующимъ на Кавказѣ генералъ Ермоловъ. Даже желѣзная воля и удивительная энергія этого знаменитаго на Кавказѣ дѣятеля не въ состояніи были окончательно побороть расходившейся не въ мѣру хищнической натуры кабардинцевъ.

До 1821 года, генералъ Ермоловъ, отвлекаемый дѣлами съ другими народностями Кавказа, оставлялъ въ покоѣ кабардинцевъ, но въ этомъ году, для установленія надъ кабардинцами лучшаго надзора, предписалъ, чтобы всѣ изъ нихъ, обитавшіе въ горахъ, выселились на плоскость. Кабардинцы, по обыкновенію, недружелюбно и подозрительно встрѣтили это требованіе и весьма неохотно приступили къ исполненію его.

Медленность въ исполненіи предписанія главнокомандующаго и очевидное желаніе кабардинцевъ уклониться отъ исполненія этого предписанія, вызвали въ 1822 году личное прибытіе въ Кабарду генерала Ермолова.

Первымъ дѣломъ, по прибытіи главнокомандующаго въ Кабарду, было заложеніе новаго ряда укрѣпленій, такъ-сказать, въ самомъ сердцѣ Кабарды. Укрѣпленія эти были заложены по линіи предгорій, на рр. Черекѣ, Нальчикѣ, Чегемѣ, Баксанѣ и въ верховьяхъ р. Малки.

По прибытіи генерала Ермолова въ Кабарду, владѣльцы и уздени, выселившіеся изъ горъ, обратились къ нему съ жалобою на притѣсненія ихъ и съ просьбою о дарованіи имъ нѣкоторыхъ льготъ. На просьбу эту генералъ Ермоловъ, 26 іюня 1822 года, отвѣчалъ слѣдующее:

«Разсмотрѣвъ поданную мнѣ просьбу, объявляю:

«Кабардинцы жалуются на утѣсненіе и наказаніе невинныхъ и до сего времени, въ-продолженіи болѣе пяти лѣтъ моего здѣсь начальствованія, кромѣ гнусной измѣны, нарушенія клятвы, воровства и убійствъ ничего не дѣлали. Кто изъ владѣльцевъ, котораго сынъ, братъ, или ближайшій изъ родственниковъ,

или подвластный узденъ, или рабы ихъ, свободу получившіе, не дѣлали злодѣйствъ? Кто сказать можетъ въ оправданіе свое, что не зналъ о томъ? Черезъ чьи земли не проходили шайки разбойниковъ, кто отказалъ имъ въ пристанищѣ? Возвратившіеся изъ плѣна люди называютъ ихъ по именамъ; бѣгущихъ подлецовъ не разъ видали въ лицо преслѣдующія наши войска.

«Полковникъ Подпрятовъ и полковникъ Кацаревъ никого не наказывали самопроизвольно: всѣ участвовали въ измѣнѣ, всѣ и должны были нести наказаніе.

«Я требовалъ разбойниковъ для наказанія—ихъ не выдавали, хотя ихъ было многое число; укрывая ихъ злодѣйства—умножали число ихъ и справедливо за то потерпѣли.

«Я хочу забыть прежнее: и владѣльцамъ и узденямъ, вышедшимъ изъ горъ по моему призванію, не только не допущу впредь дѣлать ни малѣйшей обиды, напротивъ—готовъ быть полезнымъ.

«Всемилостивѣйшія грамоты покойной императрицы Екатерины II и нынѣ благополучно царствующаго Великаго Императора даны были кабардинцамъ, какъ подданнымъ покорнымъ и вѣрнымъ. Будутъ впредь кабардинцы таковыми—и ихъ удостоены будутъ, но ихъ заслужить должно!

«Теперь-же въ пользу кабардинцевъ установляю:

«Сохраню свободное отправленіе вѣры и прежніе обычаи.

«Принимаю выселившихся изъ горъ владѣльцевъ и узденей въ прежнемъ ихъ достоинствѣ и званіи.

«Не отъемлю земель ихъ и ничего изъ собственности.

«Незначущая часть земли занята будетъ подъ большія дороги для общей пользы, для устраивающихся крѣпостей съ небольшимъ участкомъ, для огородовъ и сѣнокоса.

«Установлю судъ изъ самихъ владѣльцевъ и узденей на правахъ россійскихъ и назначу, въ какихъ случаяхъ надобно будетъ призывать власть духовныхъ людей.

«Свободный торгъ не только не воспрещу никому, напротивъ—буду всячески способствовать.

«Предоставляю владѣльцамъ и узденямъ прежнія права надъ подвластными, но отъ нынѣ впредь уничтожается власть лишать рабовъ жизни.

«Кто изъ владѣльцевъ и узденей нарушитъ сіе, будетъ жестоко наказанъ, а семейство лишеннаго жизни получитъ свободу.

«Рабовъ, обвиняемыхъ въ уголовныхъ преступленіяхъ, от-

давать подъ военный судъ и препровождать къ начальнику ближайшей крѣпости.

«Дѣтей, бывшихъ прежде аманатами, возвращу родителямъ, когда поведеніемъ и вѣрностью сихъ послѣднихъ правительство будетъ довольно.

«Желающихъ принять христіанскій законъ я не могу отклонять отъ онаго, но отнюдь не допущу приглашать къ тому обольщеніями. До сего принявшихъ законъ возвратить не могу.

«Возвращу рабовъ, которые бѣжали отъ своихъ владѣльцевъ по переселеніи уже ихъ изъ горъ.

«Позволю пасти скотъ на пустопорожней землѣ за Малкою, но не стѣсняя тѣхъ, кои туда переселиться пожелаютъ.

«Позволю брать для скота соленую грязь со стороны Кубани и будетъ назначено время, когда для того отправляться караванамъ.

«Владѣльцы и узденя сохраняютъ въ своей собственности лѣтнія мѣста для пастьбищъ скота въ горахъ.

«Владѣльцы и узденя, остающіеся въ горахъ, лишаются достоинства своего, равно и дѣти ихъ; лишаются также земель, которыя, безъ разрѣшенія моего, никѣмъ занимаемы быть не могутъ. Рабы ихъ, которые выбѣжали, получаютъ вольность. Подлые сіи измѣнники захотятъ продать ихъ, но воспрещаю покупать ихъ и покупка признается мною беззаконною со времени прокламаціи, объявленной полковникомъ Кацаревымъ.

«Владѣльцамъ и узденямъ, вѣрноподданнымъ Великаго Государя, воспрещается всякое съ сими измѣнниками сношеніе и накажу строго, если узнаю о томъ. Имена сихъ мошенниковъ, лишенныхъ прежняго достоинства, мною обнародованы будутъ».

Кабардинцы, поставившіе себѣ какъ-бы за непремѣнное правило никогда не быть довольными распоряженіями представителей русскаго правительства, отнеслись враждебно и къ изложенному сейчасъ обращенію къ нимъ генерала Ермолова, который, спустя мѣсяцъ послѣ того, 1 августа 1822 года, снова обратился къ кабардинскимъ владѣльцамъ, узденямъ и народу съ слѣдующею прокламаціею:

«Не смотря на желаніе мое, чтобы кабардинцы жили счастливо и спокойно, многіе не выходятъ изъ горъ и, продолжая подлыя мошенничества, грабятъ тѣхъ, кои переселились, и дѣлаютъ убійства. Нѣкоторые обманули, прося позволенія переселиться;

другіе, не получившіи онаго лично отъ меня, не только бѣжали сами, но и другихъ склонили къ побѣгу.

«Я объявляю всѣмъ кабардинцамъ, и въ особенности простому народу, что всѣхъ владѣльцевъ и узденей, бѣжавшихъ за Кубань или укрывающихся въ горахъ, какъ явныхъ измѣнниковъ своему Великому Государю, именемъ Его Величества, лишаю всѣхъ правъ ихъ и достоинствъ.

«Если кто изъ кабардинцевъ будетъ съ ними имѣть связи и сношенія, будутъ строго наказаны.

«Съ ними запрещается вступать въ новыя связи и родства.

«Ежели до сего были съ ними разбирательства по шаріату, отнынѣ всѣ уничтожаются, ибо люди честные, подданные вѣрные, не судятся съ измѣнниками и подлыми мошенниками.

«Узденямъ и простому народу повелѣваю: при всякой встрѣчѣ съ измѣнниками дѣйствовать оружіемъ и забыть глупое обыкновеніе не стрѣлять на князей, когда они стрѣляютъ.

«Если кто изъ измѣнниковъ, бѣжавшихъ за Кубань или укрывающихся въ горахъ, будетъ нападать на селенія или догнанъ будетъ въ преслѣдованіи и противъ него простой народъ стрѣлять не будетъ, то селеніе будетъ наказано оружіемъ, о чемъ и дано уже приказаніе начальникамъ строящихся крѣпостей. Мошенники, по глупому прежнему обыкновенію, будутъ защищаться тѣмъ, что они князья,—простой народъ не долженъ сему вѣрить и я еще повторяю, что со всѣхъ вообще измѣнниковъ сняты прежнія ихъ достоинства.

«Отнынѣ впредь запрещается всѣмъ кабардинскимъ владѣльцамъ и узденямъ отдавать дѣтей своихъ на воспитаніе къ чужимъ народамъ, т. е. къ закубанцамъ, карачаевцамъ и вообще горскимъ народамъ, но воспитывать ихъ въ Кабардѣ. Тѣхъ, кои отданы прежде, тотчасъ возвратить».

Независимо отъ устройства крѣпостей внутри Кабарды и вообще грозныхъ мѣръ, принятыхъ генераломъ Ермоловымъ, послѣдній нашелъ необходимымъ, для большаго контроля надъ дѣйствіями кабардинцевъ, учредить въ укр. Нальчикѣ временный кабардинскій судъ, съ участіемъ въ немъ русскаго чиновника. Тогда-же было предписано главнокомандующимъ всѣхъ кабардинцевъ, обвиняемыхъ въ убійствѣ, измѣнѣ, возмущеніи въ народѣ, побѣгѣ за предѣлы линіи съ злымъ намѣреніемъ, подводѣ хищниковъ къ злодѣйствамъ и сношеніи съ ними, набѣгахъ на границы линіи, нападеніи и хищничествѣ въ оной и обнаженіи оружія въ

ссорахъ, съ причиненіемъ ранъ,—подвергать личной отвѣтственности, придавая ихъ военному суду. Кромѣ этихъ нововведеній, кабардинцамъ строго было воспрещено отлучаться куда-либо изъ Кабарды безъ письменныхъ видовъ. На случай-же необходимости въ отлучкѣ, они должны были получать печатные билеты: для поѣздки внутрь линіи — отъ временнаго суда, за Кубань и въ горы — отъ начальника въ Кабардѣ, а при отъѣздѣ въ дальнія мѣста Россіи—отъ начальника Кавказской линіи.

Какъ и слѣдовало ожидать, кабардинцамъ не пришлись по сердцу всѣ изложенныя нововведенія, установленныя генераломъ Ермоловымъ. Въ то-же время кабардинцы обратились съ просьбою къ главнокомандующему объ уничтоженіи возводимыхъ крѣпостей и временнаго суда, но неумолимый генералъ Ермоловъ, прокламаціею отъ 9 августа 1822 года, отвѣчалъ имъ:

«На просьбу, 6 числа августа мнѣ поданную, отвѣтствую:

«О крѣпостяхъ просьбы безполезны: я сказалъ, что онѣ будутъ—и онѣ строятся.

«Подвластные, которые примутъ христіанскую вѣру, останутся въ такой-же, какъ и прежде, зависимости и отбираемы не будутъ. Владѣльцы не должны препятствовать имъ въ отправленіи вѣры и я строго накажу тѣхъ эффендіевъ и муллъ, которые, по гнусному невѣжеству своему, ихъ утѣснять будутъ.

«Цѣну соли уменьшить не могу.

«За земли, которыми пользуются, должно отвѣтствовать и потому защищать ихъ отъ прорыва разбойниковъ.

«Въ случаѣ набѣга мошенниковъ, будетъ всегда дѣлаемо слѣдствіе. Виновные заплатятъ за похищенное, если видѣли партіи разбойниковъ, не препятствовали, не противились оружіемъ или тотчасъ-же не увѣдомляли начальниковъ ближайшихъ крѣпостей.

«Въ случаѣ измѣны или участія въ разбояхъ, всякій владѣлецъ и уздень теряетъ свое достоинство и наказывается, какъ всякій преступникъ, по законамъ россійскимъ.

«Подтверждаю еще, что рабы тѣхъ подлыхъ мошенниковъ, кои ушли за Кубань или скрываются въ горахъ, оставя свое отечество, получаютъ вольность, когда отъ нихъ выбѣгутъ.

«Лучшія и вѣрныя мѣры, дабы не бѣжали рабы, принадлежащіе владѣльцамъ и узденямъ, выселившимся изъ горъ, есть кроткое и снисходительное съ ними ихъ обращеніе.

«Воспрещаю имѣть сношеніе съ бѣжавшими въ горы мо-

шенниками и напрасно думають увѣрить меня, что есть изъ нихъ ушедшіе по неволѣ. Нарушающій сіе запрещеніе будетъ наказываемъ, какъ измѣнникъ.

«Хочу видѣть, кто желать можетъ продолжать связи съ подлыми мошенниками, лишенными прежнихъ достоинствъ владѣльцевъ и узденей?

«Если-же кто изъ бѣжавшихъ въ горы, обманутый злонамѣренными внушеніями, вознамѣрится ввѣрить себя россійскому начальству, или даже тѣ, кои, боясь наказанія за прежнія воровства, раскаясь, придутъ просить прощенія и позволенія поселиться на равнинѣ, я далъ наставленіе начальнику, который будетъ назначенъ мною въ Кабардѣ, разсматривать, кто того достоинъ, и давать позволеніе. Если-же кто не получитъ онаго, можетъ безопасно возвратиться и остановленъ не будетъ, но прощенія просить долженъ не иначе, какъ лично.

«Въ случаѣ отгона табуна, скота или другой покражи у поселившихся на равнинѣ, для отысканія оныхъ никто не имѣетъ права ѣздить въ горы безъ билета начальства, а дабы отвратить вредныя сношенія, билеты будутъ выдаваться только извѣстнымъ людямъ.

«Изъ словъ простого народа вижу я, что приказанія мои совсѣмъ не сообщаются ему или истолковываются въ другомъ смыслѣ, а паче глупыми муллами, которые въ Кабардѣ, по большей части, происходятъ изъ самаго подлаго состоянія. Пришлю я чиновника, который, въ присутствіи владѣльцевъ и узденей каждаго аула, соберетъ старѣйшихъ изъ простого народа и имъ истолкуетъ мои распоряженія.

«Давъ повелѣніе черному народу употреблять оружіе противъ презрительныхъ мошенниковъ, скрывающихся въ горахъ, слышалъ я, что думаютъ владѣльцы и уздени дѣлать какое-то на счетъ того постановленіе. Я предостерегаю, что умѣю требовать исполненія моихъ повелѣній и исполнять заставить».

VI.

Неудовольствіе кабардинцевъ по поводу новыхъ порядковъ, введенныхъ генераломъ Ермоловымъ. — Жалобы кабардинцевъ на эти порядки.—Новая попытка къ возстанію въ Кабардѣ и подавленіе этого возстанія.—Стремленіе кабардинцевъ къ эмиграціи.—Вступленіе Шамиля въ Кабарду и волненіе въ ней.—Переселеніе части кабардинцевъ въ Турцію.—Послѣдняя попытка кабардинцевъ къ неповиновенію властямъ, при освобожденіи у нихъ рабовъ.—Современное положеніе кабардинцевъ.

Нѣсколько крутыхъ примѣровъ, показавшихъ кабардинцамъ, что, дѣйствительно, главнокомандующій генералъ Ермоловъ крѣпко держитъ свое слово и на самомъ дѣлѣ умѣетъ заставить выполнять свои требованія, убѣдили кабардинцевъ въ невозможности сопротивляться этимъ требованіямъ. Кабардинцы, скрѣпя сердце, должны были поневолѣ подчиниться всѣмъ установленнымъ нововведеніямъ, но сознаніе этой необходимости еще болѣе раздражало ихъ и усиливало нерасположеніе къ русскимъ.

Нечего и говорить, что кабардинцы, при каждомъ благовидномъ случаѣ, старались обходить требованія начальства. Учрежденный въ Нальчикѣ временный кабардинскій судъ, съ отъѣздомъ главнокомандующаго изъ Кабарды, почти бездѣйствовалъ, вызывая этимъ грозныя посланія генерала Ермолова, а затѣмъ и начальника линіи, генералъ-маіора Вельяминова; владѣльцы продолжали оставаться въ горахъ и хотя нѣкоторые изъ рабовъ этихъ владѣльцевъ стремились воспользоваться свободою, убѣгая отъ своихъ владѣльцевъ на плоскость, подъ защиту русскихъ, но большинство рабовъ страшилось прибѣгать къ этому средству, а простой народъ, находившійся, въ силу установившагося въ Кабардѣ общественнаго строя, въ полной зависимости отъ владѣльцевъ и узденей, не рисковалъ вступать съ ними во враждебныя отношенія и преслѣдовать непокорныхъ владѣльцевъ и узденей, какъ требовалъ того генералъ Ермоловъ, не придавая при этомъ, конечно, никакого значенія тому, что непокорные владѣльцы и уздени лишены этихъ званій: понятіе объ этомъ было чуждо для кабардинцевъ.

Кабардинцы хотя и пользовались всякимъ случаемъ, чтобы уклоняться отъ исполненія нѣкоторыхъ требованій начальства, но иногда, подъ страхомъ неизбѣжнаго наказанія, все-таки дол-

ны были исполнять эти требованія. Такое положеніе тяготило кабардинцевъ и они всѣми средствами стремились устранить его, обращаясь для этого неоднократно съ просьбами объ уничтоженіи нововведеній; но просьбы эти, по обыкновенію, не приводили къ желаемымъ результатамъ.

Въ 1825 году кабардинцы воспользовались проѣздомъ черезъ Кабарду начальника главнаго штаба, генералъ-адъютанта Дибича, и, такъ сказать, излили передъ нимъ всю горечь своей жизни, подавъ ему весьма любопытное прошеніе, слѣдующаго содержанія:

«Кабардинскіе князья и народъ родомъ изъ *Египта*. Сначала *Арапханъ* явился въ Константинополь къ Кесарю и, съ позволенія его, имѣлъ жительство около Крыма, на рѣчкѣ, называемой Кабарда. Потомъ князья со всѣмъ народомъ, не давая знать Кесарю, переправясь чрезъ море въ гавань Кизилъ-ташъ, гдѣ впадаетъ въ море р. Кубань, поселились на оной рѣчкѣ и жили тамъ 7 лѣтъ. Изъ нихъ князь Иналъ за Кубанью померъ; происходящіе отъ него князья Бесленѣевцы и Кемиргоевцы съ подвластными остались за Кубанью, а прочіе переселились сюда, составя Большую и Малую Кабарду, что было спустя послѣ Магомета 150 лѣтъ и по нашему исчисленію составитъ переселеніе сего народа въ Кабарду назадъ тому 1093 года, раздѣлясь пополамъ на шесть фамилій, а именно: въ Большой Кабардѣ—*Атажукину*, *Мисостову*, *Бекмурзину* и *Кайтукину* и въ Малой—*Таусултанову* и *Глохстанову*. Нѣкоторые князья, а въ томъ числѣ и самъ Иналъ, находясь еще въ Крыму и на Кубани, во время совѣщанія съ греками, приняли христіанскую вѣру *). Народъ кабардинскій, съ самаго переселенія въ Кавказскія горы, считается сильнѣйшимъ противу другихъ жителей Кавказа и пользовался всегда съ прочихъ народовъ податью.

«Кабардинскіе узденя раздѣляются на четыре степени, а именно: на 1-ю, 2-ю, 3-ю и 4-ю; родъ ихъ и достоинства идутъ съ самаго начала издревле.

«Когда Кабардинскій народъ былъ въ цѣлости, жилъ покойно и не было въ Кабардѣ русскаго правительства, тогда всѣ гражданскія дѣла рѣшались по шаріату эфендіемъ и кадіемъ, или по духовному суду. Въ 1792 году государыня императрица Екатерина Алексѣевна учредила въ Большой и Малой Кабардѣ родовой расправный судъ, на кабардинскихъ правахъ; народъ, считая

*) Всѣ эти свѣдѣнія изложены на основаніи существующихъ въ Кабардѣ преданій.

сей судъ противнымъ магометанскому закону, въ 1801 или 1802 году, настояще не упомнимъ, просилъ объ уничтоженіи онаго бывшаго кабардинскаго пристава генералъ-маіора Дельпоццо, а сей доводилъ о томъ до свѣдѣнія бывшаго главнокомандующаго въ семъ краѣ князя Циціанова, который и разрѣшилъ судъ сей уничтожить, учредивъ для разбирательства народныхъ дѣлъ мехкеме или шаріатъ, каковымъ и разбирались всѣ дѣла до учрежденія въ Кабардѣ русскаго правленія, а въ 1822 году, бывшій корпусный командиръ, генералъ-отъ-инфантеріи Ермоловъ, прокламаціею въ 1-й день сентября сему народу данной, уничтожа разбирательство шаріатомъ, учредилъ, противно магометанскому закону, въ Кабардѣ временный судъ, предоставя духовному разбирательству слѣдующія только дѣла: 1) до вѣры и совѣсти касающіяся; 2) по несогласію мужей и женъ; 3) ссоры между родителями и дѣтьми и 4) вообще дѣла, не имѣющія уликъ, ясныхъ доказательствъ и письменныхъ свидѣтельствъ. Народъ кабардинскій, издревле привыкшій рѣшать всѣ гражданскія дѣла по шаріату, просилъ объ уничтоженіи суда его-же генералъ-отъ-инфантеріи Ермолова, но его превосходительство въ просьбѣ сей совершенно отказалъ, чрезъ что многіе князья, узденя и черный народъ начали бунтовать, а нѣкоторые бѣжали за Кубань и нынѣ тамъ находятся, а потому народъ проситъ кабардинскій судъ уничтожить, позволя имъ всѣ гражданскія и народныя дѣла рѣшать по прежнему шаріатомъ, уголовныя-же дѣла согласны, чтобы были разбираемы военнымъ судомъ.

«Кабардинскій народъ поступилъ въ подданство Россіи въ царствованіе Іоанна Васильевича, при взятіи города Астрахани. Въ то время разные кабардинскіе узденя признаны царемъ Іоанномъ Васильевичемъ въ равномъ достоинствѣ съ русскими дворянами; позволено также отъ него кабардинцамъ брать каждому въ годъ по одной арбѣ, запряженной двумя парами воловъ, съ Можарскаго озера соли, какъ прежде таковую брали безъ всякаго позволенія, пасти скотъ на той сторонѣ (лѣвой) р. Малки кабардинцамъ не препятствовать, подданныхъ имъ осетинцевъ, абазинцевъ и прочихъ народовъ не отнимать, холоповъ, въ Россію бѣжавшихъ, не принимать, а отдавать обратно ихъ владѣльцамъ, и все это утверждено было отъ царя Іоанна Васильевича грамотою *). Крымскіе ханы, узнавъ о подданствѣ россійскому царю

*) Это заявленіе кабардинцевъ о томъ, что будто-бы имъ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ была пожалована грамота — ошибочно, такъ-

кабардинцевъ, начали дѣлать на нихъ нападенія и имѣть войну; народъ, переселяясь оттого съ мѣста на мѣсто, какъ слышно изъ словъ стариковъ, грамоту потерялъ. Потомъ, когда начали строить городъ Моздокъ, многіе холопья начали изъ Кабарды отъ своихъ господъ бѣгать въ Моздокъ, а оттуда въ Кизляръ, а потому отъ кабардинскаго народа, въ 1771 году, посланы были въ С.-Петербургъ къ государынѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ князья: Кургоко Татархановъ и Жанхотъ Седакаевъ, съ просьбою уничтожить Моздокъ и возобновить прежнюю грамоту и права сему народу отъ царя Іоанна Васильевича данныя, а потому и выдана кабардинцамъ, въ 15 день іюня 1771 г., грамота, которою принимать бѣглыхъ холопьевъ запрещено, а велѣно отдавать обратно ихъ владѣльцамъ; но бывшій корпусный генералъ отъ-инфантеріи Ермоловъ, противно грамоты, многихъ холопьевъ, выбѣжавшихъ изъ горъ на равнину, нѣкоторымъ даже однимъ днемъ прежде господъ успѣвшимъ выйти, далъ вольность, а потому выселившимся на равнину ихъ владѣльцамъ въ отдачѣ холопьевъ отказалъ, кои понынѣ пользуются вольностью. Народъ проситъ, согласно той грамоты, всѣхъ холопьевъ, бѣжавшихъ отъ своихъ господъ, возвратить по-прежнему ихъ владѣльцамъ съ тѣмъ, если господа ихъ живутъ въ Кабардѣ, а которые остались за Кубанью—тѣхъ холопья могутъ пользоваться вольностью.

«Уничтоженіе Моздока тою-же грамотою отказано потому, что будто оный строится къ общей пользѣ, для защиты отъ другихъ непріятелей, а не отъ кабардинцевъ, и сверхъ того, бывшій на линіи генералъ, называемый Якубой (Якоби), отъ Моздока по рр. Малкѣ и Кумѣ, до самаго Черкесъ-Кармана, началъ строить на земляхъ, сему народу принадлежащихъ, крѣпости. Кабардинцы, считая для себя сіе обидою, просили о томъ князя Потемкина, который, отрѣшивъ того генерала отъ должности, объявилъ, что уничтожить крѣпостей не можетъ, потому-что на построеніе оныхъ истрачено много казны, обѣщая при томъ остальныхъ земель, оставшихся порожними по рр. Малкѣ, Кумѣ и Курѣ, у кабардинцевъ не отнимать, позволивъ производить на оныхъ хлѣбопашество и пасти скотъ по-прежнему; но нѣкоторые, будучи недовольными правительствомъ, а болѣе молодые и вѣтренные люди, начали дѣлать въ границахъ линіи шалости.

какъ въ числѣ историческихъ документовъ россійскаго государства этой грамоты не имѣется и даже нѣтъ указанія, чтобы таковая была выдаваема.

«Тою-же грамотою позволено кабардинцамъ брать по одной арбѣ, запряженной двумя парами воловъ, съ Можарскаго озера соль, съ уплатою по 1 руб. 50 коп. за каждую арбу въ казну денегъ, чѣмъ народъ и пользовался, а когда начала въ Кабардѣ свирѣпствовать чума, то бывшій кабардинскій приставъ генералъ-маіоръ Дельпоццо, съ воли начальства, ѣздить на то озеро за солью запретилъ; также не позволено было, до уничтоженія заразы, пасти на старой линіи скотъ и барановъ. Народъ, будучи доведенъ таковыми поступками правительства до крайности и обижаясь отнятіемъ собственности, началъ дѣлать въ предѣлахъ кавказской линіи шалости, а потому въ 1810 году, бывшій дивизіонный начальникъ генералъ-отъ-инфантеріи Булгаковъ, съ отрядомъ россійскихъ войскъ, вошелъ въ Кабарду и дѣлалъ народу большія опустошенія, раззорилъ почти всѣхъ до основанія, не разбирая ни праваго, ни виноватаго, и тѣмъ почти весь народъ былъ разогнанъ; потомъ въ 1811 году, прибывшій изъ Петербурга генералъ Вердеревскій, обласкалъ народъ, успокоилъ, и въ томъ-же году, 4 января, бывшій главнокомандующій генералъ Тормасовъ, прокламаціею народу данною и чрезъ пристава генералъ-маіора Дельпоццо объявленною, позволилъ кабардинцамъ покупать соль въ Прохладненскомъ мѣновомъ дворѣ, съ платою за каждый пудъ по 40 коп.; вскорѣ послѣ того набавили цѣну до 80 коп., а послѣ начали продавать по 1 руб. 50 коп. и наконецъ по 2 руб. Поэтому, въ томъ-же году, посланы были отъ кабардинскаго народа въ Петербургъ князья: Хаджи Безрука Хамурзинъ, Кучукъ Касаевъ, Шолоха Ахловъ, узденя: Темрюка Казанищевъ, Гетагажа Кудинетовъ и Мисостъ Анзоровъ, съ просьбою къ Его Императорскому Величеству утвердить прежнія грамоты и кабардинскіе обряды, кои и были утверждены таковою въ 20 день января 1812 года; но народъ по оной вывозкою соли съ Можарскаго озера не пользовался. Нынѣ кабардинцы, будучи раззорены, просятъ, до поправленія своего, смотря по надобности, нѣкоторое время возить соль по-прежнему съ того озера, а послѣ согласны уже покупать таковую, какъ покупаютъ всѣ жители линіи.

«Податью съ осетинъ и другихъ народовъ, согласно той же грамоты въ 15 день іюля 1771 года, кабардинцы пользовались по 1821 годъ, а въ семъ году отъ бывшаго корпуснаго командира Ермолова присланъ былъ въ Кабарду для наказанія народа отрядъ россійскихъ войскъ, съ принужденіемъ переселяться ка-

бардинцамъ со старыхъ мѣстъ на равнину. Народъ таковое принужденіе къ переселенію понялъ въ худую для него сторону, а потому многіе изъ кабардинскихъ князей, узденей и чернаго народа, даже и честные люди, почти на-половину бѣжали за Кубань, гдѣ и нынѣ находятся, а остальная часть кабардинцевъ переселилась на равнину; осетины-же и другіе народы остались въ горахъ. Начальство, для безопасности, дабы народы сіи не принимали и не пропускали чрезъ свои земли закубанцевъ и бѣглыхъ кабардинцевъ для хищничества въ россійскія границы, требовало отъ нихъ аманатовъ, кои, въ залогъ вѣрности, отъ нихъ и выданы, а чрезъ то и подать платить кабардинцамъ не велѣно. Кабардинцы просятъ нынѣ, согласно прежнимъ обрядамъ, брать съ нихъ подать, а аманатовъ возвратить имъ, ручаясь удерживать ихъ на будущее время отъ всѣхъ неблагонамѣренныхъ для Россіи поступковъ, такъ-какъ всѣ народы, въ горахъ живущіе, равно и земли ими населенныя издревле принадлежали кабардинцамъ, а сіи почитались изъ всѣхъ сильнѣйшими.

«Въ 1814 году, когда еще не было въ Кабардѣ русскаго правительства и крѣпостей, бывшій начальникъ Кавказской линіи, генералъ-маіоръ Дельпоццо, въ обезпеченіе линіи отъ хищниковъ, взялъ отъ нѣкоторыхъ князей и узденей въ аманаты дѣтей, а когда бывшій корпусный командиръ, генералъ-отъ-инфантеріи Ермоловъ, началъ строить въ Кабардѣ крѣпости и принуждать къ переселенію, тогда половина народа удалилась за Кубань, въ томъ числѣ и отцы нѣкоторыхъ дѣтей въ аманатахъ находящихся, а другіе изъ нихъ остались въ Кабардѣ; дѣти-же многихъ изъ послѣднихъ остались въ аманатахъ, а другіе отосланы въ сиротское отдѣленіе и поступили на службу. Народъ по сему предмету проситъ начальство обратить вниманіе и дѣтей, коихъ отцы находятся въ Кабардѣ и пребывали всегда Россійскому правительству вѣрными, возвратить обратно, коимъ при семъ и представляется особенный списокъ, такъ-какъ ихъ и бывшій корпусный командиръ генералъ Ермоловъ, прокламаціею въ 26 день іюня 1822 года сему народу данною, обѣщалъ возвратить.

«Нынѣ земли, не только за Малкою издревле кабардинцамъ принадлежавшія, кои обѣщало начальство никогда у кабардинцевъ не отнимать, но даже земли и лѣса въ Кабардѣ, въ самомъ отечествѣ, начиная съ Терека отъ крѣпости Владикавказской до Кубани, кои уже были раздѣлены между народомъ, отняты подъ крѣпости и для казенныхъ сѣнокосовъ, безъ всякой за оныя за-

платы; соленыя озера на Этокѣ и Кубани состоящія также издревле принадлежали кабардинцамъ, что и бывшій корпусный командиръ генералъ-отъ-инфантеріи Ермоловъ, прокламаціею, въ 6-й день іюня 1822 года народу данною, подтвердилъ, обѣщая не отнимать у кабардинцевъ земель и другой собственности и позволя возить для скота съ Кубанскаго соленаго озера грязь въ Кабарду, за каковою и ѣздили кабардинцы каждое лѣто, по билетамъ начальника Кабарды, караванами, равно на Золкѣ и Этокѣ пасть скотъ и табуны не препятствовать и поить ихъ на тамошнихъ соленыхъ озерахъ позволилъ, чѣмъ и пользовались по сіе время. Нынѣ-же, въ противность обѣщаній начальства и прокламаціи, Кубанское озеро отдано генералъ-маіоромъ Вельяминовымъ въ пользу Хоперскому казачьему полку, а земли на Золкѣ и Этокѣ состоящія, равно и соленыя озера, отданы Волгскому казачьему полку. Народъ кабардинскій, обижаясь таковыми измѣненіями обѣщаній начальства и отнятіемъ собственности, проситъ войти въ ихъ положеніе и какъ земли и озера на Золкѣ и Этокѣ состоящія, равно и Кубанское соленое озеро обратить по-прежнему во владѣніе кабардинцевъ, не запрещая на первыхъ пасти и поить скотъ, а съ послѣдняго брать грязь и возить въ Кабарду для зимняго продовольствія онаго скота (съ Этоцкаго-же озера возить грязь по жидкости оной невозможно), потому что земли сіи и озера издревле принадлежали кабардинцамъ, кои, не имѣя ни торговли, ни другой промышленности, единственное пропитаніе имѣютъ отъ скотоводства, для коего необходимо нужна соленая грязь, такъ-какъ скотъ къ ней весьма привыченъ и обойтись безъ нея не возможетъ, равно и для пастьбы онаго достаточное количество земли также необходимо. Если-же сіе прошеніе начальствомъ не будетъ уважено, то кабардинцы должны будутъ лишиться и остального скота, ибо хотя народъ сей прежде и имѣлъ достаточное количество лошадей, барановъ и рогатаго скота, но, впослѣдствіи времени, кордонные командиры, интересуясь наградами или почему-либо другому, оговаривали народъ кабардинскій передъ начальствомъ въ разныхъ воровствахъ совершенно иногда ложно и чрезъ то получали повелѣнія угонять у кабардинцевъ табуны близъ линіи пасущіеся, что и исполняли съ особеннымъ рвеніемъ, угоняя скотъ, лошадей и барановъ, по нѣскольку разъ въ годъ, не разбирая ни праваго, ни виноватаго; даже и тѣ лишались своихъ табуновъ, кои имѣли отъ начальства на безопасность билеты, и чрезъ то кабардинцы доведены были до такой степени бѣд-

ности, что принуждены были, спасая последнее имущество, скрываться отъ несправедливаго раззоренія въ горахъ, многіе бѣжали за Кубань, а нѣкоторые вѣтренные люди, изъ злобы и мщенія, дѣлали шалости, другіе-же, совершенно преданные Россіи, были обижены и раззорены безъ всякой причины, несмотря на то, что кабардинцы всегда по вѣдомостямъ кабардинскаго пристава за всѣ похищенія, на старой линіи случавшіяся, уплачивали безотговорочно: такъ, въ 1804 году, по вѣдомости генералъ-маіора Дельпоццо, за прошедшія 10 лѣтъ, въ 1810 году—за прошедшія 6-ть лѣтъ, въ 1814 году—также за прошедшее время; въ 1818 году Трамовъ аулъ, бывшій за полторы версты отъ крѣпости Константиногорской, раззоренъ до основанія, скотъ и табуны угнаты и поступили за похищенія въ прошлыя 10 лѣтъ, тогда какъ если-бы были въ томъ аулѣ какіе люди неблагонамѣренные и вредные для Россіи, то правительство обязано было, не раззоряя всего аула, взять виновныхъ и предать ихъ законному сужденію. Чрезъ такое раззореніе жители аула вынуждены были переселиться или даже прогнаты были на другія мѣста, а когда потомъ нѣкоторые изъ нихъ пріѣзжали на прежнее жительство за просомъ, то были пойманы въ числѣ 20 человѣкъ и отданы въ военную службу. Этихъ людей начальство хотя и обѣщало возвратить, но и до сего времени гдѣ они находятся неизвѣстно, коихъ нынѣ проситъ народъ возвратить. Наконецъ, въ 1821 и 1822 годахъ при переселеніи кабардинцы раззорены почти до основанія; нынѣ-же, если у нихъ отняты будутъ послѣдніе способы къ скотоводству, то они должны будутъ лишиться послѣдняго пропитанія.

«Кабардинскіе князья и узденя, опасаясь, чтобы со-временемъ не отняли у нихъ послѣдней собственности и правъ, дарованныхъ грамотою царя Іоанна Васильевича, просятъ утвердить узденей кабардинскихъ наравнѣ съ россійскими дворянами, по степенямъ, какъ родъ ихъ идетъ издревле, и оставить въ вѣчное и потомственное ихъ владѣніе всѣ земли и прочее имъ принадлежащее.

«По древнимъ обычаямъ, всякій магометанинъ, имѣющій достатокъ, обязанъ непремѣнно въ жизни разъ сходить въ Мекку и Медину для богомолія, а который не имѣетъ достатку, можетъ брать съ собою для продажи на издержки въ пути холопа или служанку, что и исполнялось до учрежденія въ Кабардѣ русскаго правленія, даже иногда и само начальство снабжало на проѣздъ

туда своими билетами; но въ 1822 году корпусный командиръ генералъ Ермоловъ ходить народу въ Мекку словесно запретилъ и тѣмъ стѣснилъ вѣроисповѣданіе. Народъ, слыша, что царствующій нынѣ Государь Императоръ не только не запрещаетъ всякой націи въ Россіи живущей отправлять свободно вѣроисповѣданіе каждому по своему обряду, но даже отпускаетъ изъ Крыма и Казани служащихъ ѣздить въ Мекку, а потому и кабардинцы просятъ позволенія ѣздить имъ свободно въ Мекку и Медину на поклоненіе.

«Всѣ вышеприсанныя обстоятельства проситъ народъ кабардинскій утвердить грамотою, уважа просьбы ихъ по причинамъ, здѣсь изложеннымъ, и тѣмъ успокоивъ ихъ, дать случай хотя нѣсколько поправить бѣдное положеніе.

«Что-же касается до того, что сказано въ грамотѣ, въ 20 день января 1812 года сему народу данной, и прокламаціи генералъ-лейтенанта Ртищева 30 марта того-же года состоявшейся и черезъ генералъ-маіора Дельпоццо кабардинцамъ объявленной, чтобы набрать сто человѣкъ молодыхъ людей хорошо вооруженныхъ изъ почетнѣйшихъ владѣльческихъ и узденскихъ фамилій, для отправленія въ Петербургъ на службу, наравнѣ съ другими полками лейбъ-гвардіи, то существовавшая въ то время и прежде чума лишила кабардинцевъ всѣхъ способовъ исполнить оное требованіе, потому еще болѣе, что большая часть людей отъ заразы умерли, а оставшаяся малая часть пришла въ совершенно бѣдное положеніе; потомъ, когда начали кабардинцы нѣсколько поправляться, угономъ въ разное время скота пришли опять въ худшее состояніе и наконецъ въ 1821 и 1822 годахъ, при переселеніи на другія мѣста, разогнаты и раззорены до такой степени, что нѣкоторые и до сего времени снискиваютъ себѣ пропитаніе работами у другихъ, а большая часть бѣжали за Кубань и донынѣ тамъ проживаютъ. Сверхъ того, хотя кабардинцы напредъ сего и были сильнѣйшими противъ другихъ, но послѣ частыхъ безпокойствъ многіе бѣжали за Кубань, а потому оставшіеся здѣсь сдѣлались малосильными и должны всегдашними караулами отъ себя выставляемыми защищать и оберегать свои земли отъ чеченцевъ и закубанцевъ, кои всѣми силами стараются наносить сему народу вредъ, а всего болѣе—бѣглые кабардинцы».

Подобно предшествовавшимъ, и эта послѣдняя просьба, само-собою разумѣется, не могла быть вполнѣ удовлетворена, ибо исполненіе такихъ требованій, какъ возвратъ владѣльцамъ уже

получившихъ свободу рабовъ, разрѣшеніе взимать подати съ осетинъ и другихъ сосѣдей, состоявшихъ прежде въ вассальной зависимости кабардинцевъ, и возвратъ земель, занятыхъ казачьимъ населеніемъ,—и не мыслимо было. Рядъ отказовъ на предъявленныя просьбы и неослабляемость строгихъ мѣръ, введенныхъ генераломъ Ермоловымъ для укрощенія буйнаго нрава кабардинцевъ, вызвали наконецъ въ 1825 году волненіе въ Кабардѣ и попытку къ возстанію, но генералъ Вельяминовъ, строгій послѣдователь системы генерала Ермолова, явившись во-время въ Кабарду, успѣлъ усмирить кабардинцевъ.

Это послѣднее усмиреніе волненія въ Кабардѣ окончательно убѣдило кабардинцевъ въ безсиліи свергнуть съ себя власть русскихъ. Окруженные цѣпью крѣпостей, охраняемыхъ войсками, и неустаннымъ надзоромъ, кабардинцы окончательно были стѣснены относительно стремленія къ открытому хищничеству въ предѣлахъ сосѣдняго русскаго населенія.

У наиболѣе свободолюбивыхъ кабардинцевъ, не мирившихся съ введенными строгими порядками, усилилось тогда стремленіе къ эмиграціи за Кубань. Такимъ образомъ многіе изъ кабардинцевъ, цѣлыми семьями, время отъ времени, предпринимали тайныя переселенія за Кубань, гдѣ впослѣдствіи и образовалось нѣсколько кабардинскихъ ауловъ.

Эти переселенцы, естественно лютые враги всего русскаго, причиняли весьма много хлопотъ начальству постоянными набѣгами въ наши предѣлы и нерѣдко служили ширмою для преступныхъ дѣйствій, совершаемыхъ и такъ-называемыми покорными кабардинцами. Послѣдніе, принимая почти постоянно съ абреками участіе въ разбойническихъ продѣлкахъ надъ русскими, все однако-же сваливали на бѣглецовъ, и хотя начальство неоднократно уличало мирныхъ кабардинцевъ въ открытомъ пріемѣ и постоянныхъ сообщеніяхъ съ враждебными намъ людьми, но кабардинцы, съ беззастѣнчивостью, всегда старались убѣдить, что они не имѣютъ никакихъ сношеній съ бѣглецами. Нечего и говорить, что появлявшіеся въ Кабардѣ съ добычею отъ русскихъ эмигранты никогда не выдавались властямъ. Если-же случалось, что нѣкоторые изъ кабардинцевъ бывали неотразимо уличаемы въ пріемѣ бѣглецовъ, то на подмогу къ нимъ являлся кабардинскій временной судъ, который, въ этихъ случаяхъ, считалъ своею обязанностью усердно проявлять свою дѣя-

тельность, клонившуюся къ тому, чтобы оправдать во что-бы то ни стало провинившихся. То и дѣло кабардинскій судъ, бездѣйствуя во всемъ остальномъ, ходатайствовалъ передъ начальствомъ за людей, обличенныхъ въ преступныхъ сношеніяхъ съ бѣглецами.

Однажды, по поводу подобныхъ ходатайствъ, генералъ-маіоръ Вельяминовъ писалъ кабардинскому временному суду слѣдующее:

«Маіоръ Торановскій довелъ до свѣдѣнія моего два представленія сего суда отъ 15 и 17 декабря № 2518 и 2528, коими оправдываетъ судъ узденей Тамбіева и Кудинетова въ сношеніяхъ ихъ съ измѣнникомъ Росламбекомъ Біесленовымъ и въ томъ, что, встрѣтивъ хищническую партію подлыхъ кабардинскихъ бѣглецовъ, запретили стрѣлять по оной. Дабы судъ и на будущее время не полагалъ, что всякое оправданіе можетъ быть принято, нужнымъ нахожу объяснить суду слѣдующее:

«Въ одномъ изъ представленій своихъ судъ говоритъ самъ, что несмотря на пріемъ Росламбека Біесленова господиномъ главнокомандующимъ, несмотря на увѣренія Росламбека, что возвратится въ Кабарду, судъ имѣлъ къ нему недовѣрчивость и наблюдалъ за дѣйствіями его. Они были таковы, что и русское начальство, менѣе съ Росламбекомъ знакомое, нежели его соотечественники, не имѣло къ увѣреніямъ его ни малѣйшей довѣренности. Разсказами его могъ быть обманутъ простой народъ, но конечно не главнѣйшія фамиліи, каковы Кудинетовы, Тамбіевы и имъ подобныя. Слѣдовательно, оправдывать ихъ невѣдѣніемъ измѣнническихъ намѣреній Росламбека нельзя.

«Полагая даже, что могли они не знать частной цѣли, для которой пріѣзжали люди отъ Росламбека Біесленова; но не могли однако-же не знать они того, что люди сіи пріѣзжали въ Кабарду тайно и тамъ скрывались. Ни одинъ изъ сихъ людей не имѣлъ билета на проѣздъ въ Кабарду. Принимавшіе ихъ легко могли въ томъ убѣдиться и конечно знали сіе. Этого было уже достаточно, чтобы сихъ людей представлять къ начальству; ибо кто не понимаетъ, что человѣку правому, не имѣющему виновныхъ намѣреній, нѣтъ никакой нужды скрываться? Сынъ Жаніоха Кудинетова—Атажука признался, что онъ видѣлся съ сыномъ Росламбека Біесленова тайно. Судъ оправдываетъ его въ семъ поступкѣ молодостью лѣтъ. Можетъ-быть въ лѣтахъ совершенныхъ и съ разсудкомъ болѣе зрѣлымъ онъ сего не сдѣлалъ-бы. Но

если молодость Атажуки сколько-нибудь его оправдываетъ, то весьма многихъ сильно обвиняетъ. Атажука, будучи еще дѣтскихъ лѣтъ, конечно не имѣлъ-бы понятія о тайныхъ свиданіяхъ, еслибы примѣры старшихъ его тому не научили.

«Судъ, представляя оправданія свои и ходатайствуя за виновныхъ, безъ сомнѣнія видѣлъ неосновательность сихъ оправданій. Несмотря на то, судъ не хотѣлъ отступить отъ обычая ходатайствовать предъ властями за всякаго нарушителя общаго спокойствія; и потому не должно удивляться, если подобное ходатайство остается безъ уваженія».

При такомъ положеніи дѣлъ въ Кабардѣ, принятіе строгихъ и энергическихъ мѣръ, на которыя кабардинцы постоянно жаловались, вызывалось неизбѣжною крайностью и потому ослаблять эти мѣры, согласно желанія кабардинцевъ, въ то время, когда они всякую уступку со стороны русскихъ способны были объяснять слабостью, не представлялось возможности, что, конечно, раздражало кабардинцевъ и поддерживало въ нихъ духъ неприязни. Тѣмъ не менѣе, безъ увеличенія можно сказать, что Кабарда была усмирена и подчинилась русской власти относительно ранѣе другихъ непокорныхъ племенъ Кавказа только благодаря положенному генераломъ Ермоловымъ началу строго-систематическихъ, честныхъ и прямыхъ отношеній къ туземцамъ.

Политика генерала Ермолова, по отношенію къ кабардинцамъ, какъ это видно изъ сохранившихся документовъ, была совершенно чужда несбыточныхъ обѣщаній, заискиваній у сильнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ владѣльцевъ, подкупа нужныхъ людей и вообще тѣхъ способовъ, которые, принося въ данный моментъ желаемую пользу, разрушали въ то-же время въ народѣ понятія о честности и нравственности. Къ счастію кабардинцевъ, представителями власти въ Кабардѣ, еще долго спустя послѣ Алексѣя Петровича Ермолова, были послѣдователи этого знаменитаго учителя и это обстоятельство, можетъ быть, повліяло на то, что кабардинцы, по сравненію ихъ съ нѣкоторыми другими племенами Кавказа, отличаются лучшими нравственными качествами и сохранили въ массѣ болѣе понятія о нравственности и чести, отличаясь въ тоже время и наиболѣе щекотливымъ сознаніемъ своего достоинства—качествомъ, которое, къ сожалѣнію, сохранили не всѣ горцы.

Кабардинцы, современники А. П. Ермолова, вспоминая прошлое, съ глубочайшимъ уваженіемъ относятся къ этой личности

и ставятъ этого человѣка примѣромъ справедливости; этотъ человѣкъ, какъ говорятъ кабардинцы, ничего не обѣщалъ, чего не могъ исполнить, и точно исполнялъ то, что сказалъ.

Если и нельзя сказать, что послѣ введенныхъ въ Кабардѣ генераломъ Ермоловымъ порядковъ не было стремленія у кабардинцевъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, свергнуть силою не нравившіяся имъ нововведенія, то, по-крайней-мѣрѣ, стремленія эти ограничивались лишь попытками къ возстанію, которыя безъ труда уже подавлялись, даже не вызывая необходимости прибѣгать къ особенно-крутымъ мѣрамъ.

Общее спокойствіе въ Кабардѣ, послѣ бывшаго въ 1825 г. волненія, ничѣмъ особеннымъ не нарушалось до 1846 года; но въ этомъ году довольно значительная часть кабардинцевъ, увлеченная успѣхами Шамиля и надеждою съ помощью этого воителя освободиться изъ-подъ власти русскихъ, снова заволновалась.

Провѣдавъ о возбужденномъ состояніи кабардинцевъ и приглашаемый нѣкоторыми изъ нихъ, Шамиль, съ громадными скопищами чеченцевъ и другихъ покорныхъ ему горцевъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ поспѣшилъ въ Кабарду. Походъ этотъ былъ совершенъ Шамилемъ довольно удачно и онъ легко достигъ лѣваго берега р. Терека, т. е. Большой Кабарды, переправившись черезъ рѣку у нынѣшней станицы Змѣйской. Приближеніе Шамиля сильно взволновало умы кабардинцевъ, а отсутствіе въ то время войскъ въ Кабардѣ придавало возмутившимся еще большую смѣлость. Цѣлыя толпы и тайныхъ, и явныхъ сторонниковъ Шамиля, отбросивъ на время свою кичливую гордость, отправились къ нему съ изъявленіемъ своей покорности и готовности содѣйствовать изгнанію изъ Кабарды русскихъ. Но планы эти вскорѣ были разрушены стянувшимися къ занятой Шамилемъ позиціи нашими войсками, которыя принудили Шамиля поспѣшно бѣжать за Терекъ и затѣмъ совсѣмъ удалиться восвояси — въ Чечню.

Само-собою разумѣется, что такой неудачный исходъ вторженія Шамиля въ Кабарду довольно сильно обезкуражилъ кабардинцевъ, и хотя многіе изъ нихъ, наиболѣе свободолюбивые, продолжали поддерживать броженіе въ умахъ людей легкомысленныхъ, но желанной цѣли уже достигнуть не могли. Такимъ образомъ въ 1846 году было въ Кабардѣ послѣднее серьезное волненіе, грозившее причинить русской власти большія хлопоты.

После этой неудачной попытки къ возстанію, кабардинцы если и не покинули совсѣмъ мысли освободиться отъ господства

русскихъ, то, по-крайней-мѣрѣ, явно не предпринимали уже ничего клонившагося къ этому. Всѣ недовольные, по примѣру своихъ другихъ соотечественниковъ, продолжали удаляться за Кубань и этимъ способомъ хотя на время обрѣтали возможность осуществить свою завѣтную мечту —избавиться отъ власти русскихъ. Всѣ-же наиболѣе миролюбивые элементы кабардинскаго населенія подчинились необходимости признать надъ собою власть Россіи; но и этотъ фактъ далеко еще не давалъ права расчитывать на искренность отношеній къ намъ кабардинцевъ. Еще долго кабардинцы, только подчиняясь необходимости, мирились съ своимъ зависимымъ положеніемъ отъ русскихъ.

Справедливость существованія такого положенія въ отношеніяхъ кабардинцевъ къ русскимъ подтверждается тѣмъ, что когда, съ постепеннымъ покореніемъ закубанскихъ народовъ, исчезла для кабардинцевъ возможность имѣть за Кубанью убѣжище, то многіе кабардинцы, желавшіе во что-бы то ни стало избавиться отъ русскихъ, съ жадностью ухватились за представившуюся въ началѣ 60-хъ годовъ возможность переселиться въ Турцію. Такимъ образомъ въ 1860 году выселились изъ Кабарды въ Турцію 347 семействъ, а въ слѣдующемъ 1861 году—534 семейства, т. е. въ-теченіи 2-хъ лѣтъ удалилась изъ Кабарды почти $^1/_8$ часть населенія ея. И въ послѣдующіе годы кабардинцы неудержимо продолжали эмигрировать въ Турцію, хотя и не въ томъ количествѣ, какъ въ первые два года. Стремленіе кабардинцевъ къ переселенію не охлаждалось даже и разсказами возвращавшихся изъ Турціи о бѣдствіяхъ, претерпѣваемыхъ въ обѣтованной землѣ переселенцами. Кабардинцы не вѣрили этимъ разсказамъ, высказывая весьма недвусмысленно свое подозрѣніе, что русское правительство подкупаетъ возвращающихся и они разсказываютъ ужасы о турецкомъ житьѣ-бытьѣ въ угоду русскимъ. Никакія клятвы и увѣренія горько-разочаровавшихся переселенцевъ не убѣждали скептиковъ изъ кабардинцевъ и они продолжали стремиться въ Турцію, какъ мотыльки на огонь. Полные неотразимаго желанія бѣжать отъ русскихъ безъ оглядки, кабардинцы не вѣрили даже такимъ людямъ, возвратившимся изъ Турціи, которые ушли въ этотъ завѣтный край окруженные полнымъ довольствомъ и завѣдомо богатыми, а возвратились почти нищими. Словомъ-сказать, мусульманская страна, гдѣ процвѣтаетъ Стамбулъ, представляла для кабардинцевъ неотразимую прелесть.

Такая неизлѣчимая горячка къ переселенію продолжалась

въ кабардинцахъ до-тѣхъ-поръ, пока само турецкое правительство, нажившее не мало хлопотъ съ эмигрантами, наотрѣзъ отказалось принимать къ себѣ переселенцевъ, сначала въ массахъ, а потомъ и по-одиночкѣ; но и тутъ кабардинцы ухитрились бѣжать съ родины. Прежде всего кабардинцы не вѣрили въ существованіе отказа со стороны Турціи принимать къ себѣ переселяющихся съ Кавказа туземцевъ; но потомъ, убѣдившись, посредствомъ посылки въ Турцію довѣренныхъ людей, что дѣйствительно отказъ существуетъ,—кабардинцы проявили страсть къ пилигримству въ Мекку, подъ видомъ поклоненія гробу Мухаммеда, забирая при этомъ и свои семьи. Многимъ удавалось этимъ путемъ водвориться въ Турціи.

Такимъ способомъ кабардинцы эмигрировали въ Турцію до 1866 года, т. е. до объявленія имъ о намѣреніи правительства приступить къ освобожденію у нихъ зависимыхъ сословій. Когда-же было приступлено въ томъ году къ подготовительнымъ работамъ для осуществленія этой реформы и кабардинцы убѣдились въ томъ, что дѣйствительно русское правительство намѣрено и на самомъ дѣлѣ приступить къ освобожденію рабовъ, многіе изъ кабардинцевъ, наиболѣе страшившихся осуществленія этой реформы, которая должна была сильно повлiять на измѣненіе ихъ домашняго и экономическаго быта, обратились съ просьбами о разрѣшеніи имъ переселиться въ Турцію или не освобождать у нихъ рабовъ. Въ той и другой просьбѣ было отказано кабардинцамъ-просителямъ. Тогда недовольные этимъ отказомъ, въ числѣ около 400 человѣкъ, въ февралѣ мѣсяцѣ 1867 года, затѣяли-было нѣчто въ родѣ неповиновенія начальству, но стянутыя тогда-же въ Кабарду войска успокоили недовольныхъ, которые, прослышавъ о приближеніи войскъ, немедленно разошлись по домамъ и затѣмъ уже безропотно подчинились необходимости освободить рабовъ и остаться на жительствѣ въ Кабардѣ. Послѣдствіемъ этой послѣдней вспышки, имѣвшей, впрочемъ, совершенно частный характеръ, было временное удаленіе изъ края внутрь Россіи нѣсколькихъ, наиболѣе агитировавшихъ личностей и затѣмъ наложеніе на кабардинцевъ денежнаго взысканія, для возмѣщенія расходовъ по передвиженію и довольствію вызванныхъ въ Кабарду войскъ.

Тѣмъ не менѣе, существованіе подобныхъ изложеннымъ выше прецедентовъ въ отношеніяхъ кабардинцевъ къ русскимъ въ такомъ еще недалекомъ прошломъ, указываетъ на то, что ка-

бардинцы далеко еще не свыклись съ мыслію безповоротно подчиниться необходимости войти въ составъ семьи народностей, составляющихъ Россію. И до-сихъ-поръ еще кабардинцы чуждаются русскихъ, если послѣдніе не представляютъ изъ себя начальствующихъ лицъ, и до-сихъ-поръ еще не рѣдкость, проѣзжая черезъ кабардинскія селенія, встрѣтить дѣтей, съ бранью плюющихъ вслѣдъ проѣзжающему гяуру-русскому. Замѣчательно при этомъ, что женщины главнѣйшимъ образомъ препятствуютъ болѣе тѣсному сближенію кабардинцевъ съ русскими. Многіе изъ горцевъ, вслѣдствіе различныхъ побужденій, были-бы не прочь войти въ знакомство и интимныя отношенія съ русскими, но женщины, ревнивыя оберегательницы старинныхъ традицій, осмѣиваютъ такого смѣльчака, а насмѣшка для кабардинца, какъ и вообще для всякаго горца,—острый ножъ.

Но время и прогрессъ, однако-же, не заставляютъ себя ждать. И если грозная сила, олицетворяемая нѣкогда штыками и громомъ пушекъ, не въ состояніи была сломить втеченіи около ста лѣтъ упорнаго нежеланія кабардинцевъ подчиниться Россіи, то, въ настоящее время, въ пользу этого дѣятельно хлопочетъ иная сила, это—проникающее въ умы кабардинцевъ сознаніе необходимости улучшенія своего соціальнаго быта, путемъ воспріятія здравыхъ экономическихъ началъ, и, въ виду этого, стремленіе къ эксплуатаціи тѣхъ средствъ, которыми природа щедро одѣлила территорію, занимаемую кабардинцами. Достаточное количество лѣса, изобиліе воды и богатая почва съ избыткомъ вознаграждаютъ трудъ кабардинца и даютъ ему возможность постигнуть выгоду раціональнаго обмѣна богатствъ. Этотъ обмѣнъ, происходящій между кабардинцами и русскими, поддерживая общность интересовъ, съ каждымъ днемъ все ближе и ближе сводитъ между собою эти національности, заставляя кабардинцевъ убѣждаться, что сосѣдство русскихъ становится для нихъ необходимымъ.

Нужно надѣяться, что этотъ путь, чуждый насилія, униженія національной гордости и вообще всего, что можетъ раздражать народное самолюбіе, болѣе твердыми шагами приведетъ къ исполненію задуманной слишкомъ 300 лѣтъ тому назадъ цѣли — включенію Кабарды въ число вѣрныхъ и истинно-преданныхъ членовъ великой семьи народовъ, составляющихъ Россію.

Н. Грабовскій.

НАРОДНЫЯ СКАЗАНІЯ

КАВКАЗСКИХЪ ГОРЦЕВЪ.

ИЗЪ ОСЕТИНСКИХЪ СКАЗАНІЙ О НАРТАХЪ.

Сказаніе о нартѣ Хамыцѣ, бѣломъ зайцѣ и сынѣ Хамыца— Батразѣ.

Однажды Хамыцъ проѣзжалъ на неподированной своей бѣлой лошади, по нартовскимъ населеніямъ *); вздумалось ему взглянуть на зеленѣвшія весеннія поля и полюбоваться прекрасными и живописными мѣстами природы. Онъ ѣдетъ шагъ-за-шагомъ, проѣзжаетъ незамѣтно не малое пространство нартовскихъ безконечныхъ земель. Откуда ни возьмись, изъ-подъ кустика выскочилъ бѣлый заяцъ, котораго природа щедро наградила красотой; красотѣ его Хамыцъ не мало удивлялся. Онъ, увидя бѣлаго зайца, говоритъ себѣ: «Странная природа! Отчего она не наградила и остальныхъ звѣрей такъ щедро красотой, какъ этого бѣлаго зайца»? Заяцъ идетъ и идетъ себѣ гусннымъ шажкомъ, переваливаясь съ боку на бокъ. Хамыцъ радуется и говоритъ себѣ: «вотъ, Богъ далъ мнѣ никогда небывалаго до сего бѣлаго зайца, привезу я его нартамъ, онъ будетъ казаться имъ чудомъ и служить диковинкой при общихъ нартовскихъ увеселеніяхъ». Тихонько подъѣзжаетъ онъ къ зайцу, а тотъ, дѣлая быстрѣе свои прыжки, отъ него удаляется. Жаль Хамыцу упустить дорогого для него зайца: «ну, что мнѣ дѣлать? лошадь неподирована, прибавить шагу нельзя», говоритъ Хамыцъ, «а упустить изъ рукъ такую рѣдкость — это будетъ большая потеря». Понудивъ

*) Подировка лошади производится такимъ образомъ: лошадь держится на хорошемъ корму, до-тѣхъ-поръ, пока она сдѣлается гладкою, откормленною. Затѣмъ она втеченіи недѣли, по два раза въ день, купается въ водѣ. Послѣ купанья, лошадь объѣзживается сначала шагомъ, а потомъ постепенно въ-карьеръ, по 2 — 3 версты. Во время этихъ упражненій, лошади дается отдыхъ на три дня, а затѣмъ разстояніе, для безостановочнаго бѣга, увеличивается вдвое, до 5—6 верстъ и т. д. Послѣ подобныхъ упражненій лошадь дѣлается выносливою и крѣпкою на тѣло, т. е. не худѣетъ отъ сильной ѣзды, дѣлается—подированною лошадью.

свою лошадь, онъ заставилъ ее прибавить шагу; догоняетъ зайца Хамыцъ и убиваетъ его сильными ударами плети. Растянулся заяцъ и лежитъ себѣ. Радъ Хамыцъ своей добычѣ небывалой рѣдкости, которою онъ хотѣлъ удивить всѣхъ нартовъ; слезаетъ съ своей лошади, но только-что взялъ онъ въ руки зайца, тотъ оживился, выскочилъ изъ рукъ Хамыца и пошелъ себѣ бѣжать. «Ахъ, досада какая»! говоритъ Хамыцъ: «что мнѣ дѣлать? упустить такое сокровище,—узнаютъ нарты, будутъ воспѣвать въ пѣсняхъ мою неловкость, что я свое сокровище, которому нѣтъ цѣны, упустилъ изъ своихъ рукъ; да и правда! какой-же послѣ этого я буду извѣстный между нартами Хамыцъ? Не могъ я убить такое безцѣнное сокровище — бѣлаго зайца и удивить нартовъ, которые вспоминали-бы его и воспѣвали-бы въ пѣсняхъ и расказахъ, а слава моя была-бы безсмертна и переходила-бы изъ потомства въ потомство»! Онъ пустился догонять своего бѣлаго зайца; догналъ его, убиваетъ опять ударами плети. Радъ Хамыцъ своему счастію, что убилъ наконецъ бѣлаго зайца; слезъ онъ съ своей лошади и только-что поднялъ его, онъ оживился, выскочилъ изъ рукъ Хамыца и пошелъ себѣ опять бѣжать. «Не досадно-ли это»! говоритъ Хамыцъ, «что за околдованный заяцъ! измучилъ меня, измучилъ и хорошую мою лошадь! Что мнѣ съ нимъ дѣлать? Упустить его — значитъ упасть въ глазахъ нартовъ, потерять свою великую славу, которую я заслужилъ и которою горжусь сильно! А нартамъ того и подай Богъ, чтобы унизить меня въ своихъ глазахъ! Нѣтъ, околдованный бѣлый заяцъ, я тебя не упущу и ты не скроешься отъ меня». Онъ пустился догонять. Догоняетъ онъ зайца, начинаетъ его бить такъ сильно, что всѣ кости зайца трещатъ, и убиваетъ его. «Ну», говоритъ Хамыцъ, «наконецъ ты все-таки не ушелъ, и ты теперь въ моихъ рукахъ, будешь ты такимъ безцѣннымъ сокровищемъ, просто чудомъ, и удивишь нартовъ, а меня поставишь въ глазахъ ихъ очень и очень высоко». Спускается Хамыцъ съ своей лошади, подошелъ къ зайцу и только-что взялъ его въ руки, какъ заяцъ опять оживился, выскочилъ изъ рукъ и пошелъ со всей быстротой стрѣлы бѣжать. «Да, опять бѣда моя»! говоритъ Хамыцъ: «откуда взялся этотъ околдованный заяцъ? измучилъ меня, да мало того, что меня, но и мою бѣлую лошадь, которую я кормлю стальными опилками (или стальнымъ пескомъ), измучилъ такъ сильно, что она никуда не годится. Ну, какъ-же мнѣ показаться къ нартамъ съ измученною лошадью? Они меня спро-

сятъ изъ любопытства: гдѣ я былъ, гдѣ я измучилъ свою дорогую бѣлую лошадь? Что я могу имъ сказать? Сказать — ѣздилъ за бѣлымъ зайцемъ; а гдѣ-же онъ? спросятъ они; конечно, я долженъ буду отвѣчать, что упустилъ изъ рукъ. Ну, что будетъ послѣ того со мной и чѣмъ я останусь между нартами? Нѣтъ»! говоритъ Хамыцъ, «я пробѣжалъ по слѣдамъ этого околдованнаго зайца всю землю, обитаемую нартами, не остается балочки, лощинки, куда-бы онъ не скрывался; а я все за нимъ лечу и лечу. . . . что дѣлать? гордые и высокомѣрные нарты, хотя и будутъ осмѣивать мою измученную лошадь и смотрѣть съ пренебреженіемъ на меня и на нее, за которую они мнѣ завидуютъ и питаютъ ко мнѣ глубокую ненависть, но я готовъ гнаться за тобой, околдованный заяцъ, и до края земли, диковинное ты животное»! Такъ говоритъ Хамыцъ. Между тѣмъ заяцъ вдесятеро быстрѣе, чѣмъ прежде, бѣжитъ и бѣжитъ и, правда, пробѣжалъ онъ чуть-ли не до самаго края земли. Хамыцъ за нимъ. Видитъ море и говоритъ онъ: «ну, куда-же тебѣ дѣваться, околдованный бѣлый заяцъ, видишь-ли ты, теперь вотъ тебѣ и море: какъ ты переберешься черезъ него? поневолѣ ты попадешься въ мои руки, диковинный ты и околдованный звѣрь *)! Вѣдь мы съ тобой всю землю пробѣжали, куда ты теперь думаешь дѣваться? въ море не бросишься, потому что ты къ тому не созданъ природой, не вырвешься изъ моихъ рукъ»! говоритъ Хамыцъ. «Да, куда тебѣ бросаться въ пропасть— въ море, гдѣ ты несомнѣнно погибнешь»? Бѣлый заяцъ приближается къ морю, бѣжитъ вдесятеро быстрѣе и вотъ онъ бросается въ него и тамъ исчезаетъ. «Вотъ горе! вотъ горе»! говоритъ Хамыцъ. «Это просто несчастіе, это несносно! измучилъ я до негодности свою безцѣнную лошадь, лошадь, бѣлую какъ лебедь, да пробѣжалъ вокругъ всего свѣта и главное свое сокровище—бѣлаго зайца—не досталъ, а на всегда въ море упустилъ. Куда мнѣ дѣваться, какъ мнѣ показаться на глаза нартамъ, съ измученною лошадью? Чѣмъ я могу оправдаться и чѣмъ буду я? Я буду и останусь на всегда посмѣшищемъ: упустилъ я изъ рукъ бѣлаго зайца, это безцѣнное сокровище, и упустилъ его я изъ рукъ не разъ! Да, не съумѣлъ я поставить свою славу высоко! Очень легко, что слава моя въ глазахъ нартовъ можетъ поколебаться... Да, этого я всегда боялся,

*) Словомъ *сгрд*—звѣрь—осетины называютъ всѣхъ дикихъ животныхъ.

и справедлива поговорка: «чего боишься, того и дождешься» *). Незавидная моя доля»! говоритъ Хамыцъ, разъѣзжая по берегу. Въ это самое время изъ моря выходитъ къ Хамыцу пребѣлый старикъ и спрашиваетъ его: «чего ты ожидаешь здѣсь? Откуда ты? Я подозрѣваю въ тебѣ нарта; какая-же сильная нужда занесла тебя къ этому дальнему морю»?—«А вотъ какая нужда», отвѣчаетъ Хамыцъ: «видѣлъ, вѣрно, ты бѣлаго зайца, бросившагося въ это море; это заколдованное диковинное животное меня измучило. Я, съ перваго взгляда на него, страшно его полюбилъ; онъ мнѣ сильно понравился, и я, конечно изъ страсти къ его красотѣ, бросился догонять его, догоняю и убиваю его три раза, слѣзаю съ своей лошади и только-что беру его въ руки, онъ оживляется, выскакиваетъ изъ рукъ и начинаетъ бѣжать. Бѣжитъ, повидимому, не быстро, переваливаясь съ боку на бокъ; но знаменитая моя лошадь, которую вотъ ты видишь измученною, едва и съ большимъ трудомъ его догоняетъ. А знаешь-ли ты, что моя лошадь изъ породы вѣтрогонныхъ—дур-дура, и она, сверхъ своей силы, еле-еле догоняетъ этого заколдованнаго зайца! Онъ пробѣгаетъ всѣ балочки и лощинки, а я все за нимъ и такъ пришлось мнѣ гнаться по всѣмъ краямъ земли. Вотъ, когда я увидѣлъ море, то радовался и восхищался, что ему дальше дѣваться некуда; но тутъ-то самая бѣда моя: онъ бросается въ него. Это животное — *Овсати* **). Околдованный заяцъ

---

*) Это самая обыкновенная поговорка осетинъ. **„Цæмæj-Ђæрсvс ўм абад. Цæмæj-Ђæрсvс ўj фсн“.** «Чего боишься, въ то впади». «Чего боишься, то и увидь». А самое строгое проклятіе женщинъ: «Чего ты боишься въ жизни, въ то и попадешь». Выраженіе это относится къ тому, что «чего ты опасаешься въ жизни, т. е. бѣды, въ ту бѣду и попадись».

**) Богъ звѣрей и домашнихъ животныхъ. Осетины на празднествахъ воспѣваютъ хвалебныя пѣсни въ честь его слѣдующими словами: «О, ты, *Овсати*! богъ звѣрей и животныхъ, одари насъ щедро безчисленными твоими стадами звѣрей и животныхъ. Ты насъ насыщаешь лакомымъ мясомъ твоихъ животныхъ и звѣрей. Насыти насъ, и одари насъ твоими безчисленными стадами и отарами овецъ! Ты нашъ утѣшитель и покровитель нашихъ домашнихъ животныхъ и жизни нашей! О святѣйшій Овсати! одари насъ щедрою рукою твоею, твоими стадами — безчисленными — животныхъ и звѣрей! Ты ихъ богъ! Ты ихъ вмѣститель»! Многіе осетины, горные охотники, не перестаютъ увѣрять, что очень часто удается убивать на охотѣ тура съ мѣтками на ушахъ; мѣтка бываетъ такимъ образомъ, что ухо разрѣзано вдоль или-же поперекъ. По мнѣнію охотниковъ, эта мѣтка бываетъ отъ природы, т. е. по назначенію Овсати, какъ бога звѣрей и властителя стадъ. Но это мнѣніе не заслуживаетъ вѣроятія, потому, что мѣтки на ушахъ бываютъ

порядкомъ помучилъ меня, помучилъ и мою дорогую бѣлую лошадь; какъ мнѣ быть съ ней? знаешь-ли, что изъ-за этой лошади всѣ нарты завидовали мнѣ? и если они увидятъ ее теперь измученною, то для нартовъ это будетъ особенною радостію и другой радости они не дождутся никогда. Они спросятъ конечно меня, гдѣ я измучилъ свою лошадь? Я долженъ буду, разумѣется, сказать, что гнался за бѣлымъ заколдованнымъ зайцемъ, такимъ безцѣннымъ сокровищемъ, по всей землѣ. Нѣтъ такого пласта на всей землѣ, гдѣ-бы не ступила нога моей лошади; три раза убивалъ его, три раза онъ оживлялся и заставлялъ меня бѣжать за собой; наконецъ довелъ меня до берега этого моря; тутъ онъ бросается въ него и навсегда исчезаетъ. Всему этому нарты не будутъ вѣрить и они могутъ назвать меня лгуномъ, а лгать у насъ, у нартовъ, и въ крови нѣтъ *). Но я отношу это несомнѣнно къ тому, что этого заколдованнаго зайца нарочно направилъ ко мнѣ Овсати, чтобы онъ меня и мою бѣдную лошадь, для которой у нартовъ нѣтъ цѣны, такъ сильно измучилъ; потому-что мы, нарты» — говоритъ Хамыцъ — «за то сдѣланы безсмертными, что ведемъ войну съ ангелами и святыми, къ которымъ принадлежитъ и Фал-вара, какъ богъ звѣрей и всѣхъ животныхъ,—который располагаетъ ими по своему произволу и которому они подчиняются во всемъ». Сѣдой старикъ отвѣчалъ Хамыцу: «я съ перваго своего взгляда узналъ, что ты изъ безсмертныхъ нартовъ. Этотъ бѣлый заяцъ, за которымъ ты гнался по всему бѣлому свѣту и до краевъ земли,

---

случайныя, именно: это слѣдуетъ отнести къ борьбѣ и сцѣпливанію туровъ другъ съ другомъ зубами, такъ-какъ, по разсказамъ охотниковъ, ясно видно, что во время борьбы туры сильно бьютъ одинъ другого рогами, стоя на противоположныхъ уступахъ бросаются другъ на друга и сбрасываются со скалъ и кручъ по аспиднымъ доскамъ и камнямъ, отчего и происходятъ увѣчья: переломъ ногъ, роговъ и разрѣзы ушей и это послѣднее служитъ мѣткой Овсати. Осетины, въ знакъ благодарности богу звѣрей, развѣшиваютъ въ общемъ *хадзарь*—домъ, гдѣ живетъ и готовитъ цѣлая семья пищу,—на стѣнахъ, рога и челюсти убитой дичи.

*) Преданіе говоритъ, что нарты были до того тверды въ своихъ обѣщаніяхъ, что разъ уже сказанное ими слово никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ не измѣнялось. Справедливость этого подтверждаетъ преданіе осетинъ тѣмъ, что при сватовствѣ невѣстъ, кромѣ вѣрнаго слова, отдавались въ залогъ застежка черкески, бешмета, при свидѣтеляхъ, пуля или газыръ роднымъ невѣсты и это служило твердою гарантіею — родства обѣихъ сторонъ. Нарушить это ни одна сторона не считала себя въ правѣ.

онъ не заяцъ, какъ тебѣ казался, а дочь **Дон-беꙉура** *); она, лукавая дѣва, не тебя одного такъ сильно измучила, но и многихъ. Если она довела тебя сюда до моря и сама скрылась въ немъ, то значитъ она тебя полюбила и избрала своимъ женихомъ и будетъ она твоей женой. Я рабъ Дон-бетыра», говоритъ сѣдой: «и готовъ оказать тебѣ свою услугу—помочь совѣтами. Если желаешь взять ее за себя, то я назначаю тебѣ мѣсячный срокъ, ты можешь пріѣхать къ берегамъ этого моря, въ концѣ мѣсяца я буду тебя ожидать, можешь взять ее, она твоя и будетъ всегда твоею». Хамыцъ возвращается къ нартамъ, и не мало стоило ему труда — проѣхать такое огромное пространство земли за бѣлымъ своимъ зайцемъ; но дур-дура его летѣлъ по воздуху, какъ коршунъ. Онъ пріѣхалъ къ нартамъ ночью того-же дня, съ тѣмъ, чтобы не имѣть съ ними столкновенія и не оглашать между ними своего приключенія. День свадьбы приближается и Хамыцу время было заняться приглашеніемъ нартовъ къ своей свадьбѣ; онъ пригласилъ всѣхъ своихъ молодыхъ нартовъ, между которыми нельзя было не быть **Сурдону**, сыну **Гæꙉæга**, кавдасарда **) нартовской извѣстной фа-

---

*) Богъ морей, Нептунъ, властитель водяного царства: китовъ, рыбъ и т. п. Кромѣ того, осетины, по преданію, полагаютъ, что подъ водой есть царство, гдѣ такіе-же люди, какъ на землѣ. Въ честь дочерей **Дон-беꙉура** осетины воздаютъ празднество, въ субботу слѣдующей послѣ св. Пасхи недѣли. Дѣвицы собираются на берегу рѣки, приносятъ разнаго рода кушанья и бузу (брага), приготовленныя въ честь дочерей Нептуна. Онѣ продолжаютъ свои моленья, произнося ихъ слѣдующими словами: «О! дочери водъ, помогайте нашему дому въ его нуждахъ и предпріятіяхъ», послѣ чего начинаютъ бросать въ воду яйца, разбивая ихъ камнями и сыпя въ воду отруби, счетомъ, нѣсколько разъ руками. Кушанья приносятся: каша съ масломъ изъ пшена, лепешки (пироги) изъ пшеничнаго тѣста. По окончаніи танцевъ, дѣвушки своими посудинами достаютъ воду, освященную дочерьми водъ, и цвѣты, именно дикой цикоріи, приносятъ ихъ домой и бросаютъ въ конюшни, гдѣ помѣщаются животныя. Это дѣлается для того, чтобы дочери Нептуна покровительствовали домашней жизни осетинъ. Послѣ начинаютъ мазать въ домахъ масломъ двери, ставни и окна.

) Слово **Ꙉæвдæс-ард означаетъ: рожденный въ ясляхъ. Кавдасардское сословіе составляло въ фамиліяхъ высшаго круга туземцевъ побочное поколѣніе. Оно объясняется такимъ образомъ: дѣвушка или женщина бралась въ услуженіе подъ именемъ *номгл-ус*, т. е. именная жена, которая раздѣляла ложе, иногда, во время молодости, съ своимъ господиномъ, взявшимъ ее въ *номгл-ус*, а послѣ того съ постороннимъ лицомъ, по выбору. Дѣти такихъ женщинъ оставались въ зависимости господина, котораго онѣ

миліи — Бороевыхъ. Пріѣзжаютъ нарты къ берегамъ моря, тамъ ихъ встрѣчаетъ сѣдой старикъ, рабъ Дон-бетыра, имѣвшій тамъ-же первую встрѣчу съ Хамыцемъ; онъ ихъ ввелъ въ море, въ жилище Дон-бетыра—бога морей. Тамъ высокихъ гостей—нартовъ—принимаютъ съ большимъ торжествомъ. Не было недостатка ни въ чемъ, увеселенья были самыя роскошныя: чего не доставало у Дон-бетыра, того не было. Онъ былъ до такой степени доволенъ свадьбой своей дочери, что беретъ Хамыца за руку и представляетъ его къ ней лично. Она была такъ красива и очаровательна, что помрачала всякій глазъ своей красотой, какъ лучами солнца и сіяніемъ луны; не могла она не понравиться Хамыцу, онъ былъ доволенъ своимъ счастіемъ, молилъ и благословлялъ небо, пославшее ему этотъ даръ. Дон-бетыръ долженъ былъ предупредить Хамыца, что дочь его можетъ жить на землѣ въ жаркомъ климатѣ не иначе, какъ накрывшись оболочкой морской черепахи, которую она будетъ снимать только по ночамъ, во время сна. Хамыцъ на это не могъ не согласиться. Между нартами былъ одинъ хитрый пройдоха Сүрдонъ Гатага сынъ *); онъ жилъ праздно, въ свое удовольствіе, любилъ иногда сдѣлать кому-нибудь несчастіе. Онъ старается узнать, что за личность эта невѣста, невѣста подъ черепашьей рубашкой. Въ назначенное время невѣсту сажаютъ въ **хæд-ђӯлгæ-ӯæрдон,** самолетку **), съ ней садится и Сүрдонъ; ихъ привозятъ въ домъ Хамыца. У нартовъ начались увеселенія, такъ

признавали своимъ владѣльцемъ, и не имѣли права до смерти его или-же раздѣла съ братьями отъ него отходить. Когда-же они выходили изъ дома своего господина, то сей послѣдній награждалъ ихъ извѣстною, впрочемъ малою частію, по усмотрѣнію своему. Часть-же эта именовалась «кавдасардскою частію». Это сословіе существовало въ горскихъ населеніяхъ до 1867 г., т. е. до освобожденія зависимыхъ сословій.

*) Это извѣстная личность у нартовъ — сангвиникъ, старался фискалить всякую тайну; въ увеселеніяхъ, въ играхъ и во всѣхъ предпріятіяхъ, нарты не могли обойтись безъ Сүрдона, человѣка пылкаго, пронырливаго. Онъ служилъ для нихъ потѣхой. Большая подземная его келья со множествомъ отдѣленій не забывается осетинами. Зданіе со многими отдѣленіями называется у осетинъ **Сүрдонү-хæдар,** т. е. домъ, келья Сүрдона. Преданіе говоритъ, что незнающее лицо не находило входа и выхода въ кельѣ Сүрдона. Прозвище Сүрдона носитъ каждый пронира у осетинъ.

) Въ преданіяхъ у осетинъ встрѣчается, что у нартовъ были самолетки, **хæд-ђӯлгæ-ӯæрдон, какъ, напримѣръ, самолетка **барсæ-**

какъ нарты жили для своего удовольствія и не заботились о своемъ будущемъ. Сүрдонъ постоянно интересовался тѣмъ, что молодая невѣста Хамыца — дочь Донъ-бетыра, представляется посѣщающей публикѣ подъ маской морской черепахи. Бѣда просто Сүрдону, нѣтъ у него силы, чтобы не вздумать того, какъ-бы невѣста разсталась съ своей черепаховой маской. Онъ день и ночь ломалъ свою хитрую голову, чтобы увидѣть невѣсту въ ея очаровательномъ состояніи и полюбоваться ея красотой. Сталъ онъ придумывать разнаго рода планы, для выполненія своего желанія. Прокрался онъ ночью къ невѣстѣ Хамыца и запрятался подъ кровать ея. Она снимаетъ съ себя свою черепашью рубашку и освѣщаетъ своей красотой и бѣлизной тѣла весь домъ, какъ-бы бриліантами; въ освѣщеніи дома не было надобности, потому-что она служила своей бѣлизной свѣтомъ, —и впадаетъ она въ глубокій сонъ. Хитрый Сүрдонъ того и желалъ; беретъ онъ черепаховую маску—рубашку, бросаетъ ее въ огонь и она сгораетъ. Утромъ, еще до свѣта дня, Хамыцъ и его молодая жена стали одѣваться. Молодая стала искать маску — ея нѣтъ; тогда она обращается къ мужу и говоритъ: «моей маски нѣтъ, я не могу жить въ жаркомъ климатѣ на землѣ безъ моей черепаховой маски и мы должны сейчасъ-же навсегда разстаться съ тобой». Такъ говоритъ жена Хамыцу. Молодая въ это время имѣла уже зачатіе: зародышъ свой она едва успѣла передать Хамыцу и сама мгновенно исчезаетъ. Зародышъ ея переходитъ къ Хамыцу въ образовавшійся у него на спинѣ наростъ. Наростъ день отъ дня развивается больше и больше, наконецъ Хамыцу стало дурно. Узнаетъ о болѣзни его Са̃тана, жена Урызмага, смѣлая женщина. Она была въ высшей степени смѣтлива и замѣтила, что зародышъ на спинѣ Хамыца созрѣлъ и пришелъ къ концу, т. е. къ выходу изъ нароста ребенка. Она начинаетъ утѣшать своимъ краснорѣчіемъ Хамыца, и въ это время беретъ ножъ и производитъ разрѣзъ нароста, изъ котораго выходитъ младенецъ—сынъ. Нужно было обмыть младенца водой, но въ это время воды въ домѣ не случилось; Сатана бросилась съ сосудомъ къ водѣ и здѣсь она встрѣчаетъ затрудненіе достать воду: всю воду заняла **ꙗæф-ціўндор** *), превратившаяся въ собаку, которая не дозволяла

Ꙗv-цалх — Барсагово колесо, разбивавшее во время боя массу народа, безъ всякаго пособія человѣческихъ силъ.

*) Семиглавая миѳологическая змѣя, названная осетинами **Залјаг-**

достать Сатанѣ воды. Она слышитъ голосъ выходящаго изъ нароста спины Хамыца младенца: «скорѣй, скорѣй, обмывайте меня, изъ меня несется пламя огня, я сильно сгораю, накалился во мнѣ сильный жаръ неугасаемаго огня». Услышавъ это, Сатана быстро и торопливо прибѣгаетъ къ ребенку, но все безъ воды; она бросается опять къ водѣ, но въ это время **ʒæф-qӯндор** —гидра—превратилась въ дряхлаго старика, который вздумалъ ухаживать за Сатаной. Добившись своей цѣли отъ Сатаны, онъ разрѣшилъ ей достать воды. Она успѣшно обливаетъ младенца—сына Хамыца. Онъ сдѣлался впослѣдствіи извѣстною личностью между нартами — Батразомъ, и получилъ у магометанъ имя Газретъ-Али *).

Хамыцъ, разставшись съ очаровательной красивицей своей женой—дочерью Дон-Бетура, долженъ былъ упрочить свою новую жизнь; такъ онъ и сдѣлалъ: женился на дѣвицѣ изъ рода своихъ нартовъ. Взаимная ненависть и непріязнь нартовъ были безпредѣльны. Однажды онъ присутствовалъ на торжествѣ, происходившемъ у нартовъ; былъ заговоръ противъ жизни Хамыца, и вотъ представился имъ самый удобный случай совершить замыслъ свой. Они пригласили на это торжество **Сајнæг-Æлдара** **). Заговоръ долженъ былъ выполниться: у нартовъ произошли безпорядки и раздоры; въ заговорѣ противъ Хамыца былъ и Сајнæг-Æлдар, болѣе всѣхъ ненавидѣвшій Хамыца. У нартовъ тогда еще не было огнестрѣльнаго оружія: оружіе ихъ составляли мечъ и стрѣлы. Нарты возрадовались, что наконецъ придется имъ лишить жизни Хамыца и испить его кровь съ жадностію: имъ это была не малая радость и они видѣли въ томъ большой свой интересъ, потому-что Хамыцъ не разъ доводилъ ихъ до крайности. Онъ имъ не давалъ опомниться; заставлялъ ихъ испытывать бѣдствіе за бѣдствіемъ. Лишаютъ они жизни Хамыца. Сынъ его Батразъ остался сиротой на попеченіи своей

ʒалм, т. е. залійская змѣя. Преданіе говоритъ, что въ дань этой гидрѣ приносили на съѣденіе по очереди людей и устраивали празднество. И тогда только народъ избавлялся отъ ея нашествія и имѣлъ свободный доступъ къ водѣ, которую она часто отнимала и этимъ доводила народъ до мора и гибели.

*) Преемникъ пророка Магомета (см. жизнеописаніе Магомета).

) Въ дословномъ переводѣ **Сајнæг означаетъ: недоступная твердыня горъ; слѣдовательно, **Сајнæг-Æлдар** значитъ — владѣтель, князь **сајнæга**—скалистой твердыни.

мачихи; онъ былъ бѣдный сирота, росъ какъ вообще сироты безпріютные; ходилъ всегда засаленнымъ и оборваннымъ мальчикомъ. Однажды дѣти извѣстнаго у нартовъ богача **Бӯрæ-фæрнѵга** *) (ихъ было семь братьевъ), одѣтыя въ золото и серебро, какъ говорится,—отправились на охоту. Бѣдный сирота Батразъ, бобыль, подружился съ ними, предложилъ имъ свои услуги. Услуги его состояли въ томъ, что онъ носилъ за ними ихъ стрѣлы за обѣщанныя ему въ подарокъ ими по одной стрѣлѣ, а по окончаніи охоты они должны были упражняться съ нимъ въ стрѣльбѣ въ цѣль. Цѣлый день онъ ходилъ за ними; вечеромъ они кончаютъ охоту и предлагаютъ ему упражняться съ ними въ стрѣльбѣ въ цѣль. Они разложили ему по очереди всѣ свои платья; онъ цѣлится по нимъ и пробиваетъ стрѣлами всѣ ихъ одежды, до мельчайшихъ лоскутьевъ, коснувшись и ихъ обуви. Братьямъ-сыновьямъ Бурæ-фæрнѵга было очень досадно; они собираютъ всѣ лоскутья и посылаютъ къ отцу своего младшаго брата съ жалобою на Батраза, что засаленный мальчикъ, сынъ Хамыца, нанесъ имъ такое сильное оскорбленіе. На Бурæ-фæрнѵга жалоба сыновей произвела самое сильное впечатлѣніе: онъ приказалъ привести къ нему мальчика Батраза, чтобы произвесть надъ нимъ испытаніе. Они утромъ приводятъ къ нему Батраза. Какъ только увидѣлъ его Бурæ-фæрнѵгъ, напустился на него и говоритъ ему: »ахъ, ты засаленный, грязный, лопоухій щенокъ! Кто тебѣ позволилъ и что тебя заставляетъ оскорблять такъ сильно моихъ сыновей? не думаешь-ли ты этимъ отомстить за кровь своего

---

*) **Бӯрæ-фæрнѵг** принадлежалъ къ нартамъ. Онъ былъ между нартами самостоятельный человѣкъ, на средства котораго нарты расчитывали во всемъ. Онъ, имѣя безчисленныя богатства, игралъ въ глазахъ нартовъ немаловажную роль, какъ вообще человѣкъ со средствами, жившій, какъ говорится, на большую ногу. Въ сказаніяхъ осетинъ встрѣчается, что нарты и не нуждались въ личномъ своемъ трудѣ: чего они желали и просили у Бога, то Онъ имъ давалъ безъ труда и работы. Оставалось имъ веселиться, не бояться смерти и вести жизнь разгульную. Хлѣбъ у нихъ замѣнялъ маисъ или кукуруза, названная «хлѣбомъ нартовъ» — **Нарҙ-хор**. Хлѣбъ родился у нихъ готовымъ для ѣды. Въ преданіяхъ осетинъ нарты никогда не забываются. Каждый щедрый человѣкъ получаетъ нарицательное имя: «онъ щедръ, какъ нартъ». «Ахъ, какой онъ нартъ». Но имя **Бӯрæ-фæрнѵга** служитъ самымъ задушевнымъ привѣтствіемъ при пожеланіяхъ благополучія и счастія: „**Бӯрæ-фæрнѵг-ссӯ**“—да будешь богачемъ **Бӯрæ-фæрнѵг.**

отца, Хамыца, убитаго Сајнæг-Ældаромъ и нартами, у которыхъ зазубрился мечъ объ его зубы? Если-бы у тебя было сколько-нибудь геройскаго духа и храбрости, какъ у твоего отца, то не захотѣлъ-бы ты быть такимъ засаленнымъ мальчикомъ, какимъ ты теперь. Развѣ не настало для тебя время узнать причину смерти твоего отца и какъ произошла эта смерть»? — Батразъ, ничего не отвѣчая Бурæ-фæрнугу, запечатлѣлъ эти слова въ своемъ сердцѣ и задалъ себѣ задачу: узнать подробности высказанной ему въ глаза обиды, о смерти его отца Хамыца. Онъ съ того времени и до своей возмужалости началъ обсуживать, какимъ образомъ приступить къ дѣлу. Прошло много времени и Батразъ все-таки не забываетъ своей мысли. Сдѣлавшись взрослымъ, онъ однажды приходитъ къ своей мачихѣ и проситъ у ней желѣзную плиту *). Получивъ ее отъ мачихи, онъ раскаливаетъ ее на огнѣ очень сильно. Мачихѣ было любопытно узнать, для чего онъ это дѣлаетъ, и когда она спросила объ этомъ, онъ отвѣчалъ, что хочетъ полакомиться жареной кукурузой. Когда плита раскалилась, онъ взялъ ее и, поднося къ груди мачихи, сказалъ ей: «Если ты мнѣ не откроешь тайну смерти моего отца, то я эту сильно-раскаленную плиту приложу къ твоей груди и тѣмъ причиню тебѣ смерть». Мачиха чрезмѣрно и страстно любила своего пасынка, Батраза, но изъ боязни его мести, долго не открывала ему свою тайну; теперь, опасаясь за свою собственную жизнь, она отвѣтила ему: «Отецъ твой на пиршествѣ нартовъ въ заговорѣ съ Сайнаг-Алдаромъ убитъ, да не проститъ Всевышній тому, кто вселилъ къ твое сердце эту тайну». Батразъ сталъ день и ночь готовиться къ мести Сайнаг-Алдару, за кровь отца. Приходитъ онъ за совѣтомъ къ извѣстной своей лошади—дур-дура, служившей и его отцу, и спрашиваетъ ее, какъ поступить съ убійцею его отца, Сайнаг-Алдаромъ? Она отвѣчаетъ: «обратись къ Сатанѣ». Жена Урызмага, смѣтливая и проницательная, съ глубокимъ умомъ женщина **), узнаетъ о томъ и, придя къ

---

*) Желѣзная или аспидная плита, на которой поджаривается предварительно хлѣбъ, для того чтобъ къ нему не приставала зола при печеніи его на огнѣ.

) Личность жены нарта снѣжно-бородаго Урызмага, Сатаны, популярна между нартами. Она обладала даромъ волшебства, предсказывала будущее. Родной братъ ея Урызмагъ (вѣрнѣе **Ўрүзмæг), видя въ сестрѣ своей глубокій умъ, необыкновенную смѣтливость и богатство разсудка, не стѣсняясь женился на ней. Умъ ея былъ развитъ до такой степени, что

Батразу, начинаетъ ему разсказывать подробности смерти его отца, Хамыца, и болѣе вѣрные способы къ мести Сайнаг-Алдару. Сатана говоритъ Батразу: «ты поступи такъ: Сайнаг-Алдаръ страстный охотникъ и любитель лошадей своихъ чисто-кровной породы *кок-цуалъ* *), онъ никому не довѣряетъ водить ихъ на водопой, кромѣ себя самаго, ты можешь съ нимъ столкнуться безъ особенныхъ затрудненій, и тогда старайся осыпать его всевозможными привѣтствіями при помощи своего краснорѣчія, поставь себя въ близкія съ нимъ отношенія, и тогда наведи его на мысль, чтобы онъ показалъ тебѣ свой дорогой мечъ, для образца. Ты можешь увѣрить его, что желаешь имѣть такой-же мечъ, какъ его безцѣнный **цјрvq**, и потому тебѣ необходимо нужно показать образецъ мастерамъ. Если ты съумѣешь обратить на себя его вниманіе и вмѣстѣ съ тѣмъ успѣешь воспользоваться его довѣріемъ, такъ-какъ онъ въ высшей степени предусмотрителенъ и недовѣрчивъ, то ты, значитъ, очень счастливъ и будешь у себя имѣть мечъ цјрvq въ рукахъ, которымъ только и можно покончить его жизнь навсегда. Провидѣніе назначило ему умереть только отъ собственнаго его меча и никакое другое оружіе не нанесетъ ему смерти. Это вѣрно, это несомнѣнно! Его мечъ цјрvq—произведеніе искуснѣйшаго бога оружія, *Сафа*; на одной сторонѣ клинка этого меча сіяетъ солнце, а на другой луна; если-же ты взглянешь на самый клинокъ меча Сајнæг-Æлдара, то въ немъ отражается все, что происходитъ на бѣломъ свѣтѣ. Такъ созданъ мечъ убійцы отца твоего Хамыца, да кромѣ того у Сајнæг-Æлдара привычка, подавать въ руки свой мечъ концомъ впередъ тому, кто его беретъ; эта привычка значитъ, что онъ намѣренъ поразить того, кто беретъ мечъ; ты на все это долженъ обра-

она служила оракуломъ для нартовъ, въ тѣхъ ихъ предпріятіяхъ, гдѣ требовалось глубокое знаніе жизни, и она не скупилась награждать нартовъ своими совѣтами. Имя **Сађанј** даютъ осетины каждой умной и хлѣбосольной женщинѣ.

*) Преданіе говоритъ, что нартовскія лошади, *дур-дура* — породы каменистой, *кокъ-цуалъ* — вѣтрогонной и проч.—понимали всякій человѣческій говоръ, какъ равно и самыя лошади отвѣчали на всѣ вопросы словами человѣка, убивали и поѣдали противниковъ своего всадника. Изъ преданій осетинъ видно, что лошади нартовъ дѣйствовали сами собою и отличались, подавая самые разумные совѣты, какъ, напримѣръ: невидимка маленькаго нарта Тотрадза, сына Алимбека, **Дvлјманђахасђ**, т. е. взращенная демонами — чертями, подавала свои совѣты Тотрадзу въ бою и междоусобіи нартовъ и онъ, сынъ Алимбека, потому былъ въ состояніи стоять твердо между нартами.

тить особенное вниманіе»—говоритъ Са́тана Батразу. Потомъ Сатана предлагаетъ Батразу посовѣтываться съ своею лошадью, дур-дура, которая чутьемъ понимаетъ очень много въ будущемъ. Батразъ такъ и поступилъ: онъ все сказанное передаетъ своей лошади, славившейся у нартовъ отъ Хамыца—дур-дурѣ. Она выдумала самые вѣрные способы къ отмщенію Сајнæг-Æлдару: «видишь-ли ты», говоритъ она Батразу: «у Сајнæг-Æлдара такая привычка отъ природы, что онъ подаетъ свой мечъ концомъ, держа самъ рукоятку, и вотъ въ такихъ случахъ его ненасытный глазъ испилъ много крови, поражая мечомъ своимъ несчастныхъ жертвъ. Поэтому, для твоей безопасности, въ то самое время, когда Сајнæг-Æлдаръ вздумаетъ подавать тебѣ свой мечъ концомъ, держа самъ за рукоятку, я, вѣрная твоя слуга, бывшая вѣрною и Хамыцу — твоему отцу, буду показывать видъ взбѣшенной и относить тебя на пространство двадцатидневной запашки плуга *). Ты, конечно, изъ такой фамиліи и съ такой волей, что съумѣешь *держаться на мнѣ* безъ потери своего геройскаго духа, съумѣешь также нагрѣть меня плетью, такъ сильно по моимъ желѣзнымъ бокамъ, чтобы пласты моего мяса съ кожей летали по воздуху, какъ коршуны; но все-таки ты своей силой, конечно, долженъ меня заставить покориться твоему желанію: взять изъ рукъ Сајнæг-Æлдара его мечъ. Только опять я говорю: мечъ бери не за конецъ, а за рукоятку; этотъ кровожадный и кровопьющій человѣкъ, по своей привычкѣ, поразитъ тебя имъ на смерть. Онъ очень хитрый и своенравный, съ трудомъ покоряется убѣжденіямъ другихъ. Но тебѣ легко увѣрить его, что блескъ меча его привелъ меня въ бѣшенство и что у тебя въ глазахъ дѣлается сильное помраченіе отъ отражающихся въ немъ лучей и блеска меча. Тогда этотъ владѣтель недоступныхъ твердынь, не подозрѣвая ни мало тебя, волею-неволею долженъ будетъ подать тебѣ мечъ свой отъ рукоятки, а не концомъ его. Если спроситъ тебя, кто ты? будь молчаливъ, не открывай себя и старайся отдѣлаться отъ его вопросовъ». Батразъ такъ и сдѣлалъ. Отправился къ твердынямъ недоступныхъ скалъ, ко времени вывода Сајнæг-Æлдаромъ своихъ лошадей на водопой. Подъѣхавъ къ нему стороной, Батразъ, послѣ пожеланія обычнаго добраго дня, началъ сказывать свое краснорѣчивое привѣтствіе Сајнæг-Æлдару. А потомъ обратился къ нему съ просьбой, дать ему свой мечъ, для образца. Смотритъ

*) Значитъ десять десятинъ квадратной мѣры земли.

онъ на Батраза, видитъ въ немъ лихого наѣздника, спрашиваетъ его: кто онъ? Батразъ, не выдавъ себя, усиленно началъ упрашивать Сајнæг-Æлдара дать ему свой мечъ для образца. Онъ вынимаетъ мечъ свой, подаетъ его Батразу по своему обыкновенію, концомъ впередъ; умная отъ природы дур-дура бросается назадъ и относитъ Батраза какъ разъ на двадцатидневную запашку плуга отъ того мѣста, гдѣ стоялъ Сајнæг-Æлдаръ съ мечомъ въ рукахъ. Бодрый Батразъ приводитъ свою дур-дуру въ послушаніе и покорность сильными ударами плети (нагайки) и заставилъ ее стать рядомъ съ Сајнæг-Æлдаромъ; подаетъ опять Сајнæг-Æлдаръ мечъ свой по обыкновенію своему также направляя его концомъ впередъ; умная Дур-дура, отъ сильныхъ лучей и блеска меча Сајнæг-Æлдара, относитъ Батраза такимъ-же образомъ. Опять Батразъ начинаетъ нагрѣвать ее по бокамъ и заставляетъ покориться желанію Сајнæг-Æлдара. Правда, блеска его меча не могъ переносить человѣческій глазъ безъ помраченія, но это не было чувствительно для Батраза. Онъ началъ оправдывать свою дур-дуру передъ Сајнæг-Æлдаромъ, что она приходитъ въ бѣшенство отъ сильныхъ лучей и блеска меча. Тогда Сајнæг-Æлдаръ подалъ свой мечъ, противъ обыкновенія своего, рукояткой впередъ. Батразъ видитъ на одной сторонѣ меча сіяніе солнца, а на другой—луны. Онъ не мало удивлялся такому произведенію Сафы — бога оружія и сказалъ Сајнæг-Æлдару: «жаль видѣть въ этомъ состояніи такой безцѣнный мечъ, — онъ сильно зазубренъ, видно не разъ побывалъ въ бою»? Тогда Сајнæг-Æлдаръ отвѣчалъ Батразу: «да изліется кровь ослицы на прахъ Хамыца, на зубахъ котораго зазубренъ мой безцѣнный мечъ» *). Батразъ того и желалъ, чтобы Сајнæг-Æлдаръ поступокъ свой высказалъ самъ своими устами; тутъ-же его собственнымъ мечемъ пресѣкъ онъ жизнь Сајнæг-Æлдара, который палъ мертвымъ отъ единственной раны **). Батразъ, чтобы утѣшиться и обрадовать свою мачиху, привезъ ей трофей славнаго своего подвига—правую руку Сајнæг-Æлдара ***); обращается къ ней

*) Обыкновенное порицаніе покойниковъ.

*) Въ сказаніяхъ встрѣчается, что разъ нанесенная рана мечомъ или какимъ бы то ни было оружіемъ произведенія бога оружія—Сафа влекла къ неизбѣжной смерти; въ противномъ случаѣ, если рана повторялась ударомъ вновь, то наносившій падалъ самъ пораженный смертію, отъ волшебной силы меча.

*) Въ кровной мести привѣтствуютъ слѣдующими словами: «разговѣй, **Æна**—мама, мамаша, отъ своего скучнаго и труднаго поста этимъ тро-

и говоритъ: «Æна — мачиха, видишь-ли этотъ трофей? вотъ я тебѣ привезъ руку убійцы моего отца—Хамыца—Сајнæг-Æлдара». Она не думала, чтобы Батразъ имѣлъ случай и смѣлость отмстить за кровь своего отца, и отвѣчаетъ ему: «да легко-ли такимъ, какъ ты, по своимъ лѣтамъ, убивать такихъ безсмертныхъ, какъ Сајнæг-Æдар, вѣрно тебѣ удалось лишить жизни какого-нибудь несчастнаго, проводившаго дни свои въ пастьбѣ стадъ, но никакъ не Сајнæг-Æлдара, отнять жизнь котораго тебѣ не такъ легко и доступно, потому-что тебѣ-ли имѣть доступъ къ этому кровожадному человѣку, можно-ли думать, что ты когда-нибудь успѣешь въ этомъ? Сајнæг-Æлдар не такимъ мелкимъ парнишкамъ—людямъ можетъ быть доступенъ, чтобы лишить его жизни; да, его жизнь не виситъ на волоскѣ, она сохраняется очень глубоко; кромѣ того, онъ никогда не разстается съ своимъ мечомъ-цјрјqомъ, который такъ сильно напитанъ ядомъ, что малѣйшее его прикосновеніе, прежде-чѣмъ настаетъ часъ смерти, повергаетъ заживо навсегда въ сырую могилу; но трофей твой ничто иное, какъ рука какого-нибудь несчастнаго пастуха. Если-бы произошла смерть Сајнæг-Æлдара, то мы видѣли-бы не мало окружающихъ насъ разныхъ явленій и чудесъ». Тогда Батразъ отвѣчалъ: «ты, въ часъ полудня, взойди на высоту семи-этажной башни и наблюдай оттуда; вѣрно замѣтишь, что вокругъ тебя по воздуху будутъ летать клоками волосы женъ Сајнæг-Æлдара и окружитъ тебя мракъ—туманъ *) и все это будетъ казаться тебѣ тучами, потому-что день будетъ мрачный и лучи солнца будутъ закрыты, а самая земля оттого не будетъ освѣщаться солнцемъ». Мачиха всходитъ на высоту башни и, наблюдая, замѣтила, что дѣлается на цѣломъ свѣтѣ Божіемъ, потому-что, наблюдая оттуда, глазамъ представлялось происходящее во всемъ мірѣ. Она видитъ, что свѣтъ дня помрачился отъ летавшихъ по воздуху волосъ, какъ ту-

феемъ—лакомой добычей». Въ такихъ случаяхъ трофеями побѣды служила и до недавняго времени правая рука побѣжденнаго, которая, въ знакъ незабвенности побѣды, привозится съ торжествомъ побѣдителемъ и прикрѣпляется желѣзными гвоздями къ стѣнѣ на видномъ для глазъ мѣстѣ.

*) Только съ нѣкотораго времени женщины у осетинъ, какъ-то: матери, сестры, дочери и родственницы, начали отступать отъ страшныхъ привычекъ при похоронныхъ процессіяхъ, рвать на себѣ волосы и царапать лицо. Обычай отрѣзывать у жены умершаго волосы на головѣ существовалъ и въ позднее время. Отрѣзанныя волосы клались вмѣстѣ съ покойникомъ, для той именно цѣли, чтобы она — жена — принадлежала на томъ свѣтѣ своему первому мужу.

чи, волосъ рыдающихъ женъ Сајнæг-Æлдара. Увѣрившись такими явленіями въ вѣрной смерти Сајнæг-Æлдара и привезенномъ Батразомъ трофеѣ, она обратилась къ нему и говоритъ, что у нартовъ отъ природы нѣтъ въ обыкновеніи (обычаѣ) предавать землѣ такихъ знаменитыхъ лицъ съ недостачею какихъ-либо частей тѣла и потому она ему совѣтуетъ отвезти свой трофей, для преданія вмѣстѣ съ тѣломъ землѣ. Онъ безъ всякаго для своей жизни опасенія, не забывая того, что можетъ подвергнуться такой-же мести и самъ, съ своимъ геройскимъ духомъ, привозитъ во владѣніе Сајнæг-Æлдара его руку, въ тотъ самый моментъ, когда выносилось тѣло къ склепу; вбивъ крѣпко свое копье въ землю и привязавъ къ нему свою дур-дуру, поднесъ онъ свой трофей и положилъ его на трупъ Сајнæг-Æлдара. Вся толпа народа была поставлена въ изумленіе, твердостью духа и неустрашимостію Батраза; она вздумала мстить ему, радуясь возможности излить кровь Батраза на трупъ Сајнæг-Æлдара *), но месть невидимою рукою устранена и вся толпа при похоронахъ положила, что если ей удастся выдернуть изъ земли копье Батраза, то можно ему отомстить, въ противномъ случаѣ месть будетъ неудачна. Поэтому толпа народа съ большимъ усиліемъ принялась выдергивать изъ земли копье Батраза, но оно упорно оставалось въ томъ-же состояніи; тогда толпа убѣдилась, что месть не можетъ состояться и съ боязнію отказалась отъ мести за кровь владѣтеля недоступныхъ твердынь, Сајнæг-Æлдара. Батразъ, какъ мѣткій стрѣлокъ, получилъ первый призъ своей стрѣлой на *qабаq'ъ* **) (кабакъ) изъ двухъ **Ўхцаjраг** (эссеръ) ***). Не мало удивлялись на похоронахъ мѣткости Батраза. Онъ возвратился къ нартамъ, сталъ требовать силой своего меча **Д̧ӯс-qаре** и лошади дур-дура плату за кровь отца ****). Нарты, устрашен-

*) Вообще для всякой мести служатъ привѣтствіемъ слѣдующія слова: «Да пошлетъ Богъ на грѣхъ твой, убитый, пріятную минуту мести, чтобы кровь убійцы излилась на тѣло и на могилу твою, убитый! Да не оставитъ великій Богъ безъ грѣха, т. е. преслѣдованія, поступокъ убійцы»! Этими словами ограничивается всякое привѣтствіе кровной мести.

**) Кабакъ (qабаq). Это выставляемая на похоронахъ знаменитыхъ лицъ, для состязательной стрѣльбы въ честь усопшаго, вѣха съ дощечкой, служащей мишенью. Сбившій съ вершины вѣхи эту дощечку получаетъ назначенный призъ.

***) Безправные холопы назывались эссерями—**Ўхцаjрæг.**

****) За кровь убитаго платилось вознагражденіе деньгами, скотомъ, оружіемъ и мѣдными разными вещами, по оцѣнкѣ посредниковъ, и угощеніе, служившее залогомъ дружественнаго примиренія навсегда.

ные Батразомъ, не могли не выказывать своей готовности къ уплатѣ ему крови его отца, Хамыца, но прежде всего желали узнать, изъ чего должно состоять удовлетвореніе за кровь *). Батразъ объявилъ нартамъ, что онъ будетъ доволенъ, если они, вмѣсто всякаго другого вознагражденія, наполнятъ **цѵрѵqj** **) его отца шелковымъ пепломъ, и если, кромѣ того, онъ получитъ отъ нихъ еще, въ залогъ твердаго и вѣрнаго примиренія, четыре перекладины и четыре столба для зданія, толщиною каждый не менѣе какъ въ четыре пяди, одни изъ породы дерева **залҕæд** ***), а другія **ехсѵ-qæд** ****). Пошли нарты исполнять желаніе Батраза, наполнить цѵрѵqj его отца шелковымъ пепломъ; запасаются всячески шелковыми матеріями; день и ночь усердно занимаются выжиганіемъ пепла, но только что пепелъ былъ приготовленъ и сложенъ въ груды, откуда ни возьмись Батразъ: онъ превращаетъ себя въ вѣтеръ и своимъ дуновеніемъ уноситъ весь пепелъ. Приходятъ нарты въ уныніе и продолжаютъ заниматься приготовленіемъ пепла. Только-что онъ былъ опять готовъ и сложенъ въ груду, Батразъ опять превращаетъ себя въ сильный вѣтеръ и уноситъ пепелъ, не оставляя слѣдовъ; такимъ образомъ нарты продолжали неусыпно свое приготовленіе пепла. Бѣда нартамъ, труды большіе: пепелъ готовъ, сложенъ въ груду; опять Батразъ превращаетъ себя въ вѣтеръ и уноситъ, не оставляя и слѣдовъ. Горе нартамъ! весь шелкъ истощился въ нартовскихъ владѣніяхъ, а кровь Хамыца еще не уплачена, и нѣтъ малѣйшей возможности достать нартамъ лоскутъ шелку. Да, горе еще и то, и горе самое великое! падаютъ они духомъ, всякая ихъ надежда лопается: какъ исполнить требованіе Батраза, гдѣ имъ достать изъ дерева залгæд и ехсѵ-qæд перекладины на столбы толщиною въ четыре пяди,

---

*) Кровная плата состоитъ изъ извѣстной суммы денегъ или-же извѣстнаго числа головъ животныхъ, поступающихъ въ уплату крови; также въ число платы опредѣляются цѣнные участки хлѣбопахатной земли и дорогое оружіе.

**) Сапоги съ уменьшенными голенищами изъ краснаго сафьяна, съ острыми подковами.

***) Кустарниковой породы деревцо съ пахучими желтыми цвѣтами. При всемъ стараніи, русскаго названія этого дерева я не могъ узнать.

****) Такой-же породы дерево—«волжанка», годное для плетня и тростей, очень твердое дерево съ красной кожицей. Самая большая толщина этого дерева составляетъ $^1/_4$ дюйма.

когда Богъ и природа создали породу этихъ деревъ кустарниковою? — Бѣда нартамъ, и отъ бѣды приходится имъ испытывать большое горе. Кара предстояла великая для нартовъ: неудача за неудачей уплатить кровь Хамыца, а Батразъ того и молилъ; ждалъ онъ неустойки нартовъ, и вотъ Богъ посылаетъ ему радостный случай мести, которой онъ давно желалъ; очень довольный собою, благодарилъ онъ небо, пославшее ему радостную месть нартамъ; требованія его ими не исполнены,—откуда взять полные цурvqj шелковаго пепла, перекладины и столбы изъ породы кустарниковъ залгæд и exev: у нартовъ не осталось и лоскутка шелку, а требуемыя деревья природа создала кустарниковой породой, достать все это было не въ силѣ нартовъ. Доводитъ ихъ Батразъ до крайности; мечъ дзусс-qарæ, безъ помощи его, испилъ кровь нартовъ *), а дур-дура пожиралъ ихъ; такую бѣду навелъ Батразъ на нихъ и своими прихотями не мало имъ наскучилъ; послѣдняя горсть многочисленной массы нартовъ должна была исчезнуть по его желанію. Никакая сила оружія не вредила Батразу и на него не дѣйствовала. Чтобы погубить нартовъ болѣе жестокимъ образомъ, однажды Батразъ потребовалъ отъ нихъ заготовить ему сто возовъ выжженныхъ древесныхъ углей, достать двадцать четыре пары кузнечныхъ мѣховъ и устроить въ самыхъ громадныхъ размѣрахъ кузницу съ горномъ. Навезли нарты сто возовъ углей, сложили ихъ въ груду, принесли двадцать четыре пары мѣховъ, разставили ихъ по обѣимъ сторонамъ горна, стали раздувать груду; когда огонь сильно разгорѣлся, онъ бросается въ него и продолжаетъ себя раскалять. Когда онъ закалился лучше стали, онъ заставилъ нартовъ бросить его въ море; они бросили его въ море. Стало оно сильно кипѣть, бушевать и пѣниться. Батразъ закалился до такой крѣпости, что никакая сила оружія на него не дѣйствовала. Выходитъ онъ, наконецъ, изъ моря и выходитъ стальнымъ человѣкомъ. Чтобы болѣе удовлетворить свою месть, пошелъ онъ опять поражать нартовъ; бѣда нартамъ, кровь льется рѣкою, сотнями тысячъ убиваютъ ихъ, какъ саранчу; дошли нарты до отчаянія,—куда дѣваться? нѣтъ имъ спасенія отъ гоненія Батраза! Онъ день и ночь истребляетъ ихъ мечомъ своимъ дзусс-qарæ, а лошадь дур-дура пожираетъ ихъ живыми. Время отъ времени доходятъ нарты до

*) Преданіе говоритъ, что мечъ Батраза истреблялъ нартовъ безъ всякой помощи, бросаясь самъ по нартовскимъ рядамъ и населеніямъ.

исчезновенія; они своей обороной не могли наносить ему вреда, потому-что натура его была крѣпкая, какъ стального человѣка, и оружіе ему не вредило. Чтобы нарты окончательно упали духомъ, Батразъ вздумалъ доказать имъ свое безсмертіе и твердую силу: онъ потребовалъ отъ нартовъ привезти большущую пушку съ стопудовымъ зарядомъ пороха. Привезли нарты пушку, говорятъ Батразу: «пушка привезена». Онъ приказалъ зарядить ее и всадить его, Батраза, съ зарядомъ въ дуло, вмѣсто ядра. Опять и здѣсь горе: припала бѣда на долю нартовъ, приходятъ они въ уныніе, какъ приняться и гдѣ имъ достать для гигантской пушки соразмѣрной величины банникъ, необходимый при заряживаніи пушки и безъ чего не могли они обойтись. Видитъ Батразъ горе и уныніе нартовъ, онъ указалъ имъ кедровое дерево, толщиною въ три сажени, которое онъ приготовилъ самъ. Спрашиваютъ нарты Батраза: «банникъ готовъ, но какъ они могутъ узнать, когда онъ, Батразъ, сядетъ у дна пушки»? Онъ отвѣчаетъ имъ, что когда онъ дойдетъ до дна и сядетъ плотно, то подастъ знакъ своимъ кашлемъ, говоря, что первый кашель его будетъ означать, что колѣни его дошли уже до заряда. Такъ онъ прокашлялъ въ первый разъ и въ это время съ кашлемъ изъ дула громадной пушки выходитъ сильнѣйшій вѣтеръ и разноситъ нартовъ по всѣмъ краямъ земли. Опять настало горе: большая часть нартовъ подвергается увѣчьямъ и смерти отъ сильныхъ ушибовъ, причиненныхъ имъ вѣтромъ, происшедшимъ отъ дуновенія и кашля Батраза. Дѣлать было нечего, собрались нарты и снова принялись за свое дѣло, вбивать Батраза съ зарядомъ въ дуло пушки. Всадили его самыми сильнѣйшими напорами огромнѣйшаго кедра—банника въ дно пушки. Когда Батразъ вторичнымъ своимъ кашлемъ предупредилъ нартовъ, что онъ плотно сѣлъ съ зарядомъ у дна пушки, — онъ приказалъ нартамъ пушку направить къ недоступнымъ твердынямъ **Ўæрцъ-Æлдара** *), который наносилъ нартамъ не менѣе бѣдъ и оскорбленій всякаго рода, какъ и Батразъ. Пушку направляютъ нарты къ твердынямъ Уæрп-Æлдара: производятъ выстрѣлъ; выстрѣ-

---

*) Въ дословномъ переводѣ **Ўарцъ-Æлдар** означаетъ урупскій князь, урупскій владѣлецъ; названіе мѣстности этой относится къ настоящему Урупу — въ Кубанской области, составлявшему Урупскій округъ (уѣздъ). Въ преданіи говорится, что слѣды разбитыхъ Батразовымъ выстрѣломъ твердынь Уарпа и до сего времени еще не изгладились.

ломъ этимъ Батразъ разбилъ твердыни Уæрп-Æлдара, оставшись самъ невредимъ, какъ человѣкъ безсмертный, превратившійся въ закаленную сталь, и побѣдивъ Уæрп-Æлдара навсегда въ покорность себѣ и нартамъ. Владѣтель недоступныхъ твердынь отъ непріязни своей перешелъ въ дружелюбіе къ нартамъ. Трудно было нартамъ привесть въ свою покорность твердыни Уæрп-Æлдара; несмотря на вѣковѣчную войну, никакая сила не могла подчинить ихъ своей власти до-тѣхъ-поръ, пока Провидѣніе не осудило ихъ пасть подъ ударомъ гигантской пушки нартовъ съ зарядомъ безсмертнаго, изъ закаленной стали человѣка — Батраза. Батразъ недоволенъ все-таки своей местью и потому сталъ мстить еще вдесятеро сильнѣе. Заставивъ нартовъ забыть тѣ бѣдствія, которыя имъ уже причинилъ, онъ снова не перестаетъ стараться отрезвить ихъ отъ разгульной и беззаботой жизни, которой они предавались, тѣмъ, что задумалъ погубить ихъ всѣхъ разомъ; за это Богъ обратилъ на него свое негодованіе, какъ на богоотступника и не вѣрующаго въ Его правду. Нарты впали въ такое бѣдствіе, что имъ не было мѣста, гдѣ скрыться отъ немилосердаго, алчнаго до крови Батраза. Часть нартовъ, избѣжавшая меча Батраза, опустошена голодомъ, наведеннымъ на нихъ Батразомъ. Хлѣбъ нартовъ составляла кукуруза *), въ которой они встрѣчали крайнюю нужду вслѣдствіе неурожаевъ: едва доставалась на пропитаніе ихъ та малая часть ихъ посѣвовъ, которую сбивали они пущенными по нимъ ночью стрѣлами, такъ-какъ днемъ на нивахъ хлѣбъ превращался въ уголь.

---

*) Преданіе говоритъ, что кукуруза перешла къ намъ отъ нартовъ и потому этотъ хлѣбъ носитъ точное свое названіе «нартовъ-хлѣбъ», **нарӡ-хор.** Слово хоръ означаетъ хлѣбъ. Въ разсказахъ осетинъ встрѣчается, что Богъ лишилъ нартовъ урожая пшеницы за то, что они въ своей гордости не сознавали его единства. Кромѣ того, до одного случая, происшедшаго у нартовъ, урожай пшеницы былъ таковъ, что пшеница безъ посѣва имѣла всхожесть. Случай былъ таковъ. У одной женщины былъ сынъ. Женщина занималась печеніемъ хлѣба; въ это самое время, у малолѣтняго сына ея насталъ часъ естественнаго испражненія. Женщина, т. е. мать ребенка, не имѣя подъ рукой чѣмъ очистить свое дитя, взяла тѣста и имъ вытерла задній проходъ сына, послѣ испражненія его. За это Богъ навелъ на всѣхъ нартовъ свой гнѣвъ и лишилъ ихъ урожая пшеницы. Говорятъ, что пшеница нартовъ тогда-же обращена Богомъ въ снѣгъ. Осетины такъ понимаютъ, что если-бы эта женщина нартовская, мать ребенка, не поступила такимъ образомъ, то не было-бы снѣга, а снѣгъ былъ-бы пшеничной мукой, т. е. навсегда готовымъ хлѣбомъ.

Бѣда была безконечная; не могли отдѣлаться отъ мести Батраза; онъ, безсмертный, боролся и съ святыми ангелами и угодниками Божіими, но вотъ и Богъ своимъ негодованіемъ сократилъ наконецъ безмертную жизнь Батраза, навелъ на него всевозможные неизлѣчимые недуги и онъ подвергается смерти, какъ земное существо. Но нартамъ отъ этого не легче: у него открываются разныя язвы, раны и другія неизлѣчимыя болѣзни, распространяющія зловонія и моръ между нартами. Такъ онъ старается довести нартовъ до окончательной гибели. Самая незначительная ихъ часть, оставшаяся въ живыхъ, умоляла Батраза не доводить нартовскій родъ до окончательнаго исчезновенія и дать имъ возможность укрыться отъ напастей его. Тогда Батразъ, умилосердясь надъ ними, отвѣчалъ, что онъ, послѣ нанесенныхъ имъ бѣдствій, будетъ доволенъ и самъ своею смертію. Но онъ до-тѣхъ-поръ не можетъ умереть, пока мечъ его дзусс-ɋарæ не будетъ заброшенъ въ море, и что ему суждено только умереть такимъ порядкомъ; въ противномъ случаѣ будетъ жить и наносить имъ смерть до ихъ истребленія. Опять не малое горе пало на долю нартовъ: какъ бросить мечъ Батраза въ море? Выдумали сказать и увѣрить его, что мечъ заброшенъ въ море, и что ему время уже настало умереть; приходятъ они и говорятъ съ разными увѣреніями больному Батразу, что его мечъ заброшенъ и что конецъ жизни его долженъ настать. Батразъ ихъ спросилъ: какія явленія они во время бросанія меча въ море встрѣтили? Нарты конечно отвѣчали, что особенныхъ явленій въ морѣ не было. «Такъ, значитъ», говоритъ Батразъ: «мечъ дзусс-ɋарæ не заброшенъ въ море, потому-что тогда вы замѣтили-бы разныя явленія». Нарты, услышавъ слова Батраза, поспѣшили собраться со всѣми своими силами и средствами исполнить его желаніе; при помощи нѣсколькихъ тысячъ животныхъ, они подвинули мечъ Батраза къ берегу и бросили въ море. Заброшенъ мечъ—пошли волны и ураганы, самое море пришло въ кипящее состояніе, а потомъ приняло кровавый цвѣтъ *). Явленіямъ этимъ нар-

---

*) Преданіе увѣряетъ, что мечъ Батраза заброшенъ въ Чермное море, получившее и носящее до сего времени названіе Краснаго моря; названіе свое оно получило вслѣдствіе того, что мечъ Батраза, испившій жадно и впитавшій въ себя нартовскую кровь, отмылъ въ морѣ впитанную въ себя кровь и что до сего еще времени мечъ находится въ Красномъ морѣ. Это послѣднее преданіе основываютъ на сверкающей молніи съ запада. Когда съ

ты не мало удивлялись; но и радость ихъ была безпредѣльна: пришли и разсказали о видѣнныхъ явленіяхъ Батразу; онъ, убѣжденный въ правдѣ, испустилъ послѣдній свой духъ, послѣ чего легко было нартамъ предать тѣло его землѣ. Предавъ его землѣ, нарты все-таки не хотѣли вѣрить, чтобы Батразъ былъ смертнымъ, земнымъ существомъ и не смылъ-бы родъ ихъ съ лица земли. За такое легковѣріе нартовъ, Богъ навелъ на нихъ свой гнѣвъ и ниспосланнымъ съ небесъ огнемъ они истреблены.

15 августа 1875 года.
Селеніе Шанаева.

О нартѣ Урызмагѣ и Ўарпъ-Ӕлдарѣ [1]).

Славный между нартами сѣдобородый Урызмагъ и Уарп-Ӕлдар были присяжными братьями [2]). Урызмагъ жилъ среди своихъ нартовъ, а Уарп-Ӕлдаръ на небѣ. Однажды Уарп-Ӕлдару пришло на мысль отправиться въ продолжительное странствованіе. Оставивъ свою жену-красавицу на небѣ, онъ отправился въ странствованіе по всей землѣ. Когда-же Урызмагъ узналъ объ этомъ, то онъ сѣлъ на своего пѣгаго коня дур-дуру, взялъ въ руки свою скрипку и уѣхалъ къ Кумыкскимъ отдаленнымъ степямъ [3]). Тамъ онъ сидѣлъ на большомъ камнѣ и отъ утра до вечера игралъ на скрипкѣ разныя веселыя пѣсни, звуки напѣва

запада начинаетъ молнія сверкать, осетины относятъ это сверканіе къ блеску меча Батраза — бросающаго себя изъ моря на небо, для истребленія нечистыхъ силъ и бѣсовъ.

[1]) Урупскій князь, Урупскій владѣлецъ. Названіе этой мѣстности относится къ Урупу (см. выше), Кубанской области.

[2]) Присяжными братьями дѣлаются такимъ сбразомъ: берутъ деньги, бросаютъ монету въ полную чашу напитка, напр. водки и проч., начинаютъ молиться, чтобы братство было прочное, ненарушимое и послѣ того выпиваютъ пополамъ чашу и съ того времени присяга эта укрѣпляетъ твердо братство присяжныхъ. Монета-же остается у младшаго изъ присяжныхъ братьевъ. Такая присяга у осетинъ считается самою святою и нарушившій ее подвергается осмѣянію. Обязанность братьевъ заключается въ томъ, чтобы быть вѣрнымъ одинъ другому и неизмѣннымъ въ дружбѣ.

[3]) Кумскія степи въ Георгіевскомъ (Пятигорскомъ) округѣ.

которыхъ доходили до неба и тамъ веселили и развлекали отъ скуки красавицу **Ўарцэ-Æхсjна** [4]). Она, по звукамъ скрипки Урызмага, начинала, то танцовать, то воспѣвать пѣсни. Такимъ образомъ Урызмагъ каждый день отправлялся въ Кумскія степи и, сидя на огромномъ камнѣ, продолжалъ играть на своей скрипкѣ свои веселыя пѣсни.

Бѣдовый у нартовъ, веселый **Гæдvj-Сvрдон**, сынъ Гатага, кавдасарда нартовской извѣстной фамиліи Бороевыхъ [5]), замѣтилъ, что Урызмагъ не даромъ ѣздитъ каждый день на своемъ пѣгомъ конѣ къ Кумскимъ степямъ. Онъ однажды вышелъ на встрѣчу къ Урызмагу и сказалъ ему: «**Дæрvи бахæрон мæ æлдар Ўрvзмаг** [6]). Ты одинъ изъ славнѣйшихъ между нартами. Если тебя между ними нѣтъ, то они унылы и ни на что не похожи. Что у тебя за нужда такая большая, что ты началъ морить и изнурять своего пѣгаго дур-дура, разъѣзживая на немъ каждый день въ Кумскія степи. Отчего онъ, безцѣнный конь, приходитъ въ худобу. Не даромъ стала поговаривать нартовская молодежь, что ты пришелъ въ умопомѣшательство», говорилъ Гæдvj-Сvрдонъ Урызмагу: «да съѣмъ я твою болѣзнь, мой господинъ! Я смѣю тебѣ высказать это».—«Ахъ, ты, безпутный, Гæдvj Сvрдонъ», отвѣчалъ Урызмагъ, «ты не думаешь-ли узнать мои тайны»? и сталъ улыбаться. «Совѣтую тебѣ успокоить себя: тебѣ не удастся знать мои предположенія и тайны». Послѣ того Урызмагъ уѣхалъ опять на Кумскія степи и сидѣлъ тамъ на любимомъ своемъ большомъ камнѣ, продолжалъ на своей скрипкѣ играть разные напѣвы, чтобы развлекать Уарп-Æхсjну отъ грусти и скуки ея. Откуда ни возьмись Сvрдонъ, сталъ передъ Урызмагомъ и началъ плакаться. Онъ говорилъ: «Пропали нарты! Они потеряли къ тебѣ свою опору! Ты ихъ оживлялъ! Они бодрились тобой! Но теперь пропали, погибли нарты! Опомнись, сколько силы въ тебѣ теряютъ нарты. Да съѣмъ твои болѣзни, мой господинъ! Ты прости меня за мои выраженія! Если ты не опомнишься и не перестанешь такъ разъѣзжать, то, конечно, мо

---

[4]) Урупская княгиня, Урупская владѣтельница.

[5]) Кавдасарды—побочные сыновья, происшедшіе отъ служанокъ, номvль-усъ (см. выше).

[6]) Да съѣмъ я твои болѣзни, мой князь, мой господинъ. Личность Сvрдона рисуется во всѣхъ нартовскихъ сказаніяхъ **Гæдvj-Сvрдон'омъ**, т. е. лжецомъ, пронырой.

лодежь нартовъ вправѣ будетъ продолжать поговаривать, что ты помѣшался въ умѣ своемъ»? Урызмагъ, выслушавъ все это внимательно, отвѣчалъ Сурдону: «ты не надѣйся выпытать у меня мои тайны, можешь быть спокоенъ, это тебѣ не удастся! Впрочемъ, если ты желаешь узнать цѣль моей поѣздки къ Кумскимъ степямъ», сказалъ Урызмагъ Сурдону, «то вотъ я и разскажу тебѣ, что меня заставляетъ сидѣть на этомъ большомъ камнѣ и продолжать игру на скрипкѣ... А вотъ что меня заставляетъ пріѣзжать сюда», говорилъ опять Урызмагъ: «у меня единственный присяжный братъ, Уæрп-Æлдаръ. Онъ уѣхалъ странствовать—*балцъ*, на продолжительное время. Жена его осталась на небѣ и продолжаетъ скучать и горевать, и чтобы разсѣять ея грусть и развлечь скуку, я играю на своей скрипкѣ, и она звуками моей скрипки то веселится смѣхомъ до упаду, то поетъ пѣсни, а то начинаетъ танцовать! Потому-что скрипка моя имѣетъ такую силу, что звуки ея прямо доходятъ къ ней до небесъ.

Услышавъ эти слова Урызмага, Сурдонъ разсмѣялся такъ сильно, что у него покатились струями слезы изъ глазъ; онъ палъ на землю и сказалъ, вставая: «жаль нартовъ, что они потеряли тебя, одного изъ главнѣйшихъ между ними мужей, ты ихъ веселилъ, во время унынія оживлялъ! Вспомни, Урызмагъ, что ты поставленъ въ глазахъ нартовъ высоко! Правду говоритъ молодежь нартовская, что ты помѣшался въ умѣ своемъ. Ободрись, стряхни съ себя свое помѣшательство, это для нартовъ не малый ударъ, когда они увидятъ въ тебѣ потерю твоего разсудка и силы, которыми ты держался всегда высоко и приводилъ ихъ въ живость! Одно то доказываетъ потерю твоего разсудка, что ты по цѣлымъ днямъ сидишь на этомъ камнѣ и играешь на своей скрипкѣ разные напѣвы пѣсенъ и полагаешь, что звуки твоей скрипки доходятъ прямо къ Уæрп-Æхсјнѣ, до небесъ, гдѣ она возсѣдаетъ, и что она тамъ по этимъ веселымъ звукамъ начинаетъ то воспѣвать пѣсни, то танцовать, и что этимъ ты развлекаешь ее отъ скуки и грусти: развѣ это предположеніе можетъ быть правдой?», говоритъ Сурдонъ. Тогда Урызмагъ сказалъ: «Хорошо, сдѣлаемъ **хæснаг** [7]): если моя неправда, то я тебѣ дарю моего пѣгаго коня дур-дуру [8]). Но если-же я выиграю у тебя хæснаг, то ты

---

[7]) При спорахъ своихъ осетины выражаются: сдѣлаемъ **хæснаг**, т. е. держимъ пари.

[8]) Въ преданіяхъ и сказаніяхъ о нартахъ у осетинъ, пѣгій конь Урызмага до сего времени рисуется, какъ святость, незабвенная для нихъ.

долженъ дать мнѣ свою трехногую вѣтрогонку. Урызмагъ и Сvрдонъ сдѣлали хæснаг. А послѣ того Урызмагъ говоритъ Сvрдону: «Ну, улетай на небеса и узнай тамъ всю правду»! Онъ улетѣлъ на небо и остановился передъ кунацкой и началъ вызывать изъ **хæдара** [9]), принять его, гостя [10]). Вышли люди и приняли Сvрдона, и говорили ему, что самого Уæрп-Æлдара нѣтъ дома, и что онъ отправился въ продолжительный балцъ — странствованіе [11]); тогда онъ просилъ извѣстить Уæрп-Æхсјну о его пріѣздѣ и пріемѣ его. Тѣ, разсмѣявшись, сказали ему: »Да, ожидай, пока наша Æхсјна выйдетъ къ тебѣ лицомъ къ лицу и приметъ тебя [12])! Ей теперь не до тебя, она веселится и развлекаетъ себя, то напѣвами пѣсенъ, то танцами подъ звуки скрипки Урызмага, который играетъ на ней на Кумскихъ обширнѣйшихъ поляхъ». Услышавъ насмѣшки людей Уарп-Æлдара, Сvрдонъ вынулъ свой цјрvq [13]) и принялся имъ убивать себя. Они, устрашенные такимъ случаемъ, побѣжали къ ней и извѣстили ее о томъ, что Сvрдонъ убиваетъ себя. Уарп-Æхсјна бросила свои увеселенія и торопливо выбѣжала къ намѣревавшемуся убить себя Сvрдону и спросила: «кто онъ, откуда взялся и что ему нужно»? Тогда онъ отвѣчалъ ей, что онъ извѣстный у нартовъ Сvрдонъ, сынъ Гатага, и послѣ того разсказалъ Уарп-Æхсјнѣ, что онъ сдѣлалъ хæснаг съ Урызмагомъ, который играетъ на своей скрипкѣ въ Кумскихъ степяхъ, сидя на большомъ камнѣ, и утѣшаетъ себя тѣмъ, что звуки скрипки его прямо доходятъ къ ней до небесъ. Затѣмъ сказалъ Сvрдонъ: «И ты, красавица, Уарп-Æхсјна, развлекаешь себя, возсѣдая на небесахъ, танцами и веселыми пѣснями! Этой правдѣ я не хотѣлъ вѣрить», говорилъ онъ «и потому мнѣ необходимо нужно было узнать всю правду»! Уарп-Æхсјна отвѣчала, что она, послѣ от-

---

[9]) Отдѣленіе общаго дома, гдѣ помѣщаются осетины цѣлымъ семействомъ и куда собираются для пиршества. Но самая кунацкая служитъ пріемомъ для однихъ гостей.

[10]) Гостю хозяинъ дома, *фvсvм*, долженъ предложить слѣзть съ коня, войти въ кунацкую и снять оружіе. Самому слѣзть съ лошади, войти въ кунацкую безъ приглашенія и снять оружіе безъ предложенія фvсvма, считается напрашиваніемъ въ гости.

[11]) Въ отсутствіе фvсvма—хозяина дома, гостю по обычаю не прилично слѣзть съ своего коня и сдѣлаться гостемъ женщинъ.

[12]) Въ обычаѣ нѣтъ, чтобы женщина безъ своего мужа принимала гостей, за исключеніемъ своихъ братьевъ и ближайшихъ родственниковъ.

[13]) цјрvq-, цјрјк—мечъ у нартовъ.

правленія ея мужа въ балцъ, не могла не скучать; но звуками скрипки и напѣвами Урызмага, доходящими прямо до вей, она разсѣеваетъ свою грусть и развлекаетъ скуку! Сурдонъ съ уныніемъ палъ на колѣни передъ Уарп-Æхсјной, началъ рыдать и продолжалъ говорить: «Слава моя между нартами должна изгладиться! Для меня нѣтъ и не можетъ быть пріятной жизни! Я проигралъ своего извѣстнаго трехногаго коня — вѣтрогонку! Погасло мое счастіе, погаснетъ и моя жизнь»! повторялъ онъ.

«Не безпокойся ты, добрый гость», сказала Уарп-Æхсјна, «могу я тебя увѣрить, что ты съ своимъ трехногимъ конемъ вѣтрогонкой не разстанешься, и въ этомъ случаѣ ты можешь себя твердо утѣшать»! Она еще говорила ему: «ты, не стѣсняя ни мало себя, скажи отъ меня Урызмагу, что я его начинаю сильно осуждать за то, что онъ не съ равнымъ себѣ по фамиліи человѣкомъ позволяетъ себѣ дѣлать хæснаг» [14]). Обратился Сурдонъ къ Уарп-Æхсјнѣ и говоритъ: «Да съѣмъ я твою болѣзнь, высокая Æхсјна! Солнце мое! Я знаю, яраби [15])! что этими словами съ Урызмагомъ мнѣ нельзя легко раздѣлаться, и я знаю навѣрно, что я проигралъ свой хæснаг ему—моего трехногаго коня, которому нарты не нашли цѣны» [16]).—«Если эти слова не подѣйствуютъ сильно на Урызмага», сказала Уарп-Æхсјна, «то передай ему отъ меня такое мое желаніе: «выбирай ты, Урызмагъ, одно изъ двухъ: или ты долженъ навсегда забыть меня и мою любовь, или-же не брать трехногаго коня — вѣтрогонки Сурдона! Выбирай любое изъ двухъ», повторила опять Уарп-Æхсјна и, улыбаясь, сказала: «ты, добрый гость, можешь быть спокоенъ, что когда Урызмагъ услышитъ мое замѣчаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ мою такую сильную угрозу, то онъ не захочетъ потерять навсегда мое имя! И онъ, безъ сомнѣнія, сдѣлаетъ ради меня уступку».

Ободрилъ себя Сурдонъ словами Æхсјны и вліяніемъ ея на Урызмага. Онъ сошелъ съ неба и явился къ Урызмагу, который его спросилъ: «ну, что, кто изъ насъ проигралъ хæснаг»? Сурдонъ отвѣтилъ: «какая моя сила передъ нартами! конечно, я проигралъ свой хæснаг тебѣ и не смѣю не исполнить свое слово. Правда, что Уарп-Æхсјна, возсѣдая на небѣ, веселится подъ зву-

---

[14]) Т. е., по происхожденію не равный.

[15]) Въ смыслѣ: о Боже!

[16]) Т. е., не могли оцѣнить достоинствъ коня Сурдона.

ки твоей скрипки и напѣвы пѣсни. Но прежде всего я долженъ тебѣ передать слова Уарп-Æхсјны, которыя она мнѣ высказала прямо».—«Хорошо! вѣдь говорится поговорка: посредники и между двумя царями идутъ [17]). Ты ни мало не стѣсняйся и говори слово въ слово все то, что она высказала на мой счетъ и въ хорошемъ и въ дурномъ», сказалъ Урызмагъ.

«Я безъ утайки и прибавленія разскажу всѣ слова Уарп-Æхсјны», сказалъ Сѵрдонъ. «Но чтобы ты, славнѣйшій мужъ между нартами, Урызмагъ, въ нихъ не сомнѣвался и чтобы они казались тебѣ настоящей истиной».—«Да это вѣрно, что я не буду сомнѣваться въ нихъ», говорилъ Урызмагъ. Тогда Сѵрдонъ сказалъ: «такъ вотъ что она говорила, ты, добрый мой Æлдар! Славнѣйшій мужъ между нартами, Урызмагъ! Прежде всего она говорила, что тебѣ, Урызмагу, не слѣдуетъ дѣлать хæснаг съ неравнымъ себѣ по фамиліи человѣкомъ. Это можетъ поставить тебя низко между нартами въ глазахъ ихъ».

«Ну, хорошо», сказалъ Урызмагъ и спросилъ опять Сѵрдона: «Не говорила-ли она еще что-нибудь»?

«Да, говорила», отвѣчалъ Сѵрдонъ. «Она еще говорила: скажи славному Урызмагу, что онъ долженъ выбрать одно изъ двухъ, покинуть мою голову, или-же оставить выигранный хæснаг—трехногаго коня».

Когда Урызмагъ услышалъ эти послѣднія слова, то онъ, восторженно разсмѣявшись, сказалъ Сѵрдону: «Я выигралъ у тебя хæснаг, твоего трехногаго коня! Но я не беру и оставляю его тебѣ, ради возсѣдающей на небѣ Уарп-Æхсјны! Ты можешь оставаться совершенно спокоенъ и имѣть его у себя», сказалъ Урызмагъ.

Бѣдовый Гæдыј-Сѵрдонъ отправился къ нартамъ, подметая своей шапкой ихъ улицы [18]). А Урызмагъ взошелъ на небо къ Уарп-Æхсјнѣ. Когда она увидѣла Урызмага, то восторгалась отъ радости и попросила его въ свой покой [19]). Тамъ онъ продолжалъ

---

[17]) **Мјнæвар**—посредникъ. У осетинъ часто встрѣчается эта поговорка. Обязанность посредника—передавать слова безъ убавленія. И потому они говорятъ, что посредники и между царями имѣются. Это служитъ основаніемъ, что посредникъ, міневар, долженъ безъ утайки и прибавленія передавать дѣло. Міневара осетины сравниваютъ съ осломъ, который не можетъ не таскать на себѣ взваленной тяжести.

[18]) Въ часъ радости осетины говорятъ: «Подметаетъ отъ радости своей шапкой улицы».

[19]) Въ обычаѣ нѣтъ зазывать въ спальню — покой женщинъ—гостей,

свои игры, не переставая веселить Уарп-Æхсјну до самой полуночи. Усталаго отъ долгой игры Урызмага она пригласила раздѣлить съ ней ложе. Онъ согласился. Цѣлую ночь проводили они за разговорами. Передъ свѣтомъ-же дня Уарп-Æлдар пріѣхалъ домой и поздно явился въ спальню свою, гдѣ увидѣлъ свою жену въ объятіяхъ Урызмага. И онъ спокойно при свѣтѣ подошелъ къ нимъ и сказалъ: «Урызмагъ! ты славный мужъ у нартовъ, но отступаешь отъ обычая ложа,—мужчина старше женщины и потому надлежитъ такъ: женщина должна обвить своими руками мужчину, а не мужчина женщину». Такимъ образомъ онъ взялъ за руки спавшаго мертвымъ сномъ Урызмага, которыми онъ обвилъ Уарп-Æхсјну, и положилъ ихъ такъ, какъ требовалъ обычай, т. е. въ такое положеніе, чтобы руки Æхсјны обнимали Урызмага. Они отъ усталости впали въ такой глубокій сонъ, что до своего пробужденія около полудня не узнали, что Уарп-Æлдар пріѣхалъ и видѣлъ, какъ они раздѣляли пріятное свое ложе! Онъ вынулъ свой цјрјq (мечъ), сталъ около Урызмага, хотѣлъ его пронзить имъ, но былъ какою-то невидимою силой остановленъ и сказалъ про себя: «Я — убить въ сонномъ состояніи моего присяжнаго брата, славнаго между нартами Урызмага,—я этого не простилъ-бы себѣ. Да и люди-бы мнѣ не простили, несмотря на то, что я сильно оскорбленъ! Да отзовется на сторонѣ его наша присяга! Да преслѣдуетъ она его за измѣну и ложь и за нарушеніе нашей присяги братства»! Онъ обратился назадъ. Но взволнованный мыслію, что Урызмагъ можетъ подумать, что Уарп-Æлдар, изъ боязни своей и опасенія за свою жизнь, не смѣлъ отмстить Урызмагу за его оскорбленіе, подошелъ опять съ мечомъ въ рукахъ къ спящимъ, сталъ около нихъ и намѣревался пронзить ихъ, но опять какая-то невидимая сила остановила его за руку. Повернулся онъ назадъ, сошелъ съ своихъ семи-этажныхъ покоевъ внизъ во дворъ, гдѣ не было ни одной души, такъ-какъ всѣ люди въ цѣломъ дворѣ спали такимъ-же мертвымъ сномъ, послѣ продолжительныхъ игръ Урызмага. Уарп-Æлдар, замѣтивъ такую тишину, распорядился самъ собою: снялъ самъ съ своего коня сѣдло и подложилъ его для изголовья себѣ, стреножилъ своего коня и легъ подъ своей буркой среди двора. Какой могъ быть у него сладкій сонъ, но онъ сво-

---

кромѣ родныхъ братьевъ и ближайшихъ родственниковъ. Убѣжище гостя— кунацкая.

ей силой заставилъ себя заснуть крѣпкимъ сномъ. Когда-же Æхсјна проснулась и увидѣла горѣвшій свѣтъ, то догадалась о пріѣздѣ мужа, тѣмъ болѣе когда она увидѣла, что растворены двери; она поспѣшно устроила свою постель передъ каминомъ около огня [20]), и начала пробуждать отъ крѣпкаго сна Урызмага, который, проснувшись, убрался въ кунацкую, чтобы этимъ замять свою вину и не дать возможности Уарп-Æлдару узнать о происшедшемъ. Когда настал день, то Æхсјна вышла къ мужу своему, спавшему подъ своей буркой на дворѣ, думая этимъ загладить слѣды своего поступка, начала рыдать около мужа, приговаривая часто въ оправданіе свое слѣдующія слова: «Присяжный твой братъ Урызмагъ взошелъ въ наше жилище на небо, чтобы развлекать меня отъ скуки и разсѣять мою грусть! Онъ цѣлую ночь до самаго свѣта дня веселилъ насъ игрой на своей скрипкѣ, не умолкая ни на одно мгновеніе ока. Танцовать и веселиться молодежь не переставала. Я сама сильно измучилась пріемомъ такого почтеннаго гостя и, усталая, заснула самымъ крѣпкимъ, мертвымъ сномъ. И такъ сильно—говорила Æхсјна—что не узнала и часъ твоего пріѣзда, и потому заставила тебя спать цѣлую ночь на голыхъ камняхъ! Ты такъ добръ и великодушенъ, что простишь меня за такую мою неловкость и неаккуратность», говорила она и взяла у него оружіе, сѣдло, бурку и проч. и повела его въ покои свои. Послѣ того Уарп-Æлдар, ни мало не подавая виду женѣ, что любовь ея къ Урызмагу извѣстна ему, обошелся съ ней очень любезно, взошелъ съ ней въ покои совершенно въ спокойномъ расположеніи духа. Такимъ образомъ жили они спокойно; время протекало своимъ порядкомъ. А Урызмага, какъ высокаго гостя, принимали съ пышностью и дорожили его пребываніемъ въ гостяхъ. Но всѣ пріемы, какіе Уарп-Æлдар ни оказывалъ, не радовали Урызмага, потому-что онъ, боясь мести Уарп-Æлдара, былъ въ самомъ разстроенномъ и неспокойномъ состояніи и большомъ страхѣ. Какъ онъ ни старался узнать и увидѣть перемѣну расположенія къ нему присяжнаго брата, но Уарп-Æлдаръ съ силой воли старался оказывать Урызмагу какъ можно больше почтенія. И какъ ни желалъ Урызмагъ освободиться отъ угощеній Уарп-Æлдара, но, не забывая поговорки: «гость долженъ быть бариномъ, а *фг*-

---

[20]) Въ отсутствіе мужа, жена, по обычаю, не должна спать на своей кровати. Но она устраиваетъ себѣ отдѣльную постель передъ каминомъ.

сүмъ (хозяинъ дома) волкомъ [21]), онъ долженъ былъ покоряться желанію Уарп-Æлдара, быть его всегдашнимъ гостемъ [22]), которому онъ желалъ оказать такой пріемъ, какъ своему отцу. Долго Урызмагъ гостилъ въ такомъ неспокойномъ и тревожномъ состояніи. Наконецъ Уарп-Æлдаръ устроилъ для Урызмага прощальный торжественный обѣдъ. Но обѣдъ этотъ считалъ для себя Урызмагъ такой минутой, когда онъ долженъ будетъ войти въ готовую для него могилу, такъ-какъ онъ былъ поставленъ въ это положеніе страхомъ и боязнію, которые навела на него измѣна присяжному братству. Увеселеніе и торжество продолжались къ ряду двѣнадцать дней, не вставая съ мѣста и изъ-за стола. Когда пиршество окончилось и настал день отправленія и проводъ Урызмага, тогда Уарп-Æлдаръ предложилъ ему всевозможные богатые подарки: сначала предложено было двѣнадцать *уацаjрагов*ъ, т. е. невольниковъ-рабовъ, но тотъ отказался; предложили ему затѣмъ двадцать коней породы *кокъ-цуаловъ*, кормленныхъ подъ землею, подъ присмотромъ *далjмоловъ*—бѣсовъ, стальными опилками, но онъ отказался ихъ принять. Затѣмъ Уарп-Æлдаръ опять предложилъ Урызмагу въ подарокъ двадцать полныхъ муловыхъ вьюковъ золота, но онъ и отъ того отказался. Урызмагъ, будучи поставленъ въ опасность своимъ поступкомъ передъ присяжнымъ своимъ братомъ, Уарп-Æлдаромъ, молилъ въ душѣ избавиться отъ мести его. Такимъ образомъ проводы Урызмага кончились и Урызмагъ пріѣхалъ къ своимъ нартамъ.

Прошло нѣкоторое время. Однажды Уарп-Æлдаръ вздумалъ отправиться опять въ продолжительное странствованіе — балцъ, на неопредѣленное время. Онъ отправился и послѣ трехдневнаго пути возвратился назадъ домой въ самомъ скучномъ настроеніи; вошелъ въ домъ и сѣлъ подлѣ своей жены на креслѣ, ничего не разговаривая съ ней. Когда Уарп-Æлдаръ сидѣлъ долго въ такомъ скучномъ и безмолвномъ состояніи, жена его спросила о причинѣ его невеселаго расположенія и сказала ему: «Ты уѣзжалъ въ странствіе — балцъ на неопредѣленное время и возвра-

---

[21]) Объясняется тѣмъ, что гость долженъ быть скромнымъ и послушнымъ фусуму — хозяину дома. А этотъ послѣдній долженъ располагать гостемъ.

[22]) Продолжительно гостятъ гости, и ранѣе того времени, пока успѣетъ фусумъ управиться, гость не вправѣ просить не задерживать его. Онъ долженъ выжидать времени, пока хозяину угодно будетъ проводить его — своего гостя.

тился домой на третій день, извини меня, что я не съ женскою скромностію добиваюсь узнать причину твоего возвращенія назадъ изъ балца. Меня сильно безпокоитъ твое скучное расположеніе». Но Уарп-Ælдаръ, ничего не отвѣчая, продолжалъ скучно и задумчиво сидѣть на своемъ креслѣ. Обратилась жена опять съ вопросомъ къ мужу, что за причина такой убійственной для нихъ скуки и невеселаго расположенія? Тогда Уарп-Ælдаръ отвѣчалъ женѣ: «Какъ мнѣ не скучать! На этомъ бѣломъ смертномъ свѣтѣ [23]), я имѣлъ только единственнаго вѣрнаго друга и присяжнаго моего брата, Урызмага. У меня никого не было, кого-бы я больше любилъ и уважалъ. Онъ, бѣдный, долженъ погибнуть. Гордые молодые нарты его изранили, да мало того, что изранили, но искрошили на мелкіе куски. Что мнѣ остается послѣ Урызмага, будетъ-ли для меня какая-нибудь радость и будетъ-ли жизнь для меня пріятною послѣ потери такого любимаго брата и друга! Это такая для меня потеря, что она будетъ отражаться на мнѣ во всѣ дни жизни моей». Потомъ онъ говорилъ: «**Нæ æфсјн** [24]), слѣдуетъ теперь приготовить тебѣ для моего посѣщенія Урызмага самый богатый и роскошный *хун* [25]). Ты обрати всѣ свои силы, чтобы кушанья и напитки были самые лучшіе». Пошла жена Уарп-Ælдара готовить по указанію своего мужа хун и вотъ такимъ образомъ она приготовила всевозможные богатые яства и напитки.

Когда все было готово, Уарп-Ælдаръ сказалъ женѣ своей: «Нѣтъ въ обычаѣ, чтобы мужчина посѣщалъ съ хуномъ больного. Это дѣло женщинъ» [26]). Поэтому онъ посовѣтовалъ ей отправиться къ Урызмагу для посѣщенія. Она, не подозрѣвая того, что мужъ отсылаетъ ее въ даръ навсегда Урызмагу, какъ снискавшую его любовь, отправилась съ письмомъ къ нему, въ которомъ Уарп-Ælдаръ написалъ: «Урызмагъ, ты одинъ изъ славнѣйшихъ мужей между нартами! Ты единственный мой присяж-

---

[23]) Этотъ свѣтъ осетинами называется смертный свѣтъ, т. е. мнимый, а тотъ свѣтъ безсмертнымъ и всегдашнимъ.

[24]) Т. е. наша хозяйка, распорядительница дома.

[25]) Собираютъ разныя кушанья, приготовляютъ множество напитковъ, нагружаютъ цѣлую арбу и отправляютъ въ домъ родныхъ, во время поминокъ, праздниковъ и больного состоянія.

[26]) Хун—преимущественно дѣло женщинъ. Онъ привозится женщинами во время посѣщенія родныхъ и близкихъ. А посѣщеніе родныхъ и близкихъ мужчиной—пріѣздъ его верхомъ.

ный братъ и другъ. Нѣтъ и не будетъ у меня на бѣломъ свѣтѣ того, кого-бы я любилъ и уважалъ больше тебя! Ты любишь мою жену и дорожишь ею и красотой ея! И вотъ я посылаю ее тебѣ въ подарокъ навсегда! Люби ее и наслаждайся ея прекрасными прелестями! Надѣюсь, что ты съумѣешь любить и уважать ее, если только ты питаешь еще ко мнѣ искреннее чувство нашего братства! Но все-таки измѣна на твоей сторонѣ, Урызмагъ»! Такимъ образомъ Уарп-Ӕлдаръ отрядилъ для провода своей жены къ Урызмагу цѣлую сотню своихъ лучшихъ наѣздниковъ, которымъ приказалъ не быть въ домѣ Урызмага и вернуться сейчасъ назадъ [27]).

Когда Уарп-Ӕхсjна приблизилась къ дому Урызмага, то она замѣтила около дома большую толпу нартовской молодежи, занимавшуюся своимъ извѣстнымъ упражненіемъ — киданіемъ камня; между ними былъ и Урызмагъ. Урызмагъ, увидѣвъ направившихся прямо къ его дому гостей, поспѣшилъ ихъ встрѣтить по обычаю и узналъ въ гостяхъ Уарп-Ӕхсjну, свою возлюбленную. Онъ восторгался, радовался и собралъ тотчасъ-же нартовскую молодежь. Пошло торжество и разныя увеселенія. Урызмагъ не зналъ какъ и радоваться, не было его радости конца, благодарилъ онъ Провидѣніе, пославшее ему случай радостной бесѣды съ возлюбленной его Уарп-Ӕхсjной, съ которой онъ взаимно наслаждался любовью. Настала ночь, нарты разошлись по домамъ своимъ и возлюбленные жаждали отдыха послѣ сильнаго утомленія. Приготовлено было для нихъ ложе. Когда Уарп-Ӕхсjна снимала съ себя свои платья, то изъ-за пазухи ея выпало прямо къ ногамъ Урызмага письмо. Онъ поднялъ и спросилъ ее: «что это за письмо»? Тогда Уарп-Ӕхсjна отвѣчала: «Я отъ восторга и радости настоящей минуты, которою наградилъ насъ Богъ, забыла передать тебѣ, славный Урызмагъ, письмо твоего присяжнаго брата и вѣрнаго друга,—вотъ оно, читай его», сказала она. Урызмагъ взялъ письмо, распечаталъ и прочелъ. Послѣ этого Уарп-Ӕхсjна спросила о содержаніи письма, но Урызмагъ отвѣтилъ уклончиво, что въ письмѣ Уарп-Ӕлдара содержатся его привѣтствія. Потомъ онъ всталъ съ своей постели, одѣлся и началъ плакать и рыдать, говоря: «не послѣдній былъ я между нартами! Потеряна моя слава! потеряна моя жизнь на этомъ и на томъ свѣтѣ»! Нѣтъ довѣрія ко мнѣ! Нѣтъ у меня и

---

[27]) Жены знаменитыхъ горцевъ провожаются толпами наѣздниковъ.

брата и вѣрнаго друга»! и потомъ, обращаясь къ Уарп-Æхсјнѣ, сказалъ ей: «Ты лукавая и ехидная жена! Ты заставила меня, Урызмага, потерять мое славное имя! Ты змѣя обольстительница! Ты обольстила и **Аӡана** и **Амала,** первыхъ двухъ Богомъ созданныхъ человѣковъ [28]). Я не прощу себя, что я поддался тебѣ обмануть себя! Я измѣнилъ въ вѣрности своему присяжному брату, своему другу. Нѣтъ для меня жизни, нѣтъ и имени моего славнаго», говорилъ Урызмагъ. «Остается мнѣ, невѣрная ты жена, сократить тебѣ жизнь»! И онъ наставилъ на грудь Уарп-Æхсјнѣ свой цјрvq—мечъ.

Куда не проникалъ Сvрдонъ? Не было у нартовъ такихъ тайнъ, которыхъ-бы не зналъ онъ. Явился, откуда ни возьмись, Сvрдонъ къ Урызмагу и говоритъ ему: «Добрый день тебѣ мой æлдаръ — господинъ Урызмагъ! Да съемъ я твои болѣзни! Не слѣдуетъ тебѣ заблуждаться и забывать положеніе, въ которое ты поставленъ между нартами! Подобаетъ-ли тебѣ, славному Урызмагу, горячить себя и быть такимъ строгимъ, какъ ты есть! Нѣтъ, не слѣдуетъ тебѣ убивать своеручно женщину. Это неприлично тебѣ и твоей фамиліи [29])! Ты можешь совершить надъ ней ту казнь, которая совершается вообще за измѣну женщинъ, т. е. привязать ее къ хвосту лошади—неука и пустить на свободу по пустынямъ и дремучимъ лѣсамъ [30]). Вотъ, это та казнь, которую она заслужила и которая должна совершиться надъ ней при торжественномъ собраніи нартовъ. Но убить ее своеручно, это унизитъ тебя въ глазахъ нартовъ. Да съемъ я твои болѣзни, мой господинъ Урызмагъ», сказалъ Сvрдонъ. Не могъ Урызмагъ не согласиться съ совѣтами Сvрдона, котораго Богъ создалъ, именно для того, чтобы нарты не могли жить безъ него. Такимъ образомъ Сvрдонъ пошелъ заботиться о томъ, чтобы Урызмагъ и Уарп-Æлдаръ оставались по-прежнему тѣми-же вѣрными друзьями и присяжными братьями. Онъ придумалъ засватать для Уарп-Æлдара безподобную красавицу Агунду, нартовскую, и съ нартовскою молодежью привезти къ нему въ домъ, такъ-какъ этимъ только Урызмагъ и Уарп-Æлдаръ могли развязать сердце одинъ другому и сдѣлаться опять искренними друзьями. Урызмагъ согласился.

[28]) Адама и Еву.

[29]) Изранить или убить женщину у горцевъ считается поступкомъ посрамляющимъ.

[30]) Такія казни существовали у горцевъ преимущественно для провинившихся женъ и совершались при торжественныхъ народныхъ собраніяхъ.

Онъ просваталъ красавицу Агунду и заплатилъ изъ собственнаго своего хæдзара иpæд[31]). А измѣнницу Уарп-Æхсjну привязалъ къ хвосту необъѣзженнаго неука и пустилъ по лѣсамъ и большимъ степямъ, чтобъ разбить ее на мелкіе куски.

Послѣ того настала свадьба красавицы Агунды. Урызмагъ выбралъ лучшихъ наѣздниковъ — нартовской молодежи *двѣсти* всадниковъ и съ ними послалъ Уарп-Æлдару его красавицу-невѣсту, Агунду.

Увидѣлъ Уарп-Æлдаръ такую искренность Урызмага; онъ радостно и восторженно принялъ свою невѣсту, довольный поступкомъ Урызмага, не зналъ и не находилъ словъ, какъ благодарить его.

Долго нарты пиршествовали, веселились и торжествовали у Уарп-Æлдара, наконецъ настало время возвратиться по своимъ домамъ, съ неба на землю. Тогда Уарп-Æлдаръ имъ сказалъ: «Скажите моему другу Урызмагу, что одолженіе, которое онъ сдѣлалъ для меня, такое, какого еще никто никому не успѣлъ сдѣлать. Я съ удовольствіемъ готовъ доказать ему свою искренность такимъ же одолженіемъ, какое я встрѣтилъ отъ него». Онъ вмѣстѣ съ нартами выѣхалъ изъ своего хæдзара — дома, засваталъ для Урызмага красавицу Азау-ханъ и привезъ ее въ хæдзаръ Урызмага. Они радовались минутѣ, которая прочно укрѣпила ихъ миръ и подружила ихъ тѣснѣе, чѣмъ прежде. Урызмагъ и Уарп-Æлдаръ забыли прошлое. Они въ доказательство взаимной искренности условились раздѣлить ложе съ невѣстой каждый въ одну и ту-же ночь[32]). Такимъ образомъ присяжное братство Урызмага и Уарп-Æлдара твердо укрѣпило узы свои навсегда.

---

[31]) Изъ **хæдзара іpæд** означаетъ: изъ домашняго своего имущества плата за невѣсту.

[32]) Т. е. Урызмагъ и Уарп-Æлдаръ условились посѣтить невѣстъ въ одну назначенную ночь.

О сынѣ знаменитаго богатыря—борца Аслана—Каурбекѣ.

Когда славившійся между богатырями борецъ Асланъ пришелъ въ дряхлость, онъ однажды вздумалъ узнать, кто изъ трехъ сыновей его обладаетъ ловкостію и мужествомъ. Призываетъ онъ ихъ къ себѣ и говоритъ имъ: «Вы, мои дѣти, знаете меня и слышите славное имя мое, что я славился между богатырями и борцами, побѣждалъ ихъ; словомъ, въ свое время, много я надѣлалъ шуму; много надѣлалъ и грѣховъ тяжкихъ, истреблялъ множество народа, какъ саранчу; время свое я провелъ молодецки, съ похвалою и мужествомъ; воспоминанія о моихъ подвигахъ и отвагѣ будутъ вѣковѣчны и незабвенны, имя мое никогда не забудется въ преданіяхъ, которыя будутъ передаваться изъ потомства въ потомство; вспоминали богатыри мое имя съ трепетомъ. Теперь я буду доволенъ своею смертію, если вы будете такими-же богатырями своего времени, какимъ былъ я,—но нѣтъ надежды и утѣшенія, чтобы Богъ наградилъ и васъ такой силой и отвагой, какъ меня! Теперь, что дѣлать, прошли мои лѣта, прошла моя молодость, я старъ, старѣетъ и камень, старѣетъ и дерево—эта поговорка нашихъ дѣдовъ и отцовъ; впалъ я въ дряхлость и утѣшаю себя только прошедшимъ. Да, это не малое утѣшеніе для моей старости и послѣднихъ дней! Теперь ваша пора, ваше время». Старшій сынъ Аслана—Асланбекъ—говоритъ отцу: «Отецъ! можешь быть спокоенъ, я буду у тебя сыномъ безпрестанно странствующимъ и никакая сила не будетъ въ состояніи одолѣть меня, во время моихъ странствованій». Затѣмъ говоритъ Сосланбекъ: «Я буду достойнымъ сыномъ знаменитаго борца Аслана». Дошла очередь до самаго младшаго, Каурбека. Онъ говоритъ отцу: «Отецъ! можешь надѣяться, что я буду у тебя изъ всѣхъ сыновей лучшимъ искателемъ приключеній и отважнѣйшимъ, буду прославляться на состязаніяхъ славнѣйшихъ наѣздниковъ, ты во мнѣ найдешь достойнаго сына — подобнаго себѣ богатыря молодости твоей». Такъ кончилось объясненіе Аслана съ своими сыновьями. Съ-тѣхъ-поръ прошло много времени. Пришелъ однажды Асланбекъ къ отцу своему Аслану и попросилъ у него позволенія отправиться странствовать и поискать гдѣ-либо молодецкихъ приключеній. Старикъ Асланъ былъ очень обрадованъ желаніемъ сына. «Исполни, исполни свое желаніе!» от-

вѣтилъ радостно отецъ: «такъ добываютъ богатыри себѣ славу», и онъ показалъ ему коней своихъ, кормившихся стальными опилками, и дорогое оружіе. Выбравъ себѣ самаго лучшаго отцовскаго коня и такое-же оружіе, Асланбекъ отправился странствовать. Ѣдетъ онъ долго, долго, ѣдетъ не оглядываясь, ѣхалъ недѣлю, другую, третью, наконецъ и мѣсяцъ, по усѣяннымъ человѣческими костями степямъ. Доѣзжаетъ онъ наконецъ до шалаша въ степи. Входитъ въ шалашъ, —въ немъ и слѣдовъ человѣческихъ не видно; только неизвѣстно откуда онъ оглашается пѣніемъ птицъ и ревомъ звѣрей. Порѣшилъ Асланбекъ, что дальше ѣхать ему некуда, потому онъ послѣ мѣсячнаго своего странствованія возвратился домой. Узнаетъ старикъ Асланъ о возвращеніи сына: «Ну, гдѣ ты странствовалъ и что ты добылъ»? спрашиваетъ Асланъ. Асланбекъ отвѣчаетъ: «Ѣхалъ я цѣлый мѣсяцъ по безконечнымъ, безлюднымъ степямъ, усѣяннымъ человѣческими костьми; въ концѣ мѣсяца, дорога довела меня до самыхъ живописныхъ частей этихъ степей, гдѣ я нашелъ шалашъ, безъ всякихъ слѣдовъ человѣческихъ, но оглашаемый только пѣніемъ птицъ и ревомъ звѣрей, — и такъ, вотъ послѣ мѣсячнаго странствованія, я возвратился домой». Асланъ улыбнулся и сказалъ: «Это тотъ самый шалашъ, который служилъ моимъ постояннымъ убѣжищемъ. Бывало, я, съ разсвѣтомъ дня, выѣзжаю изъ дому на вѣтрогонномъ кокъ-цуалѣ [1]) и успѣвалъ пріѣхать къ шалашу какъ разъ къ завтраву, для борьбы съ врагами, кости которыхъ разсѣяны и теперь по этимъ степямъ, а къ вечеру успѣвалъ часто возвращаться домой. Какимъ-же ты можешь быть послѣ этого достойнымъ Аслана сыномъ? и утѣшеніемъ моей старости? Грѣшно, грѣшно тебѣ называться сыномъ знаменитаго Аслана; я въ тебѣ не вижу никакихъ признаковъ богатыря. Возможно-ли», говорилъ онъ, «это пространство ѣхать цѣлый мѣсяцъ! Въ молодости оно бывало для меня на моей вѣтрогонкѣ трехчасовымъ путемъ, я леталъ, какъ коршунъ, на своей вѣтрогонкѣ! Да, прошло мое время, увы! не тѣ уже дни и не та уже сила! могу-ли я утѣшать свою старость, что мои сыновья наслѣдовали отъ меня мою удаль и мужество и будутъ такими-же богатырями, какимъ былъ когда-то я, знаменитый борецъ Асланъ! Но нѣтъ, что дѣлать, и камень старѣетъ, и дерево старѣетъ, это точная поговорка нашихъ дѣдовъ и отцовъ». Заплакалъ и зарыдалъ Асланъ. Асланбекъ, не

---

[1]) Порода лошадей, происшедшихъ отъ жеребца бога морей.

смѣя возражать отцу, скрылся со стыда. Пришло на мысль Сосланбеку постранствовать и поискать приключеній. Приходитъ онъ и проситъ позволенія у отца своего Аслана. Отецъ позволяетъ. Сосланбекъ беретъ лучшаго коня своего отца, выкормленнаго стальными опилками, и дорогое оружіе и отправляется путешествовать. Ѣдетъ, ѣдетъ Сосланбекъ по пустынямъ и безконечнымъ долинамъ; проходитъ недѣля, а тамъ кончается и другая, приключеній нѣтъ никакихъ. Проѣхавъ обширныя степи, усѣянныя человѣческими костями, онъ увидѣлъ одинокій шалашъ. Поѣхалъ прямо на него. Пріѣхавши къ шалашу, онъ слѣзъ съ коня и вошелъ въ него. Оглянулся—не видно ни единаго слѣда человѣческаго. Нечего мнѣ больше дѣлать здѣсь, конченъ мѣсяцъ, сказалъ про себя Сосланбекъ и поѣхалъ домой. Узнавши о пріѣздѣ сына, Асланъ его спрашиваетъ, гдѣ онъ былъ и какія имѣлъ приключенія? Сосланбекъ разсказалъ, что путь его продолжался цѣлый мѣсяцъ по безконечнымъ степямъ, усыпаннымъ человѣческими костями, что никакихъ приключеній онъ не встрѣтилъ и накопецъ послѣ мѣсячнаго странствованія и пути Богъ привелъ его въ самую отдаленную и безплодную часть степей, гдѣ онъ увидѣлъ шалашъ, но безъ единаго человѣческаго слѣда, что шалашъ оглушался только пѣніемъ птицъ и ревомъ звѣрей, что поэтому ему оставалось только возвратиться домой. Услышавъ это, старецъ Асланъ, зарыдавъ горько, воскликнулъ: »О небо, твои предопредѣленія неизмѣнны и сбываются всегда; хотя и говорится, нѣтъ худа безъ добра, но какого мнѣ ожидать добра? Я былъ извѣстный борецъ, славился во всѣхъ блестящихъ состязаніяхъ богатырскихъ и заслужилъ похвалу цѣлаго міра; что дѣлать, не радъ умирать, но Провидѣніе сильно. Да, правду говорили наши дѣды и отцы, что и камень старѣетъ и дерево старѣетъ, всему есть свое время, — такъ и я доживаю послѣдніе дни. Да есть-ли примѣръ, чтобы у знаменитыхъ людей и богатырей выходили подобныя имъ самимъ дѣти? Нѣтъ! — Посмотримъ, что скажетъ мнѣ еще младшій сынъ мой, Каурбекъ? Я видѣлъ и убѣдился, что Асланбекъ и Сосланбекъ не имѣютъ и искры моего духа; вотъ, сбылась со мною поговорка: «вложилъ я тобою мечъ свой въ ножны» [2])! Нечего отъ нихъ ожидать», говорилъ Асланъ. »Я былъ сильный и непобѣдимый борецъ, боролся на всѣхъ состязаніяхъ богатырей, ловилъ похвалу и составилъ славное имя, мечомъ

[2]) Укоряютъ этими словами дѣтей, когда не видятъ въ нихъ мужества и отваги, — значитъ, въ дальнѣйшемъ нѣтъ никакой надежды и утѣшенія.

своимъ склонялъ передъ собою непобѣдимыхъ богатырей,—могу-ли я видѣть въ васъ—моихъ сыновьяхъ — такихъ-же богатырей, какимъ былъ я? Но что дѣлать, когда насъ Провидѣніе создало такъ, что мы живемъ, старѣемъ и наконецъ умираемъ. Приходится мнѣ скорбѣть и горевать, что вы такъ бѣдно надѣлены Провидѣніемъ мужествомъ, приходится мнѣ другой разъ умереть за васъ на томъ свѣтѣ [3]). Мнѣ остается теперь дорожить той славой, которую я въ свое время пріобрѣлъ, и дорожить какъ богатствомъ неоцѣненнымъ, она вѣковѣчна и незабвенна и будетъ передаваться въ потомство; когда меня уже не будетъ, та слава моя будетъ занимать все-таки въ преданіяхъ свое мѣсто»! Услышавъ замѣчанія Аслана, Каурбекъ говоритъ: «Отецъ! теперь очередь за мной странствовать, я прошу у тебя позволенія; можешь на меня положиться, что я всегда буду искателемъ приключеній и не уроню твою славу».—«Хорошо», говоритъ Асланъ, «видѣлъ я, какимъ мужествомъ отличаются твои братья, которымъ служитъ мѣсячнымъ путемъ то пространство, что я успѣвалъ проѣзжать съ разсвѣта до завтрака; увижу и тебя, чѣмъ ты будешь и какъ оправдаешься въ моихъ глазахъ»!—«Увидишь, чѣмъ я буду и чѣмъ останусь въ твоихъ глазахъ, но знаю я, навѣрно, что изъ твоихъ лошадей вѣтрогоновъ и кокъ-цуаловъ ни одна не понравится мнѣ». Идетъ Каурбекъ и начинаетъ выводить по-одиночкѣ всѣхъ вѣтрогоновъ и кокъ-цуаловъ. Но ни одинъ не годится для него: на чью спину ни опуститъ свою руку, онъ падаетъ на землю. Приходитъ онъ тогда къ отцу и жалуется, что ни одинъ изъ коней его не выноситъ силы его руки и что они падаютъ на землю, когда онъ опускаетъ на спину ихъ свою руку. Тогда Асланъ радостно произнесъ: «ужели изъ всѣхъ моихъ лошадей, вѣтрогоновъ и кокъ-цуаловъ, выдержанныхъ на корму изъ стальныхъ опилокъ и отбывавшихъ у меня всѣ труды, нѣтъ подходящей лошади для Каурбека! Значитъ, онъ будетъ достойнымъ меня сыномъ, я съ радостію буду гордиться имъ до того времени, пока займу сырую могилу». Онъ указалъ ему высокій курганъ, говоря: «Ты будешь славнымъ богатыремъ. Видишь-ли ты этотъ курганъ? Подъ нимъ откармливаются мои вѣтрогоны огнен-

[3]) Частая поговорка осетинъ при неудовольствіи ихъ на дѣтей. Въ буквальномъ переводѣ означаетъ: «буду умирать другой разъ и на томъ свѣтѣ, негодуя на васъ», т. е. «не только мнѣ отъ досады за васъ приходится умерсть на этомъ свѣтѣ, но придется повторить свою смерть и на томъ свѣтѣ».

ной породы, но какъ ихъ ты успѣешь вывесть? А за ними мое дорогое разукрашенное въ золото оружіе, которымъ только я самъ въ состояніи былъ управлять? Ты можешь ихъ достать только тогда, когда однимъ ударомъ своей ноги разсыпишь этотъ большой курганъ, такъ-что изъ него земля развесется по воздуху пылью и пластами, но если ты этого не успѣешь, то и не можешь достать ни лошадей, ни оружія». Каурбекъ пришелъ къ кургану, ударилъ его ногой и этимъ ударомъ высокій курганъ отъ самаго основанія разсыпался, пласты изъ него летѣли по воздуху, а день помрачился, какъ-бы ночнымъ мракомъ или туманомъ. Онъ взглянулъ въ образовавшуюся подъ курганомъ глубокую яму и увидѣлъ тамъ двѣнадцать стоявшихъ въ своемъ пометѣ до самыхъ ушей лошадей, откармливавшихся стальными опилками, и сейчасъ-же принялся вытаскивать ихъ за уши по одной изъ помета до послѣдней, которую ему труднѣе всего было вытянуть за уши изъ навоза. Но Каурбекъ не сожалѣлъ о томъ, а былъ доволенъ, что наконецъ онъ могъ достать достойную его лошадь, которая была создана небомъ собственно для него и откармливалась невидимой силой подъ большимъ и высокимъ курганомъ стальными опилками. Вытянувъ съ большимъ трудомъ прекраснаго огненной породы коня, мгновенно обмывъ его, онъ сталъ любоваться необыкновенной его красотой. Проговорилъ радостно Каурбекъ: «Я благодарю Провидѣніе, создавшее для меня этого огненной породы коня-вѣтрогонку», и пошелъ къ отцу своему, старику Аслану. Услышавъ распоряженія своего сына, собиравшагося въ путь, отецъ спросилъ его: «Ну, а что ты думаешь съ своимъ странствованіемъ, какъ ты хочешь достать моихъ огненныхъ вѣтрогоновъ,—не думаю я, чтобы ты легко досталъ ихъ. Могу-ли я надѣяться, что у тебя проявится такая сила, что ты однимъ ударомъ своей ноги будешь въ состояніи разбить и разметать этотъ высокій курганъ, подъ которымъ, какъ я уже тебѣ говорилъ, находятся мои кони огненной породы, обративши его этимъ ударомъ въ мельчайшую пыль, отъ которой на всей землѣ день превратился-бы въ ночь и свѣтъ солнца въ мракъ ночи? Но ты наврядъ сможешь сдѣлать это и я не думаю найти въ тебѣ столько силы; тѣмъ болѣе, что я уже убѣдился, что у твоихъ старшихъ братьевъ нѣтъ ни частицы моего духа. Неужели мнѣ нужно полагать, что и ты также безсиленъ, какъ и братья твои Асланбекъ и Сосланбекъ»? Когда-же Каурбекъ сказалъ своему отцу-старику, что большой высокій кур-

ганъ однимъ ударомъ его ноги разсыпался и разнесся по воздуху и что онъ между его вѣтрогонками избралъ себѣ только одного достойнаго коня, котораго съ большимъ трудомъ вытянулъ изъ помета, то Асланъ съ великою радостью, обнимая своего сына, воскликнуль: «Ну, хорошо, ты досталъ лучшаго изъ всѣхъ вѣтрогонныхъ коней, который столѣтія стоялъ въ своемъ пометѣ, но какъ же ты выкупаешь-вымоешь его до-чиста по заповѣди нашихъ предковъ? удастся-ли тебѣ это и какъ съумѣешь это сдѣлать? Ты долженъ помнить заповѣдь нашихъ отцовъ—держать коня чистымъ и, не выкупавъ, никуда на немъ не выѣзжать» [1]). Когда Каурбекъ объяснилъ Аслану, что, не забывая заповѣди отцовъ, онъ уже выкупалъ, вычистилъ и убралъ коня, тогда старикъ, указавъ ему рукой на курганъ, сказалъ: «Первый твой шагъ молодецкій меня утѣшаетъ, я одушевленъ, во мнѣ возраждается неизъяснимая радость, что ты окажешь большіе подвиги и съумѣешь носить славное имя богатыря. Вотъ тамъ, возьми лѣвѣе отъ вѣтрогоновъ и подъ тѣмъ-же самымъ курганомъ, ты найдешь мое богатырское оружіе, хранящееся тамъ столѣтія, оно жаждетъ боя и испускаетъ пламя; надо полагать, что оно создано Провидѣніемъ собственно для тебя — моего достойнаго наслѣдника; если ты дальше оправдаешь себя въ моихъ глазахъ, также какъ на первомъ шагу твоемъ, то ты подымешь нашъ родъ своей славой. Но будетъ-ли у тебя столько силы, чтобы ты могъ поднять мое оружіе, носить которое стоило и мнѣ не мало усилій? Это оружіе такъ тяжело, что кромѣ меня никто и никогда не только не могъ управлять и дѣйствовать имъ, но и изъ славнѣйшихъ богатырей никто не могъ поднять его безъ большихъ усилій и затрудненій». Каурбекъ идетъ и подъ тѣмъ-же курганомъ достаетъ богатырское оружіе своего отца, украшенное золотомъ, и подноситъ его къ нему. Асланъ, увѣрившись въ богатырской силѣ и мужествѣ сына, обращаясь къ остальнымъ сыновьямъ, сказалъ: «Асланбекъ и Сосланбекъ! вы, мои дѣти, я разочаровался въ васъ, разочаровался въ васъ

[1]) Въ числѣ многихъ предразсудковъ у осетинъ, есть одинъ, что выѣзжая въ путь на лошади не выкупанной, будешь имѣть частыя неблагополучія въ пути; эти несчастія, конечно, приписываютъ нечистотѣ лошади; кромѣ того, не выкупавши свою лошадь, унижается въ своемъ мужествѣ и достоинствѣ наѣздникъ между товарищами и друзьями. Въ разсказахъ горца часто говорится, что слава принадлежитъ тому наѣзднику, у котораго сохраняются въ чистотѣ оружіе и лошадь. Неоцѣненны, говорятъ осетины, красота лошади и жены.

потому, что узналъ вашу слабость и безсиліе, вы не должны носить имя вашего отца, вы не унаслѣдовали отъ него ни искорки его богатырства и мужества. Это вы мнѣ доказали первымъ вложеніемъ вашихъ ногъ въ стремена и тѣмъ, сколько времени вы проѣзжали трехчасовой путь мой. Не такимъ я былъ въ своей молодости; опять вспомнилось мнѣ слово нашихъ дѣдовъ: «старѣетъ камень, старѣетъ и дерево»! Я, бѣдный старикъ, положившій конецъ своему богатырству и громкой жизни, имѣю еще утѣшеніе, что Каурбекъ—вашъ младшій братъ—не уронитъ славное имя своего отца. Желаю тебѣ добраго пути, сынъ! Да, послушай, я разскажу тебѣ происхожденіе моихъ лошадей огненной породы—вѣтрогоновъ и кокъ-цуаловъ—и богатырскаго оружія. Порода вѣтрогоновъ, произшедшая отъ огня, тверда въ тѣлѣ, терпѣлива, вынослива, сноситъ всякій сильный трудъ [5]). Порода кокъ-цуаловъ, произшедшая отъ водяного или морского жеребца, жеребца бога морей, — понимаетъ говоръ человѣка. Она безсмертна; не было примѣра, чтобъ лошадь этой породы, уставши, оставила на половинѣ пути своего всадника, но она привозитъ его до того мѣста, откуда онъ на ней выѣхалъ. Эти достойныя животныя изъ славныхъ породъ созданы Провидѣніемъ собственно для нашего рода. Оружіе мое создано молотомъ и наковальней Сафа [6]). Это оружіе есть первое его произведеніе; оно создано для нашего-же рода и по заповѣди нашихъ отцовъ переходитъ въ потомство. Это оружіе, произведеніе искуснаго Сафа, имѣетъ такую мощь, что даетъ необыкновенную силу и твердость духа тому, кто имѣетъ его у себя въ рукахъ и въ состояніи дѣйствовать имъ;

---

[5]) Преданіе говоритъ, что лошадь породы огненныхъ вѣтрогоновъ въ бою превращалась въ огонь и пламенемъ своимъ пожирала людей.

[6]) Богъ меча и всего оружія. Въ очень еще недавнее время, осетины, укладывая своихъ дѣтей, не переставали поручать ихъ этому богу меча; поглаживая голову дитяти и обводя рукою цѣпь у очага, произносили слова: «Сафа, помилуй моихъ бѣдныхъ дѣтей, укрѣпи ихъ жизнь твоей твердой силой навсегда. Храни ихъ отъ нечистыхъ и злыхъ силъ». Имя Сафа осетинами поставлено очень высоко: въ честь этого бога оружія или меча, водился у осетинъ обычай—заставлять на третій день великаго поста въ среду (постный день) кузнеца раскаливать самые мелкіе прутики желѣза, отъ которыхъ отламывались кусочки и отдавались для дѣтей, носившихъ эти кусочки на шеѣ, вмѣстѣ съ лоскуткомъ тонкаго фабричнаго сукна разнаго цвѣта или лоскуткомъ шелковой матеріи, въ треугольникѣ, гдѣ заключались самая малость ваты и воробьиный пометъ. Этотъ кусочекъ желѣза и лоскутки сукна и матеріи въ треугольникѣ служили для дѣтей осетинъ

наконецъ это оружіе переходитъ къ тебѣ, Каурбекъ! Ты владѣй имъ, будь богатыремъ своего времени, не урони мое имя и имя нашего знаменитаго рода! Желаю тебѣ громкой славы на блестящихъ состязаніяхъ богатырей и наѣздниковъ! Добрый тебѣ путь, надѣюсь и буду радоваться тому, что у тебя будетъ болѣе мужества, чѣмъ было когда-то у меня во время моей молодости». Всталъ Каурбекъ съ разсвѣтомъ, сѣлъ на вѣтрогонку и, украсивъ себя богатырскимъ оружіемъ, пустился странствовать по дальнимъ мѣстамъ и пустынямъ. Мигомъ онъ пролетаетъ безконечныя пустыни, усѣянныя костьми жертвъ его отца, какъ градомъ. Наконецъ пріѣзжаетъ онъ въ тотъ самый шалашъ, который служилъ убѣжищемъ стараго его отца. Каурбекъ, приблизившись къ шалашу, замѣтилъ передъ нимъ огромную кучу рису, у котораго кормилась привязанная лошадь. Онъ остановился около лошади и слѣзъ съ своего вѣтрогона; снявъ съ него сѣдло, онъ подвелъ его къ кучѣ рису, а самъ вошелъ въ шалашъ, гдѣ увидѣлъ спящаго богатыря; безъ шуму, безъ шороху прилегъ онъ у ногъ его на постели, подложивъ себѣ подъ голову сѣдло свое, о лошади-же своей онъ не безпокоился, зная, что она, ухвативши за шею свою соперницу зубами, забросила ее на самый край степи. Выспавшись, богатырь просыпается отъ своего богатырскаго сна, встаетъ съ постели и выходитъ полюбоваться живописными мѣстами природы. Въ это время видитъ онъ незнакомую лошадь, травящую кормъ его лошади—кучу рису, а свою заброшенною въ отдаленную часть степи и завязшею въ землѣ по самое брюхо. Заревѣлъ борецъ и вскричалъ: «Кто смѣлъ такъ сильно меня оскорбить? Что это за дерзость? Могу-ли я простить когда-либо это оскорбленіе? Я никогда не прощу и простить не хочу»! Эхо его крика понеслось по всей землѣ, только оно нимало не обезпокоило Каурбека: онъ спитъ настоящимъ своимъ богатырскимъ сномъ. Не мало ревѣлъ богатырь, не мало эхо проносилось по всей землѣ; оглядывается онъ по

амулетомъ, дававшимъ здоровье и охранявшимъ отъ злыхъ духовъ и сглаза. Клятва у осетинъ богомъ меча еще и теперь не забывается и произносится передъ очагомъ, гдѣ виситъ желѣзная цѣпь, съ слѣдующими словами: «клянусь этимъ пречистымъ золотомъ Сафа». Эта присяга у осетинъ считается немаловажною; они приписываютъ накожныя болѣзни своихъ дѣтей тому, что дѣти ихъ руками безпокоятъ Сафа, т. е. трогаютъ нечистыми, немытыми руками цѣпь у очага и потому получаютъ накожныя болѣзни отъ негодованія на нихъ Сафа.

сторонамъ и взадъ и впередъ, ни никого не видитъ; входитъ онъ въ шалашъ и замѣчаетъ подъ своимъ одѣяломъ спящаго богатыря-юношу и видитъ онъ въ немъ молодого сильнаго по виду борца. Прикрылъ онъ его одѣяломъ и вышелъ опять изъ шалаша. Сѣвъ около шалаша и прислонившись къ нему, онъ думаетъ: «Ну, что мнѣ дѣлать? онъ—молодой борецъ, какъ видно искатель приключеній. Убить его спящимъ—соннаго, это позорно для богатыря»... Между-тѣмъ просыпается Каурбекъ, выходитъ изъ шалаша и становится около богатыря. Крикнулъ на него богатырь: «Кто ты, какъ ты дерзнулъ такъ нагло оскорбить меня? знаешь-ли, что за оскорбленіе платятъ оскорбленіемъ, а за обиду обидой? Нѣтъ и не было еще никогда такого на бѣломъ свѣтѣ существа, которое бы рѣшилось нанести мнѣ подобное оскорбленіе! Я былъ единственнымъ обладателемъ этихъ чудныхъ странъ—никто не смѣлъ оскорблять меня до-сихъ-поръ, никакихъ оскорбленій я не испыталъ! Посмотримъ теперь, какъ ты мнѣ за это заплатишь! и заплатишь очень дорого, можетъ-быть и жизнію! Ну, идемъ-же, чья возьметъ, идемъ бороться», говоритъ онъ. Каурбекъ отвѣчаетъ ему: «бороться еще успѣемъ, не къ чему торопиться, но я, усталый послѣ не малаго пути, голоденъ какъ волкъ; сперва ты накорми меня до-сыта и вдоволь, а потомъ я отдохну и тогда уже будетъ время и бороться; но теперь, посуди самъ, не будутъ-ли тебя осуждать, что ты, сперва заморивъ меня-юношу голодомъ, потомъ одолѣлъ». Борецъ приводитъ изъ стада лучшихъ двухъ откормленныхъ воловъ и, зарѣзавъ ихъ, приготовилъ завтракъ на каждаго по цѣлому волу. Позавтракавъ, они пошли бороться; не мало они боролись, наконецъ Каурбекъ побѣждаетъ великана-борца, вынимаетъ свой мечъ и, держа его надъ грудью соперника, говоритъ ему: «Ну, скажи, скажи, кто ты, а то жизнь твоя пресѣчется»! Побѣжденный отвѣчаетъ: «Именемъ Бога заклинаю, что я братъ знаменитаго борца Аслана—Исламъ»! Каурбекъ, опуская руки и мечъ свой, говоритъ: «а я сынъ этого славнаго богатыря»! и освобождаетъ побѣжденнаго своего соперника. Бросаются они одинъ другому въ объятія, начинаютъ радоваться и благодарить небо, избавившее ихъ отъ кровопролитія и доставившее имъ случай сблизиться между собой. Затѣмъ, послѣ взаимныхъ радостей и разговоровъ, Исламъ указываетъ на усѣянныя человѣческими костьми безконечныя степи и говоритъ Каурбеку: «Вотъ, видишь-ли эти кости жертвъ моей борьбы съ дочерью **Дон-беттыра** [7]); что ни

[7]) Богъ морей—Нептунъ.

день, она выводила изъ морей свои свѣжія силы,—я ихъ истреблялъ до послѣдняго воина своимъ мечомъ! Она-же сама до того ловка и проворна, что съ легкостью рыбы успѣваетъ нырнуть въ море и скрыться тамъ. Теперь довольно, мы и нарадовались и наговорились, мой любезный Каурбекъ»! говоритъ Исламъ: «нужно намъ взяться за дѣло. Она, дочь Дон-беттvра, уже на мѣстѣ, съ своими свѣжими силами поджидаетъ меня; довольно, довольно намъ, пора къ дѣлу молодецкому», — торопится и уѣзжаетъ. Вслѣдъ за нимъ и Каурбекъ не замедлилъ отправиться къ несмѣтнымъ силамъ дочери Дон-беттvра на берегъ моря. Завязавъ борьбу съ ея силами и истребивъ ихъ, онъ ухватился за дочь Дон-беттvра, израненную имъ мечомъ,—она ускользнула и бросилась въ море. Каурбекъ видитъ свою неудачу, подбѣгаетъ къ берегу и убиваетъ свою вѣтрогонку, мигомъ содралъ съ нее кожу и дѣлаетъ изъ кожи ремни. Привязавъ концами одинъ ремень къ другому, прикрѣпивъ одинъ конецъ ихъ къ всаженному въ землю своему мечу, а другой — себѣ къ шеѣ, онъ бросился въ море за дочерью Дон-беттvра. Доплывъ до дна моря, онъ увидѣлъ тамъ большой и красивый городъ,—тамъ было мѣстожительство Дон-беттvра; тамъ-же жила и дочь его. На самомъ краю этого города, жила въ избушкѣ бѣдная вдовушка-старушка [8]). Каурбекъ входитъ въ избу и говоритъ вдовѣ: «добрый день, моя матушка».—«Добрый день, сыночекъ», отвѣчаетъ старушка. «Откуда тебя Богъ принесъ, милый сынокъ земли? ты знаешь-ли, что здѣсь каждый, подобный тебѣ юноша, оставляетъ свою беззаботную головушку? Жаль мнѣ тебя, бѣднаго, ты еще такъ мало жилъ на свѣтѣ»! и указывая на груды человѣческихъ череповъ, говоритъ она: «видишь-ли ты? это черепа принесенныхъ въ жертву Дон-беттvромъ людей,—зачѣмъ тебя Богъ принесъ къ такой гибели, скажи мнѣ»? Каурбекъ отвѣчаетъ: «Богъ принесъ меня сюда за подстрѣленною и израненною мною дичью, я ее преслѣдую».—«Да это такая дичь, что она тебя поглотитъ и ты тогда долженъ будешь навсегда

---

[8]) Совѣты *кул-бадегъ-ус'овъ*, бабы-яги, считались самыми вѣрными наставленіями для героевъ тѣхъ временъ; онѣ служили оракуломъ и безъ нихъ герои не могли обходиться. Эти бабы-яги въ глазахъ ихъ играли не маловажную роль, жили и вели себѣ нищенскую жизнь, обращая на себя вниманіе героевъ своими различными наставленіями, стараясь во всемъ быть имъ полезными. Поэтому и названы онѣ кул-бадегъ-усами, что означаетъ въ дословномъ переводѣ: «женщина, живущая-сидящая на стѣнѣ или косогорѣ, живущая въ щели, въ нищетѣ».

распроститься съ своею жизнію»! говоритъ старушка-вдова. Но Каурбекъ, не теряя своего твердаго духа, безъ боязни продолжаетъ просить вдову дать ему возможность вѣрными ея совѣтами достигнуть преслѣдованія своей израненной добычи. Старушка говоритъ ему: «Ахъ ты, милое созданіе и сынъ земли; жаль потерять твою юную душу: мало-ли подобныхъ тебѣ юношей, преслѣдуя эту коварную дичь, сдѣлались жалкими жертвами и подверглись той участи, которая предстоитъ тебѣ? Но что дѣлать! если тебѣ Провидѣніе такъ судило, то нельзя тебѣ не испытать его предопредѣленія. Я укажу тебѣ способъ выйти изъ этой бѣды, если только ты успѣешь исполнить мои наставленія». Она говоритъ: «Ты войди въ укрѣпленный замокъ Дон-беттуровъ, и ты въ отдѣленіи, гдѣ происходитъ борьба, увидишь два мѣдные, наполненные водой сосуда [9]), стоящіе по сторонамъ; въ этихъ сосудахъ вода такова: въ сосудѣ по правой сторонѣ — вода такого свойства, что борящійся, напившись ее, получаетъ сторицею подкрѣпленіе утомленныхъ силъ; эту воду пьетъ при отдыхѣ своемъ кровожадная богиня [10]) во время борьбы. Она утоляетъ свою жажду ею и кровью того несмѣтнаго множества жертвъ, черепа которыхъ вотъ ты видишь», говоритъ вдова; «въ сосудѣ-же, стоящемъ на лѣвой сторонѣ, находится такого свойства вода, что утоляющій ею свою жажду теряетъ всю силу и дѣлается самымъ слабымъ и безсильнымъ,—это мертвая вода. Прежде всего нужно тебѣ постараться въ этихъ сосудахъ перемѣстить воду такъ, чтобы вода изъ одного сосуда очутилась въ другомъ. Тогда ей достанется утолить жажду во время борьбы изъ сосуда мертвой воды, и какъ только эта богиня утолитъ свою жажду при отдыхѣ водою, уничтожающею силу, то, конечно, она сдѣлается твоей жертвой, а тебѣ придется пить живую воду, такого свойства, которая возвращаетъ потерянныя силы. Кромѣ того, у этой кровопійцы-богини такая привычка, что она передъ борьбою отправляется въ свою баню и, выкупавшись тамъ въ этой живой водѣ, возвращающей силу и мужество, выходитъ на борьбу съ свѣжей силой и твердостью духа. Не забывай также, что когда богиня предложитъ тебѣ борьбу съ нею, то ты не соглашайся, пока она не дозволитъ тебѣ тоже выкупаться въ банѣ въ той самой цѣлительной живой водѣ, ко-

[9]) Эти сосуды были пивоваренные остродонные котлы изъ мѣди, вмѣщающіе каждый въ себѣ отъ 50 до 60 ведеръ жидкости.

[10]) Морская богиня.

торая вдесятеро подкрѣпляетъ силы, и пока она не накормитъ тебя до-сыта. Если ты всего этого не потребуешь, то погибнешь и сдѣлаешься жалкой жертвой, какъ вотъ тѣ несчастные, которые усѣяли своими костьми окрестности этого города!» Получивъ нужныя для себя наставленія отъ бабы-яги, Каурбекъ проникъ въ замокъ и перемѣнилъ въ сосудахъ воду, потомъ вошелъ во внутренніе покои богини, гдѣ она сидѣла, окруженная роскошью и богатствомъ. Она спросила его: «Откуда тебя, дорогого сына земли, принесла нужда и какая она?» Каурбекъ отвѣчаетъ: «Я преслѣдую простреленную мою дичь, она должна быть моей добычей, жаль мнѣ ее бросить!» Отвѣчаетъ ему богиня: «Ахъ, это ты, такой искусный и меткій охотникъ, подстрѣлившій дичь и желающій достать свою добычу! Хорошо», говоритъ она, «идемъ и будемъ бороться; но если ты меня не побѣдишь, то видишь-ли ты эти груды? я поступлю и съ тобой также; они всѣ сдѣлались моими жертвами и ты будешь такой-же жертвой! А если ты побѣдишь меня, то возьмешь свою подстрѣленную дичь-добычу.»—«Я готовъ, но прежде всего», говоритъ ей Каурбекъ, «я долженъ смыть грязь съ своего тѣла, потому ты должна позволить мнѣ сдѣлать это въ твоей банѣ, а послѣ того подкрѣпить свои силы сытнымъ кушаньемъ,—тогда только я могу бороться.» Выкупавшись въ живой цѣлительной водѣ и наѣвшись до-сыта, онъ сталъ бороться съ богиней. Боролись долго, долго; ни одинъ и ни другая изъ нихъ не побѣждаетъ. Тогда она остановила Каурбека: «Я устала, нужно отдохнуть; не желаешь-ли напиться и утолить свою жажду? изъ какого желаешь сосуда?»—«Желаю, но для меня все равно, изъ какого-бы сосуда не утолить жажду.» Тогда она указала ему на сосудъ, гдѣ была прежде мертвая вода. Всю воду Каурбекъ выпиваетъ залпомъ. А богинѣ морей досталось, вмѣсто живой цѣлительной воды, утолить жажду мертвой водой. Пошли опять бороться,—богиня падаетъ побѣжденною. Каурбекъ, держа надъ грудью ея свой мечъ, говоритъ: «Клянусь Богомъ, даровавшимъ мнѣ силу, что если ты мнѣ не передашь въ руки мою добычу, твою дочь, то я покончу этимъ мечомъ твою жизнь, упоенную кровью несчастныхъ жертвъ!» Отвѣчаетъ она: «Клянусь тебѣ прахомъ моего безъименнаго сына [11]), что ты впол-

[11]) Въ сказаніяхъ осетинъ встрѣчается очень часто клятва богинь и заклинательницъ духовъ именемъ праха безъименнаго сына. Такая клятва считалась ненарушимою. Безъименными сыновьями назывались тѣ, которые, родившись и не успѣвъ получить еще имени, умерли.

нѣ достоинъ руки моей дочери, по прихоти губившей много молодцовъ,—отдаю ее тебѣ.» Идетъ она, выводитъ дочь свою и передаетъ ее въ его руки, говоря: «Богъ небесъ, водъ и земель создалъ мою дочь именно для тебя; се ты вполнѣ достоинъ! Онъ ее опредѣлилъ тебѣ въ ту самую минуту, когда она лишь зачалась въ моемъ чревѣ. Вотъ, видишь ты здѣсь черепа людей, положившихъ свои головы въ борьбѣ со мной; видѣлъ ты и несмѣтное число моихъ подданныхъ, сдѣлавшихся жертвой богатырскаго меча твоего дяди Ислама; наконецъ, вотъ ты видишь и царство мое подъ водами и семью землями: Богъ создалъ это царство для нашей прихоти и удовольствія, оно въ нашей власти и мы, какъ морскіе боги и богини, располагаемъ имъ [12]). Сотнями, тысячами людей ежеминутно приносимъ въ жертву, чтобы только этимъ приношеніемъ сдѣлать для себя удовольствіе, и за все это мы ни передъ кѣмъ не отвѣчаемъ, потому-что люди созданы смертными; ты видѣлъ разбросанныя по пустынямъ и безконечнымъ полямъ кости жертвъ, принесенныхъ моею дочерью по прихоти ея; никому не удалось завладѣть рукой ея, кромѣ тебя, — ты вполнѣ заслужилъ ее, она должна оставаться навсегда твоею.» Беретъ Каурбекъ дочь Дон-Беттүра, набираетъ цѣлительной живой воды и выходитъ на берегъ моря. Тамъ лежалъ трупъ его вѣтрогонной лошади; онъ разложилъ по трупу ея ремни изъ ея кожи, облилъ ее цѣлительной живою водой и она, оживившись, вскочила на ноги.

Привозитъ онъ свою добычу—дочь морской богини—въ шалашъ дяди своего Ислама, которому и передаетъ ее въ руки. Радости его не было конца; онъ радовался и не могъ нарадоваться, молилъ небо, пославшее ему дочь морской богини, сотни лѣтъ боровшуюся съ нимъ и принесшую безчисленныя жертвы своихъ подданныхъ на полѣ брани. Время шло своимъ порядкомъ, а Каурбекъ и Исламъ жили и радовались вмѣстѣ. Однажды говоритъ Исламъ Каурбеку, что на краю свѣта живетъ въ своемъ владѣніи Ханъ; у Хана шесть богатырей во мракѣ борятся

[12]) Существуетъ повѣрье у осетинъ, что надъ этой землей, находятся еще шесть подобныхъ-же земель, а слѣдовательно земель всего семь, и подъ этими землями существуютъ семь царствъ, похожихъ на царство, находящееся на бѣломъ свѣтѣ. Поэтому, у осетинъ считаются самымъ сильнѣйшимъ проклятіемъ слѣдующія слова: «Да провалитъ тебя Великій Богъ подъ семь земель». Какъ равно и привѣтствіе: «Да наградитъ тебя Богъ царствомъ семи небесъ».

ежедневно, но борьба у нихъ остается безъ побѣды. Каурбекъ жаждалъ молодецкихъ подвиговъ. Поэтому онъ отправился въ путь. Ѣхалъ онъ долго, долго. Пріѣзжаетъ наконецъ къ Хану,— видитъ, у Хана большое царство, но весь народъ живетъ въ ночномъ мракѣ, и ежедневно у него происходитъ борьба шести богатырей. Доносятъ Хану о пріѣздѣ къ нему славнаго молодого борца Каурбека; Ханъ встрѣчаетъ его съ большимъ торжествомъ и радуется, что Богъ послалъ къ нему сына славнаго богатыря Аслана—молодого борца Каурбека, на готовое состязаніе борцовъ. Борцы окружили Каурбека и приглашаютъ на борьбу; онъ, отказываясь, говоритъ, что къ подобнымъ мелкимъ борьбамъ онъ не способенъ и къ тому себя не готовилъ. Задѣтые этими словами, борцы обратились къ Хану и просили его, чтобы Каурбекъ доказалъ передъ ними превосходство своей силы, иначе они оскорблены, и оскорблены очень сильно. Ханъ беретъ Каурбека и всѣхъ своихъ богатырей и отправляется съ ними на мѣсто состязанія борцовъ, гдѣ въ пещерѣ лежалъ остовъ перваго, древнѣйшаго богатыря-борца, Хасана—отца Аслана, т. е. дѣда Каурбека, въ черепѣ котораго застрялъ отъ сильнаго удара мечъ, поразившій его смертію. Вынуть мечъ изъ черепа—было ежедневнымъ упражненіемъ богатырей; но усилія борцовъ оставались безъ успѣха. Остовъ Хасана не имѣлъ ни одного дня покою, а мечъ все оставался въ черепѣ. Ханъ видитъ безсиліе своихъ борцовъ освободить изъ черепа мечъ, указываетъ Каурбеку скелетъ его дѣда и говоритъ ему: «Если ты сильнѣе моихъ борцовъ и желаешь это доказать, то подойди къ этому скелету и вынь изъ головы его обѣими своими руками мечъ, а не одною, потому-что одною рукою ни ты и никто другой этого не сдѣлаетъ.» Каурбекъ удалилъ Хана и всѣхъ его богатырей изъ того мѣста, а самъ подошелъ къ скелету, который въ это время приходитъ въ прежнее свое состояніе, и говоритъ: «Вынимай изъ моего черепа мечъ, всаженный въ него ударомъ, нанесеннымъ сотни лѣтъ тому назадъ». Только-что Каурбекъ коснулся, черепъ освободилъ мечъ. Скелетъ произнесъ нѣсколько словъ: «Я держалъ въ своемъ черепѣ цѣлыя столѣтія всаженный въ него ударомъ сильной руки мечъ этотъ, никто его изъ знаменитыхъ богатырей своей силой не могъ освободить изъ моего черепа, но ты—сильнѣйшій изъ всѣхъ насъ, богатырей, Каурбекъ! Ты сынъ знаменитаго моего сына Аслана, твоего отца-старца! Я радуюсь, что побѣда надъ всѣми богатырями

и слава достается тебѣ! Живи много лѣтъ, здравствуй и отличайся такъ, какъ отличались мы, я и твой отецъ, старецъ Асланъ. Будь всегда побѣдителемъ всѣхъ богатырей и борцовъ. Имѣй ты мечъ этотъ у себя въ рукахъ и какъ-только ты дойдешь до ханскаго замка, сейчасъ-же порази однимъ ударомъ Хана и старайся при этомъ, чтобы мечъ не ускользнулъ изъ твоихъ рукъ, и когда Ханъ, послѣ перваго нанесеннаго ему этимъ мечомъ удара, скажетъ повторить ударъ, то ты отвѣчай ему такъ: «И отецъ мой заканчивалъ жизнь каждаго однимъ только ударомъ своего меча» [13])! Если ты не послѣдуешь моимъ словамъ и повторишь ударъ, то ты сейчасъ-же погибнешь навсегда!» Каурбекъ того и желалъ—отмстить кровь дѣда. Онъ точно такъ поступилъ, какъ говорилъ ему скелетъ: выноситъ мечъ къ Хану, и когда Ханъ увидѣлъ въ рукахъ его мечъ, то, обратясь къ своимъ богатырямъ-борцамъ, громко сказалъ: «Что вы за богатыри и борцы! цѣлое столѣтіе тому назадъ я всадилъ въ черепъ богатыря Хасана свой мечъ и вы ежедневными упражненіями не могли освободить его вашими руками; могу-ли я положиться на васъ и сказать, что вы богатыри?! Вотъ богатырь! вотъ сила»!, говоритъ Ханъ, указывая на Каурбека. Только-что подошли потомъ они къ замку, Каурбекъ поразилъ однимъ ударомъ меча Хана, который произнесъ послѣднее слово: «повтори-же еще разъ». Каурбекъ отвѣчаетъ: «Нѣтъ, и отецъ мой обыкновенно поражалъ на смерть однимъ ударомъ.» Тогда Ханъ испустилъ духъ свой. Все владѣніе и богатство Хана осталось въ рукахъ Каурбека; всѣ шесть богатырей, увидѣвъ поразительную силу его, со страхомъ скрылись по краямъ свѣта. Весь народъ, отъ большого и до самаго малаго колыбельнаго ребенка, благодарилъ небо, ниспославшее имъ этого избавителя; сама дочь Хана отдала себя въ руки Каурбека, съ готовностью остаться ему вѣрною навсегда. Время шло своимъ порядкомъ, а Каурбекъ успѣлъ ближе ознакомиться съ населеніемъ Ханскихъ владѣній и его дочерью. Однажды ему пришло на мысль спросить о причинѣ того, что владѣніе Хана лежитъ въ ночномъ мракѣ и не озаряется лучезарнымъ свѣтомъ солнца. Услышавъ это, Ханская дочь

---

[13]) Въ преданіяхъ часто встрѣчаются разсказы, что послѣ повторительнаго удара или нанесенія раны, магическая сила меча поражала смертію наносившаго ударъ, а противникъ оставался невредимымъ. И такого меча сила заканчивала у богатырей жизнь однимъ только ударомъ.

сдѣлалась болѣе привязанною къ Каурбеку и начала молить его о помощи бѣднымъ жителямъ мрака. Каурбекъ не могъ не сжалиться надъ страдальцами и началъ думать и заботиться, какъ-бы узнать эту причину: «да какъ и узнаешь — говоритъ онъ себѣ, — почему безжалостное солнце не озаряетъ своими лучами несчастное Ханское владѣніе? Нужно узнать эту причину отъ самого солнца», говоритъ онъ. Поэтому и ѣдетъ онъ отыскивать жилище солнца, гдѣ оно есть. Пріѣзжаетъ къ берегу моря, видитъ, что на всемъ протяженіи моря отъ одного берега до другого лежитъ китъ, служащій мостомъ; китъ былъ живой, и каждому страннику онъ не отказывалъ проѣзжать по его спинному хребту, а звѣрямъ также не запрещалъ его мясомъ лакомиться: лежалъ все безъ движенія; ни проѣзжающіе по спинѣ его путешественники, ни съѣдающіе его мясо звѣри, нимало его не безпокоятъ. Каурбекъ, подивившись этому чуду, проѣхалъ по спинѣ кита, и вотъ онъ за моремъ увидѣлъ домъ солнца; входитъ въ него и засталъ тамъ старушку—добрую мать солнца, которая его встрѣтила первыми своими словами: «Откуда тебя принесъ Богъ, милый сынъ земли? знаешь-ли ты безжалостнаго и немилосерднаго моего сына? если онъ придетъ домой, то сильно тебя обожжетъ; не надо было тебѣ такъ не дорожить своею жизнію! Вѣдь знаешь-ли ты, мой безжалостный сынъ обжигаетъ всѣхъ бѣдныхъ странниковъ, а тебя въ особенности сильно обожжетъ! Какая тебя, бѣдняжку, заставила неволя пріѣхать сюда, когда лучи моего сына такъ сильны, что они страшно жгутъ всѣ царства на землѣ?! Ты вовсе погибнешь отъ сильныхъ лучей моего сына, когда онъ взглянетъ на тебя, не сводя своихъ глазъ въ сторону.» Онъ, бросаясь къ ея груди, отвѣчаетъ: «Добрая моя матушка, да пошлетъ мнѣ Богъ твою милость, усынови меня [14]), я гость твоего отца и матери, прими меня подъ свою защиту (подъ свое крыло). Два важныя обстоятельства заставили меня просить твоей помощи. Матушка ты наша милосердная», говоритъ Каурбекъ: «я желаю знать причину, почему твой сынъ—солнце, который щедро освѣщаетъ всю землю,

---

[14]) Усыновленіе у туземцевъ-горцевъ до сего времени не теряетъ своего значенія; оно ведется такъ: виновникъ, или ищущій защиты, бросается къ грудямъ женщины и начинаетъ сосать ихъ; она, по обычаю, не можетъ ему этого не дозволить, потому, что тогда какъ она, такъ и все ея семейство теряютъ свое значеніе въ народѣ. Послѣ того она выказываетъ свою готовность къ защитѣ, а виновникъ, или искатель защиты, дѣлается на-

отказался освѣщать одно ханское владѣніе, которое оно, солнце, заставляетъ быть подъ ночнымъ мракомъ!. Это вотъ одно обстоятельство, а другое — вижу я, что большой китъ лежитъ на всемъ протяженіи моря, отъ одного берега до другого служитъ онъ мостомъ для странниковъ, лежитъ себѣ неподвижнымъ,—не отказываетъ всякаго рода звѣрямъ лакомиться своимъ мясомъ, а самъ между-тѣмъ живъ. Этому чуду я не мало удивился, и не знаю, что̀-бы это значило».—«Все это, милый ты мой сынъ, тебѣ не трудно будетъ понять», говоритъ мать солнца Каурбеку, «но трудно то, какъ и куда я успѣю тебя запрятать отъ лучей моего безжалостнаго и немилосерднаго сына, когда онъ вечеромъ придетъ домой? Но вотъ, какъ я устрою», говоритъ она. Она встаетъ — беретъ насѣдку и, вырвавъ у ней изъ крыла перышко, запрятавъ въ серединѣ перышка Каурбека и вложивъ перо по прежнему въ крыло курицы, она посадила опять насѣдку на яйца. Является солнце вечеромъ домой; какъ только оно вошло въ домъ къ своей матери, говоритъ: «Фу! что это сегодня у тебя за земной запахъ чувствуется? не скрывается-ли у тебя какое-либо существо земное? Я до сего времени не встрѣчалъ у тебя подобнаго непріятнаго запаха! Это что-нибудь да значитъ, а запахъ влажный и вѣрно, что онъ отъ земной твари!» говоритъ сынъ. Тронутая словами сына, мать начала плакать и говорить ему: «да, вольно тебѣ напускаться на меня, что отъ меня несется запахъ земного существа, этотъ непріятный запахъ. Откуда у меня можетъ быть такой запахъ, когда я по цѣлымъ днямъ, не выходя, сижу дома! простительно-ли тебѣ подобное замѣчаніе? Ты

реченнымъ ея сыномъ. Такія усыновленія большею частію встрѣчаются у ингушъ и чеченцевъ, по кровнымъ дѣламъ. Такъ, напр., въ очень недавнее время, одинъ молодой ингушъ убилъ на свадьбѣ единственнаго сына бѣдной вдовы. Убійца, опасаясь преслѣдованія русскаго закона, является въ домъ матери убитаго имъ; пригласивъ съ собою много почетныхъ въ обществѣ стариковъ, бросается къ ногамъ ея и проситъ у ней помилованія; она прощаетъ его проступокъ, не отказывая ему въ своей груди, и тѣмъ усыновляетъ его. Убійца, сдѣлавшись нареченнымъ сыномъ вдовы и вознаградивъ ее матеріальной платой за кровь, и до сего времени имѣетъ съ вдовою, потерявшею отъ его рукъ родного единственнаго сына, самыя тѣсныя родственныя отношенія. Не принявшій гостя, какимъ-бы онъ ни былъ виновникомъ, подвергается безчестію въ своемъ обществѣ. Подобные случаи не мало до сего времени воспѣваются въ пѣсняхъ осетинъ, не въ пользу тѣхъ фамилій и лицъ, которыя отказались отъ пріема и защиты виновниковъ-гостей.

опомнись! Чѣмъ я заслужила подобное оскорбленіе? Правъ-ли ты передо мной? Какой ты у меня сынъ, когда за всѣ мои тяжкіе попеченія и труды, ты платишь мнѣ только однимъ оскорбленіемъ?! Заслуживаю-ли я этого передъ тобой и передъ всѣми? Я была у тебя не такая мать, какъ у другихъ бываютъ! Не грѣшно-ли тебѣ, мой сынъ, поступать такъ строго съ своей матерью? Какъ-же ты подозрѣваешь меня, будто несется отъ меня запахъ земной твари? Опомнись хорошенько, опомнись, говорю я тебѣ! Какой ты можешь встрѣтить у меня влажный, непріятный запахъ? Скорѣе ты согласись съ тѣмъ, что всякій запахъ можетъ нестись отъ тебя, потому-что ты ежедневно обходишь всю землю?»—«Виноватъ», говоритъ солнце, «виноватъ передъ тобой, моя милая матушка! Я неправъ; ну, что дѣлать, ты прости меня, милая матушка, прости меня великодушно, какъ нѣжная и ласковая моя мать»,—и падаетъ сынъ къ ногамъ матери. Она, какъ нѣжная мать, расцѣловавъ сына, беретъ его за обѣ руки и поднимаетъ, и затѣмъ подала она ужинъ и говоритъ ему за ужиномъ: «Мой милый сынъ! ты предсказываешь вѣрно сны; я тебѣ разскажу свои сны, которые я видѣла ночью: что-бы это означало, объясни мнѣ пожалуйста. Въ эту ночь я будто-бы очутилась во владѣніи одного знаменитаго хана; вижу, что владѣніе у этого хана самое большое, но весь народъ живетъ подъ ночнымъ мракомъ; эти люди никогда не видятъ денного свѣта; они блѣдны, какъ воскъ; жаль этихъ несчастныхъ: отчего ихъ окружаетъ такой мракъ? Чѣмъ они провинились передъ тобой и почему ты отказался освѣщать это ханское владѣніе твоимъ лучезарнымъ свѣтомъ, тогда-какъ ты не отказываешь освѣщать всю обширную землю и часто жжешь даже всѣ царства земныхъ? Потомъ, мой другой сонъ, знаешь-ли какой? Я возвращалась изъ ханскаго владѣнія домой; обширная дорога, по которой я шла, довела меня до берега моря, и какое я вижу здѣсь чудо? я увидѣла, что дорога кончилась на берегу этого моря, въ морѣ лежитъ китъ, голова котораго была у одного берега, а хвостъ у противоположнаго. Китъ этотъ живой, лежитъ неподвижно, не отказываетъ всякому путешествующему проѣзжать по своей спинѣ, а звѣрямъ лакомиться его мясомъ, и все это его нимало не безпокоитъ и онъ лежитъ, не двигаясь съ мѣста. Что означаютъ эти мои сны? не съумѣешь-ли ты вѣрно ихъ мнѣ разсказать?», спрашиваетъ мать сына.—«Хорошо», говоритъ солнце, «я тебѣ разскажу и разскажу всю правду. Первый твой сонъ означаетъ

вотъ что. Правда, я не освѣщаю владѣнія хана своими лучами, не освѣщаю потому, что онъ намѣревался увезти къ себѣ мою дочь красавицу; ты знаешь, матушка моя, что она еженедѣльно по пятницамъ купается и плаваетъ въ красномъ морѣ. Узнавъ о томъ, что ханъ собирается увезти мою дочь, безподобную красавицу, я разозлился на него и пересталъ освѣщать его владѣніе нѣсколько сотенъ лѣтъ своимъ свѣтомъ, которымъ я освѣщаю всѣхъ, и вотъ почему его бѣдное владѣніе и народъ находятся подъ однимъ и тѣмъ-же ночнымъ мракомъ. Это, милая моя мать, твой первый сонъ», говоритъ солнце. «А теперь я тебѣ буду объяснять другой твой сонъ. Этотъ большой китъ, растянутый отъ одного берега моря и до другого, служащій для проѣзжающихъ путешественниковъ мостомъ и мясомъ котораго лакомятся звѣри, а онъ все-таки лежитъ неподвижно, поглотилъ цѣлый флотъ кораблей, наполненныхъ всякаго рода добрыми людьми, и за это Богъ послалъ свой гнѣвъ на него, и вотъ онъ также нѣсколько столѣтій и десятковъ столѣтій отбываетъ назначенное ему наказаніе, и до того времени, пока онъ не возвратитъ поглощенный флотъ, будетъ переносить это мученіе». Кончивъ свой ужинъ и предсказаніе сновъ своей матери, солнце опять отправилось путешествовать по всей землѣ. Все, что говорило солнце своей матери, не могъ не услышать запрятанный въ куриное перышко Каурбекъ; онъ вышелъ, не зналъ какъ благодарить мать солнца, что она дала ему случай узнать отъ солнца то, чего онъ желалъ. На другой день Каурбекъ отправился по своему пути. Только-что онъ дошелъ до берега моря и прошелъ немного по спинѣ кита, обратился къ нему: «эй, китъ! знаешь-ли ты, что на тебя Богъ навелъ свой гнѣвъ и Онъ повелѣлъ испытывать тебѣ эту муку,—ты провинился передъ Нимъ, потому-что проглотилъ весь флотъ съ множествомъ людей, которые близки къ Богу, и ты будешь переносить это мученіе до-тѣхъ-поръ, пока не возвратишь этихъ безгрѣшныхъ угодниковъ Божіихъ и весь флотъ. Возврати все это и освободи себя отъ мукъ, назначенныхъ тебѣ гласомъ Бога». Послѣ этихъ словъ китъ открываетъ свой ротъ и изъ него выходитъ цѣлый флотъ кораблей, наполненныхъ безчисленнымъ множествомъ народа. Весь флотъ радовался, радости его не было конца, а киту также не мало было радости, что освободился отъ гнѣва Божьяго и мукъ, столѣтіями испытанныхъ. Каурбекъ сталъ думать, какимъ путемъ достать ему дочь солнца и привести ее во владѣніе

ханское, чтобы солнце начало освѣщать бѣдныхъ людей, живущихъ въ ночномъ мракѣ. Онъ устроилъ себѣ на берегу моря шалашикъ и запасся рѣдкими лакомствами и напитками. Замѣтивъ однажды, что дочь солнца прилетѣла—купается и плаваетъ въ красномъ морѣ, онъ обратился къ ней: «Не желаешь-ли, очаровательная красавица, дочь солнца, полакомиться моими сластями?»—«Я бы рада была отвѣдать такихъ лакомыхъ сластей, но боюсь мужчинъ: ты меня пожалуй увезешь», говоритъ она, продолжая плавать посерединѣ моря. Каурбекъ, видя свою неудачу, сталъ бросать ей въ руки сласти, а потомъ и напитки. Очень понравились они ей, потому она поѣла много сластей и выпила много напитковъ, отъ которыхъ опьянѣла до того, что забыла объ опасности и, выплывши на берегъ, бросилась въ объятія Каурбека. А онъ того и желалъ—посадилъ ее въ свою самолетку [15]) и привезъ въ ханское владѣніе, которое мгновенно изъ мрака ночного очутилось въ денномъ свѣтѣ. Солнце, узнавъ, что дочь его увезена Каурбекомъ, наслало на ханское владѣніе страшныхъ стально-челюстныхъ кобылицъ, изо рта которыхъ выходило пламя, пожиравшее людей. Жеребецъ солнца и весь табунъ, своимъ сильнымъ ржаніемъ, навели на ханское владѣніе большой страхъ; многіе изъ ханскихъ подданныхъ умирали со страху при одномъ взглядѣ на пылающій огонь, выходившій изъ рта кобылицъ и жеребца солнца. Каурбекъ вывелъ свою вѣтрогонную лошадь и пустилъ ее на борьбу къ табуну кобылицъ и жеребцу солнца. Было не малымъ чудомъ, какъ вѣтрогонка Каурбека пустилась бороться съ несмѣтнымъ числомъ кобылицъ свѣточа цѣлаго міра [16]). Большую половину табуна растерзала она въ куски и разбросала по степямъ цѣлаго ханскаго владѣнія. Дочь солнца, увидѣвъ погибель отцовскаго табуна, вмѣстѣ съ страшнымъ жеребцомъ, выдумала гибель Каурбеку. Говоритъ она ему: «Я увѣрилась въ томъ, что ты побѣдилъ меня, побѣдилъ моего отца, освѣщающаго весь земной міръ, а вѣтрогонка твоя побѣдила жеребца и весь табунъ кобылицъ отца моего, пожиравшихъ и уничтожавшихъ своимъ пламенемъ всѣхъ враговъ отца; теперь я безъ всякаго сомнѣнія принадлежу тебѣ и навсегда останусь тво-

---

[15]) Самолетки эти, какъ замѣчено выше, упоминаются въ Нартовскихъ разсказахъ, какъ, напр., самолетка *Барсаджг-цалх*, т. е. Барсагово колесо, разбивавшее огромныя силы людей, безъ человѣческой помощи.

[16]) Преданіе и народныя повѣрья равняютъ кобылицъ солнца съ численностію пернатаго царства.

ею; только ты не иначе можешь раздѣлить ложе со мною, какъ исполнивши обычай, который ведется у насъ изстари и никогда не измѣняется въ нашемъ родѣ. Вотъ, въ чемъ онъ состоитъ. Ты долженъ выдоить всѣхъ кобылицъ моего отца и молокомъ ихъ наполнить пивной котелъ [17]). Когда наполнится котелъ, то прикажи вскипятить молоко на самомъ сильномъ огнѣ, послѣ чего бросишься въ котелъ и выкупаешься тамъ. Конечно, это нисколько не можетъ повлiять на твое богатырское здоровье, а затѣмъ и я послѣдую тому-же примѣру твоему. Но если это не совершится, то ложе у насъ не можетъ быть прiятнымъ». Каурбеку нельзя было не исполнить желанiя дочери солнца, будущей своей жены. Только-что онъ принялся доить кобылицъ, какъ подошла къ нему **Кӯл-бадæг-ӯс** [18]) и спрашиваетъ: «что за нужда заставляетъ тебя доить кобылицъ и въ чемъ дѣло?» Онъ не замедлилъ ей объяснить дѣло. Она воскликнула: «готовишь себѣ гибель!» и посовѣтовала, чтобы онъ, когда закипитъ молоко, не бросаясь въ него, ограничился тѣмъ, что пройдетъ по перекладинѣ, на которой виситъ котелъ, что кстати онъ вспотѣетъ сильно, и тогда, показавшись людямъ, можетъ объявить, что выкупался въ котлѣ. А иначе онъ готовитъ себѣ вѣрную гибель, дѣлаясь жертвой своей коварной невѣсты, дочери солнца. Онъ поступилъ такъ, какъ Кул-бадæг-ус посовѣтовала. Пошелъ къ своей невѣстѣ и объяснилъ, что желанiе ея исполнено, такъ-какъ онъ при людяхъ выкупался въ котлѣ. Дочь солнца тоже идетъ и бросается въ кипящiй котелъ. Выкупавшись въ немъ вдоволь, она вышла совершенно невредимою. Тутъ настала минута прiятнаго наслажденiя ложемъ для Каурбека. Съ-тѣхъ-поръ ханское владѣнiе вышло изъ ночного мрака, въ которомъ оно находилось сотни лѣтъ, и солнце безпрестанно начало освѣщать его. Каурбекъ ханскимъ владѣнiемъ управлялъ какъ желалъ и зналъ; весь ханскiй народъ отдался въ руки Каурбека, какъ своего избавителя отъ мрака ночи. Время текло своимъ порядкомъ, а Каурбеку пришло на мысль бросить ханское владѣнiе. Онъ взялъ ханскую дочь и свою молодую жену, дочь солнца, и отправился въ путь. Задумалъ прiѣхать къ шалашу дяди своего Ислама. Ѣхалъ онъ

---

[17]) Пивоваренный остродонный мѣдный котелъ, вмѣщающiй въ себѣ до 60 ведеръ жидкости.

[18]) Баба-яга, способная давать всякiе совѣты, живущая въ нищетѣ.

долго, долго. Однажды увидѣлъ онъ большую толпу народа, идущую съ плачемъ и рыданіемъ и несущую впереди на рукахъ необыкновенно красивыхъ мальчика и дѣвочку. Приблизившись къ толпѣ, Каурбекъ остановилъ ее и спросилъ: «что за плачъ, что за рыданіе такой большой толпы?» Толпа отвѣчаетъ, что горе прошлое, которое испыталъ весь народъ, забыто, передъ настоящей новостью, что она такъ велика, что будетъ на вѣки незабвенною, что не знаютъ, за что Провидѣніе караетъ ихъ и позволяетъ **Залјаг-ꙁалмӯ** [19]) налагать свои оковы на воду и отнимать ее у цѣлаго города, пропадающаго теперь безъ воды. «Не можемъ достать воды для питья изъ моря, на берегу котораго жилъ нашъ владѣтельный князь», жаловалась толпа: «этой Заліаг-калм дается ежедневно изъ всего населенія владѣтельнаго князя по двѣ души: по мальчику и дѣвочкѣ. Этихъ несчастныхъ жертвъ змѣя пожираетъ; теперь жребій палъ на дѣтей владѣтельнаго князя, и вотъ эти несчастные ангелы отдаются въ жертву на съѣденіе этой змѣѣ». Въ это время вдали показалась змѣя и направилась прямо къ толпѣ, пыша изо рта пламенемъ. Народъ, увидѣвъ ее, сталъ въ ужасѣ трепетать и рыдать, указывая на нее Каурбеку: «вотъ идетъ эта змѣя, столько лѣтъ жрущая нашихъ птенцовъ». Все это больно было слышать Каурбеку. Народу трудно было остановить его, какъ богатыря. Каурбекъ сначала спрятался за скалой; потомъ, когда змѣя приблизилась къ толпѣ, выскочилъ изъ-за скалы съ обнаженнымъ въ рукахъ мечомъ, бросился на нее и однимъ ударомъ меча отсѣкъ у ней заднюю половину и бросилъ ее концомъ своего меча въ море. Сталъ потомъ онъ бороться съ другой половиной змѣи, старавшейся своими семью головами и жаломъ уязвить Каурбека. Но Каурбекъ молодецкими взмахами меча отсѣкъ всѣ семь головъ и искрошилъ въ куски. Отъ потока крови ея море приняло красный цвѣтъ и получило свое названіе, носимое и до сего: «Красное море». Толпа княжескихъ подданныхъ, увидѣвъ своего въ Каурбекѣ избавителя отъ безжалостной змѣи, столько лѣтъ пожиравшей народъ, бросилась къ нему, всѣ отъ большого и до малаго благодарили его, какъ своего спасителя. Сама княжна вышла къ нему и стала прямо лицомъ къ лицу [20]),

---

[19]) Сказочная змѣя, называемая осетинами Залійскою змѣею.

[20]) Обычай горцевъ, до настоящаго времени, безъ малѣйшаго послабленія обязываетъ дѣвицъ и молодыхъ женщинъ стѣсняться и не высказывать въ присутствіи старшихъ и постороннихъ лицъ своего желанія или нежеланія

предложила ему свою руку, съ обѣщаніемъ быть навсегда его вѣрной женой. Сколько Каурбекъ ни отказывался отъ руки княжны, говоря, что у него уже есть двѣ жены: дочь хана, того самаго хана, у котораго солнце не освѣщало владѣнія и народъ жилъ въ ночномъ мракѣ, и дочь солнца[21]). Сталъ весь народъ отъ большого до малаго умолять его жениться на княжнѣ, стала и сама княжна просить не отказываться отъ ея руки, быть ея мужемъ, въ знакъ избавленія княжескаго владѣнія отъ пожиравшей его змѣи и въ благодарность за дарованіе, однимъ жизни, а другимъ свободы отъ неотвратимыхъ бѣдствій. Видя просьбу и княжны и народа, Каурбекъ согласился принять ея руку. Онъ взялъ ее и отправился далѣе, съ своими тремя женами, по пути къ шалашу, гдѣ жилъ дядя его Исламъ. Они радовались, веселились, не знали, какъ радоваться и веселиться, радости ихъ не было конца; благодарили Провидѣніе, пославшее имъ опять минуту пріятной встрѣчи. Наконецъ порѣшили они, что надо возвратиться въ домъ стараго Аслана. Дочь Дон-беттура — бога морей, оставленная на рукахъ Ислама, была столько-же цѣломудренна, сколько и кротка. Исламъ обращался съ ней хорошо. Ѣдутъ они въ путь цѣлою семьею. На половинѣ пути Каурбекъ вздумалъ отлучиться на малое время отъ своихъ спутницъ и дяди Ислама. Онъ, поохотившись, возвратился къ своимъ, но уже не могъ встрѣтиться съ ними на томъ мѣстѣ, гдѣ они условились въ назначенный часъ сойтись. Исламъ, оставивъ тамъ дочь солнца,—невѣсту Каурбека, отправился дальше съ своими спутницами, а Каурбекъ въ ожиданіи встрѣчи съ своей семьей заснулъ на томъ мѣстѣ, на колѣняхъ невѣсты, своимъ богатырскимъ сномъ, продолжавшимся безъ просыпу цѣлыя недѣли. Провидѣнію угодно было послать на храбраго и славнаго богатыря его-же братьевъ, которымъ суждено было прервать его жизнь. Старшіе два брата

выходить замужъ; но всякое согласіе ихъ узнается потому что сватаемая покраснѣетъ или-же улыбнется. А иногда согласіе или несогласіе дѣвицы передаютъ родителямъ или братьямъ чрезъ своихъ подругъ. Такія сватовства невѣстъ весьма часто бываютъ несоотвѣтственны супружескимъ отношеніямъ и потому случаются или могутъ случаться разводы жениховъ съ невѣстами. Но поговорка осетинъ: «отнять жену значитъ отнять душу», заставляетъ многихъ женъ, изъ страха кровной мести, продолжать незавидную супружескую жизнь, не имѣя ни малѣйшей любви и супружескихъ чувствъ къ мужу.

[21]) Красуется, или красива, очаровательна, какъ дочь солнца. Эта поговорка встрѣчается у женщинъ-осетинокъ при разсказахъ о красотѣ.

Каурбека, Асланбекъ и Сосланбекъ, бывши на охотѣ, наѣхали нечаянно на спавшаго своего брата Каурбека, котораго они конечно не могли узнать; они бросились на него и убили. Они молили небо, что наконецъ оно послало имъ случай отличиться и жертву, кровію которой они обагрились. Бѣднаго Каурбека они искрошили на мелкіе кусочки и развѣяли по пустынѣ, а славную его вѣтрогонку убили тамъ-же. Забравъ его жену и оружіе въ знакъ славной побѣды, они, нагнавъ на дорогѣ своего дядю Ислама съ семьею, пріѣхали съ нимъ къ старому своему отцу, Аслану. Асланбекъ и Сосланбекъ похвалились передъ отцомъ, что отличились, показавъ ему оружіе и красивыхъ женщинъ, въ доказательство своей побѣды. Онъ радуется и восхищается, что наконецъ его сыновьямъ, Асланбеку и Сосланбеку, удается выказаться удальцами; радуется и радости его нѣтъ конца. Старый Асланъ не зналъ, что они убили младшаго своего брата и приписали себѣ его подвиги богатырскіе и что на нихъ оправдалась поговорка, что «безногой перепелкѣ вѣтеръ приноситъ». Время шло своимъ порядкомъ. Ждутъ Каурбека, а его все нѣтъ и нѣтъ. Между-тѣмъ въ домѣ Аслана поднялись неурядицы и ссоры; старикъ Асланъ, его братъ Исламъ и сыновья Асланбекъ и Сосланбекъ, что ни день, то подымаютъ большую ссору изъ-за привезенныхъ женщинъ; каждый изъ нихъ требуетъ руки своей избранной: старецъ Асланъ, смотрящій уже въ могилу, добивается руки дочери солнца, братъ его Исламъ — дочери Дон-беттура, Асланбекъ—ханской дочери, а Сосланбекъ руки княжны. Не стѣснялся каждый изъ нихъ говорить постоянно слова: «не достань я этихъ красавицъ своимъ мечомъ и силой, не было-бы у насъ невѣстъ». Но былъ-ли у нихъ братъ Каурбекъ, они это вовсе забыли. Дочь солнца упорно отказывалась отъ старца Аслана, какъ бывшая жена его сына, Каурбека, и этотъ отказъ ея служилъ въ домѣ причиной общей неурядицы цѣлаго семейства. Она извѣщаетъ своего отца — солнце, что отецъ ея мужа желаетъ сдѣлать ее своею женою. За это солнце насылаетъ на домъ Аслана свой табунъ кобылицъ со стальными зубами и челюстями, изо рта которыхъ пышетъ пламенемъ. Увидѣвъ кобылицъ солнца, готовыхъ поглотить не только его, но и цѣлое населеніе, Асланъ замолкъ, хотя не отказался мѣшать брату своему Исламу и сыновьямъ Асланбеку и Сосланбеку быть супругами избранныхъ ими женщинъ, не переставая говорить: «если я уже старецъ, дожившій до такой глубокой дряхлости, и мнѣ не суждено

наслаждаться любовью молодой невѣстки,—дочери свѣточа цѣлаго земнаго міра, очаровательной красавицы, то молодымъ подавно не слѣдуетъ наслаждаться прелестями красавицъ»! Такимъ образомъ внутренніе раздоры и неурядицы между ними не умолкали. Наскучило дочери солнца ожидать своего мужа, она ждетъ, ждетъ, думая, что онъ безсмертенъ, оживетъ и прилетитъ къ ней, но нѣтъ его, а она все не перестаетъ его ждать. Послѣ немалаго времени, она беретъ свое волшебное зеркало, въ которомъ ей обрисовался цѣлый міръ, и смотритъ въ зеркало; видитъ она въ немъ, что трупъ мужа ея Каурбека мелкими кусочками разсыпанъ по всей пустынѣ. Она обращается къ дочери Дон-беттура, съ просьбой дать ей живой воды. Получивъ живую воду, дочь солнца прилетѣла къ пустынѣ, собрала всѣ кусочки трупа своего мужа, Каурбека, и разложила по мѣстамъ, потомъ обмыла живою водою трупъ и вѣтрогонную лошадь, и вотъ Каурбекъ потянулся какъбы послѣ сна, говоря: «Ахъ, ахъ, какъ я много спалъ такимъ сладкимъ сномъ богатырскимъ»!—«Да», говоритъ ему жена—дочь солнца, «ты спалъ немало»! и начинаетъ разсказывать ему, что онъ на пути вздумалъ свернуть съ дороги поохотиться, что, поохотившись, онъ не сошелся въ условленное время съ ними, т. е. съ его остальными женами и дядей Исламомъ на указанномъ мѣстѣ. Поэтому они отправились дальше, бросивъ и ее тамъ-же; когда-же онъ возвратился съ охоты, то заснулъ богатырскимъ своимъ сномъ на колѣняхъ ея. Сонъ продолжался цѣлыя недѣли; въ это время Провидѣнію угодно было послать на нихъ старшихъ братьевъ Каурбека — Асланбека и Сосланбека, бывшихъ также на травлѣ дичи. Они, не думая, что спящій на колѣняхъ ея — младшій братъ ихъ Каурбекъ, со свирѣпствомъ и жадностію бросились на него и убили его, забравъ оружіе въ знакъ своего отличія, убили также и вѣтрогонную его лошадь, а ее взяли съ собою, какъ добычу своей побѣды. Встрѣтившись на дорогѣ также съ остальными спутницами, они пріѣхали домой. Являются они къ старцу Аслану съ взятымъ оружьемъ, съ красавицами-женами и съ нею; начали возбуждаться въ семьѣ у нихъ неурядицы и частые ссоры. Самъ Асланъ-старецъ требовалъ ея руки, но былъ застращенъ отцемъ ея, солнцемъ, приславшимъ своихъ стально-челюстныхъ кобылицъ на защиту ея, и затѣмъ каждый изъ нихъ, т. е. Исламъ и его два племянника, Асланбекъ и Сосланбекъ, начали приписывать себѣ добычу всѣхъ этихъ невѣстъ своимъ мечомъ. Она, дочь солнца, посредствомъ своего

волшебнаго зеркала увидѣла разбросанными куски трупа его — своего мужа. Попросивши у дочери Дон-беттура — бога морей — живой воды, она прилетѣла туда, собрала всѣ разбросанные куски его трупа, разложила ихъ по своимъ мѣстамъ, облила тѣло его, а также тѣло вѣтрогонки этою живою водою, и вотъ послѣ этого онъ и лошадь его въ концѣ цѣлаго года оживились. Словамъ своей жены, пришедши въ себя, Каурбекъ вполнѣ повѣрилъ; онъ много-много разъ благодарилъ ее, что она вывела его изъ царства мертвыхъ. Беретъ онъ свою возлюбленную жену—дочь солнца, и на своей вѣтрогонной лошади пріѣзжаетъ въ домъ отца, старца Аслана, послѣ десятковъ лѣтъ своего странствованія. Застаетъ тамъ большую неурядицу и неспокойную жизнь отца съ братомъ и сыновьями своими, искавшими каждый себѣ преимущества и похвалы передъ другими въ выборѣ невѣсты. Онъ пошелъ разсказывать имъ свои приключенія, добычу невѣстъ, свою смерть отъ рукъ братьевъ и наконецъ, какъ онъ оживленъ и возвращенъ изъ мертвыхъ дочерью солнца посредствомъ живой воды. Но все это не могло остановить упрямства стараго Аслана, требовавшаго руки молодой красавицы, дочери солнца — жены Каурбека. Никакъ не хотѣлъ Асланъ сознать своей старости; послѣ двухсотъ-лѣтней жизни, онъ все-таки не переставалъ желать быть мужемъ молодой красавицы, которая и слышать не хотѣла объ его желаніи. Такъ неурядицы и ссоры не умолкали, а разгорались сильнѣе. Опять солнце наслало своихъ стально-челюстныхъ кобылицъ, готовыхъ своимъ пламенемъ уничтожить все семейство Аслана. Опять присмирѣлъ Асланъ: теперь уже пришелъ къ сознанію своей старости и отсталъ отъ своего сильнаго упорства. Пошли выборы невѣстъ: дочь Дон-беттура досталась Исламу, ханская дочь—Асланбеку, княжна — Сосланбеку, Каурбеку-же — его возлюбленная, дочь солнца. Остался сѣдоголовый старецъ Асланъ безъ невѣсты. Каурбеку, какъ покорному сыну, нельзя было не пожалѣть своего отца; онъ обмылъ его живой, цѣлительной водой, отъ которой Асланъ переродился; сѣдые волосы обратились въ черные, морщины пропали, онъ сдѣлался юношей, только-что начинающимъ жизнь. Чѣмъ отблагодарить отца за его родительскія попеченія и труды? подумалъ Каурбекъ. «А-а, вотъ чѣмъ», нашелся Каурбекъ. «Теперь женю его на молодой»! Онъ зналъ, что на краю земного міра живетъ владѣтельный князь желѣзнаго замка, по имени Темиръ Ханъ, т. е. владѣтель желѣза; у него была бойкая, сильная и гордая дочь, Хадижа. Всякій

женихъ, который просилъ ея руки, долженъ былъ прежде бороться съ ней или-же съ ея тремя братьями, Тау-ханомъ [22]), Сау-ханомъ [23]) и Донъ-ханомъ [24]). Онъ пріѣзжаетъ во владѣніе князя, владѣтеля желѣзнаго замка; подъѣзжаетъ къ замку, но къ нему никто не выходитъ. Видитъ онъ, что посрединѣ замка стоитъ семи-этажная башня, и изъ послѣдняго этажа выглядываетъ прекрасная и гордая Хадижа. Но далеко, далеко онъ отъ нея! башню окружаетъ семь стѣнъ и семь воротъ. Привязавъ вѣтрогона къ коновязи, онъ прилегъ спать подъ стѣной желѣзнаго замка, поставивъ къ стѣнѣ свой гигантскій мечъ; сонъ его продолжался цѣлыя недѣли, безъ просыпу. Дѣвица Хадижа, увидѣвъ мечъ, узнала по немъ богатыря. Она стала въ спящаго Каурбека бросать мелкими камешками, но сонъ его все-таки не прерывался. Когда-же онъ проснулся, то Хадижа опять начала бросать по немъ камешками, чтобы этимъ вызвать его на объясненіе. Она вышла и принялась открывать всѣ заложенные входы въ воротахъ своего отцовскаго замка, обведеннаго семью желѣзными стѣнами, и ввела Каурбека къ себѣ въ башню. Она спросила его прежде всего, не женихъ-ли онъ? Онъ отвѣтилъ: «Да, женихъ»! Тогда Хадижа указала ему высокій во владѣніи ея отца курганъ, гдѣ происходила постоянная борьба борцовъ-жениховъ съ Хадижей и ея тремя братьями, и пригласила на борьбу, объяснивъ ему, что если побѣда останется за нею или за ея братьями, то она поступитъ съ нимъ такъ-же, какъ поступила со всѣми бывшими ея женихами, т. е. отрубитъ голову и черепъ его послужитъ въ числѣ другихъ для образованія кургана, а если побѣда будетъ на сторонѣ его, то она готова быть его женою. Каурбекъ надѣялся на свою силу и согласился на предложенныя условія Хадижи. Утромъ онъ явился на курганъ, на борьбу. Долго не было борца. Онъ, вынувъ мечъ, всадилъ его вмѣсто столба — коновязи въ землю и привязалъ къ нему свою лошадь. Въ это время явился богатырь, одѣтый въ богатый панцырь, при лукѣ и стрѣлахъ, въ кольчугѣ и спросилъ Каурбека: «Не ты-ли сватаешь мою сестру»? Онъ отвѣчалъ: «Да, я». Тогда богатырь, на извѣстныхъ Каурбеку условіяхъ, предлагаетъ борьбу, которой онъ ожидалъ дав-

---

[22]) Въ дословномъ переводѣ, на татарскомъ языкѣ, Тау-ханъ означаетъ владѣтель горъ.

[23]) Сау-ханъ, на томъ-же языкѣ,—владѣтель силы и здоровья.

[24]) Донъ-ханъ, въ дословномъ переводѣ съ осетинскаго языка, означаетъ владѣтель водъ.

но. Началась борьба, продолжалась безъ остановки и отдыха отъ утра до полудня, и въ это время Каурбекъ побѣдилъ своего противника, связавъ его по рукамъ и по ногамъ, и привязалъ его къ всаженному въ землю своему мечу, а самъ побѣжалъ въ желѣзный замокъ, но тамъ никого не было, не слышно было ни малѣйшаго шелеста или шума, ни человѣческаго голоса, ни визга охранявшихъ Хадижу борзыхъ съ стальными зубами собакъ и съ стальными челюстями. Онъ свободно вошелъ въ послѣдній этажъ желѣзной башни, гдѣ жила Хадижа, но и тамъ нѣтъ никого, только встрѣтилъ Каурбека большой бѣлый ястребъ съ стальнымъ клювомъ и спрашиваетъ его: «что тебѣ нужно, добрый и сильный богатырь»? Каурбекъ отвѣчаетъ: «я желаю видѣть Хадижу, красавицу и самую прекрасную красавицу, Хадижу, дочь владѣтельнаго князя желѣзнаго замка». Бѣлый ястребъ говоритъ, что Хадижа уже отправилась на извѣстный высокій курганъ, гдѣ происходитъ постоянная борьба богатырей, ея жениховъ, и что сама Хадижа теперь на борьбѣ, подъ маской своего брата и въ богатырскомъ одѣяніи и что она не можетъ тому быть невѣстой, кто не поцѣлуетъ ея. «Но все это недоступно и такъ трудно, что нельзя ручаться за успѣхъ: чтобы ее можно было побѣдить—сила эта не въ твоей власти. Послѣ поцѣлуя, Хадижа, по женской природѣ своей, должна отдаться въ руки тому изъ жениховъ-борцовъ, кто успѣетъ поцѣловать ее. Послѣ поцѣлуя она потеряетъ свой богатырскій духъ и сдѣлается самою кроткою и скромною дѣвицею. Но я никогда не думаю», говоритъ бѣлый ястребъ, «чтобы тебѣ, милый мой богатырь! можно было успѣть этого достичь, т. е. подарить Хадижѣ горячій поцѣлуй и тѣмъ уничтожить совсѣмъ силу ея богатырства; сотни лѣтъ не мало было жениховъ-борцовъ, а никто не успѣлъ достигнуть этой цѣли, т. е. побѣдить эту гордую богиню силы, и вотъ, какъ ты видишь, всѣ они положили свои головы». При этомъ ястребъ указалъ на груды череповъ, окружавшія курганъ. «Я долженъ еще тебя предупредить», говоритъ большой бѣлый ястребъ, «о томъ, что, чѣмъ болѣе она одолѣваетъ своихъ противниковъ, тѣмъ у ней является болѣе твердости и мужества. А когда она приметъ отъ кого-либо изъ своихъ противниковъ-жениховъ поцѣлуй, то она навсегда должна проститься съ богатырскимъ духомъ и сдѣлаться слабою женщиною»! Каурбекъ, очень довольный собою, возвратился къ своему противнику, прикрѣпленному къ его мечу, и говоритъ: «Ну, значитъ, я тебя побѣдилъ, побѣда остается за мной! Теперь

сестра твоя, Хадижа, должна принадлежать мнѣ безъ отказа». Онъ подошелъ къ связанному противнику своему, который умолялъ всѣми богами освободить и не убивать его, увѣряя, притомъ, что готовъ выдать за него свою сестру. Но Каурбекъ, вмѣсто отвѣта, подошелъ къ нему и награждаетъ его поцѣлуемъ, говоря: «Этимъ поцѣлуемъ я тебя награждаю за твою безподобную сестру Хадижу, и въ знакъ того, что она послѣ этого поцѣлуя дѣлается моей невѣстой». Хадижа, снимая съ себя маску мужчины, говоритъ Каурбеку: «Да не проститъ тому Богъ, кто наставилъ тебя на этотъ поцѣлуй [25]), — я сама Хадижа», говоритъ она, «братьевъ моихъ еще нѣтъ дома, они странствуютъ цѣлый годъ, я теперь вся твоя, ты на мое вѣрное слово можешь положиться, дольше я не буду тебѣ не принадлежать, потому что мои братья, возвратившись домой, при первомъ взглядѣ замѣтятъ на лицѣ моемъ поцѣлуй твой и послѣ всего этого они не могутъ не согласиться, что я должна принадлежать тебѣ, какъ вѣрная невѣста. Ты, до пріѣзда моихъ братьевъ, можешь быть тамъ, гдѣ желаешь, а когда они возвратятся, то потребуешь у нихъ моей руки, такъ-какъ ты ее уже заслужилъ и побѣдилъ меня навсегда своей силой. Значитъ, таково предопредѣленіе Провидѣнія и мы не властны не испытывать то, что оно намъ назначило! Я была богатырь-женщина, билась съ славными богатырями, которые надѣялись на свою силу; видишь-ли теперь, я въ твоихъ рукахъ и ты располагаешь мною, какъ ты знаешь. Думала-ли я когдалибо, что мое богатырство, принесшее столько жертвъ, исчезнетъ такъ безслѣдно навсегда? Я никогда не воображала, чтобы кто-либо могъ отнять у меня мою богатырскую силу, которою я одарена отъ природы? Но что дѣлать, всему есть конецъ, значитъ и моему богатырству нужно положить конецъ! Я невольно должна замѣнить свое мужество кротостью, нѣжностью дѣвицы! Дѣвица должна нравиться каждому, быть скромною, вѣжливою, съ доброю душою и сердцемъ: такимъ существомъ отнынѣ и навсегда должна быть и я, теперь готовая надѣлять тебя своею любовью, какъ твоя вѣрная подруга». Братья Хадижи, пріѣхавъ домой, первымъ взглядомъ замѣтили на лицѣ своей сестры поцѣлуй и сказали ей единогласно: «Ты, наша любимая и безподобная сестрица, успѣла уже получить поцѣлуй и избрать жениха»? и поздравляютъ ее. Она отвѣчаетъ имъ: «есть-ли на свѣтѣ то, чему нѣтъ конца? Я была богатырь своего времени, цар-

[25]) Часто употребляемое проклятіе осетинъ.

ство мое не могло быть безконечнымъ; я для своей прихоти принесла не мало жертвъ, а теперь всему этому конецъ». Въ это самое время является Каурбекъ и говоритъ братьямъ Хадижи: «сестра ваша должна принадлежать мнѣ. Я своей силой заслужилъ ея руку, я побѣдилъ ее и наградилъ горячимъ поцѣлуемъ. Она должна быть навсегда моею». Что оставалось братьямъ, какъ не отдать свою ненаглядную красавицу, сестру Хадижу, Каурбеку. Онъ привезъ ее въ даръ своему отцу Аслану, превратившемуся изъ старика дряхлаго въ юношу цвѣтущихъ лѣтъ. Асланъ еще болѣе помолодѣлъ и сдѣлался вполнѣ юнымъ женихомъ красавицы Хадижи, прекрасной и очаровательной дочери владѣтельнаго князя желѣзнаго замка. Онъ благодарилъ небо, наградившее его сыномъ Каурбекомъ, вполнѣ оцѣнившимъ его родительское о немъ попеченіе. Асланъ наслаждался пріятною для него новою жизнію, прожилъ еще столько-же времени, сколько онъ жилъ до своей женитьбы на Хадижѣ.

Гацыръ Шанаевъ.

Селеніе Шанаево (Бруто).

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

по волѣ демона, то пусть — въ лѣвой рукѣ»! Едва проговоритъ послѣднія слова, какъ уже палочки лежатъ на полу.

Между-тѣмъ, больной, охая, отъ боли, спрашиваетъ черезъ силу: «чья вина моей болѣзни»?

Ему отвѣчаютъ: «демона».—«Чего требуетъ онъ»?—«Успокойся, раздается голосъ гадальщика, сейчасъ отгадаемъ, если будетъ угодно то Богу! Явись, демонъ, и дай намъ понять, что тебѣ угодно: хочешь-ли чернаго козленка или бѣлаго»?

Не успѣетъ договорить послѣдняго слова, какъ уже снова палочки очутились на полу.

«Приготовьте», скажетъ самодовольный плутъ, «къ средѣ бѣлаго козленка и немного пива или араки, зарѣжьте его на черномъ столѣ безмолвно, и больной выздоровѣетъ. Мясо и напитки должны быть употреблены одними домашними; ибо давать изъ нихъ постороннимъ не позволительно».

Получивъ 10 коп. денегъ и немного ваты, довольный гадальщикъ отправляется домой. Семейство съѣло козленка, но отъ этого больному не стало легче: боль, часъ отъ часу, развивается сильнѣе и сильнѣе и скоро приходитъ конецъ бѣдняку.

Крикъ, шумъ, рыданія и вопли раздаются по всему аулу.

Родные покойника и жители деревни сбѣгаются для отдачи ему послѣдняго долга, неся съ собою чевяки, ноговицы и т. п.

Подходя къ покойнику, они останавливаются передъ нимъ, приговаривая каждый сквозь слезы: «въ раю да будетъ мѣсто твоей душѣ и да будешь свѣтелъ»! Затѣмъ, обращаясь къ семейству его, они говорятъ, поочередно, слѣдующую рѣчь: «всѣ мы будемъ (указываютъ на небо) тамъ, но онъ къ намъ ужъ не вернется: ибо это дѣло Божіе, а на дѣла Божія нѣтъ мастера и никто изъ смертныхъ не можетъ постичь ихъ, и что Богъ творитъ, противъ того нѣтъ лѣкарства. Съ этого дня да хранитъ Богъ васъ отъ другого «зянъ» *).

Между-тѣмъ, семейство покойника, желая одѣть его какъ можно пышнѣе, продаетъ все, что попадается ему подъ руку. «Зачѣмъ,—спрашиваютъ—«хотите вы одѣть мертваго пышно»?— «Затѣмъ», отвѣчаютъ хозяева, «что покойникъ въ этомъ мірѣ, по бѣдности, не могъ одѣваться прилично, такъ пусть хоть теперь одѣнется, чтобы не было стыдно на томъ свѣтѣ показаться умер-

*) Дословно значитъ: убыль, убытокъ, несчастіе, горе.

шимъ людямъ и было-бы ему на что посмотрѣть и сердцу его было весело и свѣтло».

Омывъ и одѣвъ покойника, несутъ его на кладбище. Когда эта процессія приближается къ могилѣ, вдова, войдя подъ гробъ, трижды ударяетъ объ него снизу головою своею, свидѣтельствуя тѣмъ свое искреннее желаніе принадлежать мужу и на томъ свѣтѣ.

Мужчины, слѣдуя за гробомъ, бьютъ себѣ лбы кулаками, поднимая попеременно, то лѣвыя, то правыя руки, со стонами: э, а, а, а, а, а, а, а, а! *). А женщины, ползя на колѣняхъ, ударяютъ въ тактъ по лицамъ своимъ и по колѣнямъ, издавая послѣ каждаго удара, въ одинъ голосъ, глухіе звуки: «да-дай! о, у, а, у! да-дай, ма бонъ **)!

Опустивъ гробъ на землю, близъ могилы, мужчины становятся особо отъ женщинъ и изъ толпы послѣднихъ выступаютъ впередъ сестры, племянницы и другія, близкія покойнику женщины; остановясь довольно далеко отъ гроба и потомъ медленно подходя къ нему, онѣ рвутъ на головахъ своихъ волосы и царапаютъ ногтями свои лица, такъ-что на щекахъ ихъ дѣлаются отъ этого струпья въ размѣрѣ старинной русской копѣйки. Послѣ того начинаютъ шагъ за шагомъ подходить къ покойнику братья, сыновья и племянники его (если они есть у него), ударяя себя плетьми въ затылки и издавая упомянутыя глухія восклицанія. Когда они приблизятся къ ногамъ покойника, сверстники ихъ, подбѣжавъ, отбираютъ у нихъ плети.

Такой обычай истязанія у горцевъ имѣетъ въ основѣ своей убѣжденіе, что покойникъ, чувствуя и сознавая все то, что совершается вокругъ него, видитъ и цѣнитъ дѣйствія, свидѣтельствующія о расположеніи или нерасположеніи къ нему, какъ кровныхъ, такъ и дальнихъ родственниковъ.

Затѣмъ вдова снова подходитъ къ гробу и, остановившись, отрѣзываетъ, съ помощью своихъ родственницъ, косу свою и кладетъ ее на грудь мужа, въ томъ убѣжденіи, что такимъ поступкомъ она ограничиваетъ его волю вступить на томъ свѣтѣ въ новый бракъ и заставитъ его ожидать ея смерти и соединенія съ нею снова, для вѣчнаго существованія. По окончаніи этой операціи, одна изъ женщинъ начинаетъ громко рыдать: «а, о, у, а, у»! Другія на это отвѣчаютъ протяжнымъ и печальнымъ го-

*) Звуки, выражающіе печаль и горе.

**) Можно перевесть ихъ такъ: уфъ, ахъ, увы, мой день.

лосомъ: эу, да-дай! са ха, са! Плачъ этотъ покрывается громкимъ голосомъ вдовы: горе и забота о томъ, какъ будетъ жить ея мужъ въ другомъ мірѣ, разрѣшаютъ ей идти противъ обычая предковъ, запрещающаго молодымъ женщинамъ говорить вслухъ и особенно о мужѣ.

Развязавъ уста свои, она начинаетъ рыдать такъ: «Простите и не осуждайте меня, добрые люди, что я, бѣдная женщина, отваживаюсь въ священномъ собраніи вашемъ говорить вслухъ и вдобавокъ о мужѣ: а, а, а, а *). Уа!—что я буду дѣлать среди разразившихся бѣдствій и ужасовъ! Уа, наступилъ черный и холодный день, день погибели моей! Уа!—кто теперь будетъ моимъ защитникомъ и покровителемъ: мужа не стало! Его черный конь безъ господина рыщетъ по степи и хищные звѣри ищутъ въ немъ для себя пищи. Его винтовка, шашка, пистолетъ, кинжалъ и бритва будутъ съѣдены ржавчиною. Уа, да истрескаюсь и сгорю, смотря на нихъ и воспоминая доблестные его подвиги! Уа, нося, буду носить вѣчно черную цѣпь моего темнаго крова! Уа, уа, опираясь, буду опираться на жезлъ печали и горя»!

«Въ кругу сверстниковъ своихъ онъ всегда блисталъ, какъ солнце между небесными планетами»!

«Къ кому онъ явится на томъ свѣтѣ и кто приметъ его? Найдетъ-ли онъ своего прадѣда, Бимболата, или дядю, Хадзби? Кто укажетъ ему мать его, Дисе? О, ужасъ! что будетъ съ нимъ! Тамъ, въ другомъ мірѣ, говорятъ, трудно найти кровныхъ: мертвые мало говорятъ и новыхъ умершихъ встрѣчаютъ холодно! А дорогъ такъ много, какъ истинныхъ, такъ и ложныхъ, что трудно найти истинную: оттого многіе отважные мертвые вѣчно скитаются по берегамъ страшныхъ пропастей, ежечасно ожидая ужаснаго паденія своего въ тартаръ»! и т. д.

По окончаніи сѣтованій вдовы, изъ толпы мужчинъ выходитъ старикъ, бах-фальдисагъ **), ведя за собою лошадь.

Ставъ у ногъ покойника, онъ, принявъ серьезный и печальный видъ, начинаетъ, при общей тишинѣ, говорить громко: «Слава тебѣ, Боже! Благословенъ путь твой, любезный нашъ братъ, въ царствіе Божіе, гдѣ да успокоится праведная твоя душа! Вотъ, добрые люди, умеръ, рѣдкій по уму и добротѣ, человѣкъ и пред-

---

*) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго предложенія.

**) Умѣющій говорить надгробную рѣчь. Бахъ — значитъ — лошадь; фальдисагъ—даватель.

принимаетъ дальнее путешествіе и нуженъ для него добрый конь, котораго въ нашемъ краѣ не оказывается.

«Поэтому, по указанію тайновидцевъ, домашніе покойника ищутъ коня на вершинѣ четырехъ-стѣнной, бурой, гладкой, недоступной не только людямъ, но и птицамъ, горы, гдѣ пасутся три черные коня, изъ коихъ старшій кусаетъ зубами, меньшой бьетъ копытами, а средній весьма тихъ. Найдя ихъ съ помощью сѣдыхъ, мудрыхъ, тайныхъ обитателей этой горы, они выведутъ послѣдняго и приведутъ къ тебѣ, а ты, прежде-чѣмъ успѣешь моргнуть своимъ глазомъ, отправишь его на небо, гдѣ великій коновалъ, Абубекръ, подкуетъ серебряныя ноги его стальными подковами, а шерстяной хвостъ замѣнитъ шелковымъ и гриву обдастъ золотою водою такъ, чтобы онъ блисталъ, какъ грань алмаза. Осѣдлавъ чуднаго коня золотымъ сѣдломъ, ты быстро сядь на него и пускайся въ путь. Лишь только вдѣнешь ногу въ стремя, мгновенно трижды будешь поднятъ на небо и опущенъ на землю.

»Такое чудное движеніе нужно для перерожденія тебя изъ земного существа въ небесное, свѣтлое. Видя твой свѣтлый образъ, мертвые, коихъ ты будешь встрѣчать на своемъ пути въ царствіе небесное, будутъ принимать тебя: одни за ангела, другіе за одного изъ святыхъ. Но ты отъ этого не поднимай головы своей высоко, а съ сердечнымъ смиреніемъ говори: я ни тотъ и ни другой, а простой смертный, равный вамъ человѣкъ, и отправляюсь на тотъ свѣтъ, къ Барастыру *). Прежде всего, на пути небесномъ, ты долженъ побывать у двухъ великихъ святыхъ мужей, изъ коихъ одинъ первородный сынъ солнца, Мухаммедъ, другой, — единственный наслѣдникъ луны, Хамедъ-ханъ. Когда приблизишься къ ихъ величественному, свѣтлому и чудному крову, стегни плетью коня такъ ловко, чтобы шумъ твой разбудилъ отъ ночного сна святыхъ, которые по пробужденіи немедленно выйдутъ къ тебѣ навстрѣчу и ласково поведутъ къ своему священному очагу, гдѣ, возлегши съ ними, въ смиренной бесѣдѣ попросишь ихъ указать тебѣ дорогу къ Барастыру. Чудные мужи скажутъ: твой конь озаренъ свѣтомъ познанія всякаго пути и, безъ всякаго сомнѣнія, повезетъ тебя прямо въ рай. Но предстоитъ тебѣ ѣхать по скользкому пути и льдистому мосту, и ты будь крѣпокъ и не бойся за душу свою, ибо конь твой,

*) Начальникъ мертвыхъ.

хотя еще жеребенокъ, съ благоразумною осторожностью понесетъ тебя къ берегу. За мостомъ находится великое, свѣтлое, молочное озеро, гдѣ день и ночь неусыпно рѣзвятся маленькія, свѣтлыя, какъ ангелы, дѣти. Увидя тебя, они выбѣгутъ къ тебѣ навстрѣчу и начнутъ передъ тобою лепетать, одни: папа, другія: мама! И ты обойдись съ ними отечески ласково и окажи имъ помощь: кто нагъ, на того надѣнь рубаху, кто босъ, надѣнь на ноги чевяки, кто голоденъ, накорми, и кто жаждетъ, напой. При этомъ говори: я вамъ не отецъ и не мать, они скоро явятся къ вамъ и утѣшатъ васъ. На протяженіи остальнаго пути, будешь видѣть людей, изъ коихъ одни будутъ страдать различными муками, другіе блаженствовать. Но ты не смущайся первыми и не соблазняйся послѣдними, ибо тѣ и другіе получили возмездіе по дѣламъ своимъ. Такимъ образомъ, на пути будутъ лежать на крутыхъ и острыхъ каменьяхъ мужъ и жена и на нихъ и подъ ними вѣчно лежатъ двѣ большія воловьи шкуры, которыми они, несмотря на все ихъ стараніе, не могутъ укрыть себя, ни отъ вѣтровъ, ни отъ холодовъ, ни отъ дождей, ни отъ жаровъ. Ибо, если одинъ изъ супруговъ потянетъ къ себѣ одну изъ шкуръ, другой остается совершенно нагимъ. Имѣя свойство расширяться и съуживаться, шкуры могли-бы покрыть ихъ, но, за грѣхи этихъ супруговъ, всякій разъ, когда кто-нибудь изъ нихъ тянетъ къ себѣ одну изъ шкуръ, онѣ обѣ съуживаются. Оттого между супругами возникли ссоры и раздоры, которымъ не будетъ конца. Отъѣхавъ немного, увидишь неподалеку отъ источника цѣлебной воды, одна капля которой насыщаетъ и просвѣтляетъ душу, другую чету, лежащую на травѣ, усѣянной, какъ садъ, благовонными цвѣтами. Благословенные супруги, употребляя эту воду, никогда не нуждаются ни въ пищѣ, ни въ питьѣ. Укрыты-же они отъ холодовъ и жаровъ нетлѣнною заячьею шкурою, посланною имъ отъ Бога. Чета эта жила въ мірѣ, благочестиво и за это теперь наслаждается вѣчными благами.

«Когда проѣдешь этотъ источникъ, издали услышишь вопль, рыданіе и стоны престарѣлой женщины: на ея груди вѣчно вертится тяжелый мельничный жерновъ и давленіемъ своимъ производитъ ужасную боль во всѣхъ ея членахъ и суставахъ. Наказаніе это послано ей Богомъ, потому-что она, имѣя въ этомъ обманчивомъ мірѣ много мельницъ, прогоняла, не стыдясь ни совѣсти, ни Бога, бѣдняка, — если этотъ прибѣгалъ къ

ней съ просьбою дозволить смолоть горсть пшеницы. Примѣръ ея наказанія да послужитъ поученіемъ для женъ здѣшнихъ! Достигнувъ половины пути, вдалекѣ увидишь мужчину и женщину, кои повѣшены другъ подлѣ друга, языками своими, на острыхъ, раскаленныхъ, желѣзныхъ гвоздяхъ надъ бездною ужасной пропасти. Качаясь на нихъ, они ежеминутно ждутъ страшнаго своего паденія въ адъ. Забывъ страхъ божій, люди эти сѣяли раздоръ между ближними и доводили ихъ до кровопролитія и убійства и получили они достойное возмездіе! Далѣе найдешь молодую и красивую женщину, которая безъ отдыху сшиваетъ двѣ раскаленныя черныя горы толстою, длинною, раскаленною, желѣзною проволокою и отъ сильнаго невыносимаго жара нѣжная и бѣлая кожа ея тѣла дѣлается постепенно все чернѣе и чернѣе. Такая работа дана ей Богомъ за то, что она промѣняла законнаго мужа на любовника. Недалеко отъ нея стоитъ одна ветхая сакля; проходя мимо, путешественники не входятъ въ нее, боясь того, чтобы она не задавила ихъ, и еще болѣе боясь страннаго женскаго крика, который раздается изъ нея. Кричитъ-же въ ней одна, сгорбившаяся отъ старости, женщина, которая всякій день съ утра до вечера доитъ въ мѣдное ведро тучную, молодую корову, но всѣ старанія ея, получить хоть одну каплю молока, остаются тщетными. Этого мало: всякій разъ, когда старуха коснется пальцами до сосцовъ коровы, та отбрасываетъ ее задними своими ногами далеко, въ глубокую *грязь*, смѣшанную съ каломъ скотины. Выползая изъ грязи, она, въ слезахъ, съ криками и ругательствами, снова лѣзетъ къ коровѣ и снова бываетъ отбрасываема! Не удивляйся, другъ, такой праведной карѣ Божіей! Въ здѣшнемъ мірѣ женщина эта, не смотря на множество коровъ своихъ, кои давали ей молока въ изобиліи, была скупа и лукава: бѣдныя вдовы и сироты всегда уходили отъ нея въ слезахъ.

«Вотъ, у подошвы одной скалы, старикъ, черный, какъ уголь, и слабый, какъ трость, носитъ на спинѣ своей бездонное, наполненное раскаленными каменьями, лукошко. Постоянно падая и никогда не уменьшаясь въ числѣ своемъ, камни, съ одной стороны, давятъ и жгутъ спину бѣдняка, съ другой ударяютъ его, во время паденія своего на землю, въ пяты, изъ которыхъ отъ того вѣчно течетъ кровь, оставляя на дорогѣ черный кровавый слѣдъ. Бывши одаренъ отъ Бога всѣми благами земными, этотъ человѣкъ, не смотря ни на какія мольбы, отнималъ послѣдняго вола у бѣдняка, переступалъ границы чужой собственности, на-

сильственно вспахивалъ для себя пашню, принадлежащую круглымъ беззащитнымъ и безпріютнымъ сиротамъ и вдовамъ, открыто смѣялся на публичныхъ собраніяхъ надъ священными обычаями и законами людей, попиралъ ногами народныя святыни, оскорблялъ супружество и проч., и потому Всеправедный Богъ далъ ему, на поученіе всѣмъ людямъ, ужасную мѣру наказанія.

«Другой старикъ ползетъ на брюхѣ въ пламени горящей скалы и далеко видны раздутые его глаза, расплывшееся черное брюхо, высунутый толстый языкъ и разинутый ротъ, изъ котораго пламя пышетъ и сыпятся съ трескомъ и шумомъ страшныя искры. Спереди, сзади и боковъ окруженъ онъ женщинами, терпящими одинаковую съ нимъ муку. Этотъ человѣкъ, имѣя множество своихъ вѣрныхъ женъ, искусно соблазнялъ чужихъ. Когда-же онъ умеръ и отправился къ Барастыру по этому пути, пламенная скала приняла его въ свои объятія и окружила женщинами, которыхъ онъ соблазнилъ и которыя раньше его отошли въ необманчивый міръ. При видѣ такихъ страдальцевъ и многихъ другихъ, болѣзненно сожмется твое сердце, но ты стой крѣпко, какъ мужчина, утверждайся въ вѣрѣ въ Барастыра, опору души, будь чуждъ всякихъ искушеній и бодръ тѣломъ и духомъ.

«Твердость-же духа и бодрость нужны тебѣ для перенесенія ужасныхъ искушеній, которыя ты будешь испытывать отъ злыхъ завистниковъ, исконныхъ враговъ людей, жителей Зындона *), во время перехода черезъ *новый мостъ*, состоящій изъ одного весьма тонкаго, стекляннаго волоска, сдѣланный надъ страшною бездною, изъ которой видно пламенное море и вьющіяся огненныя змѣи вокругъ человѣческихъ тѣлъ. Искусители слабыхъ и смертныхъ человѣковъ представляютъ надъ мостомъ этимъ въ воздухѣ для соблазна людей безчисленныя, одна другую быстро смѣняющія, фигуры. Люди безъ вѣры и добрыхъ дѣлъ не въ состояніи бываютъ выдержать такія испытанія и, поэтому, легко сдаются чернымъ, адскимъ служителямъ, которые, схвативъ ихъ, мгновенно бросаютъ ихъ внизъ головами въ великое огненное море, откуда несчастные не избавятся до той поры, пока не наступитъ «ахары-бонъ или кайматы-бонъ» **) и когда будетъ воздано

*) Дословно значитъ: зынъ—тяжкій, донъ—вода; смыслъ слова таковъ: тяжкая вода—адъ.

**) Дословно: поѣдающій день или тяжкій день суда.

каждому по дѣламъ его, или наказаніе, или награда. Ты-же, когда вѣрный конь твой станетъ у этого моста, стегни его плетью такъ сильно, чтобы содралась вся кожа съ твоей ладони и ляшки твоей лошади, въ размѣрѣ подошвы твоего чевяка правой ноги. Какъ только почувствуетъ удары плети, конь быстро, какъ блескъ неба, понесетъ тебя на тотъ берегъ, приставши къ которому, ты вознеси теплыя и усердныя свои молитвы къ Богу, избавившему тебя отъ ужасной погибели.

«Берегъ этотъ служитъ гранью между Зындономъ и Дзенетомъ *). Ставъ на него ногою, ты уже почувствуешь близость рая по разительному запаху чудесныхъ, дивныхъ и разнообразныхъ фруктовъ и цвѣтовъ. Когда ты приблизишься къ раю, твои глаза остановятся на его оградѣ, сдѣланной изъ золотыхъ каменьевъ, и на воротахъ его узришь двухъ свѣтозарныхъ мужей, кои, завидѣвъ тебя, будутъ звать къ себѣ. Когда подъѣдешь къ воротамъ, соскочи съ своего коня, котораго тотчасъ примутъ дворники рая, сними шапку и поклонись святымъ мужамъ.

«Зная, что ты человѣкъ праведный, они немедленно спустятся на землю, и, вынувъ каждый изъ своего кармана ключъ, отворятъ для тебя двери рая, сдѣланныя изъ смѣси золота и драгоцѣнныхъ каменьевъ.

«Войдя въ него, ты увидишь дивное зрѣлище: чудесно одѣтые, молодые, красивые, статные юноши, ихъ прелестныя жены и маленькія, одѣтыя въ бѣлое платье, дѣти, кротко сидятъ за золотыми столами, украшенными разнообразными напитками и кушаньями, видъ которыхъ освѣщаетъ сердце и насыщаетъ душу.

«Святые мужи поведутъ тебя сначала къ ближайшему столу, подойдя къ которому, ты съ благоговѣніемъ произнеси вслухъ всѣмъ: «міръ вашему и священному, и блаженному крову! Умножая, да умножитъ творецъ неба, земли и всякихъ благъ ваши яства и ваши питія, которымъ да не будетъ конца»! Вставши съ своихъ мѣстъ, каждый изъ гостей рая будетъ ласково просить тебя сѣсть съ нимъ рядомъ, но ты, съ приличіемъ отклонивъ отъ себя честное предложеніе ихъ, слѣдуй за святыми мужами.

«Миновавъ много столовъ, они поведутъ тебя къ дивному и чудесному мужу, свѣтъ котораго освѣщаетъ всѣхъ.

«Не подходя къ нему близко, ты преклони колѣни свои и

*) Рай.

чистосердечно исповѣдуй грѣхи свои, говоря: «не убилъ я человѣка, не соблазнилъ и не насильствовалъ и чужихъ женъ, не обращался дурно съ вдовами и сиротами, не занимался паушничествомъ и не ссорилъ между собою моихъ ближнихъ, не кралъ, не зарѣзалъ чужого вола, чтилъ отца и уважалъ мать свою, почтительно обходился съ старшими себя и ласково съ меньшими, не смѣялся открыто, какъ дѣлаютъ это многіе изъ смертныхъ, надъ тѣмъ, что люди чтутъ и святятъ.

«Выслушавъ твою искреннюю исповѣдь, всеправедный и многомилостивый Барастыръ приметъ тебя въ свое лоно и ты будешь вѣчно наслаждаться благами рая, гдѣ и конь твой будетъ пастись около тебя, а яства твои и напитки, какихъ не имѣлъ ни одинъ земной царь, будутъ день отъ дня увеличиваться, возбуждая тѣмъ зависть въ другихъ умершихъ людяхъ, не имѣющихъ такихъ удовольствій или по грѣхамъ своимъ, или по бѣдности оставшихся въ живыхъ родственниковъ, которые, будучи не въ силахъ сдѣлать извѣстное число поминокъ, заставляютъ своихъ умершихъ питаться или милостынею, или воровскими крохами. И такъ, да дастъ тебѣ Богъ мѣсто въ Дзенетѣ и да будешь свѣтелъ.

«По достиженіи-же этой славы, ты, въ свою очередь, споспѣшествуй своимъ живущимъ въ семъ мірѣ родственникамъ и плачущимъ здѣсь надъ тобою людямъ къ благу жизни—молитвою своею за нихъ къ Богу, могущему сдѣлать жизнь ихъ долголѣтнею и счастливою»!

Закончивъ свою рѣчь, проповѣдникъ обходитъ три раза кругомъ гроба въ сопровожденіи трехъ родственниковъ покойника, которые, шагая за нимъ, ударяютъ себя руками по лицамъ своимъ въ тактъ, издавая извѣстные звуки: «да-дай! да-дай, ма бонъ»! и затѣмъ снова становятся у ногъ его. Въ это время вдова подходитъ къ покойнику и, взявъ съ груди его отрѣзанную косу свою, вручаетъ ее бахъ-фалдисаху съ словами: «вотъ и плеть для покойника». Принявъ косу и слегка ударивъ ею трижды коня, съ словами: «фалдыстынъ фаутъ уа дуа даръ» *), онъ отдаетъ ее назадъ вдовѣ, а эта опять кладетъ ее на грудь мужа. Вручивъ коня кому-либо изъ мальчиковъ, онъ беретъ бутылку съ аракой (водка) и чурекъ, которые составляютъ дорожную провизію по-

*) Можно это перевести такъ: да принадлежите вы оба ему одному, т. е. покойнику.

койника и которые доселѣ стояли у его изголовья, и первую разбиваетъ о камень, а второй кидаетъ въ сторону, произнося многознаменательныя въ народномъ мнѣніи слова: «эта пища и это питье да будутъ, сколько-бы ты ихъ ни употреблялъ, неистощимы для тебя, пока не достигнешь центра рая» *).

Народъ возглашаетъ: «ругсагъ уадъ ама дзенеты фабадатъ» **).

Наплакавшись вдоволь надъ покойникомъ, зарываютъ его въ сырую землю.

Бѣдный хозяинъ и теперь не покоенъ: его грызетъ мысль, что покойнику на томъ свѣтѣ нечего ѣсть. Несчастный истрачиваетъ въ продолженіи года все свое имѣніе на поминки. Справляя ихъ, онъ долженъ приглашать всѣхъ жителей, не только своей деревни, но и окрестныхъ ауловъ. Въ противномъ случаѣ онъ подвергаетъ всю свою фамилію вѣчному нареканію. Каждый мальчикъ считаетъ себя вправѣ упрекнуть его въ томъ, что у него его мертвые ѣдятъ траву, не имѣя священнаго хлѣба, чернаго пива и синей араки ***).

Поэтому, какъ можно, не сдѣлавъ поминокъ, показаться людямъ!

Особенно тяжело угнетаетъ суевѣрный обычай бѣдную вдову.

Боясь, чтобы мужъ не упрекнулъ ее на томъ свѣтѣ въ неуваженіи и непочитаніи, она облекается въ черное платье, сдѣланное изъ толстаго, мѣстнаго издѣлія, сукна, сорочку, сдѣланную изъ толстой, чорной, шерстяной, жосткой матеріи, и круглый годъ не ѣстъ скоромнаго. Собираясь спать по вечерамъ, она каждый разъ стелетъ для мужа постель, ставитъ подъ его кровать тазъ и мѣд-

---

*) Обычай говорить рѣчь сталъ рѣже повторяться.

**) Дословно значатъ слова эти: да будетъ свѣтелъ и да сидитъ въ раю.

***) Обычай поминать усопшихъ беретъ начало свое со времени основанія христіанской церкви и имѣетъ значеніе религіозно-нравственное. Вознося молитвы свои къ Богу за умершихъ душъ, христіане во всѣ времена дѣлали отъ избытка своихъ богатствъ угощеніе, на которое приглашались люди бѣднаго состоянія. Угощая бѣдныхъ, хозяева просили ихъ молиться за души усопшихъ. Бѣдныя вдовы и сироты, которыя не имѣли у себя, въ домахъ, насущнаго хлѣба, насыщались на этихъ поминкахъ и обезпечивали себя пищею на нѣсколько дней. Таковой обычай церкви, въ Осетіи принявъ чисто суевѣрный характеръ, приноситъ огромное нравственное зло и ущербъ матеріальному благосостоянію осетинъ. Въ этомъ особенно отношеніи нельзя не пожалѣть сердечно бѣдныхъ горцевъ. *Авт.*

ный кувшинъ съ водою, зажигаетъ цѣлую свѣчу и сидитъ, ждетъ его прихода до той поры, пока не запоютъ пѣтухи *). Вставая съ постели рано по утрамъ, она всякій разъ, взявъ тазъ и кувшинъ съ водой, а также утиральникъ, мыло и проч., несетъ ихъ къ тому мѣсту, гдѣ обыкновенно мужъ ея при жизни своей умывался, и тамъ стоитъ нѣсколько минутъ въ такомъ положеніи, какъ будто подаетъ умываться. По окончаніи церемоніи, она возвращается въ спальню и ставитъ утварь на мѣсто.

Весь годъ, по пятницамъ, при закатѣ солнца, она ходитъ на могилу мужа, взявъ съ собою яства и напитки. Ее сопровождаютъ и другія женщины. Подходя къ могилѣ, она предварительно касается ея пальцами правой руки, въ знакъ своего благоговѣнія и уваженія къ священному праху мужа. Тоже самое дѣлаетъ вдова и надъ могилами чужихъ умершихъ, опасаясь, что въ противномъ случаѣ ея равнодушіе къ нимъ возбудитъ ропотъ и жалобы предъ Барастыромъ, который мститъ людямъ, относящимся съ неуваженіемъ къ отшедшимъ братьямъ.

Къ пятницѣ шестой недѣли великаго поста она исправляетъ одежду и обувь мужа и по наступленіи этого дня, вечеромъ, въ присутствіи родственниковъ и знакомыхъ покойника надѣваетъ одежды мужа на крестообразную палку — съ цѣлью изобразить его. Искусственный покойникъ сажается на видное мѣсто. Предъ нимъ ставится столъ, уставленный постными кушаньями и напитками. Потомъ вокругъ его садятся по обычаю и прочіе гости. Одинъ изъ стариковъ, или старуха, провозгласивъ тостъ аракой или пивомъ, творитъ обычную молитву: «Боже, благослови всѣ сіи напитки и яства! Да будетъ онъ (покойникъ) свѣтелъ! Свѣтла да будетъ и его могила! Да будетъ онъ славенъ между мертвыми! Пусть никто изъ нихъ не обнаружитъ своей воли и власти надъ его яствами и напитками, кои да дойдутъ до него свято и неприкосновенно, и какъ они стоятъ теперь передъ нами, такъ да пребудутъ во вѣки вѣковъ и передъ нимъ! Умножаясь, да умножатся они до той поры, пока съ горъ будетъ катиться камень и на степи колесо, не плѣснѣя лѣтомъ и не замерзая зимою! По своей доброй волѣ да дѣлится онъ съ тѣми изъ мертвыхъ, кои не имѣютъ пріюта и пищи. Намъ, живущимъ пока въ семъ обманчивомъ мірѣ, да споспѣшествуетъ онъ къ благой и

*) Суевѣріе говоритъ, что мертвые и черти посѣщаютъ дома только до пѣнія пѣтуховъ и затѣмъ исчезаютъ.

счастливой жизни, заперевъ предварительно склепъ великимъ замкомъ, который да не отымется во вѣки вѣковъ»! и проч.

Эти заключительныя слова повторяютъ всѣ присутствующіе и приступаютъ къ ужину, который продолжается до разсвѣта, сопровождаясь по обычаю плачевными церемоніями. Одни изъ присутствующихъ разсказываютъ о томъ, какъ тяжело жить грѣшникамъ въ другомъ мірѣ; другіе припоминаютъ доброту, удальство покойника и проч. Внимая разсказамъ, всѣ слушатели обязаны, чтобы не нарушить долга приличія, плакать. Между-прочимъ одинъ изъ присутствующихъ, взявъ балалайку, играетъ на ней, разсказывая речитативомъ суевѣрное преданіе, содержаніе котораго должно возбуждать общій плачъ. Онъ начинаетъ такъ:

«О, о, о, о, до, до, до, до—дай! дооодо—дай»!

«До, ло-ло-лой! да-ла ла ла лаай» *)!

«Какъ-то разъ случился рѣдкій и великій гость у Барастыра.

«Имѣя обыкновеніе водить хорошихъ и славныхъ гостей по Зындону **), Барастыръ показалъ и этому гостю разныя степени адскаго мученія, какимъ подвергаются умершіе по мѣрѣ грѣховъ своихъ. Увидя страданіе грѣшниковъ, гость началъ плакать и думать о томъ, какъ освободить несчастныхъ изъ ада. «Тахуды ***)! Если-бы я могъ придумать средство къ освобожденію ихъ, какъ я былъ-бы тогда счастливъ и жизнь моя была-бы сладка и пріятна Богу»! говорилъ онъ самъ себѣ.

«Замѣтя грусть его, Барастыръ сказалъ: «гость, пойдемъ домой! Я вижу, что различные виды мученія грѣшниковъ дѣйствуютъ на сердце твое болѣзненно»! Скрѣпя сердце и тяжело вздохнувъ, великій гость молча пошелъ за нимъ. По возвращеніи своемъ домой, Барастыръ засталъ у себя всѣхъ святыхъ и ангеловъ, которые молча стояли. Послѣ обычныхъ привѣтствій онъ попросилъ ихъ сѣсть по чину, занявъ предварительно самъ первое мѣсто. Второе мѣсто за нимъ было предложено великому гостю. Печальный и странный видъ послѣдняго возбудилъ общее любопытство.

«Ангелы и святые стали посматривать на него пристальнѣе, спрашивая другъ друга шопотомъ:

---

*) Звуки эти выражаютъ ужасъ и удивленіе.

**) См. выше: тяжелая вода, адъ.

***) Ахъ.

«Кто этотъ гость»?

»Откуда онъ и отчего такъ печально глядитъ»?

«Но никто ничего не зналъ о немъ. Когда столъ былъ накрытъ, Барастыръ, обратясь ко всѣмъ, ласково сказалъ: теперь пора отвѣдать нашихъ яствъ и напитковъ, прошу сѣсть ближе къ столу. Гости повиновались. Начальникъ мертвыхъ по обычаю началъ ѣсть первымъ, но изъ гостей никто не дотрогивался до блюдъ; ибо великій гость, занимая высшее мѣсто за столомъ, не начиналъ.

«Удивленный этимъ, Барастыръ, посмотрѣвъ на всѣхъ, спросилъ: почему не ѣдите? или не нравится вамъ мой бѣдный обѣдъ?

«Тогда всталъ (встали и всѣ гости и самъ Барастыръ) гость, провозгласилъ тостъ чуднымъ напиткомъ и началъ говорить: О, Барастыръ, выслушай меня! Да дастъ мнѣ Богъ твою милость и да не будетъ стыдно мнѣ и обидно для тебя, что я дерзаю утруждать тебя! Ради чего я стою передъ тобою, ты знаешь хорошо: ты показалъ мнѣ Зындонъ и во мнѣ горитъ и болитъ сердце по несчастнымъ жертвамъ! Прошу тебя: ради силы твоего Бога, ради силы отца твоего, ради силы матери твоей, ради силы твоихъ умершихъ, ради силы твоей собственной, ради силы этихъ святыхъ и ангеловъ, стоящихъ передъ тобою, и, наконецъ, ради силы моей, освободи изъ ада несчастныхъ страдальцевъ! Въ противномъ случаѣ — клянусь этимъ священнымъ тостомъ, тобою самимъ, этими яствами, которыми не клянется чорный человѣкъ, и миромъ вотъ этихъ святыхъ и ангеловъ, — я не отвѣдаю ни кушаньевъ твоихъ, ни напитковъ, хотя-бы я погибъ отъ гнѣва твоего»!—«И мы, съ своей стороны, дерзаемъ и просимъ тебя, Барастыръ, объ этомъ-же, если можно»,—сказали ангелы и святые. — «Будетъ, будетъ, мои любезные гости! Не бойтесь, я не причиню оскорбленія вашему сердцу; напротивъ, я весьма радуюсь, что вы первые вспомнили, жалѣете бѣдныхъ мучениковъ и просите меня, чтобы я освободилъ ихъ изъ Зындона»!— сказалъ начальникъ мертвыхъ.

«Затѣмъ, по желанію его, всѣ оставили обѣдать и вышли на балконъ, откуда видѣнъ былъ весь адъ. Здѣсь Барастыръ сказалъ одному изъ ангеловъ: «возьми ключъ, полети, отвори двери Зындона и выпусти изъ него всѣхъ мертвыхъ, оставивъ въ немъ только одного сухого, безжизненнаго старика»! — Ангелъ такъ и сдѣлалъ. Смотрятъ—о, диво!—громадное, чорное море стало постепенно разступаться, и, по мѣрѣ удаленія его, стали обнаружи-

ваться мертвые. Къ нимъ была спущена сверху лѣстница, сдѣланная изъ двухъ тонкихъ, стеклянныхъ волосковъ; по ней начали подниматься всѣ: мужчины и женщины, и старъ и младъ; какъ-только мертвый становился на ступень ногою, на немъ выростали крылья и онъ могъ быстро взлетѣть на верхъ лѣстницы и потомъ выходить на свѣтъ Божій.

«Діаволы, не имѣя надъ мертвыми болѣе власти, отошли отъ нихъ въ сторону, выстроились въ рядъ, какъ солдаты, и смотрѣли на нихъ издали. Отъ зависти и досады раздувались и лопались у нихъ животы; нижнія челюсти ихъ бились о верхнія такъ сильно, что стукъ ихъ былъ слышенъ далеко за краемъ земли; глаза ихъ выпучивались и лопались и брызги падали на мертвыхъ, не причиняя имъ однако никакого вреда.

«Вышли мертвые изъ Зындона и наполнили собою великую площадь Барастыра. Страшно было смотрѣть на нихъ: у однихъ была содрана кожа съ головъ и вырѣзаны ремни изъ хребтовъ, повыдернуты на рукахъ и ногахъ ногти, ослѣплены глаза, выбиты зубы, выжжены губы и языки. У другихъ змѣи оставили слѣды своего пребыванія на шеяхъ и животахъ, сдѣлавъ ихъ черными. Иные представляли собою одни безжизненные скелеты.

«Видя несчастныхъ, великій гость, ангелы и святые стали горько плакать.—Не плачьте, сказалъ имъ начальникъ мертвыхъ, всѣ они войдутъ въ рай!—И тутъ-же приказалъ извѣстному ангелу отвести ихъ въ Дзенетъ и при входѣ въ золотыя ворота окропить цѣлебною водою, обѣщаясь самъ участвовать въ великомъ дѣлѣ.

«Когда мертвые стали у воротъ райскихъ, Барастыръ велѣлъ кропить ихъ. Падая на мертваго, капли дѣлали его свѣтлымъ. Когда преобразились всѣ, онъ самъ повелъ ихъ въ рай и тамъ, усадивъ ихъ за большіе золотые столы, наполненные разными яствами и напитками, благословилъ ихъ такъ:

«Живите, по милости Божіей, въ вѣчной славѣ и довольствѣ! Никогда не истощатся яства и напитки ваши, напротивъ, умножаясь, будутъ умножаться время отъ времени». Мертвые встали и сказали ему: «мы не знаемъ, Барастыръ, какъ благодарить тебя за то, что вывелъ ты насъ изъ Зындона и далъ намъ мѣсто въ Дзенетѣ! Пусть за насъ благодаритъ тебя самъ Богъ!—И мы благодаримъ тебя, Барастыръ, за великое дѣло, которое ты совершилъ ради славы твоей», — сказали великій гость, ангелы и святые. — «Довольно! Не благодарите меня болѣе, ибо дѣло это

было совершено волею самого Бога. Да будетъ онъ доволенъ вами и да удѣлитъ вамъ изъ богатства своей благодати и милости! Теперь мнѣ пора домой», — сказалъ начальникъ мертвыхъ. Простившись съ мертвыми, онъ въ сопровожденіи своихъ гостей вышелъ изъ рая и пошелъ въ адъ. Смотрите, указалъ онъ имъ на Зындонъ, когда приблизились къ нему, смотрите на то мѣсто, гдѣ стояло море! Гость, ангелы и святые посмотрѣли и глаза ихъ остановились на упомянутомъ безжизненномъ старикѣ, терпѣвшемъ ужасное мученіе отъ питающихся грязью злыхъ духовъ. Вынувъ изъ него душу, черти, то перебрасывали его другъ къ другу, то растягивали, то сжимали его поочередно руками, то бросали, какъ мячикъ, вверхъ.

«Муча такимъ образомъ душу старика, діаволы роптали на начальника мертвыхъ, восклицая: О, несчастный день! Вотъ кого оставилъ намъ для забавы Барастыръ изъ всѣхъ мертвыхъ! И не обидно-ли, какъ будто оскудѣлъ міръ грѣшниками или въ аду ихъ было мало? Отомстимъ-же, братья, за обиду свою и міру, и Барастыру! Родъ нашъ проклятъ отъ Бога и пусть падетъ на насъ новое его проклятіе. Пусть погибнетъ нашъ кровъ — Зындонъ и исчезнетъ наше племя такъ, чтобы въ родѣ родовъ не было и помина о насъ, если мы, черти, не наполнимъ въ короткое время адъ новыми ужаснѣйшими грѣшниками»! Произнося такія слова, діаволы повлекли старика къ основанію лѣстницы и, окруживъ его, говорили ему: поднимайся вверхъ по этой лѣстницѣ и будешь тамъ, гдѣ твоя жена, дѣти, гдѣ твой отецъ, мать и братья! — Лишь только мертвый поднялъ ногу, чтобы стать ею на ступень, они всѣ разомъ схватили его и бросили въ средину волнъ морскихъ, и сами побѣжали вслѣдъ за нимъ, кривляясь и дѣлая страшныя гримасы. Кидаясь въ волны ужаснаго моря, они завыли страшнымъ голосомъ: оуу, оуууу *), пусть Зындонъ! Идемъ, идемъ въ міръ, собьемъ благочестивыхъ людей съ праваго пути и приведемъ ихъ сюда, пока наша воля! — Смотря на это зрѣлище, гости пришли въ оцѣпенѣніе. «Видите, слышите и понимаете-ли вы, друзья мои, какъ тяжело жить въ Зындонѣ душамъ людей, не идущихъ по правому пути? Хорошо сдѣлаете вы, ангелы и святые, если не допустите этихъ, питающихся грязью, діаволовъ къ соблазну людей. И ты, великій гость мой, разскажи людямъ, когда явишься домой, все то, что ты узналъ

---

*) Звуки эти выражаютъ горе, досаду и удивленіе.

здѣсь? — Будетъ, будетъ такъ, какъ ты желаешь, но только выслушай насъ, Барастыръ, да не оскорбится сердце твое! — сказали гости.

«Хорошо, — прервалъ онъ ихъ, — говорите, я выслушаю васъ! — «Барастыръ, выпустилъ ты изъ Зындона, но не всѣхъ: разумѣемъ безжизненнаго и жалкаго старика, душою котораго такъ жестоко забавляются черти! Думая о томъ, какъ онъ мучится, и у насъ замираетъ, болитъ сердце. Воззри, Барастыръ, на своего Бога и на свою землю, помилуй и выпусти изъ Зындона въ Дзенетъ и этого старика и за это Богъ умножитъ славу твою»! — Не говорите и не напоминайте мнѣ болѣе о немъ! Онъ получилъ возмездіе по дѣламъ своимъ и нѣтъ ему пощады! По милости сильнаго Бога, онъ былъ весьма богатъ и слово его уважалось вездѣ такъ, что впродолженіи его земной жизни вельможи и сами цари безъ его совѣта не дѣлали никакого дѣла. Но онъ, вмѣсто того чтобы воздать славу и благодареніе Богу за всѣ благодѣянія, какія Онъ ниспослалъ ему, забылъ къ Нему страхъ, сдѣлался гордъ, сталъ сумасбродничать и творить всякое беззаконіе. Такъ, когда онъ, осматривая многочисленный скотъ свой, находилъ въ числѣ его вола какого-либо бѣдняка, то рѣзалъ эту скотину и приглашалъ жителей своего аула къ себѣ на пиръ. По собраніи-же всѣхъ гостей, онъ не тотчасъ подавалъ имъ ѣсть, а заставлялъ ждать прихода хозяина этой скотины.

«Когда этотъ шелъ къ нему, онъ встрѣчалъ его съ улыбкой, публично тѣшился имъ, потчивалъ его шашлыками, говоря при этомъ: «отвѣдай, мой другъ, нашей пищи: уважая тебя, я дѣлаю честь тебѣ передъ всѣми моими гостьми, угощая тебя раньше ихъ, и проч. Если бѣднякъ сердился на нахальное обращеніе богача, то этотъ наносилъ ему публично побои и связаннаго держалъ у себя до окончанія обѣда и, потомъ, съ пустымъ желудкомъ и оскорбленнымъ сердцемъ, отпускалъ его домой.

«Посѣщая поминки бѣдняка, онъ прежде времени начиналъ пробовать напитки и если находилъ не по своему вкусу пиво или араку, опрокидывалъ всѣ бочки съ разными напитками и затѣмъ безнаказанно уходилъ къ себѣ домой, оставивъ хозяина и гостей его въ положеніи странномъ и обидномъ.

«Проходя по улицѣ, онъ входилъ въ дома вдовъ и насмѣхался надъ ними.

«Гуляя въ полѣ и по нивамъ, онъ взлѣзалъ на стога сѣна или клади хлѣба и извергалъ на нихъ калъ.

«Когда люди призывали имя Бога въ своихъ молитвахъ и обращались также и ко мнѣ съ молитвою, чтобы я уготовалъ мѣсто для ихъ душъ, онъ хулилъ Бога и произносилъ дурныя рѣчи противъ меня; словомъ, этотъ старикъ не имѣлъ доли въ Богѣ и жилъ прямо однимъ беззаконіемъ.

«Вотъ почему и Богъ и я оставили его на произволъ чертей, которые и будутъ мучить его «кіяматы-бонма» (до дня страшнаго суда).

«Будетъ толковать о немъ, не стоитъ онъ того.

«Однако, я умираю отъ страданія и стыда, что оставилъ васъ столько времени безъ должнаго ухода и вы могли проголодаться; простите мнѣ эту безпечность, пойдемте домой и съѣдимъ по кусочку хлѣба! Гости не стали возражать. За столомъ Барастыръ разказывалъ многое изъ того, что бываетъ на томъ свѣтѣ съ грѣшниками. Послѣ обѣда гость простился съ Барастыромъ и его гостьми, и отправился восвояси съ бѣднымъ своимъ сердцемъ, думая дорогой о судьбѣ несчастнаго старика. По отъѣздѣ его, ангелы и святые спрашивали Барастыра: «кто таковъ этотъ гость и откуда пріѣхалъ»—и не узнали отъ него ничего, ибо великій гость ничего не сказалъ никому о себѣ. Впрочемъ, мертвые полагаютъ, что онъ сынъ самого Бога. Если-бы не такъ, Барастыръ не сталъ-бы угождать ему».

Окончивъ разсказъ свой, мастеръ вручаетъ балалайку одному изъ мальчиковъ.

Дождавшись утра, гости расходятся по домамъ своимъ.

По прошествіи-же года родственники вдовы, заставивъ ее разговѣться, снимаютъ съ нея черную одежду и облекаютъ ее въ свѣтлую. Затѣмъ она, по своему благоусмотрѣнію, выходитъ замужъ или остается жить съ братьями покойнаго мужа.

Въ былое время, и теперь между магометанами водится, что вдова выходитъ замужъ. Выходъ въ замужество не отнимаетъ, однако, у ней права принадлежать на томъ свѣтѣ первому мужу.

Свадебный обрядъ у осетинъ сопровождается также суевѣрными церемоніями.

Задумавши жениться, нашедши по сердцу дѣвушку и заплативши извѣстный калымъ, осетинъ, по наступленіи обычнаго времени, отправляется къ невѣстѣ, чтобы взять ее къ себѣ домой. Тутъ пошли пляски и разныя игры *). По окончаніи всего, ша-

*) Подробно описывается свадебный обрядъ въ «Сборникѣ свѣдѣній о

феръ, взявъ невѣсту за правую руку и обводя ее три раза кругомъ желѣзной цѣпи *), громко читаетъ молитвы мѣстнымъ святымъ, покровительству которыхъ онъ вручаетъ ее. «Олар-сафа» **), прими Зали (имя невѣсты) подъ свое покровительство: кто изъ дѣвицъ вышла замужъ въ лучшій день, той, по благословенію твоему, да будетъ счастливой подругой жизни и Зали! Тхостъ ***), благослови священный союзъ Зали съ Тасо (имя жениха) и сдѣлай такъ, чтобы дни ихъ текли во взаимной, искренней любви и согласіи и чтобы тѣ изъ людей, кои осмѣлятся нарушить ихъ непорочную любовь и миръ, безслѣдно погибли отъ злыхъ своихъ помышленій и дѣлъ! Кто взглянетъ на нихъ злымъ, завистливымъ окомъ, у того ископай, Тхостъ, гнѣвомъ твоимъ правый глазъ и отними правую ногу! Но тѣмъ, которые желаютъ молодой четѣ добра и счастія, подай, Тхостъ, милость свою и будь ихъ покровителемъ и помощникомъ во всѣхъ ихъ благихъ предпріятіяхъ! И тебѣ, Бынаты-хицау ****), усердно молимся: не отними своей милости, защиты и покровительства отъ возросшей въ твоемъ лонѣ молодой невѣсты, Зали, охраняя ее и помогая ей во всѣхъ трудныхъ минутахъ ея жизни, путяхъ и сидѣніяхъ»! Наконецъ, выходя изъ дому невѣсты, пришедшіе за нею гости возглашаютъ: «миръ оставляемъ этому благородному и священному крову, и миръ несемъ съ собою! Да умножится родъ молодой четы»! и проч.

Приближаясь съ молодою къ дому мужа съ пѣснями и гикомъ, гости, чтобы придать своему шествію болѣе торжественности, стрѣляютъ изъ винтовокъ и пистолетовъ.

Парни и дѣвицы выбѣгаютъ на встрѣчу молодой четѣ. Провожая молодую въ саклю, а молодого въ спальню, гдѣ онъ

кавказскихъ горцахъ» Джантемиромъ Шанаевымъ. См. вып. IV, Свадьба у сѣверныхъ осетинъ.

*) Она виситъ внутри сакли надъ очагомъ. Назначеніе ея въ обыденной жизни состоитъ въ томъ, что на нее вѣшаютъ или котелъ съ мясомъ, или каменную доску, на коей высушиваютъ чуреки (хлѣбъ) изъ проса или пшеницы.

**) Имя святаго, давшаго первый образецъ для существующихъ на землѣ цѣпей и продолжающаго творить ихъ на небѣ и въ настоящее время. Имя этого святаго горцы призываютъ еще во время сильной грозы и когда опасаются нападенія со стороны діавола.

***) О Тхостѣ см. «Сборн. свѣд. о кавк. горц.», вып. III, стр. 18—19.

****) Домашній святой или домовой, который охраняетъ домъ и домашнихъ животныхъ.

прячется отъ людей до нѣкотораго времени, мальчики ломаютъ на стѣнахъ крючки, чашки и другія попадающіяся имъ подъ руку вещи и, потомъ, выбрасываютъ ихъ на улицу. Поступая такъ, они думаютъ, что выводятъ изъ дома зло, несчастіе и діавола.

Защитники молодыхъ, входя въ саклю, стрѣляютъ въ потолокъ съ тою цѣлью, чтобы вызвать домашнихъ къ встрѣчѣ дорогихъ гостей. Шаферъ, ведя молодую за руку къ очагу *), велитъ ей преклониться передъ нимъ разъ, а также передъ цѣпью, и проситъ у нихъ благословенія: «Олар-сафа, прими ее подъ свое покровительство и защиту! Злые, коварные и вредные глаза недобрыхъ, черныхъ людей пусть не повліяютъ на нее»! и проч.

Затѣмъ ведетъ ее къ афсинъ **), которая сидитъ тутъ-же возлѣ очага. Молодая, преклонивъ передъ нею голову, мажетъ ея чевяки кусочкомъ курдючьяго сала, въ знакъ покорности, смиренія и благоговѣйнаго уваженія. Потомъ, подводятъ молодую въ западный уголъ, гдѣ находится украшенный рогами домашнихъ и дикихъ животныхъ священный столбъ, называемый сары-задъ ***). Ставъ передъ нимъ съ молодою, шаферъ молится: «о, сары-задъ, подай намъ милость твою! Да будетъ принята эта невѣстка тобой, какъ священная гостья, и во дни жизни ея будь ея хранителемъ»! Обращаются осетины къ сары-задъ потому, что въ немъ живетъ «ангелъ головы» всего семейства. Тамъ молодая должна стоять три дня, впродолженіи которыхъ юноши и дѣвицы пляшутъ и поютъ съ утра до вечера. По истеченіи этого срока, въ полдень, шаферъ подходитъ къ ней и, послѣ извѣстныхъ церемоній, начинаетъ говорить суевѣрную молитву, существующую исключительно для настоящаго случая: о, Боже! о, *Сары-задъ!* Мы прибѣгаемъ подъ твое покровительство и молимъ тебя: обрати лице твое на насъ, восполни и возвеличь наши головы такъ, чтобы славились родъ нашъ и потомство наше удальствомъ и другими добродѣтелями! *О, Хицау-Дзуаусъ* ****)! Нынѣ и присно предстоишь ты передъ Богомъ—просимъ тебя: моли Его, дабы Онъ даровалъ этой невѣсткѣ и ея мужу благодать и помощь свою и обратилъ сердца ихъ другъ къ другу такъ, чтобы они

*) Очагомъ называется то мѣсто среди сакли, гдѣ находится зола и разводится постоянно огонь. Здѣсь виситъ и желѣзная цѣпь.

**) Афсинъ значитъ старая хозяйка въ домѣ.

***) Дословно значитъ: ангелъ головы.

****) Буквально: божій святой.

никогда не были огорчены другъ другомъ. *О, не нанизы-хицау* [1]), молимъ тебя, соблюди эту прекрасную и добрую невѣстку съ ея супругомъ отъ всякихъ болѣзней! *О, назанды ама уарзондзинади хицаы Хуцау* [2])! отъ сердца просимъ тебя, воззри на нихъ праведнымъ своимъ окомъ: подай имъ свою милость и учини такъ, чтобы они украшались и славились на радость и утѣшеніе ихъ кровнымъ родственникамъ, умомъ и любовью, и чтобы языкъ злого и завистливаго человѣка не могъ вредить ихъ благополучію! *О, фандаджи-задъ* [3])! просимъ тебя, услышь наше моленіе! Соблюди ихъ такъ, чтобы путь ихъ былъ прямъ и чтобы они никогда съ него не сбивались. *О, Килы-дзуаръ* [4]), внемли мольбѣ нашей: охраняй арбу ихъ отъ паденія и переворачиванія, когда и куда-бы они ни отправились! *О, Фыры-дзуаръ* [5])! молимъ тебя, призри на насъ и учини такъ, чтобы отъ невѣстки нашей рождались здоровые мальчики, тучные какъ бараны! *О, Рагыдзуаръ* [6])! услышь нашу мольбу: восполни спины наши разнообразными одеждами, чтобы онѣ никогда не были непокрытыми. *О, Губыны-дзуаръ*! [7]) молимъ тебя: подай намъ благодать и милость отца и матери твоей и содѣлай, чтобы животы наши были всегда полны хлѣбомъ»! и проч.

Окончивъ молитву, шаферъ въ сопровожденіи мальчиковъ и дѣвочекъ ведетъ молодую къ *Мады-Майрамъ* [8]), который находится повыше аула. Приближаясь къ нему, мальчики бросаютъ въ него каменьями и пулями, восклицая при этомъ: «столько (по числу бросаемыхъ каменьевъ и пуль) мальчиковъ и одну синеглазую дѣвочку — подай, Майрамъ, нашей доброй невѣсткѣ»! Ставъ съ молодой близко къ камню, шаферъ молится вслухъ: «о, Мады-Майрамъ, эта невѣстка есть твоя гостья и ты будь для нея помощницею и покровительницею и подай ей жребій счастья и благъ земныхъ! Да будетъ она, по благословенію твоему, матерью однихъ только мальчиковъ, какъ того желаютъ и говорятъ сердца ея, ея мужа и кровныхъ родственниковъ ихъ» и проч.

---

[1]) Богъ болѣзней.
[2]) Богъ ума и любви.
[3]) Буквально: ангелъ пути.
[4]) Святой шеста.
[5]) Святой барана.
[6]) Святой спины.
[7]) Святой живота.
[8]) Священный камень; названіе въ переводѣ на русскій языкъ значитъ: мать Марія.

Прибѣгаютъ-же осетины къ этому священному камню, Майрамъ, потому, что въ немъ живетъ благодатная Марія, матерь Господа Іисуса Христа; и они думаютъ, что, если поручить молодую ея покровительству, какъ имѣющей власть надъ чревами женщинъ, то непремѣнно она будетъ творить во чревѣ ея однихъ только мальчиковъ, равно и соблюдать ее отъ всякой посторонней, тайной силы и рожденныхъ отъ нея дѣлать долголѣтними.

Возвратясь обратно въ саклю, шаферъ по наступленіи глубокаго вечера отводитъ невѣстку въ спальню мужа, и тамъ, оставляя ихъ однихъ, говоритъ: «Богъ да будетъ вашимъ хранителемъ; нечистая сила да не повліяетъ на васъ, да будете чужды и далеки отъ дурныхъ и порочныхъ помышленій, недостойныхъ любвеобильныхъ супруговъ, да наградитъ васъ Богъ долголѣтними мальчиками! *О, уаты-хицау* *) да будетъ свидѣтелемъ и хранителемъ вашей взаимной любви, уступчивости и дружбы»!

Въ случаѣ смерти сговоренной дѣвицы въ домѣ родителей ея, жители аула, собравшись, выносятъ ее, послѣ извѣстной церемоніи, на кладбище. Здѣсь изъ толпы женщинъ выступаютъ впередъ близкія родственницы покойницы и, подойдя къ ней, ставятъ ее на ноги, поддерживая съ двухъ сторонъ **). Одна изъ нихъ начинаетъ говорить за покойницу такъ: «О, внимайте, добрые люди, я желаю выразить передъ вами послѣднюю свою рѣчь: я отправляюсь въ неложный міръ, а васъ оставляю въ обманчивомъ—это есть дѣло Божіе! Я даю право своему жениху найти себѣ другую невѣсту; прилично съ его стороны дать и мнѣ волю на избраніе въ дѣйствительномъ мірѣ достойнаго жениха! Оставайтесь въ добромъ здоровьѣ и да умножитъ Богъ хорошіе дни ваши»!

За нею начинаетъ громко и протяжно рыдать другая родственница: «уа, да пошатнется и обвалится день мой, день погибели и скорби! А, а, аа ***)! Уа, да пострадаетъ и сокрушится кровъ мой, жилище мое, жилище холодное! Уа, да льется вѣчно ручьемъ чорная и холодная кровь изъ-подъ огня бѣднаго моего очага, и да простынутъ слѣды слабыхъ ногъ моихъ! Уа, да (обращаясь лицомъ къ покойницѣ, она продолжаетъ рыдать) осты-

---

*) Спальни вашей Господь.

**) Такъ поступаютъ горцы съ умершею дѣвицею, которая была сговорена и не успѣла вступить въ супружество.

***) Эти звуки повторяются послѣ каждаго предложенія.

нутъ сердца людей, по истинѣ любящихъ тебя и скорбящихъ по тебѣ, о, несчастная красавица! Рушились твои золотыя мечты насладиться объятіями нѣжно любимаго жениха! Прежде чѣмъ могла ты узрѣть священное ложе его, закрылись на вѣки твои черные глаза! Зачѣмъ преждевременно померкло надъ тобою Божіе солнце и восторжествовала могильная тьма? Не на печаль-ли и наказаніе твоимъ близкимъ родственникамъ? Уа, бѣлоснѣжная кожа твоя обратится въ пищу могильнымъ червямъ! О, день мой, ты боялась ночью въ кругу своихъ подругъ и пріятельницъ, когда не видѣлось никакой опасности—что-же будетъ съ тобою въ холодной, темной, душной и страшной могилѣ, гдѣ будешь почивать одна! О, день мой, кто будетъ твоимъ собесѣдникомъ въ ужасномъ жилищѣ! Разройте, добрые люди, могилу эту такъ широко, чтобы можно было лечь въ нее двоимъ. Я заживо лягу рядомъ съ нею! Уа — кидаясь, да будешь кидаться поверхъ черныхъ деревъ, вѣчно крича кукушкой: подай, подай мой наперстокъ, мою люльку, мою прялку, мои ножницы»! и проч. Затѣмъ она обращаетъ свою рѣчь къ жениху и восклицаетъ: «Уа, объятый ужасомъ и упавшій на лезвее отчаянія, бѣдный и безутѣшный женихъ! Уа, лишился ты сокровища, коему люди не нашли цѣны! Уа, лишился ты друга, ангела, украшавшаго дни твои счастіемъ и услаждавшаго ночные сны твои наслажденіями небеснаго рая! Очнись и посмотри, красавица, на любезнаго твоего друга, какъ слабъ и блѣденъ онъ! Твоя внезапная смерть вонзила острый мечъ въ его сердце и безжизненный твой видъ высасываетъ его молодую красную кровь! Обычай предковъ не даетъ ему права смѣло и свободно взглянуть на твой священный образъ, подойти близко и сказать послѣднее свое слово! Сжавъ сердце, онъ издали, изъ-за людей и украдкою смотритъ на тебя очами ужаса и отчаянія! Съ тобою вмѣстѣ для него погибло все! Погибла надежда, возбужденная горячею любовью къ тебѣ, сулившая столько блаженства и утѣхи съ тобою! Уа, да съемъ я бѣдные дни свои! Уа, что будетъ дѣлать теперь бѣдная мать, которая лишилась тебя, жемчуга счастія и радости! Смотря, она будетъ смотрѣть вслѣдъ тебѣ вдаль, жаждая тщетно твоего возвращенія! Тоскуя и вздыхая, она будетъ тосковать и вздыхать и въ глубокое утро, и въ полночь, когда люди будутъ услаждаться сладкимъ сномъ! О, бѣдная красавица, раскрой свои глаза, посмотри и на бѣднаго своего отца! Надвинувъ шапку на брови и оперши сь гордо на палку свою, онъ уставилъ въ землю

глаза, удерживая насильно слезы. Не позволяетъ ему обычай плакать и вздыхать по милой и любезной дочери»!

«Уа, не въ силахъ я болѣе рыдать: чорные бока мои сильно стиснули мнѣ грудь и отъ ужаснаго горя отымается у меня языкъ! Но твой страшный видъ говоритъ краснорѣчивѣе моего языка! Уа, да не посмѣются надъ моею слабою рѣчью люди добрые» *)!

Заболѣлъ малютка, значитъ—его сглазили. На помощь къ родителямъ его является знахарка. Взявъ дитя на руки, она начинаетъ шептать ему попеременно то на одно, то на другое ухо такъ: «созданіе Божіе, дитя, будь прилежно, внимательно къ моимъ словамъ и дай имъ просторное мѣсто въ сердцѣ твоемъ: ибо они составляютъ лѣкарство противъ дѣйствія глазъ лихого человѣка. Вотъ эти слова: въ ясный день я была поражена громомъ и три дня лежала на полѣ въ безпамятствѣ. Придя въ чувство, я видѣла двери неба отверзтыми, равно узрѣла я великую звѣзду, которая сіяла надъ солнцемъ. Рѣзвясь въ пору дѣтства своего, въ лѣтнее время, на берегу быстрой рѣчки, я, увидя въ пасти ехидны живую лягушку, отважно бросилась и исторгнула ее. Спасенная лягушка прыгнула въ рѣчку.

«Въ другой разъ, я, найдя двухъ ехиднъ въ борьбѣ за цѣлебный жемчугъ, исхитила его изъ пастей ихъ. И хранится онъ теперь въ священной башнѣ, воздвигнутой предками знаменитой и благородной нашей фамиліи.

«Вѣрь, милое дитя, что я имѣю дарованіе отъ Бога исцѣлять недуги дѣтей и произносить свой судъ и проклятіе надъ колдунами, отъ коихъ происходятъ разныя болѣзни.

«Внимай-же, мое сердце и душа моя, дитя, проклятію, которое я сейчасъ произнесу надъ ними. Слушай, мое солнце.

«Кто къ этому малюткѣ дерзнулъ поднести вліяніе своихъ завистливыхъ, злыхъ и коварныхъ глазъ и, повліявши ими на него нечестиво, оставилъ его въ состояніи болѣзненномъ, тотъ да не узритъ во дни своей жизни Божья солнца и да погибнетъ онъ гнѣвомъ Божіимъ. Доля огня такого человѣка пусть достанется врагу его. Впрочемъ, есть противъ него другое, ужасное проклятіе, вышедшее изъ глубины гортани ехидны. Оно гласитъ такъ: «лезвее шашки да будетъ путемъ ногъ недобраго человѣ-

---

*) Эта рѣчь говорится исключительно въ настоящемъ случаѣ.

ка; ушко иголки—дверью его сакли; тернъ да будетъ его жилищемъ и покоемъ; жребій несчастныхъ и прокаженныхъ да падетъ на его долю! Скитаясь, пусть скитается онъ по острымъ и крутымъ каменьямъ и тернамъ, вздыхая и проклиная бѣдные дни свои. Превращаясь, пусть превращается онъ въ черный камень съ гнѣздами ехиднъ. Падая, пусть падаетъ надъ верхами горъ, лѣсовъ и морей, и да наконецъ погибнетъ подъ землею. Словомъ, кто взглянулъ на этого малютку очами, носящими въ себѣ смертоносное сѣмя, и поселилъ въ немъ смертную болѣзнь, у того да сокрушится основный камень его жизни и да пресѣчется сѣмя его. Да будетъ Богъ надъ колдунами въ ложномъ и истинномъ мірѣ судьею».

Нашептавъ вдоволь, знахарка велитъ начерпать семь чашекъ воды изъ-подъ семи мельницъ и потомъ вылить въ глиняный кувшинъ. По исполненіи этого, она трижды впрыскиваетъ въ воду молока изъ праваго своего сосца, равно выпускаетъ въ нее немного крови изъ мизинца правой руки. Затѣмъ она процѣживаетъ эту смѣсь сквозь волосяное сито въ тазъ, смотритъ въ нее нѣкоторое время и, если найдетъ, что изъ молока и крови образовались въ водѣ отдѣльные, крупные шарики, то увѣряетъ, что дитя сглазили; напротивъ, если кровь и молоко разойдутся, малютка страдаетъ болѣзнью, посланною отъ Бога. Знахарка беретъ плитку свинца и, растопивъ ее въ мѣдной чашкѣ, льетъ въ чашку, наполненную водой, которую держитъ сама мать ребенка надъ его головою. Коли свинецъ ляжетъ въ воду въ видѣ тарелки, то значитъ, что малютка болѣетъ по милости Божіей. Но если онъ разойдется въ ней въ видѣ маленькихъ шариковъ, — явный знакъ, что онъ страдаетъ отъ того, что на него повліяли глаза лихого человѣка; ежели ребенка сглазили, то на днѣ таза окажется нѣсколько волосковъ колдуна. Собравъ найденные волосы, знахарка кладетъ ихъ на предварительно вырѣзанный сафьянный треугольный кусочекъ, который потомъ зашиваетъ и даетъ носить на шеѣ ребенку. Послѣ всѣхъ этихъ испытаній, она черпаетъ воду изъ обоихъ сосудовъ и даетъ младенцу пить.

---

*Похищеніе дивныхъ, урожайныхъ сѣмянъ изъ Курыса *) душами сонныхъ людей.*

Въ каждомъ аулѣ ущелій Кавказскихъ горъ есть по нѣскольку человѣкъ, посѣщающихъ Курысъ.

Самымъ счастливѣйшимъ временемъ для путешественниковъ почитается время передъ Новымъ годомъ. Люди, души которыхъ отправляются въ Курысъ, впадаютъ въ это время въ крѣпкій сонъ и пробуждаются позднѣе обыкновенной поры. Путешествуютъ-же души въ страну мертвыхъ, такимъ образомъ: одна садится на голубя, другая на лошадь, третья на мальчика, четвертая на корову, пятая на собаку, шестая на дугу, седьмая на косу, восьмая влѣзаетъ въ ступу и т. д. Путешественницы—души дѣлятся между собою на душъ опытныхъ, которыя много разъ бывали на Курысѣ и имѣютъ все нужное для своего предпріятія, и неопытныхъ, кои суть ученицы опытныхъ, не успѣвшія еще запастись нужными принадлежностями; поэтому, онѣ, когда наступитъ время ѣхать,—крадутъ у сосѣдей лошадей, дѣвочекъ, собакъ, скамьи и проч., садятся на нихъ и ѣдутъ. Зная это, а также и то самое время, когда приходится путешествовать въ Курысъ, каждое осетинское семейство заранѣе поручаетъ себя и скотъ свой покровительству Еля. Вечеромъ того дня, который случится передъ Новымъ годомъ, жители деревни съ своими дѣтьми приходятъ къ священному мѣсту Уациллы, куда предварительно приводятся пастухами и скотъ всего аула. Тогда старикъ молится: «о, Уацилла! головы наши и скотъ нашъ суть твои гости—охраняй насъ отъ лукавыхъ и нечистыхъ людей. Кто изъ стоящихъ здѣсь позволитъ себѣ, не боясь твоего гнѣва, украсть или мальчика, или дѣвочку, или собаку, или кошку и проч., потомъ сѣсть и ѣхать на ней, тотъ да погибнетъ гнѣвомъ твоимъ» и проч. По окончаніи молитвы къ богомольцу подводятъ или козла, или барана. Помолившись надъ нимъ, онъ дѣлаетъ на рогѣ его знакъ и затѣмъ отпускаетъ его къ стаду. Возвратясь оттуда по домамъ своимъ, жители дѣлаютъ на своихъ домашнихъ вещахъ одинаковые, охраняющіе ихъ отъ всякаго зла, знаки.

На каждомъ изъ выше упомянутыхъ орудій, лошадей и пр.,

---

*) Курысъ значитъ лугъ, заключающій въ себѣ дивныя сѣмена различныхъ произведеній земныхъ, а также счастія и несчастія. Онъ составляетъ собственность мертвыхъ.

лишь только сядетъ на него душа, вырастаютъ крылья необыкновенной величины.

Явившись на Курысъ, опытныя души, набравъ по горсти дивныхъ сѣмянъ, летятъ обратно домой. Неопытныя-же, почуявъ запахъ разнообразныхъ цвѣтовъ и фруктовъ, который вѣетъ съ поля Курыса, опрометчиво бросаютя на нихъ; поэтому одна душа срываетъ красную розу, которая носитъ на себѣ болѣзнь кашель, другая—бѣлую розу, носящую на себѣ насморкъ, третья срываетъ большое красное яблоко, которое заключаетъ въ себѣ лохорадку и т. п. Съ ними-то бѣдняжки обращаются вспять, «касаясь крыльями своей души неба и земли».

Между-тѣмъ мертвые, узнавъ о нихъ, бросаются за ними въ погоню и, настигая ихъ скоро, пускаютъ въ нихъ стрѣлы свои. Похитительницы, считая за великій стыдъ обороняться отъ нападенія мертвыхъ, продолжаютъ свой полетъ. Преслѣдователи наносятъ раны многимъ, особенно тѣмъ душамъ, кои не защищены ни чѣмъ.

Достигнувъ наконецъ границы своей земли, каждая душа бросаетъ похищенное среди своего аула.

Не видя успѣха въ своемъ преслѣдованіи, мертвые, оставивъ въ покоѣ похитительницъ, летятъ обратно къ себѣ.

Рана, которую получаетъ душа отъ стрѣлы, похожа на черное пятно. Средствъ вылѣчить ее нѣтъ никакихъ, если она сама собой не пройдетъ. Тотъ человѣкъ, душа котораго получила тяжелую рану, пробудившись отъ сна поздно утромъ, начинаетъ стонать и, наконецъ послѣ долгихъ мученій, умираетъ.

Человѣкъ-же, душѣ коего удалось счастливо доставить чудныя сѣмена, торжественно разсказываетъ на *ныхасѣ* *) подробности о томъ, какъ онъ ихъ похитилъ, какія опасности вынесъ и, наконецъ, о томъ, что, по его милости, у нихъ въ аулѣ будетъ въ наступающее лѣто необыкновенный урожай. Слушатели изъявляютъ передъ нимъ свою благодарность, а кто получилъ въ это время или кашель, или лихорадку, бранитъ тѣхъ душъ, которыя принесли ихъ.

Подъ среду, которая приходится между Рождествомъ и Новымъ годомъ, осетины справляютъ суевѣрный праздникъ, *дуаиастдау*, — среди двухъ — ибо онъ посвященъ не Богу и не Его святымъ, а гнѣвному демону, по пословицѣ: «Богу молись, а чор-

*) Буквально: разговоръ. Иначе: мѣсто, куда собираются жители деревни для обмѣна мыслей.

та не гнѣви» *)! Осетинское семейство съ полудня начинаетъ суетиться. Пиво, арака и брага приготовлены еще за день или раньше и стоятъ въ кабицѣ **). Съ наступленіемъ вечера, хозяинъ тащитъ откормленнаго ягненка къ ямѣ, вырытой у овечьяго порога, и надъ нею закалываетъ его молча. Спустивъ кровь въ яму, онъ несетъ жертву въ комнату и, входя въ двери, восклицаетъ: «благословеніе святаго на васъ»! Семейство отвѣчаетъ: «да поможетъ онъ тебѣ»! Мясо кладется въ котелъ, висящій надъ очагомъ, а изъ горла и легкихъ приготовляется шашлыкъ на закуску.

Между-тѣмъ хозяйка успѣетъ сдѣлать хорошіе сырники, налить въ ведро пива и въ бутылку араки. Хозяинъ, вставъ, беретъ стаканъ араки лѣвой рукой, а шашлыкъ правой и, обращая свой взоръ на востокъ, возглашаетъ: «О, Банаты хицау ***)! подай милость твою! Демонъ, не искушай насъ и не дѣлай намъ никакого зла, не тронь ни головы, ни лошадей, ни всякаго скота нашего, ни всего того, что принадлежитъ намъ, но, внявъ усерднымъ нашимъ молитвамъ, пріими эту жертву, это кушанье и это питье—да будутъ они тебѣ отъ насъ послѣднимъ воздаяніемъ! Отыми отъ насъ свою волю и власть и скройся далеко отъ нашего крова, чтобы ни мы, ни дѣти, ни правнуки наши не потерпѣли отъ тебя зла»! Пока продолжается закуска, поспѣетъ и остальное. Тогда хозяинъ вынимаетъ изъ котла все мясо и кладетъ его на столъ. Накрывъ мясо буркою, домашніе выходятъ на балконъ, не оставляя въ комнатѣ ни собакъ, ни кошекъ. Пользуясь отсутствіемъ домашнихъ, демонъ, по повѣрью, выходитъ изъ своего покоя, подходитъ къ столу и беретъ сваренный кусокъ ягненка, а потомъ, закрывъ столъ, уходитъ къ себѣ. Возвратясь въ комнату, хозяинъ тщательно повѣряетъ куски и, не находя одного изъ нихъ, даетъ о томъ знать своимъ домашнимъ, которые тотчасъ приступаютъ къ ужину. Мясо должно быть съѣдено въ эту-же ночь, а кости, которыя не должны быть сокрушены, кладутъ въ овечью яму, которая затѣмъ зарывается. Семейство теперь спокойно: оно, принеся жертву демону, не страшится болѣе его власти.

---

*) Въ горахъ принимаютъ за истину эту небылицу и теперь.

**) Погребъ.

***) Въ этотъ вечеръ осетины не призываютъ имени Бога, боясь, чтобы за это демонъ, какъ врагъ Бога, не разгнѣвался на домъ.

Постороннее лицо не должно участвовать въ съѣденіи жертвы. Вслѣдствіе такого убѣжденія, горецъ, если случится ему быть въ тотъ день въ дорогѣ, не можетъ и не долженъ останавливаться — если не желаетъ нарушить правила приличія и долга — ни у знакомыхъ, ни даже у ближайшихъ родственниковъ, а обязанъ спѣшить домой, гдѣ ждетъ его кругъ собственной его семьи.

Арвдзавды-кувтъ (жертва небесному удару) возникла такимъ образомъ: представимъ, что недалеко отъ пастуха ударилъ громъ; тотъ падаетъ безъ чувствъ. Товарищи прибѣгаютъ къ нему на помощь, а одинъ изъ нихъ даетъ знать жителямъ аула, которые немедленно собираются вокругъ несчастливца. Не зная никакихъ средствъ, чѣмъ пособить, они поютъ печальную пѣсню (о ней будетъ рѣчь впереди) и молятся: »Илья» *) святой, отъ тебя это потрясеніе и мученіе! Ты спаси и помилуй! Илья святой, воскреси бѣднаго пастуха»! Наконецъ, пастухъ приходитъ въ чувство, его берутъ домой и здѣсь, успокоивъ нѣсколько, кладутъ въ постель. Затѣмъ призываютъ гадальщика, который, погадавъ на палочкахъ, повелѣваетъ выбрать по жребію троихъ изъ молодыхъ горцевъ и посылаетъ ихъ въ лѣсъ. Здѣсь они должны выбрать два прямыя, тонкія и высокія дерева; срубивъ ихъ, принести на плечахъ своихъ до мѣста, гдѣ случился громовой ударъ, куда собираются также однофамильцы больного, по одному человѣку изъ каждаго семейства. Здѣсь закалывается ими молодой козленокъ или ягненокъ въ честь святого пророка Ильи, ибо они громовой ударъ приписываютъ ему, полагая, что онъ, истребляя на землѣ злыхъ духовъ, разъѣзжаетъ по небу и бьетъ ихъ ударами грома. Наконецъ, жертва готова. Одинъ изъ стариковъ молится: «о, Боже, помоги! Святой Илья, спаси эту деревню отъ твоего гнѣва и охраняй насъ отъ твоего удара, ибо мы бѣдные гости твоего отца и матери»! Слушатели по окончаніи каждаго предложенія, отвѣчаютъ: «святой Илья, помилуй насъ»! Послѣ обѣда помянутые юноши берутъ оба шеста и, привязавъ къ верхнимъ концамъ ихъ голову вмѣстѣ съ шкурою принесенной жертвы, вбиваютъ ихъ въ то мѣсто, гдѣ, по ихъ понятію, Илья каралъ землю; съ этой поры родители пораженнаго громомъ пастуха должны приносить ежегодно въ тотъ-же день два такіе-же шеста для замѣны старыхъ, и въ жертву ягненка или козленка. Праздникъ долженъ быть празднуемъ всею фамиліею потомственно.

*) Пророка Илію осетины называютъ: Еля или Уацилла.

Если-же, напротивъ, пастухъ умретъ отъ громового удара, то родственники хоронятъ его не по обыкновенному горскому обычаю, а иначе. Собравшись съ жителями своего аула туда, гдѣ онъ былъ убитъ, они, вмѣсто плача, поютъ вышеупомянутую пѣсню, содержаніе которой непонятно: «Ой-цоппай, ой-алай, ой-алдары-цоппай, бастанъ-хорзы-цоппай»! Поющіе по именамъ перечисляютъ всѣ тѣ мѣста и тѣхъ людей, кои были поражены громомъ.

«Тазаретъ ой-алдары-цоппай, Тазарбекъ ой... (два брата пастуха, убитые громомъ вмѣстѣ съ своими стадами). Сафа-дуръ ой..., Ганаы-дуръ ой..., Ахситъ-дуръ ой...» и т. д.

Во время этого пѣнія, присутствующіе, образовавъ цѣпь, ходятъ вокругъ покойника впродолженіи трехъ дней. Поютъ они въ той надеждѣ, что Илія, услышавъ ихъ вопль, воскреситъ мертваго. По истеченіи-же этого срока, они, посадивъ покойника на стулъ, опускаютъ его въ могилу, вырытую тамъ, гдѣ убило его громомъ, кладя съ нимъ его оружіе и другія принадлежности. Три дня родственники караулятъ поочередно могилу, для того чтобы, въ случаѣ оживленія покойника, помочь ему выдти изъ могилы.

Если отъ громового удара сгоритъ домъ, то хозяева его и жители аула не рѣшаются тушить огонь, опасаясь разгнѣвать пророка Илію, отъ удара котораго, по ихъ понятію, произошелъ пожаръ.

Имѣя вышеуказанное понятіе о пророкѣ Иліѣ, горцы не страшатся демона: стоитъ только при встрѣчѣ съ нимъ вынуть шашку и съ одного маху разсѣчь его пополамъ. Если-же въ это время демонъ потребуетъ и другого удара—отвѣчать: «во имя св. Ильи, слѣдуетъ нанести демону только одинъ ударъ»! Это потому, что удары, нанесенные ему сверхъ одного, послужатъ къ умноженію числа демоновъ, которые тогда могутъ напасть на человѣка, ставшаго противъ нихъ, и сбить его съ пути истиннаго, или свести съ ума.

Праздникъ *Хоры-бонъ* *), сопровождающійся также суевѣрными церемоніями, посвященъ Уациллѣ и совершается осетинами передъ тѣмъ временемъ, какъ выходить имъ на пашню.

Обыкновенно жители аула собираются по одному или болѣе человѣкъ изъ семейства въ саклю, гдѣ вѣчно пребываетъ *Каы-задъ*,

*) Буквально: хлѣба день.

принеся съ собою разныя яства и напитки. Когда всѣ усядутся въ извѣстномъ порядкѣ, одинъ изъ стариковъ беретъ правой рукой треугольный чурекъ, а лѣвой чашку браги бураго цвѣта и торжественно возглашаетъ извѣстное славословіе Богу, а потомъ начинаетъ молитву къ Уациллѣ:« Уацилла, сегодня день твой и мы усердно молимъ тебя: помоги намъ, — содѣлай такъ, чтобы житницы наши были набиты пшеницею, просомъ и овсомъ до верха съ остатками. Какой урожай былъ на курнѣ, когда Уацилла посѣялъ на этой нивѣ лѣвой рукой, а Марія, идя во слѣдъ его, держала для него корзинку съ сѣменами, такой подай, Боже, и намъ въ настоящее лѣто»! Затѣмъ, обращаясь къ присутствующимъ, онъ трижды восклицаетъ: «вы чего просите»?

«Хлѣба, хлѣба, хлѣба»!—отвѣчаютъ слушатели.—«Да насытитъ васъ Уацилла»! — Наконецъ, вручивъ треугольный чурекъ одному изъ юношей, который на этотъ случай надѣваетъ на себя шубу наизнанку, а лохматую шапку свою, вывороченную также наизнанку, затыкаетъ за поясъ, старикъ обливаетъ голову его брагой, которая, стекая, заливаетъ ему ротъ, уши, ноздри и течетъ по шубѣ, и при этомъ восклицаетъ: «какъ изобильно льется эта брага, такъ да уродится хлѣбъ нашъ»!—«Оменъ»!—отвѣчаютъ всѣ. Глотая брагу, юноша въ свою очередь кричитъ: «да возраститъ Уацилла хлѣба наши такъ, чтобы мы, дѣти наши и правнуки были богаты и сыты». Затѣмъ обѣдъ кончаютъ и всѣ весело возвращаются по домамъ своимъ, въ полной увѣренности, что Уацилла непремѣнно дастъ урожай.

Готовясь-же къ этому пиру, предварительно, утромъ, посылаютъ въ лѣсъ за березовыми сучьями по одному человѣку изъ каждаго семейства, снабдивъ ихъ постными пирожками безъ всякой начинки (ихъ должно быть у каждаго по три штуки). Остановившись около лѣса и вынувъ изъ своихъ шапокъ пирожки свои, посланные творятъ вышеприведенную молитву и затѣмъ каждый изъ нихъ бросаетъ въ сторону по одному пирожку, восклицая при этомъ: «Уацилла, соблаговоли сдѣлать такъ, чтобы настоящій годъ былъ счастливѣе и богаче прошлаго урожаемъ хлѣбовъ». Потомъ, набравъ сучья и связавъ ихъ въ кучи, они несутъ ихъ на плечахъ въ дома свои. Опуская на чистое мѣсто кучу сучьевъ, горецъ произноситъ: «сколько здѣсь сучьевъ, столько да уродится на нашихъ нивахъ копенъ»! Кладя пухлые пирожки на сучья, старшая въ домѣ хозяйка молится: «Уацилла, да будетъ на насъ милость твоя—возрасти хлѣба на-

ши такъ, чтобы пшеничныя зерна на колосьяхъ были такъ пухлы и крупны, какъ вотъ эти пирожки» *)!

По понятію горцевъ, Еля имѣетъ власть и надъ дождемъ. Поэтому, если случается бездождіе и хлѣбъ начинаетъ отъ засухи портиться, жители деревни сообща покупаютъ откормленнаго барана или козла и закалываютъ его на томъ мѣстѣ, гдѣ во имя св. Иліи вбиты два шеста. По принесеніи жертвы, вливаютъ ведро воды туда, куда вбиты нижніе концы шестовъ.

Если нѣтъ и послѣ этого дождя долгое время, осетины, полагая, что жертва ихъ не была угодна Уациллѣ, прибѣгаютъ къ ходатайству Тыхоста.

Принося въ жертву ягненка, они молятся такъ: «о, Тыхостъ, ты нашъ сосѣдъ и знаешь нашу бѣдность, да будетъ на насъ твоя милость, — ты товарищъ Уациллы, умоли его, чтобы онъ, внявъ нашимъ бѣднымъ молитвамъ, послалъ дождь на засохшія нивы и поля». По окончаніи обѣда, они пускаютъ изъ источника воду по направленію къ нему, брызгаютъ его водою и мажутъ коровьимъ масломъ **).

Когда нѣтъ и послѣ этого перемѣны въ погодѣ, тогда выступаютъ на сцену женщины. Собравшись на площадь съ ситами и тарелками, онѣ, посовѣтовавшись между собою, что имъ дѣлать, бѣгутъ или въ лѣсъ, или на гору. Достигнувъ извѣстнаго мѣста, онѣ разбѣгаются въ разныя стороны, катя передъ собою сита или тарелки,—тогда мужчины высылаютъ къ нимъ избраннаго старика, пользующагося общимъ уваженіемъ и довѣріемъ, съ просьбою уговорить ихъ воротиться назадъ. Явившись къ нимъ, посланный умоляетъ ихъ возвратиться въ аулъ: «воротитесь назадъ, не бойтесь,—Тыхостъ дастъ намъ просимое». Возвратясь назадъ, женщины располагаются около священнаго камня Тыхоста и тамъ приносятъ въ жертву ягненка, творя молитву: «о, Боже, подай намъ дождь» и проч.

Мужчины тоже приносятъ въ жертву ягненка, образовавъ особый кружокъ ***).

Коли лѣто пройдетъ не благополучно, то по наступленіи слѣдующаго года, они, боясь повторенія невзгодъ, ищутъ сред-

*) Обычай этотъ существуетъ и теперь.

**) Обычай этотъ еще не вывелся въ горахъ.

***) Обычай этотъ теперь уже вывелся.

ства къ тому, чтобы умилосердить разгнѣваннаго Бога и святыхъ его. Средство это указываетъ имъ гадальщикъ. Погадавъ на палочкахъ, онъ рѣшаетъ дѣло такъ: «вы должны разговѣться въ половинѣ нынѣшняго великаго поста,—и будетъ дождь и урожай богатый»!

Послушавшись его совѣта, жители аула, по наступленіи указаннаго времени, собираются въ саклю, гдѣ «вѣчно пребываетъ» Каы-задъ, и молятъ его и Илію вкупѣ содѣйствовать къ умноженію плодовъ земныхъ. Но сначала обращаются къ Богу съ такой молитвой: «о, Боже, пошли намъ Твою милость и благодать и отврати отъ насъ праведный гнѣвъ Твой. Св. Каы-задъ и Уацилла, наши бѣдныя головы да будутъ вашими священными гостями; пощадивъ, не погубите насъ, но возрастите хлѣбъ и всякую полезную траву, посылая землѣ умѣренные дожди»! Разговѣвшись, расходятся по домамъ.

Тутыры-Кошдаранъ. Тутыръ—имя святаго волковъ. Христіане-осетины подъ этимъ именемъ разумѣютъ Ѳедора Тирскаго, которому волки не только повиновались, но даже лизали ему ноги, а магометане-осетины — еврейскаго царя Ирода. Кошдаранъ—дословно значитъ: держаніе глотки Тутыра, т. е. держать постъ по примѣру Тутыра.

Праздникъ этотъ, или лучше, постъ постовъ, соблюдается въ чистый понедѣльникъ. Прекративъ обычныя свои занятія, горные жители—старъ и младъ—весь день съ восхода и до захода солнца не пьютъ и не ѣдятъ.

Юноши, пожилые и старики собираются на ныхасъ, гдѣ *кадагканагъ* (знатокъ отечественнаго преданія, легендъ и сказокъ) занимаетъ ихъ, распѣвая съ помощью двухструнной балалайки преданія о чудесныхъ дѣлахъ предковъ.

Замѣтя, что солнце близко къ заходу, женщины приступаютъ къ приготовленію ужина, а, по заходѣ солнца, мужчины оставляютъ ныхасъ и идутъ по домамъ.

По подачѣ ужина и произнесеніи старшимъ въ домѣ молитвы, домашній пастухъ-мальчикъ, вынимая шапку изъ ступы, въ которую она, связанная его поясомъ, еще наканунѣ праздника была имъ туго заткнута, вслухъ читаетъ молитву: «о, приближенный къ Богу Тутыръ! призри на насъ правымъ своимъ окомъ

и сравни съ твоимъ постомъ постъ, который мы — мужчины и женщины, юноши и дѣвушки, мальчики и дѣвочки — держали съ вчерашняго вечера до настоящаго часа во славу твою, не промочивъ глотокъ нашихъ даже каплями воды: — учини такую милость, чтобы глотки твоихъ звѣрей—волковъ—были заткнуты камнями такъ крѣпко, какъ «глотка» вотъ этой ступы, такъ сухи, какъ теперь наши глотки, и да будутъ они (волки) глухи и нѣмы, неподвижны и безопасны, какъ эта деревянная ступа; ограждая, огради отъ пастей ихъ овецъ нашихъ; мы-же—старъ и младъ—за такую милость твою къ намъ ежегодно въ этотъ день будемъ поститься ради имени твоего, — о, Тутыръ! сравни мою бѣдную молитву съ молитвою того счастливаго пастуха, который слаже и милѣе тебѣ между пастухами великаго міра: мои овцы суть твои гости и да будетъ на нихъ милость твоя».

Вѣря, что Тутыръ есть пастухъ волковъ и что безъ его воли эти кровожадные звѣри не могутъ дѣлать человѣку и скоту его никакого вреда, осетинъ, при встрѣчѣ съ ними, когда со стороны ихъ угрожаетъ опасность, и онъ не имѣетъ при себѣ винтовки и пистолета, которыми ему можно было-бы защитить себя и скотъ свой отъ нападенія ихъ, зоветъ Тутыра на помощь такими словами: «о, Тутыръ! я и скотъ (если онъ таковой имѣетъ при себѣ) состоимъ подъ твоимъ покровительствомъ и мы твои гости: спаси меня и скотъ мой отъ пастей волковъ твоихъ, прогоняя ихъ далеко».

По произнесеніи-же этихъ словъ, онъ получаетъ бодрость духа и начинаетъ громко кричать: »оооо ууу иии *)! Тутыръ да прогонитъ васъ—волковъ»!

Звѣри, слыша имя своего пастуха, повернувъ назадъ, убѣгаютъ. «Волкъ, говоритъ повѣрье, храбръ, какъ Сосланъ (герой легенды), когда наступаетъ, и трусъ, какъ заяцъ, когда бѣжитъ назадъ».

Тутыръ, по своему усмотрѣнію, придаетъ имъ или храбрость, или трусость. Если-же онъ разгнѣвается на нихъ, то затыкаетъ глотки ихъ каменьями и такимъ образомъ моритъ ихъ голодомъ. Вслѣдствіе этого, они, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, подходя къ стаду овецъ, не въ состояніи бываютъ утащить даже старую овцу, которая постоянно отстаетъ отъ стада, и жалобно воютъ, прося у Тутыра пищи. Болѣе-же противныхъ и неблагодарныхъ изъ

*) Звуки тѣ значатъ: увы, ахъ, караулъ, и проч. Вообще—выраженіе страха.

нихъ онъ нерѣдко предаетъ въ руки человѣка, который убиваетъ ихъ изъ винтовки, радостно восклицая: «далъ! далъ Тутыръ враговъ и похитителей «бѣдныхъ» овецъ нашихъ. О, «бѣдные» волки! поплатились за нихъ вы животами вашими»!

Тутыры-цау (козелъ). Осенью Тутыру приноситъ въ калонъ (родъ подати) козла. Онъ запретилъ изъ мяса его угощать постороннихъ.

Осетины вѣрятъ, что было время, когда многія аульныя семейства позволяли себѣ не только угощать, но даже дѣлить зарѣзаннаго козла по ровной части съ своими сосѣдями, которые давали обѣщаніе, что къ будущей осени они въ свою очередь вскормятъ въ честь Тутыра козла, зарѣжутъ и раздѣлятъ его съ своими заимодавцами. Но такія обѣщанія многими не были выполняемы.

Тутыру не понравилась такая неисправность въ уплатѣ калона и онъ рѣшился исправить неисправныхъ посредствомъ своихъ волковъ, которыхъ намѣревался выпустить изъ волчьихъ ямъ на стада овецъ всѣхъ ауловъ. Но предварительно приведенія въ исполненіе своего намѣренія, онъ счелъ приличнымъ о немъ сообщить Фалварѣ (святому овецъ).

Явившись къ нему, онъ рѣчь свою началъ такъ: «Фалвара! я имѣю къ тебѣ небольшое дѣло и хочу о немъ поговорить съ тобою, если на это будетъ твое благоволеніе. Любовь и уваженіе мое къ тебѣ безпредѣльны, но, къ сожалѣнію, я, противъ воли, вынужденъ сдѣлать тебѣ, Фалвара, небольшое неудовольствіе. Къ тому вынуждаютъ меня неблагодарные люди, переставшіе выполнять калонъ мой и тѣмъ, истощивъ мое терпѣніе, навлекли на себя мой гнѣвъ; орудіемъ-же ниспосылаемаго наказанія для исправленія ихъ будутъ мои волки, которые истребятъ три части овецъ каждаго аула. Быть-можетъ, эта мѣра исправитъ ихъ и калонъ мой ими въ свое время будетъ взносимъ.

«Во исполненіе обычая, существующаго между равными святыми, я прошу тебя, Фалвара (при чемъ опустилъ глаза внизъ), не вступаться за людей, которые забываютъ свыше-посылаемое имъ благодѣяніе и выказываютъ явное неуваженіе къ своимъ высшимъ покровителямъ, напротивъ, не оставь оказать мнѣ свое сочувствіе въ дѣлѣ столь важномъ для меня». Прекративъ рѣчь, Тутыръ ожидалъ, что скажетъ Фалвара.

Впродолженіи всей той рѣчи, Фалвара, уставя на него глаза, молча слушалъ; по окончаніи-же ея, онъ держалъ такую рѣчь:

«о, Тутыръ! Народъ, на который ты разгнѣвался и хочешь его наказать, по моему мнѣнію, не заслуживаетъ этого, такъ-какъ онъ не взноситъ калонъ не вслѣдствіе нежеланія почитать тебя, а вслѣдствіе бѣдности и невѣжества многихъ, которыхъ мы, святые, должны прощать: поэтому участвовать и сочувствовать тебѣ въ бѣдѣ, которую ты хочешь послать на него, я отказываюсь, какъ равно не имѣю съ своей стороны препятствій къ твоему предпріятію противъ людей,—за это уклоненіе прошу твоего извиненія».

Такимъ отвѣтомъ Тутыръ въ душѣ остался очень доволенъ, ибо ожидалъ совершенно противнаго, но показалъ видъ — будто недоволенъ. Если-бы Фалвара сказалъ, что не дастъ въ обиду людей и своихъ овецъ на пищу волкамъ, то Тутыръ отказался-бы отъ своего намѣренія, такъ-какъ онъ зналъ очень хорошо, что вызвать Фалвару противъ себя — дѣло опасное: ибо какъ-только разнесся-бы слухъ о ссорѣ Тутыра съ Фалварою, всѣ святые не замедлили-бы вступиться за послѣдняго, ведущаго съ каждымъ изъ нихъ дружбу. Если-бы не такъ, то гордый Тутыръ не обратился-бы къ нему за сочувствіемъ, въ которомъ не нуждался.

Возвратясь къ себѣ домой, онъ, не мѣшкая, позвалъ «Сѣраго«, состоящаго при немъ въ услуженіи, и приказалъ ему скакать, какъ можно быстрѣе, по всѣмъ лѣсамъ, горамъ и степямъ, собрать и представить къ нему обитающія въ нихъ стада его. «Сѣрый» съ быстротою молніи исполнилъ порученіе.

Волки пришли въ страхъ и ужасъ, когда услыхали, что святой и каратель ихъ требуетъ ихъ къ себѣ: ибо никогда не было случая, даже въ преданіи ихъ не сохранилось ничего подобнаго, чтобы, когда-нибудь, Тутыръ созывалъ стада свои. Недоумѣніе ихъ не могъ разрѣшить даже «Сѣрый». Старые волки крѣпко безпокоились о душахъ своихъ, — молодые-же находились въ неописанномъ страхѣ: съ свѣшенными ушами, они собрались на большой сарватъ (площадь) своего пастуха. — Тутыръ не заставилъ ихъ себя ждать: «Сѣрый» растворилъ двери великой сакли, откуда скорыми шагами вышелъ и «великій пастухъ». Съ смѣющимися глазами, онъ остановился, поздоровался, говоря: «здоровы-ли вы, мои стада, и что опустили уши ваши? Можетъ-быть, вы голодны (будто не зналъ, голодны они или сыты), или мое приглашеніе привело васъ въ страхъ! Но предупреждаю, что я не съ тѣмъ собралъ васъ, чтобы наказать, а напротивъ,

хочу удостоить своего лицезрѣнія, добраго слова и дать случай насытить голодные ваши желудки, за доблестные подвиги отцовъ вашихъ и за вашу любовь ко мнѣ и постоянное исполненіе моей воли».

Слова его, какъ лучъ солнца, согрѣли сердца волковъ.

«Вижу», сказалъ онъ, «прошелъ страхъ вашъ и радость объяла васъ: заблистали глаза ваши огнемъ, машете хвостами и подняли уши,—такъ и слѣдуетъ. Внимайте-же: хорошій день выпалъ для васъ; вы счастливѣе вашихъ предковъ: я посылаю васъ къ стадамъ всѣхъ ауловъ и даю вамъ волю пожирать и душить у каждаго пастуха три части овецъ.

«Пастухи будутъ стрѣлять въ васъ, но не бойтесь, — пули ихъ винтовокъ и пистолетовъ будутъ отвращены моимъ щитомъ, шашки-же и кинжалы ихъ не коснутся васъ и вы будете цѣлы и невредимы. По истеченіи-же моей настоящей воли, вы возвращайтесь въ свои мѣста. Вождемъ вашимъ на этотъ разъ будетъ «Сѣрый».

«Сѣрый» во все это время слушалъ изъ-за дверей бесѣду Тутыра. Когда-же послѣдній крикнулъ: «Сѣрый! сюда»!, онъ однимъ прыжкомъ сталъ лицомъ къ нему. «И такъ, поворачивайте и въ путь», заключилъ Тутыръ.

«Сѣрый» сдѣлалъ прыжокъ впередъ, а за нимъ и всѣ волки помчались. Они быстро наводнили собою окрестности ауловъ, гдѣ паслись стада.

Время было лѣтнее, погода стояла ясная, солнце подходило къ полуденному отдыху, пастухи спокойно пасли стада свои на лугахъ и поляхъ.

Отъ неожиданнаго нападенія (оно было всюду одинаково) на овецъ несмѣтнаго числа волковъ, пастухи сначала растерялись, а потомъ опомнились и начали стрѣлять въ разъяренныхъ звѣрей, пожиравшихъ и душившихъ безъ милосердія бѣдныхъ овецъ; но напрасно: пули не попадали въ волковъ.

Выстрѣлами переполошились жители ауловъ и поспѣшили на помощь къ пастухамъ, но испытали также неуспѣхъ. Отойдя въ сторону, они съ сердечнымъ сокрушеніемъ смотрѣли на свыше-посланную кару; ихъ вниманіе привлекалъ «Сѣрый»: шерсть на немъ была сѣрая, роста онъ былъ необычайнаго, однимъ прыжкомъ изъ одного аула въ другой попадалъ въ середину стада и однимъ махомъ хвоста побивалъ десять штукъ овецъ.

Всѣ удивлялись лишь тому, что волки не тронули никого изъ людей.

Впродолженіи трехъ часовъ они исполнили порученіе своего пастуха и затѣмъ исчезли, какъ дымъ, оставивъ на мѣстахъ множество порѣзанныхъ и задушенныхъ овецъ.

«Сѣрый» говорилъ покровительствовавшему Тутыру: «о, векій господинъ нашъ — Тутыръ! между святыми нѣтъ равнаго тебѣ по силѣ, достоинству и правдивости: люди наказаны тобою за неблагодарность и непокорство свое: они долго будутъ помнить и не замедлятъ зарубить на священныхъ столбахъ, что «волю Туртыра надо творить».

«Сѣрый» говорилъ правду. По оставленіи волками ауловъ, жители собрали порѣзанныхъ и задушенныхъ своихъ овецъ и зарыли ихъ въ глубокія ямы. Затѣмъ юноши, пожилые и старики собрались на нихасы и усѣлись чинно. При общей тишинѣ, старики говорили: «Послушайте, дѣти! Судъ Божій постигъ насъ,— совершилось неслыханное событіе, — мы оскорбили Тутыра: многіе между нами не оказывали ему должнаго почитанія — не рѣзали въ честь его козловъ. Это несчастіе отъ него: пастухъ волковъ упрямъ и золъ и во гнѣвѣ онъ не знаетъ пощады, а потому и правый и виноватый имъ наказывается одинаково. Намъ надо знать, какой именно жертвы требуетъ онъ отъ насъ. Требованіе-же его мы должны непремѣнно и безотлагательно исполнить, хотя-бы имъ требовались наши собственныя головы, иначе онъ пошлетъ на насъ новую бѣду». Совѣтъ стариковъ былъ принятъ.

Гадальщики погадали и объявили, что пастухъ волковъ разгнѣвался на людей за то именно, что многіе между ними перестали платить ему калонъ, и требуетъ, чтобы каждое аульное семейство, ежегодно, осенью, въ день его, Тутыра, рѣзало откормленнаго козла и поѣдало-бы все мясо безъ участія постороннихъ— даже странниковъ, уважаемыхъ горцами, и чтобы теперь-же каждый старшій членъ семейства зарубилъ на березовой палочкѣ въ знакъ своего на это согласія, которую и хранить въ зарубкѣ священнаго столба, находящагося въ сѣверозападномъ углу сакли. Слова гадальщиковъ были одобрены всѣми жителями ауловъ. Послѣ этого случая, каждое горное семейство, имѣющее у себя овецъ и козловъ, въ день Тутыра рѣжетъ откормленнаго козла, котораго горцы называютъ *нафаджіагъ-цау*, т. е., никто не имѣетъ права ѣсть мясо цаун'а (козла), кромѣ домашнихъ.

Фалвара смотрѣлъ на это дѣло съ сердоболіемъ, но не принималъ противъ него никакихъ мѣръ и даже, на совѣтѣ всѣхъ святыхъ, бывшемъ въ его собственной саклѣ, которымъ дѣйствія «пастуха волковъ» показались неприличными, унижающими ихъ начинателя въ глазахъ наказаннаго народа, и которые, кромѣ того, въ нихъ видѣли неуваженіе Тутыра, не только къ Фалварѣ, что стада онъ погубилъ, но даже къ нимъ, святымъ, такъ-какъ они сами охраняли своихъ *навондовъ* (посвященныхъ въ честь ихъ жертвенныхъ животныхъ) отъ пастей волковъ, — поэтому хотѣли наказать нахала, — уговорилъ ихъ оставить всякое предпріятіе противъ Тутыра, говоря: «о, святые! не достаетъ у меня словъ, чтобы выразить то чувство благоговѣнія, признательности и любви моей къ вамъ, которое нынѣ я ощущаю въ душѣ своей, за столь великое вниманіе и сочувствіе ваше ко мнѣ, которое да никогда не оскудѣетъ между нами! Во имя всего этого я прошу васъ не дѣлать никакого вреда Тутыру, простите ему его дерзость и коварство, лежащія на его совѣсти, которая неумолимо терзаетъ его. На счетъ-же овецъ моихъ не безпокойтесь: я умножу ихъ такъ, что и самый бѣдный горецъ будетъ имѣть кусартакъ (животное) и нывондъ (жертвенное животное) и Тутыръ не лишится послѣдняго». Святые съ нимъ согласились и разошлись по домамъ.

Фалвара и кувдъ (жертва святому овецъ). Въ день праздника Фалвары, который бываетъ въ августѣ мѣсяцѣ, осетинское семейство, у котораго водятся овцы, рѣжетъ барашка и готовитъ *дзыка* *). По приготовленіи этихъ кушаньевъ, старшій въ домѣ молится: «о, Богъ боговъ! Тобою созданы мы и скотъ нашъ. Ты надѣлилъ Фалвару овцами и счастіемъ, надѣли ими и насъ. О, Фалвара! Богу угодно было вручить тебѣ головы нашихъ овецъ, а потому молимъ тебя, отврати отъ нихъ всякую болѣзнь; умножая, умножь ихъ на столько, сколько на небѣ звѣздъ.

*) Фалвара любитъ запахъ дзыка болѣе, чѣмъ запахъ, производимый шашлыкомъ, и у горцевъ она пользуется славою лучшаго кушанья. Ее приготовляютъ такимъ образомъ: хозяйка сначала кипятитъ въ котлѣ воду, потомъ опускаетъ въ него размятый сыръ и затѣмъ эту смѣсь мѣшаетъ небольшимъ весломъ, постепенно подбавляя къ ней горстью пшеничной или ячменной муки до-тѣхъ-поръ, пока она не приметъ видъ саламаты и не станетъ выдѣлять изъ себя масла. Когда поспѣетъ дзыка, хозяйка кладетъ ее въ деревянныя тарелки, вливая въ нихъ по столовой ложкѣ означеннаго масла. Это кушанье горцы ѣдятъ съ прѣсными чуреками.

О, Фалвара и Тутыръ, просимъ васъ — вкупѣ защитите головы нашихъ овецъ отъ волковъ, коимъ заткните глотки каменьями».

Съ характеромъ Фалвары мы уже ознакомились. По понятію осетинъ, сердобольнѣе его между святыми нѣтъ, даже самъ Тутыръ, волки котораго похищаютъ и пожираютъ «лучшихъ» овецъ его, пользуется его расположеніемъ и довѣріемъ. Любимый Богомъ и всѣми святыми и довольный своимъ положеніемъ, Фалвара любитъ всѣхъ и желаетъ всѣмъ добра. По смиренію, кротости и добротѣ онъ вошелъ въ народную поговорку. Когда кого хотятъ похвалить за смиреніе и кротость, тогда говорятъ: «онъ, или она, походитъ на Фалвару: и мухи не обидитъ» *).

Хуцауы-Дзуаръ (божій святой). Имя этого святаго мы упоминали въ молитвѣ, читаемой при бракосочетаніяхъ. Хуцауы-

*) Однажды, разсказываютъ старики, Фалвара и Тутыръ, сидя за скромною трапезою у перваго, завели разговоръ о томъ: «Чье изъ ихъ стадъ пользуется лучшею славою».

«Слава и благодареніе Богу, говорилъ Фалвара, за то, что Онъ, всесильный и всеблагій, даровалъ мнѣ овецъ, а не другихъ животныхъ: еще ни одинъ изъ смертныхъ не жаловался на то, чтобы мои овцы сдѣлали ему какой-либо изъянъ, напротивъ, всѣ, признавая ихъ полезными, благословляютъ меня за нихъ, даже самъ Богъ, который создалъ ихъ, и святые выбираютъ изъ среды ихъ для себя нывонда. Итакъ, я счастливѣе всѣхъ святыхъ».

Тутыръ тоже высказывалъ, что доволенъ своими волками, но въ глазахъ и рѣчи его не было видно ни на волосокъ правды.

Подстрекаемый завистью, онъ давно искалъ случая унизить Фалвару. Теперь онъ былъ съ нимъ наединѣ съ глазу на глазъ и случай былъ удобенъ. Вставши изъ-за стола, онъ поблагодарилъ Фалвару за угощеніе, сталъ шутить и бороться съ нимъ, противъ желанія послѣдняго, и кулакомъ нанесъ ему ударъ въ лѣвый глазъ, что приписалъ нечаянному случаю. Фалвара пострадавшимъ отъ того удара глазомъ сталъ видѣть плохо.

Онъ и тутъ выказалъ свою доброту. Когда Тутыръ притворно началъ извиняться, онъ, обнявъ его, сказалъ: «прощаю тебя ради Бога, давшаго мнѣ совѣтъ имѣть со всѣми миръ и любовь и не мстить никому за зло».

Такой примѣръ смиренія, казалось, долженъ былъ-бы подѣйствовать на Тутыра и сдѣлать его мягкимъ и миролюбивымъ, но на пастуха волковъ добрые примѣры не дѣйствовали.

Возвратившись къ себѣ домой, онъ позвалъ «Сѣраго» и приказалъ ему о поврежденіи лѣваго глаза Фалвары поставить въ извѣстность всѣхъ волковъ, которые, узнавъ объ этомъ, собрались и между собою положили таковой совѣтъ: «отнынѣ имъ подкрадываться къ овцамъ съ лѣвой стороны Фалвары, оставивъ прежнюю тактику обходить вокругъ стада, выходившую, по большей части, неудачною».

дзуаръ почитается преимущественно горскими жителями, поставившими въ честь его молельные дома, похожіе на часовни, но безъ оконъ и образовъ. Самый праздникъ отправляется осенью, въ то время, которое у осетинъ называется *иччина*. Горцы-осетины рѣжутъ около молельни козловъ или барановъ по числу рожденныхъ втеченіи истекшаго года мальчиковъ и дѣвочекъ и выданныхъ въ замужество дочерей. Жертвы эти составляютъ тоже калонъ. Хуцауы-Дзуаръ запретилъ принимать въ устраеваемый въ честь его пиръ пріѣзжихъ гостей, которые любятъ на чужой счетъ попировать, а потомъ осуждаютъ праздникъ. Горцы обращаются къ нему съ такою молитвою: «о, Хуцауы-Дзуаръ! Сегодня день твой и въ честь тебя мы вскормили и зарѣзали вотъ этихъ животныхъ, которыхъ, молимъ тебя, прими съ любовью, такъ, чтобы они равнялись съ тѣми жертвами, которыя приносятся людьми, благоугодившими тебѣ. Эти жертвы суть твой калонъ и мы ежегодно исправно приносимъ ихъ тебѣ, — призри-же на нихъ правымъ своимъ окомъ, отвративъ лѣвый. О, Хуцауы-Дзуаръ! мы чаяли отъ тебя милости и ты намъ ее пошли; умножая, умножь потомство наше мальчиками».

Устыты-кувдъ *) (женскій праздникъ). Хуцауы-Дзуаръ повелѣлъ праздновать день свой и женщинамъ, которыя, расположившись неподалеку отъ мужчанъ по старшинству лѣтъ, выбираютъ изъ среды себя распорядительницъ. Эти послѣднія принесенные изъ домовъ сваренные куски мяса и другія кушанья и напитки дѣлятъ между сестрами, ставя передъ каждою особою извѣстную порцію. Старшая между ними, взявъ тостъ съ аракой и одинъ трех-угольный чурекъ, съ разстановкою читаетъ молитву, существующую для женщинъ и много похожую на общую молитву, о которой рѣчь будетъ впереди. Отличіе женской молитвы отъ прочихъ состоитъ въ томъ, что перечисленные въ ней святые именуются не настоящими именами, а произвольными, которыя дали имъ осетинки, коимъ обычай, требующій отъ нихъ скромности, запретилъ называть святыхъ тѣми именами, подъ какими они извѣстны въ народѣ, за исключеніемъ Аларды, Бынаты-Хицауы и Хуцауы-Дзуаръ. Кромѣ того, называть кого-либо изъ тѣхъ святыхъ настоящимъ его именемъ, значило-бы выйти изъ приличія и уронить себя до степени безстыдной женщины. Имя-

*) Кувдъ еще значитъ: 1) жертва, 2) праздникъ и 3) молитва.

же Бога, какъ создателя, имѣютъ право произносить и женщины въ своихъ молитвахъ, но въ божбахъ неприлично призывать Бога.

«Слава Тебѣ, Боже, восклицаетъ старуха. О, Хуцауы-Дзуаръ (божій святой)! Эти бѣдныя женщины по твоей волѣ собрались сюда и тебя благодарятъ за ниспосланную отъ тебя милость. О, хранитель этого аула (тоже Хуцауы-Дзуаръ), рожденныхъ въ нынѣшнемъ году и принесенныхъ къ твоей молельнѣ дѣтей — ты возлелѣй и покрой правымъ своимъ крыломъ такъ, чтобы къ нимъ не могла пристать никакая болѣзнь. О, Мады-Майрамъ (мать Марія)! Эти бѣдныя женщины свыше поручены тебѣ и отъ тебя ожидаютъ много милостей, въ которыхъ ты имъ не откажи; ихъ дѣти подъ твоимъ покровительствомъ и ты соблюди ихъ отъ глазъ недобрыхъ женщинъ. О, Майрамъ! услышь молитву здѣшнихъ женщинъ, и кто изъ нихъ желаетъ дѣтей, той пошли ихъ столько, сколько просятъ ихъ сердца; которая-же обременена ими и больше ихъ не желаетъ рождать, ту избавь отъ новыхъ родовъ; которую не любитъ мужъ и она имъ обижена, той пошли то, чего желаетъ ея сердце; кто изъ женщинъ губами смѣется, а сердцемъ желаетъ другимъ зла, и, завидуя счастію другихъ, дѣлаетъ имъ хинъ (чары), ту ты понеси черезъ головы здѣшнихъ женщинъ и да умретъ она за всѣхъ постыдною смертью. О, святой Аларды! отъ тебя идетъ дѣтская болѣзнь, отъ которой, молимъ тебя, соблюди дѣтей здѣшняго аула, прогоняя ее въ далекія моря и горы. О, святой мужчинъ (Уастырджи)! наши мужья, гдѣ будутъ ходить и сидѣть, тамъ ты будь съ ними, охраняя ихъ отъ тѣхъ враговъ, которые пожелаютъ показать надъ ними свою силу, которую ты и одолѣй такъ, чтобы они, покрытые срамотою, уходили къ себѣ. О, Злой (имя Тхоста), мы живемъ подъ тобою и просимъ тебя—не допусти къ нашему аулу вліянія злыхъ людей. О, св. волковъ (имя Тутыра), отъ твоихъ волковъ спаси нашъ скотъ. О, св. овецъ (имя Фалвары)! Ты — голова нашихъ овецъ и будь ихъ хранителемъ; умножая-же, умножь ихъ такъ, чтобы самый бѣдный семьянинъ въ лучшіе дни свои имѣлъ кусартагта (жертвенныхъ животныхъ). О, начальникъ хлѣбовъ (имя Еля)! въ твоей власти урожай и погода и ты посѣянныя нашими мужьями зерна возрасти такъ, чтобы всѣ житницы были набиты всякими зернами до верха, и посылай умѣренные дожди».

Въ-заключеніе старуха восклицаетъ: «я молиться не умѣю, но молитвенница молитвенницъ да помолится вмѣсто меня и да

подастъ здѣшнимъ женщинамъ то, чего желаютъ ихъ сердца» (такую-же оговорку дѣлаетъ и старикъ въ заключеніе каждой молитвы). Тостъ и чурекъ она подаетъ одной изъ распорядительницъ, которая, отвѣдавъ ихъ, первый передаетъ своей сосѣдкѣ, а послѣдній кладетъ передъ молитвенницею. Во время обѣда, подавая другъ другъ заздравные тосты, пирующія говорятъ: «Богъ да благословитъ Хуцауы-Дзуара за то, что онъ не забылъ насъ, бѣдныхъ женщинъ: по его милости мы только и празднуемъ; другіе святые и не подумали о насъ: впрочемъ, кому дѣло заботиться о женщинахъ, брошенныхъ Богомъ въ грязь: онѣ рождаются въ несчастные часы,—бѣдные наши дни»!

Чижджиты баданъ Мады Майрами тыххай (сидѣніе дѣвушекъ ради матери Маріи). Въ концѣ осени дѣвушки сосѣднихъ дворовъ впродолженіи одной недѣли ежедневно собираются въ спальню какой-нибудь старухи, неся каждая съ собою свое рукодѣлье и по чашкѣ разныхъ сортовъ муки, гороху, фасоли, картофля, по куску сыру и проч. Въ той спальнѣ онѣ пекутъ въ золѣ прѣсные чуреки по числу дѣвицъ, изъ которыхъ каждый съ особою начинкою, и которые, по испеченіи и сложеніи на тарелку, ставятся передъ старшею дѣвушкою. Она, взявъ одинъ изъ нихъ, молится: «Слава тебѣ, Боже! собравшихся въ эту спальню, о, Боже! дѣвушекъ ты благослови и исполни то, чего желаютъ ихъ сердца. О, Мады Майрамъ! всѣ бѣдныя и богатыя дѣвушки всюду ради тебя празднуютъ цѣлую недѣлю, сердца свои возложили на тебя и молятъ тебя, каждой изъ нихъ пошли умнаго, добраго, молодого, красиваго и состоятельнаго жениха, который-бы и любилъ ее. О, Бынаты Хоцауы (домовой)! Мы, бѣдныя дѣвушки, твои гостьи и ты не допусти до насъ дурной женщины хинъ (чары), а ту, которая занимается имъ, ты погуби отъ ея-же хина такъ, чтобы ослѣпли у ней глаза, высохли руки и скорчились ноги О, Аларды (оспа)! ты творишь болѣзнь и отъ ея начала и послѣдствія избавь здѣшнихъ дѣвицъ». Затѣмъ каждая дѣвушка беретъ первый, попавшійся ей, чурекъ, ломаетъ его и смотритъ начинку. У кого окажется сырная начинка, та думаетъ, что выйдетъ замужъ за такого человѣка, у котораго будетъ много коровъ; у кого начинка изъ хлѣбныхъ зеренъ, у той мужъ будетъ имѣть въ изобиліи хлѣбъ; у кого изъ сѣна, та выйдетъ за человѣка, имѣющаго много сѣнокосныхъ

луговъ; у кого—монеты, у той будетъ мужъ съ деньгами, у кого начинка изъ шерсти, у той мужъ будетъ имѣть множество овецъ, и т. д.

Уастырджи (св. Георгій—св. мужчинъ). Повѣрье говоритъ, что св. Георгій постоянно разъѣзжаетъ на бѣломъ конѣ, носитъ оружіе, похожее на горское, и употребляетъ его въ дѣйствіе точно такъ-же, какъ и люди, но непостижимо быстрѣе ихъ.

Уастырджи представляется бичомъ воровъ, плутовъ, клятвопреступниковъ, насильствующихъ, убійцъ и т. п., и покровителемъ людей честныхъ, надѣющихся на его заступленіе, а равно и домашнихъ животныхъ, которыя наканунѣ праздника въ честь его поручаются ему съ словами: «Уастырджи! да будутъ наши животныя въ твоей волѣ и да будутъ они соблюдены тобою отъ изъяна злыхъ и коварныхъ людей».

Нерѣдко гадальщики приписываютъ простудную горячку и т. п. болѣзни Уастырджи, который таковыя посылаетъ на людей въ возмездіе за ихъ вины и для исправленія ихъ.

Если кто сердится на ближняго, то клянетъ его Георгіемъ, крича: «да попадетъ въ тебя гнѣвъ Уастырджи, или: да найдетъ на тебя гнѣвъ Георгія, или: да войдетъ гнѣвъ Георгія въ домъ твой»!

Пастухъ клянетъ свое стадо тѣмъ-же гнѣвомъ: «да истребитъ тебя Георгій»!

Именемъ его горцы благословляютъ другъ друга, говоря: «Уастырджи да будетъ въ товариществѣ съ тобою». Самый *ардъ*, о которомъ рѣчь будетъ впереди, произносится передъ его молельнею.

Праздникъ Уастырджи отправляется въ концѣ ноября мѣсяца. Наканунѣ его горцы рѣжутъ по годовалому барашку нывонду. Нывондомъ называется то животное, которое предназначено въ жертву Богу или святому, по указанію, какъ мы уже говорили, гадальщика или старшаго въ домѣ члена. Вообще упомянутыя выше жертвенныя животныя носятъ названіе «нывондовъ». Хозяинъ въ отличіе нывонда отъ другихъ животныхъ надрѣзываетъ правый рогъ его.

Пастухи и хозяева не смѣютъ, если не желаютъ навлечь на себя гнѣвъ того святого, въ честь котораго посвященъ нывондъ, не только обращаться съ нимъ дурно, но и смотрѣть на него безъ умиленія и благоговѣнія.

Утромъ выбранные отъ каждаго семейства члены (ихъ бываетъ двое) отправляются къ Уастырджи-кувондонма (молельню). Каждый аулъ строитъ ее на возвышенномъ мѣстѣ, которое избрано самимъ Георгіемъ, чтобы оттуда удобнѣе можно было ему смотрѣть на людей и ихъ скотъ. Проходя мимо этой молельни съ найденными вещами, путникъ долженъ класть ихъ на камень, находящійся передъ нею, если не желаетъ навлечь на себя гнѣвъ Георгія.

Расположившись около кувондона, богомольцы вынимаютъ изъ переметныхъ сумокъ бутылки съ аракою, кувшины съ пивомъ, чуреки съ сырною начинкою, шашлыки изъ легкихъ и сердецъ и вареное мясо и кладутъ ихъ на разостланныя бурки. Затѣмъ одинъ изъ распорядителей, взявъ деревянный стаканъ и чашку, первый наполняетъ лучшею аракою, а послѣднюю пивомъ, и тарелку съ тремя трех-угольными чуреками, подаетъ ихъ старшему изъ богомольцевъ, который, принявъ ихъ, передаетъ изъ нихъ своему сосѣду чашку съ пивомъ и стаканъ араки, а самъ, держа правою рукою вертелъ съ шашлыками, а лѣвою трех-угольные чуреки, и снявъ шапку, встаетъ (встаютъ и всѣ, предварительно снявъ шапки) и громко читаетъ молитву: «О, великій Богъ боговъ, помоги «этому народу». О, Уастырджи! сегодня день твой и люди эти пришли къ твоему подножію, дабы воздать тебѣ, покровителю и карателю всѣхъ, славу и да будетъ пріятенъ тебѣ ихъ приходъ: кто изъ нихъ и изъ тѣхъ, которыхъ нѣтъ здѣсь, будетъ отправляться «черезъ тебя» вдаль, или близко, ты весели у того сердце такъ, чтобы оно, сердце, благословляло тебя, и охраняй отъ всѣхъ несчастій; о, Уастырджи! услышь нашу молитву и посмотри на усердіе наше: да будутъ наши головы и головы нашихъ животныхъ твоими священными гостьми, да будутъ тебѣ пріятны принесенныя нами жертвы и сдѣлай такъ, чтобы мы, будучи живы и здоровы, могли ежегодно приносить тебѣ въ жертву нывондовъ». Слушатели, держа шапки отверстіями вверхъ, что значитъ: ожидаемъ и просимъ милости, послѣ каждаго возгласа старика—произносятъ: аменъ (аминь). Окончивъ чтеніе молитвы, богомолецъ трех-угольные чуреки и вертелъ съ шашлыками передаетъ ближайшему мальчику, причемъ говоритъ общія заключительныя слова: «мы молиться не умѣемъ, но пусть помолится за насъ «добру и истинѣ» молитвенникъ молитвенниковъ. Возьми-же, мое солнце! милость Уастырджи да будетъ на васъ».

Мальчикъ, принимая ихъ, тихо говоритъ: «чье имя изъ святыхъ ты упомянулъ и чье позабылъ—равно да помогутъ тебѣ». Прикоснувшись губами араки, а зубами шашлыка, находящагося на концѣ вертела, онъ передъ стариками рѣжетъ шашлыкъ на мелкіе куски, и затѣмъ, оставаясь тутъ-же, прислуживаетъ, распорядители-же, разсадивъ богомольцевъ по старшинству лѣтъ, раздаютъ имъ порціи кушаньевъ и напитковъ.

Отобѣдавъ, богомольцы садятся на лошадей и, объѣхавъ на нихъ вокругъ молельни Уастырджи, съ словами: «Уастырджи, соблюди насъ и лошадей нашихъ», возвращаются въ аулъ.

Молодежь джигитуетъ до поздняго вечера. Убравъ лошадей, они ходятъ по домамъ, гдѣ принимаютъ ихъ охотно. Ставъ у воротъ очередного дома, они поютъ пѣснь въ честь Уастырджи, взятую изъ содержанія означенной молитвы. Запѣвало начинаетъ протяжно: «Уаанни рухххсыы Уастырджи (ухъ, св. Георгій)! даааpыынта дыынъ махъ бааахxарамъ (твои болѣзни мы да съѣдимъ)! мааанааа ацыы хааадзааранъ аказгааанагуу (вотъ этому дому ты помощь окажи!) іее фooосынъ аша іее хооорынъ бичераaска (умножь скотъ и хлѣба его)! ой! ай! тай-той таитъ» (ну! ну)! Другіе-же непрерывно тянутъ, то повышая, то понижая голосъ, «аааааа....»

Хозяева, выходя къ молодежи, просятъ ее въ саклю. Входя въ нее, молодежь говоритъ: «миръ этому дому и милость Уастырджи». Хозяева отвѣчаютъ: «да поможетъ вамъ Георгій». Съ наступленіемъ утра, молодежь, очень довольная, что хвалила Уастырджи, расходится.

Кошуадзанъ. Кошъ значитъ ротъ, уадзанъ — освобожденіе,—буквально—освобожденіе рта; еще значитъ: разговляться.

Осетины-христіане имѣютъ смутное понятіе о постѣ и пасхѣ: дѣти думаютъ, что пасха похожа на лошадь съ бѣлыми пятнами на животѣ и на одной изъ переднихъ ляшекъ.

Взрослые и старики объясняютъ, что постятся потому, что, говорятъ, на томъ свѣтѣ Чиристи (Христосъ) дастъ мѣсто для души того человѣка, который въ этомъ мірѣ постился.

Въ ночь пасхи всѣ спятъ.

Вставъ засвѣтло и взявъ деревянное ведро, невѣстка торопливо идетъ къ ручью и, молча почерпнувъ воду, съ такоюже поспѣшностью возвращается.

Такая поспѣшность нужна для того, чтобы первой между аульными женщинами доставить въ домъ воду: ибо въ первой почерпнутой въ пасхальную ночь водѣ заключается особенная милость божія. Кромѣ того, семейство, которому удалось «первому почерпнуть воду», удостоивается въ Дзенетѣ перваго лучшаго мѣста.

Крестообразно обливая водою просѣянную муку въ корыто, невѣстка шепчетъ: «о, водяные святые, чистыя водяныя дѣвы и св. пасха, наполните этотъ домъ всѣми благами міра, и кто почерпнулъ въ лучшій часъ воду, съ тѣмъ сравните и меня; о, св. пасха! чуреки да будутъ сладки и пріятны тебѣ; о, Чиристи! всѣ люди надѣются на тебя, что ты въ Дзенетѣ дашь душамъ ихъ мѣста, и ты, молю, надѣли бѣдныхъ женщинъ частицами Дзенета».

Между-тѣмъ встаютъ и остальные члены.

Мальчикъ приводитъ къ очагу ягненка — нывонда пасхи; а старшій въ домѣ, взявъ лѣвою рукою нывонда за ухо, а правою съ очага полѣно, горѣлымъ концомъ его дѣлаетъ крестъ на лбу нывонда, съ молитвенными словами: «о, Куадзанъ! этотъ нывондъ да будетъ сладокъ для тебя и сдѣлай такую милость, чтобы каждый годъ мы — старъ и младъ — встрѣчали тебя благополучно съ живыми головами». Послѣ этихъ словъ мальчикъ ведетъ ягненка къ столу, стоящему среди сакли, на который и кладетъ его, держа за ноги. Хозяинъ-же, молча, перерѣзываетъ ему горло, изъ котораго кровь льется въ тазъ. Обрядъ этотъ соблюдается при закалываніи и другихъ жертвенныхъ животныхъ.

По приготовленіи съѣстного запаса, хозяинъ обычнымъ порядкомъ молится: «о, Чиристи! молимъ тебя, призри изъ своего Дзенета и пожалѣй насъ: говорятъ, что ты въ «необманчивомъ мірѣ» раздаешь мѣста душамъ тѣхъ людей, кои въ здѣшнемъ соблюдали ради тебя постъ: ты-же вѣдаешь, что мое бѣдное семейство, не исключая и грудныхъ ребятъ, постилось въ угожденіе тебѣ и да будетъ сладокъ тебѣ нашъ постъ: устрой въ раю мѣста для настоящаго и послѣдующихъ поколѣній нашей фамиліи. О, Барастыръ! слышали мы, что ты начальникъ мертвѣхъ, и если это справедливо, то да будетъ угодна и тебѣ настоящая наша жертва: моли Чиристи, дабы онъ даровалъ нашимъ предкамъ въ раю хорошія мѣста и тѣмъ изъ насъ, которые перейдутъ въ неложный міръ».

Кауы-зады кувдъ (жертва ангелу аула). Разговѣвшись такимъ образомъ, хозяева рѣжутъ телятъ по числу рожденныхъ втеченіи года мальчиковъ и совсѣмъ готовыми несутъ въ молельню Кауызада, гдѣ молятся: «о, Боже! слава тебѣ: ангелъ сего селенія, думаемъ, созданъ тоже Тобою и потому, какъ твоя, такъ и его милости да будутъ на насъ; о, Кауы-задъ! принесенныя этимъ селеніемъ жертвы да будутъ угодны тебѣ: въ этомъ году ты умножилъ число нашихъ мальчиковъ,—умножая, умножь-же ихъ и въ будущемъ такъ, чтобы твоя молельня ими была наполнена» *).

Аларды баданта (сидѣнія ради Аларды). Подъ именемъ Аларды въ Осетіи разумѣютъ оспу. Аларды есть самый злѣйшій изъ святыхъ. Имъ клянутся исключительно женщины, ибо онъ считается ихъ святымъ, хотя онѣ не участвуютъ въ пирѣ, устраиваемомъ въ честь его.

«Да принадлежу я Алардѣ» (а принадлежать Алардѣ — дѣло неутѣшительное), или: «если въ моихъ словахъ нѣтъ истины, то да найдетъ душа моя гнѣвъ Аларды», или «если я объ этомъ дѣлѣ знаю что-нибудь и скрываю въ душѣ, то пусть Аларда приберетъ моихъ сладкихъ дѣтей, и, напротивъ: кто не вѣритъ въ истину словъ моихъ, того пусть постигнетъ гнѣвъ Аларды».

Во время повальной оспы, равно и при привитіи ея у дѣтей, осетины приносятъ Алардѣ въ жертву—ягненка или годовалаго барашка. «Это для того, говорятъ, чтобы сколько-нибудь умилосердить кыккагъ Аларду (злого Аларду), оставляющаго послѣ каждаго посѣщенія своего столько смертей и уродовъ».

Въ аулѣ Згитѣ, отстоящемъ неподалеку отъ Садонскаго рудника, поставлена въ честь оспы часовня, или лучше, четырехстѣнная безоконная сакля, которая ограждена отъ доступа животныхъ. Не всякій изъ жителей имѣетъ право входить въ нее: самъ Аларда выбираетъ изъ среды ихъ достойнаго прислужника черезъ гадальщика, который сначала указываетъ на перваго по жизни и добротѣ человѣка изъ каждой фамиліи. Указываемыя-же имъ лица метаютъ жеребья и чей изъ нихъ выпадетъ первымъ, тотъ принимаетъ на себя роль прислужника Аларды. Згитцы съ воскресенья недѣли Ѳоминой, соединяясь по два семейства въ одно, цѣлый мѣсяцъ пируютъ въ устроенныхъ около часовни

*) Этотъ обрядъ на плоскости началъ ослабѣвать.

землянкахъ, воспѣвая хвалебныя пѣсни Алардѣ. Одна изъ нихъ поется такъ: «Ну, ну», начинаетъ запѣвало, «славимъ, славимъ, прославимъ св. Аларду».

Ай! ай! св. Аларда, подхватываютъ другіе *).
Онъ! онъ даетъ намъ милость свою.
Дружнѣе! дружнѣе, богомольцы!
Не допуститъ! не допуститъ къ намъ....
Злокачественную болѣзнь.
Смѣясь, веселясь надъ головами нашими....
Онъ! онъ—возвеселитъ сердца наши.
Далеко! далеко
Уйдетъ, уйдетъ св. Аларда.
Туда, туда.....!
Будемъ ему, ему.....
Молиться, молиться.
Оттуда, оттуда.....
Правымъ своимъ окомъ.....
Будетъ охранять насъ.....
И головы нашего скота.
Слава св. Алардѣ.
Воздадимъ, воздадимъ еще разъ.....
Св. Алардѣ славу, славу.
Ай! ай! св. Аларда!

Аларда строго воспрещаетъ пѣть пѣсни недуховнаго содержанія.

Однажды пирующіе позволили себѣ пѣть нескромныя пѣсни и за это оспа изуродовала ихъ такъ, что скривились у нихъ рты и глаза и образовались на лицахъ ихъ большія глубокія ямочки, послѣ чего люди боялись встрѣтиться съ ними. Кромѣ того, Алардою воспрещено странникамъ и женщинамъ участвовать въ устраиваемыхъ въ честь его пирахъ,—первымъ, вслѣдствіе того, что они, по уходѣ «изъ-подъ него», смѣются надъ нимъ и надъ пирующими, забывая, что голодъ ихъ былъ утоленъ здѣсь, а послѣднимъ за то, что онѣ присутствіемъ своимъ вводятъ мужей своихъ въ соблазнъ.

Семейства, которыя согласились вмѣстѣ отпраздновать дни св. Аларды, готовятъ по бочкѣ пива и араки, которыхъ хватило-бы имъ на цѣлый мѣсяцъ, равно по очереди рѣжутъ около

*) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

часовни—одно семейство—быка, другое—нѣсколько штукъ овецъ. Пиръ начинается съ восхода и оканчивается до захода солнца.

Богомольцы во время обѣда и ужина выдѣляютъ старикамъ и женщинамъ, не участвующимъ въ пирѣ, по порціи вареннаго мяса и напитковъ, которыя и отсылаются имъ въ аулъ.

Молитва, обращаемая къ Алардѣ, читается такъ: «о, св. Аларда! молимъ тебя, зри на насъ издалека и ради твоего имени не подходи къ намъ близко (они боятся, чтобы Аларда, подходя близко къ селенію, не сталъ умерщвлять и уродовать ихъ оспою), но внимай оттуда молитвамъ нашимъ, которыя вмѣстѣ съ сими жертвами да будутъ сладки твоему сердцу; если-же, противъ чаянія, посѣтишь насъ, женъ и дѣтей нашихъ, то оставляй всѣхъ съ веселыми сердцами; о, карзъ-Аларда (гнѣвный Аларда)! избранные тобою для будущаго года нывонды (нывонды избираются за годъ до праздника) прими вмѣсто головъ нашихъ и нашего скота».

Пирующіе за столомъ, подавая одни другимъ тосты, просятъ: «отъ имени св. Аларды — выкушать до дна». Приниматели тостовъ отвѣчаютъ: да будетъ на всѣхъ здѣшнихъ людей милость Аларды.

Отпраздновавъ цѣлый мѣсяцъ, згитцы думаютъ, что тѣмъ смягчили гнѣвъ Аларды, который долго не посѣтитъ ихъ, или если и посѣтитъ, то, по-крайней-мѣрѣ, не оставитъ по себѣ страшныхъ послѣдствій.

Рекома ама Микалгабырта баданта (сидѣнія ради Рекома и Макалгабырта). Первый намъ неизвѣстенъ, а второй есть Николай Чудотворецъ. Обоихъ почитаютъ и призываютъ вмѣстѣ. 6 декабря въ каждомъ домѣ въ честь ихъ рѣжется баранъ—нывондъ. Жители Цайскаго селенія, находящагося въ Алагирскомъ ущельи, на правой сторонѣ р. Ардона, считая ихъ своими патронами, въ честь ихъ издавна учредили двухнедѣльное празднество начинающееся съ 9-го и оканчивающееся 23 мая, въ продолженіи котораго пируютъ въ нарочно-устроенныхъ вблизи молельни, находящихся повыше аула, сакляхъ, изъ коихъ въ каждой помѣщается по четыре семейства, которыми сообща рѣжется откормленный быкъ.

Цайцы поручаютъ покровительству Рекома и Микалгабырта себя, свой скотъ, сѣнокосные луга и проч., прося, чтобы они правыми руками подавали имъ урожаи, а лѣвыми отгоняли отъ селенія чертей и разныя болѣзни.

Во время пира протяжно поется слѣдующая пѣсня:

«Оип! оип! (гей, гей), Реконъ и Микалгабырта! ваши болѣзни мы да съѣдимъ. Ой! ой! (гей). Здѣшніе хорошіе люди, воспоемъ Рекому и Микалгабырту» и проч. Припѣвъ тотъ-же самый, какой существуетъ для пѣсни Уастырджи.

Гудырты-комъ. Гудыръ значитъ замокъ, а комъ — ротъ. Можно перевести—ротъ замка.

Гудырты-комъ имѣетъ свое пребываніе у подошвы Бѣлой горы, въ Алагирскомъ-же ущельи, повыше деревни Ходъ.

Ходцы говорятъ, что верхніе зубы Гудырты-кома находятся на небѣ, а нижніе въ землѣ.

Знакомый намъ Еля уступаетъ ему въ силѣ. Когда Еля, желая истребить на землѣ злыхъ духовъ, бьетъ ихъ ударами грома, тогда этотъ, если бываетъ не въ духѣ, хватаетъ ртомъ громовые удары и глотаетъ ихъ.

Разъ ходцы въ густомъ туманѣ видѣли своими очами, какъ Гудырты-комъ дыханіемъ своимъ, производившимъ большой гулъ, постепенно втягивалъ въ себя необыкновенной величины змѣя и потомъ при блескѣ молніи глотнулъ его. И если-бы, увѣряютъ они, онъ этого не сдѣлалъ (слухъ объ этомъ шелъ во время моего дѣтства и онъ сохранился въ моей памяти), то тѣмъ змѣемъ были-бы съѣдены всѣ люди и животныя и на землѣ не осталось-бы ни одного живого существа.

Ходцы считаютъ Гудырты-кома своимъ патрономъ и карателемъ.

Разгнѣвавшись на жителей, онъ градомъ величиною съ куриное яйцо побиваетъ хлѣба ихъ; гнѣвается-же онъ тогда, когда замѣтитъ, что ходцы не отъ чистаго сердца приносятъ ему жертвы къ подошвѣ помянутой горы. Жертвы состоятъ изъ ягненка и коровы; первый закалывается очереднымъ семействомъ въ началѣ лѣта, а послѣдняя по уборкѣ хлѣбовъ.

Вскормивъ корову, очередное семейство наканунѣ дня Гудырты-кома печетъ по числу дворовъ трехъ-угольные чуреки, а другія семейства по 49 круглыхъ чурековъ.

Такое количество чурековъ они пекутъ не для себя, а для насыщенія Гудырты-кома, полагая, что онъ, будучи съ огромнымъ ртомъ, не можетъ наѣсться малымъ количествомъ чуреко въ. Впрочемъ, по словамъ гадальщика, означенное количество,

вмѣстѣ съ цѣлою коровою и кувшинами браги, коихъ приносятъ тоже не малое число, достаточно для утоленія голода и жажды Гудырты-кома.

Понятно, что пирующіе не поѣдаютъ всего. Остатокъ оставляется на мѣстѣ, съ словами: «эти остатки да будутъ сладки и пріятны тебѣ, св. Гудырты-комъ».

Въ молитвахъ своихъ ходцы просятъ этого святого объ избавленіи ихъ отъ града и другихъ несчастій, происходящихъ лишь отъ него *).

Сау-дзуаръ (черный святой). Онъ почитается патрономъ всѣхъ горскихъ аульныхъ рощей, которыя составляютъ остатки отъ древнихъ густыхъ и дремучихъ лѣсовъ и носятъ названіе Саукадта (черные лѣса). Вѣроятно, и патронъ ихъ получилъ свое названіе отсюда.

По вѣрованію осетинъ, Сау-дзуаръ имѣетъ свое пребыванія въ тѣхъ рощахъ и охраняетъ ихъ отъ пожаровъ и самовольныхъ порубщиковъ.

Изъ нихъ позволительно брать лѣсъ только въ день праздника Сау-дзуара и то лишь для приготовленія жертвы изъ ягненка, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ почитаютъ его своимъ патрономъ, и быка.

Нывонды рѣжутся лѣтомъ и поѣдаются подъ рощею.

Сау-дзуаръ не особенно почитается горцами, какъ это видно изъ того, что его имя рѣдко слышится въ общей молитвѣ. Въ молитвахъ горцы молятъ его о томъ, чтобы онъ оберегалъ состоящіе въ вѣдѣніи его лѣса отъ огня и самовольныхъ порубокъ и чтобы тѣхъ людей, которые подожгутъ ихъ или сдѣлаютъ въ нихъ самовольныя порубки, онъ взялъ подъ свой гнѣвъ.

Уациллаи нывондъ-галъ (посвященный Уациллѣ быкъ). Съ этимъ святымъ мы достаточно ознакомились.

Общество, собравшись передъ тѣмъ временемъ, какъ выходить на пашню, въ ныхасъ, приглашаетъ гадальщика и предлагаетъ ему погадать: «какого быка изъ стада Уацилла желаетъ взять себѣ въ нывонды». Гадальщикъ, по собюденіи извѣстнаго обряда гаданія, указываетъ на замѣтнаго по красотѣ быка, котораго тотчасъ жители съ-обща покупаютъ и, сдѣлавъ на рогѣ

*) Вѣра въ Гудырты-кома въ послѣднее время сильно поколебалась.

его знакъ вывонда, отдаютъ аульному пастуху, который и пасетъ его вмѣстѣ съ стадомъ. Когда-же наступаетъ время жатвы, тогда по два члена изъ каждаго семейства (мужчина и мальчикъ, на обязанности послѣдняго лежитъ нести тарелку съ тремя трехугольными чуреками къ молельнѣ) ведутъ вывонда къ мѣсту, гдѣ въ честь Уациллы, или Еля, вбиты два шеста, и тамъ старикъ, по сдѣланіи на лбу его креста, перерѣзываетъ ему горло. Мясо его дѣлятъ на части по числу аульныхъ домовъ и разсылаютъ по принадлежности, оставивъ пирующимъ лишь голову, ноги, легкія и другія внутреннія части жертвеннаго животнаго; при чемъ говорятъ: «пусть мясо ѣдятъ домашніе, ибо Еля въ немъ не нуждается, довольствуясь только запахомъ отъ шашлыка». Они думаютъ, что Уацилла, какъ и другіе святые, въ то время, когда старикъ, держа вертелъ съ шашлыкомъ, произноситъ: «жертва наша да будетъ тебѣ, Еля, угодна», приходитъ и нюхаетъ шашлыкъ.

Если въ томъ году, въ которомъ празднуется день Еля, хлѣба уродятся хорошо, то молятся: «Уацилла! нынѣ ты послалъ намъ хорошій урожай и за это отъ «бѣдныхъ» нашихъ сердецъ посылаемъ тебѣ благодарность, которая съ настоящею нашею жертвою да будетъ сладка твоему сердцу». Въ случаѣ-же неурожая, обращаются къ нему съ такимъ молитвенными словами: «Уацилла! Въ этомъ году хлѣба наши не удались: таково было твое желаніе, противъ котораго нѣтъ лѣкарства. О, Уацилла! Нынѣ мы глаза и сердца наши обращаемъ къ тебѣ и молимъ, не оставь въ будущую весну посѣять на нивахъ нашихъ хлѣбныя зерна, коими ты засѣваешь свои нивы, и подай намъ такой урожай, чтобы житницы наши были наполнены хлѣбными и другими зернами. Призри-же, призри, Уацилла, на наши нивы и посмотри, какъ онѣ «бѣдны», а черезъ нихъ и наши сердца».

Арвягды-кувдъ (жертва Арвягду). Арвягдъ собственно есть башня, гдѣ пребываетъ Кауы-задъ, т. е., ангелъ аула. Иногда подъ именемъ Арвягда разумѣютъ невидимаго патрона аула.

Горцы ежегодно приносятъ ему въ жертву съ каждаго дома по ягненку.

Въ знакомомъ намъ аулѣ Ходъ фамилія Дзукаева день его празднуетъ лѣтомъ, передъ выходомъ на покосъ, съ пѣніемъ и пляскою.

Семейство, на которомъ лежитъ очередь, съ вечера готовитъ большіе сырники, въ которые вливается по ложкѣ растопленнаго коровьяго масла, а, по наступленіи дня, созываетъ по одному человѣку изъ каждаго дома своей фамиліи. По явкѣ всѣхъ гостей, хозяинъ передъ каждымъ изъ нихъ ставитъ по одному сырнику. Между-тѣмъ, распорядители потрошатъ нѣсколько штукъ барашковъ. Обѣдъ переносится въ сосѣднюю отъ башни саклю, куда приглашаются и всѣ жители.

Обратившись лицомъ къ башнѣ, молящійся восклицаетъ: «О, Арвягдъ! сей день мы посвящаемъ тебѣ и молимъ—охраняй твою башню отъ новаго небеснаго удара: ибо, если она разрушится, то гдѣ ты будешь имѣть свое пребываніе? О, Кауы-задъ! наши сердца говорятъ, что ты ведешь дружбу съ Еля,—моли его, чтобы онъ вкупѣ съ тобою соблюлъ отъ своего и небеснаго ударовъ твою башню и всю нашу страну».

Послѣ обѣда молодежь поетъ нижеприводимую пѣснь.

Ходцы вѣрятъ, что въ незапамятное время башня эта отъ громового удара наклонилась и верхомъ своимъ оперлась на сосѣднюю башню и три дня находилась въ этомъ положеніи. Тогда вся фамилія Дзукаева, не исключая и женщинъ, образовавъ изъ себя круговую цѣпь, кружилась вокругъ башни впродолженіи трехъ дней,—день и ночь, воспѣвая жалобную пѣснь съ припѣвомъ, употребляемымъ въ пѣсни, которая составлена въ честь громового удара.

Запѣвало затягиваетъ: «уа Елита (во множественномъ числѣ)! уа Арвягдта! подайте этому собранію милости ваши. Ой цоппай, ой алай (припѣвъ поется протяжѣе), ой алай, ой алдары цоппай, бастанъ хорзы цоппай *).

Кто поднялъ эту башню, того болѣзни мы да съѣдимъ.

Ой цоппай, ой алай, ой алдары цоппай, бастанъ хорзы цоппай.

Въ ней живетъ Кауы-задъ и ему кланяемся головами.

Ой цоппай, ой алай, ой алдары цоппай, бастанъ хорзы цоппай.

Кауы-задъ, прими насъ подъ свои крылья.

Ой цоппай, ой алай, ой алдары цоппай, бастанъ хорзы цоппай.

---

*) Ой (охъ) цоппай—качаніе, алай—трясеніе, бастанъ—мѣсто, хорзъ—хорошо, алдаръ—господинъ.

Арвягдъ спасетъ насъ отъ всякихъ бѣдъ и напастей.

Ой цоппай, ой алай, ой алдары цоппай, бастанъ хорзы цоппай.

Наканунѣ четвертаго дня башня на виду всѣхъ постепенно поднялась и приняла прежнее свое положеніе.

Хуцауы ныводъ-галъ (посвященный Богу быкъ). Одновременно съ быкомъ Уациллы рѣжется въ честь Бога быкъ, въ видѣ калона, съ соблюденіемъ обряда, употребляемаго при зарѣзываніи перваго.

Богъ строго наказываетъ, если не въ свое время и не по гаданію гадальщика выбирается ему ныводъ; наказываетъ-же онъ стариковъ аула, которые обязаны хранить и исполнять обычай и которые забываютъ свой долгъ по отношенію къ нему.

Если старикъ заболѣетъ въ скорости послѣ времени принесенія жертвы изъ быка, выбраннаго не по указанію гадальщика, а самими стариками, то онъ призываетъ гадальщика и проситъ его отгадать: «по чьей волѣ — Бога или кого изъ святыхъ—онъ болѣетъ».

Гадальщикъ объявляетъ, что болѣзнь ниспослана за то, что больной не исполнилъ воли Бога по отношенію къ выбору жертвеннаго быка, т. е. заранѣе не убѣдилъ жителей, чтобы они избирали ему быка изъ стада въ свое время и черезъ гадальщика; объявляетъ также, чтобы больной принесъ отъ себя въ жертву быка, а въ случаѣ неимѣнія его, барашка, и зарѣзалъ-бы его въ тотъ день, въ какой приносится и рѣжется общественный быкъ, причемъ необходимо изготовить или пиво, или араку.

Слова гадальщика приводятся въ исполненіе.

О томъ, какое понятіе имѣютъ осетины о Богѣ, можно судить изъ обращаемой къ Нему слѣдующей молитвы.

«Слава Тебѣ, Боже», восклицаетъ старикъ, «слава! О, Богъ боговъ! Ты создалъ все: и ангеловъ, и святыхъ, и что видимъ и не видимъ, и молимъ Тебя, подай намъ милость Твою и милость всѣхъ тѣхъ, которыхъ Ты создалъ, и отврати отъ насъ гнѣвъ Твой и гнѣвъ ангеловъ и святыхъ Твоихъ.

«О, Боже! Ты вѣдаешь тайны сердецъ людей, вѣдаешь также, что мы выбрали и принесли Тебѣ этого ныводa отъ чистыхъ сердецъ нашихъ, а потому, молимъ тебя, прими его точно такъ, какъ примешь нынѣ жертвы отъ людей, угодившихъ Тебѣ,

О, Боже! Ты создалъ времена, годы и дни, — и молимъ Тебя, пошли намъ хорошія времена, годы и дни; о, Боже! травою насыти Твоихъ животныхъ, а хлѣбами — Твоихъ людей; о, Боже! сдѣлай такъ, чтобы подъ Тобою не было бѣдныхъ и голодающихъ; о, Боже! если на томъ свѣтѣ есть что-нибудь, то имъ надѣли и насъ». Далѣе поручаютъ ему свои нивы, поля и луга.

Подвижной хоръ пѣвчихъ, составлявшійся въ честь *Рыны-бардуага.*

Рынъ значитъ повальная болѣзнь, баръ—воля, дуага—одна изъ высшихъ небесныхъ силъ; вообще-же ангелъ, который имѣетъ власть надъ смертію.

Нерѣдкое явленіе въ горахъ, эпидеміи и эпизоотіи, заставило горцевъ отличать Рыны-бардуага особеннымъ почитаніемъ. Аулы всѣхъ ущелій нѣкогда положили при появленіи означенныхъ болѣзней праздновать извѣстный день въ честь Рыны-бардуага, который и отправлялся ими по очереди, и, чтобы придать празднику особенное торжество, составлять такъ-называемый подвижной хоръ пѣвчихъ.

Узнавъ, что въ такомъ-то аулѣ появилась эпидемія, или падежъ скота, жители одного изъ сосѣднихъ къ нему ауловъ собирались на ныхасъ и тамъ, по предварительномъ совѣщаніи, призывали свыше-вдохновеннаго старика и предлагали ему бросить жребій: «кому изъ молодыхъ людей быть въ хорѣ».

Жребій состоялъ изъ маленькихъ, коротенькихъ палочекъ, которыя надрѣзывались самими юношами, чтобы лучше отличить свою мѣтку, и которыя затѣмъ гадальщикомъ опускались въ его шапку. Встряхнувъ ее, онъ выбрасывалъ первую попавшуюся палочку и передавалъ ее хозяину. Получивъ жребій, юноши, образовавъ изъ себя кружокъ, отправлялись по ауламъ, вертя каждый файнагдзахданта (въ родѣ русской трещетки), распѣвая пѣсни духовныя и свѣтскія.

Приближаясь къ аулу, они останавливались, становились въ кружокъ и, затѣмъ, протяжно пѣли пѣснь, составленную въ честь Рыны-бардуага:

Ооооии, оои Рыны-бардуагъ! Низдааарда аи ууу (гей, гей, болѣзнь отъ тебя), ааа на низдзи нааадтааръ дауаи ууу (здоровье тоже отъ тебя), аацыы ка ацу даа фыы да аххай баккакваа (этотъ аулъ отъ твоего гнѣва сохрани). Чинсылаи ама

стыыраап деууаазаагъ стыы (старъ и младъ суть твои гости)! и проч.

Двинувшись въ аулъ, они хоромъ пѣли въ честь всѣхъ святыхъ, повторяя имена ихъ по два и по три раза и во множественномъ числѣ.

Уастырджита! Уастырджита! Уастырджита! Рекомта! Микалгабырта! Микалгабырта! Елята! Елята! Елята! и проч. Мана ацы кау бакака нутъ уаугъ низай (здѣшній аулъ соблюдите отъ повальной болѣзни).

Завидя приближающійся хоръ, молодежь выбѣгала къ нему для встрѣчи, и, принявъ участіе въ пѣніи, приглашала его на большую аульную площадь, гдѣ встрѣчали его старики и присоединялись къ нему и дѣвушки.

Изъ домовъ выносили пѣвчимъ кувшины съ пивомъ, аракою и брагою, столы съ жареными цѣлыми барашками, чуреки съ сырною начинкою.

Пѣвчіе приглашали къ себѣ стариковъ раздѣлять трапезу, которые, послѣ закуски и выпивки, принимали участіе въ пѣніи и круговой медленной пляскѣ.

Подвижной хоръ въ каждомъ аулѣ дѣлалъ ночевку, не переставая пѣть день и ночь. Жители смотрѣли на нихъ, какъ на богомольцевъ своихъ, Хуцауй курдзинадъ курджита (отъ Бога просящихъ милости) и какъ на Божьихъ гостей; поэтому дарили ихъ быками, коровами, баранами, козлами и проч.

Божьи гости обходили всѣ окрестные аулы и съ собранными стадами возвращались въ свой аулъ, жители котораго по гаданію гадальщика выбирали между тѣми стадами лучшихъ барановъ, быковъ и проч. и приносили въ жертву Рыны-бардуагу; остальныя-же животныя дѣлились подворно и затѣмъ каждый хозяинъ откармливалъ нывонда ко дню Рыны-бардуага.

Въ настоящее время хоръ пѣвчихъ болѣе не существуетъ.

Общая молитва. Общая молитва, будучи составлена изъ исчисленныхъ нами молитвъ, служитъ какъ-бы продолженіемъ каждой изъ нихъ. Она читается такъ: «Слава Тебѣ, Боже! О Боже! благослови собравшихся въ эту молельню людей (затѣмъ читается подробная молитва того святого, въ честь котораго празднуется день). Уастырджи! Эту жертву мы принесли такому-то святому и да не будетъ ему обидно, что мы попросимъ, что-

бы и ты принялъ въ ней участіе: она да будетъ сладка и тебѣ; кто изъ здѣшнихъ людей, отправляясь вдаль, пойдетъ «подъ тобою», тому ты выпрями путь, «споспѣшествуя» ему на немъ до прибытія его туда и обратно. О, Уацилла! подай намъ такіе урожаи, чтобы животы наши всегда были сыты. О, Хуцауы-Дзуаръ! нынѣ и присно предстоишь ты передъ Богомъ: моли Его, дабы Онъ надѣлилъ насъ отъ изобилія своей благодати. О, Кауы-задъ! Этотъ аулъ есть твой гость и ты, молимъ тебя, охраняй его отъ всякаго искушенія и людского гнѣва. О, Рыны-бардуагъ! избавь насъ и скотъ нашъ отъ всякихъ болѣзней. О, Рекомъ и Микалгабрта! вы — сильные святые и подайте нашему аулу силу для одолѣнія враговъ. О, Тыхостъ! Мы живемъ подъ тобою и кто вздумаетъ насильно вторгнуться въ наши предѣлы, того ты сломи и истреби. О, Тутыръ! просимъ тебя, загради уста твоимъ волкамъ каменьями такъ, чтобы они никогда не могли дѣлать изъяна нашему скоту. О, Фалвара! наши овцы въ твоей волѣ и, умножая, умножь ихъ такъ, чтобы бѣднѣйшіе между нами могли въ дни Бога и святыхъ Его приносить въ жертву ягненка. О, Сауы-Дзуаръ! наши лѣса состоятъ въ твоемъ вѣдѣніи, ты соблюди ихъ отъ хищниковъ и всегубительнаго огня. О, Аларда! Издали мы будемъ тебѣ молиться и потому ты близко не подходи къ намъ, а если подойдешь, то оставляй насъ съ веселыми сердцами. О, Хуратхуронъ (огонь, сотоварищъ солнца)! ты ходишь къ Богу и, просимъ тебя, моли Его, чтобы Онъ посылалъ намъ свою милость и щедроты».

Цуанонъ (охотникъ). Предпринимая охоту на оленей и козловъ, осетинъ съ вечера велитъ своей женѣ спечь три маленькихъ, кругленькихъ сырника и, по наступленіи утра, съ этою дорожною провизіею отправляется въ дорогу. По достиженіи предположеннаго мѣста, онъ, вынувъ изъ-за пазухи сырники, призываетъ Овсати (св. туровъ, оленей и козловъ). «О, Овсати! я, бѣдное созданіе Божіе, пришелъ къ подножію твоему въ той надеждѣ, что ты, услышавъ мою молитву, выдѣлишь мнѣ изъ твоего стада одного «бѣднаго» оленя или козла: молю тебя, призри на меня съ высоты своей и выпусти на долю моей винтовки хотя старую козу, негодную для тебя. О, Овсати! прими мои сырники за жертву, самую лучшую, какую, когда-либо, принесъ тебѣ счастливѣйшій изъ охотниковъ «міра». О, Овсати! Не отпусти

меня съ съеженнымъ сердцемъ и поникшею головою, но, напротивъ, сдѣлай такъ, чтобы отъ тяжести твоего сырда (звѣря) гнулась моя спина и радовалось мое сердце, улыбались губы и смѣялись глаза. О, Овсати! много есть у тебя сырдовъ и ты отъ избытка своего надѣляешь ими даже неблагодарныхъ звѣрей Тутыра,—неужели меня не пожалѣешь и не дашь мнѣ хотя хорошую козу».

Подкрѣпивъ желудокъ пищею, онъ начинаетъ охоту и, если ему удастся убить сырда, то, подбѣжавъ къ нему, перерѣзываетъ ему горло, съ словами: «о, Овсати! тебѣ я благодаренъ». Сжаривъ изъ него шашлыки, довольный охотникъ возсылаетъ Овсати благодарственную молитву: «о, Овсати! ты сравнялъ меня съ лучшими охотниками міра и за это съ шашлыками изъ твоего сырда возношу тебѣ благодарность моего «бѣднаго» сердца. О, Овсати! подай, чтобы каждый разъ я былъ такъ счастливъ, какъ теперь». Наѣвшись досыта, счастливый охотникъ остатки отъ шашлыковъ несетъ съ собою, кряхтя и охая подъ тяжестью Овсат'ева сырда. Увидя путника, или пастуха, онъ подзываетъ его къ себѣ, говоря: «отъ шашлыковъ Овсат'ева сырда насыти свой бѣдный желудокъ: да не раскаевается онъ, Овсати, что далъ своего сырда скрягѣ,—отъ чего да избавитъ насъ Овсати! ѣшь, хорошій человѣкъ! благодари святого лучшихъ звѣрей и моли, чтобы онъ каждый разъ посылалъ мнѣ по такому козлу и чтобы ты всякій разъ попадался мнѣ навстрѣчу». Встрѣчный повинуется.

По приходѣ-же домой, охотникъ велитъ сварить шею, голову, ноги и одну заднюю ляшку и потомъ ими угощаетъ приглашенныхъ сосѣдей, говоря: «по милости Овсати, отвѣдайте мяса сырда». — «Да дастъ тебѣ Овсати много изъ множества своихъ сырдовъ», отвѣчаютъ ему.

Если-бы, говоритъ повѣрье, охотникъ не угостилъ «бѣдныхъ» людей мясомъ сырда, дарованнаго ему Овсати, то послѣдній не только не далъ-бы ему убить, но даже видѣть издали сырда.

Разсматривая во время закуски рога козла, одинъ изъ молодыхъ гостей восклицаетъ: «о! о! о! вотъ какіе рога у этого сырда». Другой: «воображаю, какъ этими рогами на томъ свѣтѣ козелъ боднетъ Хадзби (имя охотника), чай кишки и сердце сразу оторветъ и броситъ на землю».—«Хадзби—что, вступается въ разговоръ третій, а вотъ горе будетъ Гусу (имя славнаго охотника): больше его никто не убивалъ звѣрей и птицъ; медвѣди, волки, туры, лисицы, орлы и проч. будутъ мстить ему: орелъ носомъ

пробьетъ ему черепъ и вѣчно будетъ клевать мозгъ, волкъ зубами рвать тѣло, медвѣдь когтями раздирать на части, а туры и козлы—бодать«.—«Медвѣдя-бы, вмѣшивается четвертый, и не слѣдовало убивать: онъ, говорятъ, когда-то былъ женщиною, которую Богъ за дурныя дѣла превратилъ въ медвѣдя, и поэтому онъ не опасенъ для женщинъ. Если-бы, противъ чаянія, медвѣдь вздумалъ напасть на женщину, то слѣдуетъ только остановиться и обнажить свою грудь и онъ, узнавъ, что это женщина, не тронетъ ее».

Скачка. Мы говорили о разорительныхъ поминкахъ; ихъ устраиваютъ и въ великій постъ и вмѣстѣ съ ними и скачки.

Лишившись одного изъ своихъ членовъ, горское семейство, кромѣ устройства трапезы, на которую приглашается цѣлое селеніе, обязано дать еще скачку въ честь усопшаго, на которую имѣютъ право пускать своихъ лошадей исключительно ближайшіе родственники покойника. Число лошадей, которыя должны составить скачку, нельзя опредѣлить, такъ-какъ назначеніе его зависитъ отъ состоянія хозяина, который устраиваетъ скачку, и отъ числа такихъ родственниковъ, которые имѣютъ на нее право.

Первая прискакавшая лошадь получаетъ черкеску и шапку (послѣдняя назначается для сѣдока), вторая—бешметъ, третья—поясъ и ноговицы и т. п. У зажиточнаго семейства нарядъ, назначенный на эти призы, обшивается золотою или серебряною тесьмою.

Получивъ за двѣ недѣли до дня скачки приглашеніе на нее, хозяева лошадей выѣзживаютъ ихъ. У кого-же нѣтъ своей, тотъ на этотъ случай беретъ у родственника или у кунака.

Каждое утро хозяинъ, сажая мальчика на лошадь, плюетъ на ея голову, спину, ноги, ляжки, хвостъ и уши и потомъ на всѣ четыре стороны, нашептывая ей на правое ухо: «да сохранитъ тебя Богъ отъ вліяній дурныхъ глазъ лихихъ людей». Затѣмъ предупреждаетъ мальчика: «смотри: мимо дома такого-то хозяина не ѣзжай, а при встрѣчѣ съ нимъ, его женою, сыномъ и дочерью, свороти въ сторону, и, когда встрѣчный скроется съ глазъ, плюнь ему вслѣдъ, причемъ говори: «твой хинъ да ходитъ

за тобою». Остерегайся и другихъ людей: ибо много есть злыхъ и завистливыхъ людей, готовыхъ сдѣлать всякому хинъ».

Принимая отъ него обратно лошадь, онъ осматриваетъ ее съ ногъ до головы и, поплевавъ, ведетъ въ конюшню, стѣны, двери и отверстія которой также оплевываетъ, и потомъ, привязавъ ее къ яслямъ, оставляетъ.

Наконецъ, наканунѣ дня скачки хозяева ведутъ своихъ лошадей во дворъ дома, устраивающаго скачку, старшій членъ котораго, въ сопровожденіи распорядителей предполагаемой на утро трапезы, выходитъ на встрѣчу лошадямъ, неся съ собою большую деревянную чашку съ пивомъ, и громко читаетъ молитву: «О, Боже! благослови! молимъ Тебя, дай душѣ Еліаса (имя усопшаго) мѣсто въ Дзенетѣ и да веселится она тамъ, какъ олень. О, Боже! кто пустилъ скачку въ лучшій день, съ тѣмъ сравни и меня. О, Чиристи! Мы слышимъ, что на томъ свѣтѣ Ты раздаешь мѣста: если это правда, то просимъ Тебя, уготовь мѣсто и нашему Еліасу, въ которомъ онъ пусть веселится такъ, какъ желаетъ его сердце. Еще просимъ Тебя, дай, чтобы эту чашу съ пивомъ онъ вѣчно держалъ въ рукахъ, которое никогда да не умалится, чтобы эти лошади всегда стояли передъ нимъ такъ-точно, какъ теперь онѣ стоятъ передъ нами, и чтобы безъ его согласія никто изъ мертвыхъ не дерзнулъ ѣздить на нихъ; кто-же позволитъ себѣ сдѣлать это, того Ты, о, Чиристи! лиши Дзенета, — да сдѣлается онъ долею Зындона. О, Барастыръ! тебя называютъ начальникомъ мертвыхъ, и если это истина, то просимъ тебя, прими Еліаса подъ свое покровительство, чтобы онъ не былъ никѣмъ обиженъ. О, Уастырджи! весь міръ въ нуждѣ прибѣгаетъ къ твоей помощи и мы, «бѣдные люди», прибѣгаемъ къ тебѣ и молимъ — прими подъ свое покровительство и этихъ «бѣдныхъ» лошадей, соблюдая ихъ отъ всякихъ опасностей и, въ особенности, отъ вліянія лихихъ глазъ, и если кто изъ дурныхъ людей сглазитъ какую-либо изъ стоящихъ тутъ лошадей, то у того ты, Уастырджи, ископай правый глазъ и отними правую ногу, чтобы такимъ образомъ онъ, лихой человѣкъ, на вѣки валялся въ грязи, и чтобы не видѣть ему лучшихъ дней (стоя тутъ, или глядя со стороны на молящагося, и слыша слова послѣдняго, лихой человѣкъ тихо шепчетъ: «алло, алло (нѣтъ, нѣтъ)! я гость Уастырджи и онъ сохранитъ меня отъ твоего проклятія, которое да обрушится на твою голову»). О, Фандажи-дзуарта (св. до-

роги)! Эти лошади суть ваши гости и вы соблюдите ихъ отъ паденія. О, Еліасъ! если на томъ свѣтѣ есть истина, то да послужитъ настоящая скачка тебѣ на радость. Рухсагу (да будешь свѣтелъ) и сиди въ Дзенетѣ»!

Кончивъ чтеніе молитвы, онъ, выливъ изъ чашки на землю немного пива, подноситъ чашку ко рту каждой лошади и потомъ предлагаетъ молодымъ сѣдокамъ выпить всю чашку. Отвѣдавъ пива и сказавъ: «умершій да будетъ въ Дзенетѣ», сѣдоки возвращаютъ чашку хозяину, который напутствуетъ ихъ такими словами: «Богъ да выпрямитъ вашъ путь: поѣзжайте въ такой-то аулъ, ночуйте у такого-то, пусть никто изъ васъ не спитъ: ибо злые люди, воспользовавшись вашею оплошностью, могутъ или сглазить или увезти вашихъ лошадей. Пусть Уастырджи будетъ вашимъ путеводителемъ и хранителемъ отъ лихихъ людей. Въѣхавъ въ аулъ, поѣзжайте по такой-то улицѣ....»

Въ назначенный аулъ сѣдоки пріѣзжаютъ поздно, такъ, что хозяинъ, для встрѣчи ихъ, встаетъ съ постели; поздно же пріѣзжаютъ они для того, чтобы лихіе люди не могли попасться имъ на встрѣчу.

Выходя къ нимъ и поплевавъ на ихъ лошадей, хозяинъ привѣтствуетъ ихъ: «въ хорошіе дни да ходите» (онъ ожидалъ ихъ пріѣзда). Усадивъ гостей въ кунацкой и предложивъ имъ закусить и заснуть, отчего они отказываются, онъ совмѣстно съ ними караулитъ лошадей, чтобы кто-нибудь не увелъ ихъ или не сдѣлалъ имъ хинъ. «Кто знаетъ, думаетъ онъ, можетъ-быть, есть между самими сѣдоками такой, который умѣетъ дѣлать хинъ». На разсвѣтѣ онъ садится на лошадь и провожаетъ ихъ рысью до того мѣста, откуда они должны скакать. Сказавъ: «да будетъ добръ вашъ путь», онъ возвращается. Для помощи къ каждому изъ нихъ выѣзжаютъ *кузата* (помогающіе), въ числѣ пяти или шести всадниковъ, изъ коихъ одинъ ждетъ *дугона* (скачущей лошади) вблизи селенія, другой въ полверстѣ отъ него, перваго всадника, третій еще дальше.

Первый кузонъ встрѣчаетъ дугона, еще не усталую, а потому ограничивается только крикомъ: айтъ! айтъ (ну! ну)!

Тоже самое повторяетъ и второй, если скачущая лошадь не начинаетъ слабѣть. Третій, взявъ дугона за узду, почему сѣдоку приходится держаться за переднюю луку сѣдла, или при замѣтномъ обезсиленіи ея слѣзаетъ съ нея и идетъ пѣшкомъ и, ска-

завъ: «Уастырджи! аказъ бака (помощь окажи)! понукаетъ: айтъ! айтъ!

Завидя первую скачущую лошадь, столпившіеся около воротъ дома, справляющаго поминки, жители плюютъ по направленію къ приближающейся лошади. Хозяева лошадей ищутъ глазами въ толпѣ *хинганджиты* и если замѣтятъ ихъ, то наблюдаютъ за ними: «плюнутъ они на лошадей или нѣтъ». Если, паче чаянія, случится, что кто-нибудь изъ извѣстныхъ въ аулѣ лиходѣевъ, вслѣдствіе разсѣянности, или по какой-либо другой причинѣ, забудетъ плюнуть, и въ это время скачущая лошадь, къ несчастью, споткнется и упадетъ, тысячи проклятій сыпятся па голову лиходѣя. Первую прискакавшую лошадь и ея хозяина толпа привѣтствуетъ, а родственникъ покойника первую встрѣчаетъ съ чашкою пива и молитвою. Впрочемъ, обычай не лишилъ привѣтствія и опоздавшихъ лошадей.

Поминки состоятъ изъ нѣсколькихъ бочекъ пива и араки, рыбныхъ кушаньевъ и прѣсныхъ чурековъ. Гости размѣщаются въ саклѣ и на дворѣ.

Добрые люди. Добрые люди въ такой славѣ, что народъ равняетъ ихъ съ гадальщиками (они честны и кротки), и какъ безъ участія послѣднихъ не приступаетъ къ выбору въ честь Бога и святыхъ Его нывондовъ — жертвенныхъ животныхъ, такъ точно—безъ «добрыхъ людей», или точнѣе, безъ ихъ перваго начинанія, не рѣшается начать свои весеннія, лѣтнія и проч. серьезныя занятія.

Народъ отличалъ ихъ еще и другимъ названіемъ: «люди счастливаго выхода и начинанія».

Наступаетъ, напримѣръ, пора выходить на покосъ,—горецъ не рѣшается взять косу до-тѣхъ-поръ, пока не увидитъ ее на плечѣ человѣка, первое начинаніе котораго считается счастіемъ для всѣхъ.

Вставъ рано утромъ, осетинъ-горецъ сидитъ на завалинкѣ дома и ждетъ выхода «добраго человѣка»; но этотъ, въ свою очередь, медлитъ выходить: онъ боится встрѣчи съ лихимъ человѣкомъ, который, желая первый воспользоваться этою встрѣчею, притаится въ потаенномъ мѣстѣ, ждетъ и, завидѣвъ его, добраго человѣка, шепчетъ: «да перейдетъ твое счастье ко мнѣ и къ моимъ дѣтямъ и внукамъ, и пусть тѣ, которые удостоились вмѣ-

стѣ со мною въ этотъ моментъ видѣть тебя, будутъ слѣпы и ломаются косы ихъ такъ-точно, какъ въ рукахъ моихъ вотъ эта сухая палочка» (ломаетъ палочку). Затѣмъ, довольный своимъ подвигомъ, уходитъ.

Лишь только завидятъ «счастливаго человѣка» съ косою на плечѣ, осетины тотчасъ берутъ свои и идутъ на мѣста сѣнокосовъ. Но и послѣ того дѣло не начинается: на мѣстахъ всѣ ждутъ времени, когда заблеститъ коса «добраго человѣка». Вотъ, наконецъ, онъ, снявъ шапку, прочитавъ молитву: «О, Боже! да будетъ наше начинаніе въ добрый часъ и кто вышелъ косить въ лучшій день, съ тѣмъ, о Боже! сравни и жителей нашего аула, соблюдая ихъ отъ вліянія дурныхъ глазъ», и плюнувъ во всѣ стороны, размахиваетъ косою, подвигаясь впередъ.

Пошли и всѣ косить.

Вотъ у одного косаря переломилась коса,—это значитъ дѣйствіе глазъ лихого человѣка, который, если не попался на встрѣчу, такъ, «проклятый отъ Бога и отъ людей», непремѣнно притаился гдѣ-нибудь и смотрѣлъ оттуда на всѣхъ. Такая-же церемонія соблюдается во время жатвы и пахоты.

Предварительно начатія одного изъ упомянутыхъ занятій—старъ и младъ, собравшись на ныхасъ, разсуждаютъ между собою: «кто изъ счастливыхъ людей берется первый выходить: или на пашню, или на жатву, или на покосъ». Одинъ изъ стариковъ подаетъ голосъ, что слѣдовало-бы, по его мнѣнію, выйти Тотру (имя добраго человѣка),—другой—Батѣ, а третій указываетъ на Елмарза, говоря, что въ такомъ-то году рекомендуемый имъ первый вышелъ пахать и былъ въ аулѣ хорошій урожай.

Счастливые старики, счастливые общимъ добрымъ о себѣ мнѣніемъ, вступаютъ въ сужденіе, говоря: «нѣтъ, мои дома (вмѣсто словъ: нѣтъ, мои друзья), наши начинанія не всегда оказывались счастливыми,—счастливѣе начинаній Темрико никогда не было: жаль, что онъ сталъ старъ и не можетъ ходить за сохою, а было-бы очень хорошо, если-бы онъ согласился хоть въ эту весну разъ пройти съ сохою, хотя-бы при поддержкѣ брата». — «О, чтобы ты прошелъ», отвѣчаетъ старикъ, «щегольскіе дни свои! Я съ большимъ усиліемъ и трудомъ, опираясь на «бѣдную» палку свою, выползаю на ныхасъ, а онъ (чтобы вошелъ прежде меня въ могилу)! хочетъ, чтобъ я принялъ теперь на себя обязанность предводителя! Полно шутить надъ полумертвымъ стари-

комъ — не кстати: идите себѣ съ Богомъ. Если Богъ захочетъ дать урожай, то дастъ и безъ нашего перваго начинанія».

Лихіе люди. (Мулла и Мисирби). Суевѣрія и предразсудки породили добрыхъ людей, они-же породили и лихихъ шарлатановъ, выдающихъ себя за людей, имѣющихъ непосредственное сношеніе съ Богомъ, святыми Его и злыми духами. Такими людьми являются въ Осетіи муллы и невѣжественные знахари изъ туземцевъ. Для примѣра, мы укажемъ на одного муллу (имя его забыто) и осетина Мисирби.

Въ 1871 году, между плоскостными жителями Сѣверной Осетіи появился мулла и, объявивъ себя за праведнаго человѣка, сталъ выдавать записки, въ которыхъ, увѣрялъ онъ, находятся средства, не только противъ душевной и тѣлесной болѣзни, но даже противъ бѣсовъ. Слухъ объ этихъ запискахъ, или, какъ называлъ ихъ народъ, «книжкахъ», произвелъ такое дѣйствіе, что жители окрестныхъ селеній (мужчины и женщины) длинною вереницею потянулись къ муллѣ, заявляя о своихъ нуждахъ и болѣзняхъ, причемъ одаряли его нысайнагтами (горсть ваты и съ нею отъ 10 к. до 1 р. денегъ). Обстоятельство это переполошило ближайшую администрацію и приходскихъ священниковъ, которые, отобравъ у муллы походную чернильницу, перо, захваченныя записки и другія вещи, объявили ему, что если онъ не уберется въ свои предѣлы, то, арестовавъ его, о продѣлкахъ его донесутъ высшему начальству, для дальнѣйшаго распоряженія.

Выпросивъ свои вещи, онъ, подъ видомъ того, что возвращается восвояси, оставилъ кунацкую своего хозяина, скрылся изъ аула и затѣмъ окольными путями отправился въ горы, гдѣ вновь сталъ торговать своими «книжками», причемъ покупательницамъ шепталъ о томъ, что у него имѣется такое лекарство, по принятіи котораго разрѣшается неплодство, и такое, отъ котораго женщина перестаетъ рожать. Сильное движеніе народа, направленное къ врачу отъ всѣхъ болѣзней и чертей, заставило горскихъ священниковъ и сельскихъ старшинъ выжить его, врача, изъ горъ, что, впрочемъ, даромъ не обошлось: мулла побилъ одного причетника, который объ этомъ заявилъ мѣстному начальству, для разбирательства и законнаго поступленія съ виновнымъ порядкомъ административнымъ.

Признаюсь, мулла просилъ меня помочь его горю, но, не

желая поддерживать шарлатана, я отказалъ ему въ просьбѣ, посовѣтовавъ ему оставить вредное ремесло.

Дальнѣйшая судьба его неизвѣстна.

Старикъ Мисирби своею предпріимчивостію въ чародѣйствѣ превзошелъ муллу и за это, а также за другія дѣла былъ сосланъ въ ссылку, но, получивъ свободу, возвратился на родину и снова взялся за старое ремесло.

Никогда не забуду: я еще былъ мальчикомъ, какъ этотъ Мисирби ходилъ изъ аула въ аулъ и шарлатанствомъ выманивалъ у бѣдныхъ горцевъ деньги, дорогія вещи, барановъ, коровъ и даже быковъ, выгоняя будто-бы изъ домовъ чертей, хиндзинадъ (чары), разрѣшая неплодство женщинъ и проч.

Переступая черезъ порогъ сакли, Мисирби нѣжнымъ, тонкимъ и протяжнымъ голосомъ произносилъ: «Миръ этому дому и да изгонитъ изъ него Богъ чертей и чары, внесенныя въ него проклятыми отъ Бога людьми».

Члены каждаго семейства встрѣчали его съ чувствомъ радости и страха: ибо его принимали за человѣка, обладающаго силою изгонять бѣсовъ и волшебство и въ тоже время вводить ихъ обратно въ домъ. Бѣдняки, разумѣется, старались угодить Мисирби, для чего рѣзался лучшій баранъ и гналась арака, и онъ, не торопясь, ѣлъ и пилъ.

Разостлавъ на полу—среди сакли — бурку, а на бурку тюфякъ, и положивъ у изголовья подушку, Мисирби ложился вверхъ лицомъ, держа въ обѣихъ рукахъ бубенчики.

Лежа такимъ образомъ, онъ сначала принималъ серьезный видъ, водилъ глазами по окружающему люду и потолку, а потомъ — то выпрямлялъ ноги, то подбиралъ ихъ къ себѣ, то кулаками разомъ ударялъ о полъ (причемъ бубенчики производили звонъ), поворачивалъ голову—то на право, то на лѣво, быстро вскакивалъ и опять ложился, скрежеталъ зубами, моргалъ глазами и бился головою о полъ, — такъ дѣлалъ онъ до-тѣхъ-поръ, пока изо рта его не показывалась пѣна. Тогда Мисирби кричалъ: «ступайте! ступайте отсюда! Оставьте меня одного»! Выходя изъ сакли, горцы запирали двери на замокъ и оставались внѣ дома до того времени, пока не раздавалось въ ушахъ ихъ пѣніе Мисирби.

Возвращаясь въ саклю, они находили Мисирби въ облегченномъ состояніи. Онъ пѣлъ составленную имъ самимъ пѣсню, съ знакомымъ намъ припѣвомъ, вертя бубенчиками.

«Слава, начиналъ онъ, свѣтлому святому!

Ой цоппай, ой алай, припѣвали хозяева и посѣтители, ой Алдары цоппай.

Слава господину сего мѣста!
Слава святому паутины!
Слава тому, кто головою трясетъ!
Слава питающимся грязью (низшимъ чертямъ)!
Слава добру сего мѣста!
Слава дну воды!
Слава говорящему истину!
Слава святому дома сего!
Слава св. змѣй!
Слава св. жуковъ!
Слава св. червяковъ!
Слава св. цѣпи (говорится о той цѣпи, которая висітъ надъ очагомъ)!
Слава св. здѣшнихъ горъ!
Слава св. волосъ!
Слава св. ногтей!
Слава св. разныхъ травъ!
Слава св. вѣтровъ!

Далѣе перечислялъ имена вышепомянутыхъ святыхъ.

Переставъ пѣть, онъ устремлялъ глаза въ потолокъ и нѣсколько времени оставался въ такомъ положеніи,—затѣмъ вдругъ вскрикивалъ: «пашелъ! нашелъ! вонъ! вонъ»! (всѣ со страхомъ и ужасомъ смотрѣли туда, куда онъ устремлялъ свои глаза, вскакивалъ и требовалъ лѣстницу, крича: «открылъ и поймалъ хина: онъ теперь въ моей власти»! Ставъ на нижнюю ступень лѣстницы, онъ медленно подымался по ней и наконецъ останавливался, шарилъ рукою въ разсѣлинѣ покрытаго сажею потолка, находилъ въ ней небольшой шарикъ, зашитый въ тряпицу (хины Мисирби находилъ, за немногими исключеніями, въ потолкахъ), съ нимъ спускался по лѣстницѣ, шелъ къ свѣту, въ присутствіи зрителей медленно разсматривалъ шарикъ, который онъ называлъ хиномъ, вертѣлъ его въ рукахъ, какъ-будто искалъ чего-то, понятнаго только для него одного, обтиралъ рукою сажу, какъ-видно, недавно приставшую къ шарику, распарывалъ, развертывалъ его края и что-же находилъ?—человѣческіе волосы, баранью шерсть, засохшую на клочкѣ тряпицы кровь, обрѣзки ногтей съ пальцевъ рукъ и ногъ, обрѣзки съ лошадиныхъ, коровьихъ, козьихъ, бараньихъ копытъ, комокъ паутины и засохшую мышь.

«Вотъ, вотъ, смотрите, обращалъ вниманіе зрителей Мисирби, это дѣло рукъ человѣка, въ которомъ сидитъ злой духъ,—пребываніе этого хина въ домѣ есть страшное зло, отъ котораго происходятъ всякія несчастія. Я знаю этого чародѣя, его жену и дѣтей, но выдавать его не долженъ, это мое правило; ибо если-бы я выдавалъ всѣхъ колдуновъ, хины которыхъ я открываю и умерщвляю, то люди передрались-бы и цѣлыя селенія истребили-бы другъ друга: мое дѣло только отыскивать и сожигать хинъ, чтобы отъ него болѣе не вѣяло несчастіемъ, и изгонять чертей изъ домовъ бѣдныхъ людей, хотя, признаюсь, такой трудъ мнѣ даромъ не обходится: всѣ вы были свидѣтелями муки, принятой мною отъ злыхъ духовъ и хинганджитай (колдуновъ), бывшихъ для васъ невидимыми, а для меня ясными;—вы видѣли, какъ я бился головою о полъ, какъ судорожно сжимались у меня всѣ члены и какъ выступала изо рта пѣна — все это происходило отъ того, что цывхорта (низшіе черти, поѣдающіе грязь) и колдуны не хотѣли подчиниться моей власти и упорно отстаивали свою свободу и права на эту саклю, и я-бы не одолѣлъ ихъ, если-бы во время самаго разгара борьбы мнѣ не помогли тѣ святые, имена которыхъ вы слышали. Побѣжденные теперь злятся на меня и грозятъ отмстить, но имъ это не удастся, потому, что за меня стоитъ Еля. И такъ, не бойтесь теперь: всѣ будете живы и здоровы, будетъ здоровъ и невредимъ и скотъ вашъ. Въ успокоеніе-же ваше я довершу начатое дѣло».

Велѣвъ развести костеръ, колдунъ Мисирби означенныя вещи, по-одиночкѣ, бросалъ въ пламя и сакля наполнялась смраднымъ дымомъ, причемъ приговаривалъ: «такъ да горитъ злой духъ и колдунъ, какъ горитъ въ виду нашемъ этотъ хинъ». Обращаясь къ домашнимъ, онъ приказывалъ: «плюньте всѣ на догорающій хинъ и на всѣ четыре стороны». Домашніе повиновались. «Отнынѣ, объявилъ Мисирби, миръ этому дому: нечистая сила изгнана изъ него и хинъ лихого человѣка сожженъ,—чародѣй и злой духъ рыдаютъ, ибо лишены возможности входить въ эту саклю.»

А чтобы навсегда избавить саклю отъ новаго волшебства и чертей, онъ произносилъ противъ нихъ проклятіе. «Кто-же, проклиналъ Мисирби, отважится,—или изъ зависти, или изъ ненависти—дѣлать и вводить въ эту саклю хинъ и чертей, тотъ пусть сгоритъ, какъ сгорѣлъ несчастный хинъ, пусть трещитъ, какъ трещали бросаемые нами составы хина, и пусть почернѣетъ колдунъ, сдѣлавшій этой саклѣ хинъ, какъ почернѣлъ его хинъ!

Довольны ли вы, спрашивалъ онъ хозяевъ, моими дѣлами?»—«Богъ да благословитъ тебя, Мисирби, за то, что принялъ на себя такой трудъ ради насъ, благословляли хозяева, мы никогда не забудемъ твое имя и въ молитвахъ своихъ будемъ просить Бога о дарованіи тебѣ многихъ лѣтъ: ты наша доля отъ Бога и доля отъ нашего Ангела (вмѣсто словъ: ты нашъ Богъ и нашъ Ангелъ). Мисирби! Да будетъ на насъ твоя милость—объяви намъ, какую плату можно тебѣ получить отъ насъ за очищеніе нашей сакли», спрашивали благодарные хозяева.

«Что пожалуете, то будетъ достаточно». Онъ говорилъ не правду, потому что за визитъ онъ бралъ корову; меньше-же стоимости коровы не принималъ, а больше бралъ, какъ мы замѣтили выше.

Посѣщая ныхасы, Мисирби разсказывалъ о томъ, какъ Богъ открываетъ ему тайны сердецъ людей, о бесѣдѣ своей со святыми и чертями и о борьбѣ своей съ послѣдними. Онъ утверждалъ, что въ каждомъ домѣ есть по нѣсколько чертей и хинъ, напущенный волшебникомъ.

Чертей Мисирби дѣлилъ на два разряда, —къ первому относилъ добрыхъ и благородныхъ, которые мало вредятъ человѣку и его скоту и которые обѣдаютъ и ужинаютъ вмѣстѣ съ людьми, но отъ этого у послѣднихъ не оскудѣваютъ житницы; ко второму — злыхъ и грязныхъ чертей, питающихся грязью и рѣдко человѣческою пищею, послѣднею именно тогда, когда скупая хозяйка, имѣя довольно хлѣба и сыру, жалѣетъ дать страннику кусокъ хлѣба и сыру, извиняясь бѣдностью; тогда низшіе черти берутъ цѣлый хлѣбъ и сыръ и отрѣзываютъ отъ нихъ такіе куски, которые щедрая хозяйка подала-бы рѣдкому гостю, и съ жадностью поѣдаютъ: оттого у многихъ скупыхъ хозяекъ нѣтъ изобилія.

Мисирби очаровывалъ въ особенности женщинъ, которыя, отправляясь на мельницы и по воду (въ Осетіи женщины ходятъ по воду и на мельницы гурьбою и одновременно), пересказывали все слышанное отъ него въ преувеличенномъ видѣ: одна, напримѣръ, восклицала: «уу! Боже мой! Боже мой! какой Мисирби выросъ между людьми». Другая: «да да дай мабонъ» (охъ, день мой)! если и въ нашемъ домѣ поселились черти и есть хинъ, то что будетъ съ нами? я боюсь по вечерамъ ходить одна въ хлѣвъ и доить коровъ, и когда приближаюсь къ нему, такъ отъ страху по кожѣ морозъ деретъ, и думается мнѣ, что, какъ

только стану доить, такъ сядетъ на меня одинъ изъ Мисирбіевыхъ чертей». Третья перебивала: «если-бы не сдѣлали мнѣ хинъ, то развѣ я не рожала-бы дѣтей: чѣмъ я хуже другихъ женщинъ»! Четвертая утверждала: «и по правдѣ сказать: оттого-то и я перестала рожать: вѣдь не хуже, есть-же женщины, гораздо старѣе меня, а рожаютъ, посмотри, какихъ еще здоровыхъ мальчиковъ и дѣвочекъ; — глядя на нихъ, завидки берутъ: кто сдѣлалъ мнѣ хинъ, надъ тѣмъ да будетъ Богъ судьею». Пятая говорила не въ пользу Мисирби: «дододой (выраженіе ужаса)! страшенъ для меня этотъ Мисирби; разсказываютъ, что онъ нѣкоторымъ женщинамъ сдѣлалъ хины и оттого однѣ перестали рожать, другихъ перестали любить мужья, а у иныхъ умираютъ дѣти. Его Богъ да будетъ надъ нимъ судьею». Шестая прибавляла: «всѣ толкуютъ про Мисирби, что онъ изгоняетъ изъ домовъ чертей, сожигаетъ хины и исцѣляетъ отъ разныхъ болѣзней; но однако не видно, чтобы въ домахъ, гдѣ побывалъ Мисирби и сожигалъ хинъ, не умирали, скотъ не дохъ и жены рожали: вотъ, напримѣръ, у Джержіевыхъ онъ недавно сжегъ хинъ и однако у нихъ издохла корова и умерло дитя».

Наконецъ, седьмая повышала голосъ: »я вамъ скажу, здѣшнія женщины (у осетинъ принято обращаться къ собесѣдникамъ: тутошніе и здѣшніе люди), что если Мисирби дѣйствительно одаренъ свыше силою, какую приписываютъ ему, то отчего не спасаетъ свой скотъ отъ падежа: вѣдь у него перевелась вся скотина, и сколько лѣтъ онъ ходитъ по ауламъ и обираетъ бѣдныхъ жителей, а у него ни кошки, ни собаки! Подъ гнѣвомъ Божіимъ собираетъ и потому нѣтъ и не будетъ у него ничего».

Не смотря на это разворѣчіе и ропотъ противъ Мисирби, не смотря на то, что у него въ домѣ не было «ни кошки, ни собаки», ибо собираемыя имъ стада барановъ, коровъ и проч., или издыхали отъ падежа, или отъ дурного присмотра, или-же просто уводились ночными промышленниками, которыхъ вездѣ не мало, не смотря на все это, Мисирби не бросалъ своего ремесла, а горцы не переставали звать его къ себѣ, заявляя свои требованія помочь горю, которое, къ несчастію, было у всѣхъ.

Но бываетъ-же всему конецъ, пришелъ конецъ и славѣ и обаянію Мисирби: мѣстная администрація сжалилась надъ народомъ и Мисирби былъ отправленъ въ ссылку, гдѣ, какъ мы замѣтили, оставался недолго и, по возвращеніи, снова было взялся за старое ремесло, но духовенство, которое видѣло въ немъ

явнаго противника вѣры, постаралось проповѣдями и частыми бесѣдами ослабить къ нему вѣру народа,— и Мисирби замолкъ, но на долго-ли? Впродолженіи 1871 и 1872 гг. въ Осетіи свирѣпствовали эпизоотія и эпидемія и Мисирби предложилъ своему обществу выбрать изъ стада бѣлаго быка, котораго и принести въ жертву Рыныбардуагу, чтобы онъ, умилосердясь надъ народомъ, отвратилъ тѣ повальныя болѣзни.

Меньшинство голосовъ уже стало было поговаривать, чтобы совѣтъ Мисирби былъ приведенъ въ исполненіе, но приходскій священникъ разумными доводами отвергъ совѣтъ Мисирби и въ довершеніе своего торжества отслужилъ молебенъ.

Ахары-дуръ (всепотрясающій и пожирающій камень). *Заххылхацагъ-галъ* (поддерживающій землю быкъ). *Май-хорта* (пожиратели луны) и *Хур-хорта* (пожиратели солнца).

Собравшись зимою подъ вечеръ въ чью-либо кунацкую для препровожденія времени и потолковавъ о томъ и о семъ, а между-тѣмъ до ужина еще далеко, осетины иногда пускаются въ сужденія и о страшномъ судѣ и о явленіяхъ, которыя будутъ сопровождать кіаматы-бонъ (тяжелый день). «Живемъ», начинаетъ одинъ изъ стариковъ, «живемъ, а что будетъ съ нами на страшномъ судѣ, — вѣдаетъ только одинъ Богъ: когда подумаешь о немъ, такъ по кожѣ морозъ деретъ и замираетъ сердце. Не легче чувствуешь себя и при мысли о страшномъ всепожирающемъ камнѣ, который, говорятъ, упадетъ кіаматы-бонъ (въ тяжелый день) съ неба, паденіемъ своимъ потрясетъ землю, потомъ, будучи съ громаднымъ ртомъ, пожретъ ее съ обитающими на ней существами и, наконецъ, пожретъ солнце, луну и звѣзды.

«Говорятъ, что грѣшники первые будутъ осуждены въ всепоѣдающій день—и имъ по дѣломъ! Но что будетъ съ нами, бѣдными стариками, беременными женщинами и грудными дѣтьми»?—«Богъ знаетъ: у Него есть средство», рѣшаетъ другой старикъ.—«Когда умремъ, тогда дѣлай съ нами что хочешь», говоритъ третій.—«Нѣтъ, не успокаивай себя, тогда другое скажешь», возражаетъ четвертый.—«Желательно было-бы знать», вмѣшивается шутникъ, «будетъ-ли осужденъ въ день страшнаго суда ишакъ»?—«Безъ сомнѣнія», отвѣчаютъ ему, «не только ишакъ, но даже мухи, мурашки, червяки и прочія твари будутъ осуждены. Въ противномъ случаѣ, зачѣмъ-бы люди дѣлали ишакамъ фыдгандъ (смо-

три ниже), если-бы они не были предназначены для суда вмѣстѣ съ людьми».—«О, Богъ»! восклицаетъ джигитъ, «я твой гость: не осуди меня вмѣстѣ съ эшаками, собаками и кошками: пусть лучше пожираетъ меня Ахары-дуръ и пошлетъ меня Богъ въ адъ и тамъ черти мною забавляются такъ, какъ забавляются тѣмъ старикомъ, котораго Барастыръ оставилъ въ Зындонѣ: ибо жить нескончаемо съ этими нечистыми животными тошнѣе и ужаснѣе всякихъ адскихъ мукъ».—«Полно нести вздоръ», окрикнетъ старикъ, «кому что написано еще въ утробѣ матери, то и будетъ съ нимъ; если предопредѣлено, чтобы эшаки, кошки и собаки въ дѣйствительномъ мірѣ вѣчно стояли передъ людьми, то, желай того или не желай, такъ и будетъ». — «Пусть будетъ такъ», соглашается джигитъ, «но скажите мнѣ, избавится-ли отъ рта Ахары-дура быкъ, на рогахъ котораго держится земля»?—«Вѣдаетъ это одинъ Богъ», отвѣчаетъ тотъ-же старикъ, «отцы наши объ этомъ умолчали. Однако, быкъ тотъ долженъ быть очень великъ и силенъ, когда въ силахъ держать на рогахъ землю, съ горами и морями; велики-же должны быть и тѣ рога! Когда онъ ими потряхиваетъ, тогда дрожитъ вся земля и во многихъ городахъ и деревняхъ валятся дома. И что если-бы онъ взбѣсился, вѣдь, тогда земля, отскочивъ отъ роговъ, провалилась-бы въ тартаръ и вмѣстѣ съ нею всѣ люди и животныя».—«Что, тартаръ имѣетъ дно или нѣтъ», спрашиваетъ любопытный.—«Кто его знаетъ», отвѣчаетъ старикъ. «Но мнѣ любопытно знать, на чемъ держится самъ быкъ? Вѣрно, онъ имѣетъ крылья, которыми постоянно машетъ, — въ противномъ случаѣ, какъ могъ-бы онъ держаться и держать на своихъ рогахъ землю». — «Чѣмъ-же питается тотъ быкъ», докучаетъ тотъ-же любопытный, «вѣдь подъ землею есть только воздухъ, развѣ имъ питается? Держа-же на рогахъ землю, онъ не можетъ щипать траву, ибо если подыметъ морду къ землѣ, то въ то-же время подыметъ и землю, а потому нѣтъ ему возможности щипать траву».—«Да развѣ у Бога мало средствъ на то, чтобы быкъ всегда былъ сытъ», возражаетъ старикъ. «Наконецъ, около него, навѣрное, есть водопадъ, изъ котораго онъ можетъ пить, не подымая головы, и стогъ сѣна, накошенный и сложенный подземными людьми».—«Божье удивленіе! Неужели на исподней части земли живутъ люди и животныя? Какъ-же они держатся? Вѣдь у нихъ головы обращены книзу — тартару: бѣдные тамошніе люди и животныя! Они всегда въ опасности провалиться въ тартаръ! Боже! благодарю Тебя, что я родился

не тамъ и не внижу тартара, Зындона, гдѣ черти жестоко забавляются душами бѣдныхъ людей», восклицаетъ джигитъ.—«Неужели Зындонъ находится подъ землею? въ такомъ случаѣ, какъ-же въ бахфалдисанѣ (смотри надгробную рѣчь) говорится, что умершіе сначала должны подыматься вверхъ, побывать у наслѣдника луны — Хамедъ-Хана и у сына солнца, Магомета», возражаетъ другой джигитъ.—«Да развѣ», возражаетъ въ свою очередь старикъ, «не видишь, что солнце и луна ходятъ вокругъ земли: съ востока подымаются и на западѣ заходятъ. Разумѣется, на исподней части земли есть люди, и у нихъ дома; ѣдятъ-же они небесныя кушанья, не похожія на наши. У нихъ есть страшные враги, которые по временамъ нападаютъ на нихъ и ѣдятъ ихъ, оставляя каждый разъ отъ нихъ только частицы, которыя выростаютъ и принимаютъ прежній видъ».

Во время луннаго затмѣнія, осетины, вѣря, что луну пожираютъ какіе-то звѣри—май-хорта, стрѣляютъ изъ винтовокъ по направленію къ лунѣ и, по появленіи снова ея въ видѣ дуги, думаютъ, что остальную невидимую часть ея сожрали тѣ животныя и что видимая часть луны уцѣлѣла отъ тѣхъ звѣрей, потому только, что они, услышавъ выстрѣлы ружейные, отъ страху бросаютъ свою жертву и убѣгаютъ.

Такіе-же звѣри по временамъ нападаютъ и на солнце и поѣдаютъ его, почему на нѣкоторое время его совсѣмъ не бываетъ видно и оно появляется на небѣ потому, что отъ оставленной отъ него части снова выростаетъ и принимаетъ прежній видъ. Но удивляются тому, что солнце, будучи великій огонь, сразу не сожжетъ ихъ, и изъ того выводятъ заключеніе, что тѣ звѣри состоятъ тоже изъ огня, иначе-бы не только не пожирали солнца, но даже не подошли-бы къ нему близко.

На страшномъ судѣ, говорятъ горцы, май-хорта и хуръ-хорта нападутъ на Ахары-дура за то, что онъ пожретъ луну и солнце, и начнутъ рвать его на куски. Во время этой борьбы Ахары-дуръ извергнетъ изъ себя солнце, луну и землю, причемъ раздавленные люди и животныя будутъ испускать изъ себя смрадъ, но возстанутъ по зову Чиристи (Христа), или Барастыра (начальника мертвыхъ). Увидя луну и солнце, звѣри, оставивъ Ахары-дура, бросятся: май-хорта — на луну, а хуръ-хорта — на солнце, но напрасно: солнце будетъ ихъ жечь, а луна сдѣлается гладкою такъ, что никакіе зубы не возьмутъ ея. Оба свѣтила будутъ стоять неподвижно до того времени, пока не на-

ступитъ ахары-бонъ (всепоѣдающій день), въ который онп сольются вмѣстѣ съ землею въ одну массу и примутъ видъ послѣдней. Тогда-то воскреснутъ всѣ люди и животныя, и Богъ распредѣлитъ людей: однихъ къ страданію различными муками, причемъ передъ нѣкоторыми грѣшниками вѣчно будутъ стоять паршивыя собаки, кошки и ишаки,—другихъ къ наслажденію райскими удовольствіями.

Фыдгандъ (срамная клятва, заклинаніе кошкою, собакою и ишакомъ). *Ардъ* (присяга, проклятіе). *Фалдисандзинадъ* (присяга, заклинаніе себя).

Изъ понятій о Богѣ и святыхъ Его, какъ о страшныхъ карателяхъ, о вѣчной жизни и безсмертіи людей и животныхъ, народились и оформились у осетинъ фыдгандъ, ардъ и фалдисандзинадъ, которыми до введенія въ краѣ судебной реформы оканчивались дѣла тяжебныя, воровскія, по убійству и проч.

Существовавшій въ Осетіи медіаторскій судъ, который выбирался самимъ народомъ изъ людей, пользовавшихся въ обществѣ довѣріемъ и уваженіемъ, предоставлялъ истцу право назначать обвиняемому или подозрѣваемому лицу, смотря по роду совершеннаго имъ преступленія, принимать одинъ изъ помянутыхъ родовъ присяги, какъ очистительное средство.

Впрочемъ, не всегда и не всякому обвиняемому лицу дозволялось лично произносить клятву, а, по большей части, судъ требовалъ присяги отъ однофамильца его, притомъ лица, пользовавшагося, какъ въ своей фамиліи, такъ и въ народѣ, славою честнаго и правдиваго человѣка, ибо присяга, даваемая первымъ, со временемъ утратила въ глазахъ народа свое значеніе, который открыто протестовалъ противъ нея словами: «авзарганаганта цай арди» (какая клятва у преступника)!

Клятва, которая произносилась родственникомъ подозрѣваемаго или обвиняемаго, не оставляла по себѣ никакихъ недоразумѣній, такъ, что истецъ и судъ ею вполнѣ удовлетворялись. *Фыдгандъ* произносился самимъ истцомъ противъ обвиняемаго лица или симъ послѣднимъ въ оправданіе себя, по опредѣленію суда, а иногда безъ онаго, по взаимному соглашенію истца и обвиняемаго. Принимавшій этого рода присягу взваливалъ на плечи свои собаку, или кошку, и шелъ съ нею на кладбище, или на

навозъ, или къ воротамъ дома обвиняемаго, или на возвышенное мѣсто, находящееся повыше аула, или-же выгонялъ эшака. Первыя два животныя, если приносились на кладбище, или къ воротамъ обвиняемаго за совершеніе имъ крупнаго воровства, подвергались только ударамъ палки, а если за прелюбодѣяніе (обрядъ этотъ соблюдался въ этихъ двухъ случаяхъ), то убивались изъ ружья или пистолета. Послѣднее животное бывало только бито и употреблялось въ орудіе клятвы исключительно въ случаяхъ мелкаго воровства.

Взваливъ собаку на плечи, или взявъ кошку на руки, воръ или прелюбодѣй, выходилъ на ныхасъ и тамъ, подтвердивъ, что онъ невиненъ во взводимой на него кражѣ, или въ связи съ женою такого-то, просилъ объ освобожденіи его отъ обряда фыдгандзинада, но, не получивъ свободы, шелъ на навозъ, и если обвиняемый былъ воръ, то онъ во всеуслышаніе произносилъ заклинаніе: «ооо! послушайте, здѣшніе люди! Объявляю вамъ, что я невиненъ въ кражѣ такихъ-то вещей, или животныхъ, принадлежащихъ такому-то лицу! Если-же я виновенъ въ кражѣ и скрываю краденыя вещи, или животныхъ, то эта собака на томъ свѣтѣ во вѣки вѣковъ да лежитъ на моихъ плечахъ и на плечахъ моихъ покойниковъ и покойницъ — отца, матери, братьевъ и сестеръ, и проч., такъ точно, какъ теперь лежитъ на моихъ плечахъ». Спустивъ собаку на землю, онъ три раза ударялъ ее палкою и затѣмъ освобождалъ. Бѣдная собака съ визгомъ убѣгала домой.

Прелюбодѣй-же, держа собаку или кошку передъ склепомъ своихъ предковъ, восклицалъ: «если я имѣлъ и въ настоящее время имѣю преступную связь съ женою такого-то, то да лежитъ, или стоитъ, въ дѣйствительномъ мірѣ эта кошка, или собака, передъ моими умершими, находящимися вотъ въ этомъ склепѣ, и да пьемъ (стрѣлялъ въ животное, которое тутъ-же издыхало) они и я текущую изъ нея кровь и да визжитъ она и издыхаетъ нескончаемо передо мною и передъ ними такъ-точно, какъ теперь визжитъ и издыхаетъ. Напротивъ,—Богъ да услышитъ мою невинность». Убитое животное уносилось за аулъ,—истецъ успокаивался.

Фыдгандъ возлагался и на родственниковъ подозрѣваемыхъ лицъ.

Самъ истецъ произносилъ фыдгандъ тогда только, когда вызывалъ признаніе у неизвѣстнаго вора или доказчика противъ послѣдняго.

Погоняя эшака на возвышенное мѣсто, откуда видѣнъ весь

аулъ, онъ ворчалъ и проклиналъ воровъ: «кто подъ Богомъ занимается дурными дѣлами, у того да погибнетъ жизнь въ этомъ и будущемъ свѣтѣ, да пресѣчется родъ и сѣмя его. Таки увели «бѣднаго» моего быка, или корову, и сожрали: чтобъ за такія дѣла постигъ ихъ гнѣвъ Тутыра, волки котораго да сожрутъ ихъ стада овецъ, коровъ и проч., такъ-точно, какъ они, проклятые отъ Бога, сожрали «бѣдную» мою корову». Ударяя лѣниваго эшака палкою, онъ прикрикивалъ на него: «Уйшь (ну), чтобы ты издохъ, какъ собака! кто укралъ мою скотину, тотъ да ѣстъ твой вонючій калъ и да не видѣть ему добра». Наконецъ, по достиженіи предназначеннаго мѣста, истецъ громко кричалъ: «О уи! кто слышитъ!! Уаа! кто укралъ мою корову, или кто знаетъ вора, тотъ да откликнется. А то вотъ этимъ эшакомъ сейчасъ дѣлаю фыдгандъ! О уии! да никто не скажетъ, что не слышалъ»! Если послѣ троекратнаго крика не было отклика, то истецъ три раза палкою ударялъ по спинѣ эшака, съ громкими словами: «кто укралъ у меня такую-то скотину, или кто знаетъ вора и скрываетъ его, тотъ самъ и его мертвые на томъ свѣтѣ да ѣдятъ нескончаемо мясо этого нечистаго животнаго и да не видѣть имъ никогда лучшаго кушанья».

Если воръ былъ извѣстенъ, то родственники его не допускали истца до фыдганда и возвращали его съ дороги для расплаты съ нимъ.

Ардъ назначался медіаторскимъ судомъ. Родственникъ обвиняемаго, или подозрѣваемаго въ воровствѣ, или прелюбодѣйствѣ, долженъ былъ клясться гнѣвомъ извѣстнаго своею правдивою мстительностью святого, и притомъ передъ его молельнею, въ томъ, что въ одномъ изъ помянутыхъ родовъ преступленій однофамилецъ его такой-то невиненъ. Если такой родственникъ зналъ такіе грѣшки за подозрѣваемымъ однофамильцемъ, и если послѣдній не могъ увѣрить его въ своей невинности въ данномъ случаѣ, то онъ подъ разными предлогами старался уклониться отъ арда, опасаясь, чтобы ложною клятвою не навлечь на себя и свой родъ гнѣвъ святого, который никогда не помилуетъ нангардхарджиты (буквально: пожирающихъ клятву), и вмѣстѣ съ тѣмъ не уронить себя во мнѣніи своего общества. Но видя, что судъ и истецъ не принимаютъ отъ него никакихъ резоновъ, кромѣ арда, въ оправданіе однофамильца, онъ созывалъ родственниковъ и требовалъ отъ нихъ вѣрныхъ свѣдѣній, виновенъ-ли ихъ однофамилецъ такой-то, и если спрашиваемые оставались нѣмыми, то онъ

объявлялъ суду, что отказывается отъ арда, по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, причемъ просилъ судъ, чтобы онъ привелъ къ присягѣ другого родственника обвиняемаго, такого-то, — уклоненіемъ этимъ онъ явно выдавалъ родственника—преступника.

Когда-же этотъ послѣдній въ данномъ случаѣ казался правымъ и вообще въ честности его родственники не сомнѣвались, тогда почтенный однофамилецъ бралъ смѣлость принять ардъ въ кувандонѣ (молельнѣ) святого патрона своего селенія, примѣрно, Уастырджи, или Рекома, или Микалгабырты и проч.

Явившись съ тремя и болѣе свидѣтелями къ молельнѣ своего патрона, онъ, снявъ шапку и ставъ лицомъ къ востоку, произносилъ: «О, творецъ неба и земли, великій Богъ! всѣ мы созданы Тобою и живемъ подъ Тобою! О Уастырджи! поверни лицо твое на насъ, ты вѣрный защитникъ праваго и страшный каратель виновнаго: съ этими людьми я пришелъ къ твоей молельнѣ, дабы подъ тобою найти правду — открыть преступника и оправдать невинность; отъ тебя не скрыты тайны человѣческія; ты дѣла людей вѣсишь на вѣсахъ твоего правосудія: ты вѣдаешь виновенъ-ли такой-то мой родственникъ въ такомъ-то преступленіи, или нѣтъ, а потому взываю къ тебѣ: о, мощный свѣтлый святой Уастырджи! Если родственникъ мой такой-то сдѣлалъ такое-то преступленіе и онъ и я скрываемъ оное передъ правдивыми людьми и ложною клятвою именемъ твоимъ желаемъ ввести этихъ людей (указываетъ на свидѣтелей) и выбранный Богомъ судъ въ заблужденіе; то обрати на насъ гнѣвъ твой и остріемъ его истреби родъ и пресѣки сѣмя наше, посылая на насъ, на женъ и дѣтей нашихъ злокачественныя болѣзни и лютыя смерти». При этомъ дѣлалъ оговорку: «о, святой Уастырджи! вѣдаешь ты, что я призываю имя твое, потому-что увѣренъ въ невинности этого родственника (указывалъ на него рукою, если онъ былъ тутъ), но если онъ совершилъ преступленіе, скрываетъ его отъ меня и, показывая передо мною личину невинности и тѣмъ омрачивъ умъ и сердце мое, ввелъ въ настоящую ошибку; то ты, Уастырджи, пошли на домъ его гнѣвъ твой и да постигнетъ душу его произнесенное мною проклятіе, крылья котораго да не коснутся моего бѣднаго крова. Если-же преступленіе такое-то совершилъ иной человѣкъ и онъ, оставаясь теперь въ сторонѣ, въ числѣ честныхъ людей, посмѣивается надъ невѣдѣніемъ нашимъ; то да будетъ онъ злосчастенъ и да сгоритъ онъ въ гнѣвѣ твоемъ со

всѣмъ родомъ своимъ такъ-точно, какъ сгорѣлъ Габулаевъ, родъ котораго пресѣкся и въ развалинахъ сакли котораго растетъ нынѣ крапива и гнѣздятся ящерицы».

Если-же судъ обвинялъ преступника на основаніи показанія доказчика (объ немъ рѣчь впереди), то клятвопроизноситель прибавлялъ: «О, Уастырджи! это преступленіе взведено на насъ по злобѣ и завнсти такимъ-то доказчикомъ, у котораго нѣтъ правды, нѣтъ вѣры въ Бога и нѣтъ умершихъ: ибо онъ, пребывая въ беззаконіи, омрачилъ умъ и потерялъ свою совѣсть, а потому обманываетъ и мутитъ бѣдныхъ людей: и да попадетъ онъ подъ гнѣвную твою волю и да постигнетъ его твой правдивый судъ».

За весьма рѣдкимъ исключеніемъ, въ судѣ разбиралось дѣло безъ наемнаго доказчика — свидѣтеля, который, взявъ деньги съ истца, являлся съ нимъ въ судъ, ведя съ собою и обвиняемаго имъ въ такомъ или иномъ злодѣяніи, и затѣмъ излагалъ передъ судьями обстоятельства, сопровождавшія подсудное дѣло. По разсмотрѣніи-же дѣла, судъ назначалъ такъ-называемый «выборный ардъ», который и долженъ былъ принять или старшій членъ въ фамиліи доказчика въ подтвержденіе доказательствъ, приведенныхъ послѣднимъ противъ отвѣтчика, или старшій въ родѣ этого послѣдняго въ опроверженіе тѣхъ доказательствъ и въ очищеніе совѣсти обвиняемаго лица.

Если старшій членъ въ фамиліи доказчика отказывался отъ суда, то этотъ долженъ былъ удовлетворить истца по оцѣнкѣ украденныхъ вещей и скотины и въ размѣрѣ не свыше тройной стоимости каждой вещи или животнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ возвратить взятыя у него деньги. Клялся-же онъ такъ: «если однофамилецъ мой, такой-то, ради корысти, или по злобѣ, или зависти, взвелъ на такого-то уголовное дѣло ложно и я и моя фамилія объ этомъ вѣдаемъ, то ты, о, Уастырджи! сердцевѣдецъ, праведный гнѣвъ твой обрати на насъ и сокруши основный камень нашего рода такъ, чтобы въ непродолжительномъ времени вся наша фамилія была истреблена ниспосланною отъ тебя злокачественною болѣзнью, чтобы женщины наши достались злѣйшимъ врагамъ нашимъ и чтобы родъ нашъ служилъ посмѣшищемъ для послѣдующихъ человѣческихъ поколѣній; въ противномъ-же случаѣ, ты, Уастырджи, отличи преступника, который не сознается въ своемъ преступленіи, пославши на него и домъ его *габаръ* и *рынъ* (первый—родъ сифилиса, а второй — чумы); о, Уастырджи! призри на нашу правдивость».

Фалдисандзинадъ употреблялся, по-большей-части, въ случаяхъ убійства. Когда убійца запирался въ своемъ, почти явномъ, злодѣяніи и родственники убитаго готовили месть; тогда медіаторы прибѣгали къ фалдисандзинаду, какъ — единственному средству къ примиренію враждующихъ партій: ибо ни кровная плата, ни даже вступленіе въ родство посредствомъ брака не могли остановить кровомщеніе, не щадившее даже племянниковъ, рожденныхъ родною сестрою, вышедшею замужъ за родного брата убитаго.

Обвиняемый въ убійствѣ долженъ былъ съ лошадью явиться къ склепу убитаго. Странно и жалко было смотрѣть на него: дрожа всѣмъ тѣломъ, блѣдный, съ сверкающими глазами и опущенною головою, чуть живой, онъ стоялъ передъ склепомъ своей жертвы, для того, чтобы тутъ принять имя «фалдыста»—тавро, которое никогда ни съ него, ни съ его рода не изгладится, для того, чтобы всю фамилію и отдаленное свое потомство сдѣлать предметомъ вѣчныхъ унизительныхъ насмѣшекъ окружающей среды, которая со времени произнесенія убійцею фалдисандзинада считаетъ себя вправѣ явно упрекать его, несчастнаго, и его фамилію—«фалдыстомъ». Унизительнѣе и постыднѣе этого прозвища въ Осетіи нѣтъ и никогда не будетъ. Съ этимъ проименованіемъ убійца терялъ свое я, свое человѣческое достоинство и права, словомъ—въ глазахъ людей онъ не считался болѣе человѣкомъ и уже принадлежалъ ни себѣ, а убитому имъ человѣку, который въ «дѣйствительномъ мірѣ» бесконечаемо будетъ помыкать имъ, какъ своимъ холопомъ! Ужасная картина будущей жизни!

Только такимъ самоуниженіемъ, самопожертвованіемъ и наложеніемъ на себя, на всю свою фамилію и поколѣніе неизгладимаго пятна, онъ могъ прекратить неумолимое мщеніе.

Держа правою рукою ножъ, а лѣвою ухо убійцы, а если его не было въ живыхъ, то его родного брата, старшій въ родѣ убитаго во-всеуслышаніе произносилъ: «ооо! послушайте, здѣшніе люди! рукою этого человѣка была пролита кровь нашего родственника такого-то, который нынѣ лежитъ вотъ въ этомъ склепѣ, и въ отмщеніе за это мы беремъ его тѣло и душу на служеніе въ «дѣйствительномъ мірѣ» нашему убитому родственнику, а также и принадлежащее ему движимое и недвижимое имущество и поминки! Итакъ, отнынѣ и до вѣка, ты, убійца, принадлежи ему и да владѣетъ онъ тобою такъ-точно, какъ ты до-сихъ-поръ владѣлъ приведенною тобою лошадью; отнынѣ твоя голова, твои

руки, твои ноги, твой умъ, твое сердце, твоя душа — словомъ, ды инъ фалдыстъ фау (ты всецѣло принадлежи ему); сверхъ сего, домъ, сѣнокосныя поля, нивы, бараны, козлы, быки, коровы, лошади, кои ты считалъ и считаешь своею собственностью, отнынѣ да принадлежатъ убитому. Когда-же ты перейдешь въ «дѣйствительный міръ», то съ тобою вмѣстѣ да принадлежатъ ему и поминки, которыя по тебѣ будутъ справляемы твоими родственниками».

Окончивъ заклинаніе, кровомститель остріемъ ножа касался (ужасная минута!) уха безмолвнаго убійцы, изъ котораго тотчасъ капала кровь.

Захвативъ рукою налету нѣсколько капель крови, онъ ими мазалъ скелетъ, съ словами: «что̀ дѣлать, родственникъ нашъ! да не оскорбится твое сердце: лучшаго дѣла во славу твою — мы совершить не могли. Да будетъ оно угодно тебѣ! Тотъ, чья кровь эта, отнынѣ принадлежитъ тебѣ и ты владѣй имъ, по своему усмотрѣнію. Отнынѣ по твоей и нашей волѣ, месть за твою смерть прекращается и водворяется миръ между тобою и умершими нашихъ враговъ и между нами и послѣдними, чему ты особенно да споспѣшествуешь вмѣстѣ съ отошедшими прежде и послѣ тебя въ дѣйствительный міръ родственниками нашими. Итакъ, да будешь свѣтелъ и свѣтло да будетъ мѣсто твоей души».

Выпусканіе крови изъ уха убійцы налагало на него и его родъ новое пятно—кусъ-аргавстъ (съ отрѣзаннымъ ухомъ).

Стоявшіе тутъ зрители почти вслухъ говорили: «лучше умереть, чѣмъ налагать на себя и свой родъ печать вѣчнаго стыда и униженія»! Не всегда, впрочемъ, оканчивались подобныя сцены благополучно.

Не выдерживая ужаснаго униженія, убійца вырывалъ изъ рукъ кровомстителя ножъ и имъ убивалъ его. Тогда обѣ враждебныя фамиліи перерѣзывали другъ друга, если народъ не успѣвалъ во̀-время пріостановить бѣду.

Въ предупрежденіе подобныхъ несчастій, съ каждой стороны брались поручители изъ вліятельныхъ фамилій, которые строго слѣдили за движеніями кровниковъ.

Въ заключеніе замѣтимъ слѣдующее, не лишенное инте реса:

Осетинка-мать, нося дитя еще во чревѣ, безпокоится: «на кого оно будетъ похоже». Она думаетъ, что дитя будетъ походить на того, въ присутствіи котораго оно во чревѣ сдѣлало первое движеніе. «Дододой мабонъ (ахъ, день мой), если дитя мое, по рожденіи, будетъ походить на такого-то мужчину, изуродованнаго оспою, или на такую-то женщину, съ гнилыми зубами; что тогда я буду дѣлать? О, Мады Майрамъ! избавь меня отъ встрѣчи съ такими людьми».

Послѣ ея родовъ, повивальная бабка спрашиваетъ ее: «скажи мнѣ, съ кѣмъ ты бесѣдовала, или встрѣтилась, въ то время, когда дитя сдѣлало первое движеніе»? Родильница отвѣчаетъ, примѣрно, «съ невѣсткою такого-то сосѣда». «То-то, смотрю», говоритъ бабка, «ребенокъ похожъ на нее. Радуйся, твоя дочка будетъ прехорошенькая, такъ, что многія ровестницы ея будутъ ей завидовать, а многія матери—тебѣ». Когда-же дитя начнетъ улыбаться, мать увѣряетъ, что оно улыбается ангеламъ зайцевъ, которые забавляютъ его.

Вотъ мальчикъ вечеромъ загналъ въ конюшню вспотѣвшую и усталую лошадь и поутру находятъ, что у ней грива свита. Это, думаетъ хозяинъ, домовой ночью ѣздилъ на ней и, заплетши ея гриву, ушелъ къ себѣ въ подземелье.

Закричитъ ночью курица. Хозяева вѣрятъ, что она безвременнымъ, несвойственнымъ ей крикомъ предвѣщаетъ смерть одного изъ членовъ семейства; они ловятъ курицу и отрубаютъ ей голову, въ той надеждѣ, что смерть ея пойдетъ взамѣнъ смерти того, кому, по ея предвѣщанію, суждено умереть. На другой день хозяйка дома шопотомъ, подъ вліяніемъ непонятнаго страха, передаетъ объ этомъ сосѣдкѣ, а та въ свою очередь сообщаетъ своей подругѣ и такимъ образомъ быстро распространяется по всей деревнѣ молва. Тамъ и здѣсь, старъ и младъ твердятъ: «быть бѣдѣ! Не на добро крикнула курица въ ночное время! Гагаевы, мужчины и женщины, ходятъ повѣся свои головы. Да хранитъ Богъ отъ смерти семью ихъ»! Если-же, напротивъ, она закричитъ на разсвѣтѣ дня, то предвѣщаетъ семьѣ благополучіе.

Воетъ собака днемъ и роется подъ хозяйскій домъ, тоже предвѣщаетъ смерть одного изъ членовъ семейства.

Когда котъ правою переднею лапою обтираетъ голову, тогда онъ предвѣщаетъ погоду, а когда лѣвою—непогоду.

Ѣдутъ верхами два всадника, и передъ ними лежитъ на дорогѣ осевая чека съ развилиною. Если они проѣдутъ ее съ одной стороны — значитъ достигнутъ аула благополучно; если-же по обѣимъ сторонамъ ея—непремѣнно или заблудятся, или случится съ ними, или съ тѣмъ, къ кому они ѣдутъ, несчастіе.

Во время предсмертной болѣзни кого-либо въ домѣ, горцы, по указанію гадальщика, берутъ козленка или барашка, и нѣсколько времени держатъ его надъ головою больного, полагая, что болѣзнь отъ него, больного, перейдетъ къ животному и затѣмъ больной выздоровѣетъ.

И вся остальная жизнь осетинъ идетъ рука объ руку съ суевѣріями и предразсудками. Такъ, представится надобность осетину отправиться въ ближній или дальній аулъ,—его тревожитъ мысль, какъ-бы кто не попался ему навстрѣчу при выходѣ его изъ дому. Если попадется человѣкъ, пользующійся уваженіемъ и довѣріемъ общества, такъ это ничего. Худо, если онъ встрѣтится съ лихимъ человѣкомъ. — Путешественникъ или вернется домой, или продолжаетъ путь, потерявъ совершенно всякую надежду на достиженіе своей цѣли. Всю дорогу, до самаго двора того, къ кому онъ отправляется, ѣдетъ онъ съ поникшею головою. Вотъ предсталъ передъ пріятеля, поздоровался и спросилъ о его здоровьѣ, если есть, жены, дѣтей и проч. Хозяинъ выходитъ встрѣчать гостя, вводитъ его въ домъ и сажаетъ на стулъ. Въ минуту готова закуска и когда гость подкрѣпитъ свои силы, хозяинъ спрашиваетъ у него причину прибытія; тотъ печально разсказываетъ, ожидая рѣшительнаго отказа въ просьбѣ. Если выйдетъ иначе, путешественникъ возвращается домой съ веселымъ духомъ. Если-же дѣло не сладится—сыпятся проклятія на голову несчастнаго, попавшагося ему навстрѣчу. Суевѣріе такого рода заставило осетинъ выѣзжать изъ дому въ полночь, когда обыкновенно всѣ спятъ крѣпкимъ сномъ. При этомъ замѣчательно еще вотъ что. Вздумавъ путешествовать вдаль, осетинъ велитъ женѣ приготовить три маленькихъ, кругленькихъ, въ золѣ испеченныхъ, сырника, для дѣвъ живущихъ въ водѣ, содѣйствующихъ, или препятствующихъ людямъ въ достиженіи ихъ цѣлей. Остановясь у извѣстной рѣки, путешественникъ, вынувъ изъ маленькой, нарочно для этого сдѣланной сумки, привязанной къ задней или передней лукѣ сѣдла, сырники, и, призвавъ съ теплою мольбою на помощь добрыхъ и чистыхъ дѣвъ, бросаетъ имъ въ воду одинъ изъ сырниковъ и затѣмъ весело продолжаетъ свой путь въ пол-

ной надеждѣ, что онъ получитъ желаемое. На пути сидитъ воронъ. Хорошо, если онъ молча чиститъ свой носъ; если-же, обратясь къ путешественнику, каркнетъ — это несомнѣнное предвѣщаніе смерти родственника. Озлобленный этимъ, осетинъ стрѣляетъ въ него и убиваетъ. Поднявъ мертвую птицу, онъ произноситъ: «чтобы ты бѣднѣе и бѣднѣе становился, проклятый предвѣстникъ несчастія»! Бросивъ его далеко въ сторону и плюнувъ на всѣ четыре стороны, онъ продолжаетъ свой, доселѣ веселый, теперь уже грустный, путь *).

Б. Гатіевъ.

---

*) Нѣкоторая часть настоящей статьи помѣщена была въ «Терскихъ Вѣдомостяхъ». По просьбѣ редакціи «Сборника», авторъ дополнилъ свое описаніе суевѣрій осетинъ и составилъ подробное изложеніе осетинскихъ праздниковъ. *Ред.*

ГОРЦЫ-ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ.

Со взятіемъ въ плѣнъ Шамиля, всѣ горцы Кавказа почувствовали словно тѣсноту на родинѣ; теперь-то ясно увидѣли, что прежней свободѣ, которую отстаивали они такъ мужественно отъ непріятелей и покупали цѣною своей крови и жизни, пришелъ конецъ. Еще больше встревожились горцы, когда между ними пронесся слухъ, что дѣтей ихъ будутъ брать въ солдаты: это-то послѣднее обстоятельство послужило особенно чувствительнымъ толчкомъ, заставившимъ ихъ разомъ оставить ту родину, за которую еще такъ недавно проливали кровь, и искать убѣжища и безопасности въ Стамбулѣ, какъ они зовутъ Турцію вообще, предполагая, что въ Турціи къ нимъ вернется прежняя привольная жизнь и дѣти ихъ будутъ гарантированы отъ ненавистной имъ солдатчины. Итакъ, горцы рѣшились промѣнять послѣ катастрофы 59-го года Кавказъ на Турцію. «Тамъ живутъ наши единовѣрцы, тамъ и схоронимъ свои праведныя кости, а не здѣсь, среди гяуровъ, топчущихъ своими нечестивыми ногами землю, политую кровью нашихъ сыновей и отцовъ, когда они шли отстаивать священную свободу, данную намъ Аллахомъ, или бросались въ священный бой, «газаватъ». Нѣтъ, мы не хотимъ больше оставаться среди русскихъ, мы должны помнить ежечасно день «кіамата» (страшнаго суда), когда мы всѣ предстанемъ передъ душами нашихъ убитыхъ въ бояхъ родственниковъ, которые спросятъ насъ: вы, трусы, смѣшавшіеся съ гяурами, вы-то зачѣмъ оставались»? Сказавъ это, благочестивые мусульмане, имѣвшіе въ виду день страшнаго суда, *кіамата*, этого memento mori, распродали свое движимое и недвижимое имѣніе и собрались въ Турцію.

И вотъ потянулась со скрипомъ длинная вереница арбъ, покрытыхъ сверху разноцвѣтными коврами, сказавъ послѣднее прости своей родинѣ и направляясь къ обѣтованному Стамбулу.

Но знаютъ-ли они, куда они стремятся? Нѣтъ, не знаютъ. Они знаютъ только, что существуетъ гдѣ-то въ мірѣ страна, называемая Стамбуломъ, и что въ этомъ Стамбулѣ живутъ такіе-же мусульмане, какъ и они сами; они стремятся туда, такъ безотчетно, потому, что обольщены ложными слухами, что имъ тамъ будетъ хорошо и лучше даже, чѣмъ на старой родинѣ. Но, увы! какое разочарованіе постигло этихъ по-истинѣ несчастныхъ переселенцевъ и сколько разъ слышались слова проклятій на головы тѣхъ, которые ихъ увлекли, когда трудность дороги и дѣйствительность предстали имъ во-очію и раскрыли имъ глаза, — и тогда-то, забывъ недавнія розовыя мечты, они поняли, что обмануты, что они сдѣлались жертвами своего легковѣрія, поддавшись лживымъ словамъ тѣхъ глупцовъ, которые увѣряли ихъ, что имъ будетъ хорошо. И вотъ они, по милости этихъ глупцовъ-фанатиковъ, теперь гибнутъ.

Это переселеніе горцевъ въ Турцію пишущій эти строки можетъ тѣмъ увѣреннѣе характеризовать, что онъ самъ былъ въ числѣ переселявшихся въ Стамбулъ въ 1860 году и слѣдовательно перечувствовалъ тѣ трудности, о которыхъ онъ здѣсь упоминаетъ. Всѣ отрывочныя воспоминанія объ этомъ памятномъ переселеніи, оставшіяся въ моей памяти, я постараюсь здѣсь изложить.

Я родомъ осетинецъ, мусульманинъ. Фамилія наша, Кануковы, считалась и считается до-сихъ-поръ одной изъ привиллегированныхъ и родовитыхъ фамилій между осетинскимъ племенемъ. Отецъ мой, хотя не служилъ въ регулярныхъ войскахъ, но тѣмъ не менѣе участвовалъ въ разныхъ кампаніяхъ противъ враждебныхъ Россіи горцевъ и за это дошелъ до подпоручичьяго чина, считаясь по армейской кавалеріи и управляя ауломъ нашей-же фамиліи, Кануковскимъ. Я уже упоминалъ выше, что, послѣ покоренія Шамиля, между горскимъ населеніемъ появилось какое-то безпокойное состояніе и это безпокойство заразило даже насъ, вѣчно покорныхъ русскому правительству и невозмутимыхъ осетинцевъ-мирянъ. Всполошились и осетины, пошли въ-тихомолку безпокойные толки между осетинами-мусульманами, и стали они тоже помышлять о Стамбулѣ и притомъ съ такой мыслью, что будто оставшимся здѣсь предстоитъ гибель. Нашлись между ними и такіе фанатики, которые вѣрили во всѣ эти толки, принимали все за чистую монету и рѣшились распрощаться съ родиной. Къ чис-

лу такихъ-то фанатиковъ присоединился и мой дядя, считавшійся тоже маіоромъ по армейской кавалеріи и слѣдовательно имѣвшій тѣмъ болѣе вѣсу среди своихъ земляковъ, что былъ въ русской службѣ офицеромъ. Ему вздумалось поднять охотниковъ къ переселенію въ Турцію, и ему, какъ лицу вліятельному, дѣйствительно удалось завербовать многихъ, причемъ онъ побуждалъ ихъ, говоря: «намъ теперь нечего дѣлать здѣсь, будутъ насъ здѣсь притѣснять, а въ Стамбулѣ нѣтъ». Конечно, это высказывалъ онъ не свое собственное убѣжденіе, а общее настроеніе, охватившее въ это время всѣхъ горцевъ-мусульманъ. И не нашлося тогда ни одного порядочнаго горца, который-бы постарался разубѣдить и представить предпринимаемое дѣло въ настоящемъ его видѣ. И простодушные земляки, принимая дядины слова за чистую монету, вѣрили и присоединялись къ числу все болѣе и болѣе увеличивавшихся переселенцевъ. Не нравилось одно ему: отецъ все что-то отнѣкивался и не рѣшался покидать старую родину. «Что ты будешь дѣлать здѣсь, когда одинъ останешься среди русскихъ»? шепталъ дядя ему: «что ты будешь дѣлать, когда лучшіе нашей фамиліи собираются въ Стамбулъ,—а развѣ ты не изъ лучшихъ»?

И отецъ, ежедневно слыша все одно и тоже, не устоялъ противъ этого и рѣшился.

Меня только-что опредѣлили въ одну изъ кавказскихъ гимназій и я не успѣлъ пробыть еще тамъ и полугода, какъ получаю письмо черезъ директора гимназіи, съ деньгами, въ каковомъ письмѣ отецъ просилъ директора о немедленномъ отправленіи меня на родину. Меня снарядили въ путь и въ числѣ нѣсколькихъ товарищей, отправлявшихся на родину, я пріѣхалъ во Владикавказъ. Когда отсюда я подъѣзжалъ, съ своимъ молочнымъ братомъ, къ аулу, въ которомъ мы жили и въ которомъ прошли первые дни моего дѣтства, у меня сердце сжалось невольно и слезы подступили къ горлу. Это было вызвано тѣмъ мрачнымъ и печальнымъ видомъ, который представился нашимъ взорамъ. Гдѣ прежде были сакли, теперь росъ лишь одинъ бурьянъ, да торчали среди этого бурьяна кое-гдѣ обломки старой заброшенной сакли, усугублявшіе еще больше и безъ того невеселый видъ аула, веселѣе котораго, по моему понятію, не было нигдѣ. . . Изъ разспросовъ сопровождавшаго меня брата я узналъ, что всѣ жители переселились въ другой аулъ, кромѣ нѣсколькихъ дворовъ — мусульманъ, которые должны на дняхъ отправиться въ Стамбулъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мы. Теперь для меня было ясно,

почему меня взяли изъ гимназіи такъ поспѣшно и такъ рано. Сердце еще болѣе сжалось, когда вспомнилъ, что вовсе придется проститься съ родиною, а тѣмъ болѣе что этотъ Стамбулъ въ моемъ дѣтскомъ воображеніи рисовался какою-то пустыней, гдѣ почва почти безъ всякой растительности. Вѣроятно, наслышавшись объ Аравіи, родинѣ Магомета, я перенесъ понятіе объ этой странѣ и на Стамбулъ.

Вотъ подъѣхалъ я къ родному жилищу. Я не узнаю въ этомъ жилищѣ прежняго, съ которымъ соединялось столько сладкихъ дѣтскихъ воспоминаній; я не видѣлъ во дворѣ и кругомъ сакли той заботливой чистоты, которая всегда здѣсь царила, благодаря заботливости отца, а теперь дворъ поросъ бурьяномъ и среди зелени бурьяна наша сакля выглядываетъ особенно печально; видна запущенность. Посреди двора раскинуты двѣ палатки, откуда слышится громкій говоръ; далѣе стоятъ нѣсколько новыхъ аробъ, покрытыхъ сверху персидскими коврами, и я, какъ въ палаткахъ новыхъ, такъ и въ новыхъ арбахъ, равно и въ запущеніи двора, угадалъ окончательно признаки приготовленія къ дальнему пути, вслѣдствіе чего покидается наша старая сакля.

Какъ только перешагнулъ я черезъ порогъ родной сакли, мать встрѣтила меня; держа въ своихъ объятіяхъ и обливаясь слезами, она шептала мнѣ: «ѣдемъ въ Стамбулъ, мой день! Твой отецъ не хочетъ оставаться здѣсь». Уныніе матери навело и на меня очень мрачное расположеніе духа и я весь день проплакалъ, тѣмъ болѣе, что молочная мать моя, сидя около меня и тоже сѣтуя о томъ, что мы на вѣкъ разстаемся съ ней, усугубляла это мрачное расположеніе. «Я не поѣду въ Стамбулъ», говорилъ я матери, всхлипывая отъ удушавшихъ слезъ: «я не хочу»... — «Что ты? Богъ съ тобой! Что ты говоришь? Избави тебя Богъ проговориться объ этомъ отцу», говорила между-тѣмъ мать, утѣшая меня.

При имени отца я мгновенно умолкъ, потому-что онъ воспитывалъ меня въ строгой школѣ и особенно чувствительно наказывалъ за неумѣстныя возраженія, что отнюдь не терпимо отцами отъ сыновей, а тѣмъ болѣе сыновей еще молодыхъ. Но на этотъ разъ я могъ-бы быть спокойнымъ относительно того, чтобы отецъ меня могъ услышать, потому-что онъ отправился куда-то въ Кабарду по своимъ дѣламъ и вотъ уже почти двѣ недѣли, какъ не возвращается оттуда.

Черезъ четыре или пять дней, хорошенько не помню, послѣ

моего пріѣзда, мы должны были тронуться въ путь, такъ-какъ всѣ приготовленія къ пути, какъ-то: съѣстной запасъ, арбы, продажа имѣнія и т. д. были уже готовы, и отецъ, окончивъ свои дѣла въ Кабардѣ, наконецъ вернулся и захлопоталъ объ отправленіи.

Наканунѣ выступленія, въ нашей саклѣ, проданной за безцѣнокъ, какому-то жителю другого аула, собралась толпа женщинъ изъ всѣхъ сосѣднихъ и дальнихъ ауловъ, съ цѣлью попрощаться съ нами.

Начали выносить вещи изъ сакли къ арбамъ, — при этомъ старались особенно наши холопы. Начались прощанія, поднялся громкій плачъ: всѣ присутствовавшія плакали, обнимая въ послѣдній разъ мать, меня и сестеръ. Младшаго брата не было при этомъ всеобщемъ прощаньи: онъ куда-то спрятался. Долго его искали. Помню, какъ наконецъ его отыскалъ нашъ холопъ, вытащивъ на гумнѣ изъ-подъ соломы. Въ объятіяхъ холопа онъ сильно барахтался руками и ногами и все кричалъ, задыхаясь отъ обильно лившихся слезъ: пустите меня, я не хочу! не хочу! Но сильныя руки холопа уложили его наконецъ въ арбу и онъ еще долго сидѣлъ всхлипывая, пока не заснулъ. Да и кто изъ насъ хотѣлъ ѣхать добровольно въ совсѣмъ незнакомый Стамбулъ, и если-бы отецъ отбиралъ у своей семьи голоса, то навѣрное всѣ-бы мы отказались; но отецъ считалъ это лишнимъ и даже обиднымъ для себя: довольно, что онъ рѣшилъ; во всѣхъ дѣлахъ его слово имѣло рѣшающій вѣсъ, а слова матери одинъ пустой звукъ, не имѣвшій ровно никакого значенія.

На дворѣ послышался легкій скрипъ арбъ — то запрягали воловъ. Наконецъ вошелъ холопъ въ саклю и сказалъ: пора, пора! волы уже запряжены и мы готовы въ путь. Стали выходить изъ своей сакли. И теперь словно въ ушахъ раздается то рыданіе, которое невольно вырвалось изъ груди моей матери, когда она переступала въ послѣдній разъ черезъ порогъ своей сакли—и я, кажется, никогда не забуду это рыданіе. Однако, мы вышли. Арбы уже выѣхали со двора — мы пошли слѣдомъ, словно похоронная процессія. У дороги, черезъ которую намъ предстояло идти, стояла большая кавалькада вооруженныхъ съ ногъ до головы всадниковъ, которые, при видѣ приближавшихся женщинъ, слѣзли съ своихъ коней и почтительно пропустили насъ *). Проходя мимо

*) Если всадникъ ѣдетъ на встрѣчу идущей женщинѣ, то онъ счита-

ихъ, женщины прервали свой плачъ и, потупивъ взоры, проходили молча. Всадники тѣ были наши родственники и знакомые, которые собрались насъ проводить на нѣкоторое разстояніе. На разстояніи одной версты отъ аула, арбы наши остановились, поджидая насъ... Разстались... Сѣли въ арбы... Арбы заскрипѣли и въ этомъ пронзительномъ ихъ скрипѣніи, будто слышалось послѣднее прощаніе. Плакалось намъ. Я оглянулся еще разъ назадъ и видѣлъ, какъ женщины долго стояли на одномъ и томъ-же мѣстѣ, провожая насъ глазами; оттуда доносился отрывочный плачъ. Всадники молча сопровождали насъ по обѣимъ сторонамъ. Ихъ было около пятидесяти. Они насъ провожали до самаго Ардона и тамъ разстались.

Наши арбы, въ количествѣ десяти, съ дядиными, продолжали отсюда путь на слѣдующій день къ сборному пункту, куда должна была собраться вся партія переселенцевъ изъ всей Осетіи. Отца и дяди не было съ нами: они отправились впередъ верхами. Въ Ардонѣ къ намъ присоединилось еще нѣсколько арбъ, ѣхавшихъ въ Стамбулъ. Къ вечеру дорога уже пошла вдоль утесистыхъ скалъ: мы уже въѣхали въ предѣлы горъ. Сбоку шумитъ какая-то рѣчка, на горахъ по бокамъ лѣпятся тамъ и сямъ аулы, и стада барановъ, словно муравьи ползая, пасутся на вышинѣ. Обогнули какую-то горку, донесся до ушей какой-то невнятный говоръ и замелькали огни въ вечерней мглѣ. «А вотъ и сборное мѣсто», говоритъ холопъ, погоняя воловъ. И дѣйствительно: мы подъѣзжали къ сборному пункту, куда по уговору должны были собраться всѣ переселенцы. Но какъ уже наступала темнота, то нельзя было судить о количествѣ собравшихся и только видѣлъ я много огоньковъ, мелькавшихъ тамъ и сямъ. Мы распрягли воловъ и, закусивъ, расположились спать. Я легъ подъ арбою и слышалъ, какъ надо мною въ арбѣ еще всхлипывала моя мать, и подъ тяжкимъ давленіемъ недавнихъ впечатлѣній я заснулъ крѣпкимъ сномъ....

Наутро я проснулся часовъ въ 9. Когда выглянулъ изъ-подъ арбы, то увидѣлъ множество арбъ, покрывавшихъ лощину, окруженную со всѣхъ сторонъ крутыми высокими горами. Пере-

---

етъ долгомъ приличія слѣзть съ коня и, ведя его въ поводу, пропустить мимо женщину и тогда уже садиться. Тоже самое, если-бы всадникъ стоялъ, а женщина проходила-бы, и наоборотъ. Все это знаки уваженія къ прекрасному полу.

селенцы въ нарядныхъ платьяхъ сновали туда и сюда. Откуда-то слышались слова какой-то пѣсни. На мой вопросъ, гдѣ поютъ, братъ сказалъ, что Ахмедъ Цаликовъ сдѣлалъ прощальную пирушку (кувд), куда приглашены всѣ переселенцы, и что пѣсня раздается оттуда. Желая побывать на этой прощальной пирушкѣ, я одѣлся и умылся, потомъ направился къ мѣсту общаго веселья. На краю лощины, покрытой густой травой, расположилась толпа пирующихъ переселенцевъ. Старики сидятъ рядкомъ по старшинству. Посреди собравшейся толпы навалена огромная груда говядины отъ зарѣзаннаго Ахмедомъ быка; вокругъ этой груды суетилось нѣсколько парней, выполнявшихъ роль прислужниковъ и дѣлившихъ мясо на кусочки, приблизительно соображаясь съ числомъ гостей. Позади пирующихъ образовался кружокъ веселой молодежи и оттуда-то слышалась громкая пѣсня. Пѣвцы перебивали другъ друга и каждый вставлялъ въ пѣсню свою фразу, каждый замѣнялъ слово по-своему — видно было по всему, что они сочиняли. Толпа мальчишекъ съ увлеченіемъ слушала пѣвцовъ и умильно переглядывалась при каждой ловкой фразѣ, выдуманной кѣмъ-либо изъ пѣвцовъ. Послѣ долгихъ усилій и напряженія поэтическихъ способностей, молодежь сложила пѣсню въ родѣ слѣдующаго:

Въ Стамбулъ поѣдемъ, въ Стамбулъ, ребята!
Ой-та-рира, ой-рира!
Нашъ путь будетъ счастливъ и Богъ намъ поможетъ!
Ойтъ, говорите, ребята, ойтъ!

И такъ далѣе въ этомъ родѣ. Подошелъ Ахмедъ, виновникъ пирушки и главный зачинщикъ поѣздки въ Турцію, и обратясь къ пѣвцамъ, сказалъ: «да поможетъ вамъ Аллахъ за ваши труды, но не осрамитесь: сочините получше пѣсню, пѣсню, которую-бы мы оставили на родинѣ». Но пѣвцы и безъ того уже не жалѣли, ни цвѣтистыхъ фразъ, ни заманчивыхъ красокъ, которыми обрисовывали предстоящій путь. И вполнѣ вѣря всему этому, не основанному ни на чемъ положительномъ, переселенцы были въ веселомъ расположеніи духа. Пока еще они были со свѣжими силами, надежда на блестящее будущее ихъ не покидала; пока дѣйствительности они не испытали, они были веселы и безмятежны. Помню я, какъ дѣвушки, на привалахъ, въ нарядныхъ платьяхъ собирались посреди арбъ чуть свѣтъ и танцовали до изнеможенія, пѣли пѣсню, въ которой онѣ себѣ предрекали мужей—пашей и шелковыя штаны; танцы длились до самой глубокой ночи

и въ ночномъ воздухѣ бывало долго, долго носились звуки гармоники, хлопанье въ ладоши и веселыя пѣсни и говоръ, и такъ было пріятно и свѣтло на душѣ у всѣхъ переселенцевъ! Но надежды и розовыя картины — увы! — скоро разлетѣлись какъ дымъ, когда дѣйствительность дала себя почувствовать. Не весела была дорога и поэтому неоднократно слышались проклятія изъ устъ тѣхъ, которые прежде вѣрили въ розовыя мечты и не хотѣли вѣрить ни во что другое. И неоднократно они вспоминали оставленные аулы, гдѣ жилось такъ привольно, и неоднократно они задавали себѣ вопросы: куда идемъ? зачѣмъ бѣжимъ изъ дорогой родины и чего ищемъ? Да и дѣйствительно, обстоятельства этой трудной дороги были таковы, что невольно заставляли переселенцевъ оглядываться назадъ, и знаю, что многіе вернулись-бы, если-бы не боялись стыда и посрамленія, что они струсили.

Вотъ мы подымаемся по узкой дорогѣ, по которой можно ѣхать только арбами по одной, одна за другою. Нагруженныхъ арбъ пара воловъ не въ силахъ встащить на крутой подъемъ, отчего переселенцы принуждены впрягаться вмѣстѣ съ волами въ-уносъ и такимъ образомъ съ трудомъ втаскивать ихъ одну за другою. Вотъ встащили на вершину крутизны нѣсколько нагруженныхъ арбъ, но уже вечеръ, а половина арбъ еще остается внизу, у подошвы горы, и завтра до вечера нужно возиться также и съ ними. Съ такими-же усиліями, съ какими подымали переселенцы свои нагруженныя арбы на вершину скалы, съ такими-же усиліями и осторожностями должны они потомъ спускать ихъ съ крутизны, чтобы не разбить о скалы.

Картина другая. Подымаемся по крутой, извилистой дорогѣ, внизу далеко шумѣлъ какой то потокъ, увлекая въ своемъ бурномъ теченіи огромные камни; берега его скалисты и круты. Въ арбахъ никто не сидитъ, потому-что волы и лошади, впряженные въ арбы, подымаютъ послѣднія съ большимъ усиліемъ и безъ того: языки высунули и влага течетъ изо рта, поливая пыльную дорогу, нагрѣтую полуденнымъ зноемъ южнаго солнца. Впереди всѣхъ мѣрно и осторожно выступаетъ арба нашего муллы; по бокамъ арбы идутъ его сыновья, а самъ онъ идетъ сзади, боязливо поглядывая на шумящій внизу потокъ. Арба запряжена лошадью, она еще двигаетъ усталыми ногами и лѣзетъ что называется изъ кожи. Но вдругъ, при одномъ поворотѣ, лошадь оступается и увлекаетъ за собою арбу со всѣми вещами, находящимися въ ней, и низвергается въ шумящій внизу горный потокъ.

«Спасите, спасите», кричатъ мулла и его сыновья, тревожно вглядываясь внизъ, гдѣ бѣдная лошадь, кряхтя, барахтается и борится съ быстрымъ теченіемъ рѣчки.

Цѣпь аробъ переселенцевъ останавливается, и скрипъ, доселѣ раздиравшій ухо, умолкаетъ на время; общее смятеніе. Прежде всего сыновья муллы разрываютъ на себѣ платье и кидаются спасать свое добро, за ними слѣдуютъ другіе и вскорѣ вокругъ лошади и арбы появляются десятки полунагихъ мужчинъ, которые успѣваютъ отцѣпить лошадь и вынуть кое-что изъ арбы, уходящей все далѣе и далѣе. Но задача другого рода: какимъ образомъ вывесть коня, когда берега круты,—и вотъ, чтобы устранить это трудное препятствіе, они вмѣстѣ съ лошадью и похищеннымъ у воды добромъ плывутъ внизъ по теченію до-тѣхъ-поръ, пока не находятъ достаточно отлогіе берега, по которымъ можно было-бы взойти имъ и вывести коня; арба, оставленная на произволъ потока, крутясь и ворочаясь, то останавливается, то уплываетъ все далѣе и далѣе и наконецъ исчезаетъ, провожаемая печальнымъ взоромъ злосчастныхъ хозяевъ.

А вотъ еще непріятность. Вдругъ наши арбы опять останавливаются. Что такое? пролетаетъ вопросъ по рядамъ аробъ переселенцевъ. Оказывается, что впереди дорога подмыта рѣкою; единственный зыбкій мостъ, черезъ который переправлялись путешественники, и тотъ уничтоженъ съ корнемъ,—вонъ, только холодныя волны большой рѣки безпрестанно лижутъ край высокой крутой черной скалы, которая стала намъ стѣною поперекъ дороги. Послѣ долгихъ усилій удается переселенцамъ перекинуть черезъ подмытое мѣсто подъ скалою небольшой мостикъ, по которому, конечно, не мыслимо переправляться нагруженною арбою, ибо онъ не въ состояніи удержать такой тяжести, и переселенцы разбираютъ арбы и переносятъ ихъ руками по частямъ черезъ этотъ мостъ; процессія переноски длится три-четыре дня. Будь онъ проклятъ этотъ путь! слышится тамъ и сямъ. Сколько лишеній, сколько трудовъ приходится терпѣть намъ теперь?!

А вѣдь недавно они были еще полны надеждъ на счастливое будущее!

Преодолѣвъ неимовѣрныя препятствія, мы черезъ Кутаисъ достигаемъ Батума. Итакъ, мы уже въ предѣлахъ обѣтованнаго Стамбула, или Турціи. Здѣсь мы дѣлаемъ большой привалъ, послѣ утомительной дороги, и располагаемся лагеремъ. Намъ отъ турецкаго правительства выдаютъ по одной палаткѣ на семью.

Впереди насъ раскидывается безбрежное Черное море (Сау денджvз), къ которому мы такъ торопились, чтобы взглянуть, что такое за денджvз и неужели въ самомъ дѣлѣ море такъ велико, какъ разсказываютъ про него, и что это за корабли плаваютъ по немъ. И вотъ теперь мы видимъ передъ собою во-очію это желанное море и оно раскидывается широко-широко передъ нашими изумленными, выражающими суевѣрный страхъ, взорами, и море это вздувается большими водяными массами и качаетъ какъ ни въ чемъ не бывало большіе-большіе корабли, которые вмѣстятъ десятки нашихъ сакель. И неужели, думается намъ, придется намъ на этихъ корабляхъ (наута) ѣхать въ самый Стамбулъ, какъ говорятъ? Не можетъ быть, да это и страшно, очень легко погибнуть среди такого огромнаго моря... нѣтъ-нѣтъ... этого не можетъ быть, утѣшаютъ сами себя переселенцы.

Какое удовольствіе доставляло намъ глядѣть вечеромъ на море, когда оно спокойно и отражаетъ въ своихъ водахъ лучи заходящаго въ кровавомъ заревѣ солнца, съ какимъ страхомъ спрашивали мы, когда видали морскихъ свинокъ, игравшихъ вечеромъ: а что-бы это такое было? и каждый изъ насъ давалъ свои объясненія, болѣе или менѣе нелѣпыя.

Такъ-какъ въ Батумѣ мы пробыли достаточно и уже успѣли нѣсколько отдохнуть и забыть недавнія путевыя невзгоды, то наша молодежь позволила себѣ распотѣшить своей джигитовкой батумское общество и хвастнуть немного передъ нимъ своею ловкостью на конѣ и умѣніемъ владѣть оружіемъ. И вотъ, въ одинъ прекрасный день, батумское общество, узнавъ о желаніи «черкесовъ» поджигитовать, собралось на одной площади, а для соблюденія общественнаго благочинія и порядка сюда-же была приведена чуть-ли не цѣлая рота здѣшней крѣпостной команды. Всѣ съ особымъ нетерпѣніемъ ожидали начатія джигитовки. Важные турки, вооруженные длинными своими чубуками, оживленнѣе перебрасывались фразами въ ожиданіи того, какъ черкесы будутъ выдѣлывать передъ ними «всякія штуки».

Наконецъ появилась и наша молодежь въ числѣ 10 человѣкъ, вооруженная съ ногъ до головы, на прекрасныхъ лошадяхъ, которыми, кстати сказать, запаслись въ дорогу всѣ почти переселенцы. Турки загалдили что-то по своему, пересмѣиваясь между собой, вѣроятно на счетъ костюмовъ; блюстители благочинія и порядка дручками разгоняли болѣе любопытныхъ, которые подвигались на мѣсто, гдѣ должно было происходить ристалище.

Оно и началось. Вначалѣ джигитовка имѣла мало интереса, такъ-какъ она состояла изъ нехитрыхъ эволюцій, но когда кто-то изъ молодежи на скаку сталъ вверхъ ногами и потомъ опять сѣлъ, то по толпѣ пробѣжалъ гулъ одобренія и громъ рукоплесканій: вамчахъ чохъ яхши! чохъ яхши! говорили восторженные турки, одобрительно хлопая въ ладоши. Другой на скаку подымалъ мелкія турецкія монеты и стрѣлялъ въ нихъ; третій стоя скакалъ и стрѣлялъ, мчась на своемъ скакунѣ,—словомъ, произвели пріятное впечатлѣніе на турокъ своимъ молодечествомъ. Ну за то-же и подружились съ нами, а въ особенности солдаты, которые нашихъ приглашали къ себѣ обѣдать и наши, конечно, этимъ не брезгали, тѣмъ болѣе, что между солдатами находились два-три «земляка», бѣглыхъ русскихъ солдата, которые сиживали во владикавказской тюрьмѣ и теперь вспоминали про Россію и пшенную кашу со щами, заѣдая эти воспоминанія пловомъ съ бараниной.

Окрестности Батума изобиловали всякими фруктами, до которыхъ наши были особенно падки, почему въ-продолженіи всего нашего пребыванія у Батума, мы питались почти исключительно одними фруктами, возили ихъ мѣшками, такъ-какъ запрету къ тому не видѣли; ну, да за то-же и побаливали, такъ-что послѣ болѣе вліятельныя лица среди переселенцевъ, видя пагубное вліяніе фруктовъ, окончательно запретили ихъ возить изъ лѣсу, что сперва было подняло ропотъ между переселенцами.

Отсюда въ Константинополь по морю рѣшились поѣхать немногія семейства, въ числѣ ихъ былъ и нашъ мулла. Остальные всѣ рѣшились ѣхать на Карсъ. Путь на Карсъ хотя не представлялъ тѣхъ трудностей, какія представляла дорога отъ родины до Батума, но тѣмъ не менѣе и онъ былъ сопряженъ съ большими невзгодами, а можетъ быть намъ легче потому казалось, что уже привыкли отчасти къ трудамъ и лишеніямъ. Къ тому-же трудность пути облегчалась еще тѣмъ, что мѣстное правительство давало подводы намъ для перевозки нашихъ вещей.

Наша дорога пересѣкается горною рѣкою. По бокамъ возвышаются громадныя черныя скалы, покрытыя елью и сосною. Отъ этой рѣчки уже нѣтъ аробной дороги. На скалахъ лишь маленькія тропиночки, словно черныя нитки виднѣются, и по нимъ можно взбираться лишь коню, да волу и то съ трудомъ. По этой причинѣ переселенцы разламываютъ свои арбы, и самыя необ-

ходимыя ихъ части, какъ, напримѣръ, колеса, принимаютъ на лодки, остальны нѣтъ. Намъ должно было идти вверхъ по теченію и потому лодочники изъ мѣстныхъ селеній, которые должны были обязательно везти наши вещи и насъ самихъ вверхъ по рѣкѣ, должны были тянуть лямками, что было очень затруднительно. Такъ должны были тянуть на разстояніи верстъ 7. Въ лодки позволялось класть всѣ домашнія вещи и изъ частей арбы—колеса. Оглобли-же мы привязывали къ сѣдлу и такъ таскались съ ними по горамъ, до новаго мѣста, гдѣ опять сколотимъ кое-какъ свои жалкія арбы.

И вотъ отецъ нашъ привязываетъ самъ къ своему сѣдлу двѣ оглобли одной арбы по обѣимъ бокамъ сѣдла, а отъ другой арбы привязываетъ къ моему сѣдлу и мы взбираемся по тропиночкѣ, погоняя впереди воловъ.

Лошади наши еле подымаются по этой тропиночкѣ, тѣмъ болѣе, что отягощены оглоблями и дорога скверная. При подъемѣ на гору оглобли своею тяжестью тянутъ лошадь назадъ и вслѣдствіе этого сѣдло черезъ нѣсколько минутъ спадаетъ на крупъ лошади. Волы боязливо пробираются впередъ гуськомъ и тихо ступаютъ по тропинкѣ. Вдругъ два вола сталкиваются нечаянно и одинъ изъ нихъ низвергается со скалы.—«Ай-Алла-ай»! восклицаетъ отецъ: «самый лучшій нашъ волъ погибъ»! и онъ глядитъ, остановившись, въ ту пропасть, куда упалъ волъ. Но тамъ внизу ничего не видать, лишь только рѣка серебряною лентою извивается между громадныхъ скалъ и по ней вверхъ по теченію движется какая-то черная точка — то лодка, въ которой сидитъ наше семейство... Но вотъ узкая тропинка переходитъ все болѣе и болѣе въ широкую дорогу, а ночь между-тѣмъ приближается. Отецъ молчитъ: онъ мраченъ, потому-что потеря хорошаго вола произвела въ немъ дурное расположеніе духа, отъ котораго онъ не можетъ оторваться. Уже настаетъ ночь. Внизу, гдѣ-то мелькнулъ огонекъ, по направленію котораго отецъ кричитъ. Оттуда, какъ изъ могилы, доносится знакомый намъ отзывъ нашего холопа,—и по направленію этого крика, сопровождая нашихъ утомленныхъ воловъ, мы спускаемся, съ опасностью жизни, по крутой незнакомой скалѣ. У подошвы скалы расположилось наше семейство у огонька; малые братья и сестры плачутъ, прося ѣсть, но нечѣмъ ихъ накормить: весь запасъ вышелъ, а по близости нѣтъ селенія, откуда можно было-бы достать имъ хлѣба. Плачъ,—да и мы сами проголодались, ничего не ѣвши

въ-продолженіи всего утомительнаго дня, и убійственно хочется ѣсть. Нечего дѣлать, потерпимъ до слѣдующаго дня,—что-то будетъ?

Еще картина. Арбы мы давно уже покинули гдѣ-то, по невозможности долѣе съ ними возиться, и мы идемъ пѣшкомъ по скалистымъ тропинкамъ. Жара несносная, во рту сохнетъ и хочется пить, а тутъ еще гора на встрѣчу стала стѣною; подымаемся на эту скалу. Мать моя идетъ впереди, и хотя ей помогаетъ нашъ холопъ подыматься по крутой тропинкѣ, однако силы ей измѣняютъ, и она въ изнеможеніи опускается на дорогѣ. Къ ней присоединяются и остальные, утомленные ходьбою. Нѣтъ нигдѣ тѣни отъ деревъ, полуденное солнце пронизываетъ до самыхъ костей. Вдругъ до слуха моего доносятся раздирающія душу вопли — то больная моя сестра проситъ пить: «воды, воды», кричитъ она, «умираю безъ воды»! Лежитъ она на буркѣ, которую ей постлалъ на голую скалу холопъ, обязанный носить ее всю дорогу на своихъ плечахъ. Мать садится у ея изголовья и не знаетъ какъ помочь нуждѣ, и хотя сама жаждетъ — проситъ, чтобы достали ей воды для больной. Но гдѣ искать воды? Кругомъ голыя скалы, на которыхъ послѣдняя трава выжжена солнцемъ, да ряды сосенъ, щетинящихся кругомъ. Я уже обѣжалъ всѣ окрестности, ища воды для умирающей сестры, забывъ свою жажду, но нигдѣ не видалъ признака воды и вернулся ни съ чѣмъ. Но нѣтъ только конца адскимъ мученіямъ, а всему остальному бываетъ: жара къ вечеру стала спадать и жажда уменьшилась, благодаря этому обстоятельству. Ахъ, вечеръ такъ свѣжъ, такъ пріятенъ, а этотъ вѣтеръ такъ освѣжительно дѣйствуетъ на тѣло! Вотъ на востокѣ замигала одна какая-то звѣздочка, а тамъ еще, еще и еще и вскорѣ все голубое необъятное небо усѣялось тысячами яркихъ звѣздъ, весело перемигивающихся между собою. И какъ пріятно повѣваетъ этотъ вечерній вѣтерокъ на усталые члены и какъ свободно дышется. Вотъ такъ-бы и заснулъ мертвецки на спинѣ, глядя въ глубину ночного неба и любуясь на миріады яркихъ звѣздъ, но рыданія больной сестры, раздающіяся такъ явственно въ ночномъ воздухѣ, раздираютъ мнѣ душу и гонятъ сонъ прочь, навѣвая грустное настроеніе души. У изголовья, при свѣтѣ поднявшейся полной луны, можно видѣть все ту-же вѣрную мать, неподвижно и печально глядящую на больную, и кажется мнѣ, что она плачетъ. Бѣдная! Сама она измучена дневною дорогою, сама она умираетъ отъ жажды, а приходится ей караулить свою возлюбленную дочь

и желала-бы она пособить ея мученіямъ, желала-бы она облегчить ей страданія въ ущербъ своему здоровью—видитъ Богъ— но, увы! ея желанія неисполнимы и ей остается только молча проливать слезы и въ-полголоса утѣшать больную: не бойся, не бойся, мое солнышко, все пройдетъ, успокойся! Но успокоенія нѣтъ и больная мечется всю ночь на буркѣ, и она, какъ статуя, неутомимо сторожитъ свое любимое дитя. На ея жаркія слезы никто не обращаетъ вниманія, никто особеннаго участія не принимаетъ въ ея материнской скорби! Да и какое дѣло тѣмъ холоднымъ, мрачнымъ скаламъ, которыя безмолвно глядятъ на всякія людскія скорби и радости сотни лѣтъ, какое дѣло тѣмъ яркимъ звѣздамъ, что одинаково взираютъ такъ весело на всякое проявленіе человѣческой жизни, каково-бы оно ни было, какое дѣло той лунѣ, которая съ сотворенія міра идетъ все по той-же дорогѣ и такъ-же?... Нѣтъ, видно приходится оставить надежду на все окружающее и плакать; самой можетъ-быть легче будетъ и можетъ-быть невидимый Господь увидитъ твои материнскія слезы и Своей всемогущей силой поможетъ бѣдѣ... Холопу нѣтъ до нея дѣла, онъ теперь заботится о томъ, чтобы развесть костеръ, и пошелъ искать дровъ, а на что ему костеръ—не знаетъ никто изъ насъ. Намъ теперь не до огня, а намъ хочется ѣсть, а съ собою ничего нѣтъ; избавились немного отъ жажды — явилось другое болѣе утомительное серьозное желаніе — голодъ. Холопъ спокойно сваливаетъ принесенныя дрова въ кучу и разводитъ огонь и потомъ оглядывается молча кругомъ. Наконецъ его молчаніе прерывается такою фразою: тамъ, вѣроятно, ночлегъ пастуховъ,—и онъ указываетъ пальцемъ по тому направленію, откуда мелькаетъ огонекъ и слышится лай собакъ,—и затѣмъ исчезаетъ. Черезъ нѣсколько времени онъ показывается и на спинѣ несетъ цѣлаго барана: «Богъ далъ», говоритъ онъ какъ-то таинственно. Призываетъ къ себѣ тихо другого холопа и отходятъ съ добычей въ сторону, гдѣ и рѣжутъ ее. Въ-мигъ сдираютъ съ него шкуру, потрошатъ и внутренности извергаютъ съ кручи, а кровь закапываютъ. Отрѣзавъ нѣсколько кусочковъ баранины, они стали жарить шашлыкъ, который вскорѣ зашипѣлъ на горячихъ угольяхъ и пріятно защекоталъ намъ обоняніе. Немного утоливши голодъ шашлыкомъ, мы расположились спать всѣ, кромѣ матери, которая безъ устали продолжала сидѣть у изголовья больной сестры и проливала слезы.

Наутро съ разсвѣтомъ мы продолжали нашъ невеселый

путь. Вотъ на встрѣчу намъ потянулся цѣлый караванъ воловъ. Впереди всѣхъ выступаетъ вожатый, сидя на жирномъ волѣ, разукрашенномъ разными бубенчиками и другими побрякушками. Вожатый съ флегматическимъ выраженіемъ лица покуриваетъ свой длинный чубукъ и даетъ намъ знать однимъ мановеніемъ руки, чтобы мы сторонились съ узкой дороги; мы боязливо сторонимся и дико смотримъ, какъ проходитъ мимо караванъ воловъ, навьюченный огромными тюками.

Наконецъ, къ вечеру, по указанію нашего вожатаго туземца, мы увидали вдали аулъ, расположенный на скалѣ,—туда-то намъ должно было идти и мы черезъ нѣсколько еще утомительныхъ часовъ достигли до него. Намъ здѣсь отвели квартиры, которыя мы нашли очень нечистыми и неудобными. Но, за неимѣніемъ лучшихъ, мы помѣстились въ нихъ. Вещи были свалены въ кучи среди комнатъ. Всѣ расположились отдыхать, кто какъ могъ, причемъ больную положили на единственной кроваткѣ, находившейся здѣсь въ квартирѣ. Какъ теперь вижу я печальную фигуру дорогой матери моей, которая сидитъ у постели больной сестры и безмолвно смотритъ, какъ больная въ корчахъ мечется на койкѣ, прося помочь ей. Слезы по блѣдному изможденному лицу падаютъ на грудь матери; я изъ угла, гдѣ помѣстился на буркѣ, тоже созерцаю эту трогательную картину и вотъ-вотъ слезы хлынутъ изъ моихъ глазъ и я зарыдаю. Но дневной путь, сопряженный съ такими трудностями, меня заставляетъ смежить очи противъ моего желанія—и я засыпаю. И вдругъ я слышу, будто во снѣ, вопль, раздирающій душу, и просыпаюсь тревожно. И вижу я уже на яву, что мать, закрывъ лицо руками, рыдаетъ у трупа скончавшейся сестры, которая при свѣтѣ сальнаго огарка представляется такою страшною, что я отворачиваюсь невольно и у меня вырывается изъ груди рыданіе. Всѣ просыпаются и присоединяютъ свой плачъ. И такъ покончила свое существованіе моя меньшая сестра, неизвѣстно отъ какой болѣзни. Она мучительно боролась съ смертью и наконецъ должна была поддаться, чтобы не видать дальнѣйшихъ страданій. О смерти сестры дали знать отцу, который находился на другой квартирѣ. Онъ сурово выслушалъ это извѣстіе и ничего не сказалъ. Въ полдень слѣдующаго дня тѣло усопшей уже выносили на плетнѣ, завернутое въ бѣлый саванъ. За тѣломъ слѣдовали двое муллъ, нѣсколько нашихъ родственниковъ; отца не было среди этой небольшой толпы, и меня также задержали. Утромъ слѣдующаго дня мы

уже покинули эту злосчастную квартиру, чтобы продолжать путь многотрудный. Я сѣлъ опять на лошадь и потому былъ въ качествѣ верховыхъ дяди, отца и двухъ двоюродныхъ братьевъ. Наше добро съ семействомъ отправилось впередъ на подводныхъ арбахъ, а мы, какъ верховые, ѣхали позади. Когда мы выѣхали, то отецъ подъѣхалъ къ-какой-то свѣжей насыпной могилѣ и, остановившись, читалъ въ-полголоса молитвы изъ корана; потомъ, сдѣлавъ *дуа*, т. е. проведши три раза ладонями своихъ рукъ по лицу и проговоривъ *а-аминь*, онъ произнесъ и на своемъ языкѣ: *рухсаг'у*, нѣчто въ родѣ древняго римскаго: sit tibi terra lævis!

Вотъ, наконецъ, потянулись ровныя поля почти безъ растительности; попадаются курды, съ остроконечными шапками и огромнѣйшими кинжалами, смотрятъ особенно свирѣпо и все угрожаютъ кинжалами... Вдали показались какія-то большія строенія,—то Карсъ, объяснилъ одинъ прохожій на нашъ вопросъ, что это за строенія. Слава Богу! Наконецъ-то добрались и до Карса. Пріѣхавъ въ Карсъ, мы размѣстились по квартирамъ дальняго квартала города. Какъ помнится, намъ отвели квартиру на горѣ, въ домѣ одного муллы, у котораго были, какъ частно обучавшіеся, два дигорскихъ мальчика. Эти послѣдніе не пускали насъ во дворъ, что, конечно, особенно возмутило отца, тѣмъ болѣе, что онъ зналъ ихъ на родинѣ и даже они приходились ему родственниками. «Вотъ испортились гдѣ, собаки! горячился онъ: забыли даже своихъ родственниковъ и не питаютъ ни малѣйшаго уваженія къ старшимъ». Однако, съ помощью хозяина, который жестоко поколотилъ ихъ, намъ удалось по праву отвода завладѣть ихъ квартирою.

Изъ Карса переселенцевъ разсылали по окрестнымъ селеніямъ, чтобы ихъ селить тамъ. Но такъ-какъ дробили переселенцевъ по два, по три двора отдѣльно, то это обстоятельство особенно не понравилось переселенцамъ. Отецъ мой во все двухнедѣльное наше пребываніе въ Карсѣ отсутствовалъ, такъ-какъ былъ назначенъ повѣреннымъ отъ всѣхъ переселенцевъ осмотрѣть мѣсто, гдѣ приходилось имъ селиться, и узнать о доброкачественности и годности этихъ мѣстъ. Отецъ вернулся обратно и къ нему собрались переселенцы. «Мѣста скверныя», сказалъ онъ имъ: «народъ собачій. Мы стремились сюда изъ родины, гдѣ намъ было хорошо, сломя головы,—и вотъ мы, какъ видите, въ Стамбулѣ, у цѣли нашего многотруднаго и несчастнаго пути, и что-же мы видимъ въ немъ? Намъ не приходится брататься съ тѣми людьми, которые, какъ вамъ самимъ извѣстно, воруютъ у нашихъ

женъ башмаки *). Подумайте объ этомъ серьезнѣе, ради вашихъ дѣтей. Если мы вернемся обратно на родину, то это не признакъ нашего малодушія, какъ это думаютъ многіе изъ насъ, а это значитъ, что желаемъ блага своему семейству, которое погибнетъ здѣсь среди такого народа; лучше вспомните про свое привольное и счастливое житье на родинѣ, которая насъ опять радостно приметъ въ свои объятія, какъ блудныхъ сыновей, и мы опять заживемъ по-старому. Потеряли многое — что̀ дѣлать — это все вслѣдствіе нашей-же глупости и довѣрчивости; теперь-же опомнились и ошибку еще не трудно поправить. Но вспомните, что если здѣсь насъ будутъ селить отдѣльно по два, по три семейства, то мы забудемъ другъ друга и не будемъ знать, кто умираетъ изъ насъ и кто живетъ, и уже изъ этого собачьяго отродья, что васъ будетъ окружать, ни одна душа не прольетъ печальную слезу и не проводитъ вашъ прахъ до послѣдняго вашего жилища—могилы. Вспомните объ этомъ и знайте, что на родинѣ хотя кости наши лягутъ бокъ-о-бокъ съ костьми нашихъ отцовъ и заплачетъ тамъ о насъ хотя одна душа». Призадумались старики, слушая отцовскія слова. Долго думали, молча, наконецъ послышались: «я первый изъ тѣхъ, кто хочетъ ѣхать обратно», и къ этому присоединилось еще нѣсколько голосовъ и образовались цѣлые десятки. Согласившіеся вернуться обратно на родину съ отцомъ, въ количествѣ около 90 дворовъ, рѣшились оставить Карсъ черезъ два дня и пуститься опять на родину. Наканунѣ выступленія, наши арбы собрались за Карсомъ. Оставав-шіеся, услыша о нашемъ окончательномъ намѣреніи пуститься въ обратный путь, нахлынули верхами со всѣхъ сторонъ, говорили отцу: «не срами насъ и себя и не ворочайся. Что скажетъ, подумай, народъ на родинѣ, когда увидятъ, что ты, одинъ изъ лучшихъ переселенцевъ, вернулся обратно»? Но отецъ давно уже объ этомъ думалъ и рѣшеніе его уже было твердо и онъ во что-бы то ни стало задумалъ вернуться обратно.

Обратная наша дорога была черезъ Александраполь, оттуда на Тифлисъ во Владикавказъ. Эта дорога уже не представляла тѣхъ трудностей, которыя мы испытали первоначально. Но взамѣнъ всѣхъ подобныхъ путевыхъ невзгодъ, насъ догнала зи-

*) Въ одномъ селеніи случилось такъ, что пропалъ башмакъ у моей матери, отчего отецъ поднялъ все селеніе на ноги и требовалъ настоятельно, чтобы башмакъ отыскался, а хозяину квартиры чуть голову не снесъ своимъ кинжаломъ; однако, башмакъ отыскался-таки.

ма, между двумя границами—русскою и турецкою—на р. Арпачай. Такъ-какъ насъ продержали здѣсь на границѣ около трехъ недѣль, то чтобы укрыться сколько-нибудь отъ зимныхъ холодовъ, мы вырыли на берегу Арпачая землянки, которыя сверху покрыли землею. Квартиръ казенныхъ намъ уже турецкое правительство не хотѣло давать, такъ-какъ мы отреклись отъ него самовольно, что вызвало неудовольствіе къ намъ правительства, выразившееся тѣмъ, что хотѣли насъ административнымъ порядкомъ задержать и не выпускать изъ Карса; но, видя положительное рѣшеніе наше оставить Турцію и серьезныя послѣдствія сопротивленія, предоставили намъ свободный проѣздъ. Итакъ, мы отъ морозовъ скрывались въ этихъ землянкахъ, вырытыхъ на берегу Арпачая. Землянки эти скрывали насъ до-тѣхъ-поръ, пока снѣгъ не стаялъ, но когда, къ нашему безпокойствію, солнечной теплотѣ угодно было пригрѣть снѣгъ, то этотъ послѣдній превращался въ жидкость, которая стекала въ наши землянки и потопляла наше добро или выносила наружу тѣ предметы нашего обихода, которые по своему удѣльному вѣсу оказывались легкими. Но бывали времена, когда эти жалкія землянки не защищали насъ отъ зимней стужи, и тогда мы скрывались въ огромный сарай пограничной турецкой заставы. Въ сараѣ этомъ помѣщались и люди, и животныя купно, и владѣтель этого сарая, содержатель мелочной лавочки и духана, бралъ съ персоны по 5 копѣекъ за ночлегъ. Въ одинъ прекрасный день пронесся радостный слухъ по толпѣ измученныхъ переселенцевъ, что правительствомъ разрѣшено пропустить насъ въ предѣлы русской границы. И всѣ переселенцы въ-торопяхъ стали запрягать своихъ воловъ, и арбы опять заскрипѣли, какъ-бы прощаясь на вѣки съ турецкой границей и привѣтствуя русскую границу, напоминавшую намъ близость нашей недавно покинутой родины. Скоро миновали гор. Александраполь съ его полувосточными и полузападными строеніями и передъ нашими взорами уже потянулся кряжъ горъ знакомой родины,

Какъ будто бѣлый караванъ
Залетныхъ птицъ изъ дальнихъ странъ.

Сердце забилось неизъяснимо радостно при видѣ знакомыхъ горъ и оно рвалось нетерпѣливо впередъ къ роднымъ мѣстамъ, къ родному аулу, который въ моемъ воображеніи опять представился ясно. Достигли Тифлиса, гдѣ мы пробыли около двухъ недѣль, и пустились дальше. Близость родины чувствовалась и мы

рвались все впередъ и впередъ, забывъ усталость и лишенія. Вотъ станція Казбекъ . . . а тамъ и знакомый Ларсъ, съ своими развалинами на скалѣ. Далѣе Балта... Редантъ и—Аллахъ! — вонъ и Владикавказъ, наконецъ. «Алхамдулилльяхъ»! произноситъ благоговѣйно отецъ и проводитъ три раза по бородѣ ладонью; наконецъ-то кончены адовы мученія, слава Аллаху и его пророку Магомету.

Вотъ, въ сторонѣ, показалось мѣсто нашего аула, но тамъ теперь никто не живетъ, и лишь деревья да характерный бурьянъ свидѣтельствуютъ о томъ, что когда-то тамъ жили. . . . Жители переселились въ другой аулъ—Гезель, куда и мы направились, чтобы тамъ на первое время пріютиться у бывшихъ нашихъ холоповъ. Отецъ, вѣроятно, теперь вспомнилъ то время, когда онъ считался въ аулѣ старшиной и главой, вспомнилъ то время, когда искали покровительства у него самого, а теперь: вотъ онъ, вернувшись изъ Турціи, долженъ искать по необходимости такого-же покровительства у бывшихъ своихъ холоповъ. И вѣроятно, особенно тревожила его эта мысль, потому-что по лицу его пробѣгали тучки, омрачавшія его чело. Хотя къ намъ вышли на встрѣчу, хотя насъ привѣтствовалъ весь аулъ неподдѣльно радостно, но тѣмъ не менѣе, не какъ правныхъ своихъ членовъ, а какъ чуждыхъ странниковъ, какъ исключенныхъ изъ общей семьи и опять принимаемыхъ изъ снисхожденія, и это обстоятельство особенно не понравилось отцу. Мы остановились у бывшихъ холоповъ на первыхъ порахъ, но благодаря заботливости людей знавшихъ моего отца, намъ недолго пришлось жить тамъ: намъ общими силами, для постройки сакли, натаскали строевого лѣсу, понадарили все что нужно было для первоначальнаго обзаведенія. Отецъ, понявъ свое безвыходное положеніе и то, что уже холоповъ, на которыхъ можно было-бы возложить работу, не стало, принялся самъ энергично работать день и ночь, забывъ то, что онъ когда-то зналъ лишь своего сѣраго коня, да свое оружіе, а черную работу презиралъ. И благодаря его энергіи и удивительному труду, благосостояніе наше стало-было поправляться, но Аллаху было угодно взять его душу къ себѣ — и все пошло вдругъ прахомъ! Остальные переселенцы, наученные тоже горькимъ урокомъ, стали поправляться, а были впрочемъ и такіе, которые разорились окончательно, такъ-какъ безъ первоначальной помощи они не могли подняться на ноги.

Когда, бывало, соберутся сосѣди къ отцу изъ всѣхъ околот-

ковъ, то, слушая его разсказы про нашу дорогу въ Стамбулъ, они участливо и угрюмо качали головами и удивлялись трудностямъ дороги, выражая сожалѣніе къ тѣмъ изъ своихъ земляковъ, которымъ приходилось ихъ терпѣть. Затѣмъ прошелъ годъ—стали переселяться другіе, привозя также горестныя извѣстія о судьбѣ переселенцевъ. А впрочемъ были между ними и такіе, которые отзывались и съ хорошей стороны о новой ихъ жизни. Между-прочимъ, одинъ недавно пріѣхавшій оттуда разсказывалъ: «Не вѣрьте тому, что мы въ Турціи занимаемся воровствомъ. Правда, прежде, пока мы еще не обзавелись никакимъ домашнимъ добромъ, бывало, нечего грѣха таить, воровали. Былъ случай, когда и я долженъ былъ взяться за это ремесло, но вынужденъ былъ къ тому бѣдственнымъ своимъ положеніемъ. Это было въ то время, когда мы уже достигали до Карса, гдѣ предполагали поселиться. Всѣ наши жизненные припасы, всѣ деньги, которыя были при насъ, истощились окончательно и насъ-бы постигла страшная голодная смерть, если-бы я въ одинъ прекрасный день не отправился на опасный промыселъ. Вечеръ, въ который я вышелъ, былъ самый благопріятный. На небѣ разорванныя тучки проходили по лунѣ и закрывали ее порою, отчего по временамъ дѣлалось темнѣе. Взявъ свою винтовку, шашку, пистолетъ и сѣвъ на своего вороного, котораго не продамъ теперь ни за какія деньги, я отправился искать добычи, предварительно помолившись всемогущему Аллаху, чтобы онъ ниспослалъ мнѣ щедрую добычу. Оставивъ семью свою у дороги, на охрану пятнадцатилѣтняго своего брата, я свернулъ на большую дорогу, гдѣ предполагалъ набрести на добычу. Вотъ до слуха моего донеслись звуки бубенчиковъ и колокольчиковъ. Я догадался, что то непремѣнно идетъ караванъ, и спрятавшись вмѣстѣ съ своимъ воронымъ за большимъ камнемъ, сталъ выжидать со взведенной винтовкой приближенія каравана. Звуки дѣлались все явственнѣе и вотъ первый верблюдъ, мѣрно шагая, поравнялся уже съ тѣмъ камнемъ, за которымъ была моя засада. На верблюдѣ, хозяинъ, покачиваясь взадъ и впередъ, напѣвалъ въ-полголоса какую-то жалобную пѣсню на турецкомъ языкѣ.—*Кафыръ*! вдругъ воскликнулъ я, появляясь изъ-за камня съ винтовкой. Верблюдъ шарахнулся въ сторону, фыркая, и сѣдокъ слетѣлъ съ него; я выстрѣлилъ по воздуху и турокъ бѣжалъ, сломя голову, крича о пощадѣ; другіе хозяева верблюдовъ, въ числѣ около десяти, тоже бѣжали, какъ подлые трусы-бабы, и караванъ верблюдовъ, навьюченный всякимъ добромъ, остался на

мою долю. Свернувъ нѣсколько верблюдовъ съ большой дороги и вспоровъ тюки, я взялъ что нужно было и самъ продолжалъ далѣе свое странствіе... И съ-тѣхъ-поръ никогда мысль о воровствѣ не приходитъ мнѣ на умъ: зачѣмъ, думаю я, грабить чужое добро, когда своего достаточно. Съ турками къ тому-же живемъ мы мирно, но они насъ все-таки побаиваются, во избѣжаніе какихъ-либо непріятностей, которыя мы можемъ имъ надѣлать, за какія-либо обиды. Они насъ зовутъ волками, потому-что видятъ въ насъ большое мужество и храбрость. Мы никогда обиду не оставляемъ безъ достойнаго возмездія и потому внушаемъ имъ быть къ намъ уважительными. Они трусы въ высшей степени и способны легко сносить всякія обиды. Одинъ изъ нашихъ можетъ напугать десятокъ турокъ и обижать ихъ безъ особенной опасности для своей жизни».

Многіе пріѣзжаютъ теперь изъ Турціи провѣдать старую родину; одни изъ нихъ очень довольны новымъ отечествомъ и нѣтъ конца похваламъ ему, а другіе выражаютъ неудовольствіе и желаніе переселиться обратно, если-бы то было дозволено русскимъ правительствомъ. Но, однако, оставшіеся въ Осетіи мусульмане научены горькимъ опытомъ предшествовавшихъ переселенцевъ и не желаютъ переселенія; они съ большимъ удовольствіемъ готовы встрѣтить перемѣну прежняго порядка вещей, чѣмъ кидаться въ страну совершенно невѣдомую.

Тогда кидались за свободою, за привольнымъ житьемъ, безъ всякаго труда и работы; хотя, впрочемъ, они сами не могли объяснить, чего хотѣли. Но должно по-крайней-мѣрѣ предполагать, что прежній характеръ не давалъ имъ покоя и тянулъ ихъ подальше куда-то. Но другія времена, другіе и нравы. Прошло съ-тѣхъ-поръ не мало времени и всѣ стали смотрѣть на вещи совершенно иначе. Мало кто уже мечтаетъ о переселеніи въ Турцію: убѣдились, что тамъ хуже, чѣмъ на родинѣ. Обстоятельства жизни заставили относиться холоднѣе и разсчетливѣе ко всѣмъ перемѣнамъ прежняго порядка и заставляютъ перенимать новое. Да, это неизбѣжное слѣдствіе водворенія мира на Кавказѣ. Условія прежней жизни, вырабатывавшія въ горцѣ молодецкія качества, искореняются постепенно и идеалы прежнихъ джигитовъ-абрековъ становятся достояніемъ преданій.

Рядъ историческихъ фактовъ, совершившихся почти на нашихъ глазахъ, доказываетъ намъ, что народъ сохраняетъ духъ

воинственности, удальства, до-тѣхъ-поръ, пока обстоятельства окружающей его жизни тому благопріятствуютъ, когда есть, такъ сказать, арена для поддержанія и воспитанія этихъ качествъ, а арена эта можетъ лишь тогда существовать, когда народъ вынужденъ отъ кого-либо защищать оружіемъ свою свободу и неприкосновенность обычаевъ, освященныхъ предками. Но когда для развитія этихъ качествъ не благопріятствуютъ эти обстоятельства, на мѣсто храбреца и воина является трудолюбивый хлѣбопашецъ. Мы видимъ Донскихъ и Запорожскихъ казаковъ. Было время, когда они творили чудеса храбрости, вынужденные къ тому защитою своей любимой родины отъ нашествія крымскихъ татаръ. Тогда жизнь ихъ проходила въ безпрестанныхъ стычкахъ со врагами и изъ среды ихъ выходили такіе отважные «лыцари», какъ Тарасъ, Остапъ, Наливайко... Но насталъ миръ и спокойствіе и идеалъ прежняго героя уступилъ мѣсто мирному семьянину и трудолюбивому пахарю. Объ Остапахъ, Тарасахъ и Наливайкахъ, какъ и другихъ герояхъ Запорожской Сѣчи, вспоминаютъ развѣ лишь угрюмые бандуристы, въ кругу любопытной молодежи, да развѣ пахарь иногда, задумавшись, произнесетъ въ своей печальной пѣснѣ имена ихъ. Повторяю, вліяніе этого неизмѣннаго могущественнаго историческаго закона мы видимъ и на нашихъ горцахъ. Не вѣрить въ дѣйствіе этого закона, значитъ быть положительнымъ профаномъ. Да и профанамъ-то въ настоящее время нельзя не вѣрить въ дѣйствіе этого закона, ибо фактъ совершается во-очію. Молодечество среди горскаго населенія уже далеко не имѣетъ того могущественнаго вліянія на молодежь, какое имѣло еще въ недавнее прошлое; на молодечество теперь смотрятъ, какъ на праздность и полнѣйшее бездѣлье. Подражателей прежнихъ удальцовъ укоряютъ, а не хвалятъ теперь. Прежде, бывало, какой-нибудь молодецъ нацѣпитъ на себя цѣлый арсеналъ оружія, оправленнаго золотомъ и серебромъ, и разъѣзжаетъ на своемъ шаулохскомъ конѣ. Этакою праздною жизнію особенно отличалось высшее сословіе, которое, обладая множествомъ крестьянъ, возлагало на послѣднихъ всѣ работы, а само разъѣзжало на *балцъ* *) по сосѣднимъ кабардинскимъ князьямъ.

Такъ-какъ отецъ мой принадлежалъ къ числу людей, имѣвшихъ крестьянъ, то онъ тогда мало обращалъ вниманія на черную

*) Балцами назывались праздные разъѣзды по сосѣдямъ. Въ то время гостили по цѣлымъ мѣсяцамъ; женамъ не показывались довольно долго. Сидѣть дома считалось постыднымъ.

работу, считая ее для себя позорною. Онъ только въ совершенствѣ владѣлъ оружіемъ своимъ и ѣздилъ превосходно на своемъ сѣромъ конѣ, котораго такъ старательно купалъ на рѣчкѣ. Для этого въ полдень, обыкновенно, онъ звалъ меня къ рѣчкѣ, куда изъ конюшни выводилъ самъ своего коня, и среди рѣчки, вооружившись чашкой, онъ мылъ старательно коня, а я держалъ послѣдняго за узду. Онъ обладалъ умѣньемъ выдѣлывать изъ ремня самыя необходимыя мелкія вещи для сбруи конской; онъ мѣтко стрѣлялъ изъ винтовки, но однако рѣдко-рѣдко когда тратилъ напрасно зарядъ пороха, которымъ вообще дорожилъ.

Когда, бывало, собирался онъ въ балцъ, то мать и сестра просиживали цѣлые дни за шитьемъ для него платья, въ которое нарядившись, онъ уѣзжалъ надолго со двора—куда?

Не знала ни одна душа.

Черезъ мѣсяцъ или два, обыкновенно, онъ возвращался, но въ сопровожденіи цѣлой кавалькады: тутъ были и кабардинскіе и кумыкскіе князья и всѣ они въ свою очередь гостили у насъ болѣе или менѣе продолжительное время. Обыкновенно, я долженъ былъ выходить къ нимъ на встрѣчу и помогать имъ слезать съ коней, которыхъ съ помощію своихъ товарищей-одноаульцовъ разсѣдлывалъ и, напоивши, клалъ имъ травы или гналъ въ поле. Въ кунацкой я развѣшивалъ по стѣнамъ сѣдла, ружья и шашки и потомъ молча становился у косяка дверей и выжидалъ зорко того момента, когда кто-нибудь изъ гостей пожелаетъ пить воды или попроситъ что-либо подобное, и подобныя желанія гостей, я, какъ благовоспитанный сынъ узденя, долженъ былъ даже немедленно предупреждать, иначе въ устахъ ихъ заслужилъ-бы нелестное реноме, что отцу было-бы очень непріятно.

Отецъ также выходилъ къ гостямъ въ кунацкую, и тутъ, опершись на огромнѣйшую суковатую палку, которая составляла непремѣнную принадлежность кунацкой, заводилъ рѣчь съ гостями. Говорили важно, чинно, какъ-будто рѣшали важные государственные вопросы, а между-тѣмъ шла рѣчь о лошади какого-нибудь Бимбулата или о мѣткости Кайсиновской винтовки. Поговоривъ такимъ образомъ немного съ гостями, отецъ обыкновенно выходилъ изъ кунацкой и холопамъ давалъ приказанія, чтобы они гда-нибудь раздобыли *кусартаковъ* *), безъ которыхъ не уѣзжалъ отъ насъ еще ни одинъ гость, сколько я помню.

*) Гостю обыкновенно рѣжутъ всегда барана или быка, что называется *кусартаками*. Чѣмъ важнѣе гость, тѣмъ цѣннѣе кусартакъ.

Передъ обѣдомъ или ужиномъ для гостей, меня обыкновенно снабжали полотенцемъ черезъ плечо, давали въ руку тарелочку съ мыломъ и въ такомъ видѣ я слѣдовалъ за холопомъ, который въ свою очередь несъ въ одной рукѣ тазъ, а въ другой рукомойникъ. Пришедъ въ кунацкую, холопъ обыкновенно ставилъ тазъ передъ первымъ гостемъ, а я подавалъ мыло и начиналось по старшинству умываніе рукъ, которыя вытирались послѣ мытья полотенцемъ, висѣвшимъ на моемъ плечѣ. По окончаніи этого, обыкновенно подавался столъ, круглый, маленькій, о трехъ или четырехъ ножкахъ. На столѣ была баранина кусками, съ чурекомъ, бѣлымъ или просянымъ. Столъ становился ближе къ старшему изъ гостей. Ѣли обыкновенно важно, медленно, будто размышляя о какомъ-нибудь важномъ дѣлѣ, — того требовалъ нашъ этикетъ, ибо ѣсть скоро считалось постыднымъ. Чмоканье слышалось на всю кунацкую и раздражало сильно мой аппетитъ. Ѣсть мало—тоже одно изъ достоинствъ благороднаго гостя, поэтому благородные гости часто оставляютъ весь столъ почти нетронутымъ, хотя-бы у нихъ въ желудкахъ скребли голодныя кошки. Нужно замѣтить, что прежде всѣхъ перестаетъ старшій изъ гостей ѣсть, а за нимъ должны перестать и остальные, не смотря на то если-бы даже они оставались голодными. Когда переставали гости работать челюстями, столъ убирался услужливыми парнями, которыхъ здѣсь бывало достаточное количество, съ цѣлью поживиться объѣдками со стола—и, конечно, оставшееся въ-мигъ уничтожалось. Послѣ ужина, сопровождавшагося подобнымъ-же омовеніемъ рукъ, я приносилъ гостямъ постели; разостлавъ ихъ, снималъ съ гостей чевяки и не уходилъ изъ кунацкой до-тѣхъ-поръ, пока кто-нибудь изъ гостей не произносилъ обычную фразу: *ацу нгр*! (ступай теперь). И я уходилъ, и тогда лишь я могъ спокойно поужинать. И вотъ точно въ такомъ воспитаніи, состоявшемъ въ прислуживаніи всякому гостю, заключалось домашнее воспитаніе и занятіе всякаго порядочнаго горскаго мальчика и кто преуспѣвалъ въ этомъ, тотъ заслуживалъ особенно лестную репутацію въ околоткѣ и получалъ часто отъ гостей подарки, въ родѣ газырей, пороху, пули и т. п. Изъ него воспитывался хорошій наѣздникъ, такъ-какъ ежедневно онъ джигитовалъ на лошадяхъ пріѣзжавшихъ гостей и водилъ ихъ съ своими сверстниками на водопой.

Но теперь обстоятельства жизни, съ освобожденіемъ крестьянъ, этихъ даровыхъ рукъ, на которыя всѣ заботы семьи слага-

лись, перемѣнились,—перемѣнился и характеръ современнаго горца. Какъ посмотришь теперь да сравнишь характеръ современнаго горца и горца недавняго прошлаго времени, когда еще воевалъ Шамиль, то подумаешь, что съ-тѣхъ-поръ, какъ окончилась война, прошло столѣтіе. Температура горской крови значительно понизилась, его горячая натура сдѣлалась болѣе холодною, расчетливою, смотрящею на жизнь съ болѣе положительной точки зрѣнія. Теперь, вмѣсто того, чтобы гордо разъѣзжать въ набѣги вооруженными съ ногъ до головы въ свои доспѣхи и пугать мирныхъ путешественниковъ, занялись сельскимъ трудомъ, понимая то, что въ противномъ случаѣ придется имъ голодать. Недавно одинъ молодой человѣкъ изъ лучшей фамиліи, который прежде жилъ довольно ограниченно, говорилъ мнѣ: «Теперь, братъ, времена настали другія; прежде, бывало, намъ доставалось все почти даромъ и мы могли, не опасаясь голода и холода, разъѣзжать ради душевной услады, куда намъ угодно, или-же пошаливать, не опасаясь быть наказану. Тогда наши предки, что называется, жили, какъ у Бога за пазухой. Теперь подумать некогда о праздныхъ разъѣздахъ, иначе семья помретъ съ голоду; не для чего носить уже оружіе, потому-что кровная месть почти уже уничтожилась, теперь работа и работа. Позабывъ дѣдовское презрѣніе къ черному труду, я взялся за этотъ трудъ. Обзавелся нѣсколькими парами воловъ и лошадей и доставляю баластъ на желѣзную дорогу, имѣю свой кирпичный заводъ и благопріобрѣтенный домъ, пока вкладываю въ банкъ, а тамъ обзаведусь табуномъ лошадей и баранами. Построилъ я себѣ домъ на русскій ладъ, какъ тебѣ извѣстно, и обзавожусь самыми необходимыми вещами домашняго обихода». И онъ говорилъ совершенно вѣрно. У него есть европейскій столовый сервизъ, есть самоваръ съ довольно приличнымъ приборомъ и онъ пьетъ чай регулярно, что находитъ очень удобнымъ и выгоднымъ. «Чай мнѣ стоитъ дешевле, чѣмъ, напримѣръ, рѣзать барана и дѣлать изъ него бульонъ; кромѣ того, чай пить пріятнѣе и всякаго гостя имъ можно попотчивать. Я такъ привыкъ теперь къ хлопотамъ, что не могу усидѣть ни одного часа и презираю отъ души человѣка празднаго и бездѣльнаго. Но я работаю не для своей собственной пользы, приходится работать и на благо своихъ земляковъ, которые, скажу между-прочимъ, относятся къ моимъ начинаніямъ неособенно благодарно. Нынѣшнею весною я предвидѣлъ, что покосное мѣсто сосѣдняго аула, находящееся недалеко отсюда, будетъ затоплено разлитіемъ Те-

река. Но общество, которому принадлежало это покосное мѣсто, смотрѣло на такую несчастную возможность совершенно равнодушно. Я предложилъ аульному обществу условіе, чтобы они привезли хворосту къ этому мѣсту, а трудъ отдѣлки плотины я бралъ на себя. Аульные старшины увѣряли меня, что покосное мѣсто не затопится и поэтому считали лишнимъ распоряжаться о привозкѣ матерьяла для плотины. Но аульные старшины жестоко ошиблись, потому-что прошлый мѣсяцъ Терекъ разлился и затопилъ все покосное мѣсто. Слухъ о моемъ предположеніи аульному обществу дошелъ тогда до начальника округа и этотъ меня благодарилъ. Я къ тому тебѣ говорю все это, что если будешь дѣлать что-нибудь нашимъ для ихъ-же личной пользы, то со свойственною ихъ подозрительностью они въ этомъ усмотрятъ заднюю цѣль. Въ данномъ случаѣ весь аулъ предполагалъ, что въ этомъ предложеніи я ищу собственной выгоды, а потому онъ не согласился и за то поплатился».

Говорившій эти слова принадлежалъ къ современному типу нашей зараждающейся молодежи, и хотя онъ не заключаетъ въ себѣ всѣхъ типичныхъ чертъ, которыми будетъ, вѣроятно, отличаться вся наша молодежь въ близкомъ будущемъ, но тѣмъ не менѣе въ немъ есть зачатки характера, выработанныя обстоятельствами современной жизни. Вслѣдствіе этого я остановлюсь на его характеристикѣ нѣсколько больше. Упоминаемому молодому человѣку 26 лѣтъ. Вопреки традиціямъ своей знаменитой фамиліи, этотъ молодой человѣкъ имѣетъ сильное предубѣжденіе къ джигитовству, къ безцѣльнымъ разъѣздамъ и даже къ ношенію кинжала. Чувство предубѣжденія онъ выражалъ мнѣ неоднократно, «какъ понимающему человѣку».—«Пора, пора оставить дурачиться и разъѣзжать по ауламъ безцѣльно; пора приняться за работу, забывъ, что черная работа стыдна *алдару* или *узденю* *). Если я еще ношу при себѣ кинжалъ, говорилъ онъ, то единственно съ цѣлью не обижать своихъ родственниковъ, а не уважай я ихъ репутацію, я не только скинулъ-бы съ себя это лишнее украшеніе, потерявшее свое значеніе, но даже снялъ-бы съ себя черкеску и надѣлъ-бы русское платье, которое нахожу теперь гораздо болѣе удобнымъ».

---

*) *Алдары* и *уздени* — высшее сословіе въ осетинскомъ народѣ. Эти сословія въ послѣднее время потеряли свое могущественное значеніе, которое имѣли еще въ недавнемъ прошломъ среди своихъ земляковъ, *фарсалаковъ* и *кавдасардовъ* (холоповъ).

«Посмотришь теперь на своихъ знакомыхъ—такъ злость беретъ. Завидуютъ мнѣ, что я обставился совершенно иначе, чѣмъ они, между-тѣмъ-какъ они физически столь-же состоятельны, а можетъ-быть даже больше, чѣмъ я. А что у меня еще недавно было? Я былъ почти бѣднякомъ среди своихъ односельцевъ, но когда строили желѣзную дорогу, мнѣ вздумалось доставлять туда песокъ, камень, хворостъ для постройки плотинъ на Терекѣ, для чего на первыхъ порахъ сдѣлалъ долги, купилъ нѣсколько арробъ съ лошадьми, снялъ подрядъ; такимъ образомъ мало-по-малу у меня открылся свой кирпичный заводъ, и я приготовлялъ кирпичъ для станцій. Такъ я кое-что заработывалъ и деньги заработанныя не проматывалъ въ городѣ, а относилъ въ банкъ. А мои односельцы, въ то время, когда я возился съ пескомъ, съ хворостомъ да съ кирпичами, посиживали себѣ въ *ныхасъ* *) и, занимаясь строганіемъ палочекъ своими кинжальными ножами, говорили: «*араби* **), чтобы это значило, что Хасанъ разбогатѣлъ, что у него и русскій домъ теперь, когда онъ такъ недавно жилъ въ такой-же грѣшной саклѣ, какъ и мы, а теперь поглядите»! И при этомъ щепки летѣли отъ палочекъ, которыя они обыкновенно строгаютъ. «И то сказать: удивительное дѣло, право, какъ это мы тоже работаемъ весь день не хуже его, а между-тѣмъ не отзывается нашъ заработокъ на нашемъ благосостояніи», говорилъ другой завсегдатель холма, покуривая папироску, скрученную изъ писчей бумаги.—Да, да! подтверждали другіе голоса лѣниво. И такъ они болтаютъ и болтаютъ до-сихъ-поръ, удивляясь, какъ это они, работая, не богатѣютъ». —Да чѣмъ-же они живутъ? спросилъ я его однажды.—«Да развѣ ихъ собачью жизнь можно назвать жизнію? Они ею вполнѣ довольны и, кажется, другой жизни не особенно-таки желаютъ, а вотъ небось на воровство еще руки чешутся». — А развѣ еще занимаются воровствомъ? — «Сосѣдъ воруетъ у сосѣда корову и даже курицу. Нигдѣ такъ не распространено воровство, какъ въ нашемъ аулѣ, говорилъ онъ. Въ-продолженіи прошлаго мѣсяца было украдено 18 лошадей въ одномъ нашемъ аулѣ». — И почему это случается въ нашемъ аулѣ, а не въ другомъ? — «А это потому, объяснялъ онъ мнѣ, съ накопившеюся желчью, что мы люди негодные и неспособные къ общественной жизни, будучи не въ состояніи жить единодуш-

*) Мѣсто, гдѣ собираются аульные бездѣльники и проводятъ время въ пустой балтовнѣ.

**) *Араби*—говорится въ знакъ удивленія, въ смыслѣ: *о боже*!

но, въ согласіи. Вотъ, напримѣръ, общество нашего аула, не исключая даже самихъ старшинъ, знаетъ очень хорошо этихъ воровъ и конокрадовъ, но боится прямо на нихъ указать; для него-же хуже, если оно не докажетъ воровства, что конечно очень возможно, такъ-какъ на мѣстѣ преступленія вора не словили, но предположенія вѣрны. Если я одинъ укажу на одного изъ конокрадовъ и не подтвержу свое показаніе осязательнымъ фактомъ, то воръ вечеромъ придетъ и украдетъ у меня-же въ отместку моего коня или корову. Кому-же это желательно? Во избѣжаніе подобныхъ случаевъ, каждый изъ насъ молчитъ, а воры продолжаютъ свое ремесло безнаказанно; такъ, аульное начальство еще не озаботилось обязать всѣхъ жителей нести поочередно сторожевую службу. И воры эти столь нахальны, что не краснѣютъ передъ тѣми, которыхъ только вчера обокрали. Такъ намъ и надо за наше равнодушное отношеніе къ безопасности собственнаго добра», закончилъ онъ злобно. «Нахальство воровъ простирается до изумительныхъ размѣровъ. Недавно у меня почти среди бѣлаго дня чуть не украли моихъ лошадей, но къ счастію моему я успѣлъ настичь воровъ и они, подлые, скрылись вотъ въ этомъ бурьянѣ и шныряютъ здѣсь, какъ куропатки, такъ-что приходится каждый часъ опасаться за безопасность своего добра».

Вообще говоря, воровство въ послѣднее время не только не уменьшилось, но, напротивъ, оно, по словамъ нашихъ-же горцевъ, разростается. Гдѣ искать причины такого обстоятельства? Въ томъ-ли, что въ доказательство воровства требуютъ осязательныхъ фактовъ, чтобы воръ былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія, не принимая во вниманіе однихъ свидѣтельскихъ показаній, хотя-бы они были подтверждены присягой? Воръ, зная это, мало опасается того, что его поймаютъ на мѣстѣ преступленія, и больше вѣроятія, что онъ останется безнаказаннымъ.

Но въ скоромъ будущемъ должно искорениться и это зло. Склонность къ воровству есть еще остатокъ недавняго прошлаго времени, и эта склонность сама собою должна уничтожиться. Противъ могущественнаго напора цивилизаціи не устоятъ никакія традиціи старины. И слава Богу, что цивилизація забросила къ намъ лучъ свой; наконецъ мы видимъ и желѣзную дорогу: свистъ локомотива оглушаетъ насъ, мирныхъ гражданъ, и напоминаетъ намъ ежедневно, что и мы присоединились къ семьѣ цивилизованной Европы. Горцы сами содѣйствовали построенію этой

дороги, которая должна въ близкомъ будущемъ измѣнить все наше прошлое. И тамъ, гдѣ скакалъ лишь горецъ вольный на своемъ шаулохскомъ скакунѣ *), обвѣшанный съ ногъ до головы своими воинскими доспѣхами, теперь раздается свистъ и пыхтѣніе локомотива, наводя суевѣрный страхъ на изумленныхъ горцевъ. И проходитъ этотъ локомотивъ мимо ауловъ, не боясь ни «косматыхъ дьяволовъ», ни абрековъ заклятыхъ. И если-бы бывшіе обладатели тѣхъ человѣческихъ костей, костей джигитовъ, разбросанныхъ мѣстами по полотну дороги, воскресли волею Аллаха и взглянули-бы на «изобрѣтеніе шайтана» и на житье современной горской молодежи и узнали-бы, что они, вмѣсто джигитовки и молодецкихъ разъѣздовъ, предпочли работу и миръ съ гяурами, — они пожелали-бы снова умереть, чтобы не смотрѣть на сей свѣтъ...

И. Кануковъ.

Г. Владикавказъ.
Сентября 8 дня 1875 г.

---

*) Завода Шаулоха, славящагося и по настоящее время во всей Кабардѣ.

ГОРСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

СТАТИСТИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ

о населенныхъ мѣстахъ Западнаго Дагестана.

Помѣщаемыя ниже статистическія свѣдѣнія о населенныхъ мѣстахъ Западнаго Дагестана заслуживаютъ вниманія, какъ вполнѣ новый статистическій матеріалъ для соображеній объ общественно-экономическомъ положеніи значительной части кавказско-горскаго населенія. Происхожденіе этого матеріала — чисто офиціальное. Значительная часть его, какъ основаніе для взиманія податныхъ сборовъ, вполнѣ достовѣрна. Но и въ прочихъ своихъ частяхъ матеріалъ этотъ довольно близко опредѣляетъ дѣйствительное положеніе дѣла.

Еще бо̀льшее значеніе получаютъ приводимыя ниже данныя въ виду тѣхъ трудностей добыванія точнаго статистическаго матеріала въ странѣ, подобной Дагестану, о которыхъ не разъ уже заявлялось на страницахъ нашего «Сборника». Остается пожелать, чтобы и о прочихъ частяхъ Дагестанской области мы могли располагать такими-же важными и интересными свѣдѣніями.

СТАТИСТИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ

о населенныхъ мѣстахъ Западнаго Дагестана, о числѣ жителей и дворовъ и экономическомъ бытѣ населенія.

	НАЗВАНІЕ СЕЛЕНІЙ.	Число дворовъ.	Число душъ.		Число дворовъ платящихъ подати.	Число душъ не платящихъ подати.			Число должностныхъ лицъ сельскаго управленія.			Число мечетей.	Число учащихся при мечетяхъ.	Скотоводство.				Предметы хозяйственныхъ занятій.
			Мужескаго пола.	Женскаго пола.		Офицеровъ, старшинъ, кадіевъ и судей.	Вдовъ и сиротъ.	Калѣкъ и неимущихъ.	Старшинъ.	Кадіевъ.	Диван-бековъ.			Лошадей.	Ишаковъ.	Рогатаго скота.	Овецъ.	
	Андійскаго округа.																	
	Андійское наибство.																	
1	Сел. Анди	633	1134	1285	587	16	15	15	1	1	6	4	30	603	66	2567	18500	Исключительно овцеводство и выдѣлка бурокъ; хлѣбопашество развито мало; Андійское общество даже при хорошемъ урожаѣ покупаетъ для себя хлѣбъ.
2	,, Ашали	55	107	123	47	4	2	2	1	1	2	1	2	47	3	80	900	
3	,, Гагатль	253	401	527	237	7	8	1	1	1	5	2	11	300	25	1400	8800	
4	,, Гунхо	49	89	90	43	4	2	—	1	1	2	1	5	50	5	570	2100	
5	,, Зило	150	257	281	143	4	—	3	1	1	2	1	3	102	56	450	2300	
6	,, Рыкуани	152	300	305	140	4	3	5	1	1	2	1	3	150	26	600	4560	
7	,, Чанко	58	118	120	51	4	2	1	1	1	2	1	6	50	3	150	600	
	Итого	1350	2406	2731	1248	43	32	27	7	7	21	11	60	1302	184	5517	37760	
	Гумбетовское наибство.																	
8	Сел. Аргуани	226	387	447	213	9	—	4	1	1	4	2	5	164	316	823	10125	Овцеводство и земледѣліе.
9	,, Артлухъ	82	174	193	78	4	—	—	1	1	2	1	6	70	118	620	5500	
10	,, Гадари	95	164	141	79	4	9	2	1	1	3	1	1	20	53	300	1000	Земледѣліе и садоводство.
11	,, Данухъ	103	188	200	23	5	10	5	1	1	3	1	4	64	141	600	4200	Овцеводство.
12	,, Верхнее-Инхо	129	198	206	113	4	9	3	1	1	2	1	3	4	128	200	2000	Садоводство.
13	,, Нижнее-Инхо	185	255	289	175	4	3	3	—	1	3	2	2	15	243	500	1800	
14	,, Ингиши	116	169	202	100	5	7	4	1	1	3	1	3	40	92	500	3000	Земледѣліе.
15	,, Ичичали	119	205	214	105	4	6	4	1	1	2	1	2	62	92	393	2500	Производство мѣдной посуды.
16	,, Килятль	140	247	251	136	4	—	—	1	1	2	1	3	75	100	500	1000	Садоводство.
17	,, Кижани	83	129	142	77	3	—	3	1	1	1	1	3	65	31	220	1800	Земледѣліе.

	НАЗВАНІЕ СЕЛЕНІЙ.	Число дворовъ.	Число душъ. Мужескаго пола.	Число душъ. Женскаго пола.	Число дворовъ платящихъ подати.	Число душъ не платящихъ подати. Офицеровъ, старшинъ, кадіевъ и судей.	Число душъ не платящихъ подати. Вдовъ и сиротъ.	Число душъ не платящихъ подати. Калѣкъ и неимущихъ.	Число должностныхъ лицъ сельскаго управленія. Старшинъ.	Число должностныхъ лицъ сельскаго управленія. Кадіевъ.	Число должностныхъ лицъ сельскаго управленія. Диван-бековъ.	Число мечетей.	Число учащихся при мечетяхъ.	Скотоводство. Лошадей.	Скотоводство. Ишаковъ.	Скотоводство. Рогатаго скота.	Скотоводство. Овецъ.	Предметы хозяйственныхъ занятій.
18	Сел. Мехельта....	483	814	908	445	11	15	12	1	1	6	8	6	330	350	2260	32500	Овцеводство и земледѣліе.
19	,, Сивухъ.....	194	347	368	170	5	13	6	1	1	3	1	3	130	120	1040	9000	
20	,, Тларата.....	81	135	140	65	2	6	8	1	1	—	1	—	40	50	200	2100	Земледѣліе.
21	,, Цилитль......	120	200	204	111	2	2	2	1	1	3	1	2	64	74	607	4300	Овцеводство и земледѣліе.
22	,, Цунди.	58	99	116	53	4	1	—	1	1	2	1	—	29	70	230	2300	
23	,, Чиркатъ.....	151	255	284	140	5	5	1	1	1	3	3	3	100	140	808	7000	Овцеводство и садоводство.
24	,, Читль.......	60	102	106	56	3	1	—	1	1	1	1	4	6	74	130	500	Земледѣліе.
25	,, Шавдухъ....	58	99	116	54	3	—	1	1	1	1	1	—	37	50	255	2000	
	Итого...	2483	4167	4527	2253	85	87	58	17	18	44	29	50	1315	2242	10186	92625	
	Дидойское наибство.																	
26	Сел. Асахо......	101	220	215	92	6	2	1	1	1	4	1	—	45	3	292	2400	Земледѣліе и овцеводство.
27	,, Акиди.......	17	42	42	13	2	1	1	1	—	1	1	—	7	2	65	700	
28	,, Азильта.....	14	41	35	13	1	—	—	—	—	1	1	2	1	3	70	240	
29	,, Виціатль	24	57	51	20	3	—	1	1	1	1	1	2	29	—	98	860	
30	,, Геніатль.....	45	83	63	34	4	3	4	1	1	2	1	9	8	10	156	800	
31	,, Зирко.......	14	29	30	14	—	—	—	—	—	—	1	1	—	3	50	200	
32	,, Зихиды......	28	62	62	26	2	—	—	1	—	1	1	—	17	1	76	800	
33	,, Исрахъ......	15	32	38	14	1	—	—	—	—	1	1	—	7	—	35	200	
34	,, Инухъ......	28	53	58	20	2	2	4	1	—	1	1	5	14	1	124	800	
35	,, Китури.....	51	201	110	42	4	3	2	1	1	2	1	14	4	14	200	1900	
36	,, Киміатль....	19	25	28	16	2	—	1	1	—	1	1	—	5	4	54	800	
37	,, Китльрата...	6	14	16	5	1	—	—	1	—	—	1	—	3	—	23	100	
38	,, Кутатль....	38	84	88	35	3	—	—	1	1	1	1	5	45	2	169	900	
39	,, Килери......	69	136	94	56	3	5	5	1	—	2	2	8	43	2	270	280	
40	,, Мококъ......	65	153	132	55	5	3	2	1	1	3	2	3	12	11	171	1600	
41	,, Ритлухъ	13	32	18	11	2	—	—	1	—	1	1	—	5	—	41	400	
42	,, Сагады......	74	148	153	70	4	—	—	1	1	2	1	2	—	20	300	1900	
43	,, Тлясута......	42	84	63	37	5	—	—	1	1	3	1	—	—	15	140	1300	
44	,, Уцихъ.......	6	15	11	5	—	—	1	—	—	—	1	—	2	—	16	200	
45	,, Цибиро	30	81	63	26	3	1	—	1	1	1	1	3	4	8	75	800	
46	,, Цицмахъ.....	10	23	23	7	—	—	3	—	—	—	1	—	7	—	24	140	
47	,, Хоитль......	22	53	46	18	4	—	—	1	1	2	1	3	2	8	119	900	
48	,, Хотохъ......	14	37	22	12	1	1	—	—	—	1	1	2	—	7	65	440	
49	,, Ханухъ.....	8	19	23	8	—	—	—	—	—	—	1	2	1	4	60	460	
50	,, Хамаитляхъ .	31	60	52	28	3	—	—	1	1	1	1	1	—	7	96	700	

	НАЗВАНІЕ СЕЛЕНІЙ.	Число дворовъ.	Число душъ.		Число дворовъ платящихъ подати.	Число душъ не платящихъ подати.			Число должностныхъ лицъ сельскаго управленія.			Число мечетей.	Число учащихся при мечетяхъ.	Скотоводство.				Предметы хозяйственныхъ занятій.
			Мужескаго пола.	Женскаго пола.		Офицеровъ, старшинъ, кадіевъ и судей.	Вдовъ и сиротъ.	Калѣкъ и неимущихъ.	Старшинъ.	Кадіевъ.	Диван-беговъ.			Лошадей.	Эшаковъ.	Рогатаго скота.	Овецъ.	
51	Сел. Хабатль....	35	80	67	25	4	2	4	1	1	2	1	2	6	10	140	810	Земледѣліе и овцеводство.
52	,, Хитрахо....	53	120	110	42	5	3	3	1	1	3	2	1	19	—	254	2000	
53	,, Халачъ......	9	23	15	9	—	—	—	—	—	—	1	1	4	—	28	160	
54	,, Хупро	34	65	61	28	4	1	1	1	1	2	1	1	21	—	105	900	
55	,, Хибіятль....	14	33	43	11	1	1	1	—	—	1	1	2	4	—	53	260	
56	,, Шеитль......	85	159	236	73	5	3	4	1	1	3	1	15	23	15	300	200	
57	,, Шапіяхъ....	34	43	40	28	3	1	2	—	1	2	1	2	18	—	100	800	
58	,, Шальякхъ...	10	18	19	8	—	1	1	—	—	—	1	—	3	—	23	100	
59	,, Шаури......	13	24	25	10	1	1	1	1	—	—	1	2	1	3	81	200	
60	,, Эльбоко......	18	43	36	14	3	—	1	1	1	1	1	1	15	—	79	700	
	Итого ..	1089	2390	2188	925	87	34	43	24	17	46	38	89	375	153	3942	27750	
	Каратинское наибство.																	
61	Сел. Анчикъ......	133	260	243	124	5	4	—	1	1	3	3	3	50	120	500	5000	Земледѣліе и овцеводство.
62	,, Аллакъ......	173	287	221	150	5	—	18	1	1	3	2	4	17	110	700	5000	
63	,, Арчу	63	138	117	58	5	—	—	1	1	2	1	1	10	25	150	1100	
64	,, Изаны......	104	196	197	100	4	—	—	1	1	2	1	—	46	41	300	2040	
65	,, Имерсу	91	134	141	85	4	1	1	1	1	2	1	1	14	104	400	3000	
66	,, Карата......	248	428	423	231	7	6	4	1	1	3	2	7	40	300	700	6000	
67	,, Кудіябъ - Росотль-Ахвахъ	164	369	351	159	5	3	—	1	1	3	2	—	43	37	720	3100	
68	,, Конода.......	241	357	396	226	5	9	1	1	1	3	1	1	67	200	1300	10000	
69	,, Рацитль.....	72	140	152	68	4	—	—	1	1	2	1	2	20	70	300	1000	
70	,, Рачабалды...	21	26	47	16	2	—	3	1	1	—	1	—	3	8	110	400	
71	,, Тадъ-Магитль	155	303	310	144	5	3	3	1	1	3	3	1	90	68	700	4000	
72	,, Тлондода.....	140	236	243	125	4	10	1	1	1	2	2	3	33	80	700	7000	
73	,, Тлибишу....	70	114	123	62	4	3	1	1	1	2	1	—	30	100	360	2400	
74	,, Тлиссы	22	42	45	18	4	—	—	1	1	2	1	1	15	40	100	1400	
75	,, Хуштада.....	204	308	360	182	5	9	8	1	1	3	2	6	40	190	900	10000	
76	,, Хелетлури...	96	181	179	81	4	—	11	1	1	2	1	4	11	100	400	4000	
77	,, Верхнее Энхели........	95	161	173	77	5	—	13	1	1	3	3	3	15	80	220	1100	
78	,, Нижнее Энхели..........	104	189	195	99	5	—	—	1	1	3	1	—	5	76	130	2000	
	Итого...	2196	3869	3926	2005	82	45	64	18	18	45	29	37	549	1749	8730	68540	

№	НАЗВАНІЕ СЕЛЕНІЙ.	Число дворовъ.	Число душъ. Мужескаго пола.	Число душъ. Женскаго пола.	Число дворовъ платящихъ подати.	Число душъ не платящихъ подати. Офицеровъ, старшинъ, кадіевъ и судей.	Число душъ не платящихъ подати. Вдовъ и сиротъ.	Число душъ не платящихъ подати. Калѣкъ и неимущихъ.	Число должностныхъ лицъ сельскаго управленія. Старшинъ.	Число должностныхъ лицъ сельскаго управленія. Кадіевъ.	Число должностныхъ лицъ сельскаго управленія. Диван-бековъ.	Число мечетей.	Число учащихся при мечетяхъ.	Скотоводство. Лошадей.	Скотоводство. Ишаковъ.	Скотоводство. Рогатаго скота.	Скотоводство. Овецъ.	Предметы хозяйственныхъ занятій.
	Технуцальское наибство.																	
79	Сел. Ансалты	275	537	545	256	9	5	5	1	1	3	4	6	84	209	827	1900	Земледѣліе и выдѣлка бурокъ.
80	,, Ботлихъ	267	440	506	247	8	7	5	1	1	5	2	11	62	300	600	1200	Садоводство и выдѣлка бурокъ.
81	,, Буты	47	105	119	44	3	—	—	1	1	1	1	—	31	2	340	2306	Овцеводство.
82	,, Годобери	211	388	414	185	6	8	12	1	1	3	3	4	77	121	710	4000	Земледѣліе и овцеводство.
83	,, Зибирхали	56	100	127	46	4	3	3	1	1	3	1	2	22	33	183	1800	
84	,, Кенхидатль	122	218	248	108	5	5	4	1	1	3	2	4	11	79	168	100	Выварка соли.
85	,, Муни	250	411	447	234	7	4	5	1	1	5	5	6	36	196	254	1009	Садоводство.
86	,, Міарсу	68	114	118	61	4	—	3	1	1	2	1	2	20	53	110	100	Земледѣліе.
87	,, Тиндо	138	238	247	130	5	3	—	1	1	3	1	3	93	64	292	1260	
88	,, Тасута	59	100	104	53	4	—	2	1	1	2	1	—	36	23	143	333	
89	,, Орто-коло	41	66	71	33	4	2	2	1	1	2	1	—	10	35	116	27	Садоводство.
90	,, Щодрода	105	177	205	92	5	5	3	1	1	3	1	3	43	43	262	940	Земледѣліе.
	Итого	1639	2894	3151	1489	64	42	44	12	12	35	25	41	525	1158	3945	14975	
	Тиндальское наибство.																	
91	Сел. Ангида	120	204	203	110	5	3	2	1	1	2	1	1	17	40	500	300	
92	,, Акнада	110	200	209	99	4	3	4	1	1	2	1	5	9	41	500	4100	Земледѣліе и овцеводство.
93	,, Аша	64	100	90	50	4	3	7	1	1	2	1	3	17	52	200	1800	
94	,, Инхокори	72	143	136	65	4	—	3	1	1	2	1	1	3	35	430	1053	
95	,, Контляда	69	124	133	59	4	—	6	1	1	2	1	4	3	26	100	800	
96	,, Сантляда	44	89	71	32	4	—	8	1	1	2	1	6	6	16	100	700	
97	,, Тинды	414	732	696	374	7	11	22	1	1	3	3	10	60	215	1500	9900	
98	,, Тисы	60	108	110	56	4	—	—	1	1	2	1	6	8	33	200	900	
99	,, Хварши	140	244	255	124	6	—	10	1	1	3	2	10	15	76	504	2400	
100	,, Хойны	27	59	50	22	4	—	1	1	1	2	1	1	2	17	57	478	
	Итого	1120	1983	1953	991	46	20	63	10	10	22	13	47	140	551	4091	23131	
	Ункратло-Чамаляльское наибство.																	
101	Сел. Аквари	311	550	547	291	6	5	9	1	1	3	1	3	42	292	1722	5530	Овцеводство и земледѣліе.
102	,, Верхнее Аквари																	
103	,, Нижнее Аквари																	

	НАЗВАНІЕ СЕЛЕНІЙ.	Число дворовъ.	Число душъ.		Число дворовъ платящихъ подати.	Число душъ не платящихъ подати.			Число должностныхъ лицъ сельскаго управленія.			Число мечетей.	Число учащихся при мечетяхъ.	Скотоводство.				Предметы хозяйственныхъ занятій.
			Мужескаго пола.	Женскаго пола.		Офицеровъ, старшинъ, кадіевъ и судей.	Вдовъ и сиротъ.	Калѣкъ и неимущихъ.	Старшинъ.	Кадіевъ.	Диванъ-бековъ.			Лошадей.	Ишаковъ.	Рогатаго скота.	Овецъ.	
104	Сел. Агвали	41	80	72	32	4	3	2	1	1	2	1	—	4	26	187	200	Садоводство.
105	,, Гигатль	189	330	395	176	7	3	3	1	1	3	1	2	105	210	1522	7500	Овцеводство и земледѣліе.
106	,, Гадыри	98	200	190	92	4	—	2	1	1	2	1	1	15	60	300	3000	
107	,, Гачитль	35	50	72	33	—	—	1	—	1	—	1	—	—	20	120	300	
108	,, Киды	105	110	198	99	4	1	1	1	1	2	1	1	19	60	250	5600	
109	,, Копхи	98	224	202	83	5	5	5	1	1	3	1	1	50	30	330	3000	
110	,, Рычаганыкъ	63	126	124	56	4	1	2	1	1	2	1	—	15	54	374	1160	
111	,, Сильды	95	143	205	90	4	1	—	1	1	2	1	—	5	50	550	3500	
112	,, Саситль	54	118	116	50	4	—	—	1	1	2	1	—	13	56	390	2770	
113	,, Хако	104	237	237	98	4	1	1	1	1	2	1	—	15	90	700	6000	
114	,, Цумада	70	125	136	64	4	—	2	1	1	2	1	—	8	33	222	1300	
115	,, Шихалъ-Батлухъ	24	40	49	23	1	—	—	1	—	—	1	—	3	12	212	2000	
116	,, Чадыри	58	126	140	47	4	2	5	1	1	2	1	—	66	—	400	2300	
117	,, Эчеда	43	79	62	38	3	1	1	1	1	1	1	—	3	22	199	1360	
	Итого	1388	2538	2745	1272	59	23	34	14	14	28	15	8	363	1015	7478	45520	
	А всего въ Андійскомъ округѣ	11265	20247	21221	10183	466	283	333	102	96	239	158	326	4569	7052	43809	312301	
	Аварскаго округа.																	
	Хунзахское наибство.																	
1	Сел. Хунзахъ	339	1007	1029	283	27	28	1	1	1	7	4	7	112	55	695	6180	Земледѣліе и овцеводство.
2	,, Гоцатль	335	878	883	296	12	25	2	1	1	3	2	6	49	169	475	2900	Земледѣліе и садоводство.
3	,, Могохъ	148	325	344	137	9	2	—	1	1	2	1	7	16	159	314	1067	
4	,, Гоцо	35	97	103	29	4	2	—	1	1	1	1	—	12	10	134	2600	Земледѣліе и овцеводство.
5	,, Шагада	62	125	137	60	2	2	—	1	1	1	1	—	19	7	146	840	Земледѣліе.
6	,, Уркачи	66	191	200	59	5	2	—	1	1	3	1	—	9	9	131	945	
7	,, Буцра	155	438	471	144	6	5	—	1	1	3	1	2	27	19	302	4520	Земледѣліе и овцеводство.
8	,, Гевичутль	117	264	277	100	7	10	—	1	1	3	1	6	22	14	144	1850	
9	,, Ботлаичъ	170	411	421	155	8	7	—	1	1	3	1	2	31	14	175	5000	
10	,, Итля	33	90	91	29	2	2	—	1	1	—	1	—	6	7	42	400	Земледѣліе.
11	,, Кахъ	40	132	146	37	2	1	—	1	1	—	1	1	22	6	143	770	
12	,, Хориколо	65	164	171	57	4	4	—	1	1	2	1	3	11	7	122	500	

	НАЗВАНІЕ СЕЛЕНІЙ.	Число дворовъ.	Число душъ. Мужескаго пола.	Число душъ. Женскаго пола.	Число дворовъ платящихъ подати.	Число душъ не платящихъ подати. Офицеровъ, старшинъ, кадіевъ и судей.	Число душъ не платящихъ подати. Вдовъ и сиротъ.	Число душъ не платящихъ подати. Калѣкъ и неимущихъ.	Число должностныхъ лицъ сельскаго управленія. Старшинъ.	Число должностныхъ лицъ сельскаго управленія. Кадіевъ.	Число должностныхъ лицъ сельскаго управленія. Диван-бековъ.	Число мечетей.	Число учащихся при мечетяхъ.	Скотоводство. Лошадей.	Скотоводство. Эшаковъ.	Скотоводство. Рогатаго скота.	Скотоводство. Овецъ.	Предметы хозяйственныхъ занятій.
13	Сел. Цада	40	107	149	35	3	2	—	1	1	1	1	—	5	6	91	700	Земледѣліе.
14	,, Танусъ	119	301	314	115	4	—	—	1	1	2	1	9	72	18	255	2000	Земледѣліе и овцеводство.
15	,, Ахальчи	235	649	674	222	7	6	—	1	2	3	1	13	108	31	371	4500	
16	,, Гацалухъ	84	222	233	74	5	5	—	1	1	3	1	1	47	9	133	1500	Земледѣліе.
17	,, Эбута	21	48	51	19	2	—	—	1	1	—	1	—	11	4	42	300	
18	,, Цалкита	24	58	60	20	2	2	—	1	1	—	1	—	4	3	42	700	
19	,, Цельмесъ	40	112	117	38	2	—	—	1	1	—	1	—	4	5	97	340	Земледѣліе и садоводство.
20	,, Тлайлухъ	35	81	87	30	3	2	—	1	1	1	1	—	10	4	74	300	
21	,, Алишта	28	65	71	25	2	1	—	1	—	1	1	—	10	6	68	360	Земледѣліе.
22	,, Джалатлури	40	123	119	36	2	2	—	1	—	1	1	—	19	8	91	400	
23	,, Инкета или Текита	26	80	86	23	2	1	—	1	1	—	1	—	6	4	46	175	
24	,, Сивухъ	175	485	491	152	10	13	—	1	2	3	1	3	38	20	304	3800	Земледѣліе и садоводство.
25	,, Шопота	54	119	121	47	3	4	—	1	1	1	1	4	33	7	84	1000	Земледѣліе.
26	,, Химякоро	42	96	101	37	2	3	—	1	—	1	1	1	22	5	70	500	
27	,, Гозоло-Коло	39	88	97	32	3	4	—	1	1	1	1	—	10	4	66	550	
28	,, Гортло-Коло	65	173	179	56	3	5	1	1	1	1	1	—	32	6	106	700	
29	,, Обода	157	439	451	148	5	4	—	1	1	3	1	7	69	14	297	2200	Земледѣліе и овцеводство.
30	,, Гонохъ	41	114	126	38	2	1	—	1	1	—	1	—	19	5	64	340	Земледѣліе.
31	,, Баптль	25	67	74	23	2	—	—	1	1	—	1	—	13	3	54	600	
32	,, Чандатль	39	106	111	37	2	—	—	1	—	1	1	—	18	4	79	380	
33	,, Местерухъ	102	287	291	94	5	3	—	1	1	3	1	4	13	10	183	200	Земледѣліе и овцеводство.
34	,, Цолода	83	204	217	76	5	2	—	1	1	3	1	—	9	7	159	1000	
35	,, Тукита	150	399	421	133	7	10	—	1	1	3	1	3	29	15	291	3500	
36	,, Ингердахъ	82	201	217	76	5	1	—	1	1	3	1	6	13	10	166	2100	
	Итого	3311	8746	9131	2972	176	159	4	36	33	63	40	85	950	684	6056	57517	
	Койсубулинское наибство.																	
37	Сел. Унсукулъ	545	997	1041	522	15	7	1	1	3	5	3	18	75	235	605	6300	Земледѣліе, садоводство и производство различныхъ деревянныхъ работъ, какъ-то: трубокъ и прочаго.
38	,, Гимры	278	435	501	246	8	23	1	1	1	3	1	3	82	196	257	4000	Земледѣліе и садоводство.
29	,, Ирганай	164	246	217	158	5	1	—	1	1	3	1	3	9	104	168	2110	
40	,, Балаканы	269	461	497	255	5	7	2	1	1	3	1	29	12	185	176	3000	
41	,, Шулатль	12	35	41	10	1	1	—	1	—	—	1	—	1	15	27	300	Земледѣліе.
42	,, Зиряны	37	69	73	34	2	1	—	1	1	—	1	—	2	27	53	300	Земледѣліе и садоводство.

	НАЗВАНІЕ СЕЛЕНІЙ.	Число дворовъ.	Число душъ.		Число дворовъ платящихъ подати.	Число душъ не платящихъ подати.			Число должностныхъ лицъ сельскаго управленія.			Число мечетей.	Число учащихся при мечетяхъ.	Скотоводство.				Предметы хозяйственныхъ занятій.
			Мужескаго пола.	Женскаго пола.		Офицеровъ, старшинъ, кадіевъ и судей.	Вдовъ и сиротъ.	Калѣкъ и неимущихъ.	Старшинъ.	Кадіевъ.	Диван-бековъ.			Лошадей.	Эшаковъ.	Рогатаго скота.	Овецъ.	
43	Сел. Араканы	378	674	715	364	7	6	1	1	1	5	1	3	45	167	420	7460	Земледѣліе, садоводство и овцеводство.
44	,, Харачи	95	175	188	91	4	—	—	1	1	3	1	—	8	67	141	1187	Овцеводство и земледѣліе.
45	,, Моксохъ	66	145	173	59	5	2	—	1	1	3	1	2	27	45	104	3000	
46	,, Кудутль	204	359	363	183	5	13	3	1	1	3	1	11	14	140	245	2300	Земледѣліе, овцеводство и садоводство.
47	,, Бетль	71	135	168	63	5	3	—	1	1	3	1	—	16	52	82	2700	Земледѣліе и овцеводство.
48	,, Ашильта	88	174	169	81	5	2	—	1	1	3	1	3	24	57	151	2100	Земледѣліе и садоводство.
49	,, Инколито	47	79	88	38	5	4	—	1	1	3	1	—	12	33	91	1000	Земледѣліе.
50	,, Игали	318	549	558	300	7	9	2	1	3	3	1	8	85	245	416	10000	Земледѣліе, садоводство и овцеводство.
51	,, Кохабъ-росо	97	168	175	90	5	2	—	1	1	3	1	—	15	67	123	220	Земледѣліе.
	Итого	2669	4701	4967	2494	84	81	10	15	18	43	17	80	427	1635	3066	26977	
	Цатаныхское наибство.																	
52	Сел. Цатаныхъ	157	311	324	144	5	8	—	1	1	3	1	4	44	37	216	3985	Земледѣліе и овцеводство.
53	,, Мушули	78	146	157	70	5	3	—	1	1	3	1	6	6	40	94	640	Земледѣліе и садоводство.
54	,, Тлохъ	270	603	676	252	6	11	1	1	2	3	1	10	49	142	142	1545	
55	,, Очло	41	138	140	37	3	1	—	1	1	1	1	1	23	10	62	280	Земледѣліе.
56	,, Иштибури	41	121	123	37	3	1	—	1	1	1	1	—	15	11	83	445	Земледѣліе и овцеводство.
57	,, Иштубури-Коло	67	179	181	61	3	3	—	1	1	1	1	5	20	14	98	642	
58	,, Верхній Харадырихъ	61	140	152	55	3	3	—	1	1	1	1	7	12	16	87	680	
59	,, Средній Харадырихъ	52	132	146	44	3	5	—	1	1	1	1	4	7	12	92	490	
60	,, Нижній Харадырихъ	30	61	67	27	2	1	—	1	1	—	1	14	3	8	67	350	
61	,, Тадъ-Коло	18	53	61	15	2	1	—	1	1	—	1	—	21	15	26	250	Земледѣліе.
62	,, Хиндахъ	62	152	167	54	5	3	—	1	1	3	1	—	7	14	81	395	Земледѣліе и овцеводство.
63	,, Гоха-Коло	59	136	134	52	5	2	—	1	1	3	1	—	5	14	97	500	
64	,, Орота	192	401	415	167	7	18	—	1	2	3	1	—	17	159	271	1800	Земледѣліе, садоводство и овцеводство.
65	,, Мочохъ	113	246	273	97	5	11	—	1	1	3	1	5	52	25	171	925	Земледѣліе и овцеводство.
66	,, Харахи	170	397	421	153	6	11	—	1	2	3	1	14	20	88	220	1240	

№	Названіе селеній.	Число дворовъ.	Число душъ. Мужескаго пола.	Число душъ. Женскаго пола.	Число дворовъ платящихъ подати.	Число душъ не платящихъ подати. Офицеровъ, старшинъ, кадіевъ и судей.	Число душъ не платящихъ подати. Вдовъ и сиротъ.	Число душъ не платящихъ подати. Калѣкъ и не имущихъ.
67	Сел. Большіе Амуши	139	301	317	132	4	3	—
68	,, Малые Амуши	40	101	111	36	3	1	—
	Итого	1590	3618	3865	1433	70	86	1
	Бахлухское наибство.							
69	Сел. Голотль	239	448	478	215	5	18	1
70	,, Датунъ	19	36	39	16	2	1	—
71	,, Накитль	24	62	69	21	3	—	—
72	,, Нита	40	87	95	34	3	3	—
73	,, Куанп	76	174	179	69	5	2	—
74	,, Могохъ	78	144	158	66	5	7	—
75	,, Андыхъ	178	357	350	156	5	17	—
76	,, Ханата	68	129	130	61	5	2	—
77	,, Нижній Бахлухъ	208	327	352	180	7	17	4
78	,, Верхній Бахлухъ	70	137	135	62	5	3	—
	Итого	1000	1901	1981	880	45	70	5
	А всего въ Аварскомъ округѣ	8570	18966	19944	7779	375	396	20

№	Число должностныхъ лицъ сельскаго управленія. Старшинъ.	Кадіевъ.	Диван-беговъ.	Число мечетей.	Число учащихся при мечетяхъ.	Скотоводство. Лошадей.	Ишаковъ.	Рогатаго скота.	Овецъ.	Предметы хозяйственныхъ занятій.
67	1	1	2	1	10	15	79	217	940	Земледѣліе и овцеводство.
68	1	1	1	1	2	1	39	43	280	Земледѣліе и садоводство.
Итого	17	20	32	17	82	317	723	2067	15387	
69	1	1	3	1	13	4	149	187	465	Земледѣліе и садоводство.
70	1	1	1	1	—	4	17	26	89	
71	1	1	1	1	—	3	26	31	179	
72	1	1	1	1	—	6	10	64	288	Земледѣліе.
73	1	1	3	1	2	8	19	120	415	
74	1	1	3	1	3	24	47	99	405	
75	1	1	3	1	5	2	114	197	990	
76	1	1	3	1	2	10	15	90	390	Земледѣліе и овцеводство.
77	1	1	3	1	10	12	160	307	1590	
78	1	1	3	1	4	13	49	98	470	
Итого	10	10	24	10	39	86	606	1219	5281	
А всего	78	81	162	84	286	1780	3648	12408	115162	

СТАТИСТИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ

по Андійскому округу за 1873 и 1874 годы, и сравнительная таблица военныхъ силъ края до и послѣ покоренія Дагестана.

№ по порядку.	НАЗВАНІЕ СЕЛЕНІЙ.	Число дворовъ.	Число душъ обоего пола.	Отношеніе жителей къ числу дворовъ.	Число душъ.				Отношеніе родившихся, умершихъ, бракомъ сочетавшихся и разведшихся къ общему числу населенія.				Число жителей, выходившихъ подъ ружье мюридизма.		Число жителей, выходившихъ подъ ружье въ послѣднее время мюридизма и до покоренія Дагестана.		Число жителей, могущихъ стать подъ ружье въ настоящее время.	
					Родившихся.	Умершихъ.	Бракомъ сочетавши.	Разведшихся.	Родившіеся.	Умершіе.	Бракомъ сочетавшіеся.	Разведшіеся.	Пѣхоты.	Кавалеріи.	Пѣхоты.	Кавалеріи.	Пѣхоты.	Кавалеріи.
	Андійскаго округа.																	
	Технуцальское наибство.																	
1	Сел. Ботлихъ	267	946	3, 54									300	30	60	60	220	60
2	„ Міарсу	68	232	3, 26	35	56	29	16	1: 25, 12	1: 24, 67	1: 47, 65	1: 86, 37	25	5	15	10	46	10
3	„ Тасута	59	204	3, 44									48	2	35	10	30	25
4	„ Зибирхали	56	227	4, 05	23	21	9	6	1: 19, 65	1: 21, 52	1: 50, 22	1: 75, 33	40	4	16	20	16	20
5	„ Буты	47	224	4, 76									10	15	10	12	22	26
6	„ Конхидатль	122	466	3, 83	17	19	14	10	1: 27, 41	1: 24, 52	1: 33, 28	1: 46, 6	100	14	85	5	92	10
7	„ Годобери	211	802	3, 8	41	22	28	8	1: 19, 56	1: 36, 45	1: 28, 57	1:100, 25	140	20	80	30	130	70
8	„ Муни	250	858	3, 43	40	14	24	16	1: 24, 87	1: 71, 07	1: 41, 45	1: 62, 18	190	30	170	20	174	30
9	„ Орто-коло	41	137	3, 36									20	3	25	5	36	8
10	„ Щодрода	105	382	3, 63	18	6	14	13	1: 21, 22	1: 63, 66	1: 27, 28	1: 29, 38	43	81	50	40	63	43
11	„ Тандо	138	485	3, 5	22	25	19	6	1: 22, 04	1: 19, 4	1: 25, 52	1: 80, 83	130	10	110	40	72	52
12	„ Ансалты	275	1082	4, 26	42	30	29	28	1: 25, 76	1: 36, 06	1: 37, 31	1: 38, 64	200	40	140	60	265	73
	Итого...	1639	6045	3, 69	258	193	166	103	1: 23, 81	1: 31, 32	1: 36, 41	1 58, 67	1246	256	796	312	1166	427
	Андійское наибство.																	
13	Сел. Анди	633	2419	3, 82									40	760	15	345	170	401
14	„ Зило	150	538	3, 58									47	120	30	50	47	82
15	„ Рыкуани	152	605	3, 98	88	50	41	16	1: 39, 09	1: 68, 8	1: 89, 9	1: 25, 5	29	130	40	60	19	111
16	„ Чанко	58	238	4, 1									15	61	15	30	11	39
17	„ Ашали	55	230	4, 18									18	60	12	18	13	30
18	„ Гагатль	253	928	3, 62	24	26	21	2	1: 46, 12	1: 42, 57	1: 52, 71	1:553, 5	17	260	9	116	10	220
19	„ Гунхо	49	173	3, 65									14	36	14	16	4	41
	Итого...	1350	5137	3, 8	112	76	62	18	1: 45, 85	1: 67, 59	1: 82, 85	1:285, 38	180	1427	135	635	274	924

№ по порядку.	НАЗВАНІЕ СЕЛЕНІЙ.	Число дворовъ.	Число душъ обоего пола.	Отношеніе жителей къ числу дворовъ.	Число душъ. Родившихся.	Число душъ. Умершихъ.	Число душъ. Бракомъ сочетавш.	Число душъ. Разведшихся.	Отношеніе родившихся, умершихъ, бракомъ сочетавшихся и разведшихся къ общему числу населенія. Родившіеся.	Умершіе.	Бракомъ сочетавшіеся.	Разведшіеся.	Число жителей, выходившихъ подъ ружье въ началѣ мюридизма. Пѣхоты.	Кавалеріи.	Число жителей, выходившихъ подъ ружье въ послѣднее время мюридизма и до покоренія Дагестана. Пѣхоты.	Кавалеріи.	Число жителей, могущихъ стать подъ ружье въ настоящее время. Пѣхоты.	Кавалеріи.
	Каратинское наибство.																	
20	Сел. Карата	248	861	3, 47									230	12	52	75	171	35
21	,, Арчу	63	255	4, 04	35	20	16	8	1: 33, 11	1: 59, 49	1: 74, 31	1:148, 62	66	2	25	35	41	8
22	,, Рачабалды	21	73	3, 47									27	3	12	24	13	3
23	,, Конода	241	753	3, 12	37	23	36	28	1: 27, 75	1: 44, 69	1: 24, 55	1: 36, 71	260	45	20	75	137	55
24	,, Имерсу	91	275	3, 02									102	15	15	20	73	12
25	,, Хуштада	204	668	3, 22	33	19	21	21	1: 34, 45	1: 10, 36	1: 54, 61	1: 54, 61	213	25	20	85	111	34
26	,, Тлондода	140	479	3, 42									160	15	20	45	91	29
27	,, Верхнее Энхели	95	334	3, 51	25	16	10	2	1: 25, 04	1: 39, 12	1: 62, 61	1: 313	92	5	30	35	72	11
28	,, Рацитль	72	292	4, 05					1: 20, 95	1: 38, 69	1:503	1:167, 33	60	6	27	32	56	18
29	,, Анчикъ	133	503	3, 7	24	13	1	3	1: 24	1: 22, 59	1:192	1: 128	140	4	43	55	72	42
30	,, Нижнее Энхели	104	384	3, 69	16	17	2	3					95	3	43	42	96	4
31	,, Кудіябъ-Росотль	164	720	4, 39	42	12	18	27	1: 26, 5	1: 92, 75	1: 61, 89	1: 41, 18	175	4	40	52	150	39
	,, Изаны	104	393	3, 77									98	5	28	32	80	39
32	,, Аллакъ	173	508	2, 93	18	14	18	14	1: 48, 22	1: 62	1: 48, 22	1: 62	190	8	42	53	141	14
33	,, Хелетлури	96	360	3, 75									95	6	26	30	66	9
34	,, Тадъ-Магитль	155	613	3, 95									160	9	42	62	84	65
35	,, Тлибишу	70	237	3, 38	30	18	33	31	1: 31, 23	1: 52, 05	1: 28, 39	1: 30, 22	69	2	15	23	41	22
36	,, Тлиссы	22	87	3, 95									24	1	10	15	9	11
37	Итого	2196	7795	3, 55	260	152	165	137	1: 29, 98	1: 31, 3	1: 47, 12	1: 56, 82	2256	170	510	790	1524	450
	Тиндальское наибство.																	
38	Сел. Акнада	110	409	3, 71									106	—	80	10	98	5
39	,, Тинды	414	1428	3, 69									390	—	225	47	328	40
40	,, Ангида	120	407	3, 39	128	102	57	18	1: 20, 71	1: 26	1: 46, 52	1:147, 53	116	—	80	10	98	10
41	,, Тиссы	60	218	3, 63									52	—	42	7	55	3
42	,, Аша	64	190	2, 96									70	—	35	11	54	11
43	,, Хварши	140	499	3, 2									150	—	82	10	108	9
44	,, Контляда	69	257	3, 77									62	—	22	2	55	1
45	,, Сантляда	44	160	3, 63	73	37	55	19	1: 11, 86	1: 35, 24	1: 38, 68	1: 68, 73	43	—	15	5	37	2
46	,, Инхокори	72	279	3, 87									70	—	32	1	65	1
47	,, Хойны	27	109	3, 66									25	—	12	2	22	1
	Итого	1120	3956	3, 52	201	139	92	37	1: 19, 64	1: 28, 4	1: 42, 82	1: 106, 7	1084	—	600	100	911	83

№ по порядку.	НАЗВАНІЕ СЕЛЕНІЙ.	Число дворовъ.	Число душъ обоего пола.	Отношеніе жителей къ числу дворовъ.	Число душъ.			
					Родившихся.	Умершихъ	Бракомъ сочетавш.	Разведшихся.
	Ункратльское наибство.							
48	Сел. Гигатль	189	725	3, 83				
49	,, Агвали	41	152	3, 7	51	38	38	18
50	,, Гадыри	98	390	3, 97				
51	,, Гачитль	35	122	3, 48				
52	,, Акварп	311	1097	3, 52	37	34	45	51
53	,, Хако	104	474	4, 55				
54	,, Сильды	95	348	3, 66	11	18	58	24
55	,, Шихалъ-Батлухъ	24	89	3, 7				
56	,, Цумада	70	261	3, 72	6	4	4	10
57	,, Рычаганыкъ	63	250	3, 96				
58	,, Саситль	54	234	4, 33				
59	,, Киды	105	308	2, 93	17	21	16	17
60	,, Эчеда	43	141	3, 27				
61	,, Конхи	98	426	4, 33	35	17	21	18
62	,, Чадыри	58	266	4, 58				
	Итого...	1388	5283	3, 8	157	132	182	138
	Гумбетовское наибство.							
63	Сел. Мехельта	483	1722	3, 39	106	65	33	9
64	,, Тларата	81	275	3, 39				
65	,, Чиркатъ	151	539	3, 56	21	9	9	1
66	,, Килятль	140	498	3, 55	27	7	10	3
67	,, Верхнее-Инхо	129	404	3, 05	31	11	10	—
68	,, Кептль	60	208	3, 46				
69	,, Шавдухъ	58	215	3, 7	21	15	7	4
70	,, Цунди	58	215	3, 7				
71	,, Ичичали	119	419	3, 52	28	15	10	3
72	,, Кижани	83	271	3, 5				
73	,, Аргуани	226	834	3, 69	33	9	5	2
74	,, Артлухъ	82	367	4, 47	10	21	5	3
75	,, Данухъ	103	388	3, 76	15	2	8	—
76	,, Гадари	95	305	3, 21	12	4	1	—

Отношеніе родившихся, умершихъ, бракомъ сочетавшихся и разведшихся къ общему числу населенія.				Число жителей, выходившихъ подъ ружье въ началѣ мюридизма.		Число жителей, выходившихъ подъ ружье въ послѣднее время мюридизма и до покоренія Дагестана.		Число жителей, могущихъ стать подъ ружье въ настоящее время.	
Родившіеся.	Умершіе.	Бракомъ сочетавшіеся.	Разведшіеся.	Пѣхоты.	Кавалеріи.	Пѣхоты.	Кавалеріи.	Пѣхоты.	Кавалеріи.
				150	20	20	80	158	82
1: 27, 23	1: 36, 55	1: 36, 55	1: 77, 16	10	—	6	6	32	2
				57	3	35	15	62	7
				15	—	17	3	28	—
1: 29, 65	1: 32, 26	1: 24, 37	1: 21, 5	395	5	240	60	258	35
				86	—	40	30	39	9
1: 82, 81	1: 50, 61	1: 15, 7	1: 37, 96	150	—	100	30	74	3
				6	—	10	5	18	3
1: 85, 16	1:125, 75	1:125, 75	1: 51, 1	78	—	31	9	57	6
				63	—	32	8	58	10
				38	2	10	20	47	8
1: 40, 18	1: 32, 52	1: 42, 69	1; 97, 57	85	15	30	20	90	12
				33	—	27	3	35	2
1: 19, 77	1: 40, 7	1: 32, 95	1: 38, 44	50	10	20	40	81	37
				30	12	7	40	43	42
1: 33, 64	1: 40, 02	1: 29, 02	1: 38, 28	1246	67	625	369	1074	258
1: 18, 84	1: 29, 18	1: 60, 51	1:221, 88	300	400	40	160	220	215
				15	5	15	15	32	29
1: 25, 66	1: 59, 88	1: 59, 88	1:539	138	2	65	15	63	67
1: 18, 44	1: 41, 14	1: 49, 8	1:166	90	10	60	30	57	49
1: 19, 74	1: 55, 63	1: 61, 2	—	90	10	40	20	87	4
				45	5	20	11	30	4
1: 20, 47	1: 28, 66	1: 61, 42	1:107, 5	26	5	19	12	15	28
				25	15	18	12	20	18
1: 24, 64	1: 46	1: 69	1:230	30	30	30	40	52	42
				90	10	10	15	27	42
1: 25, 25	1: 92, 66	1:166, 8	1:417	240	60	80	60	105	125
1: 36, 7	1: 17, 47	1: 73, 4	1: 22, 33	58	2	20	30	34	42
1: 25, 86	1:194, 94	1; 48, 51	—	60	20	25	35	63	35
1: 25, 41	1: 76, 25	1:305	—	50	10	35	15	42	12

№ по порядку.	НАЗВАНІЕ СЕЛЕНІЙ.	Число дворовъ.	Число душъ обоего пола.	Отношеніе жителей къ числу дворовъ.	Число душъ.				Отношеніе родившихся, умершихъ, бракомъ сочетавшихся и разведшихся къ общему числу населенія.				Число жителей, выходившихъ подъ ружье въ началѣ мюридизма.		Число жителей, выходившихъ подъ ружье въ последнее время мюридизма и до покоренія Дагестана.		Число жителей, могущихъ стать подъ ружье въ настоящее время.	
					Родившихся.	Умершихъ.	Бракомъ сочетавш.	Разведшихся.	Родившіеся.	Умершіе.	Бракомъ сочетавшіеся.	Разведшіеся.	Пѣхоты.	Кавалеріи.	Пѣхоты.	Кавалеріи.	Пѣхоты.	Кавалеріи.
77	Сел. Нижнее-Инхо	185	544	2, 94	16	14	6	7	1: 34	1: 38, 85	1: 90, 66	1: 77, 71	290	10	60	40	93	10
78	,, Сивухъ	194	715	3, 68	25	10	7	1	1: 28, 6	1: 71, 5	1:102, 14	1: 715	70	40	20	60	110	75
79	,, Цилитль	120	404	3, 36	23	8	8	—	1: 17, 56	1: 50, 5	1: 50, 5	—	60	30	20	50	57	48
80	,, Ингиши	116	371	3, 19	11	16	5	3	1: 33, 72	1: 23, 18	1: 74, 2	1:123, 66	50	20	26	26	63	28
	Итого	2483	8694	3, 58	379	206	124	36	1: 22, 93	1: 42, 2	1: 70, 11	1:241, 62	1727	684	603	646	1170	879
	Дидойское наибство.																	
81	Сел. Китури	69	230	3, 33									—	—	45	—	74	1
82	,, Кутатль	38	132	3, 47	28	14	8	6	1: 13, 43	1: 34, 71	1: 60, 75	1: 81	—	—	28	—	30	2
83	,, Зихиды	28	124	4, 42									—	—	18	—	21	1
84	,, Эльбоко	18	79	4, 38									—	—	14	—	16	—
85	,, Асахо	101	435	4, 3									—	—	36	—	95	2
86	,, Цибиро	30	144	4, 8									—	—	25	—	23	—
87	,, Исрахъ	15	70	4, 66									—	—	14	—	11	—
88	,, Акиды	17	84	4, 94	19	8	4	8	1: 10, 78	1: 25, 62	1: 51, 25	1: 25, 62	—	—	12	—	13	—
89	,, Килиятль	19	51	2, 68									—	—	15	—	15	—
90	,, Шальякхъ	10	37	3, 7									—	—	19	—	27	—
91	,, Ритлухъ	13	50	3, 84									—	—	50	—	58	1
92	,, Мококъ	65	285	4, 38	7	5	6	2	1: 61, 71	1: 86, 4	1: 72	1: 216	—	—	27	—	29	—
93	,, Хабатль	35	147	4, 2									—	—	23	—	48	1
94	,, Хитрахо	53	230	4, 33	12	2	4	—	1: 19, 16	1: 115	1: 17, 5	—	—	—	19	—	27	—
95	,, Шапіякхъ	34	83	2, 44									—	—	25	—	28	1
96	,, Хупро	34	126	3, 7									—	—	21	—	17	3
97	,, Вициятль	24	108	4, 5									—	—	10	—	12	—
98	,, Хибіятль	14	76	5, 42	14	10	12	8	1: 38, 07	1: 53, 3	1: 44, 41	1: 66, 62	—	—	4	—	5	—
99	,, Уцихъ	6	26	4, 33									—	—	8	—	8	—
100	,, Цицмакъ	10	46	4, 6									—	—	7	—	3	—
101	,, Китльрата	6	30	5									—	—	7	—	8	—
102	,, Халакъ	9	38	4, 22									—	—	20	—	18	—
103	,, Хоитль	22	99	4, 5									—	—	9	—	11	—
104	,, Шаури	13	49	3, 77									—	—	14	—	8	—
105	,, Азильта	14	76	5, 43	6	2	1	2	1: 64	1: 192	1: 384	1: 192	—	—	5	—	7	—
106	,, Ханухъ	8	42	5, 25									—	—	13	—	12	—
107	,, Хотокъ	14	59	4, 21									—	—	12	—	11	—

№ по порядку.	НАЗВАНІЕ СЕЛЕНІЙ.	Число дворовъ.	Число душъ обоего пола.	Отношеніе жителей къ числу дворовъ.	Число душъ.			
					Родившихся.	Умершихъ	Бракомъ сочетавш.	Разведшихся.
108	Сел. Зихоко............	14	59	4, 21				
109	,, Шентль...........	85	395	4, 64				
110	,, Китури...........	51	311	6, 09	6	8	1	4
111	,, Генiятль...........	45	146	3, 36				
112	,, Тласута..........	42	147	3, 45				
113	,, Сагады............	74	301	4, 24	12	9	2	5
114	,, Инухъ............	28	111	4				
115	,, Хамаятлякъ........	31	112	3, 58				
	Итого ..	1089	4538	4, 2	104	58	38	35
	А всего...	11265	41440	3, 78	1471	956	829	504

Отношеніе родившихся, умершихъ, бракомъ сочетавшихся и разведшихся къ общему числу населенія.				Число жителей, выходившихъ подъ ружье въ началѣ мюридизма.		Число жителей, выходившихъ подъ ружье въ послѣднее время мюридизма и до покоренія Дагестана.		Число жителей, могущихъ стать подъ ружье въ настоящее время.	
Родившіеся.	Умершіе.	Бракомъ сочетавшіеся.	Разведшіеся.	Пѣхоты.	Кавалеріи.	Пѣхоты.	Кавалеріи.	Пѣхоты.	Кавалеріи.
				—	—	12	—	11	—
				—	—	35	—	69	—
1 142	1:106, 5	1: 85, 2	1:213	—	—	72	—	47	—
				—	—	25	—	32	—
				—	—	26	—	38	—
1: 55, 91	1: 74, 55	1:335	1:134, 5	—	—	45	—	59	—
				—	—	21	—	25	2
				—	—	25	—	22	—
1: 43, 63	1: 78, 24	1:119, 42	1:129, 65	—	—	750	—	920	15
1: 28, 17	1: 43, 55	1: 49, 98	1: 82, 24	7739	2602	4019	2852	7039	3036

Примѣчаніе. Такъ-какъ показанныя въ этой таблицѣ числа родившихся, умершихъ, бракомъ сочетавшихся и разведшихся взяты за два года (1873 и 1874), то для опредѣленія отношенія этихъ чиселъ къ общему числу населенія за одинъ годъ слѣдуетъ числа эти дѣлить пополамъ.

ПОѢЗДКИ Г. БЕККЕРА ПО ЮЖНОМУ ДАГЕСТАНУ.

Вотъ уже нѣсколько лѣтъ сряду сарептскій житель, г. Александръ Беккеръ, членъ Императорскаго Московскаго Общества естествоиспытателей, совершаетъ поѣздки по Кавказу и отчеты объ нихъ помѣщаетъ въ «Bulletin de la Société Impériale des naturalistes de Moscou». Обратимъ вниманіе на поѣздки, совершенныя г. Беккеромъ въ Южномъ Дагестанѣ и Кубинскомъ уѣздѣ, представляющемъ, какъ въ физическомъ, такъ и этнографическомъ отношеніи, много общаго съ Южнымъ Дагестаномъ (прежде этотъ уѣздъ входилъ, въ административномъ отношеніи, въ составъ Дагестана). Цѣль поѣздокъ г. Беккера—производство экскурсій ботаническихъ и энтомологическихъ, съ результатомъ которыхъ онъ и знакомитъ въ своихъ отчетахъ. При этомъ онъ сообщаетъ свѣдѣнія, не лишенныя интереса, о посѣщенныхъ мѣстностяхъ и ихъ жителяхъ. Сдѣлаемъ извлеченія изъ статей г. Беккера *) и пополнимъ ихъ кое-какими примѣчаніями. Предварительно-же слѣдуетъ сообщить общее понятіе о Южномъ Дагестанѣ и его жителяхъ, для того чтобы предоставить бо́льшей массѣ читателей возможность лучше оріентироваться при чтеніи предлагаемой статьи.

Южный Дагестанъ, раздѣляющійся теперь въ административномъ отношеніи на 3 округа (Кайтаго-Табасаранскій, Кюринскій и Самурскій) и одно градоначальство (Дербентское), понижаясь вообще, какъ и Сѣверный Дагестанъ, все болѣе и болѣе къ Каспійскому морю, не представляетъ уже того недоступнаго

*) Статьи г. Беккера, касающіяся Южнаго Дагестана, слѣдующія: a) Reise nach Baku, Lenkoran, Derbent, Madschalis, Kasum-Kent, Achty (Bulletin, année 1873, № 2), b) Reise nach den Schneebergen des südlichen Daghestan (Bull., 1874, № 2), c) Reise nach dem Magi-Dagh, Schalbus-Dagh und Basardjusi (Bull., 1875, № 2).

горнаго характера, какимъ отличается Нагорный Дагестанъ. Послѣдній отдѣляется отъ двухъ названныхъ частей Дагестана хребтомъ, проходящимъ съ сѣвера на югъ и служащимъ водораздѣломъ и рѣчныхъ системъ. Рѣки Южнаго Дагестана, сохраняя сперва, въ верхнемъ и среднемъ теченіи, характеръ горныхъ рѣкъ, теряютъ его болѣе и болѣе при приближеніи своемъ къ морю. Важнѣйшія изъ нихъ: Уллу-чай (впадающій въ Каспійское море къ сѣверу отъ Дербента), Рубасъ-чай (вливающійся въ это море къ югу отъ Дербента), Чирахъ-су и Курахъ-чай, образующіе, по сліяніи ихъ, Гюргень чай. Система послѣдней рѣки гораздо обильнѣе водами двухъ предъидущихъ. Наконецъ, самая большая рѣка въ этой территоріи—Самуръ. Самуръ составляетъ, на значительномъ протяженіи, южную границу Дагестана. Эту границу, по направленію отъ запада къ востоку, составляютъ: Главный Кавказскій хребетъ до горы Базардюзи и Шахъ-дага, далѣе отрогъ, идущій отъ послѣднихъ къ сѣверу — къ Самуру и, наконецъ, р. Самуръ, отъ выхода ея на плоскость до впаденія въ море. Если же включить въ означенную территорію и Кубинскій уѣздъ, то граница отъ Базардюзи и Шахъ-дага пойдетъ въ юго-восточномъ направленіи по Главному Кавказскому хребту. Упомянутая пограничная гора Шахъ-дагъ имѣетъ почти 14,000 фут. высоты (13,951'). Система Шахъ-дага состоитъ главнымъ образомъ изъ породъ мѣловой формаціи и представляетъ въ юго-восточной половинѣ Кавказа единственно орографическую форму, благопріятствующую образованію ледниковъ. Бо̀льшей высоты достигаетъ лежащая къ ЮЗ. гора Базардюзи (14,722'). Вообще въ окрестностяхъ Шахъ-дага встрѣчается нѣсколько горъ, превышающихъ линію вѣчнаго снѣга (которая въ той части Главнаго Кавказскаго хребта находится на высотѣ слишкомъ 12,000'). Изъ этихъ горъ назовемъ: Шалбузъ-дагъ (наход. къ зап., недалеко отъ аула Ахты) и Кызылъ-каю (леж. къ востоку). Еще дальше къ востоку расположенъ Баба-дагъ, за нимъ высота Главнаго хребта уже значительно понижается. Въ юго-восточной части этого хребта находится нѣсколько переваловъ, имѣющихъ не маловажное значеніе въ экономическомъ быту горцевъ. Особенно важное значеніе имѣетъ Салаватскій перевалъ, находящійся на высотѣ 9,283' и составляющій самый удобный пунктъ для сообщенія жителей Самурскаго округа и ихъ ближайшихъ сосѣдей съ Нухою.

Въ разсматриваемой территоріи болѣе возвышенныя мѣстности представляютъ то довольно разнообразную альпійскую рас-

тительность, то голыя, обнаженныя скалы; предгорья-же вообще богаты лѣсною растительностью, а болѣе низменныя мѣста, при достаточной ихъ ирригаціи, удобны для разведенія культурныхъ растеній. Округъ Кайтаго-Табасаранскій, въ особенности-же Кюринскій считаются житницею для значительной части Дагестана. Въ нихъ производится посѣвъ пшеницы, ячменя, полбы, чалтыка, проса, кукурузы. Важную отрасль народнаго хозяйства составляютъ разведеніе марены и сбытъ орѣховаго наплыва. Въ послѣднее время горцы обратили побольше вниманія на разведеніе тутовыхъ деревьевъ, съ цѣлью воспитанія шелковичныхъ червей. Садоводство можетъ процвѣтать въ Кайтаго-Табасаранскомъ округѣ, въ которомъ, во многихъ мѣстахъ, дикорастущія фруктовыя деревья, черешневыя, яблочныя, грушевыя, орѣховыя, образуютъ сплошные лѣса, переплетенные толстыми виноградными лозами. — Въ гористыхъ мѣстностяхъ развито скотоводство, въ особенности овцеводство. Лучшая порода овецъ водится въ верхней части бассейна Самура. Шерсть, получаемая съ этихъ овецъ, длинна и отличается необыкновенною мягкостью. Болѣе цѣнятся овцы, имѣющія черную лоснящуюся шерсть, или-же шерсть, отличающуюся необыкновенною бѣлизною. Овцеводство наиболѣе развито въ Самурскомъ округѣ. На зиму и весну овцы этого округа перегоняются въ Нухинскій, Шемахинскій и Кубинскій уѣзды и въ Закатальскій округъ, гдѣ нанимаются пастбища и устраиваются зимовники. Для перевозки тяжестей употребляются, кромѣ ишаковъ, лошади въ болѣе гористыхъ мѣстахъ и буйволы въ болѣе низменныхъ. Замѣчательно, что верблюды, встрѣчаемые въ столь большомъ количествѣ въ Баку и въ разныхъ мѣстахъ Бакинской губерніи, не водятся даже въ Дербентѣ, — вмѣсто ихъ употребляются буйволы. — Что касается минеральныхъ богатствъ, то нужно замѣтить, что неподалеку отъ Дербента, въ Кайтаго-Табасаранскомъ округѣ, добывается соль (изъ самосадочныхъ озеръ) и нефть. Имѣющіяся въ разныхъ мѣстахъ залежи каменнаго угля еще не разслѣдованы. Нѣтъ недостатка и въ минеральныхъ источникахъ. Нѣкоторые изъ нихъ изслѣдованы и приспособлены для употребленія.

Преобладающее численно населеніе означенной территоріи составляютъ такъ-называемые лезгины. Южный Дагестанъ не представляетъ уже того многоязычія, какимъ отличается Нагорный Дагестанъ. Три языка болѣе всего преобладаютъ въ разсматриваемой странѣ: кюринскій, табасаранскій и хайдакскій (при-

надлежащій къ группѣ даргинской). Послѣдній преобладаетъ въ сѣверной части Кайтаго-Табасаранскаго округа, табасаранскій языкъ — въ южной части послѣдняго и въ сѣверной Кюринскаго округа, вообще въ бассейнѣ Рубасъ-чая. Что-же касается кюринскаго языка, то онъ занимаетъ довольно широкую и удлиненную полосу по обоимъ берегамъ Самура. Съ этимъ языкомъ, по показаніямъ туземцевъ, не провѣреннымъ еще научными изслѣдованіями, сродны и языки небольшихъ горскихъ народцевъ: рутульцевъ и цахурцевъ, живущихъ въ верхней части бассейна Самура. Точно также не рѣшенъ вопросъ и относительно языка небольшого народа — агуловъ, живущихъ къ западу отъ табасаранцевъ (по показанію однихъ, онъ сроденъ съ табасаранскимъ, а по показанію другихъ — съ кюринскимъ языкомъ). Что-же касается нарѣчія, употребляемаго кубачинцами (небольшимъ племенемъ, живущимъ на западной окраинѣ Кайтаго-Табасаранскаго и на границѣ Даргинскаго округа), нарѣчія, считаемаго обыкновенно особымъ, то оно, какъ я имѣлъ случай убѣдиться, состоитъ въ родствѣ съ даргинскимъ языкомъ.—При этомъ упомянемъ и о горскихъ народцахъ, названныхъ по имени ауловъ и столпившихся около Баба-дага, Шахъ-дага и близлежащихъ горъ (въ Кубинскомъ уѣздѣ). Во-первыхъ, къ юго-востоку отъ Шахъ-дага живутъ крызцы и джекцы, отдѣляемые другъ отъ друга верхнимъ теченіемъ Кудіялъ-чая (рѣки, протекающей черезъ г. Кубу), дальше—южнѣе—близъ истоковъ этой рѣки помѣщаются хиналугцы. Къ сѣверу-же отъ Баба-дага живутъ будугцы. Часть джекцевъ перекочевала уже давно по ту сторону Главнаго хребта, въ Шемахинскій уѣздъ, гдѣ и поселилась въ области Гёкъ-чая. Эти переселенцы извѣстны тамъ подъ именемъ гапутлинцевъ, такъ-какъ они вышли изъ джекскаго аула Гапута. Далѣе, джекцы, крызцы и будугцы, по показаніямъ туземцевъ, не провѣреннымъ еще научными изслѣдованіями, говорятъ нарѣчіями кюринскаго языка. Что-же касается хиналугцевъ, то они, по отзывамъ кюринцевъ, говорятъ особымъ, непонятнымъ нарѣчіемъ. Если и принять на вѣру это показаніе, то все-таки нельзя еще утверждать, что хиналугцы не представляютъ по языку сродства вообще съ восточно-горскими народами, такъ-какъ горцы, конечно, плохіе судьи въ лингвистикѣ. Какъ-бы то ни было, но къ хиналугцамъ относятся враждебно ихъ сосѣди горцы, у которыхъ, по словамъ г. Беккера, они пріобрѣли извѣстность, какъ народъ сварливый и неуживчивый. Главное занятіе всѣхъ перечисленныхъ горскихъ

обществъ составляетъ скотоводство. Крызцы и хиналугцы грабили нерѣдко въ былое время купеческіе караваны, направлявшіеся изъ Шемахи въ Кубу по кратчайшимъ горнымъ дорогамъ. Крызцы и джекцы устроили нѣсколько выселковъ, гдѣ занимаются хлѣбопашествомъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они завели даже фруктовые и шелковичные сады; хиналугцы-же не имѣютъ никакихъ выселковъ, всѣ живутъ въ своемъ, расположенномъ на значительной высотѣ, аулѣ (въ числѣ до 2,500 душъ) и только на зиму и весну перегоняютъ свои стада на низменныя мѣста, въ уѣзды Кубинскій и Джеватскій (Бакинской губ.) — на Муганскую степь.

Прибрежная полоса Южнаго Дагестана подвержена была съ отдаленныхъ поръ нападеніямъ пришлыхъ народовъ. Персидскимъ царямъ удалось-было подчинить своему вліянію значительную часть прибрежной полосы; они построили Дербентскія стѣны и укрѣпленія для защиты отъ нападеній со стороны сѣверныхъ народовъ и вывели въ отдаленное время въ окрестности Дербента населеніе, говорящее татскимъ языкомъ *). Въ позднѣйшее-же время, въ болѣе значительномъ числѣ, хлынуло тутъ съ юга тюркское племя, говорящее адербейджанскимъ нарѣчіемъ. Тюркоадербейджанское нарѣчіе вытѣсняетъ все болѣе и болѣе татское нарѣчіе; оно проникло къ горцамъ, которые охотно изучаютъ его, какъ необходимое для сношеній съ жителями Дербента и смежныхъ закавказскихъ мусульманскихъ провинцій; на этомъ-же нарѣчіи объясняются между собою зачастую и горцы, говорящіе, хотя сродными, но непонятными имъ съ перваго разу языками. Мало того, тюрко-адербейджанское нарѣчіе произвело ощутительное вліяніе на нѣкоторые горскіе языки, а табасаранцы, живущіе по-близости къ Дербенту, забываютъ все болѣе и болѣе родную рѣчь. Вотъ, что по этому поводу сказалъ о табасаранцахъ, въ своемъ посмертномъ трудѣ, покойный Усларъ: «Какъ ни страннымъ покажется это, но едва-ли въ цѣломъ свѣтѣ найдется народъ, который-бы менѣе зналъ свой родной языкъ, какъ табасаранцы. На немъ говорятъ они, какъ-бы на языкѣ чужомъ и плохо выученномъ». Замѣтимъ наконецъ, что татары адербейджанскіе живутъ до Башлинской рѣчки (текущей къ сѣв.

*) Изъ Персіи въ отдаленныя времена переселились и евреи, говорящіе по-татски. Ихъ много въ Табасарани, и табасаранцы называютъ, по показанію покойнаго Услара, татскій языкъ еврейскимъ, несмотря на то, что имъ-же говорятъ и таты, которыхъ больше въ Табасарани.

отъ Уллу-чая), за которою встрѣчаются кумыки — тюркскій народъ, пришедшій съ сѣвера.

Въ прежнія времена большая часть Южнаго Дагестана управлялась владѣтелями, носившими различныя наименованія; такъ, напр., кюринскіе владѣтели титуловались ханами, владѣтели Южной Табасарани — маасумами, а Сѣверной — кадіями, владѣтель Кайтага носилъ титулъ уцмія. Въ болѣе гористыхъ мѣстностяхъ образовались союзы вольныхъ обществъ, въ которыхъ меньшія селенія были подъ покровительствомъ сильныхъ ауловъ Такіе союзы находились, въ нынѣшнемъ Самурскомъ округѣ. Послѣ преобразованія управленія Дагестанской области въ 1860 г., вводилось мало-по-малу и въ Южномъ Дагестанѣ новое положеніе, а въ 1866 г. оно введено было окончательно. Съ этихъ поръ Южный Дагестанъ раздѣляется на 3 округа, а каждый изъ нихъ подраздѣляется на наибства. Начальники округовъ подчиняются начальнику Южнаго Дагестана, управляющему и Дербентскимъ градоначальствомъ. При начальникахъ округовъ существуютъ окружные суды, рѣшающіе значительное число дѣлъ по адату. Нѣкоторыя гражданскія дѣла рѣшаются по шаріату, извѣстныя уголовныя преступленія наказываются по уголовнымъ законамъ имперіи, или-же административнымъ порядкомъ. — Со введеніемъ новаго управленія, бывшіе владѣтели и правители получили обезпеченіе, состоящее въ назначеніи имъ пенсій и отводѣ приличнаго количества земли.

Приступимъ теперь къ ознакомленію читателей съ поѣздками г. Беккера.

Въ концѣ послѣднихъ чиселъ мая 1872 года г. Беккеръ прибылъ въ Баку. Посѣтивъ окрестности этого города и Ленкорань, онъ отправился въ Дербентъ, откуда и совершалъ лѣтомъ поѣздки по Южному Дагестану.

Первую поѣздку совершилъ г. Б. въ *Маджалисъ*, главный административный пунктъ Кайтаго-Табасаранскаго округа, съ 1866 г.—Маджалисъ лежитъ къ сѣв.-западу отъ Дербента, на разстояніи приблизительно 44 верстъ. Почтовая дорога доходитъ только до сел. Ханъ-Мамедъ-кала, отстоящаго въ 18 верстахъ отъ Дербента. Ханъ-Мамедъ-кала была въ прежнія времена зимнею резиденціею уцміевъ. Отъ этого селенія до самаго Маджали-

са идетъ уже колесная дорога. По колеснымъ дорогамъ въ Дагестанѣ ходятъ небольшія арбы, запряженныя обыкновенно быками или буйволами. Дороги эти съуживаются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до того, что по нимъ съ трудомъ могутъ пройдти рядомъ двѣ арбы. Отправляющіеся изъ Дербента въ Маджалисъ могутъ получать почтовыхъ лошадей въ Ханъ-Мамадъ-кала для проѣзда въ самый Маджалисъ. Дорога туда пролегаетъ по мѣстности, богатой лѣсною растительностью; прекрасныя, большія буковыя, орѣховыя, черешневыя и др. деревья переплетаются постоянно дико-растущими виноградными лозами и разными вьющимися растеніями. Г. Б. собралъ дорогою порядочную коллекцію насѣкомыхъ, въ особенности-же добылъ онъ на буковыхъ и орѣховыхъ деревьяхъ нѣсколько хорошихъ экземпляровъ жуковъ изъ семейства дровосѣковъ. — Переѣхавъ по каменному мосту на лѣвый берегъ бурнаго, во время разлитія, Уллу-чая, г. Б. очутился въ Маджалисѣ, игравшемъ прежде важную роль въ Кайтагѣ: вблизи бывшаго уцміевскаго дома, въ которомъ помѣщается теперь окружное управленіе, собирались для рѣшенія дѣлъ въ былыя времена со всего Кайтага. Маджалисъ окруженъ живописно горами, покрытыми лѣсами и кустарниками. Аулъ не многолюденъ, почти половину его населенія составляютъ горскіе евреи, раздѣленные улицею отъ кайтагскаго населенія.

По возвращеніи въ Дербентъ, г. Б. вскорѣ отправился въ *Касумъ-кентъ*, главный административный пунктъ Кюринскаго округа, лежащій въ 40 верстахъ къ юго-западу отъ Дербента. Касумъ-кентъ расположенъ у сліянія рѣкъ, образующихъ Гюргень-чай. Селеніе это, окруженное водами, отличается лихорадочностью: жители имѣютъ болѣзненный видъ, они крайне вялы и небрежно относятся къ своимъ полямъ и садамъ. Лѣсная растительность роскошная, черешневыя деревья достигаютъ замѣчательныхъ размѣровъ. Флора вообще имѣетъ много сходства съ флорою Дербентскою и Маджалисскою. — Г. Б. остановился въ домѣ окружного управленія, въ которомъ помѣщается и судъ. Тамъ, во время его бытности, рѣшалось множество дѣлъ по дракамъ, пораненію, а въ особенности по кровомщенію. — Касумъ-кентъ лежитъ въ коренной кюринской землѣ, называемой Кюрою.

Затѣмъ г. Беккеръ предпринялъ поѣздку верхомъ въ аулъ Ахты, лежащій отъ Касумъ-кента къ юго-западу, въ 75 верстахъ. Путь пролегалъ по *Кюрѣ*. До аула Кабира (находящагося въ близкомъ разстояніи отъ Касумъ-кента) мѣстность сохраняетъ

свой прежній характеръ. Затѣмъ она становится до того безлѣсною, что жители отапливаютъ свои дома кизякомъ. Но эту мѣстность никакъ нельзя назвать безплодною: на ея поляхъ произрастаетъ отличная пшеница (бывшее Кюринское ханство считалось житницею для значительной части Дагестана); луга покрыты въ изобиліи травою, на нихъ пасутся быки, лошади, прекрасная баранта. Таковы окрестности аула *Кураха*, бывшей резиденціи кюринскихъ хановъ. Въ немъ и теперь живетъ послѣдній правитель Кюры, генералъ-маіоръ Юсуфъ-ханъ, получающій отъ правительства значительную пенсію (ему-же отведено и достаточное количество земли). Курахъ лежитъ живописно на скалахъ, довольно высоко (на высотѣ 4,232'). Въ немъ наибское управленіе, но онъ многолюднѣе ауловъ Касумъ-кента и Маджалиса, въ которыхъ находятся окружныя управленія. Въ Курахѣ выдѣлываются изрядные ковры. Внизу, отдѣльно отъ аула, расположенъ домъ Юсуфъ-хана. По выѣздѣ изъ Кураха, пришлось подняться выше. Горная растительность предстала во всей своей красѣ: растенія достигали значительной высоты, покрыты были прекрасными цвѣтами и росли густо; многіе виды, какъ, напр., Lilium monadelphum, напомнили г. Беккеру флору Бештау. Но потомъ, по мѣрѣ приближенія къ Ахтамъ, растительность становилась все бѣднѣе и бѣднѣе; наконецъ, взорамъ открылись голыя обнаженныя скалы. Проѣхавъ аулъ Кра, г. Б. прибылъ скоро въ Ахты, составлявшіе на этотъ разъ цѣль его поѣздки. Ближайшія окрестности представили мало интереса въ ботаническомъ и энтомологическомъ отношеніи, но въ болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ попадались интересныя особенности.

Въ Ахтахъ г. Беккеръ остановился дольше, и въ своемъ описаніи онъ сообщаетъ немного болѣе подробностей. Пополнимъ ихъ добытыми нами свѣдѣніями *).

Аулъ *Ахты* (по-ахтински *Ахцаһаръ*) **), занимавшій въ прежнія времена первенствующее мѣсто въ союзѣ вольныхъ обществъ, а теперь составляющій главный административный пунктъ Самурскаго округа, находится въ разстояніи, приблизительно, двух-

---

*) Свѣдѣнія эти сообщилъ намъ *Лятифовъ*, ахтинскій уроженецъ, служащій при Горскомъ Управленіи.

**) Въ «Спискахъ населенныхъ мѣстъ Дагестанской области», составленныхъ г. Комаровымъ, на стр. 119 находимъ: «Сами себя ахтинцы называютъ Ахсагаръ». Ахтинцы сами себя называютъ иначе; Ахцаһаръ-же (а не Ахсагаръ)—это туземное названіе аула Ахты.

дневнаго пути, съ одной стороны отъ Кубы, съ другой — отъ Нухи (расположенной за Салатавскимъ переваломъ), лежитъ на р. Самурѣ, по обоимъ ея берегамъ. Этотъ аулъ окружаютъ скалистыя горы, почти лишенныя растительности. Мѣстность, занимаемая Ахтами, вообще взволнованная. Болѣе возвышенная и какъ-бы господствующая по своему положенію — сѣверная часть аула, лежащая на лѣвомъ берегу Самура; она занимаетъ болѣе протяженія въ ширину; южная часть зато длиннѣе. Мѣстность, занимаемая послѣдней, несравненно ровнѣе. Обѣ части соединяются двумя деревянными мостами: одинъ изъ нихъ, болѣе старинный, туземной постройки, расположенъ въ западномъ концѣ аула и лежитъ на значительной высотѣ надъ поверхностью воды, которая въ этомъ мѣстѣ течетъ въ глубокомъ оврагѣ; другой, находящійся на противоположномъ концѣ, не слишкомъ возвышается надъ рѣкою; онъ гораздо шире, устроенъ русскими. Постройки въ аулѣ каменныя. Сакли по-большей-части тѣсно сплочены; на плоскихъ земляныхъ ихъ крышахъ сушатся обыкновенно сѣно, кизякъ. Улицы очень узкія и кривыя. Самая длинная улица въ южной части аула. Она идетъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега рѣки, почти ей параллельно. Достопримѣчательности аула: въ сѣв. части—на довольно высокомъ мѣстѣ — домъ Ахтинскаго наиба; не очень далеко отъ него находится самая старинная мечеть съ минаретомъ, построенная изъ большихъ тесанныхъ камней. По преданію, она основана, въ первыя времена распространенія въ странѣ ислама, имамомъ Абу-Муселимомъ. Это джума-мечеть,—служеніе по пятницамъ въ ней только совершается (всѣхъ мечетей насчитывается въ Ахтахъ до 20). Въ южной части аула, въ восточной его оконечности, находится базаръ, окруженный каранъ-сараями и множествомъ лавокъ; затѣмъ, дальше къ западу, въ сторонѣ отъ главной улицы—вновь отстроенная мечеть и возлѣ нея *кюлирунъ-кимъ*—площадь, принадлежащая кюлирунской общинѣ (въ Ахтахъ нѣсколько общинъ). Она служила въ старину мѣстомъ для рѣшенія спорныхъ дѣлъ не только всѣхъ ахтинскихъ общинъ, но и ауловъ, находившихся подъ покровительствомъ ахтинцевъ. На этой народной площади дѣла рѣшались аксакалами (старѣйшинами). Еще далѣе къ западу, на берегу рѣки, находится самая обширная площадь — *вацунъ-керъ* (прирѣчное мѣсто) *). Площадь эта

*) *Керъ* (собственно *qер*). Такъ называется ровное мѣсто, расположенное на берегу рѣки.

съ давнихъ поръ служитъ мѣстомъ для молотьбы хлѣба. На этой площади больше всего собирается народъ, тутъ часто совершается пляска, джигитовка. Въ послѣднее время появился караванъ-сарай, посреди котораго, средствами жителей, устроенъ фонтанъ. За этою площадью идетъ рядъ крошечныхъ мельницъ, куда привозятъ хлѣбъ даже жители сосѣднихъ ауловъ. Лучшія мельницы мелятъ ежедневно 4 рупэ или 8 журбъ (пудовъ). За мельницами одноэтажный домъ окружного начальника, построенный въ европейскомъ вкусѣ. — Жители — ахтинцы, говорящіе нарѣчіемъ кюринскаго языка. Въ Ахтахъ попадается весьма мало армянъ, да и тѣ обыкновенно пріѣзжіе; они являются обыкновенно за полученіемъ своихъ долговъ и процентовъ. Изъ Кубы заѣзжаютъ и евреи.

Жители въ аулѣ разводятъ сады. Разведеніе садовъ требуетъ не малыхъ усилій, потому-что прежде приходится очищать почву отъ камней. Въ садахъ не могутъ, по высотѣ положенія мѣстности, произрастать ни виноградъ, ни персики; растутъ очень хорошо черешни, вишни, произрастаютъ также сливы, яблони, груши, абрикосы. Въ послѣдніе годы ахтинцы принялись усердно за разведеніе тутовыхъ деревьевъ, съ цѣлью воспитанія шелковичныхъ червей. Пока жители собираютъ только яички шелковичныхъ бабочекъ и занимаются продажей ихъ. Эти яички цѣнятся дороже другихъ (за фунтъ охотно платятъ до 30 руб.). — Ближайшія окрестности Ахтовъ не удобны для земледѣлія. Имъ занимаются по-дальше, внизъ по теченію рѣки. Землю орошаютъ канавами и унаваживаютъ. Подобнымъ образомъ удобренная земля пашется легкимъ плугомъ, въ который запрягаютъ пару быковъ. Сѣется ячмень, пшеница, полба, просо, — кукуруза не воздѣлывается. Вообще хлѣба не хватаетъ на прокормленіе, и значительная его часть получается изъ Кюры и Кубы. Для ускоренія полевыхъ работъ, а также для кошенія сѣна, устраивается, подобно тому какъ и въ другихъ мѣстахъ Дагестана, помочь, называемая въ Ахтахъ *мель*. Хозяинъ, затѣявшій *мель*, приглашаетъ охотниковъ, которые не заставляютъ долго ожидать себя. Хозяинъ только ихъ угощаетъ. — Промышленность ахтинцевъ не представляетъ ничего рѣзко выдающагося: они выдѣлываютъ главнымъ образомъ издѣлія для домашняго обихода, какъ, напр., тулупы, чевяки, паласы, ковры и т. д. Ковры отличаются прочностью волокна и красокъ, ихъ даже сбываютъ въ Кубѣ. Для выдѣлки болѣе нѣжныхъ шерстяныхъ издѣлій употребляютъ

шерсть особой породы горныхъ овецъ, извѣстныхъ подъ именемъ *цереваръ*. Она доставляется изъ Рутульскаго наибства. Замѣтимъ здѣсь кстати, что большая часть работъ, какъ и въ др. мѣстахъ Дагестана, исполняется женщинами.—Торговля производится главнымъ образомъ съ Кубою и Нухою. Изъ перваго города получаются по-преимуществу бакалейные товары, а изъ второго — красные. Изъ Нухи товары доставляются на лошадяхъ, изъ Кубы на арбахъ, запряженныхъ быками или буйволами. Изъ Баку привозится нефть и соль на верблюдахъ (соль привозится и изъ Дербента). Пріѣзжаютъ съ товарами и горцы: кубачинцы съ ружьями, шашками и кинжалами, цудахарцы съ верблюжьими сукнами, андійцы съ бурками. Впрочемъ, эти и др. горцы, строго говоря, проѣзжаютъ только черезъ Ахты, направляясь въ Нуху, имѣющую важное значеніе для горцевъ въ промышленномъ отношеніи. Благодаря своему положенію, а также и прежнему политическому значенію, Ахты и сдѣлались многолюднымъ ауломъ, имѣющимъ населенія не менѣе, по всей вѣроятности, 6,000 душъ.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о забавахъ ахтинцевъ. Упомянемъ, во-первыхъ, о конскихъ скачкахъ, сопровождаемыхъ ружейною пальбою, и о плясках. Танцуется чаще всего такъ-называемый *карсъ*. Карсъ—это, общеупотребительная между горцами и въ Закавказьи, лезгинка. Она танцуется съ разными варіяціями. Если танцуется шибко, то носитъ названіе *табасарани*; если танцуется медленно, то называется *перизадою*. Дѣвушки сами выбираютъ себѣ танцоровъ, вызывая часто ихъ на состязаніе. Если молодой человѣкъ устаетъ, то онъ вручаетъ чаушу (крикуну) серебряную монету, которую послѣдній завязываетъ въ забрасываемый сзади уголъ длиннаго головнаго платка танцорки, — она тогда и прекращаетъ танецъ. Танцуютъ подъ звуки зурны и далдама (барабана), а иногда и огромнаго бубна (куса).—Ахтинцы охотники до пѣнія, сопровождаемаго игрою на чунгурѣ (балалайкѣ о 4-хъ, 6-ти и 7-ми струнахъ) и на балабанѣ (дудкѣ въ родѣ кларнета). Пѣвцы (ашоки) устраиваютъ иногда состязанія, на которыя стекаются пѣвцы изъ Кубы (пользующіеся извѣстностью), изъ Нухи, а иногда даже изъ Елисаветполя и Карабаха. Пѣсни поются на лезгинскомъ, а чаще на татарскомъ языкѣ. Ашокъ, одержавшій побѣду надъ своимъ соперникомъ, отнимаетъ у него чунгуръ и получаетъ условленный денежный штрафъ. Ашокъ, потерявшій чунгуръ, покрывается стыдомъ и удаляется подальше, если пожелаетъ выступить опять въ роли пѣвца. —

Вообще мужчины стараются всячески коротать свое время: они бо̀льшую часть дня проводятъ на вацунъ-кере̌, около мечети, въ разныхъ играхъ, въ бесѣдахъ, въ передачѣ разнаго рода извѣстій. Одна изъ любимыхъ забавъ—это игра въ шахматы и шашки. На большихъ камняхъ, находящихся возлѣ мечетей, налиневаны шахматныя поля. За этими шахматными досками и проводятъ значительную часть дня старики. Не прочь отъ этой игры и молодежь. — Говоря о забавахъ, не слѣдуетъ забывать и *о праздникѣ цвѣтовъ* (цюкwерунъ суwаръ). Когда ближайшія, находящіяся въ окрестностяхъ Ахтовъ горы, покрываются травою, то въ это время происходитъ оживленное движеніе въ средѣ мѣстнаго населенія; тогда именно дѣлаются приготовленія къ празднеству, совершаемому обыкновенно близъ сосѣдняго аула *Чеперъ* *), на лугѣ, покрытомъ густою травою и называемомъ *Чеперсувъ* **). На-канунѣ, шахъ празднества, часто исполняющій нѣсколько лѣтъ сряду эту должность, посылаетъ по аулу чауша, который возвѣщаетъ о предстоящемъ празднествѣ. Вечеромъ собирается огромная толпа къ шаху, преподносятся ему подарки, затѣмъ наступаетъ возлѣ его дома оживленная пляска. На другой день, съ разсвѣтомъ, за ауломъ, на извѣстной площади, собираются дѣвицы, молодыя женщины и, въ сопровожденіи своихъ родственниковъ, съ сумками, въ которыхъ находится закуска, двигаются на Чеперсувъ, гдѣ и рвутъ цвѣты. Позже немного выходятъ мужчины. Въ серединѣ ихъ идетъ шахъ, сопровождаемый двумя своими помощниками и предшествуемый знаменщикомъ, несущимъ значекъ. Шествіе совершается при учащенной ружейной пальбѣ. По прибытіи ихъ на Чеперсувъ, на встрѣчу къ нимъ выходятъ чеперцы, тоже съ своимъ шахомъ. Когда усядутся, причемъ, конечно, женщины занимаютъ особенное мѣсто, то черезъ нѣсколько времени начинаются танцы. Чаушъ освѣдомляется у женщинъ, какой танецъ онѣ желаютъ танцовать и громогласно приглашаетъ къ нему охотниковъ. Танцы начинаетъ шахъ. Въ то время, когда онъ поднимается съ мѣста, открывается пальба. Послѣ танцевъ слѣдуетъ закуска, а затѣмъ и возвращеніе въ аулъ, — женщины несутъ нарванные цвѣты. Близъ Ахтовъ выходятъ на встрѣчу возвращающимся женщины и мужчины съ зурначами. Женщины несутъ на головѣ мѣдные подносы съ различными яствами и фрук-

*) Въ «Спискахъ населенныхъ мѣстъ Дагест. области» этотъ аулъ названъ *Чапе*.

**) Собственно—*Чеперсую* (*сую* значитъ *лугъ*).

тами и подходятъ къ шаху, который, отвѣдавъ немного преподносимыхъ ему яствъ, благодаритъ женщинъ. Толпа собирается на площадь, откуда началось шествіе, тамъ идутъ опять оживленные танцы. Затѣмъ наступаетъ возвращеніе въ аулъ, сопровождаемое учащенною ружейною пальбою.

Приступимъ теперь къ окрестностямъ Ахтовъ. Въ двухъ верстахъ съ небольшимъ къ востоку отъ Ахтовъ находится *Ахтинское укрѣпленіе*, занимаемое одной ротой 84 пѣхотнаго Ширванскаго полка. Укрѣпленіе находится въ небольшомъ разстояніи отъ Самура. Ниже укрѣпленія, на берегу рѣки находится слободка, заселенная отставными нижними чинами. — Дальше внизъ по Самуру, болѣе чѣмъ въ 10-ти верстахъ отъ Ахтовъ, встрѣчается многолюдный аулъ *Мискинджа* (по-ахтински *Мискискаръ*) *), занимающій весьма плодородную мѣстность. Этотъ аулъ представляетъ ту особенность, что жители его шіиты (всѣ прочіе горцы сунниты) и поэтому, вѣроятно, мискинджинцы въ-старину жили особнякомъ, не входя ни въ одинъ изъ союзовъ вольныхъ обществъ, существовавшихъ въ Самурской долинѣ. Ахтинцы и теперь считаютъ ихъ чуждымъ себѣ народомъ, называя ихъ кизилъ-башами (персіянами), хотя мискинджинцы и говорятъ по-кюрински. Въ-старину ахтинцы часто вели войны съ мискинджинцами, брали и раззоряли не разъ ихъ аулъ, на что указываютъ груды камней, разбросанныхъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ около нынѣшней Мискинджи. — Въ нѣсколькихъ верстахъ къ западу отъ Ахтовъ находятся горячіе *сѣрные минеральные источники* (температура ихъ доходитъ до 40° по Р.). Дорога къ нимъ идетъ вдоль Самура, переходя съ одного берега на другой. Источники расположены на лѣвомъ берегу Самура. Они изслѣдованы и приспособлены для пользованія. При нихъ устроено четыре каменныхъ бассейна, а для помѣщенія посѣтителей—нѣсколько флигелей.

Чрезъ два года (въ 1874 г.) г. Беккеръ прибылъ опять въ Ахты, съ цѣлью производства экскурсій на близлежащихъ снѣжныхъ горахъ. Тогда онъ пробылъ въ Ахтахъ цѣлый мѣсяцъ и

*) Въ «Спискахъ населенныхъ мѣстъ Даг. обл.» этотъ аулъ названъ *Мискискъ*. Такъ-же онъ названъ на картѣ Кавказа.

въ-теченіи этого времени совершилъ четыре поѣздки: одну на Маги-дагъ (расположенный приблизительно въ 70-ти верстахъ къ зап. отъ Ахтовъ), двѣ — на Шалбузъ-дагъ (лежащій примѣрно въ 30-ти верстахъ къ югу) и одну—на Базардюзи (леж. въ 50-ти верстахъ, тоже къ югу).

Съ самаго начала г. Беккеръ рѣшился отправиться на *Шалбузъ-дагъ*, расположенный ближе всѣхъ названныхъ горъ къ Ахтамъ. Для того чтобы достигнуть этой горы, нужно было сперва поѣхать въ Мискинджу, куда г. Б. и отправился въ сопровожденіи студента Казанскаго университета, Мухаммедъ-мирзы, сына Ахтинскаго наиба. Мы уже замѣтили, что Мискинджа составляетъ единственное мѣсто въ описываемой странѣ, населенное шіитами. Впрочемъ, персіяне имѣли когда-то вліяніе на Самурскую долину, слѣды котораго сохранились по настоящее время. Мискинджа лежитъ въ ущельи, обильно орошенномъ водою. Отправившись вверхъ по этому ущелью, путники прибыли въ 5 часовъ въ домикъ дяди Мухаммедъ-мирзы, составляющій единственно-обитаемое мѣсто по дорогѣ на Шалбузъ-дагъ. Вершина Шалбузъ-дага скрывалась въ туманахъ, которые къ вечеру разсѣялись, и тогда взорамъ открылась блестящая снѣжная вершина горы, имѣющая видъ вѣнца. Отправившись въ 9 ч. утра, путники прибыли на Шалбузъ-дагъ въ 2 ч. по-полудни. На горѣ, довольно высоко, между скалами стоятъ два памятника, называемые «парслейманъ» (?); они состоятъ изъ рядовъ колоннъ, покрытыхъ куполами; тамъ покоятся, по сказанію туземцевъ, останки святыхъ царей. Возлѣ этихъ надгробныхъ памятниковъ находится молельня, впереди которой на столбѣ сдѣлано каменное изображеніе голубя. Спутники г. Беккера отправились въ молельню, а онъ въ это время сталъ собирать растенія, изъ которыхъ многія пришлось добывать изъ-подъ снѣга и изъ-подъ льда. Въ числѣ прочихъ добыты имъ и довольно рѣдкія, какъ, напр., Draba mollissima (видъ Крупки), Viola biflora (Фіалка двуцвѣтная), Arabis mollis (видъ т.-наз. Рѣзухи), Gentiana verna (Горечавка весенняя), Potentilla fruticosa (видъ т.-наз. Лапчатки), Thalictrum alpinum (Василисникъ альпійскій) и т. д. Взбираться на вершину Шалбузъ-дага, достигающую 13,679', не было задачею г. Б—ра, и онъ, послѣ гербаризаціи, спустился съ Шалбузъ-дага. Проѣхавъ по лугамъ, на которыхъ паслись стада овецъ, буйволовъ и лошадей, онъ прибылъ въ Мискинджу, а оттуда къ вечеру поспѣлъ и въ Ахты.

Черезъ день, въ сопровожденіи переводчика, г. Беккеръ отправился на *Маги-дагъ*. Путь пролегалъ въ западномъ направленіи, вдоль Самура. Выѣхали путники въ 5 ч. утра, а въ 9 ч. вечера прибыли въ Рутулъ, гдѣ остановились на ночлегъ у наиба. *Рутулъ* живописно обставленъ горами. Это довольно многолюдный аулъ: въ немъ 360 дымовъ *), что составитъ почти двухтысячное населеніе. Рутулъ давно уже существуетъ. Мулла, состоявшій письмоводителемъ при наибѣ, утверждалъ даже, что этотъ аулъ основанъ за-долго до рождества Мухаммеда и основанія Дербента. О своемъ домѣ наибъ выразился, что онъ недавно существуетъ,—всего какихъ-нибудь 370 лѣтъ. Домъ этотъ каменный, построенъ безъ цемента, довольно, однако, проченъ. Онъ расположенъ высоко надъ ауломъ. Пришлось къ нему взбираться по скаламъ, потомъ пройти нѣсколько темныхъ комнатъ, за которыми слѣдовала длинная комната, похожая на балконъ и снабженная большими ставнями, запираемыми снаружи. Ставни составлены изъ дощечекъ, покрытыхъ автографами офицеровъ и др. лицъ, посѣтившихъ домъ наиба. Изъ наибскаго дома открывался живописный видъ на аулъ, на возвышающіяся справа и слѣва горы со снѣжными вершинами, на Самуръ и на небо, усѣянное звѣздами. Словоохотливый письмоводитель наиба вступилъ съ г. Б—ромъ въ бесѣду объ астрономіи. Онъ утверждалъ, что огромное пространство, въ которомъ расположены звѣзды, находится въ постоянномъ движеніи, что вмѣстѣ съ нимъ движутся и самыя звѣзды. Бесѣда объ астрономіи прервана была наибомъ, пригласившимъ гостей къ ужину. Ужинъ былъ сервированъ на полу, устланномъ коврами. Онъ состоялъ изъ бараньяго супа, изъ плову съ изюмомъ и сливами, изъ баранины, меду, масла, сыру, араки и чурековъ. Послѣ ужина разносили чай въ стаканахъ. Г. Б. хорошо уснулъ, но по утру его разбудила своимъ блеяніемъ, сосѣдка по помѣщенію, молодая лань, пойманная въ горахъ. Въ 8 ч. утра путники, попрощавшись съ гостепріимнымъ наибомъ, двинулись дальше и проѣхали деревни Калу и Амсаръ. Въ Амсарѣ взяли они проводника, который провелъ ихъ по мосту на правый берегъ Самура, своротивъ потомъ налѣво въ длинное ущелье, простирающееся до самого Маги-дага. По этому ущелью течетъ стремительно бурная чистая рѣчка, вливающаяся въ мутный Самуръ. Рѣчка беретъ начало изъ Ма-

*) Въ «Спискахъ населенныхъ мѣстъ Дагест. области» въ Рутулѣ показано 313 дворовъ.

гп-дага, ниже снѣжной линіи. Въ часъ по-полудни путники оставили лошадей у горныхъ пастуховъ, которымъ переводчикъ заказалъ приготовить закуску; затѣмъ г. Б. съ проводникомъ поднялся выше и собралъ много интересныхъ растеній. Въ числѣ прочихъ имъ добыты: Empetrum nigrum (Накамникъ черный), Antemaria dioica (Горлянка), Gentiana pyrenaica (Горечавка пиренейская), Cardamine tenera (Смолянка), Saxifraga sibirica (видъ Разрывъ-травы v. Камнеломки), Anemone narcissiflora (Анемонъ нарцисолистный), Geum rivale (Гравилотъ прирѣчный). Добыты г. Б—ромъ, подъ камнями и въ цвѣтахъ, нѣсколько интересныхъ насѣкомыхъ, какъ, напр., Mylabris alpina (Нарывникъ альпійскій?), принадлежащій къ семейству шееносныхъ жуковъ, Melitaea Didyma, составляющая видъ Шашечницы (принадлежащей къ семейству мотыльковыхъ). Маги-дагъ возвышается на 12,447' и состоитъ изъ множества снѣжныхъ вершинъ. За вершинами, скрывавшимися отъ взоровъ, послышался шумъ, происходившій какъ-бы отъ ударенія камней о камни. Проводникъ пояснилъ, что это туры бодаются и ударяются о скалы своими рогами. Подъемъ на Маги-дагъ представлялъ затрудненія: пришлось карабкаться и пробираться ползкомъ. Дошедши туда, гдѣ уже во многихъ мѣстахъ лежалъ снѣгъ, г. Б—ръ сталъ спускаться къ шалашу пастуховъ, и послѣ закуски, за которую пастухи, по существующему у горцевъ обычаю, не хотѣли брать платы, онъ съ своими провожатыми двинулся въ Рутулъ. Переночевавъ тамъ у знакомаго наиба, онъ въ часъ по-полудни былъ уже въ Ахтахъ.

Г. Беккеръ поспѣлъ къ 9 іюля (по новому стилю) на *праздникъ цвѣтовъ*. Празднество было на этотъ разъ нарочно устроено, кажется, по случаю прибытія въ Ахты начальника Южнаго Дагестана, и совершалось оно съ бо̀льшею торжественностью, чѣмъ въ обыкновенное время. Уже съ ранняго утра на горахъ стали показываться большія группы мужчинъ, оглашавшихъ воздухъ учащенной ружейной пальбой. Празднествомъ руководилъ, по обыкновенію, «шахъ». Въ полдень явилось передъ домомъ окружного начальника около 50, разряженныхъ по-праздничному, дѣвицъ и женщинъ съ большими мѣдными подносами на головѣ, на которыхъ находились вишни, медъ, яйца, орѣхи, изюмъ, финики, сыръ, масло, конфекты, чуреки, напитки и т. д. Подносы поставлены были на землю. Принесены были также двѣ сахарныя головы, сваренный баранъ и большой коверъ. Наконецъ приведенъ былъ для закланія быкъ, покрытый краснымъ сукномъ.

Окружной начальникъ не согласился на закланіе быка, коверъ приказалъ отнести въ мечеть, а ахтинцевъ щедро наградилъ деньгами. За дѣвицами и женщинами стояли вооруженные мужчины, а впереди ихъ музыканты съ зурнами, барабанами, бубнами и балалайками. Толпа образовала кругъ, въ середину котораго выступили двое мужчинъ въ кольчугахъ и протанцовали танецъ съ обнаженными шашками. Черезъ часъ толпа отправилась на большую площадь, куда былъ приглашенъ начальникъ округа съ своими подчиненными и гостями. Тамъ, на большомъ столѣ были уставлены различныя кушанья, фрукты, было даже шампанское. Подавали и чай. Въ это время раздавалась усердная ружейная пальба.

Чрезъ нѣсколько времени г. Б. совершилъ поѣздку опять на Шалбузъ-дагъ, но по другой дорогѣ.

По возвращеніи изъ этой поѣздки, г. Беккеръ отправился на *Базардюзи*, чрезъ Мискинджу и Курушъ. Прибывъ въ Мискинджу, г. Б. послалъ за проводникомъ и лошадьми. Въ ожиданіи ихъ, хозяинъ дома, въ которомъ остановился г. Б., показывалъ послѣднему свое домашнее пчеловодство. Въ стѣнѣ сакли были продѣланы небольшія отверстія для входа пчелъ въ комнату, въ которой стояло около двухъ дюжинъ горшковъ, служащихъ ульями для пчелъ. Наконецъ явился проводникъ съ лошадьми, и г. Б. двинулся въ путь. Ѣхалъ онъ по длинному ущелью, у подошвы Шалбузъ-дага. Затѣмъ пришлось поворотить въ сторону и взбираться вверхъ по тропинкѣ. Кругомъ разстилался густой туманъ. Альпійская растительность поразила г. Беккера своимъ великолѣпіемъ и грандіозностью (растенія доходили до сажени высоты). Дорога становилась все болѣе и болѣе трудною. Нужно было слѣзть съ лошадей, пробираться по крутизнамъ и тащить за собою лошадей. Г. Б. предполагаетъ, что онъ былъ на высотѣ 10,000 или 11,000 футовъ, такъ-какъ потомъ онъ долго спускался въ Курушъ, который лежитъ на высотѣ 8,175'. Въ Курушъ прибылъ онъ въ 6 ч. вечера. Объ этой интересной деревнѣ, окруженной высокими горами (Шалбузъ-дагомъ, Базардюзи, Шахъ-дагомъ), рѣчь впереди. Въ Курушѣ отыскался человѣкъ, знающій по-русски. Это былъ старикъ, почти уже ослѣпшій и возвратившійся недавно передъ тѣмъ изъ Иркутска, гдѣ провелъ онъ въ ссылкѣ 17 лѣтъ. Онъ увѣрялъ, что свыкся совершенно съ Сибирью и что возвратился въ Курушъ единственно изъ желанія повидаться съ сыномъ. Старикъ сообщилъ г. Бек-

керу, что гора Базардюзи, лежащая противъ Куруша, называется собственно Гедикъ, и что названіе Базардюзи получила она въ новѣйшее время, когда русскіе устроили-было базаръ у этой горы. На другой день пришлось взбираться на эту гору. Подъемъ очень крутой. Въ мѣстахъ, лежащихъ ниже, попадались весьма разнообразныя и интересныя растенія; на болѣе возвышенныхъ мѣстахъ растительность была довольно бѣдна и представляла мало разнообразія. Вотъ растенія, которыя г. Беккеръ нашелъ только на Базардюзи: Gentiana cruciata (Лихоманникъ), Heracleum sp. (Борщевникъ), Jurinea depressa (видъ Порѣзъ-травы), Senecio aurantius (видъ травянистаго Крестовика), нѣсколько видовъ Astragalus (Астрахала) *). Базардюзи — это высочайшая гора между всѣми сосѣдними: высота ея 14,722'.—Возвратившись въ Ахты, г. Б—ръ чрезъ нѣсколько дней пустился въ обратный путь, въ Дербентъ, а оттуда въ Сарепту.

~~~~~~~~~~~~

Г. Беккеръ посѣтилъ *Шахъ-дагъ* въ 1873 г.—Прибывъ въ Дербентъ въ первыхъ числахъ іюня и посвятивъ недѣлю ботанической и энтомологической экскурсіи въ окрестностяхъ этого города, г. Б. отправился по почтовой дорогѣ въ Кубу, отстоящую отъ Дербента на 80 верстъ. Оживленная Куба, раскинутая вдоль праваго берега Кудіялъ-чая **), съ мощеными камнемъ улицами, окруженная съ южной стороны горами, покрытыми богатою лѣсною растительностью, произвела пріятное впечатлѣніе на путешественника. Въ Кубѣ видѣнъ въ ясную погоду и снѣжный Шахъ-дагъ, находящійся примѣрно въ 60-ти верстахъ къ западу отъ Кубы и бывшій цѣлью поѣздки г. Беккера. Г. Б., по совѣту знакомыхъ, отправился въ ближайшую штабъ-квартиру Кусары, гдѣ взялъ переводчика, проводника и нанялъ верховыхъ лошадей. До аула *Легера*, лежащаго въ близкомъ разстояніи, дорога шла по мѣстности, покрытой большимъ лѣсомъ. На пути г. Б. пріобрѣтено нѣсколько хорошихъ экземпляровъ жуковъ, какъ,

*) При обозначеніи русскихъ названій растеній, опредѣленныхъ г. Беккеромъ, мы придерживались по-преимуществу «Словаря растеній», изданнаго П. Алабинымъ въ 1875 г.

**) На лѣвомъ берегу Кудіялъ-чая находится большая еврейская слобода (Кугальтъ). Она соединена съ Кубою посредствомъ длиннаго моста.
~~~~~~~~~~~~

напр., Lucanus turcicus (видъ Рогача), Rhizotrogus solstitialis (видъ Корнеѣда). За Легеромъ дорога шла по мѣстности, обильно орошенной рѣчками и покрытой роскошными лугами; украшеніе составляли великолѣпные лютики (Aconitum). Во время дороги г. Б. занимался гербаризаціею. Въ аулѣ Аныхѣ (расположенномъ при Кусаръ-чаѣ), одинъ лезгинъ принесъ г. Беккеру нѣсколько кусковъ колчедана, который находится въ изобиліи въ горахъ, недалеко отъ аула. Далѣе, мѣстность принимаетъ уже горный характеръ. Пришлось ѣхать надъ крутыми пропастями и мимо водопадовъ, потомъ взбираться по крутизнѣ, заваленной камнями; нужно было слѣзать съ лошадей и вести ихъ за поводья. Сколько можно судить изъ описанія г. Б—ра, онъ, оставивъ ущелье Кусаръ-чая, направился на югъ и въѣхалъ въ область рѣки Кудіялъ-чая, — Шахъ-дагъ оставался къ западу. Доѣхалъ онъ до деревни *Крызъ* (лежащей влѣво отъ Кудіялъ-чая). Крызъ лежитъ на высотѣ 6,681 ф. Поля около деревни засѣяны были пшеницею, которая часто не дозрѣваетъ. Подъ вечеръ деревня окружена была густою мглою. Въ Крызѣ г. Б. встрѣтилъ толстоногаго карлика. Вообще нужно замѣтить, что какъ крызцы, такъ и жители др. горныхъ, близлежащихъ ауловъ отличаются большимъ ростомъ; но между ними попадаются карлики, къ которымъ ихъ соаульники относятся съ презрѣніемъ.—По выѣздѣ изъ Крыза, пришлось взбираться еще выше и проѣхать черезъ долину, на которой росъ дубнякъ, можжевельникъ и жимолость (Lonicera); затѣмъ г. Б. выѣхалъ на длинную, ровную поляну, засѣянную ячменемъ. Надъ нею живописно, на высокой горѣ, на высотѣ 7,165', возвышается *Хиналугъ*, деревня, въ которой насчитывается 338 дымовъ. Въ Хиналугѣ приняли г. Беккера за доктора и онъ долженъ былъ заняться леченіемъ. Тамъ, какъ и въ др. горныхъ аулахъ, свирѣпствуетъ кровавый поносъ, ревматизмъ, корь, а также глазныя болѣзни и ракъ. Одинъ хиналугецъ присталъ къ нему съ просьбою вырѣзать ракъ на губѣ и предлагалъ въ вознагражденіе большое пестрое шерстяное одѣяло; паціентка, за данный ей медицинскій совѣтъ, хотѣла преподнести, въ знакъ признательности, пару чулокъ. На другой день нужно было ѣхать дальше — къ Шахъ-дагу, который остался на сѣверѣ. Пришлось нанять проводника и лошадей, и здѣсь-то обнаружился вполнѣ щепетильный и сварливый характеръ хиналугцевъ; переводчику, напр., не хотѣли дать сѣдла, пошла перебранка, переводчикъ обнажилъ кинжалъ и тѣмъ только угомонилъ не-

сговорчиваго хиналугца. Между сосѣдями-горцами хиналугцы слывутъ дурнымъ народомъ. Наконецъ, удалось г. Беккеру выѣхать изъ Хиналуга. Долина, по которой ѣхали путники, до того обильно орошена горными ручьями, что лошади часто вязли въ грязи. Образовавшіеся ручьи изъ паровъ, охлажденныхъ на горахъ, обильно орошаютъ высокія мѣстности и дѣлаютъ ихъ пригодными для скотоводства. Вотъ причина, по которой на нихъ столпилось горное пастушеское населеніе. Взбираясь на Шахъ-дагъ, г. Б. проѣхалъ по обширнымъ зеленымъ лугамъ, на которыхъ паслись многочисленныя стада овецъ, буйволовъ, лошадей, ословъ. Въѣхалъ онъ наконецъ въ альпійскую область растеній и остановился возлѣ шалаша, торчащаго одиноко на склонѣ Шахъ-дага. Г. Б—ръ принялся собирать растенія и сдѣлалъ изъ нихъ богатую коллекцію. Между прочими, имъ собраны: нѣсколько видовъ Draba (Draba nemorosa var., Draba incana var., Draba siliquosa), Thymus serphyllum var. (Чабрецъ — видъ Тимьяна), Campanula Steveni (видъ Колокольчика), Myosotis sylvatica (Незабудка лѣсная). Далѣе, г. Б. поймалъ нѣсколько красивыхъ бабочекъ, а въ числѣ ихъ одну ночницу (Agrotis Anachoreta). Въ 4 ч. по-полудни двинулся г. Б. въ обратный путь. Дорога шла,—сколько можно заключить изъ описанія г. Беккера,—въ западномъ направленіи. Она шла между горами, покрытыми вѣчнымъ снѣгомъ. Сдѣлалось до того холодно, что приходилось нѣсколько разъ слѣзать съ лошади для того, чтобы отогрѣть окостенѣлыя отъ холода руки. Въ 8 ч. вечера пріѣхалъ г. Б. въ селеніе Курушъ, лежащее въ Самурскомъ округѣ. И такъ, г. Б., объѣхавъ Шахъ-дагъ сперва съ востока, потомъ съ юга, очутился къ западу отъ него. Изъ Кубы доѣхалъ онъ до Шахъ-дага только на 5-й день.

Многолюдное селеніе *Курушъ*, заключающее болѣе 500 дымовъ, лежитъ на высотѣ 8,175 ф. надъ ур. м. и принадлежитъ къ высочайшимъ обитаемымъ мѣстамъ на земномъ шарѣ. Расположено оно у подошвы Шалбузъ-дага (13,679'), съ южной его стороны; напротивъ него, къ югу, возвышается Базардюзи (14,722'), къ востоку — Шахъ-дагъ (13,951'). Замкнутостью положенія Куруша въ котловинѣ объясняется и меньшій въ немъ холодъ, чего не слѣдовало-бы ожидать, судя по высотѣ его положенія. Тѣмъ не менѣе, тамъ очень холодно; жители носятъ войлочныя шапки и овечьи тулупы, длинные рукава которыхъ доходятъ до земли.

*) Въ «Спискахъ населенныхъ мѣстъ Дагестанской области» въ Курушѣ показано 480 дымовъ.

На окружающихъ его горахъ (Шалбузъ-дагѣ и Базардюзи) водятся туры (Capra caucasica), серны и косули. На меньшихъ высотахъ встрѣчалъ г. Б. медвѣдей, лисицъ. Въ Курушѣ нашелъ онъ много интересныхъ жуковъ—жужжелицъ (Carabus Hollbergi, C. Stachlini), изъ семейства жуковъ чернокрылыхъ—Медляка (Blaps), подъ камнемъ поймалъ мышь. Курушцы принесли г. Б—ру нѣсколько кусковъ свинцоваго блеска, который находится на Шалбузъ-дагѣ и Базардюзи. Сельскій старшина показалъ г. Беккеру мѣстныя достопримѣчательности, къ числу которыхъ принадлежали два старика. Одинъ изъ нихъ насчитывалъ себѣ 150 лѣтъ, и когда г. Б. усомнился въ этомъ, то дѣти старика подтвердили его показаніе. Затѣмъ г. Б. посѣтилъ другого старика, который считалъ себя еще старше, хотя казался моложе; онъ говорилъ живо и обнаруживалъ полное присутствіе ума. На вопросъ, предложенный г. Б—мъ, можетъ-ли онъ еще жевать, старикъ отвѣтилъ: «Давно я уже потерялъ всѣ зубы, но два года тому назадъ выросъ у меня передній зубъ». Этотъ старикъ разсказалъ, что примѣрно 140 лѣтъ тому назадъ забрели въ Курушъ три русскихъ солдата изъ отряда Петра В., что они остались, жили и умерли въ Курушѣ. «Вы, вѣроятно, дурно съ ними обращались»? спросилъ г. Б. — «Зачѣмъ-же дурно было обращаться съ этими добрыми людьми: прежде мы жали пшеницу у самыхъ колосьевъ, а они выучили насъ жать ее у самаго корня. Развѣ съ такими людьми можно было дурно обращаться»? заключилъ старикъ.—Долговѣчность жителей Куруша обусловливается здоровымъ горнымъ воздухомъ, регулярнымъ образомъ жизни, неупотребленіемъ спиртуозныхъ напитковъ и чистотою нравовъ. Въ этой патріархальной горской общинѣ нѣтъ разврата: мужчина, соблазнившій дѣвушку, былъ-бы убитъ; если-бы дѣвушка, вышедшая за-мужъ, оказалась беременною и если-бы мужъ довелъ объ этомъ до свѣдѣнія жителей, то такой женщинѣ отрѣзали-бы губы, уши и прогнали-бы ее изъ аула. Эти горцы чтутъ свято и право собственности: одинъ курушецъ получилъ сильные побои за то, что загналъ свою лошадь на чужое пастбище. Жители упомянутыхъ горскихъ деревень ведутъ изолированный образъ жизни,—посреди ихъ нѣтъ другой народности. Въ Крызъ только заходятъ иногда разнощики евреи (вѣроятно, изъ близлежащей Кубы, въ которой ихъ много). Выѣхавши изъ Куруша, г. Б. отправился къ сѣверу и, обогнувъ Шалбузъ-дагъ, прибылъ онъ въ Мискинджу. Жители ея укладывали въ огромные сосуды собранный бло-

хоморъ (Pyretrum carneum). 14 іюля (по нов. стилю) г. Б. прибылъ въ Ахты. Жара была нестерпима, хотя термометръ Р. показывалъ въ тѣни только 19°. Въ Ахтахъ, во время бытности г. Б—ра, разбиралась въ судѣ жалоба 40-лѣтняго карлика на его двухъ братьевъ, уменьшившихъ, при раздѣлѣ отцовскаго наслѣдства, его часть на томъ основаніи, что онъ карликъ.

Выѣхавши изъ Ахтовъ и проѣхавши черезъ красивый мостъ на другой берегъ Самура, г. Беккеръ отправился, черезъ Касумъкентъ, въ Дербентъ, а оттуда въ Астрахань, а потомъ и въ Сарепту.

Вообще статьи г. Беккера заключаютъ въ себѣ не мало свѣдѣній, касающихся Южнаго Дагестана и интересныхъ въ физическомъ и этнографическомъ отношеніи.

Л. З.

СВѢДѢНІЯ

о количествѣ народонаселенія въ г. Закаталахъ и Закатальскомъ округѣ.

	Названіе населенныхъ мѣстностей.	По камеральному описанію 1873 года.								
		Число дымовъ.			Привиллегированныхъ.		Податныхъ.		Вѣроисповѣданія.	
		Привиллегированныхъ.	Податныхъ.	Окладныхъ.	Мужеск.	Женск.	Мужеск.	Женск.	Христіанъ.	Магометанъ.
	Гор. Закаталы. .	—	299	248	—	—	604	475	618	461
	Селенія:									
1	Агчай.........	9	42	39	14	10	110	83	—	217
2	Азгилли	=	28	26	—	—	56	40	—	96
3	Алибегло.......	—	116	116	—	—	382	358	737	3
4	Алисултанло....	11	10	10	25	17	23	20	—	85
5	Аліабатъ.......	—	703	703	—	—	2109	1937	—	4046
6	Аліаскаръ......	—	29	27	—	—	72	66	—	138
7	Алмало........	7	350	350	14	13	816	683	—	1526
8	Аманло........	—	18	18	—	—	53	37	—	90
9	Амбарчай	8	73	70	21	16	197	171	—	405
10	Амирджанло.....	11	88	88	53	37	209	187	—	486
11	Ашага-Малахъ...	—	65	65	—	—	215	202	—	417
12	Бабало	—	15	15	—	—	36	24	—	60
13	Бай-Ахмедло.....	—	10	10	—	—	23	23	—	46
14	Байдарло	4	47	47	11	13	119	96	—	239
15	Базаръ........	—	97	97	—	—	195	158	—	353
16	Белоканъ.......	13	1065	1057	42	23	2962	2523	—	5550
17	Беюкъ-Лапчь....	—	20	19	—	—	45	49	—	94
18	Верхіанъ	—	246	246	—	—	895	885	—	1780
19	Гогамъ	9	183	170	23	23	439	403	—	888
20	Гозбарахъ......	—	28	92	—	—	215	178	—	393
21	Гюллюкъ.......	2	354	330	6	10	762	614	—	1392
22	Дагмедагильды ..	1	60	60	4	5	169	172	—	350
23	Дайкентъ	—	13	13	—	—	30	35	—	65
24	Дардохказъ	—	41	34	—	—	99	99	—	198
25	Джалапръ......	5	43	43	7	6	105	86	—	204

26	Джары........	21	720	695	61	49	1832	1654	—	3596
27	Елису........	6	383	383	17	16	1287	1133	—	2453
28	Енгіанъ........	—	79	79	—	—	211	189	3	397
29	Загамъ........	—	97	97	—	—	380	323	20	683
30	Зарпа........	—	115	115	—	—	417	334	—	751
31	Ибахло........	3	31	31	6	9	95	94	—	204
32	Ити-Тала......	—	63	63	—	—	162	139	—	301
33	Казмаляръ......	15	35	35	39	46	113	96	—	294
34	Кайсарло.......	—	18	18	—	—	70	56	—	126
35	Калалъ........	—	94	88	—	—	191	137	—	328
36	Кандахъ........	—	136	136	—	—	413	347	—	760
37	Капанахчи......	—	61	60	—	—	150	153	—	303
38	Карабалдуръ...	—	74	74	—	—	179	156	—	335
39	Карагаджило....	2	88	82	4	4	215	177	—	400
40	Кара-Тала......	3	8	8	7	3	27	18	—	55
41	Каркай........	—	59	57	—	—	190	143	—	333
42	Касъ..........	—	45	45	—	—	149	124	—	273
43	Каталъ-Парахъ.	—	5	4	—	—	15	8	—	23
44	Катехи........	8	486	462	20	19	1262	1041	—	2342
45	Кахъ-ингилой...	—	268	268	—	—	1008	1050	2058	—
46	Кахъ-мугалъ...	27	168	168	72	69	520	420	—	1081
47	Кашкачай.......	5	142	139	13	17	141	380	—	851
48	Кетукло-ингилой	—	32	32	—	—	97	87	184	—
49	Кипчахъ.......	8	74	72	14	20	211	172	—	417
50	Кичикъ-Ланчь..	—	145	136	—	—	326	291	—	617
51	Ковахчоль......	3	384	384	4	2	1117	995	—	2118
52	Кораганъ - ингилой..........	—	58	57	—	—	174	151	325	—
53	Кораганъ мусульманъ.....	—	59	59	—	—	184	218	—	402
54	Кумуръ........	—	184	173	—	—	362	291	—	653
55	Кумъ..........	—	257	245	—	—	553	547	—	1100
56	Кюрдемуръ.....	1	33	33	5	7	66	58	—	136
57	Кяндыргяло	—	24	23	—	—	49	43	—	92
58	Лякитъ........	—	137	136	—	—	402	325	—	727
59	Лякитъ-Малахъ..	—	21	21	—	—	68	42	—	110
60	Лякитъ-Кетукло.	—	41	41	—	—	127	84	—	211
61	Ляляло	—	106	104	—	—	210	230	—	440
62	Ляля-Паша.....	—	35	35	—	—	93	83	—	176
63	Мамрухъ.......	—	100	93	—	—	251	183	—	434
64	Марсалъ.......	—	69	69	—	—	171	168	—	339
65	Мацехи........	2	181	177	5	1	469	392	—	1050
66	Мешабашъ.....	—	22	22	—	—	54	55	109	—
67	Мусулъ........	—	244	239	—	—	649	575	—	1224
68	Муганло	1	237	228	1	2	563	474	—	1040
69	Мухахъ........	1	741	709	1	—	1620	1400	—	3021
70	Онджало.......	1	34	34	1	2	89	69	—	161

71	Падаръ.........	1	28	28	1	3	49	54	—	107
72	Сацунчи.......	—	150	149	—	—	345	303	—	648
73	Сарубашъ......	2	113	113	8	4	442	406	—	860
74	Сувагиль.......	—	255	255	—	—	707	601	—	1308
75	Сумайло.......	—	44	42	—	—	98	93	—	191
76	Сускентъ.......	—	27	26	—	—	86	68	—	154
77	Талы..........	27	1288	1257	69	79	3169	2616	—	5933
78	Тангитъ........	—	20	18	—	—	58	65	—	123
79	Тасмало........	—	93	93	—	—	304	276	11	569
70	Узунъ-Тала....	—	10	9	—	—	26	21	—	47
81	Фальцарло......	—	125	121	—	—	280	244	—	524
82	Фистыхло......	—	46	44	—	—	96	69	—	165
83	Чардахло.......	—	470	451	—	—	1258	1187	—	2445
84	Чобанколь......	—	157	157	—	—	382	335	—	717
85	Чудуло.........	—	78	77	—	—	208	160	—	368
86	Шамбулъ.......	—	33	33	—	—	74	66	—	140
87	Шихляръ......	—	29	27	—	—	68	59	—	127
88	Шатоваръ......	—	51	50	—	—	157	165	—	322
89	Юхари-Малахъ..	—	50	50	—	—	161	128	—	389
	Итого...	217	13204	12974	568	525	35535	31132	3436	64324

Численность и племенной составъ горскаго населенія Терской области въ 1875 году.

	муж. пола.	женск. пола.	итого.
1. ЧЕЧЕНЦЫ.			
Г. Владикавказъ	12	4	16
,, Грозный	39	40	79
Грозненскій округъ	43773	43855	87628
Аргунскій округъ	13909	14146	28055
Веденскій округъ	11843	11591	23434
Всего	69576	69636	139212
2. ИНГУШИ.			
Г. Владикавказъ	59	15	74
Владикавказскій округъ	16978	16279	33257
Всего	17037	16294	33331
3. ОСЕТИНЫ.			
Г. Владикавказъ	209	125	334
,, Пятигорскъ	15	—	15
,, Моздокъ	840	386	1226
Владикавказскій округъ	29239	26484	55823
Всего	30403	26995	57398
4. КАБАРДИНЦЫ.			
Г. Владикавказъ	8	2	10
,, Пятигорскъ	12	—	12
,, Моздокъ	720	411	1133
Пятигорскій округъ	39696	37958	77654
Всего	40436	38371	78807
5. КУМЫКИ.			
Г. Владикавказъ	55	17	72
,, Пятигорскъ	22	—	22
,, Грозный	15	—	15
Владикавказскій округъ	2097	1948	4045
Хасавъ-Юртовскій округъ	23232	20606	43838
Всего	25421	22571	47992

6. НОГАЙЦЫ И КАРАНОГАЙЦЫ.			
Г. Моздокъ	359	214	603
,, Пятигорскъ	32	20	52
Пятигорскій округъ	6	—	6
Хасавъ-Юртовскій округъ	3748	3888	7606
Всего...	4145	4122	8267
7. КАЛМЫКИ.			
Грозненскій округъ	898	753	1651
Пятигорскій округъ	6	4	10
Всего...	904	757	1661
8. ГОРСКІЕ ЕВРЕИ.			
Хасавъ-Юртовскій округъ	666	624	1290
Пятигорскій округъ	286	313	599
Владикавказскій округъ	10	4	14
Грозненскій округъ	4	1	5
Всего...	966	942	1908

Итого туземнаго (горскаго) населенія въ Терской области считалось въ 1875 году: мужескаго пола 188,878, женскаго—179,648, а всего 368,526 душъ.

Примѣчаніе. Приведенныя свѣдѣнія взяты нами изъ трудовъ Терскаго областнаго статистическаго Комитета, обнародованныхъ въ «Терскихъ Вѣдомостяхъ» (1876 г. № 41). Но приводя эти свѣдѣнія, какъ единственныя для опредѣленія численности горскаго населенія Терской области, не можемъ умолчать, что не считаемъ ихъ достаточно полными. Напр., нельзя не замѣтить, что въ числѣ горцевъ области не упомянуты *салатавцы* (аварское общество Салатау). *Ред.*

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

„Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ“ издается по слѣдующей программѣ:

I. Научныя изслѣдованія, касающіяся кавказскихъ горцевъ.

II. Народныя сказанія кавказскихъ горцевъ.

III. Путешествія, мемуары и разсказы, характеризующіе бытъ горцевъ.

IV. Горская лѣтопись (важнѣйшія распоряженія по горской администраціи; современныя статистическія свѣдѣнія о горцахъ; библіографія сочиненій, касающихся горскаго быта; разнаго рода текущіе вопросы и замѣтки, разъясняющія настоящее положеніе горцевъ; извлеченія изъ дѣлъ Кавказскаго Горскаго Управленія и пр.).

„Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ“ выходитъ въ свѣтъ выпусками, отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ каждый, въ неопредѣленные сроки, по мѣрѣ накопленія научно-литературнаго матеріала, удовлетворяющаго программѣ изданія.

За статьи, признанныя удобными къ помѣщенію въ „Сборникѣ“, назначается гонораріи, по уговору съ авторомъ, полагая за капитальныя статьи по 50 и болѣе руб. отъ печатнаго листа.

Статьи, предназначаемыя для „Сборника“, равно и всѣ сношенія по редакторской части изданія, просятъ адресовать въ Тифлисъ, въ Кавказское Горское Управленіе, на имя редактора „Сборника“, Н. И. Воронова.

Содержаніе вышедшихъ въ свѣтъ книгъ „Сборника свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ“:

I-й выпускъ.

Приложеніемъ къ I-му выпуску служитъ *Карта земель горскаго населенія, состоящаго въ военно-народномъ управленіи.*



II-й выпускъ.

I. Начало христіанства въ Закавказьѣ и на Кавказѣ, *П. У.*
II. Ученіе „Зикръ" и его послѣдователи въ Чечнѣ и Аргунскомъ округѣ, *А. П. Ипполитова.*
III. Ученіе о тарикатѣ:
1) Адабуль-Марзія, соч. шейха *Джемалэддина Казикумухскаго*, перев. съ арабскаго: а) Отъ редакціи; б) Предисловіе къ рукописному сочиненію Джемалэддина о тарикатѣ, сеида *Абдурахмана*; в) Адабуль-Марзія и г) Послѣсловіе отъ переписчика.
2) Тарикатскія легенды, поученія и письма (перев. съ арабскаго и татарскаго).
IV. Матеріалы для исторіи Дагестана:
1) Казикумухскіе и Кюринскіе ханы (съ приложеніями и родословною таблицею), *А. К.*
2) Мехтулинскіе ханы (съ родословною таблицею).
V. Народныя сказанія кавказскихъ горцевъ (Аварскія народныя сказанія, а) Нѣсколько словъ объ аварцахъ, *Н. В.*; б) Сказки и басни, собранныя и переведенныя съ аварскаго *Айдемиромъ Чиркеевскимъ*).
VI. Этнографическіе очерки:
1) Свадьба въ горскихъ обществахъ Кабардинскаго округа, *Н. Ф. Грабовскаго.*
2) Воспоминанія муталима (окончаніе), *Абдуллы Омарова.*
VII. Горская лѣтопись:
1) Устройство поземельнаго быта горскихъ племенъ Сѣвернаго Кавказа, *П. А. Гаврилова.*
2) Научное извѣстіе (Грамматическія и филологическія изслѣдованія Хюркилинскаго языка, П. К. Услара), *Н. В.*



III-й выпускъ.

IV-й выпускъ.

I. Изслѣдованія и матеріалы:

1) Очеркъ суда и уголовныхъ преступленій въ Кабардинскомъ округѣ, *Н. Ф. Грабовскаго.*

2) Природа и люди Закатальскаго округа, *А. И. Фонъ-Плотто.*

3) Матеріалы для древней исторіи осетинъ, *П.*

4) Истинные и ложные послѣдователи тариката, *Мугеддина Магомедъ-Ханова* (переводъ съ арабскаго, съ предисловіемъ, *А. Омарова*).

5) Ичкерія (историко-топографическій очеркъ), *И. М. Попова.*

II. Народныя сказанія кавказскихъ горцевъ:

Изъ чеченскихъ сказаній: а) Нѣсколько словъ о герояхъ въ ингушевскихъ сказаніяхъ, *Ч. Ахріева*; б) чеченскія сказки, басни и пословицы.

III. Этнографическіе очерки:

1) Какъ живутъ лаки, *Абдуллы Омарова.*

2) Свадьба у сѣверныхъ осетинъ, *Джантемира Шанаева.*

IV. Горская лѣтопись:

1) Извлеченіе изъ отчета объ осмотрѣ казенныхъ свободныхъ земель нагорной полосы между рр. Тебердой и Лабой (съ картою).

2) Нѣсколько словъ о примѣненіи народныхъ обычаевъ къ судопроизводству Абхазіи.

3) Замѣтка о карачаевскихъ адатахъ по долговымъ обязательствамъ, *Н. Г. Петрусевича.*

4) Изъ горской криминалистики (криминальные случаи: а) изъ дѣлъ Полеваго Аудиторіата и б) изъ дѣлъ Кавказскаго Горскаго Управленія).

5) Борьба съ леопардомъ, *Н. Г. Петрусевича.*

V-й выпускъ.

I. Изслѣдованія и матеріалы:

1) Дагестанскія лѣтописи. I. Извлеченіе изъ исторіи Дагестана, составленное Мухаммедомъ-Рафи, съ предисловіемъ *П. У.*

2) Кавказско-горскія письмена (съ 4-мя таблицами), *Л. П. Загурскаго.*

3) Матеріалы для исторіи Осетинъ, гл. VI—XXXVI, *В. Б. Пфафа.*

II. Народныя сказанія кавказскихъ горцевъ:

1) Осетинскія народныя сказанія: а) Нѣсколько словъ отъ собирателя и б) Нартовскія сказанія, *Джантемира Шанаева.*

2) Изъ Чеченскихъ сказаній, *Чаха Ахріева.*

3) Изъ Кабардинскихъ сказаній о Нартахъ, съ предисловіемъ отъ собирателя.

III. Этнографическіе очерки:

1) Религіозныя вѣрованія Абхазцевъ (съ рисункомъ), *А—а.*

2) Ингушевскіе праздники, *Чаха Ахріева.*

IV. Горская лѣтопись:

1) Полемика Дагестанскихъ ученыхъ по вопросу объ отчужденіи собственности по *назру* (обѣту), съ предисловіемъ.

2) Освобожденіе зависимыхъ сословій въ Сухумскомъ Отдѣлѣ (Абхазіи и Самурзакани).

3) Статистическія свѣдѣнія о кавказскихъ горцахъ, состоящихъ въ военно-народномъ управленіи.

VI-й выпускъ.

VII-й выпускъ.

I. Изслѣдованія и матеріалы:

1) Сказаніе очевидца о Шамилѣ, *Гаджи-Али* (переводъ съ арабскаго).

2) Бывшее Елисуйское султанство (съ картою), *И. П. Линевича.*

3) Нѣсколько данныхъ для опредѣленія экономическаго быта жителей Елисуйскаго наибства, Закатальскаго округа, ***.

4) Присяга по обычному праву осетинъ, *Джантемира Шанаева.*

5) Адаты Даргинскихъ обществъ.

II. Народныя сказанія кавказскихъ горцевъ:

1) Изъ осетинскихъ народныхъ сказаній: а) Нартовскія сказанія (два варіанта о Сосрыко — О томъ, какъ великанъ поймалъ Урызмага—Нарты и Сырдонъ—Гатагъ и его сыновья—Хатагъ-Барагъ), *Дж. Шанаева;* б) Сказаніе о св. Уастырджи, *Гуцыра Шанаева.*

2) Даргинскія сказанія о Муллѣ Насрэддинѣ, *М. Амирова.*

III. Этнографическіе очерки:

Среди горцевъ Сѣвернаго Дагестана (изъ дневника гимназиста), *Гаджи-Мурада Амирова.*

IV. Приложенія:

1) Преданія Адаевцевъ о святыхъ, секты Ханафіе, жившихъ и умершихъ на Мангышлакѣ; 2) Воззваніе Мухаммедъ-Сафы къ Адаевцамъ въ 1870 г.; 3) Разсказъ и стихи Тюркменскаго пѣвца Нури (съ острова Челекеня), 1870 г.; 4) О многочисленности и могуществѣ Уруса и 5) Киргизская пѣсня,—собр. и перев. *А. К.*

VIII-й выпускъ.

IX-й выпускъ.

I. Изслѣдованія и матеріалы:

1) Характеристическія особенности кавказскихъ языковъ. Изъ посмертныхъ сочиненій *П. К. Услара.*

2) Ингуши (ихъ жизнь и обычаи), *Н. Ф. Грабовскаго.*

3) Присоединеніе къ Россіи Кабарды и борьба ея за независимость, *его-же.*

II. Народныя сказанія кавказскихъ горцевъ:

Изъ осетинскихъ сказаній о Нартахъ: 1) Сказаніе о нартѣ Хамыцѣ, бѣломъ зайцѣ и сынѣ Хамыца — Батразѣ; 2) О нартѣ Урызмагѣ и Уарп-Алдарѣ; 3) О сынѣ знаменитаго богатыря—борца Аслана—Каурбекѣ,—*Гацыра Шанаева.*

III. Этнографическіе очерки:

1) Суевѣрія и предразсудки у осетинъ, *Б. Гатіева.*

2) Горцы-переселенцы, *Инала Канукова.*

IV. Горская лѣтопись:

1) Статистическія свѣдѣнія о населенныхъ мѣстахъ Западнаго Дагестана.

2) Поѣздки г. Беккера по Южному Дагестану, *Л. З.*

3) Свѣдѣнія о количествѣ народонаселенія въ Закатальскомъ округѣ.

4) Численность и племенной составъ горскаго населенія Терской области.

Желающіе пріобрѣсти вышедшія книги „Сборника свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ" благоволятъ обращаться въ Кавказское Горское Управленіе или въ книжные магазины гг. Беренштама и Вартанова, въ Тифлисѣ.

Цѣна каждаго выпуска „Сборника" *два* руб. Цѣна Карты земель горскаго населенія *пятьдесятъ* коп. За пересылку по почтѣ плата особо.



